ОРГКОМИТЕТ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ ВСЕГО АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА, РАБОТАВШЕГО ПО ЗАДАНИЮ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ „ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ" НАД КНИГОЙ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО КАНАЛА им. СТАЛИНА,

ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ КНИГУ
XVII СЪЕЗДУ
ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

ЭТОЙ КНИГОЙ ОРГКОМИТЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РАПОРТУЕТ XVII СЪЕЗДУ ПАРТИИ О ГОТОВНОСТИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СЛУЖИТЬ ДЕЛУ БОЛЬШЕВИЗМА И БОРОТЬСЯ СВОИМИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ЗА УЧЕНИЕ ЛЕНИНА–СТАЛИНА, ЗА СОЗДАНИЕ БЕСКЛАССОВОГО, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

КАНАЛ
ИМЕНИ
СТАЛИНА

И. Сталин

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ КАНАЛ

ИМЕНИ СТАЛИНА

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. ГОРЬКОГО

Л. АВЕРБАХА

С. ФИРИНА

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ"

За текст книги отвечают все авторы. Они помогали друг другу, дополняли друг друга, правили друг друга. Потому указание индивидуального авторства было нередко затруднительным. Мы указываем здесь авторов основных частей, вошедших в ту или иную главу, еще раз напоминая, что действительным автором всей книги является полный состав работавших над историей Беломорско-балтийского канала имени Сталина

Л. Авербах
Б. Агапов
С. Алымов
А. Берзинь
С. Буданцев
С. Булатов
Е. Габрилович
Н. Гарнич
Г. Гаузнер
С. Гехт
К. Горбунов
М. Горький
С. Диковский
Н. Дмитриев
К. Зелинский
М. Зощенко
Вс. Иванов
Вера Инбер
В. Катаев
М. Козаков
Г. Корабельников
Б. Лапин
А. Лебеденко
Д. Мирский
Л. Никулин
В. Перцов
Я. Рыкачев
Л. Славин
А. Тихонов
А. Толстой
К. Финн
З. Хацревин
В. Шкловский
А. Эрлих
Н. Юргин
Бруно Ясенский

АНОТАЦИЯ

История строительства Беломорско-балтийского канала им. Сталина, осуществленного по инициативе тов. Сталина под руководством ОГПУ, силами бывших врагов пролетариата.

Яркие примеры исправительно-трудовой политики советской власти, перековывающей тысячи социально-опасных людей в сознательных строителей социализма.

Героическая победа коллективно организованной энергии людей над стихиями суровой природы севера, осуществление грандиозного гидротехнического сооружения.

Типы руководителей стройки — чекистов, инженеров, рабочих, а так же бывших контрреволюционеров, вредителей, кулаков, воров, проституток, спекулянтов, перевоспитанных трудом, получивших производственную квалификацию и вернувшихся к честной трудовой жизни.

Книга представляет собой коллективный труд 36 писателей.

ГЛАВА

1

ПРАВДА СОЦИАЛИЗМА

БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ
ОТ БАЛТИЙСКОГО ДО БЕЛОГО МОРЯ

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА

Глава первая

ПРАВДА СОЦИАЛИЗМА

УЖЕ ДЕСЯТЬ лет партия большевиков, воплощение разума и воли пролетариата Союза социалистических советских республик, — без Владимира Ильича Ленина в ее мощной, изумительно продуктивной работе. Ушел гениальный возбудитель революционного самосознания рабочего класса, но с каждым годом революционная, культурно-хозяйственная работа партии Ленина обогащает в прошлом полудикую крестьянскую страну грандиозными результатами ее руководства, и с каждым годом все ярче вскрывается объем и значение организаторской работы Ильича, изумительная смелость его мысли, безошибочность расчетов и редкий дар предвидения будущего.

Великий человек, которого карлики именовали «фантазером» и, ненавидя, пошло высмеивали, — этот великий человек становится все величавее. Из всех «великих» всемирной истории Ленин — первый, чье революционное значение непрерывно растет и будет расти.

Так же непрерывно и все быстрее растет в мире значение Иосифа Сталина, человека, который, наиболее глубоко освоив энергию и смелость учителя и товарища своего, вот уже десять лет достойно замещает его на труднейшем посту вождя партии. Он глубже всех других понял: подлинно и непоколебимо

революционно-творческой может быть только истинно и чисто пролетарская, прямолинейная энергия, обнаруженная и воспламененная Лениным. Отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который умеет тонко разбираться в сложности качеств людей и, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно бороться против тех, которые мешают первым развиться до предельной высоты, — поставили его на место Ленина.

Пролетариат Союза советов горд и счастлив тем, что у него такие вожди, как Сталин и многие другие верные последователи Ильича.

*

К числу подвигов «чести и славы», подвигов «доблести и геройства», уже обычных в нашей стране, присоединено создание Беломорско-балтийского водного пути.

Это одна из наиболее блестящих побед коллективно организованной энергии людей над стихиями суровой природы севера. В то же время — это отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата-диктатора и советской общественности в квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже в энтузиастов государственно-необходимого труда. Быстрая победа над враждебной людям природой, совершенная дружным натиском тысяч разнородных, разноплеменных единиц, — изумительна, но еще более изумительна победа, которую одержали над собой люди, анархизированные недавней, звериной властью самодержавного мещанства.

Принятая Государственным политуправлением исправительно-трудовая политика, сведенная в систему воспитания проповедью единой, для всех спасительной правды социализма и воспитания общественно-полезным трудом, — еще раз блестяще оправдала себя. Она была оправдана и раньше в многочисленных трудовых колониях и коммунах ГПУ, но эту систему «перековки» людей впервые применили так смело, в таком широком объеме.

Пролетариат-диктатор еще раз получил неоспоримое право заявить: я борюсь не для того, чтоб убить, как это делает буржуазия, а для того, чтоб воскресить трудовое человечество к новой жизни, я убиваю только тогда, когда уже нет возможности вытравить из человека его древнюю привычку питаться плотью и кровью людей.

О процессе оздоровления социально-больных и «опасных» людей рассказывают сами они в этой книге. Но о многом, что

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ СОЮЗА ССР РАБОТНИКОВ, ИНЖЕНЕРОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО КАНАЛА ИМЕНИ ТОВ. СТАЛИНА

Центральный исполнительный комитет Союза ССР, рассмотрев представление Совета народных комиссаров Союза ССР о награждении орденами Союза ССР наиболее отличившихся работников, инженеров и руководителей Беломорстроя, постановляет:

Наградить орденом ЛЕНИНА:

1. ЯГОДУ Генриха Григорьевича — зам. председателя ОГПУ Союза ССР.

2. КОГАНА Лазаря Иосифовича — начальника Беломорстроя.

3. БЕРМАНА Матвея Давыдовича — начальника Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ.

4. ФИРИНА Семена Григорьевича — начальника Беломорско-балтийского исправительно-трудового лагеря и зам. начальника Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ.

5. РАПОПОРТА Якова Давыдовича — зам. начальника Беломорстроя и зам. начальника Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ.

6. ЖУКА Сергея Яковлевича — зам. главного инженера Беломорстроя, одного из лучших и добросовестных инженеров, своим исключительным знанием дела и огромной трудоспособностью обеспечившего качественное выполнение проектных работ.

7. ФРЕНКЕЛЯ Нафталия Ароновича — ном. начальника Беломорстроя и начальника работ (совершившего в свое время преступление против государства и амнистированного ЦИК Союза ССР в 1932 году со снятием судимости), с момента начала работ на Беломорстрое и до конца обеспечившего правильную организацию производства работ, высокое качество сооружений и проявившего большое знание дела.

8. ВЕРЖБИЦКОГО Константина Андреевича — зам. главного инженера строительства (был осужден за вредительство по статье 58-7 и освобожден досрочно в 1932 году), одного из крупных инженеров, наиболее добросовестно относившегося к порученным ему работам.

Председатель Центрального исполнительного
комитета Союза ССР М. КАЛИНИН

Секретарь Центрального исполнительного
комитета Союза ССР А. ЕНУКИДЗЕ

Москва, Кремль, 4 августа 1933 г.

пережито ими, они еще не в силах рассказать по очень простой, чисто технической причине: им нехватает запаса слов, достаточного для оформления разнообразных и сложных процессов «перековки» их чувств, мыслей, привычек.

Они все единодушно говорят, что основным и первоначальным толчком к их перерождению служило простое, человеческое отношение к ним со стороны организаторов работы, представителей ГПУ, гвардии пролетариата, людей железной дисциплины и той поразительной душевной сложности, которая дается лишь в результате тяжелого и широкого житейского опыта, в результате длительного общения с «социально-опасными», с бессознательными и сознательными врагами пролетариата.

Что еще, кроме человеческого отношения к себе, могли видеть «каналоармейцы», и о чем еще они не умеют рассказать?

Им показано было, что, вот, они, маленькие люди, обитатели «шалманов», где их грабят, будучи коллективно организованы на бой против каменного упорстза природы, могут быстро побеждать ее сопротивление целям пролетариата, изменяющего мир. Романтизм, всегда свойственный пасынкам и отщепенцам общества, — кто бы они ни были по ремеслу и по «сословию» — это болезнь, вызванная обидами и оскорблениями. По той или иной причине общество «благоразумных» мещан оттолкнуло одну из единиц своих и этим поставило человека лицом к лицу с его «я». Нужно обладать хорошим запасом самоуважения для того, чтоб не унизиться до мелкой мести полуидиотам, и нужно уметь думать для того, чтоб найти общую и единую причину всех обид, оскорблений и несправедливостей, которыми так позорно богата мещанская жизнь. Но мещанство не может воспитать в человеке самоуважения, ибо хотя все мещане — «хозяева», но в классовом обществе каждый человек неизбежно чей-нибудь лакей. Мещанство не учит думать, а учит верить в то, чему непрерывно противоречит всей своей житейской практикой. Если человек, которого оттолкнули к его «я» и этим актом втиснули в «самого себя», обладает более или менее сильным характером, он весьма легко начинает чувствовать себя не только исключенным, а исключительным человеком, героем. Вот — «я», а вот — мир, в котором для меня нет места, значит мир — враг мой. На этот простенький мотив написана вся крикливая и наивная музыка философов анархизма.

Это конечно романтизм высокого порядка, «первого сорта». В большинстве случаев дело объясняется проще: некоторые полагают, что выгоднее быть ворами, чем лакеями. Иные становятся «врагами общества» потому, что мещанская жизнь —

скучна, нищенски сера, потому, что противоречие между безумием богатых и кретинизмом нищеты слишком очевидно и оскорбительно.

У многих естественный романтизм юности перерождается в злой и анархический романтизм отчаяния и озверения — в бандитизм. Если моя «жизнь — копейка», почему ваша стоит дороже — две копейки?

Слишком часто богатый ничтожнее бедного, и всегда, несмотря на его идиотскую суету погони за наживой, ясно видишь, что он — дармоед. Вообще же причины фабрикации «социально-опасных» буржуазным обществом настолько многообразны и — часто — настолько мелки, что не поддаются учету и объяснению. Романтизм «правонарушителей» наблюдается не только в формах их общения друг с другом, но чрезвычайно наглядно отражен в их песнях.

Включенный в атмосферу целесообразной, великой работы для всех и для него анархист-правонарушитель не сразу конечно замечает, как его озлобление против людей обращается на борьбу с камнем, болотом, рекой. Но все же он довольно быстро начинает чувствовать себя полезным, а почувствовать себя полезным сегодня — это значит признать себя более значительным, чем ты был вчера. Человек воспитан историей как существо трудодейственное, и, будучи поставлен в условия свободного развития его разнообразных способностей, он начинает бессознательно подчиняться основному своему назначению: изменять формы и условия жизни сообразно росту его все более высоких требований, возбуждаемых успехами его же труда. Что еще видели «социально-опасные» на строительстве Беломорско-балтийского водного пути?

В огромном большинстве они явились на работу безграмотными и малограмотными. Они увидали, что от них никто не скрывает тех богатейших возможностей, которые дает человеку образование. Хочешь учиться? Учись. Мало того: ты должен учиться. Они родились и жили в обществе, где распределение разума находилось в руках и воле хозяев, которые обладали правом определять границы умственного роста детей рабочих и крестьян. В этом обществе знание само по себе, как исследующая творческая сила, назначение которой: охранять жизнь, облегчать труд человека, — не высоко ценится. Ценится оно только как путь к свободе хищнической наживы. Командующие жизнью лавочники весьма заинтересованы в количественном росте покупателей, но не очень желают видеть в среде своей критиков их пошленькой, грязненькой, нищенской жизни.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЛЬГОТ УЧАСТНИКАМ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО КАНАЛА ИМЕНИ ТОВ. СТАЛИНА

В связи с успешным окончанием строительства Беломорско-балтийского канала имени тов. Сталина, сооружения, имеющего огромное народнохозяйственное значение, и передачей канала в эксплоатацию,— Центральный исполнительный комитет Союза ССР

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Принять к сведению, что к моменту окончания строительства Беломорско-балтийского канала имени тов. СТАЛИНА органами ОГПУ Союза ССР уже полностью освобождены от дальнейшего отбывания мер социальной защиты 12484 человека, как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства, и сокращены сроки отбывания мер социальной защиты в отношении 59516 человек, осужденных на разные сроки и проявивших себя энергичными работниками на строительстве.

2. За самоотверженную работу на строительстве Беломорско-балтийского канала имени тов. СТАЛИНА снять судимость и восстановить в гражданских правах 500 человек по представленному ОГПУ Союза ССР списку.

3. Поручить ОГПУ Союза ССР обеспечить дальнейшее поднятие квалификации в строительном деле наиболее талантливых работников из числа бывших уголовников-рецидивистов и при поступлении их в учебные заведения обеспечить стипендией.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР М. КАЛИНИН

Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР А. ЕНУКИДЗЕ

Москва, Кремль, 4 августа 1933 г.

На Беломорском канале полуграмотные люди учились понимать правду у людей своего класса, понявших ее. Это давало поразительно богатые результаты. Полуграмотные люди видели, что рядом с ними работают ученые старики и пожилые инженеры, враги рабочего класса, и видели, как эти умные, образованные люди — враги — превращаются в энергичнейших сотрудников рабочих, действуют «ударно», не щадя своих сил, и действуют «за совесть», а не «за страх». Сотни социально-больных и «опасных» записывались в бригады ударников, становились каналоармейцами, лично и сознательно заинтересованными в успехе дела.

Там было порядочное количество деревенских кулаков. Многие из них тоже хорошо работали. Вначале их побуждало к этому гордое сознание ими своей значительности в мире; они — «хозяева», они должны показать «воришкам», как умеет и может работать «настоящий» человек, «хозяин». Но вскоре эта гордость уступила место чему-то другому, что едва ли было понятно и самому «кулаку». Являясь к начальнику работ, он деловито говорил ему: наказан он за то, что скрыл хлеб и соседям советовал скрывать. На допросе, после ареста, он не сознавался в этом, теперь — сознается: скрыл! И подробно рассказывает, где и сколько спрятано хлеба им, сколько и где спрятали односельчане.

Это были наиболее «трудновоспитуемые» люди. В сопротивлении законным требованиям государства они доходили до мрачной жестокости. Один из них, спрятав 450 пудов зерна, допустил умереть от голода двух детей своих и жену, и сам отощал до полусмерти. Но и в этих полулюдях, идолопоклонниках частной собственности, правда коллективного труда пошатнула зоологическое индивидуальное. Вот как рассказывал о своем отрезвлении один из «хозяев», владелец хутора:

«Я — житель тех годов, когда начальство по морде било и за вину, и для забавы, для оказательства силы. В 902 году губернатор Оболенский в нашей деревне пятого порол, так я тоже в пятых оказался. В 906 тоже попало маленько, да в тюрьме повалялся четыре месяца. Пришла думка: нехай люди живут, як хочут, — буду жить, як можу! В гражданску войну у меня хутор был, волов три пары, две — мои, одна — братова, а он — в партизаны ушел, да и пропал. Кони были, было трое австрияков нашей речи, пленники с Галичины. Наскочили белые, бычка зарезали, коней свели. Красные пришли — кроме хлеба ничего не взяли, а хлеба у меня богато было. Потом — снова белые, а за ними — немцы. Ну, прямо скажу, немцы разорили все мое хозяйство так, что я даже удавиться хотел. Кончилась война, приложил руки к делу — за четыре года обжился не плохо. Левизором был в сельсовете,

общественной работы не бегал, кооператив, там, али что... Начались колхозы. В 29 году оказалось, что я советской власти противник, враг. Заарестовали. На допросе все — гражданин, да гражданин. Нехай, думаю! Умасливают, чтоб не скрипел. Хлопец один ткнул меня в шею, — начальник ему три дня ареста назначил. Может и не посадил, а — только для политики. Ну, я думаю по-своему: ты меня побей, а хозяйства моего — не тронь! При царе — хозяйства не трогали. Да. Вот и попал за охрану хозяйства. Что ж, работаю не хуже других, две премии получил, сокращение срока обещают за обучение хлопцев плотничьей работе. Обучать я — способный. Ну, здесь конечно вижу, что ежели у меня свой хутор, так — на кой мне хрен канал этот? И понимаю, что ежели все хозяева будут эдак думать — придется им на немца робить, або еще на кого чужого. Вот, перевелся сюда, на Москву, канал строить. Плотничья работа — спокойнее, а к земле — не вернусь, в колхозе я — не работник, а на какой-нибудь своей десятине — тоже радости не найдешь, лучше в носе пальцем ковырять».

Начались мотивы перерождения, иногда весьма похожие на комический анекдот: кругленький, румяный человечек весело говорит:

«Дома — живот у меня болел, заелся я, что ли, кишки ожирели, чего ни поем — все назад! Года полтора одним молоком питался да кашей, а и то — резь в кишках, будто стекла покушал. Злой стал, житья никому нет со мной, прямо — с ума схожу, да и — все! Со зла и накуралесил немножко, селькора побил, а он донес на меня, будто я одного парнишку договаривал колхозное сено поджечь. Действительно, сено-то подожгли, только не тот, кого я будто бы подкупал, а — неизвестный, ну и подумали на самого меня. Вот, значит, тюрьма, лагерь, а потом — на канал отправили. А я — просто умираю, так болит животишко. Однако на канале начал я кушать, прямо — как бедный! И вижу — все лучше мне, а потом и вовсе ничего! Ну и работать стал соответственно здоровью. Работать я — любитель. Я еще в лагере приметил, что кто хочет — того учат. Начальники конечно работу требуют строго, ну, однако, объясняют все смыслы дела. Сел учиться, грамотен я был кое-как, читал газету с трудом, а понимал из десятка слов половину, да и то не так, как надо. Теперь читаю без запинки, вроде как мне другие глаза вставили. Получил понимание жизни. Молодой, я с Махном немножно гулял, там тоже балакали, что надобно переделать жизнь на иной лад. Говорить-то говорили, а на деле — грабеж да пьянство. Здесь руководителя — другого направления, — одеты офицерами, а живут, как монахи: пьяными их не видно, с девицами не хороводятся, а девицы да бабенки здесь такие, что взглянешь и — хоть молись: пронеси господи мимо

меня чашку сию! Да-а. Здесь на другое настраивают, строго, деловито, даже душа радуется: знают люди, почем сотня гребешков! И все, ведь, молодежь! Такое дело развернули, что на нем себя забыть — не диво!»

Таких рассказов можно бы подслушать сотни. Все они говорят о том, что даже некоторые из закоренелых собственников, работая на Беломорско-балтийском водном пути, оказались способными «забыть себя» и понять «государственные смыслы» работы, ее экономическую общеполезность, ее значение для обороны против внешнего врага, хотя к этому пониманию привела их, как видно, психика «хозяев».

Инстинктивные «супротивники» хозяев, нарушители «священного права собственности», приходили к пониманию смысла работы потому, что она открывала перед ними все пути к оздоровлению и развитию их способностей, давала им трудовую квалификацию, возвращала утраченные права граждан Союза социалистических советов.

Они поняли больше «хозяев», поняли, что участвуют в деле создания такого строя, который обеспечивает людям свободу умственного роста.

И вот в результате двадцатимесячной работы страна получила несколько тысяч квалифицированных строителей, которые прошли школу суровой дисциплины, вылечились от гнилостного отравления мещанством — от болезни, которой страдают миллионы людей и которая может быть навсегда уничтожена только «делом чести и славы», подвигами «доблести и геройства» — честной и гордой работой строительства первого в мире социалистического общества.

*

Говорят, что на некоторых фабриках и заводах «имели место» случаи американско-мещанского пошленького отношения «настоящих» рабочих к бывшим «социально-опасным». Будто бы «настоящие» рассматривают каналоармейцев, как людей «низшей расы», как стопроцентные американцы — негров. Если это — так, это более чем постыдно для рабочих Союза социалистических советов, и это не может быть объяснено не чем иным, как только идиотически мещанским чванством. Чванство — скверненькая болезнь и требует очень серьезного лечения. Говорят, что в некоторых случаях факты этого чванства можно объяснить очень просто: приходит на завод или на фабрику группа отлично вышколенных каналоармейцев-ударников и, присмотревшись к работе еще не пролетариев, а вчерашних деревенских парней, говорит им:

— Вы, товарищи, работаете плохо, у вас — дисциплины нет, и соревнуетесь вы — «на показ», а не ради успеха работы!

Это очень похоже на правду. Это, разумеется, может вызвать обиду и даже озлобление в людях, которые работают плохо, против людей, которые уже выучены и привыкли работать хорошо, и являются «непрошенными учителями». Это же не чванство, а может быть отражение некоторого, очень существенного психологического различия между благочестивыми потомками «хозяйственных мужичков» и пролетариями, которые за дерзновенное отношение к «хозяйствам» и «хозяевам» весьма много претерпели.

Благочестивым аристократам древних мещанских фамилий следует знать, что даже во времена безответственной самодержавно-царской власти одного человека вешали дважды только в случаях крайне редких. Надо знать и помнить, что бывшим «социально-опасным» возвращены права гражданства и предоставлена свобода труда не «из жалости» к ним, не «христа ради», а как естественная и почетная награда за их трудовые заслуги, за честное и героическое их участие в деле огромного, общегосударственного значения, в деле, необходимом для всех, а в том числе и для тех будто бы коренных, а на деле новых и в заводском котле еще не переваренных «настоящих» рабочих, которые обнаруживают в отношении к ударникам-каналоармейцам идиотический аристократизм.

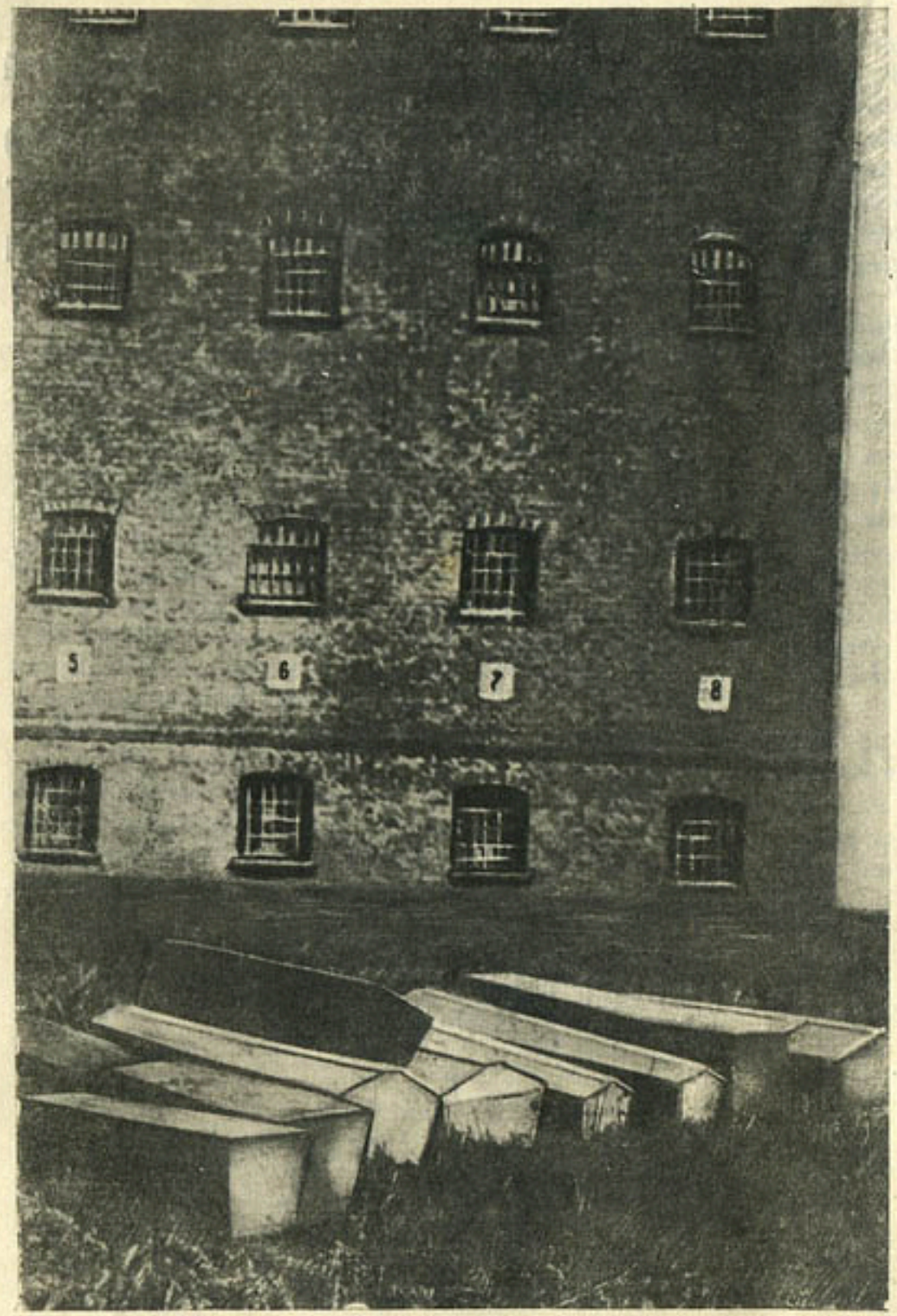
Чванство — скверненькая болезнь и требует серьезного лечения. И хотя больной не обязан знать, как чувствует себя доктор, однако иногда очень полезно расспросить человека, почему он стал доктором? А среди каналоармейцев есть немало таких, которые очень хорошо поняли причины социальных болезней и понимают, как и чем надобно их лечить.

*

ГЛАВА

2

СТРАНА И ЕЕ ВРАГИ

Там, за рубежом, еще держат в такой тюрьме Димитрова и Тельмана, там еще угрожают такой тюрьмой лучшим сынам рабочего класса, там еще намерены превратить в такую тюрьму нашу свободную страну — передовой отряд мировой революции

Глава вторая

СТРАНА И ЕЕ ВРАГИ

ВЕРНЕМСЯ в 1931 год, проедем в переполненных поездах от Тихого океана до Туркестана, от Мурманска до Баку.

Мы были моложе всего на три года, но вот и дела 1931 года уже стали исторической хроникой. Поток событий превратился в историю, и какую историю! — едва сомкнувшись за нашей спиной.

Советский союз без Магнитогорска, без Днепрогэса, без ХТЗ. На том месте, где они будут построены, видны котлованы, остовы скрещения балок, зарево электросварки.

Комсомольцы на Магнитной горе с пением и в строю выходят на ночной штурм. Все возбуждены. Это ребята, съехавшиеся или притопавшие пешком со всех концов на прославленную стройку. Среди них много деревенских и беспризорных. Среди них завтрашние инженеры и ученые. Сейчас они отчаянно работают на морозе в 40 градусов, обвязавшись полотенцами и женскими платками: спецодежды нехватает на всех, ее растаскивают летуны и кочующее кулачье. Ночью окончен трудный монтаж фурм. Скоро первая домна будет готова.

В украинском селе крестьянин Довиченко, похудевший от раздумья в бессонные ночи, ведет наконец в общественный баз своего вола. «Вол работал на мужика, мужик работал на вола», бормочет он по дороге. «Ладно, поглядим, как можно иначе жить. Поглядим, что выйдет. Поглядим».

24 марта колхозы ЦЧО впервые вышли в поле со знаменами и музыкой для проверки готовности к севу. Трактористы из МТС всю ночь вспахивали для колхозов поля.

В темноте, с зажженными фонарями интеры движутся по полю.

Наступило утро. Тракторист гасит фонари. Так прибавилась новая подробность сельского рассвета: в поле гаснут движущиеся огни, слышен стук трактора. Заря.

Беспартийный рабочий Николаев встает по гудку. Он идет по тротуару и брюзжит на погоду, здороваясь со знакомыми, выходящими из подъездов. Целая часть города принадлежит путиловцам — рабочий городок с антеннами на крышах, с цветами и пеленками, наполняющими балконы, — свои кооперативы, свои кино, клуб, на сцене которого выступают лучшие московские и ленинградские театры.

Николаев идет на завод, торопясь, чтобы поспеть ко второму гудку. Он не думает сейчас ни о пятилетке ни о мировой революции. Но вот по дороге на завод, на пустыре, он увидел забросанную помоями груду железного лома. Он взбешен. Придя в завком, он поднимает крик. «Куда вы, к свиньям, годитесь, когда у вас под носом пропадает железо!» — кричит он.

Он один из хозяев страны, он один из переустроителей ее карты.

Карта этого года полна движения.

Эта карта — моментальная фотография пространств Советского союза в 1931 году. Мы застаем огромные области как бы в состоянии геологического переворота. Все охвачено бурным движением. Север стал отодвигаться. Географы удивлены — в Якутии будет вызревать пшеница. Полярное море сделается судоходным.

Едва ли не в первый раз за время своей истории человечество заново составляет карту страны в такой короткий срок. Нам приводят в пример современную Америку, родившуюся в прошлом столетии. После войны севера и юга пустовавшие земли ее населились. Были проложены дороги. Строились громадные города. Лесоторговец становился президентом, негры получили права гражданства. В четыре года были выбиты все бизоны. Новая порода людей завоевала Америку. Фермеры, энергичные приказчики с медным загаром лица, бойкие комиссионеры, предприимчивые фабриканты.

Они шли, торопясь обогнать друг друга, их фургоны и стада неслись по прериям — на запад — к золоту, Калифорнии, к рудам Соленого озера. Кто первый вобьет заявочный столб, кто первый захватит больше земли? Негры из Африки и канаки с острова Тихого океана грузились в трюмы вместе с волами — рабочий скот будущих факторий и фабрик. Это были спазмы

колонизаторства, пароксизм конкуренции, драка всех против всех — в одном кармане золото, в другом — пистолет.

Пятьдесят лет спустя мир увидел величайшую на земле капиталистическую державу.

Нелепо сопоставление этих двух рождений — капитализма в Новом свете и социализма в СССР. Мысль о нем возникает лишь потому, что и там и тут было рождение. Суть их глубоко различна. Идея построения социализма движет массы людей, в сотни раз более многочисленные, чем были в Америке. Не личный карман, а всеобщее благо, не гибель истребляемых пионерами народов, а рост прежде угнетенных национальностей. Разгром врага — и его переделка. Мы истребляем только самых упорных и несгибаемых врагов. Уличенных в сопротивлении людей старого мира мы стараемся переделывать, и об одном из смелых и удачных опытов такой переделки рассказывает эта книга.

Разнобой инициатив — там и единая воля партии — здесь, конфликт человека с человеком — там и коллективный труд — здесь.

Единая воля партии, вооруженной теорией Ленина и Сталина, — где и когда было все это в истории?

Удивительна связность нашей новой карты. Мы видим, как одна ее часть стремится к другой, и вот — они соединены: Урал и Кузбасс, Сибирь и Туркестан. Карта будущей бесклассовой страны должна стать цельной, как план одного города. Ее точки, изображающие поселки, стремятся превратиться в кружки. Ее пунктиры — в линии.

60 миллионов новых колхозников появилось в стране. У многих еще старые навыки. Они привыкли видеть путь к счастливой жизни в укреплении своего двора, своей избы. Они сомневаются. Они не привыкли жить коллективом. Кулаки используют их сомнения, их неуверенность в новых формах жизни. Нужно помочь колхозникам разобраться в событиях, объяснить им будущее страны.

25 тысяч коммунистов и рабочих послано в деревню. Их можно встретить повсюду: в поезде, в поле, в доме сельсовета

Двадцатипятитысячники едут в телеге по залитой грязью дороге, они проводят в степи собрания посевных бригад. Поздно ночью они сидят в избах с деревенскими коммунистами, с активом колхозов и обсуждают дела.

В этот год в Нижнем Новгороде трамвай из города идет не на ярмарку, а куда-то в поле. Здесь, вокруг гигантских корпусов автозавода, возникает новый центр. Улицы с тротуарами появляются здесь. Кооперативы, ютящиеся в наскоро сколоченных бараках, через несколько месяцев перейдут в просторные

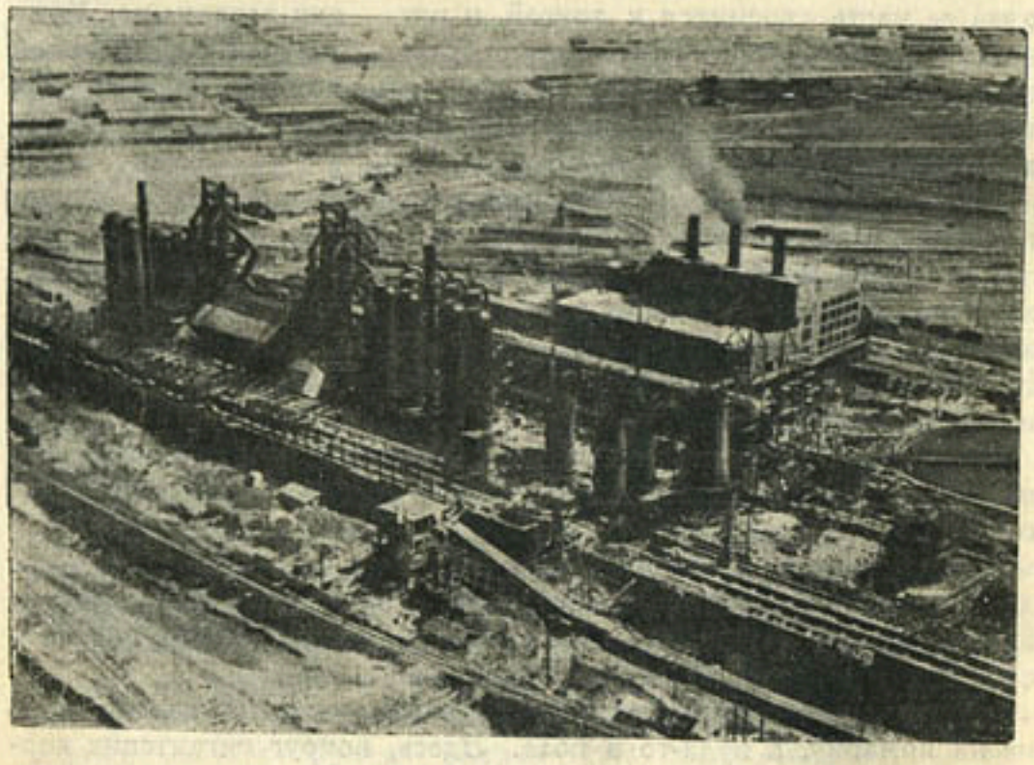
каменные дома. Кинематографы с опустевшей ярмарки переедут к заводу.

За полярным кругом, на месте лопарского погоста, строится огромный апатитовый завод. К нему проводятся подъездные пути. Товарные вагоны идут по тундре. Стадо оленей побежало в гору, испуганное стуком поезда. Проектное бюро, поместившееся у подножья горы Кукисвумчорр, едва успевает планировать улицы растущего города.

Раньше тундру пересекала путаная сетка тропинок, протоптанная охотниками и кочевьями. Сейчас эти тропы выпрямлены и идут к середине долины. Здесь, на их пересечении, неожиданно появляются улицы.

Жители тундры, таиги, степи, которыми изобилует наша страна, знает, что век пустыни кончен.

Молодой казакский парень, родившийся в степи, думает, как ему теперь жить. Он не хочет быть пастухом. Он идет через степь и в самой середине ее находит огромные заводы и шахты. Он поступает сначала чернорабочим, через три месяца он получает специальность. Его заставляют учить «латынчу» — новый казакский шрифт.

Летчики, поднимаясь над нашей страной, не узнают карту. Это — фото Магнитогорска 1931 года, сейчас оно уже стало изображать его детство

В 1931 году таких, как он, уже много тысяч. В 1931 году все кочевые племена, населяющие пустыню Кара-Кум, стали оседлыми. У сбросов оросительных каналов поставлены городки из юрт. Караваны Наркомзема завезли в пустыню плуги.

Но известия об этом тонут в потоке газетных сообщений.

Адыгея стала областью сплошной грамотности.

Мичурин заставил растения жаркого климата жить на севере.

С Памиром установлено авиосообщение. Где ездили 16 суток, теперь летят два с половиной часа.

В Средней Азии орошена и засеяна под хлопок глинистая пустошь, равная по величине Эстонии.

Жилое пространство страны расширилось, хотя страна не изменила границ.

Этот год отличается от других лет особенно практической установкой работы, точностью, профессионализацией. «Мы должны овладеть техникой», сказал тов. Сталин. Если раньше некоторые коммунисты брались за все, руководя в «общем и целом», то сегодня каждый должен изучать свою область работы как специалист, знать ее, уметь руководить ею.

Зимой коридоры краевой партконференции похожи на партийную биржу труда. Вокруг секретаря крайкома, вышедшего покурить, толпятся молодые и старые коммунисты.

— Слушай, Семен. Возьми меня, пожалуйста, в Кузбасс.

— А хорошо ли ты знаешь уголь?

Здесь директора заводов, директора МТС, секретари районов и ячеек. Люди, повернувшие край на новую дорогу, курят в кулуарах и вставляют в общий разговор замечания, неизменно начинающиеся: «А у нас . . .» С веселым криком проталкиваются друг к другу друзья, разбросанные партией в разные концы края на тысячу километров один от другого. Вот они стоят и беспощадно бьют друг друга по плечам. Они оживлены, а не подавлены огромной тяжестью, они с живым волнением практиков слушают речи и храбро (им самим придется выполнять принятые решения) голосуют, подняв вверх делегатский билет.

«Мы отстали от передовых стран Европы примерно на 100 лет. Если мы не догоним в 10 лет, то нас сомнут», говорит Сталин.

И вот страна работает день и ночь.

«Днепропетровск. 26-е (по телеграфу от нашего корреспондента), — сообщает «Правда», — домны, мартены, прокатки заводов им. Петровского и Ленина задолжали стране 125 тысяч тонн металла. Объявлен аврал. Эпиграммы поэтов, входящих в состав буксира, распространяются по заводам в виде наклеек на папиросы, спички, бутылки с молоком. По городу с указанием адресов расклеены красочные портреты прогульщиков.

Организованы трудовые походы горожан, студентов и красноармейцев».

На всех строительствах за 1931 год достигнуты рекорды:

Комсомолец Микунис на Харьковском тракторострое уложил в одну смену 4 770 кирпичей.

Доронин, Минаков и Гаврилов на стройке доменного цеха Кузнецкого гиганта побили все ранее установленные рекорды огнеупорной кладки.

Комсомолец Волков на Магнитострое побил и этот рекорд, уложив в день 15,6 метра огнеупорного кирпича.

Уральские горняки — бригада Елева на горе Магнитной — дали 18 кубометров породы на человека при норме в 3 кубометра. Бригада поставила мировой рекорд.

Сталевары металлургического завода им. Ильича в Мариуполе, работающие на печах № 4 и 10, дали в сутки 4 плавки обогнав таким образом Германию.

Люба Воронова, рулевой Жердевской МТС ЦЧО, вместо плановых 10 дней выполнила норму в 6, сэкономив на гектаре до 16 килограммов горючего. Воронова награждена орденом Ленина.

Тракторист Иван Башта (Украина) поставил мировой рекорд тракторного посева.

Но рекорды пока чаще всего ставят там, где нужна юношеская энергия, а не культура и опыт производства.

Это придет позже. Быть может уже через год.

На СТЗ конвейер пущен. Он работает с перерывами. Несколько тысяч рабочих, моложе 20 лет, не умеют обращаться со станками. Часто конвейер стоит, нехватает мелкой детали. Но люди уже могут записать в свой дневник то, что писал в дневнике умерший недавно молодой коммунист и журналист Я. Ильин:

«Недалеко от моего жилья строится студенческий городок. В нем двенадцать корпусов. В каждом из них шесть этажей. Они красивы, сплошь застеклены, особенно пролеты лестниц. Когда кто-либо с чайником сбегает сверху, с шестого этажа вниз, его прыгающий по лестнице силуэт видно в пролетах всех шести этажей. В этих корпусах по 5100 комнат — 425 по каждой стороне коридора, на каждом из этажей — 24 уборных, столько же умывальных, 12 кубовых, 2 красных уголка. И в этом ливне комнат живут, учатся, любят восемь тысяч студентов.

Я изредка хожу смотреть, как достраиваются дома. Я обхожу корпуса, людей, улицы, гордый успехами своего дела. Все мое, и за все я отвечаю».

Это — чувство хозяина страны, гражданина мира. Новые города, построенные в этом году, полны контрастов.

Города, где нет почти ни одного нетрудящегося. Улицы их составлены из домов последнего образца. Громкоговорители на улицах орут о весеннем севе.

Дома возводятся в несколько недель. Рядом с капустным полем проложен асфальтовый тротуар. В овраге еще теснятся землянки, сырые и темные.

Гостиницы полны. Ударные бригады из центра ночуют в канцеляриях, на покрытых стеклом столах, сняв с них чернильницы и расстелив пальто.

Новый мир ведет стремительное наступление, но враждебных ему людей еще очень много. Сопротивление их разнообразно.

В фабричный кооператив на подводах привезли партию мясных консервов. Продажа идет оживленно. Но к вечеру женщины с криком собираются у кооператива и забрасывают прячущегося под прилавок продавца вскрытыми консервными жестянками.

В банках оказались скверно пахнущие консервы из голья, с зубами, волосами, бычьими половыми органами. Происходит расследование. Выясняется, что консервы заготовлены вредителями, руководившими консервными заводами.

— Ничего, съедят товарищи и это, — говорил один из них.

— Мы решили, что время действовать наступило, — говорит московский меньшевик.

Зарубежные мертвецы уже шьют новые и чинят старые мундиры, они поспешно вспоминают ритуал коронования, скупают ордена. «Классовые противоречия обострились, — говорят они, — это значит, что русский мужик не в состоянии уже больше терпеть коллективизации, мужику надоело, чтобы его луг пожирал чужой ему скот, — мужик требует винтовки. Рабочий устал от сухих проповедей, тысячами забастовок ответит он на наши воззвания.

Враги у границ готовят транспорты оружия. Соскучились эти гаубицы и пулеметы и винтовочки на складах, пора им погулять по российским равнинам, пора им понырять по морским волнам и полазать по горам Тянь-Шаня, Кавказа, Урала и теплого хребта Сихотэ-Алинь. На вагонах написано: «Осторожно». Уже собраны контрабандисты, и шмыгают винтовки через границы Афганистана, Персии, через кишлаки, тащит тощая лошаденка винтовки к стогу темного сена, огороженного осиновыми прутьями.

В газетах часты сообщения о действиях вредителей и диверсионеров. Работники, едущие в деревню, готовы встретиться с кулацким террором. Придя на завод, утренняя смена нередко находит сломанные машины, засоренные станки, испорченное сырье. Неизвестный человек ослабил ответственные гайки.

Иностранный писатель, побывавший на одном из наших заводов в 1931 году, говорит, что обстановка ему напоминает обстановку войны. Рабочие смотрят подозрительно на мало знакомого человека. При аварии они ищут глазами вредителя или шпиона.

Удивительную книгу мог бы написать любой из командированных в 1931 году по стране.

Он ездил вдоль Волги. Он ездил и по Средней Азии. Он спешил на полуторатонке по землям гигантского совхоза, где работают немцы, башкиры и чуваши. Он скакал верхом на первую окучку египетского хлопка, проведенную возле Курган-Тюбе. Конь его издох от кровавого поноса, он принужден был итти пешком. В кишлаках он не мог достать средств передвижения — лошади были отправлены в долину на хлопок. Он видел: люди сдвинулись. Потеряв привычную почву под ногами, хозяйственный крепкий мужик Федин превратился в отчаянного парня, пропивающего все к чортовой матери. Двадцатилетний парень, пастух, секретарствующий теперь в колхозе «Акшам», Паша Иванов, стал солидным, рассудительным мужиком.

Поп, отец Федор, стоя перед осколком зеркала, срезал себе шевелюру, надел тестев полушубок и с чемоданчиком в руке пошел к железнодорожной станции. Через два месяца земляки встречают его на строительстве в артели землекопов, славящейся своим пьянством и бузой.

Сейчас можно заметить первоначальные пружины, двигающие декорациями старых обычаев, прежней морали. Они стали видны только во время перемен.

Из нескольких деревень, где только что организованы колхозы, сообщают вот что:

«Деревня Кубасово. Организован колхоз «Путь к коммунизму». Колхозники работают на полях с рассвета. Как только

Запасливые кулаки доставали из земли принесенное с войны оружие

они уходят в поле и избы их пустуют, в клети их и амбары врываются неизвестные люди и вывозят все сделанные колхозниками запасы. Председатель сельсовета ходит вечно пьяный. Целый день сидит в доме Антипа Федорова, брат которого, кулак Николай Федоров, был выслан за контрреволюционную агитацию.

— Плохи ваши дела, — сказал Антип Федоров колхознице Никитиной, написавшей заявление в райком, — вы из мерзлой земли картошку копаете для колхоза, а добрые люди придут, все вывезут. Жаль мне вас. Бросайте колхоз.

Ночью в ноябре 1930 года Антип Федоров пойман в то время, когда он вместе с сыном Николая Федорова выносил из избы колхозника Жарова одеяло и мешки с хлебом.

Уполномоченный ГПУ приехал в село для разбора дела. Он был спокоен и сдержан. Много схожих случаев было ему известно. Он заверил колхозников, что если Федоров и вернется когда-нибудь в деревню, то уж другим человеком. Но до тех пор пройдет много времени.

Проезжий часто встречает в южном районе ЦЧО телеги, запряженные коровами.

— Где же ваши кони? — спрашивает он хозяина телеги.

— Посдыхали.

Из местной газеты мы узнаем, что районный ветеринар Васильев был участником вредительской организации. Он привил сап шести тысячам коней.

— Где же ветеринар?

— Куда-то угнали его на Медвежью гору. Не знаем, что это за гора...

В совхозе им. Петровского неизвестными лицами открыты двери овощехранилищ. Это было в феврале. В одну ночь вымерзлены все запасы овощей.

На рассвете перед началом сева Павел Мирошников, угрюмый и лохматый мужик, неделю назад нанявшийся в совхоз сторожем, открыл цистерны. За полчаса вытекло 470 центнеров керосина. Утром ни один трактор не мог из-за отсутствия горючего выйти на вспашку.

— Зачем вы это сделали?

— А кто ж его знает!

Всю ночь перед преступлением сторож ходил пьяный вдоль рабочего поселка и орал:

— Тоска меня гвоздит, кем я стал, братцы. Попомните вы о стороже.

Через месяц мы встретим Мирошникова снова. Он сидит у окна в дощатом бараке. Сквозь кривое пузырчатое стекло видны искаженные скалы, болотистый пар и обгорелые сосны далекого севера

В Харьковской области, в селе Покровском, сын жандарма застрелил пионерку Надежду Ринда тринадцати лет. Девочка рассказала на собрании колхоза о том, как он уговаривал колхозников «бороться за старинное время». Убийца расстрелян, его товарищ, карауливший на дороге, пока совершалось убийство, сослан на десять лет в Соловки.

Колхозники, приезжавшие из Каменского колхоза, говорили: «Надо выходить из колхоза. Душа не терпит».

Секретарь райкома, приехав в колхоз, раскрыл удивительные вещи.

Правление Каменского колхоза создало «полевой суд» за нарушение трудовой дисциплины. За неделю полевой суд собирался четыре раза, обвинялись колхозники в нарушении порядка работы.

Их присудили к порке.

— Только для виду, товарищ секретарь. Били ложками, не прутьями. Всего только два раза ложки и ломались... — так сказал председатель этого суда Добрынин.

Председатель суда арестован. Арестованы еще два организатора «полевых судов». Это бывшие кулаки, один из них регент церковного хора.

«Пошли в колхозы, — говорил один из них, — так поглядите, как вас запрягли, теперь одумаетесь».

Вот начало событий в Каменском и еще нескольких районах Нижней Волги. Кулак прикрывается защитником строгой дисциплины. Он «ошибся», он «перегнул», он «с хорошими намерениями».

— Скажите, где теперь председатель?

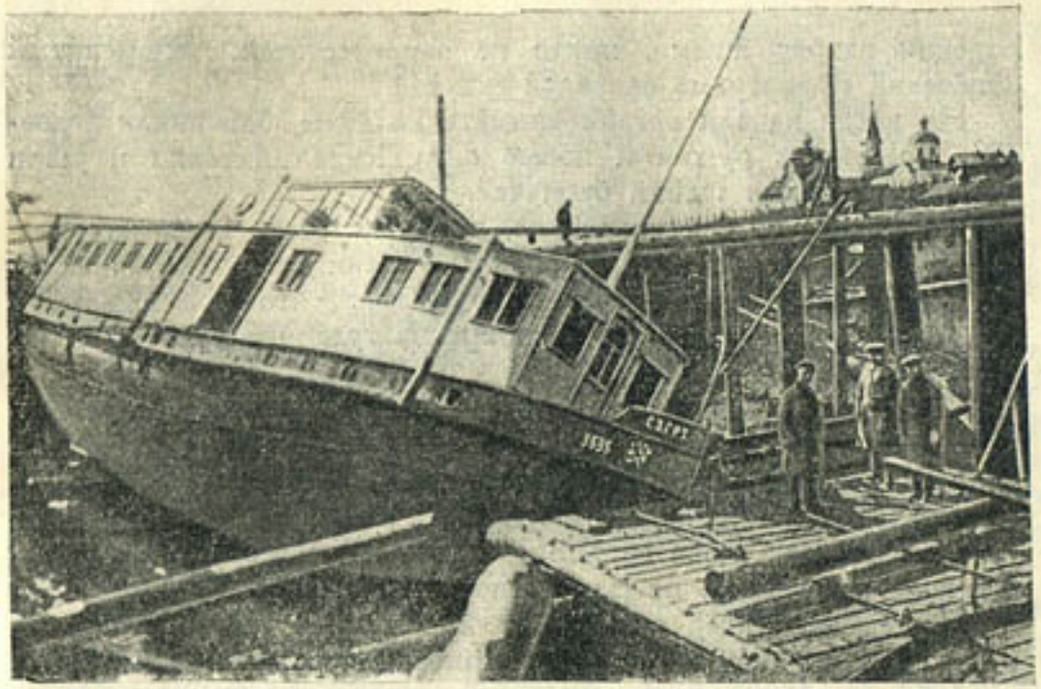
— Куда-то отправлен в Кемь.

В научном агрономическом журнале напечатана теоретическая статья, в которой доказывается, что установки правительства о введении ранней вспашки в Уральской области неправильны. Климатические условия обрекают ранние посевы на гибель. Впоследствии выводы этой статьи опровергнуты практикой, но в ряде районов ранний сев сорван. Досадная ошибка, неправда ли?

Но автор статьи, через несколько месяцев арестованный по делу контрреволюционной организации, показывает: «... Между прочим тогда я написал статью о вреде раннего сева — ранний сев укрепил бы урожайность в колхозах».

... Воззвание, отпечатанное в Ростове и приготовленное для распространения в казачьих колхозах, начиналось словами: «Станичники Тихого Дона, подымайтесь на дармоедов-коммунистов...»

Дальше упоминалось: «Кубань — мать и отец — Дон» и большевики, которые «руйнуют станицы для того, чтобы извести казачество». Автор начал с того, что опустил тысячу штук воззваний в почтовые ящики. Он был арестован и раскрыл существование маленькой подпольной организации. Он вербовал в нее обманом. «Я член многотысячного союза «Солнце», хочешь вступить в него?» Покамест собирались на квартире и пили водку, закусывая фаршированным перцем. В числе этих людей был ростовский журналист Бабиев. С ним мы еще встретимся в дальнейших главах в этой книге.

На Маршинской системе обнаружено вредительство. Вот что сфотографировала следственная комиссия

Ночью кто-то стрелял в окно дома, где остановилась агитбригада. В газете мелькнуло сообщение: «Пойман кулак Ледеркин, совершивший поджог клуба». И рядом: «Построено новое здание рика, школа и клуб». Имя Лидеркина нам также встретится в этой книге.

Попробуйте в этот год найти нарицательное имя для глухого захолустья, скажите, что какой-нибудь город — это Чухлома, Пошехонье, Чердынь. Обиды не получится. Глухая провинция больше не существует. Улицы и дома этих городов так же, как дома и улицы всех остальных, переполнены приезжими — партийцы, командированные рабочие, студенты.

В газете «Бурято-монгольская правда» на первой странице тов. Хамба Дорджи пишет о будущем Ангарского комбината, а на последней — бывшие буддийские ламы «перед лицом трудящихся всего мира», как пишут они, объявляют о своем отказе от ламаитской религии.

Когда милиционер пришел на радение дервишей-ревунов в мечети Шах-Зинда в Самарканде и объявил дервишские

радения запрещенными, никто не запротестовал. Знаменитый азиатский «фанатизм» оказался сказкой.

Но когда начали организовывать колхозы, баи взяли дедовские кремневые ружья и новые английские винтовки и ушли в горы, пополняя шайки басмачей.

По словам путешественников, в России были племена, умевшие считать только до двадцати. В России жило 140 народов.

Один епископ жаловался в 1912 году, что миссионеры за 50 лет не могли вкоренить в сибирских туземцев понятия «бог» и «нравственность».

«Это сущие дикари, — писал он, — молящиеся богу так: «Эй, бог, помоги мне, мамка божья, помоги мне, святые Николка, Прошка, Иннокешка, помоги мне, а не то смотри, мне наплевать». Даже лучшие из коряков, живущие в Пенжинской губе, повторяют слова пастыря: «заповедь», «честность», «нравственное поведение», но смысла понять не могут.

На языке чукчей существует 23 термина для обозначения моржа разных возрастов, 40 терминов для разных видов льдин и айсбергов, 16 разных выражений, определяющих наконечники для гарпуна, но слова «колесо», «машина», «школа» непереводимы на чукотский язык.

В 1931 году Центриздатом отпечатаны политграмоты и учебники на всех основных языках отсталых народов. Понятия «пролетариат», «революция», «коллектив» вошли в языки сибирских племен.

Это освоение нового мира идей не встречает непреодолимых препятствий. Новая общественная и хозяйственная структура вызвала бурный рост языка. У тунгусов, у которых уже второй год существуют звероловные артели, слово «коллектив» привьется быстрее, чем слово «бог» у дикой миссионерской паствы.

Миллионы людей пришли в движение. Их ведет, направляет, изо дня в день организует великая большевистская партия.

«Набиджон творит чудеса, — пишет таджикская газета «Курган Тюбе». — Несколько дней назад мы писали и писали вашему вниманию об украшенном рабочей славой механике здешней МТС Набиджоне Атаханове. Вот это человек, достойный своей социалистической родины. На своем джон-дире он вспахал за прошлые сутки 28 га хайбородской пустыни. Но какие это были га — все щебень, камни и кустарники».

Объявлен поход за хлопковую независимость Советского союза. Фордзоны появились на желтых полях Ферганы. В университетах Средней Азии учатся 60 тысяч студентов-туземцев. Кишлак Дюшамбе за 30 месяцев превращен в столичный городок и соединен железной дорогой с миром. Таджики строят оросительный канал где работают 24 экскватора. Вся Средняя Азия создается заново

И так же, как на других участках огромной строительной площадки СССР, враги нового мира есть и в Средней Азии.

Ташкентская газета «Комсомолец Востока» за май 1931 года сообщает о профессоре Сагу, объяснявшем студентам причины болезни «тендовагенит» словами: «Эта болезнь распространена на заводах и в колхозах с введением соцсоревнования и ударничества...» «Вся наша молодежь к 20 годам станет импотентами — виной этому перегрузка». Так говорит профессор. Однако статистика деторождения не согласна с ним.

«Люди Ислама, наступил последний день! Се есть печать пророков, вас обманывают и лишают добра», пишет Ибрагимбек, вождь узбекских басмачей, в воззвании к народам Средней Азии, составленном на совещании басмачей в Афганистане.

В песках с письмом от вождя туркменских басмачей Джунаид-Хана, с десятью английскими винтовками и пачками денег пойман Кули Махмудов, басмач.

На станции в Новой Бухаре можно увидеть человек пятьдесят заключенных. Они в пестрых халатах, в красных чалмах, подпоясанные ситцевыми платками. Они сидят на корточках, прислонившись к загородке перрона. Четверо конвойных стоят рядом с ними.

Кур-и-Рахим, мулла, читавший в бандах коран. Ризоков, секретарь ширката, истративший общественные деньги. Мир-Ятим, басмач. Абдул Геосов, басмач.

Всех этих людей мы увидим в следующих главах.

... В одном из районов строят канал. Он должен быть готов к весне. Он должен дать воду на те земли, где согласился осесть кочевой туркменский род. Работы производятся день и ночь. Если воды не будет — дело оседания кочевников в этом районе сорвано по крайней мере на два года. Наступает день открытия. Со всех сторон собрались толпы всадников — местные жители. Оркестр приготовился играть туш.

Но вода не течет в голову арыка.

В чем причина неудачи?

Сотрудник проектного отдела В. П. Пашков говорит, что был неправильно учтен рельеф степи. Виноваты карты, составленные топографами в 1890 году. Если так — то не с кого и спрашивать.

Выясняется странная подробность. Пашков — опытный ирригатор. Перед проектировкой канала была проведена тщательная разведка трассы, но при работах почему-то пользовались данными 1890 года.

Пашков арестован.

Следователь. Скажите, гражданин Пашков, на что же вы рассчитывали?

Пашков. Оседание — блеф. Это бесполезная работа.

Следователь. Вам было важно доказать, что оседание — блеф? И поэтому вы неверно спроектировали канал?

Пашков. Да, я не должен был так поступать. Признаю свой поступок.

«...Мною от профессора Ризенкампфа было получено задание явиться к точке по вредительству в Госплан СССР — к профессору Кенигу, которым мне был указан план работ по вредительству в Дагестанской советской республике, заключающийся в задержке расселения горных племен на низменных областях. Средством для этого была оттяжка осушительных и обводнительных работ».

Так показал после непродолжительных отпирательств молодой инженер Вяземский. Он — сын и внук инженеров-путейцев. В пылу классовой борьбы он разрушал продолжаемую и колоссально расширенную коммунистами работу его предков по освоению пустынь и окраин. Мы еще встретимся с Вяземским и познакомимся с ним.

Десять других инженеров дали показания по тому же делу Средазводхоза:

Вержбицкий. За выполнение вредительских актов я разновременно под различными видами получал крупные суммы денег.

Ананьев. С 1928 года я примкнул к вредительской организации Узводхоза. Мы создавали диспропорцию и разваливали аппарат.

Будасси. Будучи связан в прошлом с Чаевым — крупным частным капиталистом, разделял его интересы. В условиях советского строя я стремился к созданию близких к дореволюционным условий для работы, что могло быть осуществлено путем привлечения иностранных капиталистов. Потому я примкнул к вредительской группе Средней Азии.

В 1931 году на стенах деревенских клубов висели плакаты об убийстве селькора

Так изображали плакаты 1931 года кулацкую агитацию

Зубрик. Признавая наличие организованного вредительства в области водного хозяйства, я признаю себя виновным.

Всех этих людей — энергичного Вержбицкого, вивера и дельца Ананьева, житейского практика Будасси, молодого и только позже, в необычайных обстоятельствах обнаружившего свои инженерские способности Зубрика, — всех этих людей мы еще встретим и проследим их удивительно переломившуюся судьбу.

Разбивая повсеместное сопротивление врагов социализма, партия ведет страну и людей вперед. Сегодня должно быть сделано больше, чем вчера, а завтра — больше, чем сегодня. Сейчас всем нашлось столько работы, что 160 миллионов людей нехватает.

Все, кто работал когда-нибудь на транспорте, приказом правительства отправлены на железные дороги. Студенты агровузов брошены на посевную. На последней полосе газет вы прочтете объявления: «Правлению Казторга требуется пять счетоводов, бухгалтер, десять конторщиков», «Ищут врачей, лекпомов и санитаров для выезда в новую амбулаторию. Условия по соглашению».

Перед вокзалами стоят транспаранты, на которых большими

буквами написано: «Здесь принимаются плотники, столяры, грабари, каменщики. Расценки, установленные по области. Снабжение первой категории».

В особых киосках работают вербовщики, отправленные конторами разных строительств для заключения договоров с рабочими. Не хотите ли вы поехать на Камчатку или на Сахалин? АКО и Сахалинское общество великолепно снабжают окраинные стройки. В январе из Хабаровска по Амуру и по льду Татарского пролива отправился конный обоз — 1 500 лошадей. Все возчики, доставив груз, подписали контракт и остались на Сахалине.

На вокзальной площади стоит большой пассажирский табор. К Магнитогорску и Кузнецку, на Восток, едут люди и грузы. Из Сибири везут хлеб.

Бывает, что поезда опаздывают на часы и дни. Диспетчер отправляет маршрутный товарный состав с назначением на Магнитострой прежде пассажирских и курьерских. «Билеты продаются на вчерашний почтовый», объявляет кассир на промежуточной сибирской станции. Железные дороги не успевают перевозить всех людей, кочующих теперь по стране. Тот, кто едет без особой надобности, ждет по несколько суток.

— Откуда ты?

— С Караганды на Урал. А ты?

— С Урала на Караганду. Надоело на одном месте.

Вот разговор двух профессионалов-кочевников, который можно часто слышать. Это производственная богема первой пятилетки, странные люди, развозящие со стройки на стройку хвастливые анекдоты, вырезки из газет с собственными фотографиями, охотничьи рассказы производства. Необычная смесь рвачей и энтузиастов.

— Я на Караганде показал им класс работы. Я начал вкалывать — земля дрожала. Ко мне начальник тов. Петров лично пришел, говорит, чем тебя премировать? Ты вождь наших ударников, я для тебя мануфактуры не пожалею. Но мне старики позавидовали . . .

Эти летуны своими перебежками разрушают планы кадровых отделов.

На заводе иногда они бездельничают, иногда хорошо работают. Но всегда рывками, только на ура, с размаху. Они участвуют в штурмовых работах и вдруг, доведя дело до середины, смываются и едут на другой конец страны. Но ребята на заводе не сдаются и доводят штурм до конца, выполняя и свою работу и работу дезертиров.

Небритые, запущенные, торопливые люди часто встречаются на заводах и в учреждениях. У них красные круги под глазами, они гордятся своей щетиной и своей потрепанностью. Эта манера работы скоро исчезнет, но в 1931 году ее можно было встретить не редко.

. . . Свисток прорезает вокзальный галдеж. Ожидающие повернули головы. Отходит товарный состав направлением на Кузнецк. Тяжелые грузовики поставлены на платформах, ожидающая на вокзальной площади толпа, с первого взгляда, однообразна. Женщины с детьми. Крестьяне, нагруженные узлами. Но побудьте в ней полчаса. Вы увидите, что эта неповторимая толпа 1931 года свойственна только этому времени.

Попробуйте прислушаться к разговору.

— Слюдянка село. Там церковь знаменитая. В ней обыск делали — за иконой нашли три ручных гранаты, наган и сто билетов общества ревнителей православия.

— Куда ты едешь по ветке, плохо снабжают. Двинем в Алма-Аты.

— В Алма-Атах тепло?

— Уси ходят в билом, як в Париже.

— В этом году елки нигде не было. Мы были у Гали — она устраивала елку. Увешали елку свечками. Кира продекламировала стихи.

— Какие стихи?

— Из «Молодой гвардии».

Смотрите и слушайте внимательно. Скоро вы поймете каждого человека в этой толпе.

На узловых станциях часто бывает выстроен широкий дощатый барак для того, чтобы ожидающие пассажиры могли укрыться от непогоды.

Все занято. Пол и скамьи и проходы между скамьями. Над столом висит большой плакат: «Дом колхозника находится отсюда через площадь. В первую очередь в дом колхозника принимаются: а) колхозники с лошадьми и без лошадей, б) ходоки по переселению, в) законтрактованные, г) единоличники с лошадьми и грузом, д) командированные, если есть свободные места».

— А нам куда деваться, — ворчит лохматый парень в заплатанных штанах и рваном бушлате. Он сидит на полу и положил голову на маленькую корзинку. Он едет на Дальний Восток. Он «хочет посмотреть мир», расспрашивает о китайцах и о том, большое ли расстояние от Чукотки до Америки. Не пытайтесь узнавать, откуда он родом. Он напутает или солжет. Не спрашивайте также, кто его родители. Если вы вызовете его доверие, он скажет хмуро: «Папашу кулачат . . .»

Свисток. Отходит поезд с машинами.

Усатый украинец в кожаном полушубке, жена его, двое детей.

— Вся наша жизнь — принудиловка, — говорит жена и вздыхает.

— Мы страдаем 25 лет. Приехали в Уссурийский край в 1890 году. Нас наделили землей по сту десятин на нумер. Другой и не работал нисколько — накупит волов, коней, а потом отдаст землю цим патлатым корейцам ... в аренду ...

Ожидальный зал полон табачного дыма. Собеседник ее молчит, но она не смущается этим.

— Теперь вы скажете колгоспы — того николи не буде. Нехай усе в колхозы пойдут, а сердце их на колхоз не робит ...

— Варфоломеев, здравствуй! Куда едешь?

— Станция Алейская.

— Вот что. Ну, чего у вас веселого там?

— Ничего, производство есть, свеклосахарный комбинат. строится сахарный завод и многое другое.

Внезапно раздался истошный крик.

— Ратуйте, товарищи, ратуйте ...

Женщина, рассказывавшая об уссурийской жизни, вскочила на скамью и громко орет. Ее собеседник исчез и захватил с собой сундучок, стоявший за ее спиной.

— Там добра на три тысячи, — орет женщина.

На узловой станции среди толпы вы найдете много воров, бандитов, уголовников. Они также сдвинулись с места и странствуют по стране в поисках лучшей жизни. В воровском мире царит тревога.

В последних «шалманах» и «малинах» с недоумением поговаривают о том, что профессии вора приходит конец. Воровская среда разбита. ГПУ производит небывалые по размерам аресты среди уголовных. Уже нет богатых карасей — такой удобной добычи во время нэпа. «Бывало, входишь на черную биржу с долларами и подаешь партнеру маяк ... — Пойдемте в первый попавшийся подъезд, посмотрим, что за бриллианты в этой коробочке ...» Все это прошло. Все крупные ценности — теперь общественная собственность. Слово «социализм» приобретает грозный смысл в воровском мире. Со смехом рассказывают: «Теперь и нас заставят трудиться».

Взломщик Федюкин пишет в письме товарищу: тоска, коммунисты отняли жизнь, разогнали наши веселые шалманы, нет гармонистов, игра — не на мясо, а на рубль. Куда истратить форс — все по карточкам. Взломщика Федюкина мучит тоска.

Карманный вор Ковалев, приехав в Москву, встретил товарища, который говорит ему, что в Москве жить нельзя: «Здесь Вуль навел порядок».

«Тогда я повертываю, — говорит Ковалев, — и еду в Белоруссию».

Он едет в вагонах, переполненных ударными бригадами, слушает разговоры о чудесах Магнитогорска и кулацких нападениях.

Каждому историческому периоду соответствует особенный характер вагона. Все помнят теплушку двадцатого года. Она описана так подробно, что можно составить вполне научное исследование о населении, обычаях, одежде, инвентаре, паразитах, пище, торговле и промышленности теплушки двадцатого года.

Потом появились мирные, нэповские поезда, разделенные на классы и не оставившие особых воспоминаний.

Поезд 1931 года представляет собой уже нечто новое.

В поезде едут мобилизованные, командированные, ударные бригады. Четыре полки заняты бригадой свердловцев. Все едут на посевную кампанию в Сибирь. Агитбригада актеров, похожая на военный отряд, в защитных френчах, в галифе. Студенты, едущие занять руководящие посты. Начальник рудника, направленный на учебу. Семья нэпмана. Она едет к отцу, высланному в Томск. Свердловцы играют в подкидного дурака и ведут философские споры. Вот один обвиняет противника в антидиалектичности. В ответ тот выдвигает обвинение в эклектике. Это рабочие ребята. Их бурная ученость не дает спокойно жить нэпманской семье. Тысяча непонятных имен и терминов, выкрикиваемых под страшным пылом, обрушивается на нее, мешая спать или читать переводной роман.

В другом отделении вагона студенты агровуза подымают на смех и доводят до слез оказавшегося среди них труса, напуганного слухами о кулацких нападениях.

В окна вагона едущие видят новые типы строений. Элеватор — деревенский небоскреб, огороженные стеной навесы МТС, форты деревенской техники, районный клуб со стенами, иммитирующими железобетон, трехэтажный дом, внезапно поднимающийся среди капустного поля.

Пассажиров, проезжающих в поезде, охватывает пафос пространства. Они вытаскивают карту и рассуждают о том, где можно проложить дороги.

— Чтобы сделать этот ручей полезным, — говорит красноармеец, курносый, рязанский парень, — надо взорвать все холмы и провести в него воду из Камы.

Редакции газет ежедневно получают сотни писем с вещественными приложениями, завернутыми в холст.

«Посылаю вам осколок камня, найденный мною вчера во время прогулки за город. Не является ли этот камень медной рудой?»

Мысль о заключенных в земле природных кладах волнует пассажиров, и они часто говорят о них.

Вот обстановка поезда, о которой помнят все люди, ездившие по стране во время первой пятилетки.

В одном из таких поездов едет Ковалев. Он слушает разговоры, в его упорной башке появляются новые мысли, но он

смеется над ними, он не сдается, он едет в Минск, он снова ворует, он едет в Ленинград.

Потом в Пермь. Оттуда в Свердловск. Здесь, на вокзале, он был арестован.

Вы еще прочтете о его судьбе.

...В углу ожидального зала трое мужчин сидят вокруг сложенных в кучу корзин и узлов. Они наклонили головы друг к другу. Разговаривают вполголоса, не спеша. Выражение их лиц сходно. Это лица грубо насмешливые, с оттенком странной постной наглости. Их разговор невозможно услышать. Если вы приблизитесь к ним, они сразу подозрительно замолкают и холодно смотрят на вас в упор.

Это не воры. Они стерегут свои узлы с заботливым усердием собственников. Вот один из них показывает какие-то бумаги. Вот другой пишет письмо. Что это за люди? О чем пишет этот человек?

В Минусинском округе у баптиста, арестованного за кулацкую агитацию, нашли письмо следующего содержания:

«Мир вам и радость от господа нашего Иисуса Христа. Объединитеся духом божиим и пойте аллилуя. Письмо я ваше получил, дорогой брат Андрей, которое вы писали, чи можно купить дешево в нашем райони. У Летках хлеба бывает на базаре и продукты, сколько хоч, а бы деньги. В Старой Басани 5 рублей пуд мясо, волобоина 25 копеек 1 фунт, в Згуровке 4 рубля мука житня. Чем дальше в степ — дешевле. Бывает мука на 2 рубля и на 1 рубль, только трудно провезти — строго спекуляция воспрещается, и все-таки возят и ловятся и штрахуют и судят торговцев, так что, я думаю, и у вас тоже советская власть и законы одинаковые... Мы поем с женой псалом 528: голос веры, летит безжалостное время. Коллективизируют везде, и нет спасения, кто богаче. Я пока, слава богу, жив и здоров по милости господней и стою у ворот Содома, чего-то ждем...»

У бывшего председателя колхоза в деревне Лыково, Каширского района, арестованного в марте 1931 года, отобрано такое письмо:

«Дорогой сын, сообщаем тебе, что входим в колхоз, со всех сторон теснят, приезжай скорей, а то в колхоз не принимают, говорят, вы имели наемный труд, а мы говорим — у нас в кооперации Петр. Целуем несчетно раз. Твои родители».

Петр Осипов обвиняется в том, что, достав подложные документы на кооперативного работника, приехав в деревню, он был избран в правление колхоза и, пользуясь своим положением, развалил колхоз.

...Странных людей вы можете встретить на узловых станциях.

Вот быстро прошел по вокзалу какой-то человек, оглядываясь, забежал в общественную уборную и, придерживая рукой штаны, пишет на стене: «Знай, партеец, здесь был белогвардеец, скоро всем партейцам вешалка». Он расписывается крестом и рисует на стене свастику.

Этого человека не знает никто. По виду он обыкновенный гражданин. Он может поступить на завод или поехать в Москву.

Завтра быть может вы встретите его уже на улицах Москвы, вот он идет мимо Кремля, смотрит на ленинский мавзолей.

Люди в селах и на строительствах склонны считать Москву только штабом строительной площадки в 21 272 000 квадратных километров, какой является сейчас наш Советский союз.

Там ЦК ВКП(б), Госплан СССР. Там тов. Сталин. «Люди в Кремле никогда не спят». Пожалуй многие готовы представить себе Москву огромным кабинетом, где читают сводки и отдают приказания.

Москва — это штаб и центр боя. Сейчас в Москве идет подготовка к XVII партконференции. Телеграф передает сводки областных комитетов партии, ответы райкомов на запросы ЦК. В научно-исследовательских институтах сотни людей разрабатывают материалы к докладам. Ночью в кабинете утомленного наркома звонит телефон: «С вами будет говорить тов. Сталин». Нарком ждет у трубки. Сталин осведомляется у него относительно двух цифр в докладе наркома, которые показались ему сомнительными. Тысячи голов мобилизованы, и из сырого материала сводок, научных докладов формируются первые итоги четырехлетних боев.

И как из внешнего хаоса строительства вырастают под руководством штаба партии твердые контуры социализма, так из всей этой кажущейся несвязанной работы не знающих друг друга сотен людей штаб партии выводит ясные и точные указания. Рождается боевой приказ второй пятилетки, который определит и судьбы наших героев. Вторая пятилетка — пятилетка построения бесклассового общества. Это не значит затухание классовой борьбы. Классовая борьба будет еще обостряться в отдельных районах, на отдельных участках великой стройки, но в этом обострении должна быть решена новая великая задача, частью которой является задача Беломорстроя. Выкорчевывать пережитки капитализма не только из экономики, но из сознания людей. Скоро Постышев переведет этот генеральный план второй пятилетки на язык задач советской исправительно-трудовой политики. Скоро услышат новые слова о перековке, о перевоспитании вчерашнего классового врага. Это кажется почти невозможным, но это будет — так решили большевики, так решила партия. Москва — штаб.

Но Москва это часть страны, и все, что характерно для страны, вы найдете и здесь. Изменяется внешность Москвы.

На пустыре у Сукина болота день и ночь возводятся огромные корпуса... Здесь вскоре будет госзавод шарикоподшипников им. Кагановича.

Перестраивается и увеличивается во много раз АМО. Возводится Станкострой. На Пушкинской площади вывешено объявление: «Привет электрозаводцам, выполнившим пятилетку в два с половиной года».

Разобран храм Христа. Из взорванных стен торчат железные балки. Освобождается место для будущего Дворца советов. Во всех районах можно увидеть новые дома — ящичной железобетонной архитектуры 1931 года. Среди них есть уродливые, есть очень красивые. В них идет напряженная жизнь, с ночными дежурствами, телефонными звонками и окнами, светящимися до утра.

Москва работает, Москва занята подготовкой к партконференции и мало обращает внимания на другой «съезд», происходящий в это самое время.

Вот с вокзала идет группа крестьян с угрюмыми и насмешливыми лицами, в сибирских шубах, неся пилы, обернутые войлоком. По дороге они не прочь выпросить милостыню. Они расспрашивают прохожих, как пройти на завод. Они называют завод. «Родня у меня там», говорит один из них.

На окраинах Москвы воздвигались новые здания для рабочих

На вокзалах и в подворотнях Москвы встречаются люди из разных республик. Они рассказывают: «А у нас...» (и прибавляют матерное словцо). Это беглые кулаки. Часто они проникают на заводы. И вот в сломавшемся станке рабочий находит подброшенный болт.

Москва!

Вы идете по ее улицам, перед вами Пресня. Пролетарский район, асфальтовые кольца бульваров. Таганка, вы шагаете по холмам, с холма на холм, с улицы на улицу — все это чрезвычайно почтенно и древне, достойно всяческого уважения. И вы остановились перед Большим театром, вы видите его колонны, его медногривых коней и не видите их. И театр выскочил из вашей головы, и певцы, и танцоры, и художники. Перед вами встала величайшая страна, величайшей мощи страна, которая говорит здесь устами своих лучших сынов.

Скоро здесь прозвучит голос XVII партконференции.

Поступки и работы всей нашей страны будут определены партией на год вперед. Замечательна эта работа конференций, пленумов ВКП(б), замечательны эти постановления, в точных и сухих словах определяющие движение истории.

Зимой под новый год пленум ЦК постановил: «Увеличить число рабочих и служащих с 14 до 16 миллионов...»

Летом 1931 года постановление выполнено. Пленум решает: «Обеспечить в 1931 году охват коллективными хозяйствами не менее 80 процентов крестьянских хозяйств для Украины (степь), Северного Кавказа, Нижней Волги, Средней Волги. Через полгода это постановление выполнено.

Летний пленум вынес решение по докладу тов. Л. М. Кагановича: «Наряду с проводимыми текущими мероприятиями ЦК считает необходимым коренным образом разрешить задачу обводнения Москва-реки путем соединения ее с верховьем Волги и поручает московским организациям совместно с Госпланом и Наркомводом приступить немедленно к составлению проекта этого сооружения».

Со временем это решение поможет нам понять многое. Мы еще вспомним его в этой книге.

Уже где-то режут бумагу для печатанья делегатских билетов. Уже осматривают в дорогу сапоги где-то в Якутии или Ленинакане. Уже с Каспийского моря, тунгус из тундры или уральский мужик или амурский старожил откладывает починенный хомут, ласково улыбается, и сынишка знает, чему он улыбается, и спрашивает:

— Куда ты опять уедешь?

— Поеду, вышло, на конференцию.

— А пряник привезешь?

— Тебе какой? С медом?

— С медом.

— Если с медом, так привезу.

Он едет на отличном откормленном коне к станции. Ему приятно ехать на праздничном коне, и все понимают, почему он едет на коне, на котором сельсовет возит только или секретаря райкома, или гостей из центра, или по особой нужде каких-либо выдающихся людей села. Все говорят: «Миколай Петрович в конференцию поехал, в Москву». И всем приятно, что именно не кто иной, а вот Миколай Петрович «совершенно в полном праве заслужил должность ехать на конференцию». Мало ли он пролил крови. Везде лежит пролитая за пролетариат и народ, везде его кровь — от Кубани до Охотского моря, иные б десятеро давно умерли, а он один и отлично жив и здоров.

Шахтер передает кирку другому, пожимает товарищам руки. Долго моется под душем, долго чистит зубы, надевает чистое белье и верхнюю расшитую рубашку. Жена готовит пироги в деревянный чемодан. Жена целует его крепко, как только может целовать одна жена шахтера, а куда как крепко целуются шахтерские жены, пожалуй, крепче остальных жен в мире. Шахтер степенно идет на вокзал. Паровоз сияет, машинист выглядывает, отставив лихо ногу в сторону, глаза у машиниста сияют, но как же иначе, какого ж друга он везет в Москву!

Сталевар от мартена препоручает свою бригаду помощнику, долго убеждая его наблюдать «воочию» за печью, так как в этом месяце «шихту нам шаловливую сыпят и сталь попадается с нажимом». Он едет с портфелем и партбилетом по скользкой донбассовской металлургической грязи, — это особая, тяжелая грязь, когда галоши, словно гвоздями, прибивает к дороге, — оттепель, видите ли, — он ступает с особым вывертом, делая какие-то особые шаги.

И вот они соберутся здесь. И загремит оркестр. Все встанут. Пробегут дети по сцене, бросая в президиум цветы, промаршируют старики-рабочие, красноармейцы, моряки со своими рапортами, ученые академики с мировыми именами. Опять встанет весь багряно-золотой зал театра, затрясется люстра от рукоплесканий — это вся страна приветствует вождя. Это Сталин — их друг, товарищ, учитель и еще что-то такое громадное, какой-то особый и великолепный ум, который как будто и прост, а в то же время чрезвычайно необычен и высок, — все то, что человечество называет гением. Он стоит в своем простом френче — и 140 национальностей приветствуют его. Да где там 140! Вот это приветствие повторяется и в теплых океанах кочегарами перед топками пароходов, рабочими в доках Шанхая, в прериях рабочими у фермеров и скотоводов, шахтерами Рура, металлургами Бельгии, батраками Италии, в рудниках

Калифорнии, в изумрудных копях Австралии, неграми Африки, кули Китая и Японии — всеми угнетенными и порабощенными.

В Москве изменилась в 1931 году уличная толпа, окончательно исчезли раскормленные богачи и расфранченные их женщины, заметные при взгляде на улице всякой другой страны. В толпе почти невозможно разобраться. Здесь не существует понятий — рабочее лицо, лицо чиновника, крутой лоб ученого, энергичный подбородок инженера, о которых любят писать за границей. Немецкий ученый Курц писал: «Правительство обязано производить психометрические переписи народных масс для того, чтобы каждый занимал лишь назначенное ему природой (т. е. классовым обществом) место». Западный антропометрист, попавший в озабоченную и энергичную толпу, переполнившую Тверскую и Садовую, Мясницкую и Арбат, штурмующую новенькие трамваи (в которых вузовцы читают уравнения, держа в одной руке книги, а другой ухватившись за кожаную петлю, где хозяйственники пробиваются к выходу, споря о контрольных цифрах), сражающуюся из-за немногочисленных еще такси, препирающуюся в очередях у магазинов, газетных киосков и кинематографов, был бы растерян и ничего не мог понять.

Вот один из прохожих: в распахнутом дубленом полушубке и русской рубашке, коренастый, грубо скроенное лицо, пристальный взгляд, руки в карманах, точный военный шаг. Этот человек может оказаться профессором философии или большим администратором. Он живет напряженной интеллектуальной жизнью, его увлекают величайшие идеи эпохи. Вот другой, с лицом артиста, вежливо уступающий дорогу, в шляпе и пенсне. Чаще всего это счетовод. Резко изменилось содержание людских жизней, но внешность еще не успела перемениться, и потому толпа в 1931 году так мало различима. Опытные советские люди различают в ее гуще людей по особым, временным признакам. «Наш человек», говорят они, глядя внимательно. Или — «не наш». Но и эти внешние признаки условны. Настоящую сущность людей можно выяснить в этом году только на работе. Инженер носит русскую рубашку, его речь пестрит лозунгами, лицо открытое и честное. Но в его цехе учащаются непонятные аварии. Если попасть на его квартиру, где он снимает русскую рубашку как вицмундир и с облегчением повязывает галстук, то можно услышать следующий разговор, ставший известным из показаний на процессе вредителей пищевой промышленности:

« — Положение совершенно нетерпимо.

— Нельзя быть покойным ни на минуту».

Особенно характерна была речь Воронцова, который предлагал свою деятельность направлять во вред совласти и действо-

вать так, чтобы ухудшить создавшееся положение с продовольственным снабжением и этим вызвать недовольство населения.

К 6 часам вечера московская уличная толпа особенно сгущается. На трамвайных остановках — настоящие бои. Женщина с раскрашенным лицом, в манто из поддельного меха никак не может попасть в трамвай. Она суетится во всех сражающихся у подножек группах, толкается, кричит, но потом остается на платформе.

Через два часа она арестована. Ее уличили в карманной краже. Это бывшая проститутка Мотя Подгорская. Уличная проституция в Москве 1931 года стала почти невозможна, работа для Моти просто скучна. Она решила перейти на карманные кражи. В этой книге мы еще встретимся с Мотей Подгорской.

Мы еще встретимся с ней и с многими людьми, упоминавшимися здесь. Они — герои нашего повествования.

Начало их карьеры бесславно. Они боролись с обществом, боролись с пятилеткой и социализмом. С ними боролось Советское государство.

— Ваську опять забрали, не дают жить, — говорит карманник Марухе.

— Дядю Семена угнали за этот поджог, — говорит родным подкулачник.

— Слыхали ли вы, что арестован Ризенкампф, — говорит жена профессора. Она взволнована. Лицо ее печально и устало.

«По постановлению коллегии ОГПУ . . . — гласит приговор, — гражданин такой-то за тяжкие преступления против рабочего класса осужден к ссылке в исправительные трудовые лагеря сроком на десять лет».

«Жизнь кончилась», думает гражданин такой-то. Он думает: «Мне 35 лет. Если не удастся бежать . . .»

Тысячи людей отправлены в лагеря. Что ждет их там?

БУРЖУАЗНЫЕ ТЮРЬМЫ И ЛАГЕРЯ

РАСПИСАНИЕ ПЫТОК

Русский генерал Муравьев подавил польское восстание в прошлом столетии. Он вошел в историю под прозвищем «Муравьев-Вешатель».

Французский министр Тьер утопил в крови Парижскую коммуну. Он остался в веках под названием «Кровавый карлик».

Германский социал-демократ Носке расстрелял сотни немецких рабочих. За ним навсегда закрепилась кличка «Кровавая собака Носке». Социал-демократический министр ничем не отличался от любого фашиста.

Японский генерал Такахаси Хисикари подготовил захват Манчжурии и организует кровавые провокации на КВЖД. Он известен в Японии под названием «Генерал-Воробышек».

Он получил это прозвище несколько лет назад, когда его назначили командовать гарнизоном на острове Формоза. В ответ на поздравления генерал Хисикари заявил: «Я отправляюсь на Формозу, радостно подпрыгивая, как воробышек». Этот изящный образ генералом взят из китайской классической поэзии, знатоком которой он считается. В Японии любят изящество формы. Старый солдафон и палач получает имя маленькой, изящной птички.

Путешествующий по японским железным дорогам с удивлением замечает на путях группы людей, одетых в розовые одеяния. Издали их можно принять за ангелов. Ангелы возводят насыпи и прокладывают рельсы. Все движения их сопровождаются мелодическим звоном. Приглядевшись, путешественник замечает на ногах у ангелов тяжелые кандалы. В Японии каторжников одевают в розовые одежды для того, чтобы украсить их фигурами пейзаж. Там любят изящество формы.

На острове Риу-Киу существует особая форма бокса. Она называется риу-киуский бокс. Большая фарфоровая ваза замотывается в ковер. Боксер лупит по ковру. Он не жалеет сил. Он только по-особому выворачивает кулаки. Искусство состоит в том, чтобы, не сдвигая с места ковра и не меняя его вазообразной формы, обратить самую вазу в черепки.

В японских тюрьмах место вазы занимает заключенный. Место ковра — его кожа. Тюремщики бьют приемами острова Риу-Киу. Легкие, ребра, почки смяты и выворочены. Кожа остается невредимой. В Японии любят изящество формы.

По улицам Токио ведут заключенных из тюрьмы Ичигая в суд. На них — нежнорозовые одежды. На головы надеты соломенные корзины, дабы мрачные их лица не оскорбляли в прохожих чувства изящного. Никто в Японии не видит лиц заключенных. Судьи костюмированы. На них пышные и пестрые средневековые одежды. Все проникнуто традицией. В практике японской полиции сохранился древний дух токугавской эпохи: вливание заключенному холодной воды в ноздри, растягивание заключенного на раме, вырывание ногтей и — как уступка современной цивилизации — избиение резиновыми дубинками.

Смертная казнь в Японии модернизирована, но в национальном духе. Смертная казнь в Японии называется «косюдай». Дословный перевод: «помост для сдавливания головы». Смертника подводят к лестнице. Буддийский жрец бормочет молитвы. Врач щупает смертнику пульс. Врач удовлетворенно кивает головой: «Здоров. Может умирать». Смертник всходит вверх по ступенькам. На одной из ступенек он вдруг проваливается. Голова

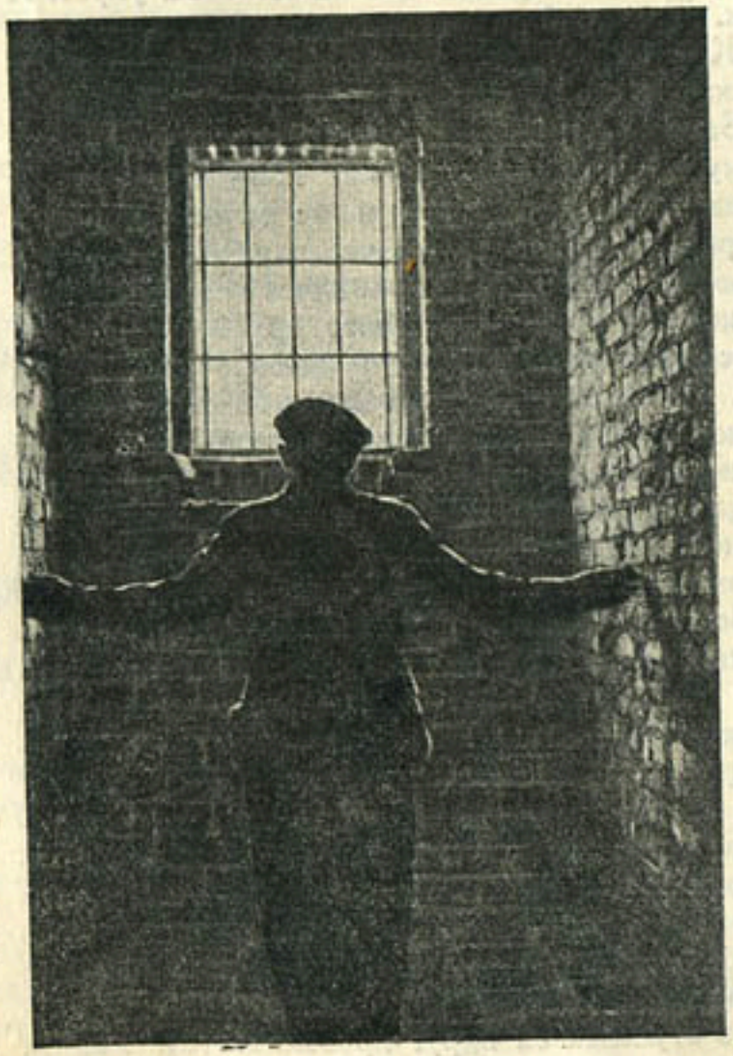
его остается на уровне ступеньки. Стены начинают медленно сдвигаться. Они сплющивают голову человека. Один японский журналист недавно писал, что убийство человека способом «косюдай» доставляет человеку невыразимое наслаждение.

Осужденные коммунисты, которым удается избегнуть «косюдай», попадают в пожизненное заключение. Это та же смертная казнь, только растянутая на десятки лет. Девяносто девять процентов заключенных погибают от туберкулеза.

Так обстоит дело в Азии.

Вот как оно обстоит в Европе.

В Англии, где бьют даже школьников, телесное наказание предусмотрено Уголовным кодексом. Этого не скрывают. В английской уголовной статистике мы находим подробную опись избиений, совершенных в 1929 году в землях Соединенного королевства, с указанием тюрьмы, количества ударов, орудия про-

Привыкай к могиле

изводства — розга или кошка — и с отметкой, утверждено ли наказание министерством внутренних дел. Таким образом в английской тюрьме бывает так, что к заключенному в камеру входит надзиратель и говорит: «Мы вас на прошлой неделе высекли, сэр». — «Да», говорит арестант и вздрагивает. «Министерство внутренних дел не утвердило этого сечения, сэр», говорит надзиратель, кланяется и выходит.

В Индии закон устанавливает лимит сечения — тридцать ударов бичом или бамбуком. Это распространяется только на индусов. Для того чтобы высечь англичанина, его необходимо вывезти в метрополию. Там — утверждают английские юристы — количество ударов невелико. Но там бьют кошкой о девяти хвостах. Один удар девятихвосткой равен девяти ударам простой розгой.

Во всех буржуазных странах бьют заключенных. Те буржуазные страны, в которых заключенных бьют без писаного закона, внесли в Лигу наций протест против Англии, в которой заключенных бьют на основании писаного закона. Лига наций, которую называют гуманнейшим учреждением нашего времени, обсудила этот протест. Вот ее предложение:

«Если в некоторых государствах допускаются телесные наказания, то способ их приведения в исполнение должен регулироваться законом» (статья 36-я «Правил режима для заключенного», предложенных в записке Лиги наций в 1930 году).

Английский закон сделан из того же материала, из которого сделаны резиновые дубинки, сопровождающие применение закона. В Англии до сих пор действуют законы, изданные в средние века.

Когда нужно спешно осудить коммуниста и нет приличествующего случаю закона, обращаются к прошлому, лезут в кровавые архивы времен Питта, Кромвеля, Иоанна Безземельного.

В 1926 году члены ЦК английской компартии были осуждены на основании закона 1798 года. В 1932 году на основании того же закона сослали на каторгу коммунистов Элисона, Шеффера и Петерсона.

Всюду звенят кандалы. В Англии они носят академическое название «мер безопасности». В испанской тюремной статистике 1926 года мы нашли трехзначную цифру — 557. Каждый из 557 заключенных закован в кандальную систему, которая поясом охватывает талию и цепями соединяется с ногами. Ее носят пожизненно. Кандалы мешают снимать платье. Закованные никогда не раздеваются.

В Британской Индии на Андаманских островах из семи с лишним тысяч человек пять с половиной тысяч были осуждены на пожизненное заключение.

Германский юрист профессор Фольген зашел в камеру

заключенного № 4922. Номер относится к человеку, а не к камере. Имени человека никто не знает. Он сам его забыл. Он приговорен к заключению на 99 лет. Это было в тюрьме Сент-Аде, в штате Новая Мексика.

В 1876 году мальчик по имени Помрой убил товарища. Его посадили в одиночную камеру. Ему было 14 лет. Через два года у него появились первые мысли о женщинах. Через три года у него появилась первая борода. Через четыре года ему переменили платье — он рос. Он ничего не знал о войнах, о революциях, об автомобилях, о кинематографах, об авиации, о радио. Потом состарился и умер. Его зарыли в 1932 году на тюремном кладбище. Он прожил 56 лет в одиночке.

Путешественник, посетивший в 1928 году нью-йоркскую тюрьму Синг-Синг, просматривал дела заключенных. Он пишет в своей книге: «Мы неоднократно встречали фамилии, против которых стоял год поступления: 1880. В нынешнем году эти люди отсчитывают уже 48-й год своего безвыходного сидения в тюрьме».

Большинство пожизненно заключенных в буржуазных тюрьмах кончают сумасшествием. Слово «никогда» сводит с ума. Потом, как говорит директор одной из тюрем, у вечника наступает второй период. Период надежды. Он выздоравливает. Он надеется. Он надеется в течение 15—20 лет. Он ведет себя все это время безукоризненно. Он уже взрослый мужчина или старик. И вот он подает прошение о помиловании. Приходит ответная бумага. В ней написано одно слово: «Отказать». Заключенный снова сходит с ума. Он умирает сумасшедшим стариком.

Таков путь вечника, описанный германским профессором Липманом, который обследовал более 2 тысяч пожизненно заключенных узников.

Когда буржуазный суд не находит возможности казнить коммуниста, он пытается покончить с ним пожизненным заключением. Даже, если это ребенок. Двенадцатилетний мальчик продавал на улицах Реймса антимилитаристскую газету. Суд приговорил ребенка к 9 годам тюрьмы. Отец его — коммунист.

С 1926 по 1930 год 286 итальянских коммунистов получили по 20 лет тюрьмы и 158 — по 30 лет.

При этом безработица, свирепствующая за стенами буржуазной тюрьмы, проникает и внутрь их. Заключенные не должны конкурировать со свободными.

В Пруссии люди, заключенные в сумме на 30 091 год, 14 000 лет проводили без всякого труда. Сто сорок веков безделья! Во Франции из каждой сотни заключенных не работают 28 человек, а заработок работающих равен 4 копейкам в день.

В Польше 203 тюрьмы совсем без мастерских. В Италии только 22 процента заключенных заняты работой. Что же они

делают? Может быть гуляют? Да, гуляют. Вот двор одной из тюрем. Заключенные ходят ленточкой. Расстояние друг от друга пять шагов. Мир состоит из неба над головой, стен вокруг и спины — перед глазами. Но нельзя смотреть ни вверх ни вниз. Смотри только вперед, в спину товарища. Нельзя говорить. Полчаса прошли — марш в камеру!

Библиотеки нет. Письменных принадлежностей нет.

Все тюрьмы буржуазного мира похожи одна на другую. Есть легкие вариации. В Италии тюремный паек — 600 граммов хлеба и похлебка. В Польше — гнилой горох и сырая вода. Зато щедро угощают религией. При этом в тюремных церквах заключенным шептать молитвы запрещено, чтобы под видом шептания молитв не переговариваться.

В Венгрии арестовали немецкую писательницу Изольду Рейтер. Неосторожный поступок! Это была буржуазная писательница. Она принадлежала к привилегированному слою общества и рассказала все, что с ней было в тюрьме. Ее сковали по рукам и ногам, потом продели меж рук и колен железную палку и били по обнаженным ступням резиновым хлыстом.

Легко вообразить, что проделывают с непривилегированными лицами — с рабочими, с коммунистами!

В Югославии за два года фашистской диктатуры было подвергнуто пыткам 932 революционера. Греция дает свои варианты. Здесь ноги допрашиваемого стягивают сыромятными ремнями. С ними соединен рычаг. Движение рычага — и ремни прорезают тело до кости. Румыния привносит в методы испанской инквизиции достижения цивилизации: гипноз, электрический ток.

В известной буржуазной тюрьме существуют камеры пыток. Заключенный подвязывается ремнями к лежанке. Он не может пошевельнуться. Специальные приспособления на голове и ногах растягивают его тело. Заключенного бросают в таком положении. Он остается так дни, недели. Он постепенно загнивает.

Понятен поэтому возглас Терначини, который крикнул после приговора в лицо судьям: «У вас нехватит мужества открыто приговорить нас к смерти, но вам известно, что, посылая в подвальные одиночки, вы осуждаете нас на смерть!»

Да, это та же смерть, только разверстанная на годы. Подсчитано число сосланных в Гвиану до 1875 года — 21 248 человек. Подсчитано и число вернувшихся из Гвианы — 3 637 человек. Разность — 17 611 человек. Они — в могиле.

Вот острова Липари в Средиземном море. Маленький вулканический остров, откуда нельзя убежать. Сюда свозят политических. За год сюда привезли 500 политических.

Проследим их судьбы.

Один заколот ударом штыка в горло.

Двое застрелены.
Четверо покончили самоубийством.
37 сошли с ума.
43 ранены жандармами.
107 брошены в местную тюрьму, ужасный липарский застенок.
118 заболели чахоткой.

Перенесемся в Индонезию. Это голландская колония. Танмалако, туземный автор, пишет:

«Если европейские заключенные могут еще похвастаться пищей, приближающейся к человеческому питанию, то арестованные туземцы получают еду, которую европейский буржуа постеснялся бы дать своей собаке. Если арестованные европейцы могут похвастаться тем, что получают камеры (хотя и очень маленькие), но все-таки с постелью (хотя бы и не мягкой) и пологом для защиты от малярийных комаров, то арестованные туземцы ничего этого не получают и запираются в крохотные каморки от 10 до 20 человек, которых оставляют в жертву малярийным комарам и гомосексуализму...»

Люди состоятельные попадают в тюрьму редко.

От тюрьмы можно откупиться.

В 1931 году 1 833 английских юноши и 119 английских девушек попали в тюрьму. 50 процентов из них получили тюремное заключение взамен штрафа. Они не были в состоянии внести штраф. В тюрьму их отправили, приковав ручными кандалами к закоренелым рецидивистам.

В Италии по кодексу 1930 года дозволяется вносить штраф взамен заключения на три-четыре года. Штраф равен пяти рублям в день. Обладая приличным состоянием, можно вести уголовный образ жизни.

Даже в тюрьме, обладая деньгами, можно устроиться с комфортом. В французских тюрьмах можно получить хорошую комнату (она называется cellule de pistole) за два с половиной франка в день с отоплением и освещением и за полтора франка — без.

Вся сила классовой мстительности буржуазии обрушивается на бедняков, на трудящихся. В буржуазных государствах, кичливо называющих себя «правовыми», удел рабочего — фактическое бесправие. Права — привилегия имущих на воле или в тюрьме — все равно.

Старая царская каторга и ссылка широко применяли изощренное физическое и моральное угнетение заключенных.

С особой жестокостью обращались с заключенными в каторжных тюрьмах — так называемых «централах» — Орловском, Ярославском и других.

Вот как там встречали заключенных — по воспоминаниям бывших политических каторжан:

«Приходящие партии каторжан чаще всего принимались в бане. Подается команда раздеваться догола, после чего по одному гонят сквозь строй, где вас ожидают 60 — 70 тюремных надзирателей. Многие уходят из строя с поломанными ребрами, искалеченными членами, отбитыми легкими и печенью, с обезображенными лицами, выбитыми зубами и т. п., а некоторые просто остаются лежать на месте бойни... Лишившихся чувств обливают холодной водой и бьют снова, безжалостно, артистически... подымают вверх и бросают на пол. Кровь льется ручьями, ею обрызганы все стены, она виднеется повсюду...»

Далее следовала «каторжная наука»:

«...Богомолов, не говоря ни единого слова, берет меня за шиворот, ставит посредине камеры, затем также молча, словно обращаясь с неодушевленным предметом, носками сапога сбивает мои ноги вместе и говорит:

— Вот здесь и вот так — руки по швам — ты должен стоять, когда кто-нибудь к тебе входит... То же и на утренней и на вечерней поверке... То же всякий раз, когда надзиратель посмотрит в глазок... И только, когда поверка пройдет и ты останешься один или когда глазок закроется, ты сможешь сойти с места. Понял?.. Когда к тебе захожу я или старший, или помощник, или сам господин начальник и с тобой поздороваются, ты должен отвечать громко и отчетливо: «Здравия желаю, господин отделенный» или же «господин старший», или «ваше высокоблагородие». Только слов не растягивать, а отвечать быстро, вот так: «Здравжлав, господдленн» или «Здравка в васкобродь...» Ну. Так запомни же... Стены, подоконник, пол — все должно блестеть, как зеркало... Медная посуда, чтобы — как огонь... И чтоб нигде ни пылинки... В параше и под парашей чтоб была чистота и порядок, а не то... На все вопросы отвечать так: «Так точно... Никак нет... Слушаюсь». И чтобы не было никаких «да» или «нет»... Понял?

Сделав маленькую паузу, Богомолов прибавил:

— Первый месяц ты будешь без книг, без переписки, без выписки. А потом посмотрим... А ежели не так поведешь себя, то и розги получишь...»

Поддержание чистоты в камере превращалось в новую пытку для заключенных:

«Я тебе говорил, чтоб пол блестел, как зеркало, — снова закричал отделенный, — Это что за пол? Возьми суконку. Три!

Я схватываю из стульчака парашки пару суконок, сажусь на корточки и изо всех сил тру асфальт. Но удар ключами по спине неожиданно прервал мою работу.

— Не на корточках, а на коленях надо, — крикнул Богомолов».

«Уборка производится с такой бешеной поспешностью, что не

успеваешь ни вылить вонючую парашу ни набрать в кувшин воды для питья... Умываться в клозете? Убьют, хотя для этой цели устроены хорошие умывальники, а умываться в камере никто не осмеливается».

Пороли по всякому поводу и вовсе без повода:

«Вайсман наказан розгами за то, что не отвечал: «Здравия желаю», Кихтенка — за оскорбление надзирателя.

Эйник вешался из-за того, что его, страдающего припадками, доктора признали симулянтом и Дружинин пообещал наказать его розгами, если припадок его повторится.

Виднев страдал психическим расстройством. Дружинин избил и кроме того вызвал сборную, где в его присутствии наказал розгами одного арестанта, а потом положил и его.

Дружинин скомандовал: «Начинай». Розги свистнули, но не опустились... Затем он поднял его, изругал и сказал: «Если еще у тебя случится припадок, буду пороть».

Наказывают за медленную работу, а когда отвечают, что сделать больше нельзя, Дружинин орет: «Мне дела нет», «запорю».

«Бессрочный картожанин Мельников, психически не совсем здоровый, стал что-то выкрикивать из своей одиночки, его тотчас избили и потащили пороть. Крики Мельникова вызвали стук в двери других. За этот стук выпороли Шарапова, Новикова, Ужикова, Зуева и еще некоторых товарищей. 50 человек посадили в карцер на 10 и на 20 суток».

Самая врачебная помощь цинически превращалась в издевательство над заключенным или в прямое избиение. Врач в царской тюрьме был помощником палача.

«Медицинской помощи мы были фактически лишены. Правда, врач при тюрьме был. Фамилия этого изверга от медицины, если не изменяет память, Сучков. В камеры к больным он не ходил. Как бы ни был плох больной, он должен спуститься с четвертого этажа на площадку, где за столом, окруженный надзирателями, сидит доктор.

— Что у тебя болит?

Больной жалуется на кашель, удушье, кровохарканье, ночные поты.

— Хочешь чахотку симулировать? Ну, посмотрим.

Он слушает небрежно, через рубашку. И нередки были случаи, когда он, обращаясь к старшему, говорил:

— Симулянт...

Это было связано с карцером».

«Если кто-либо из них (долгосрочных) заболевал, врач даже и не являлся к ним, и, какова бы ни была болезнь, в больницу их не брали. Так и умирали они без медицинской помощи».

«Доктор собственноручно избивал арестантов, не говоря уже о площадных ругательствах, ежеминутно срывавшихся с его уст...»

«Отбивание легких практиковалось как самое радикальное средство, чтобы избавиться от особенно неприятных арестантов. Тюремный врач регистрировал в таких случаях «туберкулез», и уголовное преступление прикрывалось».

Вот как описывает одна из политических заключенных камеру в Бутырской тюрьме, какой она была в 1908 году:

«Маленькие башенные окна, низкий сводчатый потолок, кривые стены, непросыхающая даже летом сырость, спертый, ужасный воздух, теснота... Женщины, молодые и старые, заперты сюда на многие годы, навсегда. Кроме грязной непосильной работы их жизнь не заполнена ничем...»

И дальше:

«...Откуда-то сзади раздалось неистово: «Гони их, сукиных детей, в болото!...» Под свирепыми ударами прикладов партия (пересыльных) свернула налево, в топкое травянистое болото. Здесь каждый шаг стоил усилий. Ноги порой погружались по колено в черную грязь, снимались и увязали коты (обувь), за потерю которых арестанта ждал в тюрьме карцер, а может быть и розги. Люди падали, спотыкались о кочки, а удары все сыпались и сыпались. Солдаты разделились на две партии: одни отдыхали, шли по дороге, ехали в телегах; другие бежали рядом с нами по болоту и били, не жалея сил, били прикладами в спину, в шею, по ногам... На все мольбы, призывы, убеждения женщин солдаты только грубо огрызались и вновь замахивались. Особенно помню фигуру пожилого высокого татарина; его почему-то били больше всех. После каждого удара в спину он падал с каким-то коротким кряканьем навзничь; его поднимали ударом сапога в лицо, и он снова бежал и снова падал. Многие были окровавлены, некоторые плевали кровью. Наконец солдаты измучились. Мы снова вышли на дорогу, и вскоре был объявлен привал. Мы освежили лица, напились и легли на земле. Второй кусок пути шли медленно, останавливаясь каждый час. Избитые сидели и лежали на телегах. Конвойные молчали и не глядели на нас и друг на друга, испытывая, видно, тяжелую реакцию после бешенства. Наконец показался Горный Зерентуй, и через час мы вошли через широко распахнутые ворота тюрьмы во двор, где за столом сидело, приготовившись к приему, тюремное начальство. Не знаю, в каком виде представил конвой дело начальству, но на заявление партии об избиении последовал только грозный окрик. Нескольких человек пришлось немедленно положить в больницу.

Буржуазная Финляндия, некогда колония Российской империи, сохранила и развила царскую систему угнетения заключенных.

Неподалеку от советской Карелии в финляндских застенках льется кровь революционных рабочих.

Финляндия. Страна озер и леса. Один язык звучит по обе стороны границы.

В тюрьме Эканас 500 политзаключенных. Большинство — вечники. Они медленно умирают. Сырые темницы Эканас — рассадник туберкулеза. Пища здесь редко бывает съедобной. 17 июля 1932 года большинство заключенных было отравлено несъедобной пищей.

Труд заключенных — это столярные работы. Здесь, за границей Карелии, не знают специализации. Адвокат ли ты, слесарь, шофер или сапожник — все равно: строгай! пили! Тебе заказана норма. Силен ли ты или слаб — все равно: пили! Если ты не выполнил нормы в срок, ты попадешь в карцер. Четверо суток на хлеб и воду. Если ты не выполнил ее вторично — две недели. Если тем не менее ты и в третий раз не настрогал нормы — карцер. На неопределенное время. Все карцеры здесь переполнены. Нормы таковы, что их невозможно выполнить в срок. Мало кто выходит из финляндской тюрьмы. Разве только на кладбище. Макслин, Куялла, Хининас, Вуарис, Кокоо, Ярвинен, Гиеминен — вот имена коммунистов, убитых в тюрьмах за последнее время.

Однажды в селении Рованиеми загорелись лесные склады. Это было в августе 1930 года. Охрана схватила первых попавшихся рабочих. Они не были виноваты в поджоге склада. Но о них было известно, что они связаны с революционными организациями. Ночью один из жителей Рованиеми вышел в лес наломать сучьев. Он увидел: большой столб дыма поднимается над лесом. Он подумал — неужели пожар? Он пошел на дым. Скоро он услышал голоса и стоны. Осторожно раздвигая руками кусты, он подошел к голосам. Вот что он увидал. Большой костер. У костра бьется связанный человек. Он гол. Огонь лижет его тело. Он кричит. Другие люди большими палками не дают ему откатиться от огня. Вглядевшись, житель Рованиеми узнал в людях местных охранников, а в голом человеке — Кумпумяки, одного из арестованных рабочих.

Ему сделалось страшно, и он захотел уйти. Но он побоялся движением выдать себя. Он остался и видел все, что было дальше. Он видел, как Кумпумяки били прутьями и опять жгли. Но рабочий все кричал: «Это не я...» Тогда охранники, посовещавшись, бросили Кумпумяки на муравейник. Вылезло множество муравьев, они ползали по закопченному телу рабочего и кусали его. Кумпумяки застонал: «Хорошо! Пусть я!» Его развязали, подсунули ему бумагу и карандаш. Он подписал «признание».

На следующий день в кабинет ленсмана затащили шестнадцатилетнюю Елену Лепянен. Ее раздели догола и привязали к скамейке. Принесли кнут. Четыре раза она теряла под кнутом сознание. Ее приводили в чувство и опять били. Она подписала «признание».

Адвокат Хонтунек взял на себя защиту этих невинных людей.

Тогда его тоже заманили в комнату ленсмана и подвергли пыткам. Под кнутом он подписал отказ от защиты обвиняемых из Рованиеми.

Такова Финляндия — тихая страна. Гранит, озера, лес.

В фашистской Германии есть все, что есть во всех буржуазных тюрьмах. Голод, кандалы, религия, пытки.

Однако тут это существует в таких размерах и степенях, как нигде в мире. Кроме того в Германии есть концлагери. Мы заглянем и туда. От прочих стран фашистская Германия отличается тем, что подводит под пытки и изуверства философскую базу. Так в Германии есть избиения. Но есть и устав избиений. Есть пытки. Но есть и расписание пыток. Страна философов — со времени прихода Гитлера — фашистская Германия — создает теории мордобоя и убийств.

Фашистский теоретик юрист Керрль открыто заявил:

«До сих пор лишение свободы осуществлялось таким образом, что жизненный уровень заключенного был гораздо выше жизненного уровня безработного или мелкого крестьянина. Это положение должно быть изменено, и новый закон кладет этому конец. Постановление составлено теперь таким образом, что жизненный уровень заключенного устанавливается ниже уровня безработного. Это необходимо также для того, чтобы уменьшить преступность в будущем. Тем самым для заключенного должно стать ясным, что он никогда не будет вновь испытывать желание вернуться в тюрьму. Заключенный должен убедиться в том, что тюрьма не является бесплатным отелем».

Таким образом исправительная политика совершенно вычеркивается из карательной системы фашистской Германии.

Кнут стал главным орудием немецкой системы «исправления преступников».

«Обыкновенная принадлежность к социал-демократической партии наказывается тридцатью ударами резиновой дубинки по обнаженному телу; за принадлежность к коммунистической партии, как общее правило, полагается сорок ударов. Если наказуемый выполнял политические или профсоюзные функции, то мера наказания увеличивается».

Практика следует тотчас за теорией.

Полутемный подвал. Посреди деревянная кобыла. Здесь столько лили крови, что ею пахнет отовсюду. Пожилого рабочего кинули на кобылу. Его преступление в том, что он организовал столовую для безработных. Его секут стальными прутьями. Он должен громко считать удары. На третьем он теряет голос. На пятом кнут рассекает кожу. Льется кровь.

Потом — моральные пытки. Ложные расстрелы. Пули свистят над ухом.

Иногда арестованных поят касторкой. Во время сечения они испражняются. Цель — ввергнуть человека в пропасть стыда, морально обессилить, разбить волю.

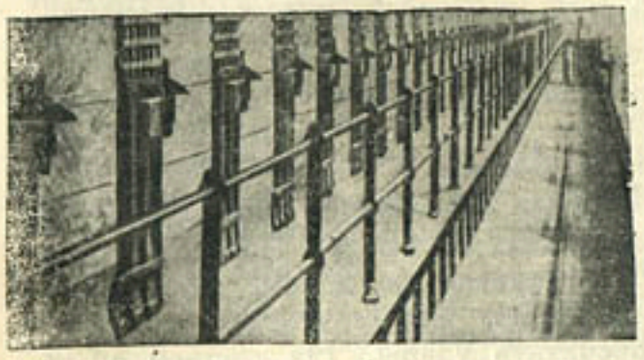
Да, это сделано с расчетом. Это предусмотрено. Это значится в расписании пыток.

«Телеграфный монтер Гротегенне не занимал никакой партийной должности. Он был членом республиканского флага. В понедельник 27 марта к Гротегенне явились штурмовики и предложили ему пойти с ними в казарму штурмовиков. Жена его подумала, что это обычная попытка заставить вступить в партию национал-социалистов и посоветовала мужу немедленно подать заявление о вступлении и не уходить из дома.

Но Гротегенне пошел с фашистами в казарму. Прошло несколько часов. Он не возвращался. Жена решила тогда пойти за ним. Перед казармой штурмовиков стоял фашист по имени Мейер. Госпожа Гротегенне опустилась перед ним на колени, плакала и умоляла его отпустить мужа. В этот момент на улицу выбросили тело Гротегенне. Он был превращен в окровавленный кусок мяса. Несколько человек отнесли тяжело пострадавшего домой. Так как подозревали отравление, то ему влили в рот молоко. Его вырвало.

Жена, вытиравшая у него пену со рта, заметила, что ее носовой платок разъеден в клочья кислотой, содержавшейся в рвоте. Гротегенне временами был настолько в сознании, что мог рассказать, как его мучили. Его раздели и три часа под ряд избивали стальными прутьями, в промежутках его заставляли собственным платьем вытирать кровь с пола.

Когда он лежал без сознания, стиснув зубы, штурмовики пытались влить ему в рот соляную кислоту. Так как это сразу

Тюрьма Синг-Синг, знаменитая своим тяжелым режимом и никогда не умолкающим эхом

не удалось, то ему насильно открыли рот, причем оторвали часть верхней губы.

Гротегенне скончался в ужасных мучениях вечером 29 апреля. Труп был подвергнут судебному вскрытию. Как причину смерти констатировали кровоизлияние в мозг и ожоги рта, пищевода, желудка.

Прокуратура занялась этим делом, но до сих пор никто из виновных не привлечен к ответственности».

«В начале марта был взят под стражу Фриц Гумберт из Гайденау. Его обвинили в том, что он «зарыл боевые припасы и оружие». Его доставили в крепость Кенигштейн, оттуда в концентрационный лагерь Гогенштейн. Там его заковали в цепи и подвергли пытке. Истязания, перенесенные им, были столь жестоки, что он умер. Жене сообщили, что он скончался от кровотечения из желудка и кишечника.

Рабочие предприятий, находящихся в Гайденау, собрали деньги и настояли на перевозке тела в Гайденау. Это было разрешено, но с непременным условием, чтобы гроб не открывали. Рабочие однако не стали считаться с этим распоряжением. Никто из очевидцев не забудет той картины, которая им представилась. Лицо оказалось буквально разбитым на кусочки. Повидимому языка совсем не было. На руках видны были следы тяжелых оков, зад представлял собой изрешеченный кусок мяса. Задний проход был забит тряпкой, чтобы удержать кровотечение, спинной хребет был переломлен, половые органы изорваны, правая ляжка разорвана, под ложечкой тело было продавлено так, что кишки выступали наружу. Искусанные губы свидетельствовали, какие ужасные страдания перенес Гумберт.

Когда вокруг тела собралась толпа возмущенных и охваченных ужасом рабочих, штурмовики снова забрали труп. В Гайденау явился сам палач Киллингер с целым штабом полицейских и с врачами. Был устроен повальный обыск в рабочих квартирах, чтобы конфисковать аппараты и фотографические пластинки. Очевидцам под угрозой самых тяжелых наказаний было предложено ничего не рассказывать. Те, кто присутствовали при осмотре тела, были вызваны специально и получили предупреждение «держать язык за зубами».

В пятницу 28 апреля происходили похороны. Около 3 тысяч рабочих и работниц явилось отдать последний долг покойному. Все прилегающие улицы были оцеплены штурмовиками, державшими оружие наготове. Когда процессия подошла к воротам кладбища, на нее напали фашисты и разогнали ее.

На кладбище пустили только родных. У могилы произнес речь священник, демонстративно носивший фашистский значок».

«28 марта коммунист Эдом, проживающий в Кенигсберге на Роберштрассе 6, был забран на квартире в 12 часов ночи. Так

как было известно, что он находится в дружеских отношениях с коммунистическим депутатом рейхстага Шютцем, то его избивали в течение 2 часов так бесчеловечно, что он, растерявшись, обезумев от боли, не выдержал и в полубессознательном состоянии указал местонахождение Шютца.

В 2 часа 30 минут утра в ту же казарму притащили Шютца и там в течение 12 часов его били, кололи и топтали, пока он не превратился в совершенно бесформенную массу, так что его нельзя было опознать. 29 марта вечером Шютц скончался в больнице. В листке о смерти указано: «от разрыва сердца».

3 апреля Шютца зарыли как скотину. Ни одна немецкая газета не сообщила об его смерти. Угрозами заставили молчать врачей и санитаров.

Жену убитого в это время держали под стражей. Двенадцатилетнего сына заставили подойти к обезображенному телу отца, прежде чем оно было опущено в землю и один из фашистов сказал ему: «Так будет с тобой, если ты пойдешь по его стопам . . . »

Ограничимся покуда этими случаями из тысячи других, известных миру.

В то же время, как многие профессиональные убийцы, фашистские законодатели умилительно сентиментальны.

Новый Уголовный кодекс карает среди прочих «преступлений»: «Истязание животных . . . »

Среди стона истязуемых и пытаемых рабочих журнал «Preussische Justiz» заявляет, скроив на лице палача мину елейно благочестивого святоши:

«Именно защита животных является сердечным делом для национал-социалистов, которые в каждом животном видят творение божие...»

Сейчас вивисекция животных в Германии запрещена. Ежедневно выпуская кровь из сотен трудящихся, германский фашизм заступился за морских свинок и кроликов.

«Каторжные тюрьмы в Зонненбурге и Фульсбютеле были закрыты уже несколько лет назад, потому что они представляют собой средневековые, совершенно негигиенические темницы. Туда не решались помещать даже преступников, совершивших тяжелые уголовные преступления. В Фульсбютеле нет отхожих мест и канализации. Пребывание в этой каторжной тюрьме, особенно в жаркое время, становится невыносимой мукой. Эти каторжные тюрьмы превращены теперь гитлеровским правительством в концентрационные лагеря . . . »

«Все отделение ночью выгоняют из бараков и заставляют проделывать гимнастические упражнения, а шесть фашистов бесчеловечно избивают одного из товарищей резиновыми палками, угрожая ему револьвером. Они только того и ждут, чтобы

У людей в тюрьме нет ни имени ни лица

им было оказано сопротивление, и тогда они наверное пристрелили бы товарища. Но так как он не дал себя спровоцировать, то они потом еще раз жестоко отколотили его. Этому товарищу было заявлено: «Вы можете конечно жаловаться, но только это бесцельно, а мы вдобавок можем вас еще пожаловать мешком, набитым песком . . . »

При этом воспитательная работа: каждое утро «час национального бдения», во время которого хором поют патриотические песни. Да раза два в неделю макароны в форме «свастики» — в целях национального воспитания. Макарон явно недостаточно.

Работа?

Вот как ее описывает один из посетителей ораниенбургского концлагеря:

«Работа — это — назовем ее работой — самая большая бессмыслица, какую только можно себе представить как для стражи, так и для заключенных. Трое молодых рабочих заставляют шестерых своих товарищей по безработице полоть траву, причем с максимальной скоростью. Шесть человек в лохмотьях лазают по камням, вырывают стебельки весенней травки, пробивающиеся между камнями, вырывают миниатюрные корни, очищают песок от сора и аккуратно забивают его снова в щели мостовой. Инструментов никаких. Разумеется,

трава никому не мешает, и нет ровно никакого смысла полоть ее и выкапывать корни.

За фабричным зданием усиленно льют воду. Двенадцать человек изо всей силы стараются вычистить старое здание. Если оно не будет блестеть, как дворец из мрамора, это вменяется им в вину, это припишут их личной непригодности. Они должны убрать каждую песчинку, каждую щепку. На фабричной стене красовалась нарисованная рабочими советская звезда — прочь ее, хотя бы пришлось для этого развалить всю стену. А здесь совершенно бессмысленная, нелепая трата сил — не работа, а только занятие.

Гораздо хуже обстоит дело на другой работе. Выкорчевывается соседний лес. Заключенных под усиленным конвоем отправляют в лес. Они должны выкапывать из земли огромные пни с корнями. Штурмовики подгоняют людей, которые годятся им в деды, выражениями: «старая свинья», «красная свинья», «старая яичница». Выражения эти взяты из жаргона императорской армии, но стали лишь крепче и циничнее . . . »

Сколько человек в концлагерях фашистской Германии?

Не менее 60 тысяч политзаключенных. Число это ежедневно увеличивается. И ежедневно уменьшается, если вспомнить многочисленные «убийства при попытке к бегству» и кровавые расправы, подобные тем, которые происходят и в фашистских тюрьмах.

Так выглядят лагеря и тюрьмы, воздвигнутые буржуазией.

Что же ждет тех людей, которые были арестованы в 1931 году в СССР и отправлены в советские лагеря? Об этом расскажут следующие главы.

*

Глава третья

ГПУ, ИНЖЕНЕРЫ, ПРОЕКТ

СТАЛИНСКИЙ ПЛАН

В ОПУБЛИКОВАННЫХ к XVII съезду тезисах доклада тт. Молотова и Куйбышева о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.) мы читаем:

По водному транспорту должно быть проведено гигантское строительство искусственных водных путей — каналов: Беломорско-балтийский канал протяжением в 227 километров (окончена первая очередь в первый год второй пятилетки), Москва — Волга канал протяжением 127 километров, Волга—Дон канал протяжением 100 километров, реконструкция Маринской и Москворецкой водных систем, что вместе с большим объемом гидротехнических работ на действующих водных путях (сквозной путь по Днепру, шлюзование реки Сож, реконструкция Средней Волги) в основном обеспечит реконструкцию водных путей и создание единой водной системы европейской части СССР, связывающей Белое, Балтийское и Каспийское моря.

Это тот план реконструкции водного транспорта, который Сталин развернул еще в начале 1931 года, выдвинув предложение о строительстве Беломорско-балтийского канала.

Канал прорежет Карелию от Онежского озера до Белого моря. Глухой и дикий край заживет культурно и богато. При царизме Карельский край пребывал в полной заброшенности.

Богатства этого края велики.

Карельская древесина — ель, сосна и береза — первоклассны. Около Карелии огромные залежи апатита. Энергия водопадов тысячи лет растрачивалась бесплодно. Есть в Карелии железо, медь и даже золото — на озере Выг. Карельский гранит — замечательный материал для построек. До сих пор все эти богатства лежали не только неиспользованными, но даже и неизведанными.

Об этих богатствах хорошо знали в соседней небольшой стране. Там давно зарились на скромную Карелию, столь привлекательную для знающих людей. Совсем недавно в Финляндии вышел сборник, посвященный белогвардейской интервенции в 1918—1921 годах — «Сборник о памяти Олонецкой экспедиции».

В вводной статье известный фашистский генерал Х. Игнациус откровенно пишет:

«Присоединение советской Карелии к Финляндии даст нам большие как стратегические, так и экономические выгоды. Экономически советская Карелия была бы для Финляндии ценнейшим приобретением: обширные, частью нетронутые леса, бурные, еще не использованные пороги принесли бы нашей стране огромные богатства».

И дальше: «Будущая граница Финляндии будет проведена так, что весь ингерманландский народ войдет в состав Финляндии. Ленинград не может служить тому помехой».

Карелия была и будет верным форпостом Союза советских республик на границе с фашистской Финляндией. Беломорский канал, поднимая хозяйственную мощь Карелии, укрепляет и ее обороноспособность.

Еще в 1931 году советские пароходы шли семнадцать суток из Архангельска в Ленинград. Не слишком ли это много для того, чтобы проехать расстояние в 600 километров?

Пароходы обходили Нордкап, шли Гольфштремом, поворачивали на юг. В Атлантическом океане советский грузовоз пересекал большую дорогу иностранных судов.

Из Финского залива в Белое море нужно итти через зоны капиталистических государств. Но достаточно было бы рассечь каналом 240 километров камней и болот, чтоб открылся прямой путь.

Канал свяжет Балтику с северными морями, станет головным участком Великого северного пути: Ленинград — Повенец — Сорока — мыс Челюскин, Берингов пролив — Владивосток..

Беломорско-балтийский канал явится важнейшей кровеносной жилой нашего севера.

Он откроет для Карелии, для советского севера, для всего

Вместо семнадцати — четыре дня пути

Советского союза новые экономические перспективы. Хлеб, соль, нефть, металл, машины, лес, рыба, товары широкого потребления, апатиты, нефелин — пойдут по каналу.

Он будет важным узлом, связывающим водные дороги Советского союза: без него неосуществим путь из внутренних водных артерий РСФСР, Белорусской и Украинской ССР к дальневосточным окраинам Союза.

Если оборудовать сетью радиостанций весь северный берег Азии и наши острова в Ледовитом океане, затем оборудовать эти базы самолетами, тогда можно будет действительно видеть движение льдов и обеспечить в течение летних месяцев бесперебойное плавание по Ледовитому океану.

Арктические — полудикие и отсталые — районы оживут.

Все реки советской Азии текут на север. Они раскрывают свои устья навстречу северному морскому пути. По всем направлениям, как Охотск — Юдомская, на Лену, как Охотск — Сейчан и Янск — Лавдон (что соединяет Приморье с системой рек Колыми и Индигирки), в направлении Оби, Лены — всюду протянутся дороги.

Часть их уже сооружается. Ключом к этим дорогам явится Беломорско-балтийский канал.

Ближайшая пятилетка в корне перестроит Мариинскую систему. После реконструкции Днепра, после осуществления Валдайской проблемы, когда будет урегулирован весенний сток верховьев Западной Двины, после присоединения Печоры к Каме перед нами откроется разветвленная система водных дорог, самых дешевых в мире. По этим дорогам корабли смогут плыть из конца в конец Советского союза.

Беломорский канал — первое звено сталинской программы реконструкции всех водных путей Союза.

По предложению Сталина это строительство поручено было партией ОГПУ.

НОВОЕ ЗАДАНИЕ

На вопрос анкеты — ваша работа после 1917 года — этот человек мог ответить, не затрачивая много времени.

Его затруднял другой вопрос — ваше постоянное местожительство? Ради краткости он предпочел бы ничего не писать, а только приложить географическую карту Советского союза. Но это не удавалось. Что поделаешь? В учреждениях уверяли, что такого места прописки нет. И это говорили человеку, который за двенадцать лет менял только места своего пребывания, но не менял работы.

Его знали в Карши, в Ширабаде, в поселениях, не нанесенных на карты республиканского масштаба. Везде оставались друзья и знакомые. Был еще круг людей, с которыми знакомство было несколько односторонним. Он знал о них хорошо, а они об этом даже не подозревали. Или они были так наслышаны о нем, что и, получив приглашение притти к нему, не удивились бы нимало. Во всяком случае он был человек общительный. Часто он встречал этих людей уже в другом, неожиданном для них самих месте.

Ему удавалось куда чаще видеться с товарищами в разных концах страны, чем жителям одного и того же города.

Его окликали у персидской границы:

— Матвей!

К нему спешил человек в белом кителе.

Это был товарищ, с которым вместе они ликвидировали белогвардейскую банду под Верхнеудинском.

Что делаешь? — спрашивал он.

— Все то же, — отвечал Матвей. — Когда еще увидимся?

— Обязательно увидимся, — прощаясь, отвечал товарищ.

Они не могли дать друг другу твердого адреса, но оба знали, что делают одно дело.

На Губернской улице в Иркутске его останавливал сверстник, с которым он работал в Семипалатинске.

— Постарели мы или не постарели, Матвей Давыдович? — спрашивал сверстник.

— Нет, не постарели, — отшучиваясь, улыбался Матвей Давыдович. Оба они были так молоды, что стареть им было приятно.

— А где ты сейчас?

— Все там же.

В Иваново-Вознесенске на собрании партколлектива он получил записку: «Тов. Берман! Вы не тот ли самый Берман, что во Владивостоке? Если тот самый, то мы знаем друг друга Моя фамилия Иванов. Не тот Иванов, который в Крайзу, а тот, что в Горпрофсовете. Здесь я в Облснабе, а вы что?»

«Все то же», писал Берман.

Так бывало в Коканде, в Томске, на китайской границе, на Урале.

Чувство того, что он делает «все то же», не покидало Матвея Бермана. Он ездил в поезде, гулял в Парке культуры, смотрел пьесу в театре и всегда чувствовал не только локоть соседа, но и его биографию. Он сталкивался с огромным количеством самых разнообразных людей. К каждому новому человеку в нем пробуждался требовательный интерес, давно превратившийся в бессознательную привычку разговаривать с людьми, — узнавать, кто он и что. Берман не знал, что значит терять время. Если ему приходилось ждать, он обязательно затевал разговор с шофером, канцеляристкой, вахтером, гардеробщиком, носильщиком багажа. В поезде это был самый располагающий к беседе пассажир. Не спрашивая у проводника вагона, он хорошо знал, кто куда едет.

Людей, которых он мимолетно видел, он не так-то легко забывал.

Человек твердо знал: я есмь Иван Степанович Федотов, член профсоюза и повар столовой Сталинградского завода. Разбуди его ночью — и он это скажет одним духом. Берман говоит с ним, как старый знакомый.

— Филипп Серых, — чего не признаете? Мы с вами виделись в Забайкальи.

И это было уликой, бесспорной, как фотографическая карточка.

Безбородый человек надевает бушлат.

— Священник, что с вами? — удивляется Берман.

Инженеров, офицеров царской армии, зубных врачей, мануфактуристов, железнодорожников и управдомов он различал походя, как будто они держали на виду эмблему своей профессии. На самом деле многие ее скрывали и жили тем, что их путали с другими.

Он знал говор уральский, сибирский, иваново-вознесенский и портовый. И хотя многие не обладали таким свойством узнавания, сам Берман не находил в нем ничего особенного. Это было обычное свойство той породы людей, к которой он относил себя.

Берман был чекист. В нем всегда жило ясное сознание того, что он каждый день держит ответ перед партией.

«Страна вкладывает миллионы рублей в ирригацию Вахшской долины. Страна ждет своего хлопка, а дело не идет. Дехканин измучился, ожидая воды, а вода не идет, в чем тут дело» думал он.

«Стране нужен уголь. Кто же не подымает уголь на гора?» спрашивал он себя.

... Уполномоченный ГПУ в Шахтах запечатлел новую эпоху классовой борьбы, впервые сказав в донесении: вредитель.

И как тысячи других чекистов, Матвей Берман ощущал скрытую силу классового врага. Ее надо было найти, чтобы обезоружить.

В нем беспрестанно происходил творческий мыслительный процесс обобщения. Оброненные словечки, неожиданные интонации, вырвавшиеся жесты, скованные походки, случайные происшествия и странные ошибки откладывались в его памяти.

Путейская фуражка, промелькнувшая в окне международного вагона на станции Ташкент, вступала в интимную связь с автомобилем, остановившимся у дома, где проживал известный профессор в Ленинграде.

В этих причудливо разбросанных частностях выступало целое, отмеченное общей чертой враждебности и лживости.

Контрреволюция не любила с некоторых пор разговаривать вслух и смотреть в лицо. Он приучился улавливать и различать голоса по одному только движению губ; выражение глаз — по натянутым векам и легкому колебанию ресниц.

М. Д. Берман — начальник лагерей ОГПУ

К тому же контрреволюция жила не в ладу с правдой. Самые отважные ее представители при словах правды отворачивались в сторону.

Берман допрашивал барона Унгерна. Вел дело генерала Бакича. Это были открытые белогвардейцы. Все же и они не сказали всей правды.

Почему почтенный инженер с узкой, как отточенное лезвие, бородой, создавшей ему безоговорочную репутацию честного человека, лепечет о родине, патриотизме, цитирует стихи Блока «Россия, нищая Россия»... и замирает перед логическим смыслом десяти тысяч франков, полученных из рук некоего лица иностранного подданства?

Почему врач-бактериолог — представитель самой гуманной, самой человечной науки — никак не может объяснить, зачем понадобилось заслать в колхоз чумную вакцину, а твердит о врачебной тайне в медицинской этике?

В конечном итоге все они сознавались, писали покаянные письма и просили помилования, мотивируя стремлением загладить свою вину перед страной, а не для того, чтобы жить, только жить, жить во что бы то ни стало.

Возвратясь после допроса в камеру, они брали друг у друга том «Войны и мира» и по нескольку раз перечитывали то место, где описывается, как князь Андрей Болконский лежит раненый на поле сражения:

«Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты и спасены ли пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже кроме неба — высокого неба, неясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нему серыми облаками». «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как мы бежали, кричали и дрались. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец.

Да! все пустое, все обман кроме этого бесконечного неба».

Читая, они с удовольствием плакали и умилялись сами себе.

... Матвей Берман готовился к докладу на коллегии. Он только что прочел объемистое признание одного вредителя, написанное в форме докладной записки под общим заголовком: «Моя идеология».

Из 20-ти страниц, исписанных пунктуальным почерком и содержащих конспектированную смесь извлечений из Шпенглера, Достоевского и профессора Франка, синим карандашом были выделены несколько строчек, ... *«что касается найденных при обыске лианозовских акций на 50 тысяч рублей, то они принадлежат моей покойной жене. В день нашей серебряной свадьбы*

она захотела (слово захотела зачеркнуто) пожелала сумму, отложенную на подарок, обратить в биржевые ценности. Хранил как дорогую память».

— Вот она их идеология, — усмехнулся Берман. — Они были враждебны социализму не потому, что у них отняли идеи. У них отняли акции.

За всем многообразием тончайших, искуснейших индивидуальных мотивировок таилась напомаженная, приглаженная, выхоленная жажда денег, роскоши и безделья, пряталось недвижимое имущество, — рента, купоны, земля, частная собственность.

И когда Берман стал докладывать коллегии, то из приведенных им фактов, событий, случаев как бы выступило наружу, воинствующее, омерзительное и жестокое мурло собственника.

— В колхозах целого района околевает скот от неизвестной болезни. В Шуе, Рыбинске, Коврове наплыв подозрительных лиц. Они толкутся у фабричных ворот. В ларьках опять нехватка спичек и соли, в то время когда склады полны. В столовой Меланжевого комбината обнаружено в пище битое стекло.

...Матвей Берман часто бывал на Меланжевом комбинате. Веселые и невоздержанные на язык работницы с свойственной людям, долго находящимся в коллективе, одного пола бесцеремонностью оглядывали его. Он стоял среди пестрого ералаша ситцев, солнечных косых лучей и лоснившихся от смазки машин с красными флажками, окруженный теплым дыханием женщин, — стоял один статный парень тридцати лет в длинной кавалерийской шинели.

Он отшучивался в ответ на безобидное их озорство.

— Я вам всем сосватаю женихов, что надо. Будьте покойны.

— Нам таких, чтоб с ромбами.

— Можно и с ромбами, — охотно соглашался Берман.

Берман уходил с фабрики с запасом рассказов, странных бессмыслиц и беспорядков, которые ему в разговоре выложили работницы.

Ими владело требующее выхода глухое раздражение, накопившееся за последнее время в очереди к ларьку, в автобусе, на рынке, в прачечной, в проходной будке, в инструментальной, раздражение на хулиганство лодырей и пьяниц, раздражение, обостренное близостью изворотливого, неуловимого врага. Так, со злой горячностью, с настойчивой требовательностью, грубовато укоряли они его.

Берман покидал фабрику с чувством, которое он не раз замечал у своих товарищей-чекистов, не догадываясь, что то же самое они наблюдали и в нем. Это было ощущение, что в нем

сосредоточена сила, которую выделила партия, чтобы оберечь, не дать в обиду этих до слез дорогих ему людей — людей, склоненных над станком, рубящих уголь, опаленных пламенем горнов, вытирающих рукавом пот, задремавших опустив голову над учебником механики и не спящих ночью после коллективной запашки — первой коллективной запашки. Эту силу надо было напрячь доотказа и держать наготове, чтобы во-время отвести занесенную над всеми ими чужую руку.

И это чувство вдруг хлынуло откуда-то изнутри и залило багровостью лицо, когда он, чуть запнувшись, продолжал докладывать зампреду.

— В Родниках лежат в больнице три работницы, привезенные из ближнего колхоза. Выкачивание желудка показало, что их травили мышьяком.

Потом он стал читать сводку порчи тракторного парка.

Сводку пекарен, не отпускавших хлеба до фабричного гудка, хотя этот хлеб был.

Акты о тоннах испорченного мяса, скисшего молока и сгнившей зелени.

— Это новый тип вредительства, — подытоживал Берман в среде работников ГУЛАГа разговор с зампредом. — Раньше у вредителей был расчет на приход интервенции, и они ставили себе задачу парализовать производственную жизнь страны. Вредительство исходило из верхушки инженерской касты, связанной с иностранными капиталистами. Теперь, видно, пробивается другое. Вы помните последнюю речь Сталина? Он говорил о кулаках и местных вредителях мелкого масштаба. Они хотят заставить страну пухнуть от голода. Вызвать восстание, а потом... интервенция.

Заключенный стоит государству больше 500 рублей в год. С какой стати рабочие и крестьяне должны кормить и поить всю эту ораву тунеядцев, жуликов, вредителей и контрреволюционеров? Мы их пошлем в лагеря и скажем:

«Вот вам орудия производства. Хотите есть — работайте. Это принцип существования в нашей стране. Для вас не будет исключения».

Лагерями должна руководить такая организация, которая сможет выполнять крупные хозяйственные поручения и начинания советской власти и освоит ряд новых районов.

— Это прямая директива партии и правительства, — вспоминал Берман.

— Эти люди прошли через горнило раскулачивания, изоляции. Есть еще для них горнило воспитания и трудовой дисциплины.

Ягода напомнил о Болшевской коммуне — о воре, который теперь работает инженером в МОГЭСе...

ГЕНРИХ ГРИГОРЬЕВИЧ!

Тов. Сталин запрашивал, нельзя ли у нас среди чекистов найти кого-либо, кто занялся бы во всем объеме делом о беспризорных детях, на которых тратятся без пользы бешеные миллионы.

Я уверен, что если бы заняться этим делом, то можно было бы достигнуть огромных результатов, если в своей работе опереться на доверие и самостоятельность и помощь самих детей. Для этого не жаль посвятить хороших работников.

Ф. Дзержинский

Протягивая Берману руку, он сказал:

— Мы в них живую душу вдунем. Многие у нас еще выйдут в люди. А вас мы переводим в ГУЛАГ.

... Этот горячий летний день навсегда запомнился Берману. Он бродил по городу, не зная, куда прислониться. Дымились чаны с асфальтом. Чадный запах мутил голову. Прохладу он нашел в Александровском саду.

«Что ж это такое»? проронил он вслух и, покраснев, удивленно оглянулся, поднялся со скамейки и пошел прочь.

Он опять очутился на давно знакомой Лубянской площади.

Двенадцать лет назад был такой же белый от жары день — вятский деревянный день. В партийный комитет пришло сообщение о ранении Владимира Ильича.

Двадцатилетний парень в белых полотняных штанах, заправленных в юхтовые сапоги, вбежал в здание ЧК.

— Я направлен сюда в качестве председателя коллегии.

Большой дядя в очках, буйно сдвинутых на самый нос, так, что казалось он смотрел поверх очков, лениво произнес:

— Ну что там партийный комитет. Мы еще посмотрим, на что ты годишься. Может понятие твое слабое. Приходи вечером.

Берман пришел вечером.

В комнате с привычной покорностью стояла женщина-вотячка и что-то быстро объясняла на своем наречии, не сводя глаз с лежавшего на столе нагана.

— Где муж, говори, где муж? — с ленивым равнодушием повторял человек в очках.

— Дяденька, не знаю.

«Дяденька» переворачивал наган.

Берману стало не по себе. Когда увели женщину, человек в очках сказал:

— Ну, ты, малец, становись к стенке, посмотрим, как ты мигаешь.

Он выстрелил поверх головы из нагана.

— Допустим, что подходящ, — сказал очкастый. — На тебе револьвер.

Берман взял револьвер и сел за стол.

— Дяденька, — вдруг сказал он, — наши мнения расходятся. Выметайся-ка отседова, пока я тебя не кончил.

Застрял, эсер, в Чека, и нам, большевикам, портишь.

... «Так что же такое чекист?» задумался Берман.

Его память не могла подобрать такого примера, с которым можно было сравнить неожиданно порученное ему дело. С свойственным ему упорством Берман стремился додумать все до конца.

И перед ним возник образ того, с чьим именем он привык отождествлять все, чем жили миллионы людей в неповторимые годы пятилетки, — Сталин!

«А как же с теми, что в лагерях?» взволнованно уже в новой связи подумал Берман. «Они у нас еще выйдут в люди», вспомнил он слова зампреда о всех этих остатках бывшего мира.

«И это дело поручено партией ОГПУ!» просветлел и обрадовался Берман.

ОКБ

В большой дом на углу Лубянки и Фуркассовского переулка стягивались из разных мест заключения квалифицированные инженерские силы.

Инженера Вяземского, перевезенного из Ташкента, вызвал представитель экономического управления.

— Желаете ли вы работать по специальности? По проектированию?

Да, да, он желает. Все, что угодно, только работать. Он может, умеет, хочет работать. Целая буря могла бы грянуть из уст Ореста Валерьяновича, но он человек сдержанный — просто согласился.

Его и других ташкентцев «забрали с вещами», пишет он, и в «черном вороне» повезли по Москве.

«Мы смотрим в щелочку и видим, что нас привезли на угол Лубянки. Видим, что там вырос громадный домина. Нас ввели на самый верх, в огромный зал с паркетным полом, где легко размещались сто двадцать человек. Половина зала — дортуар, койки с пружинными матрацами, а половина — столовая. Люди хорошо одеты, некоторые даже с цветами в петличке. И сидит только один человек в форменной фуражке — охрана. Нам объясняют, что мы попали в Особое конструкторское бюро — ОКБ. Оказывается, мы назначены на Беломорстрой, и нам предстоит работа».

Староста — старик-профессор — созвал вновь прибывших и произнес им речь, в которой изложил техническую задачу. На стене висела карта с наметкой будущего водного пути. Потом встал крупный, полный человек, со спокойным, несколько высоким голосом и начал беседу. Это был начальник ОКБ А. Г. Горянов, работавший под непосредственным руководством тов. Г. Е. Прокофьева, бывшего тогда начальником экономического управления.

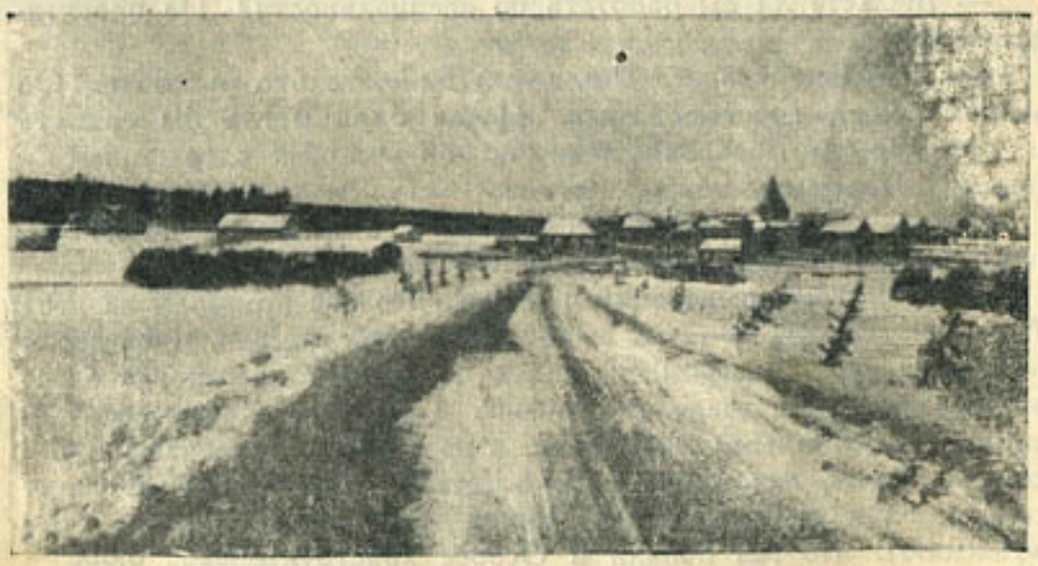
— Надо подчиниться воле большевиков, — сказал он. — Докажите это добросовестной, честной работой. Сроки для проекта и выполнения канала даны жесткие. Но их придется выдержать. Вся помощь в работе, которая зависит от нас, от ОГПУ, будет оказана. Серьезная, всемерная помощь.

Начальник не обещал ни льгот ни наград. Он только сказал, что бывшие вредители во главе с инженером Неймаером построили первый советский блюминг, работа проведена тоже в ОКБ и получила высокую оценку со стороны руководителей нашей промышленности.

В газетах читали:

«Как известно, на Ижорском заводе построен первый мощный советский блюминг. В наших газетах об этом сообщалось, как о блестящей победе советской техники.

Блюминг на Ижорском заводе был изготовлен в 9 месяцев. Он был установлен на заводе им. Томского и начнет работать в ближайшие месяцы. Там же, на Ижорском заводе, приступлено к изготовлению второго такого же блюминга, который будет готов осенью, а затем будет приступлено к третьему

Старый Повенецкий тракт.

Озеро Выг двадцать восемь лет тому назад

и т д. Таким образом на наших металлургических гигантах в первый же год начала их работы наряду с импортными блюмингами займут свое место блюминги советского производства с тем, чтобы завтра целиком освободиться от импорта. Надо во что бы то ни стало добиться, чтобы строящийся Тагильский металлургический завод был целиком оборудован нашими машиностроительными заводами. Надо этого добиться — мы этого добьемся. Производство на Ижорском заводе в короткий срок мощного блюминга является блестящим доказательством, что может при желании дать русская техническая мысль. Надо только иметь желание честно работать для Советского союза и не поддаваться на удочку интервентов, не дать себя надуть Рамзиным, не быть предателем своей страны. А таких мы имеем на протяжении последних 2—3 лет среди старого инженерства не мало.

Первый советский блюминг, как сообщала пресса, спроектирован и изготовлен на нашем заводе без всякой иностранной помощи. В газетах были названы имена героев рабочих, мастеров (Румянцев и другие товарищи), еще раз подтвердивших своей работой, на что способны русские рабочие. Но это и так известно. Они, эти передовые рабочие, у нас не одиноки: Румянцевы на Ижорском заводе; Карташевы, Касауровы, Епифанцевы Либхардты в Донбассе; герои выполнения пятилетки нефтяной промышленности в 2½ года — это все те, которые

своим энтузиазмом зажигают миллионы рабочих масс Советского союза и ведут их на великое социалистическое строительство нашего Союза. Иначе и быть не может: пролетарии строят свое социалистическое государство, следуя заветам своего великого учителя — Ленина. О них нечего говорить, они и так известны.

Мы хотели здесь сказать несколько слов о тех, кто является техническим вдохновителем и техническим руководителем производства первого мощного советского блюминга на Ижорском заводе. Страна должна знать их имена. Конструкторами и техническими руководителями производства блюминга на Ижорском заводе были четыре инженера: Неймаер, Тихомиров, Зиле и Тиле. Надо прямо сказать, что они являются техническими творцами этого большого дела. Эти имена должны быть известны всем.

Эти инженеры, как и многие другие из старого инженерства, года два назад дали себя завлечь Рамзиным и очутились в рядах врагов советской власти, в рядах агентов империалистических интервентов. За это они были арестованы ОГПУ. Они признали свою вину и изъявили готовность всем своим знанием пойти на службу к советской власти.

В прошлом году, когда перед нами встал вопрос о постановке производства блюминга у нас, тов. Прокофьев поставил перед ними вопрос подтвердить свое слово отныне честно служить советской власти делом и взяться за производство блюминга.

Инженеры Неймаер, Тихомиров, Зиле и Тиле охотно взялись за это дело и первую часть своего обещания выполнили. Теперь дело за установкой его и пуском. Как только эта вторая часть работы будет успешно закончена, ВСНХ СССР поставит вопрос перед правительством о полном освобождении этих инженеров и соответствующем их награждении.

Страна советов развивается невиданными в истории человечества темпами. Там, где вчера были пустыри, сегодня воздвигаются гигантские промышленные предприятия. Там, где вчера ковыляла допотопная соха, сегодня на совхозных, на колхозных полях работают фордзоны, интернационалы, катерпиллеры, частью уже сегодня нашего производства, а завтра целиком поставляемые нашими заводами. В колхозах сегодня уже более 50 процентов крестьянских дворов. Кулак окончательно разгромлен, разгромлена и его агентура — Рамзины, Кондратьевы, Громаны.

Обещание господ Пуанкаре начать интервенцию в 1929, 1930 годах не оправдалось, и это конечно не потому, что они этого не хотели. Весь мир задыхается в жестком экономическом кризисе. Только Советский союз преодолевает все трудности,

выполняет великий план социалистического строительства — пятилетку — даже раньше чем в 4 года.

В этой обстановке перед старыми инженерами, давшими себя запутать Рамзиным, ребром ставится вопрос: или остаться в рядах предателей, в рядах наемников вдохновителей новых войн, или круто повернуть в сторону рабочих и крестьян Советского союза, в сторону советской власти.

Пример с инженерами Неймаером, Тихомировым и другими показывает, что такой поворот возможен.

Во всяком случае объективные условия нашего развития, успехи нашего строительства во всех отраслях нашего хозяйства создают, если уже не создали почву для такого поворота».[1]

Эта статья тов. С. Орджоникидзе читалась всеми инженерами в ОКБ.

Горянов говорил им о том, что заставлять насильно сидеть за столом никого не будет, работа добровольная. Но неработающему здесь тоже делать нечего. И такому найдется место в других стенах, указанных приговором.

Начальник ОКБ проходил иногда мимо рабочих столов — большой, грузный, спокойный — как человек, который всегда справляется с собой.

— У него абсолютно интеллигентный вид, — говорили инженеры, думая, что льстят начальству за глаза.

Разговаривал он размеренно и ничего не оставлял без ответа. Приходил староста, спрашивал, как быть с молодым инженером, который находится в угнетенном состоянии и почти не работает.

— У доктора был?

— Что доктор, нервы, говорит. Мы сами знаем, что нервы... Жалуется, ноет...

— Попроси ко мне.

Молодой неврастеник приходил. Начальник ОКБ начинал расспрашивать. Он мягко и неуклонно отводил излияние. Заключенный вдруг говорил.

— Погода какая, Анатолий Георгиевич! Вы бывали когда-нибудь в Петергофе в хороший осенний день?

— Бывал.

Заключенный оживлялся. Начальник отпускал его и вызывал помощника.

— Нам нужно устроить поездку за город для наших питомцев, — говорил он.

Не помогало. Староста шел жаловаться. Начальник ОКБ второй раз вызывал молодого инженера.

— Я не могу больше, Анатолий Георгиевич, — почти вскри-

[1] «Правда» от 23 мая 1931 года.

кивал молодой инженер. — Я почему-то думаю, что у меня болен сынишка, жена пишет, что здоров. Я ей не верю.

— Он не верит жене, — говорил начальник помощнику. — Дадим ему внеочередное свидание. Вызовем ее из Ленинграда.

После свидания инженер работал в полную силу.

Сердитый старичок — профессор — иногда распалялся и шопотом ораторствовал, что без таких дортуаров большевики никогда не справятся с делом. Старичок забывал, что большевики и пролетариат справлялись с делом даже тогда, когда весь дортуар вредительством портил дело. Старичок брюзжал.

— Зачем этот начальник суется в чертежи. Нам предоставлена в этом отношении, ну, как бы сказать, широкая автономия... Его обязанность сидеть в кабинете и распоряжаться. А он суется. Вы знаете, он час сидел со мной и расспрашивал о методе расчета деревянных конструкций.

— И понял? . . — спрашивали старичка.

— Кажется понял. Не очень конечно, ну так, как может понять, скажем, студент-второкурсник. Но зачем ему, что за диллетантизм такой!.. Ненавижу диллетантов.

Руководитель проектного отдела читал целые лекции в кабинете начальника. Его сменяли гидравлики и строители. Вяземский рассказывал о бетоне. Начальник задавал вопросы, из

Инженер Н. И. Хрусталев, бывший вредитель. В 1932 году назначен главным инженером Беломорстроя. В 1933 году награжден орденом Трудового красного знамени

которых было видно, что он понимает, о чем ему рассказывают.

Наверное целится стать во главе строительства. Если конечно оно будет — предполагали в дортуаре.

Тут любили простейшие объяснения.

Но начальник не был диллетантом. Его не собирались назначить на БМС. Он тонко поправлял самочувствие заключенных. Он искал и всегда находил способ вызвать в них бодрую работоспособность и поддержать ее. Он укреплял ее беседой, интересом к их работе, пособием, свиданиями, прогулкам Самому начальнику гулять было некогда. Начальник управлял сложным учреждением и одновременно учился, чтобы знать то, что знают люди в дортуарах, и то, в чем они могут темнить около рабочих столов. Теперь тов. Горянов получил диплом инженера.

Вяземскому дали стол, готовальню, книги. Среди профессоров, инженеров с громкими именами Орест Валерьянович выделялся разве только молодостью. Его посадили рассчитывать какой-то канал. Что ж, канал, так канал. Карандаш дрожит в руке, счетная линейка не слушается — работа. Что говорил этот начальник? (У него тонкий голос, он сделает небольшое движение и заметно задыхается, неважное сердце). Что он говорил, на что намекал, когда упоминал про блюминг? Да, понятно. Свобода. Какая замечательная вещь лист ватмана, разостланный на чертежной доске и приколотый кнопками. В тюрьме не дают даже вилки, а здесь, пожалуйста, — рейсфедер, циркуль, перочинный ножик, чудесные вещи, пять с лишком месяцев не видел. Работать, работать. А синька с кружевом чертежа — великолепие. И июньское солнце бьет в круглые окна. Какой это этаж? Высоко должно быть. Потом прогулка по крыше, потом прекрасный обед, из столовой командного состава, говорят. Говорят, есть врачи, парикмахер, душевая. Живи, работай. Можно все забыть.

Всякий заключенный преувеличивает одновременно и ничтожность своего положения и свое значение. Ему иногда кажется, что и тюрьму строили для него и льготы придумывали для него, а здесь затеяли даже проект какого-то канала. Ну, что ж, канал, так канал! Заключенный выключает себя из творческого жизненного процесса, из всего того, что творится так ярко и так сложно там, на воле, откуда в его замкнутый мир пробиваются лишь отдаленные, бессвязные шумы.

... Весной 1926 года молодой инженер Орест Валерьянович Вяземский, имея явки от Кенига и Ризенкампфа, приехал в Ташкент и явился к инженеру Вержбицкому. Суховатый и насмешливый Вержбицкий принял молодого человека без короткости и вместе с тем внимательно. Если бы не внушительные рекомендации и фамилия — уж не князь ли? — представитель

технической головки водного хозяйства Средней Азии не стал бы и разговаривать с неуклюжим парнем, похожим больше на монтера, чем на инженера. Но явка была серьезная. Поговорили. Вержбицкий предложил пойти к инженеру Хрусталеву, который возглавлял управление работ в Чирчик-Ангренском бассейне, но служебного участия показалось мало.

— Где вы будете жить? — спросил Вержбицкий. — Видите, я переезжаю. Можете занять мою комнату.

Комната Вержбицкого была приличная, сообразно положению, Вяземскому повезло. У Хрусталева Орест Валерьянович занимался всего несколько дней проектировочными мелочами, показал себя, его тут же повысили, перевели в управление амударьинских работ под руководство инженера Баумгартена. Здесь надо было составлять сметы и планы. Эти планы и сметы уже и в те времена были весьма небезопасны, потому что опытный и внимательный глаз мог бы в них открыть преступное искажение действительности и перспектив, лживые наметки, неправильную ориентировку, предвестие замороженных миллионов. Вяземский работал у Баумгартена аккуратно, но неохотно. Он, как ему казалось, «не переваривает бухгалтерии, коммерчества, бумагомарания». Он решил не засиживаться около Аму-дарьинской проблемы. Начальство отказало ему в переводе. Начальство разочаровалось.

Профессора Ризенкампф и Кениг возглавляли вредительство в водных органах Союза. Инженеры Вержбицкий и Хрусталев были наиболее крупными и влиятельными людьми вредительской организации в Средней Азии, хозяйство которой есть по преимуществу водное хозяйство.

Вредители готовили себе смену. Не для вредительства, нет, не вечно будут вредить, будет время, будет реставрация, будут работать честно. Инстинктом и разумом они искали последователей в молодежи, идейных последователей. Но среди инженеров советских выпусков найти людей, готовых защищать идею реставрации капитализма в СССР, было конечно нелегко.

Орест Валерьянович Вяземский был такой находкой. Он вырос в условиях советского бытия: Вяземский кончал уже единую трудовую школу. Но всеми воспоминаниями, всем фамильным бытом, столь могучим среди этих крепких буржуазно-интеллигентских семей, он был словно цепями прикован к прошлому. Подумайте, какое прошлое!

Орест Валерьянович с детства знал, что их семья одного корня с князьями Вяземскими, что он «рюрикович». Род был только одного корня с княжеским. Но князья Вяземские мало пользовались угасшими родовыми связями, которые обращались для них подчас в груз и тормоз, чиновничья карьера для них выходила мелкой и невыгодной. Орест Валерьянович гордился

Инженер К. А. Вержбицкий, бывший вредитель, а затем один из авторов проекта Беломорстроя. Награжден орденом Ленина

тем, что становится в третьем поколении инженером-путейцем. Дед, Орест Полиенович, строил железную дорогу от Ташкента до Красноводска и знаменитую Круго-байкальскую. Дед в чине тайного советника имел все русские ордена и даже китайский и японский. Дед был гордостью семейных преданий. Отец, Валерьян Орестович, принимал участие в постройке Амурской и Армавиро-туапсинской железных дорог, под конец жизни был профессором в Императорском петербургском институте инженеров путей сообщения.

Единственному сыну Оресту дали прекрасное образование. Учили трем языкам. Он занимался фотографией, столярничал с отцом. Он с детства знал, что такое обработка материала, и готовился стать инженером.

Орест Валерьянович родился в 1902 году. Революция прервала воспитание хорошего буржуазного специалиста ровно на половине пути. Он окончил в 1924 году тот же институт, что дед еще в шестидесятых годах, а отец — в восьмидесятых. Но институт назывался уже ЛИИПС (Ленинградский институт инженеров путей сообщения). В нем были ячейка, профком и

большое количество выходцев из той же среды, что и Орест Валерьянович, и еще не разоблаченные профессора.

Из ЛИИПСа вышел молодой человек двадцати двух лет, он блестяще рано, как и дед, окончил курс труднейшего института. Молодой человек был высок ростом, неуклюж, не знал, куда девать руки; долго он не научится этому искусству — он тщеславен и застенчив. У него простое, почти грубое лицо в родинках — чорт его разберет, аристократичны они или нет! Он плохо одевается и уж готов «не обращать внимания на костюм» — что ж, и это стиль инженера-построечника, волка-изыскателя где-нибудь в дебрях, в захолустьи. Но если тщеславный, самолюбивый юноша из небедной семьи одевается плохо и небрежно, значит он презирает быт и общество, в котором живет. Юноша глубокомыслен, ворчлив, склонен к сарказму. Юноша склонен к гордой насмешке обманутого сына «над промотавшимся отцом». Да, отцы промотали свой строй, богатый, столь щедрый и легкий для них строй капитализма. Они умерли, сунув отпрыска в какую-то историческую дыру, которую называют переходным периодом. Родиться бы на шестьдесят раньше или позже. Лучше — раньше. Юноша готов сократить переходный период. Ему известно, что никакого социализма не будет: в кабинете отца-профессора без умолку твердят, что нэп — это начало реставрации.

Юноша нервен и работоспособен. Он чувствует в себе кровь инженера, хоть это понятие неизвестно ни физиологии ни технике. Вот жалко только, что институт все-таки советский, диплом не тот. Старым уважаемым коллегам придется доказывать, что советский диплом получил не очень советский молодой человек. Это довольно трудно, потому что работа должна быть отличной и не служить большевикам, а большевики — хозяева.

Со школьной скамьи двадцатидвухлетний инженер устроился в концессионное предприятие «Мологолес». Он работал по обмеру железнодорожного полотна линии, которую принимала фирма.

Концессионное предприятие в расцвет нэпа и нэповских иллюзий! Концессионное предприятие — это нечто, живущее не только не по грубым советским законам, но даже и не по буржуазным. Это нечто экстерриториальное и вневременное, какое-то идеальное осуществление лучших мечтаний. Во владениях концессии коверкотовые реки текут в коверкотовых берегах под коверкотовым небом. Все ходят в беспошлинных коверкотовых костюмах. Получают не по тарифной сетке, а по благой воле хозяина. Уважают профсоюзы, когда нужно служащим, и борются с месткомом и завкомом, когда те слишком наседают с рабочей политикой. Концессии — это какие-то консульства для защиты утраченных во времени прав. Вероятно Вяземскому

стоило больших трудов попасть в концессионно предприятие даже скромным техником. Побегал-таки по остаткам «всего Петербурга». А остатки «всего Петербурга» были твердо уверены, что с большевиками покончено, что если дяде Борису Владимировичу надо доставать паспорт за границу, то только потому, что ему почки не позволяют ждать конца. Он стар, а вот молодежь должна не только ждать, но и помогать «разумным большевикам» убрать все, что они нагородили в хозяйстве, в политике, в быту. Убрать и убраться. Это называлось «большевики спускают на тормозах». Об этом поэты писали в стихах, а беллетристы намекали прозой.

К сожалению концессионное предприятие больше обещало, платило мало.

Отец Вяземского умер, надо было искать связей и путей. Вяземский обратился к некоторым знакомым, и некоторые знакомые направили его к профессору Г. К. Ризенкампфу, воднику. Так Орест Валерьянович вошел во вредительский круг. Он уже не путеец, он в Дагестане работает по изысканиям мелиорации земель. В 1925/1926 году он не верил ни в какую советскую мелиорацию и с нивелиром исходил окрестности города Махач-Кала, исходил трассу канала Октябрьской революции от реки Сулак до реки Манас, исходил болота Баккас — сплошь малярийные места. Ребята были молодые; однажды случайно не оказалось палатки, жили под проливным дождем трое суток и даже насморка не схватили. А работы казались бессмысленными. «Эти изыскания никогда не воплотятся в жизнь в виде реальных сооружений», думал Вяземский. К тому же специалисты постарше занимались не вполне чистоплотными делами. Жили в палатках — ставили в счет квартирные. Возьмут работу по съемкам для колхоза — произведут в кабинете, получают за полевую. Мелкое жульничество. Каково этому юному идейному контрреволюционеру! По семейным преданиям Орест Валерьянович знал несомненно, что в доброе, старое время надували казну. Но там дело шло о десятках и сотнях тысяч золотом, а не о каких-то суточных и червонцах. Его раздражает мелкость хищений в советских условиях — разве так жили во времена Кокоревых, Поляковых, фон Дервизов, деда Ореста Поликеновича.

Начальник Вяземского инженер Эмиров полагал, что горцам не следует давать низинные земли, откуда их вытеснили после победы над Шамилем, и что в обязанность органов водного хозяйства входит поправлять важнейшую установку коммунистов в национальной политике. Но это только на первый взгляд бредни. Вбивать клин между национальностями, обмануть ингуша, лезгина, осетина, чеченца, надеющегося на справедливость революции больше, чем на аллаха и газават, — значит вернуть

их к аллаху и вызвать идею газавата. Умело и практически показать казачьим станицам, где еще живет и процветает бывший атаман, где идеология в руках хорунжих и урядников, что кто-то в аппарате советских экономических учреждений орудует в их пользу и в укрепление их агитации, — это большое дело.

Но Вяземский и его считал нереальным. Интересы станичных мироедов, казались миражем молодому инженеру, который в мечтах воображает расцвет либеральной буржуазной родины. О, она придет, она даже незаметно придет — ни расстрелов, ни реакции, незаметно, вежливо, нечто вроде выборов в Государственную думу, что ли. Вежливо, если хамы не будут сопротивляться... Нет, нет, она придет. И уж тогда примется строить во все тяжкие. Вот развернутся инженеры! Что фон Мекки, Поляковы, дед Орест Полиенович! Орест Валерьянович покажет себя — в проекте, на производстве. Не будет таскаться по малярийным болотам, получать гроши, являть белую ворону в стае мелковорующих спецов.

Отцы прозевали власть, отцы разлагаются в Дагестане, отцы кое-что исправляют в центральных учреждениях и практически развертывают кое-что в Ташкентском водхозе. Но и тут они жестки, мало приветливы. Не хочешь работать у Баумгартена по опасным сметам — устраивайся сам.

«В первые месяцы работы в Ташкенте у меня не было связей, но от знакомых не по служебной линии я услышал, что организуется исследовательский институт по водному хозяйству, и это начинание пришлось мне по душе, как всякого рода исследование. Такая работа в учреждении, которое должно заниматься рационализаторской работой по водному хозяйству, показалась мне подходящей.

В одно прекрасное утро в июне 1926 года я явился в учреждение, которое было подчинено управлению водного хозяйства. Зашел в кабинет администрации и увидел молодого на лицо, но седого человека. Это был директор В. Д. Журин».

Журин — одна из интереснейших фигур в тогдашнем Ташкенте. Журин и теперь выходит в первые ряды советского инженерства. Он талантливо возглавлял проектный отдел Беломорстроя, сейчас возглавляет проектный отдел канала Волга—Москва, в меру своих немалых сил и способностей помогает строить социализм. Но, когда произошло его знакомство с Вяземским, он был не таким.

В Ташкенте его оттеснили на научно-исследовательскую работу. В Ташкенте среди вредителей властвовала старая иерархия довоенных окладов, родства с прежними промышленниками, личных связей с Ризенкампфом. Журин был молод для них. Он героически пробивался по советской линии, был беден, ходил босиком в 1921 году в университет, будучи деканом фа-

Инженер О. В. Вязем-ский, бывший вредитель, автор проекта Маткожненской плотины. Награжден орденом Трудового красного знамени

культета. Для людей с жирными окладами в недавнем прошлом это что-то уж слишком эксцентрично. Он попал в промежуточное поколение, не успел сделать карьеру при буржуазии — в 1917 году ему было всего двадцать семь лет — и в сущности жил сожалением об этом. Играть активную роль во вредительской организации ему хотелось, он занялся организацией идеологии, у него был салон, где собирались по четвергам вредители. Пятница — это мусульманский день отдыха. В те времена он соблюдался, как у нас воскресенье, и можно себе представить, сколько поострили в салоне насчет уважения к национально-религиозным предрассудкам со стороны советской власти. В салоне гостями бывали и Ливанов, и Ананьев, и Ладыгин, и Хрусталев, и Вержбицкий, и Будасси — тузы в прошлом и настоящем, дельцы. Какое родство,

какие связи с заграницей! Но Владимир Дмитриевич — остряк, хохотун, неутомимый работник, хозяин-организатор — тоже чего-то стоил. Был случай — видел Вяземский, как киты в салоне делили какие-то деньги. Салон, в котором делят темные деньги, называется малиной, или шалманом, но Владимир Дмитриевич узнал это уже на Беломорстрое.

Для Вяземского Журин представлял опору, столп, он тянул молодого человека, сделал ученым секретарем института, продвинул в качестве лектора. Из ворчливого, вялого молодого человека, каким казался водхозовским заправилам Вяземский, Журин — педагог и организатор — сумел извлечь если не все способности — у него ведь и у самого не было настоящего делового поля — то уверенность по крайней мере в этих способностях. Журин вел сложную игру. После шахтинского дела, после ареста Рамзина он подал в партию. Подавая это заявление, Владимир Дмитриевич решил, что все позволено. Конспирация, так конспирация. Придет хозяин — тесть Будасси или кто там еще — и увидим, что по-настоящему, смело вел себя Журин, а не они. Он влез в самый лагерь врага. Это вздор — ворчать, брюзжать и лояльничать. А вот заседать в ячейке и вредить — это размах!

Орест Валерьянович был молод и честолюбив. Ко времени его скромных ташкентских успехов подоспела новая идеология: технократические мечтания.

Один ташкентский технократ говорил другому:

— Вот какие умы! Сам Герберт Уэллс проповедует идею о праве инженеров на власть.

Разговор развертывался прямо по тем направлениям, что давала программа Промпартии. В самом деле, Герберту Уэллсу легко: у него парламент, у него буржуазия. Она же с первого слова отдаст власть в руки техников. Герберт Уэллс вот-вот свергнет Болдуина и Чемберлена, соберет директоров фабрик и гидротехников и решит все вопросы. Развяжет Версальский узел, предотвратит распад империи, устранит конкуренцию с Соединенными штатами, умиротворит Индию, уговорит Японию не бросаться в колониях короля Георга дешевым текстилем — все, все разрешит.

С большевиками сговориться добром, разумеется, невозможно. Их надо свергать. Пусть придет буржуазия, выполнит черную работу, расчистит эту загаженную шестую часть суши, а там подоспеют к власти преемники невинно расстрелянных, но героически ненавидевших Пальчинского, фон Мекка... хоть фон Мекк это уже не по технократической, а по крупнокапиталистической линии, но все-таки почти инженер. Да, это отвлеченные разговоры, ну, в худшем случае здесь есть оттенок нелояльности, но ведь не служебной, а, так сказать, в мыслях.

За мысли судить нельзя. Мысль — это нейтральное. Можно до конца итти с большевиками, но думать свое. Позволять себе размышлять не по программе партии и Коминтерна — подумаешь, какой грех!

— Мы нейтральны, мы хотели быть над схваткой, — так скажут они следователю. Это не политическая программа. Так, разговоры. Но они упоминали о невинно расстрелянном Пальчинском тоже не зря, не зря рассуждали о том, что большевики — идиоты — ведут страну к гибели — это для того суда, строгого, но милостивого, который учинит, когда вернется, буржуазия над спецами, работавшими у большевиков. Они ждали и боялись этого возвращения. Ждали, жаждали и по нем строили всю жизнь.

— Мы не продали им живую душу, — скажут спецы. — Мы ее никому не продаем. Мы мечтаем о технократии. Вам мы будем служить подлинно, не за страх, а за совесть. Платите довоенные оклады.

И буржуа посудит в суде и заплатит довоенный оклад. Тот довоенный оклад, который получали инженеры, действительные статские советники чином директора дорог, главы акционерных обществ, будут получать все участники журинского салона. И Вяземский стажируется здесь.

... Первые дни в ОКБ Вяземский не рассуждал, а только наслаждался: стол, готовальня, счетная линейка. Он перекидывал работой мостик к жизни за стеной. Пока он ощущал только сходство этих расчетов канала с теми настоящими расчетами, которые он производил раньше. А между тем возникала связь с миром, производственная связь. Он ее еще не замечал. Канал казался призраком. Правда, и с призраком канала не нужно гнить в бараке неизвестного лагеря, а можно жить в прекрасном помещении, общаться не с опасными паханами и урками, а с приличными людьми.

Тут можно выдвинуться. Работаешь бок о бок с большими людьми. Профессора, лидеры — и рядом с тобой. Они помогут, за них надо держаться. Жалко, что дали такую мелочь, канал. Но все начинается с мелочей. Так кипел Вяземский, молчаливо занимаясь за столом. Ощущения многообразны, надежды наивны и велики, язык не повернется о них рассказать.

Этот молодой человек лез в политику и ничего не понимал. Он все еще боролся за прошлое. А партия, ОГПУ думали о его будущем. Партия и ОГПУ говорили ему через ОКБ: ты был преступником, вредителем, контрреволюционером. Ты считал власть социализма столь слабой, что она может рухнуть от басмаческого набега или от твоего вредительства и тогда ты обретешь желанного капиталиста. А власть раскрыла сокровенные происки твои и твоих единомышленников и вот

теперь берет кусок этой действительности, кусок социалистического плана — Беломорстрой, отмеривает тебе крохотную дозу и будет тебя, преступника, лечить правдой социализма.

Но дни шли, ташкентцы вживались, и Вяземский вживался в новую обстановку. Вокруг Вяземского сидели люди, которые из Бутырок приехали раньше. Эти старожилы чертили, высчитывали, обсуждали проект. Он довольно быстро сообразил, что они не верили ни в какой канал, который где-то, не то в тундре, не то в тайге, неизвестно зачем, будет строить дефектная рабочая сила: лагерники, бандиты, монахи, карманники, девицы легкого поведения. Чертили, вычисляли и не верили, что эти вычисления воплотятся в шлюзы, в деривационные каналы, в подпертые плотинами реки где-то в лесных дебрях Карелии.

Сто двадцать человек трудились для того, чтобы убедить, кого надо, что они умеют, могут, будут трудиться и над более полезным и важным делом, чем фантастический канал, и Вяземский незаметно для себя проникся тем же желанием показать себя для какой-то будущей, уже разумной работы. Он, самый молодой из всех, не хуже других умеет чертить, вычислять, обсуждать. Главное, не думать, что жизнь прервана, сорвана. В двадцать девять лет намечалась ровная карьера: самостоятельный курс во втузе, тридцать научных работ, ценных при любом режиме, — большинство напечатано. И все сорвано. В дортуаре говорили «остается доживать», он слушал, соглашался. Чертил, вычислял, думал. Думал, как ему казалось, о самых сердцевинных вещах.

При нем один почтенный, бородатый инженер сказал начальнику ОКБ:

— Вот если бы этим каналом серьезно занялись. В самом деле, это интересно и для страны и для нас.

— Так вы думаете, что это не серьезно? — спросил Горянов.

Бородач сопротивлялся. Он сопротивлялся, полагая, что мероприятия советской власти кроме тех, которые направлены лично на него, не серьезны.

Частник — вещь серьезная, а вот устранение его с рынка — блажь.

Кулак вполне серьезно придерживает хлеб, а вот ликвидация его не серьезно придумана. Итак им нужно было доказать, что Беломорстрой — вещь серьезная.

Из подсчетов, справок, из старых проектов, просмотренных и переправленных синим карандашом, из всего вороха дел выяснилось одно: проект очень трудный.

Такое дело нельзя сделать одним прилежанием. Его нельзя даже одолеть годами работы.

Здесь нужно рисковать, здесь нужно изобретать и выдумывать, а разве можно выдумывать в тюрьме. В тюрьме думаешь о том, как бы отпустили и как уйти, а тут приходилось спорить, вычислять.

Вычисляли по привычке, по привычке взялись за логарифмическую линейку, хватались за нее. Логарифмическая линейка и арифмометр даже при отсутствии веры в проект казались средством спасения.

«Вы видите, — думал инженер, — я — нужный, я это умею делать, вы видите, какие сложные вычисления я для вас произвожу!»

Но вычисления имели свои итоги, и итоги были безрадостны.

Старые специалисты, которые работали здесь, в большинстве своем не были старыми гидрологами.

Гидрологи, гидротехники, ирригаторы, собранные здесь, умели работать, но большинство работало в другом климате, климате Средней Азии, где другие осадки, другие почвы и главное — они работали другими темпами и на сравнительно незначительных сооружениях.

Проектировали весь день. Просыпались утром. Там, за круглыми окнами, там, внизу, уже проходили трамваи. С утра появлялась и мысль о невозможности проекта. Мысли были простые, убедительные, как адрес своей квартиры, в которую сейчас нельзя вернуться.

Проект труден. Главное, что плохо исследована геология края, особенно в северной части.

Ледники создали в Карелии очень сложные, спутанные грунты.

Они оставили за собой, — как тряпка, прошедшая по кухонному столу, полосы грязи, — длинные холмы песка, морены, напластование гравия, хрящеватого песка и песка-плывуна.

Два раза по Карелии прошел, наступая и отступая, ледник. Потом подземные силы подняли весь Скандинавский полуостров; поднятие это было неравномерное и земля перекошена, каменные пласты смыты и частью поставлены на-голову. Здесь, когда начнется работа, могут встретиться большие неожиданности.

Скала то выходит на белый свет, то покрыта неожиданными фильтрующими наносными слоями.

Вся земля, как черной кислой шубой, одета торфом, а на торфе строить нельзя.

Проект труден. Карелия — страна гидрологически неизвестная.

Водный режим рек не проверен, а главное, Карелия — страна неверной погоды. Летом нет ни одного месяца без заморозков, зимой нет ни одного месяца без оттепели.

Значит — это страна, в которую трудно будет класть бетон и будет особенно страшна неожиданно оживающая вода.

В гидрологических сооружениях вода — и друг и враг. Шлюзы и канал живут водой.

Но вода смывает сооружения. Во время стройки нужно накапливать воду, особенно на водораздельных участках. Вода, накапливаясь, станозится все страшней и страшней. Значит нужно будет самому растить врага, и этот враг будет с каждым днем становиться все опаснее.

Проект сложный. Вся длина водного пути равна 226 километрам, из которых по зарегулированным озерам нужно пройти 80 километров, по затопленным рекам — 97 километров, по искусственным каналам — 47 километров и 1,7 километра по Морскому каналу.

Нужно будет подняться от Онежского озера на Водораздел. Тут можно запроектировать подъем семью шлюзами. Для того чтобы меньше был расход воды, шлюзы может быть лучше сделать двухкамерными. Но неизвестно, какой будет грунт под основаниями этих шлюзов.

Спуск с Водораздела к Белому морю проектируется на 12 шлюзов, из них 5 — однокамерных. На всем пути — 19 шлюзов.

Для управления горизонтами и расходами по реке Выг делается 5 плотин: Надвоицкая, Шаваньская, Пало-коргская, Маткожненская и Выгостровская. Каждая плотина — это отдельная задача. Какой грунт окажется под ней — это неизвестно. Плотина поднимает уровень, значит нужно будет окружить водохранилище дамбами.

Эти дамбы нужно соединить с плотинами, а соединения в гидротехнических сооружениях — больное и слабое место.

И потом — из чего строить?

Как и откуда привезти столько цемента в Карелию?

И как класть бетон зимой?

Откуда достать железо для бетонных сооружений? А для этого железа — арматурщиков и для бетона — бетонщиков?

«БАРСКАЯ ЗАБАВА»

За стенами весь СССР произносил слова: социализм, ударничество, колхозное строительство, соцсоревнование. В дортуаре безмолвно, про себя читали эти слова в газете. Их не произносили. Об их содержании старались не думать. И уж никак не связывали эти слова со своей участью.

Окабе, окабист — теперь эти понятия стали для многих инженеров первостепенными факторами их личной и производственной биографии. ОКБ вывело их на свободу, сняло судимость, создало им заслуженную известность. Но тогда этим людям было невдомек, что ОКБ есть звено в общей цепи. Великий перелом в общественных отношениях — вхождение в эпоху социализма — диктовал и новые взгляды на политику трудового исправления заключенного. На далеком севере перестроили режим соловецких лагерей, который в свою очередь нес в еще не развернутом виде основы труда как воспитания преступника. Но УСЛАГ жил своеобразным хозрасчетом, все его совхозы и мастерские преследовали главным образом цель самообслуживания. Идея ОКБ и Беломорстроя — глубоко социалистическая идея. В труд заключенного вливается могучая политическая осмысленность: не обслуживай свое заключение, а помогай строить такое общество, где не будет преступности. Отсюда вырос тот великий, непонятный на первый взгляд подъем, энтузиазм, самоотверженное трудовое возбуждение, которые так характерны для БМС и делают его фактом всемирного значения.

Вяземский утратил робость, с какой он явился из тюремного заключения в дортуарное заключение. Тюрьма была далеко теперь. Но, как ни странно, обида на ГПУ не уменьшалась от легкости наказания. Раз он может работать в ОКБ, значит он может и должен работать на воле.

Кругом люто работали. Сосед по койке жаловался:

«Вчера задержался ночью, вычерчивал, знаете, улитку для шестого шлюза, и вдруг, представьте, входит вахтер и заявляет: «Пора спать. Все спят, первый час». Забирает бумаги, закрывает книги, свертывает чертежи. Я пишу рапорт с жалобой на вахтера. Чорт знает что, не дают работать!»

Однако на рапорты не обращали внимания и укладывали во-время спать. Все точно распределяли свое время, от вахтера до начальника. И оказывается, что, несмотря на огромную работу, много свободного времени. Все с удовольствием лечились, в особенности лечили зубы. Зубы всегда запущены у российского интеллигента.

День за день упрочивались нравы, обычаи, происходила борьба, устанавливались и ломались отношения, возникали ссоры — принципиальные и склоки. В ОКБ было несколько инженеров вольнонаемных, и это обстоятельство очень убеждало, что проект Беломорстроя — не затея, а серьезное дело. Если имело какой-нибудь смысл занимать время заключенных, то совершенный абсурд втягивать в это дело вольных и бросать на них деньги.

Группа среднеазиатских работников проделывала свой путь. Она выходила на первые места. Не зря эти инженеры работали в самом большом воднохозяйственном районе страны. Знаменитости, профессора, старцы, лидеры уже прислушивались

к голосам опытных провинциалов. Высшим техническим органом ОКБ было техническое совещание. Там решали и утверждали основные вопросы проекта. Там все значительнее звучали голоса Хрусталева, Вержбицкого, Журина, Будасси, Пораженко, Ливанова, и Вяземский вставлял свое слово. Он произвел исследование об аварийном затворе и шлюзных воротах. Старые спецы затирали его соображения, шла борьба за авторитет, он доказывал свою правоту, говорил: «Ну, хорошо, я покажу на практике».

И не верил в практику, в осуществление. Неразрешимое противоречие. Он его и не решал. Он думал о других, о самых сердцевинных, казалось ему, вещах. Например о том, что бандит Семенов, с которым он сидел в Ташкенте, героем держался на допросах и тем конечно стоит выше всякого интеллигента. Этот вздор казался ему весьма глубокомысленным.

Среднеазиатская группа вела всю проектирующую массу. Он был пока в массе и отставал от группы. Владимира Дмитриевича Журина давно уже назначили помощником начальника проектного отдела, Хрусталев сидел на каналах — огромное дело, а он? Ему казалось, что это его личная неудача, личное дело. О том, как развенчиваются старые авторитеты, как сжимаются дутые репутации, как выдохлись люди, у которых нехватило ума и характера пересмотреть свой путь, — обо всем этом имели суждение весьма высокие инстанции. Узнай об этом Вяземский, он очень удивился бы. А высокие инстанции учитывали, что эти передвижки, падение и возрастание авторитетов отражают общий процесс перестройки внутри касты, внутри любого ее представителя. Вяземский еще с уважением и уже с раздражением взирал на знаменитого профессора, доклад которого с треском проваливался. Вяземский не знал, что если обсуждались варианты, то при всех прочих равных условиях проходил вариант молодых — это была политика учреждения. Он воображал, что все это судьба. Ему хотелось, чтобы это была судьба, а не чекисты. Ну, хорошо, Владимир Дмитриевич, Константин Андреевич и Николай Иустинович уступили чекистам в основном споре: вредители они или нет. Чекисты распутали узлы, досказали недосказанное, дознались о самом скрытом — они тринадцать лет этим занимаются, научились. Победили в экономических и социально-политических спорах — они тринадцать лет зубрят марксизм, научились марксизму. Они ведь, плохо-худо, осуществляют марксистскую доктрину, выходит что-то серьезное. Но кому же в голову придет, что они так самоуверенно разбирают самые запутанные переплеты внутри инженерских отношений в столь тонкой и чисто технической организации, как проектное бюро ЗМС?

Нет, судьба, судьба, а не чекисты — хотелось думать.

Передвижка шла внутри самой группы. Выдвигался как практический работник Журин. Но это было только начало. Беломорстрой пока рос только в кальках, синьках, в колонках цифр и в том великом плане, до понимания которого все группы ОКБ должны еще долго тянуться и после Беломорстроя. И который понятен любому пролетарию и преданному партии колхознику.

В то лето 1931 года говорили об увлечении работой подчас с усмешечкой: «Псмогаем барской забаве». Конечно шопотом. Но барская забава все-таки приятнее, чем сидеть в камере. До процесса ГПУ казалось чем-то вроде испанской инквизиции, а сейчас во всяком случаев не инквизиция.

Вживались в быт. Режим был строгий, строго размеренный, по часам, по минутам. Вставали, завтракали, шли заниматься. Прогулка, обед, отдых, занятия, личные дела. У заключенного множество делишек, и почтенный профессор-староста сбивался с ног: один просил о внеочередной передаче, другой сообщал, что выселяют жену, надо защитить, у третьего не принимают дочь в школу, к четвертому приехала мать, нельзя ли повидаться. Был час для чтения газет, был час радио, когда все слушали лекцию, концерт или оперу.

— Культурная тюрьма, пансион, — говорил кто-то язвительно.

Это же одно удовольствие — спросить:

— Константин Андреевич, у вас есть Хютте? Передайте пожалуйста.

И получить в ответ:

— Все справочники можете выписать. Достают чуть ли не в тот же день.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Пудожский купец Бакинин подал в 1798 году в Петербург заявку на постройку канала из Онежского озера через Вадлозеро в реку Онегу. В записке своей он особенно выхвалял лиственницу, которая растет у Вадлозера и от которой он сулил большие прибытки государству.

Одновременно с Пудожским проектом был подан проект из Петрозаводска, более авторитетный: его подписали целых три петрозаводских купца и, что было еще внушительней, директор единственного уцелевшего из олонецких заводов, англичанин Адам Армстронг.

В противовес бакининскому направлению петрозаводцы предполагали новое направление, а именно — от Повенца на Сороку или на Сумскую пристань.

Правительство отнеслось к проектам с большим вниманием, особенно к петрозаводскому. Оно командировало на изыскания своего лучшего специалиста, генерала де-Волана. Де-Волан был строитель Мариинской системы, этого высшего достижения убогой крепостнической техники, перестроить которую как следует будет едва ли легче, чем построить ББВП. Де-Волан первый обследовал места, по которым теперь прошел канал. Места ему не понравились. Слишком много было скал и водопадов. Выводы его были отрицательные: нужные «для оного водоходства работы потребуют вовсе несоразмерную ожидаемой от сей коммуникации пользы сумму».

История проектов 1798 года почти резюмирует всю дальнейшую историю капиталистических проектов ББВП: свирепая конкуренция — даже в пределах одной губернии капиталисты не могут сговориться для общего действия. Нежелание пра-

В лесах Карелии до сих пор еще видна Петровская просека — «Осударева дорога», по которой Петр Первый тащил волоком корабли из Белого моря в Онежское озеро

вительства пойти на сколько-нибудь серьезные расходы. Последняя попытка доимпериалистического капитализма почти в точности повторяет первую. Борьба между олонецким земством и всероссийским грюндером Губониным кончается решением правительства строить Ярославско-архангельскую железную дорогу, связавшую наконец Белое море с сердцем российского капитализма — Москвой.

Не было почти года, чтобы в каком-нибудь ведомстве не рассматривался — с чувством, с толком, с расстановкой — чей-нибудь проект Беломорско-балтийского канала. Подавали проекты всякого рода люди: и купечество в лице сорокского рыбопромышленника Федора Антонова, и тайная полиция в лице пожелавшего остаться анонимным жандармского полковника, и явная полиция в лице бывшего советника Олонецкого губернского правления, и просто некто Ляшкевич-Бородулин, и даже Министерство государственных имуществ. Николаевское правительство отвечало молчанием или отказом. Даже Министерство государственных имуществ не могло добиться большего внимания. Министерство путей сообщения целый год держало проект своего собрата и, продержав год, отвечало, что план неосуществим, так как у названного Министерства путей сообщения нет свободного персонала для производства изысканий.

Все эти проекты, поданные еще при крепостном праве, были более или менее платонические и рассчитывали на казенный карман. После «реформ» канал стал более практическим объектом вожделения. Старейшим и авторитетнейшим научным учреждением — Вольно-экономическим обществом — в 1867 году был поставлен доклад о Беломорско-балтийском канале, выводы которого гласили, что канал может быть осуществлен только частным капиталом, а от правительства надо требовать «не более как о безденежном отпуске леса на шлюзы для удешевления постройки», а «равно и гарантии не менее 6 процентов на капитал».

Русский капитализм рос и оперялся, но между Белым морем и Онежским озером было без перемен. Край глох. В его глуши сохранялись остатки старины, давно забытой в других частях страны. Здесь в 60-х и 70-х годах Рыбников и Гильфердинг собрали старые русские былины. Многие из них записаны у самой трассы нынешнего канала — в Повенце и Выгозере.

В 80-х годах, сопровождая знаменитого впоследствии героя 9 января великого князя Владимира Александровича, край объезжал К. К. Случевский, редактор «Правительственного вестника» и поэт. На почтовом тракте между Повенцом и Сумской пристанью он написал такие стихи:

В ЗАОНЕЖЬЕ

Верст сотни на три одинокий,
Готовясь в дебрях потонуть,
Бежит на север неширокий
Почти всегда пустынный путь,
Порою по часам по целым
Никто не едет, не идет,
Трава над семенем созрелым
Между колей его растет.
Унылый край в молчанье тонет.
И в звуках медленных, без слов
Одна лишь проволока стонет
С пронумерованных столбов.
Во имя чьих, каких желаний
Ты здесь, металл, заговорил?
Как непрерывный ряд стенаний,
Твой звук задумчив и уныл.

Эта стонущая проволока, разве это не образ стонов и гибели крестьян, мостивших «Осудареву дорогу» и задыхавшихся на дне Воицкого рудника, стонов и гибели, которые пролагали путь для так и не сбывшейся крепостной индустриализации.

Местным представителем частного капитала было олонецкое земство. Земство было в то время аппаратом для перекачивания крестьянских денег в карман предприимчивых дворян.

Земство осаждали разные прожектеры, надеявшиеся с его помощью, собрав деньги с акционеров, смыться. Проекты у них были самые заманчивые: один например предлагал построить конку от Повенца до Кеми. Но земство решило само выступить в роли капиталиста и строить канал своими средствами. Канал при этом играл второстепенную роль: он был хорошим предлогом. На его осуществление особенных надежд не возлагалось. Земцы были скромней: они больше рассчитывали хорошо поднажиться на подрядах при постройке канала, чем выиграть от самого канала.

Но против земцев выступил предприимчивый капиталист Губонин, наживший крупное состояние на разного рода стройках. Аппетиты у Губонина были соответствующие. За постройку канала он просил монопольное право на эксплоатацию 500 тысяч десятин строевого леса. В борьбе с земством Губонин наверное победил бы. Но пока они дрались, против обоих противников составился могущественный блок. Купец Беляев, почти монопольный съемщик казенных лесов от Кеми до Петрозаводска, державший в руках все местное крестьянство и вовсе не желавший губонинской конкуренции, соединился с московским капиталистом, хлопотавшим о постройке железной дороги из Ярославля в Архангельск. Они инспирировали кампанию в петербургской прессе против «фантастического канала»

Земство довольно наивно отвечало солидными научными трудами о выгодах канала. Труд под редакцией профессора Н. А. Крылова был напечатан в Петрозаводске и вряд ли прочитан кем следует. В результате всего этого в 1895 году Николай Второй, разрешая постройку Архангельской дороги, одновременно отставил все проекты канала впредь до разрешения вопроса о другом, только что всплывшем проекте Мурманской железной дороги.

Так соединенными силами капиталистической анархии и капиталистической организации был провален проект Беломорско-балтийского канала: пока одни капиталисты дрались за то, кому наживаться на постройке его, другие, более сильные, соединились, чтобы его провалить в интересах монополии «счастливых обладателей» на месте и в интересах монополии центра — Москвы. А правительство, бессильное отрешиться от конкурирующих интересов, отделалось от канала ссылкой на железную дорогу, которую оно и не могло и не собиралось построить и построило под конец только схваченное за горло империалистической войной.

Но была еще одна причина, почему все проекты проваливались: Беломорское побережье было слишком слабо связано с центром, слишком мало заинтересовано в связи с ним. Купеческий сын Федор Антонов, возивший рыбу из Сороки в Петербург не только зимой, но и летом и тем возбудивший изумление своих петербургских контрагентов, был одиночкой. Архангельская буржуазия была больше заинтересована в связи с Англией, чем с Петербургом. Архангельская губерния была внешним рынком для Англии, не будучи внутренним рынком для России. Крымская война, когда английский флот разгуливал вдоль всего северного побережья и оккупировал Соловки, очень чувствительно напомнила о том, что Архангельск ближе к Лондону, чем к Москве и Петербургу. Сразу после крымской войны архангельский губернатор от имени купеческого «населения» вверенного ему края ходатайствовал перед царем о постройке канала, но «население» благоразумно воздержалось. В том, чтобы сделать Архангельск внутренним рынком для России, была заинтересована Россия. Пусть «Россия» и платит, а не архангельское «население». Под конец через сорок лет после крымской войны «России» хватило на то, чтобы связаться с Архангельском железной дорогой. Но на большее нехватило. Пока Россия существовала, она оставалась системой центра и колониальных окраин, связанных с центром и не связанных между собой. Чтобы эта система превратилась в подлинно экономический организм, в котором все клетки связаны между собой, России надо было исчезнуть, оставив место Советскому союзу, строителю Турксиба и ББВП.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ЛАГЕРЯ

Берман начал работать в ГУЛАГе. Все было навыворот. Люди, окружавшие Бермана, носили на груди значки почетного чекиста.

Но что они делали? Они способны были часами сидеть за выкладками фест-метров леса какой-нибудь олонецкой делянки. Обдумывали лучший способ кладки кирпича для саманных построек. Радовались тому, что достали полный комплект ватных телогреек для партии, уходящей на Печору. Нервничали, что в Нарым до сих пор не заслали семена льна, нужные для посева.

Ладно, пусть телогрейки и даже валенки — мы вовсе не собираемся кулаков замораживать. Но вот приходит Рапопорт и с большим удовольствием говорит:

— Наконец-то я заполучил для УСЛАГа пилы и топоры.

— Вот чего им действительно нехватало — топоров! Мало они посекли нашего брата.

Так прошел первый месяц.

В ГУЛАГ вызывали одного за другим чекистов. Все это были хорошие ребята, и с ними велся примерно такой разговор:

— Вот тебе тысяча здоровых людей. Они осуждены советской властью на различные сроки, и с этими людьми ты должен создать дело.

— Позволь, а где же охрана?

— Охрану ты сформируешь на месте. Сам отберешь из бытовиков.

— Хорошо, но что я понимаю в нефти?

— Возьми себе в помощники заключенного, инженера Духановича.

— Тоже инженер! Он по холодной обработке металлов!

— Что ж ты хочешь? Осуждать в лагеря желательные тебе профессии? Такой статьи в кодексе нет. А мы тебе — не Нефтесиндикат.

С тем ребята и уезжали. Сумасшедшее дело!

Через месяц-другой некоторые из них приезжали в командировку. Они заходили к Берману и начинали выхваляться, каждый стараясь перекрыть другого.

— У меня есть полковник. Лучший на весь лагерь лесоруб.

— А ты знаешь урку Сизого? Не знаешь, — с уничтожающим сожалением говорил другой. — Восемь судимостей. Семнадцать приводов! Вот из кого будет заправский буровой мастер. Я уже предвижу. Он сейчас знает всю терминологию и разговаривает, как по блату. А породу, в которой идет бур, может определить по тому, насколько заедает.

— У меня прораб по земляным работам — кассир-растратчик.

Приверженец полковника ни за что не хотел остаться битым.

— Кто у вас пишет плакаты? — ехидно спросил он. Все молчали. Позор! Они еще не знали, кто у них пишет плакаты.

Он тактично ждал ответа.

— Подумаешь, плакаты . . . — равнодушно наконец отозвался один.

Тут-то он и сказал:

— У меня их пишет фальшивомонетчик.

Берман читал донесения о побегах из лагерей.

Побегов было мало. Зато чаще стали поступать известия, которых нельзя было читать, не волнуясь.

Одно пришло из Средней Азии. На кишлак наступали басмачи. Близ кишлака находился исправительный лагерь.

Толпа заключенных пришла к начальнику лагеря. Из толпы выступил один вперед. Он сказал:

— Мы знаем, тут басмачи. Дай нам винтовки.

Начальник подумал и отдал винтовки.

Толпа сорганизовалась в отряд и ушла с винтовками.

Через день отряд вернулся, притащив с собой пулемет. В стычке было убито пять челозек. Из оставшихся в живых никто не убежал.

Что оставалось с ними делать?

Берман ходатайствовал об их досрочном освобождении.

Второе донесение пришло из Соловков.

Пароходишко, имея на борту команду, в которой не было ни одного вольнонаемного, но зато живописно был представлен «уголовный кодекс», вышел на промысел.

Пароходишко болтался в Белом море. На большой волне его качало с борта на борт, как скорлупу.

Боцман Губа спустился в кубрик. Раньше чем стать боцманом, Губа уже был вытатуирован по всему телу и ходил в рейс по линии Брянск — хутор Михайловский. На груди его плескалась русалка, щекоча хвостом левый сосок. На икрах ног играли молодые дельфины.

— Братва, — произнес Губа, — мне не нравится местный воздух. Ветер не наш — говорю определенно. Капитанская шмара сидит на трех чемоданах, как квочка. Она вырядилась так, будто собирается пойти к тюленям в гости. Пойдемте к капитану и спросим курс.

Губа с детства питал уважение к семейной жизни. В семь лет он уже знал, что и в порядочной семье могут быть непредвиденные положения. Он вежливо постучался в дверь каюты.

Капитан вышел строгий, бодрствующий, застегнутый на все пуговицы.

— Гражданин капитан, мы не вмешиваемся в личную жизнь. Жена ваша — девочка цветущая, — галантно сказал Губа. — Нас интересует курс.

Капитан повернулся спиной и направился на мостик.

После такой грубости Губа больше не мог оставаться интеллигентом. Он взял капитана сзади за плечи и поставил его лицом к себе.

Губа с минуту колебался.

«Придется погулять на этом курорте второй сезон», подумал Губа и ударил капитана в ухо.

Капитан пошатнулся и сказал:

— Ты за это ответишь.

Губа уже знал это и без него. Он интересовался другим.

— Какой курс? — еще раз спросил Губа и прошелся кулаком снизу вверх, задев подбородок капитана.

— Вышка, — уже не сомневаясь ни в чем, решил Губа После такого удара лучше искать жизни за бортом в море.

Капитан признался, что держит курс на Норвегию.

— Норвегия нам не светит! — хором крикнула братва

Судно было приведено в Мурманск.

Берман пошел докладывать коллегии.

Вскоре подоспело решение об освоении кулацких выселений, и Берман поехал искать места для поселенцев. Он побывал в северном Казакстане, в Сибири, на Вишере.

За лето надо было успеть построить целые города. И Берман действительно мог сказать, что их к зиме построили. В одном сезерном Казакстане было выстроено 7,5 тысячи домов, каждый на четыре семьи. Больницы, столовые, пекарни, школы и физкультурные площадки. В общем это составляло несколько уездных городов.

Берман встречал эшелон кулаков. Кулаки нехотя вылезали из вагонов. Он собрал их вокруг себя. Бабы на всякий случай сразу заголосили.

— Без шума, — сказал Берман. — Вы можете обрести душевный покой. Поля на местах уже засеяны колхозами. На свою межу вы больше не найдете дороги. Забудьте о прежней жизни и не вредит своему здоровью. Вот вам комендант и живите ладно. Какой у вас будет режим? У вас будет советский режим, — сказал Берман. — Работайте дружно колхозом, и вы еще будете угощать меня пельменями.

Берман послал в Москву проект неуставной артели в кулацких поселениях.

Через некоторое время он стал получать сообщения из поселенческих больниц, что бабы стали беременеть. Все было в порядке.

Берман объезжал лагеря. Казалось, здесь был сосредоточен

весь гной, который отцедила страна. Контрреволюция здесь была собрана, как в хорошем музее.

Садясь в поезд на станции Тында, Берман заметил рослого мужчину в очках.

Берман подозвал бородача. Походка у него была военная.

— Вы старый попеляевец?

— Так точно.

— А, значит старые знакомые.

Семь тысяч попов в лиловых рясах и офицеров в серо-голубых шинелях подняли восстание. Шесть дней шел бой на улицах Томска. Берман был тогда начальником пулеметных команд.

«Мы дрались шесть дней, — вспомнил Берман, — и вынуждены были бежать по реке Оби. На помощь восставшим шли чехи».

... Перед ним стоял адъютант генерала Попеляева. Оказалось, он сидит в лагерях десятый год — редкий случай.

Берман спросил адъютанта:

— Отчего вы не бреетесь?

Тот ответил, что бороду обреет только тогда, когда из лагерей выйдет.

«Да, не все здесь голуби, — подумал Берман. — Чего же он не сбежит? Охрану здесь ищи с фонарем, поезда проходят мимо каждый день, а в стороне от железной дороги — глушь, глядишь, и выйдешь к старому каторжному тракту».

И вдруг с прозрачной ясностью Берман представил себе то, что уже не раз приходило ему на ум в последнее время и что сейчас стало твердым сознанием.

В обшлаге рукава его шинели лежала газетка местного лагеря.

В ней было напечатано письмо И. Ш. Лейбихина.

И. Ш. Лейбихин бежал однажды из лагерей. Теперь, получив освобождение, он проживал в Симферополе.

Вот что он писал:

«Убедительно прошу оповестить через газету всех бывших воров, что на воле везде и всюду идет такое движение: правонарушители отрекаются от преступности и идут работать. Преступный мир пустеет. Наступает конец всему тому, чем мы когда-то жили».

«Это пишет вор, — сопоставлял Берман, — а что делать адъютанту? Нет, ему некуда бежать. Вырвавшись из лагерей, этот человек может быть укроется на время от агентов ГПУ, но как ему обойти на улице, на проселке, на платформе железнодорожного полустанка тысячи обыкновенных, простых людей? Он встретит девушку с коромыслом на плечах, а она — комсомолка. В поле он увидит ребенка — и это пионер».

«И некуда тебе уйти, адъютант!» усмехаясь, подумал Берман.

— Прикажете — могу и побриться, — с опаской сказал бородач.

Он все еще стоял рядом.

— Ваше личное дело, — равнодушно ответил Берман и поднялся в вагон.

За окном пошел, набирая скорость, густой, весь в снегу, лес.

В лагере Берман угадал и таких, которые работали хорошо и получали вдоволь хлеба, но глаза их были голодны и втянуты внутрь. То были люди, думающие о родных местах. Они сушили сухари и прятали их под матрац.

Среди них было много кулаков. Чаще всего с ними это бывало весной или поздним летом, под урожай. Им казалось, что стоит им вдруг появиться в родных местах, — никто не посмеет запахать их поле или сгрести в колхозный амбар скошенную пшеницу. Они забыли, что и засевали уже не они.

«Все равно, это мое добро, — думал каждый. — Мне еще Иван Касименко, почитай, третий год должен».

Они лежали на нарах, каждый лицом к спине другого, и подсчитывали. Дерюга, Колыбель, Шепет, Дуля, Власов Никита — припоминали они.

На круг выходило, что им должен почти что весь колхоз.

«Хвост у них возьмешь! Не отдадут, сукины дети».

Возвращался какой-нибудь беглец. В темноте, схватив за рукав, его отводили украдкой в сторону

— Ну, что там? — не скрывая жалкой надежды, спрашивали его.

— Везде обнаковенно, — обреченно и жестко отвечал он.

От злости сплевывали ему на сапог и отходили прочь, будто не знакомые.

Сухари съедались. Люди начинали подумывать о жизни всерьез.

БОРЬБА ВАРИАНТОВ

Существовало два проекта направления Беломорского канала — восточный вариант, в котором путь шел через озеро Выг и реку Выг, и западный вариант — через Водораздел, Сегозеро и реки Сегежу и Кумсу.

Западный вариант был более глубоководный.

Остановились на восточном варианте. Восточный вариант был выбран потому, что при нем уменьшались оградительные сооружения, уменьшалось количество дамб, необходимых для того, чтобы задержать накопленную воду. Кроме того восточный вариант требовал меньше времени для накопления воды.

Вода в водохранилище поступает с водосборов. Основное количество воды поступает от местного паводка (весеннего разлива вод). Для накопления известных высот по озерам западного варианта потребовался бы больший период, чем для того, чтобы поднять уровень Выгозера. Кроме того восточный вариант требовал меньшего количества земляных работ, меньшей выборки скалы и грунта.

Для того чтобы построить канал и построить его быстро, необходимо было как можно больше использовать уже существующие водяные системы.

Если пойти от города Повенца по реке Повенчанке, поднимаясь к северу, к Белому морю, мы встретим по дороге систему озер: Узкие озера, Вадло, Воло, Маткозеро.

Эти озера вытянуты в одном направлении.

Они — как вода в колее от колеса.

Нужно только поднять воду так, чтобы эти озера соединились друг с другом. Этот участок озер называется Водоразделом.

Отсюда с одной стороны реки бегут в Белое море, с другой стороны — в море Балтийское.

Водораздельный участок начинается за верхним Повенчанским шлюзом, на отметке 102 метра.

Далее путь канала идет через озеро Вадло. Потом он идет на склон, к озеру Матко. Здесь канал идет выемкой в торфяных слоях, с подстилкой из песка и суглинка.

Запирается этот участок шлюзом № 8.

Этот шлюз можно расположить на берегу озера Матко. Кажется, здесь есть скальное основание.

Шлюз можно связать с незатопленными берегами, построив дамбы.

Проблема преодоления рельефа, уменьшения количества работ и проблема водных ресурсов — вот что решает задачу проекта. Решали эту задачу в ОКБ инженеры из заключенных во главе с Журиным и Вержбицким.

Путь выбирался по тем участкам, где были реки, где глубина рек была достаточной для плавания судов, где меньше требовалось кубатурных работ.

Направление на север через Водораздел было взято с учетом наикратчайшего расстояния, причем нужно было выбрать наиболее низкое место Водораздела.

Здесь условия местности определяют структуру каждого узла. При проходах с одного уровня на другой нужно ставить сооружение. Это сооружение нужно ставить в таком месте, где есть под ним достаточно плотное основание. Плотина запирает воду. Вода начинает подниматься. Теперь нужно обставить

водоем дополнительными сооружениями. Нужно все седловины загородить дамбами и сделать водоспуск для сброса лишней воды.

Каждая такая система основных и подсобных сооружений, сграждающих водоем, называется у з л о м.

На Беломорстрое было решено сделать узлы: Позенчанский, Водораздельный, Маткозерский или Телекинский, Надвоицкий, Шаваньский, Пало-коргский, Маткожненский, Выгостровский и Шижненский.

В водораздельном участке путь проходит в естественных условиях. Для проведения его земляных работ почти не требуется.

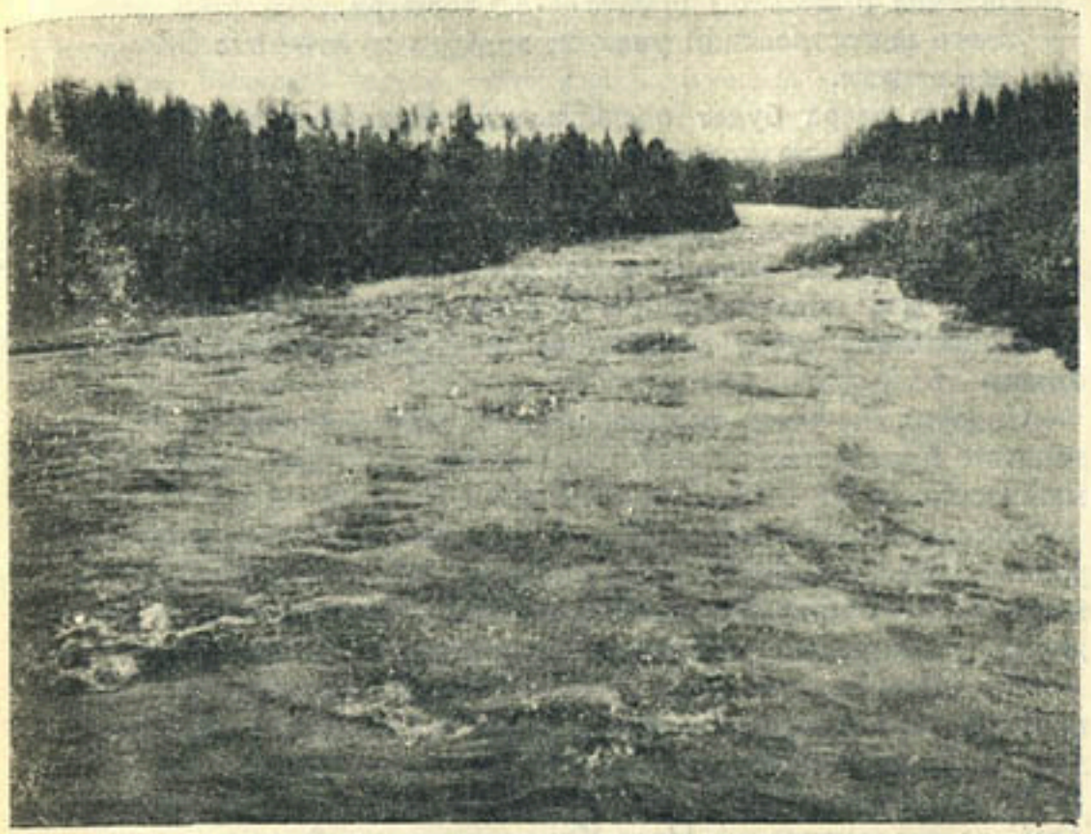
Узел запирается восемью шлюзами.

За ним идет сперва порожистая, а потом болотистая река Телекинка, впадающая в озеро Выг.

Маткозерский участок водного пути проходит до озера Матко и по притоку Руманцы — в озеро Телекинское. Оно запирается однокамерным шлюзом № 9. Здесь для основания есть скала.

Долина р. Кумсы — первоначальный, западный вариант канала

Долина р. Выг — восточный вариант канала, ныне осуществленный

Кроме шлюзов в маткозерском участке нужны несколько ограждающих дамб и водоспусков в том же притоке. Телекинка впадает в большое Выгозеро.

Это Выгозеро — основной узел всего водного пути.

Это гидротехнический смысл всего Беломорского канала, его выигрыш.

Вода здесь запирается Надвоицким шлюзом № 10.

Узел образован подпором уровня воды в озере Выг и затоплением русла реки Телекинки.

Емкость получающегося хранилища — 7,1 миллиарда кубометров. Эти цифры любят на трассе и повторяют в бараках.

Это самое большое водохранилище в мире. Водой Выга можно поить все население земного шара в течение семи лет.

Старое русло Выга будет заперто у села Надвоицы. Здесь можно сделать глухую земляную плотину.

Водосборос из озера Выг вырубается в полустрове между губой озера и руслом реки Выг.

Появился вариант, который потом восторжествовал. Водосброс был сделан в самый Выг.

Падение в десятом шлюзе — 15,1 метра.

Здесь выгостровский участок водного пути — это 38 процентов всего пути.

Разлив озера будет очень велик. Водоразлив обладает величиной 1 200 квадратных километров.

Для того чтобы не ушла вода в сторону, через низину нужно окружить участок несколькими дамбами.

Из них самая значительная лежит около деревни Дуброзо.

Будут еще мелкие дамбы в районе Майгубы.

Накопление воды в выгском водохранилище займет около одного года.

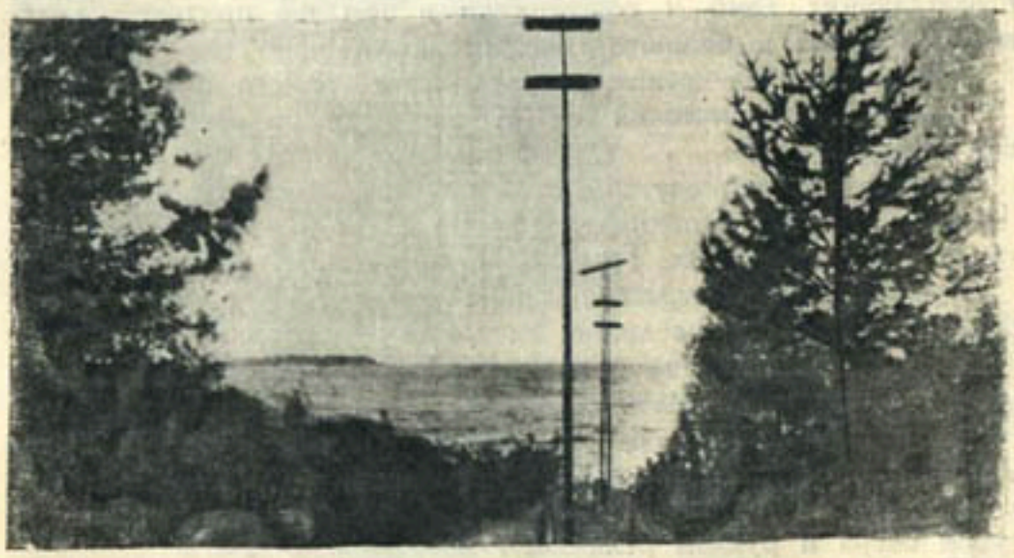
Сооружение очень велико, и его нужно создавать с большим запасом прочности, потому что катастрофа здесь вызовет размыв всего пути.

После спуска с озера Выг в Надзоицкое озеро следующий узел — Шаваньский. Он начинается за десятым шлюзом и кончается у острова, в устье реки Выг. Участок будет закрыт двумя плотинами в острове. Падение здесь 18 метров.

За Шаваньским озером — следующая ступень. Ее запрет плотина Пало-коргская. Здесь будут на склоне основания для двух шлюзов с напором воды 9,80 метра.

Граница участков прикрепляется к порогам Пало-коргским. Там за водонапором Пало-Корги должно быть сооружение. Сооружение надевается на порог, как коронка на зубы. Но тут часто корни придется выбрасывать.

Эти темные, неизвестные, может быть слоистые скалы, придется прокладывать цементом.

Здесь будет канал. Отметки на столбах показывают будущий уровень воды в канале

Итак идет путь от порога Пало-Корга к порогу Маткожня. Здесь лежит вторая плотина, которая перережет Выг, здесь будет очень большой напор. Это очень сложное сооружение.

Придется это додумать потом.

Обходить русло реки — значит здесь нужно будет делать дополнительные скальные работы.

Маткожненская плотина сопряжена с земляными дамбами. Эта плотина будет иметь около 16 метров высоты, ее водосливная и щитомерная часть — около 150 метров. За ней выгостровский участок. Он идет до того места, где река Выг раздваивается островом. Отсюда путь ведет плотину в приток Шижня. Здесь плохой грунт. Верхний слой — торф, ниже его — ильдиевая глина, ледниковые отложения, скалы. Особенно близко к берегу скалы выходят на поверхность. Отсюда нужно будет строить лестницу шлюзов, за которой проход будет спускаться к Белому морю. Нужно будет учесть все водные ресурсы. Они складываются из основных и приточных, от осадков, а наблюдений за количеством осадков проделано не было. Нужно было учесть, хватит ли воды для питания сооружения, хватит ли воды на подъем озер, на создание запасных водохранилищ, на заполнение мелководных мест до судоходной глубины. Нужно было учесть все притоки бесчисленных речушек. Но бывают маловодные годы. На этот год нужно было иметь большой запас воды. Поверхность озера Выг, самого большого водохранилища в мире, увеличивается в три раза. Соберется ли эта вода в один год? Нужно было учесть приток воды, поджать дамбами и плотинами, чтобы запаса хватило на маловодные годы. Нужно было решать, какой судоходный уровень будет в год стройки — маловодный или многоводный, — от этого зависело определение очередности постройки сооружений и способов стройки. Нужно было решать, как быть с земляными работами. Насыпать зимой нельзя.

Что делать зимой, чтобы форсировать земляные сооружения?

САМОЗАЩИТА ИНЖЕНЕРА МАСЛОВА

Вот он — инженер первых дней Беломорстроя. Он еще ничего не забыл и ничему пока не научился. Наука еще впереди. Сейчас он в Особом конструкторском бюро составляет эскизный проект для новой фантастической затеи большевиков: для Беломорско-балтийского канала.

Сорокалетний инженер Маслов — спокойный, корректный, подчеркнуто опрятный, уважающий себя человек. Маслов — крупный специалист, профессор, питомец европейской инженерии. В условиях лагерного заключения он, что называется, в полной мере соблюл себя. Но ему этого мало. Ему надо,

Проф. В. Н. Маслов, бывший вредитель. Работал над проектом канала, изобрел способ постройки деревянных шлюзовых ворот. Награжден орденом Трудового знамени

чтобы об этом знали все окружающие. Вот для чего выбрасывает он каждое утро опознавательные свои знаки: идеально-белый воротничок и бритые щеки. Инженер Маслов решил быть на Беломорстрое олицетворением вынужденной лояльности в виде бритого джентльмена в потертом костюме и чистом воротничке. Что можно возразить против этого? Он сразу же правильно был понят, и деловые взаимоотношения установились быстро и безболезненно: с чекистами и с товарищами.

Инженерская профессия высокого стиля — не терпит штампов. Это — изобретательская профессия. Огромные творческие усилия, которые инженеру приходится затрачивать для создания таких изумительных конструкций, как электростанция, мост, плотина, эллинг, блюминг, завод, внушают ему чрезмерное доверие к своим умственным силам. В условиях капиталистических это ведет обычно к тому, что, как только инженер пытается осознать мир, лежащий за пределами его рабочего стола, он немедленно же попадает в лапы самого обыкновенного буржуазного здравого смысла. В области технической носителями здравого смысла являются тупицы, пользующиеся заслуженным презрением инженера Маслова. Исповедуя тот же самый здравый смысл в области политической, инженер Маслов требует всяческого к себе уважения. Не столь уж важно, в чем именно заключается политический здравый смысл инженера Маслова. Он мог, к примеру, у этого европейского выученика заключаться в том, что парламентаризм является идеальной формой государственного устройства. Эта мысль могла казаться ему почти математически доказательной: народ добровольно, общей подачей голосов избирает представителей, которые правят им и издают для него законы. Во всяком случае инженер Маслов ни на минуту не допускал, чтобы человек, создающий весь тот индустриально-технический пейзаж, среди которого живет современное человечество, — чтобы этот человек мог оказаться совершеннейшим невеждой в вопросах политических. Самоуверенным, самодовольным и опасным невеждой.

Инженеру Маслову естественно было очутиться во вредительской организации. Помимо общих для известной части инженерства причин его привело туда болезненное сознание неполноценности его личности и профессии, будто бы ущемляемых постоянно этой бестолковой, беспорядочной и низкопробной советской государственностью. Защищая по сути дела всего лишь свою привилегию создавать технические конструкции для капиталиста, он пребывал в организации с видом джентльмена, который не имеет права отказаться умереть за свои политические идеалы.

И вот — лагерь, Беломорстрой. Долг исполнен. Равновесие восстановлено. Уже не только нет сознания неполноценности — напротив, никогда еще инженер Маслов не относился с таким к себе уважением, как именно в эту пору своей жизни.

Какой прекрасный человеческий образ: молодой блестящий профессор страдает за политические свои идеалы на диком севере, в окружении уголовной шпаны и проституток! Вообще говоря, образ этот особой оригинальностью не отличался — как раз подстать убогой специальной фантазии инженера Маслова. К его услугам было еще несколько традиционных вариантов на ту же самую героическую тему, и он охотно пользовался ими, в зависимости от настроения, погоды, случайной игры ума.

Инженер Маслов работает в отделении затворов. Разумеется, он ни в какой степени не верит в возможность создания гигантского канала где-то на краю света, при полном почти отсутствии механизмов, металла, квалифицированной рабочей силы. Но он — человек подневольный. Он согласен предоставить этим людям свои знания, свой мозг — но ничего более. Ни единой эмоции. Ни единой улыбки. Ни единого лишнего слова.

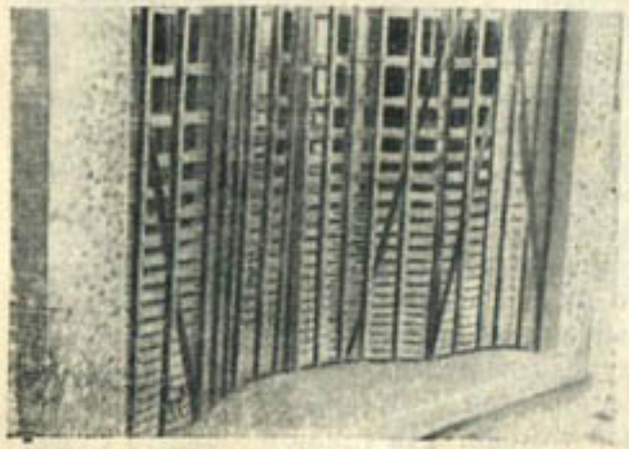
— У вас нет металла, говорите вы. Из чего же прикажете конструировать ворота и затворы для шлюзов? Уж не из дерева ли?

— Да, именно из дерева.

— А известно ли вам, что нигде в мире деревянные ворота и затворы для судоходных шлюзов никем и никогда не делались и что никаких расчетов для подобных сооружений в науке не имеется?

— Теперь, после вашего авторитетного свидетельства — известно. Попытайтесь сделать эти расчеты. Не бойтесь риска. В таком деле, как постройка в двадцать месяцев одного из величайших каналов в мире, без технического риска, без новаторства не обойтись. Вы можете любой свой вариант проверять на материале. Помните о темпах.

Что же делать — инженер Маслов принимается за работу. Боже, опять вернулся он к прекрасной своей профессии! Опять держит он рейсфедер в руке. Опять перед ним голубоватый лист бумаги, на котором он может творить свою волю. Его лицо сразу утрачивает выражение, предписанное одним из героических вариантов, и становится значительным и осмысленным. В сущности перед ним глубоко-интересная проблема: конструирование из дерева, из карельской сосны, ворот и затворов для мощного шлюза. И главное — вполне конкретная проблема. Любое число вариантов — лишь бы задача была решена. А затем — немедленная проверка, немедленное воплощение в материал. При всем том — общая предпосылка: темпы, темпы, темпы! Во всяком случае он не позволит толкать себя в плечо. Он не лесоруб. В его деле спешкой не возьмешь. Но вовсе не отдельные люди, не чекисты, не товарищи — план давит на него с огромной силой. План, неразрывной частью которого является его работа. План, неумолимый рабочий план, который становится постепенно высшим законом, которому в равной мере подчинены чекисты, инженеры, воры, бандиты, кулаки, проститутки.

Модель деревянных ромбовидных ворот системы проф. В. Н. Маслова

Совершенно неожиданно для инженера Маслова и помимо его воли это напряженное — *моральное* ощущение общего строительного плана исторгает из него несколько эмоций. Согретый эмоцией, чуть расторможенный мозг начинает показывать более высокое качество работы. Теперь инженер Маслов сам подбрасывает немного топлива в этот разгоревшийся костер. Затем он теряет счет эмоциям. Ему не до того. Пять, десять, пятнадцать вариантов! Он никогда за всю свою жизнь не знал такого непрерывного, такого буйного творческого праздника. А какие темпы! Он уже нащупывает правильное решение. Еще два-три варианта, и задача может считаться решенной. Во всяком случае ему уже сейчас непререкаемо ясно, что проектированные им *деревянные* ворота и затворы ничуть не уступают *железным*.

Какой поразительный результат! И это открытие, которое сделает ему имя в мировой гидротехнике, привелось ему сделать здесь, в заключении.

Следует заметить, что внешне инженер Маслов все так же был спокоен, корректен, подтянут и все так же являл собой олицетворение вынужденной лойяльности. Но кое-что в нем изменилось. Про него рассказывают, что в эту пору своей работы на Беломорстрое он много и напряженно шутил. Это был способ удержаться на последних позициях. Человек умственно несвободный, с непомерным самолюбием, источник которого кроется в кастовых предрассудках, он пытался иронией прикрыть те серьезные и глубокие процессы перестройки сознания, которые непрерывно шли в нем по мере его врастания в работу. Вначале он пытался уверить себя, что здесь происходит процесс вульгаризации его сложной психики, вынужденной приспособляться к этим чудовищным беломорстроевским темпам, но этому резко противоречило поистине яростное напряжение всех его творческих способностей. Тогда он принялся иронизировать, — сдержанно, тонко и скупо, в полном соответствии со своим житейским стилем. Ему хотелось обшутить все это глубоко-значительное дело, которое творило здесь ОГПУ, ему хотелось обшутить социалистическое соревнование, ударничество, перековку людей, свое собственное наконец участие в этой невиданной работе. Это была самозащита, последнее прибежище. Он боялся, что кто-нибудь — упаси, боже! — может подумать, что инженер Маслов поддался на все эти хитрые советские штуки, что он всерьез признал советскую власть, что он строит этот канал без всякой задней мысли, что он убедился в преимуществе социалистических форм труда, в том, что истинный простор для техники и науки возможен только при социализме.

В 1932 году инженер Маслов был освобожден досрочно от отбытия наказания, но остался на работе. Все в той же своей

скупой, сдержанной манере он пытался обшутить свое досрочное освобождение и свое решение остаться на работе до окончания канала. Когда канал наконец был отстроен, инженер Маслов по постановлению ВЦИКа был награжден орденом Красного знамени за свои исключительные заслуги по конструированию деревянных ромбовидных ворот и затворов для шлюзов. Он был сильно смущен и получение ордена обшутить не решился. Это было бы уже слишком неискренно и безвкусно. Пора было кончать эту сложную психологическую игру с самим собой. В конце концов она довольно утомительна и отнимает много душевных сил. А силы нужны для работы. Ведь инженер Маслов имел достаточно времени убедиться, что при социализме работать можно. И не только работать — можно создать новую главу в новой науке: социалистической гидротехнике.

Таков путь инженера Маслова — от ОКБ до окончания канала.

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА ОГПУ

Лагерный «хабар» неуловимыми путями доносил вести скорее газет.

Сводка о ходе сева и телеграммы о японских захватнических планах колебали выполнение норм выработки.

Рассказ лагерного новичка-урки, что в Москве почти нет случаев уголовных убийств, умножал число заявлений в лагерную газету... «порываю с темным прошлым и становлюсь на честный путь».

В лагере ощущали Магнитогорск, Днепрогэс, Сталинградский тракторный и Нижегородский автострой, как будто они находились тут же рядом.

И Берман как бы руками ощутил удивительный переплет всей трудовой исправительной политики лагерей с положением страны. Вся социальная педагогика в лагерях вырастала, как из корня, из диктатуры пролетариата, из законов социалистического строя. Казалось, что вся эта сложная, тонкая и разветвленная система в сущности состоит из одного могучего положения.

— Мы в лагерях принуждаем людей, не способных самостоятельно перевоспитать себя, жить советской жизнью, толкаем их до тех пор, пока они сами не начинают делать это добровольно. Да, мы заставляем их всеми средствами делать то что в нашей стране миллионы людей делают по доброй воле, испытывая счастье и радость.

В Караганде, около рудника, Берман собрал заключенных.

Они стояли скопом в черных брезентовых, как бы просмоленных пиджаках, с парусиновыми сумками через плечо. В сумке

лежал набор рудничных инструментов. Когда человек шевелился, в сумке угрюмо позванивало железо.

— Как живете? — обратился Берман.

— Живем — воли ждем, — браво откликнулся мужик с пушистыми усами, похожий на вахмистра.

— А ты здесь давно, что так соскучился по воле?

— Сколько ни считай, все домой хочется, — ответил мужик.

— Это от тебя зависит, — сказал Берман.

— Все мы зависимые, посидим, пока корень рода изведут.

Берман увидел молодого парня с злыми губами.

— Ишь ты, какой прыткий, — пошутил Берман.

— Будешь прыткий, когда колется.

— По какой же статье тебе колется?

Парень смолчал.

— Не по 58[10]? — спросил еще раз Берман.

— Он и по другим еще, — послышалось из толпы.

Потом вышел вперед старичок.

— Гражданин начальник, если без обману, здесь которы постарше — по крестьянскому делу, а которы помладше — около дела прыгали. Все тут зеленой роты, хлебной заботы. Кулаки тут, даром что без пузьев, чистого сорта.

— А ты не той же масти будешь?

— Нет, — беззлобно ответил старик, — я пролетарских кровей, правильный мужичок, да поп душу защекотал.

Все кругом засмеялись

— А что ж вы думаете, — удивился старик, — кабы не поп отец Иоанн, может быть я бы самым главным в колхозе был.

Старик лихо расправил плечи.

— Истинно, поп соблазнил. Иду я по общественному делу, а он встречает меня, и вижу — пальцем поманивает, как курочку. Никак его не миновать. Подошел, к ручке приложился. Отец Иоанн крестным знаменем осенил. А я смотрю по сторонам — не идет ли кто.

— Общественные дела у меня, батюшка. Тороплюся, очень тороплюся. — Отец Иоанн взял меня под руку. Никогда еще от него мне такого почтения не было.

— Все ты общественными делами, а о душе когда думать будешь?

Вот будь неладен. Я уж ему и глазами моргаю — соблюдай тихость, чего на людях проповедь завел.

А он как вцепился в руку, хоть смейся.

— А что у вас, Алексеич, на колхозной пасеке липовым духом пахнет?

Вот, дьявол, думаю, на что зарится.

— Обнаковенно, — говорю, — пчелки нанесли.

— Пчелки вот нанесли, а ты мне с христова воскресенья должен. Принес бы медку махоточку.

И что скажете — уговорил. Думаю я себе, человек я честный, справедливый, чужого никогда не затаил, дай расквитаюсь с попом, а то пристал, прямо стыд. И что ж, пошел я на пасеку, выломал рамку, и вышло так, что с попом расквитался, а от колхоза срам.

— Давно сидишь?

— Нет, только наладился.

— Ну, поработаешь немного и пойдешь себе в колхоз, — приободрил его Берман.

— Да я и не злоблюсь, — сказал Алексеич. — В колхоз итти сердцу совестно. Я уж здесь порубаю уголька. Видно, ошибся маленько во взрослых летах.

Берман заметил, что несколько человек сочувственно улыбнулись, когда кончил свой рассказ Алексеич. В старике и в этих людях Берман сразу почувствовал опору.

Когда Берман заговорил, то этим немногим людям казалось, что говорит он так, что как бы выделяет их из толпы и ставит ближе к себе.

— Вам рассказывали про лагерные порядки и про то, как скорее выйти на волю? — как не первый раз в таких случаях, начал Берман.

Все молчали, и хотя им уже не раз об этом говорили воспитатели, решили лучше смолчать, надеясь услышать от большого начальника то, что быть может утаили маленькие начальники.

— Так вот, слушайте меня, — сказал Берман, все время помня, что здесь произошло и какие люди на что откликались, их жесты, улыбки и морщины на лице. — В лагерях, как известно, сидят разные люди. Есть попы, спекулянты, всякие прожженные дельцы. У нас в лагере есть и живые графы, и живые помещики, княгини, фрейлины двора его величества. Есть и шпионы — это самые паршивые, поганые люди...

Говоря все это, он старался не выпускать из виду всей этой затихшей толпы.

Многие из слушавших подумали, что люди, которых он назвал, — действительно скверные люди и хорошо, что их держат в Соловках, но мы вот сами не такие.

— Но в лагере есть и другие, — сказал Берман, указав рукой на Алексеича. — Возьмите его к примеру: к попу он был справедлив, а колхоз обокрал. Нельзя оставлять без наказания таких вещей. Но он близок нам и остался близок. О нем в лагере наша ближайшая забота. В лагерь попадает и рабочий, которого приходится сажать за то, что он до крови приревновал жену или в драке зашиб кого. Нельзя этого позволять никому

и оставлять без наказания. Но мы обязаны смотреть, чтобы этого рабочего, который впал в беду, не взяли под свое влияние контрреволюционеры, а они сидят здесь по другим делам. Чекистов-коммунистов в лагерях единицы, а управляют они тысячами активных врагов советской власти.

И тогда все сразу переглянулись и вдруг заметили, что спокойно и рассудительно разговаривающий с ними начальник стоит один среди всех заключенных, и это показалось удивительным.

— Так вот, — сказал Берман, — мы поступаем так: рабочих, колхозников, советских работников, осужденных в лагерь, мы сразу берем в оборот и говорим: для вас не закрыты пути досрочного возвращения в свой завод и в свой колхоз, если вы здесь покажете, что работаете преданно и честно, и поможете управляться и перевоспитывать контрреволюционеров.

— Ну-ка, статья тридцать пятая, подымите руки, — вдруг сказал начальник.

Вышло это у него как-то безобидно и дружелюбно.

Несколько человек из толпы застенчиво подняли руки.

— Что это за люди? Они до советской власти крали у буржуазии и при советской не бросили воровской профессии, добывают себе хлеб таким же манером. Они не поняли, что теперь линия другая и можно работать по-честному. Среди них есть такие по натуре талантливые и хорошие, что было бы преступным не уделять им должного внимания. Мы их воспитываем и направляем каждый их шаг. Они становятся хорошими людьми. Могу привести пример...

И Берман рассказал о воре Володе Куличенко.

В лагере он стал артистом и культпросветчиком, теперь он в Магнитогорске заместителем заведующего культотдела профсоюза.

— А я буду шофером, — как бы шутя, крикнул кто-то из толпы.

— Ты и будешь шофером, — очень серьезно сказал начальник. — У нас все зависит от работы. Хорошо работаешь — добьешься хорошей квалификации, скорее выйдешь на свободу. Мы вот и говорим всем заключенным: вы виновны перед советской властью и обязаны упорным трудом искупить свою вину. И если рабочие, хозяева страны, стоящие у власти на Магнитострое, в Уралмашстрое, Кузнецкстрое, терпят лишения, если они, хозяева страны, так работают, то ты, нарушивший их жизнь, должен еще более работать...

И Берман говорил до тех пор, пока не рассказал до конца всем очутившимся здесь не по своему желанию людям то главное и важное, чего ждала толпа и из-за чего, собственно го-

воря, только и начали все его слушать — что превращало их теперешнюю жизнь в преддверие будущего.

Берман в лагере осмотрел бараки, пекарню, баню, амбулаторию.

В прачечной пожилая женщина подала ему заявление. Лицо женщины было как бы покрыто сеткой из капель осевшего пара.

Берман подумал, что она подала обычное заявление с ходатайством о пересмотре своего дела.

Он тут же старался отвечать на заявления и просьбы заключенных; стал читать заявление:

«Никогда я не переживала подлинных человеческих радостей и горестей. Все было не настоящее, нелепое, как в кошмаре. Мне уже за 40 лет. Я — дочь помещика Рязанской губернии. Тринадцати лет отдали в монастырь. В монастыре провела 26 лет. У меня две страсти, которые жгут и сжигают меня. Ненависть к богу, она зародилась еще в юности. Я боялась этой страсти, но она овладела мной целиком. Я в ее власти. Вторая, снедающая меня страсть — неистовая, неумолимая жажда труда. Никто, как я, не изведал проклятья бездействия. Покой — величайшее проклятье. Я хочу жить, я уже живу.

Лагерница Евдокия Полунина»

Бермана поразило страстное стремление этой пожилой женщины к новой жизни. Соединив в одно, что он за это время увидел, испытал и узнал в лагерях, Матвей поразился размаху и новизне всего того дела, о котором тогда еще в Москве говорил Ягода. Он почувствовал, что работа уже забрала его целиком. Ему хотелось думать, изобретать и двигать вперед это дело, то самое, что в первую минуту он не смог связать с собой в один узел.

... Из Караганды Берман выехал на север, на Вишеру.

На Вишере строился бумажный комбинат. Здания уже были возведены. Сквозь незастекленные окна дули ветры.

Бермана прохватило, и к вечеру он слег.

К нему пришли местный врач, фельдшер и сиделка.

Матвей лежал на кровати около стены, срубленной из цельных сосновых бревен. В комнате пахло скипидаром. Матвею казалось, что в ухе, не переставая, цвирикает сверчок. Это было невыносимо. Он старался как можно ближе притиснуться ухом к подушке. Цвириканье продолжалось.

Врач стал его выслушивать. Берману показалось неловким, что люди, которые ему подчиняются по службе, видят его голым и больным.

Матвей надел рубашку, укрылся одеялом и робко спросил врача, как его зовут.

— Гинзбург, — сдержанно ответил тот.

У Гинзбурга были жирные глаза, похожие на маслины.

— За что вы сидите? — опять спросил Берман.

— 58[10]. Петя, поставь-ка банки, — в одном тоне сказал врач.

У Пети были подавляющей тяжести руки. Он прикасался к оголенной спине — становилось холодно и как будто мокро.

Петя ставил банки с видимым наслаждением, а снимал их — как выстрел.

Лежа животом вниз, Берман спросил:

— Давно ли работаете фельдшером?

— Третий месяц, — сказал Петя.

— Чем же вы раньше занимались? — еще надеясь на что-то, спросил Берман.

— Бандитизмом, — кротко ответил фельдшер Петя.

Матвею стало жарко.

Сиделка осталась на ночь. Свет падал на ее рябое лицо. Оно было похожим на белые восковые соты.

Больной смотрел на нее. Она встала с табуретки и подошла к нему.

Больной молчал. Сиделка терпеливо ждала.

— За что вы здесь? — с отчаянием спросил Берман.

Сиделка рассказала:

— Приревновав к мужу, я облила соседку серной кислотой

Матвей облизал горячечные, покоробившиеся губы.

— Дайте мне градусник, — попросил он.

Температура была 39,2

СКОЛЬКО ОВЦА ДАЕТ ПРИПЛОДА

Выздоровев, Берман возвратился в Москву.

По привычке, усвоенной, как казалось Берману, на школьной скамье, а на самом деле значительно позже — на работе в ЧК, — Матвей еще в поезде написал рапорт.

Придя к зампреду, он подал рапорт.

— Подождите, — сказал зампред, — я хочу вас самого послушать.

Берман доложил, что в Нарыме уже вырастили рожь и лен. Население больше не нуждается в завозном хлебе и скоро даст стране свою товарную продукцию.

— Подумайте теперь о пшенице, — сказал зампред таким тоном, как будто посев льна в Нарыме — это сущие пустяки, а вот о пшенице еще можно серьезно поговорить.

Берман далее рассказал о дорожном строительстве, о торфяных болотах, о свиноводческих и овцеводческих совхозах, радиевых рудниках, верфях, нефтяных вышках, лесных разработках, рыбных промыслах.

— Скажите, товарищ Берман, — неожиданно спросил зампред, — сколько грунта пойдет на километр железнодорожной насыпи?

И не было видно: спрашивает он или проверяет.

Берман ответил.

— А сколько можно в вагон погрузить дров?

Берман ответил.

— Это сухих, — сказал зампред, — а сырых?

Берман ответил.

— Сколько овца дает приплода?

Берман ответил.

Зампред еще спрашивал об осадке и тоннаже судов, какие средства употребляются против цынги, чем отличается карагандинский уголь от донецкого, какие бывают плоты, в какое время можно обучить неграмотного человека бетонному делу...

Берман отвечал. Ему казалось, что отвечает он уже второй день.

Далее Берман рассказал о лесорубах, плотниках, доярках, слесарях, механиках, больничных сестрах, сколько людей в лагере получили квалификацию, сколько научились грамоте, о детских яслях, лагерных агитбригадах и газетах.

Все лето Берман проработал в Москве. Берман завидовал Якову Рапопорту, который любой хозяйственный вопрос мог понять на лету. Правда, понимал Рапопорт как-то только для себя, не умея просто объяснить другому человеку. Берман тратил больше времени на то, чтобы освоить какое-нибудь новое дело. Он брал упорством и громадной работоспособностью. Берман завидовал своим товарищам, которые занимались только одним делом. Ему приходилось отвечать на всевозможные вопросы.

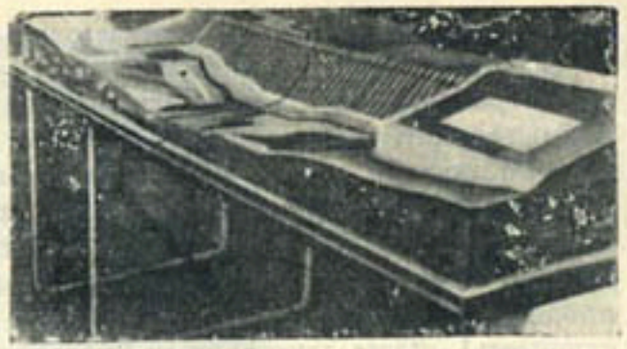
Он чувствовал, что знает только верхушки.

Работать в лагерях, не изучив дела, нельзя. Тут более чем где-либо чувствуешь указания Сталина об овладении техникой. Без освоения техники ни один чекист-коммунист не может работать в лагерях, не то аппарат начнет им командовать.

Все, что Берман узнавал и без чего не мог обойтись, заносил в книжку. В эту книжку в черном кожаном переплете он как бы хотел вобрать все лагеря, все строительства и все то, что они производят и какие именно люди это делают.

Профили строительства и модели сооружений умещались на небольших страницах этой книжки.

Книжка жила — часто меняющимися столбиками диаграмм,

Модель Шаваньской плотины

дисциплинированным движением цифр, опытными вычислениями — и чем-то походила на лабораторию.

И хотя Берман не знал еще каждого дела, так, чтобы с ним справиться самому, но он знал уже настолько, чтобы следить за ним и направлять в нужную сторону.

Никогда еще он так много и беспрерывно не учился.

Берману часто приходилось бывать в наркоматах по делам строительства. Раньше он шел туда неуверенно, теперь он заметил, что освободился от этого сковывающего его ощущения.

На одном совещании хозяйственников красный директор крупного московского предприятия, старый знакомый по гражданской войне в Сибири, удивившись тому новому, что он заметил в Бермане, спросил его: — Где ты работаешь?

— Все там же, — рассеянно ответил Берман, занятый мыслью, как провести без сокращения заявку на рельсы.

Вся эта хозяйственная работа, которой отдался Берман, была пронизана заботой о людях и их судьбе. Это было так, хотя говорили о нормах выработки, о прорывах, о выполнении плана.

Проходило лето.

В начале августа руководство ГУЛАГа было вызвано в Коллегию ОГПУ.

Им сказали:

— Товарищ Коган и товарищ Рапопорт, выезжайте на место. Берман вам будет помогать здесь. Канал должен стоить дешево и должен быть построен в короткий срок. Таково указание Сталина.

ПРОЕКТ КАК ТВОРЧЕСТВО

Проект труден. Нужно точно знать всю трассу, пути от озерного подходного канала в Повенецкой бухте Онежского озера до Морского канала в Сорокской бухте. Точно исследовать геологию каждого из 227 километров трассы: пробурить разведочные скважины, произвести топографические съемки, развернуть нивелировочные работы.

Узнать геологическое ложе, разостланное вековой работой

природы. Без этого приступать к строительству — безумие.

Для осуществления проекта нужны три вещи: время, время, и еще раз время. Инженерское творчество щедро. Но большевики торопят, а изобретение должно быть выношено. Вместо зрелого проекта может получиться выкидыш.

Срок для постройки канала дан двадцать месяцев. В мае 1933 года канал должен быть действующим водным путем СССР. Инженеров хотят заставить соперничать с библейскими пророками. К сожалению они не могут приказывать морям: расступитесь! Даже легендарный Моисей располагал большим подготовительным периодом для своего чуда при переходе евреев через Средиземное море. Моисей был старожилом пустыни и знал то, чего не знали египтяне: в месте перехода море отступало во время отлива. Чудо Моисея было основано на инженерном расчете, на подготовке.

18 февраля 1931 года постановлением СТО было формулировано окончательное задание: глубина канала была определена. Прежние работы по подготовке эскизного проекта этим заданием отметались почти начисто. Нужно было создавать проект наново. Основная директива при его разработке складывалась из трех установок: построить канал в двадцать месяцев, применять простые, дешевые конструкции, возводить сооружения из недефицитных материалов.

Проводником этой директивы явился инженер С. Я. Жук, возглавивший проектный отдел Беломорстроя. Жук обладал замечательной способностью угадывать здоровые предложения и давать ход жизнеспособной идее, отличая ее в самом зародыше среди огромного количества неполноценных, трусливых, рискованных или фантастических предложений. Заключенные инженеры сразу признали в нем эти достоинства руководителя и организатора всего творческого процесса проектировки канала. Жук был «вольнонаемным», т. е. его отделяла от Вяземского, Маслова, Зубрика, Журина и других заключенных инженеров коренная разница положения. Но он был инженер с большим стажем, отлично кончил Институт путей сообщения и поднялся к работе над проектом Беломорстроя через ряд крупных гидротехнических сооружений, самостоятельно выполненных им до этого.

Он говорил на языке, понятном для инженера.

Жук был человек безупречной советской биографии, из числа той лучшей части технической интеллигенции, которая быстро поняла огромные возможности, открывавшиеся перед ней советским строем. Многие инженеры-гидротехники страдали «водобоязнью», они отсиживались в канцеляриях. Жук явился прямой им противоположностью. В 1925 году еще сравнительно молодым инженером он оставил спокойное место в Ленинградском гидротехническом тресте, бросил квартиру и нала-

Инженер С. Я. Жук, руководитель инженерской группы, работавшей над проектированием канала. Награжден орденом Ленина

женный быт и пошел на скромную должность производителя работ по постройке шлюза на реке Шексне.

От этого первого соприкосновения с водой не на чертеже а в ее физической реальности, до конца работы на Беломорстрое, за которую он награжден орденом Ленина, Жук был человеком одного интереса — он хотел строить гидротехнические сооружения.

То гидротехническое сооружение, которое ему было поручено теперь спроектировать, не только выходило из границ обычного, но и должно было перевернуть веками сложившиеся гидротехнические традиции.

И предвкушение сложности и новизны предстоящей работы доставляло ему огромное наслаждение.

Эскизный проект Беломорстроя был создан коллективом заключенных инженеров под руководством Жука. Как произведение инженерской мысли этот проект представляет собой опро-

вержение трафарета. Он взрывает вялую историю капиталистической гидротехники, утверждает победу дерзкой чекистской формулировки технического задания, которое вызвало в инженерских головах комбинации, никогда бы не возникшие у них ранее.

Основными творческими факторами, определившими оригинальность идей проекта, были темп и дешевизна. Высокое качество работы подразумевалось само собою — оно стояло за скобками всякого задания большевиков.

Канал пройдет по местности с крутым подъемом и отлогим спуском к северу.

Лестницей шлюзов можно преодолеть подъем и сделать плавным спуск.

Шлюзы будут строить там, где суша пересекает озера и реки. Тогда их легко нагрузить водой и построить «посуху».

Реки бегут к озерам, скопляются в водохранилищах. «Накоп» воды определит сроки окончания сооружений. Подъемную шлюзную лестницу можно будет нагрузить водою сверху из озер Вадло, Воло и Матко (водораздельных озер).

Этот эскизный проект — прежде всего «сухой проект». Все основные сооружения — шлюзы, дамбы, которые должны стоять в воде, — решено было строить насухо, на бегегу, а затем пустить воду.

Если строить на воде, то на борьбу с водой уходит много времени. Сооружение приходится строить по кусочкам. Воду окружают перемычками и откачивают. В создавшейся таким образом внутренней суше работают. Потом вновь строят перемычки, вновь откачивают воду и передвигаются дальше на обнажившийся кусок дна.

Проект строительства Беломорстроя выходил «сухим из воды». На берегах располагали водосливные сооружения. На сухих местах ставили шлюзы, на сухих местах возводили дамбы. При этом условии можно было приниматься за работу широким фронтом и нисколько не беспокоиться относительно гидравлических обстоятельств, не путаться с водным режимом, который всегда чрезвычайно мешает.

Когда сооружение целиком построено на берегу, его можно окунуть в воду. Впоследствии для этого пришлось придумать новые приемы закрытия русла рек.

«Сухой» проект был проект скорый.

Но этого мало. Вторая, связанная с этим черта проекта заключалась в том, что он был «местно-ограниченный». Местный, самый дешевый и наиболее распространенный материал — это грунт, торф. Ничего не привозить из других мест, а все находить на месте — таков лозунг. И найденное на месте тасовать так, чтобы получался эффект не хуже, а лучше. Эта идея, систематически проведенная, оказалась матерью многих изобретений. Так создался смешанный тип дамб, в которых основными материалами являлись земля, супесь, иногда суглинок и камень, — материалы, из которых природа построила территорию Карельской республики...

Инженер К. М. Зубрик, бывший вредитель автор проекта Шаваньской плотины. Награжден орденом трудового красного знамени

Наконец третьей чертой эскизного проекта был лозунг строить не из обычных дефицитных и тяжелых материалов, а легких, находившихся под рукой: железо должно было по возможности быть заменено деревом всюду, где можно.

Эта идея явилась родоначальницей целого комплекса изобретений, связанных с именами Маслова, Вержбицкого, Зубрика и других инженеров.

Итак проект был сухим, местно-ограниченным и легким. Совокупность всех этих свойств делала его реально осуществимым.

Только при «сухом» проекте можно применять для сооружений грунты. Однако в проекте оставалось много неясных и темных мест. Проектировочная группа сидела в Москве и запрашивала изыскательские партии в Медвежке о грунте, о рельефе местности. Бурильщики бурили скалу, изыскатели телеграфировали ответ. Проектировщики сверялись со справкой и делали расчет. Но скала росла в природе неровно, как кривое дерево. За сто метров от места справки обстановка резко менялась — породы были другие. Медленно ползла в Москву новая справка, взрывавшая проект, построенный по данным предыдущей справки.

Жук должен был организовать поступление материалов в срок. Из ОГПУ полетела телеграмма изыскательским партиям. Проектировщики садились на мель. Чтобы использовать время, Жук переключал изобретательскую мысль инженерского коллектива на темы, менее зависимые от поступления изыскательского материала.

Всякий проект технического сооружения представляет собой плод коллективного усилия. Личное авторство часто установить нелегко даже там, где границы индивидуального творчества отделяют четкой чертой одного члена коллектива от другого.

Техническая проблема, которую должен был разрешить проект Беломорстроя, как сказано, была в первую очередь проблемой темповой. И роль Жука состояла в том, чтобы направить творческий процесс по кратчайшим линиям и обеспечить самый выбор существенных изобретательских тем. Это избирательное чутье было ему присуще в высшей степени. Жук как компановщик проекта должен был не только интуитивно воссоздавать цельный технический образ сооружения, но и чувствовать конкретную техническую индивидуальность каждого инженера, чтобы правильно распределить между ними элементы сооружения и пестовать зародыш жизнеспособной идеи. Иногда зародыш обещал быть двойней, и сразу нужно было решить, какой стороной идеи пожертвовать или как их обе вырастить...

Зубрик сидит над компановкой схемы узлов. Но разговоры о ряжевых плотинах долетают до его слуха. Ряжевые плотины — не его задание. Но мысль навязчиво возвращает Зубрика к проблеме ряжей. Он чувствует, что соседи-проектировщики идут по проторенной дороге трафарета.

Что тут можно выдумать?

Зубрик перелистывает английскую книжку в поисках справки по совсем другому вопросу и натыкается на рисунок, где сделано какое-то подобие ряжа, но бревна положены не так, как обычно, т. е. горизонтально, а несколько наклонно. И вот оста-

няет мысль: «А что, чорт возьми, если позернуть обычный ряж на 45 градусов и посмотреть, что из этого выйдет?»

Начинается прикидка карандашом. Конструкторская фантазия рисует пленительные образы решения задачи. Вот уже плотина с наклонно расположенными ряжами воплощена в грубом рисунке. Но в ней проглядывает какое-то внутреннее изящество. Что-то подсказывает Зубрику, что изящество сооружения является залогом того, что оно конструктивно правильно.

Но давят инерция и ссылки на прошлый опыт. Для того чтобы без опыта, что называется на чьей-нибудь шкуре, решиться построить ответственное сооружение нового вида, нужно так доказать его надежность, чтобы у самого крайнего скептика не осталось сомнений.

Зубрик волнуется, он вспоминает свой разговор с Жуком. Не находя примера из области техники, Жук сказал ему:

— Должно получиться что-то вроде корзинки с камнем.

Этот бытовой образ служит радостной вехой в поисках.

Зубрик испытывает свой излюбленный метод исследования. Взять, с одной стороны, самое худшее предположение и посмотреть, что из этого выходит, взять, с другой стороны, нормально благоприятное предположение и тоже посмотреть, что из этого выходит.

Все больше и больше лиц останавливается около стола, где Зубрик рисует картинки своей плотины в разных вариантах. Все больше и больше сочувствующих, и проект из самочинно начатого, толчком к которому послужили разговоры соседей, превращается в уже совершенно законное, одобренное и признаваемое задание. Так возникает плотина Шаваньского узла.

Инженер Маслов пришел к начальнику проектного отдела со своей идеей деревянных ворот.

«Вот еще совсем сырая мысль...»

Жук сразу схватил концепцию Маслова и как-то внутренне согласовал ее со всем обликом этого инженера — холодного и замкнутого.

Каждое изобретение, как всякий духовный творческий акт, переживает определенные этапы развития. Изобретатель ловит идею, «висящую в воздухе». Он по своим склонностям находит ее индивидуально. Он начинает любить ее. У него рождается образ решения проблемы, возникает зародыш технической идеи. Наступает вторая стадия: из мира научной фантазии зародыш переселяется в мир физический. Нужно сделать модель и проверить ее на практике.

Деревянные ворота были сконструированы по чертежам Маслова в двух совершенно тождественных экземплярах. Одна пара ворот была послана для проверки в Ленинград, другая — испытывалась в Москве. Результаты экспериментов, проделан-

ных в двух лабораториях, точно совпали. Деревянные ворота выдержали напор воды с шестикратным запасом прочности.

Маслов изобрел их поневоле. Он никогда бы и не подумал раньше поставить перед собой самую проблему замены железа. Ничто не толкало его на это. Но теперь, когда изобретение сделано, он наслаждается его логикой.

Маслов, Вяземский, Вержбицкий, Зубрик, Журин, нашедшие блестящие технические решения, чувствуют себя так, как будто их нашел или выдумал этот, казавшийся им еще вчера фантастическим беломорский проект. Они начинают бояться самих себя. Былое равнодушие к проекту сломано...

Первого июля 1931 года Особый комитет утвердил эскизный прект Беломорстроя. Плановые инстанции хотели было взять его на проверку, но, не дожидаясь окончательного оформления, эскизный проект был спущен на Медвежку.

Там уже начинали рыть котлованы...

*

ГЛАВА

4

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

Работа их переучит

Глава четвертая

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

ИДУТ ЭШЕЛОНЫ

По СТАРОЙ Мурманской дороге с ее безобразным грубым профилем, который будет впоследствии изменен, с ее крутыми поворотами и откосами, с ее невеселыми колесными частушками, каких не бывает на правильных путях, — по дороге этой идут эшелоны.

В вагоне — женщины, высылаемые на север. В вагоне они переживают свои последние «вольные» впечатления. Они еще сводят счеты, вспоминают пьянки, судимости, кражи; вспоминают они русых парней с косым пробором. В одном углу мелькает какой-то «Гранд-отель», мужчина, по имени Коля, домушник Гриша, по прозвищу «Жук». Шепчутся монашенки о куполе собора, который вот-вот было обновился, но советская власть не дала развернуться чуду, и оно сникло на полдороге. Девушка из каэровской организации курит и пытается читать, но Мурманка мотает вагоны и путает строки. А за окном плывет туман с Белого моря, шатается ветер, и тучи смыкаются, как льдины.

Стабунились эшелоны: и возле Медгоры и дальше — к Тунгуде. С юга прут исправдомовские, с севера, от Кеми — соловчане, обжившие север, уже знающие, как раскинуть ставеж, великую лесную пристань, куда складывают лес, вырубленный для сплава.

Тяжелей всего ехать с юга. Разъезд за разъездом, станция за станцией, — экая неведомщина встает перед тобой, экие незнаемые земли, экое бутылочное небо! «Помолвили нас с гибелью», орет исправдомовское и сквозь окна вагонов кидает воровской взгляд.

Жестяные холмы и эти плоские равнины сторожат черная ольха и удивительная от лишаев и дикой почвы серая береза. Озера пропускают эшелоны. Берега озер прикрыты вахтой, осокой, белым мхом, морошкой, богульником — все таежные побродячьи травы. Начались сибирские сказки, многие вспомнили про озеро Байкал и про Александровский централ. Нары шутят. Дробовичек бы сюда! Глухарь тут есть, черный тетерев, куропатка беленькая, а рябчика-то, рябчика! Отличный охотник за зиму набьет их штук двести.

— Не целую ж зиму бежать через эти леса.

— А кто говорит — бежать? Так просто, разговоры. Беседа.

— Зложизненные наши беседы.

Над одними эшелонами накрапывал дождь, блестели крыши вагонов. Над другими светило солнце. Над третьими — не то облако, не то изморозь. А дело не в погоде, а в самочувствии.

МЕДВЕЖЬЯ ГОРА

В Медгоре из эшелонов отбирают инженеров и бухгалтеров. Вот они, подхватив чемоданчики, идут по баракам. Пожилые, юные, они строили заводы, фабрики, дома, выступали на митингах, подписывали протесты против империалистов, но в сердце они берегли фабрики своего хозяина, они верили, что существует только прошлое, а настоящего нет совсем. Вот этот советский носок, вот этот ботинок, вот эта подвязка — разве это настоящее? Сон, дурной сон. Младшие из них, видите ли, были романтиками, они не понимают космополитизма, они, видите ли, за Россию. А в сущности это тоже люди, родившиеся семьдесят лет назад, тоже не понимающие, что такое настоящее. И у всех разные чемоданчики, но чрезвычайно похожие лица. В новый город Медгору, где улицы пахнут опилками и стружкой, эшелоны выкинули прошлое, ученое прошлое, знающее промышленную технику настоящего.

Проектный отдел, лаборатория, книги, штаб строительства — все, что называется «мозгом дела». Сюда собирают образцы грунтов, здесь знают все болота или хотят их узнать, сюда собраны все случайности для того, чтобы люди не терялись, когда встанет перед ними неожиданность.

Вышли на платформу. На фасаде станции написано: «Медвежья гора», а рядом латинскими буквами: Korkimiaki».

Станция на Медгоре построена так, что богомольные приезжие на нее крестились

За черными линиями телеграфных проводов там, далеко, редкие «черные сосны, как ноты» — так подумал спутник по вагону, ученик консерватории, которого все звали Володей.

Инженеру Зубрику было вовсе не до сравнений.

Станция Медвежья гора.

Станционное здание сделано под северно-русскую рубленую избу. Селение Медвежья гора состоит из серых деревянных домов, кооператива с одной книжной полкой Карельского госиздата, нескольких сараев и складов на берегу Онежского озера.

Шагах в пятистах от железной дороги, у края оврага, уже стоит двухэтажный дом — Управление Беломорстроя.

Здесь поместилось руководство. Сюда же въехал и производственный отдел. Маленькие комнаты с необшитыми бревенчатыми стенками. Очень тесно. Окна ничем не занавешены. Уже поставлена электрическая станция в дощатом сарае, но электрический свет какой-то здесь неверный, подмигивающий, желтый.

Ученые бреются, протирают очки, с удовлетворением видят, что столы такие же, как и в тех учреждениях, откуда их, ученых, взяли, и возле плоских чернильниц такие же деревянные

ручки. Они берут ручку и покрывают большие белые пространства бумаги значками на различных языках. Они пишут книги, они пишут выводы, они совещаются, они щупают, ворошат эту страну, эти сивые валуны, озера, порожистые реки. Все это — реки, озера, топи — сжимается, стискивается, превращается в один клубок, чтобы этот клубок, сброшенный с песчаных холмов Медгоры, покатился к Студеному морю, оставляя за собой шлюзы, дамбы, водохранилища, дома, машины, самое главное — иных, чем прежде, инженеров и ученых.

Но так растеряны люди, так трудно им заново начать работу, что инженеру Жуку, который проектирует канал, первым приказом приходится объявить, что нужно тратить меньше бумаги и писать без грамматических ошибок.

Инженеры как-никак волнуются. Чекисты Медгоры смотрят с уважением на это ученое племя и хотя знают их души, но все же им кажется странным: почему, читая жизнь и технику жизни на многочисленнейших языках, эти ученые не прочли самого главного, что только социализм способен переделывать, исправить, выточить новый мир, новую землю, чорт возьми! Но не будем торопиться, товарищи, жизнь иногда замедляет объяснения многих странностей.

Но идут еще эшелоны.

К Повенцу нет железной дороги. Слезают на Медвежьей горе. Избитым трактом идут посреди леса. Ну и лес! Больше в нем камней, чем деревьев.

Вот серый Повенец.

С трудом вспомните вы, что этот городок примечателен остатками домны времен Петра. Такие же, как в большинстве уездных городков, двухэтажные домики, заборы, каланча, обыватели, — ну, разве что удивят вас дороги поразительной непролазности, усеянные по обеим сторонам валунами.

Но подождите немного, и об этом городке узнает весь мир. От его уездных заборов встанет и шагнет в далекие века некая лестница, по которой пройдут опять-таки вперед, в память далеких лет, замечательные люди.

Заключенные устали от дороги, они рады отдохнуть, рады предстоящей перемене, словом, они рады Повенцу.

Послушаем человека с бакинского этапа:

«Так мы приехали пасмурным утром в дикую Карелию, где озера серые, а скалы синие. Новые бараки стоят возле станций.

Выстроилась подле них, воров, известная статья. Видим, бывшие кулаки и подрывная интеллигенция презирают нас за измену преступному миру, что мы согласились работать. Им хотелось ждать часа освобождения, чтобы мстить администрации новой страны за изоляцию. Каэры укоряли нас, звали нас

ворами, пользовались каждым случаем, чтобы возбудить против нас недоверие у властей».

Вечер в еще не обжитом бараке. Электричества пока нет. Горят две керосиновые лампы. Тепло дышит железная печка. Труба с коленом идет от нее вкось через барак и уходит в потолок. На печке — утюг, чайник, кастрюля. На столе — газета, просыпанный табак и щипцы для завивки волос.

За окном, если прильнуть к нему вплотную, можно увидеть в полосе света первый непрочный снежок, вытоптанный сапогами, валенками, бурками, калошами, башмаками, а не то и просто лаптями. Подальше и повыше — каменный бок валуна и хвойная лапа над ним. И так до самого Белого моря — все то же: снег, валуны и сосна.

Кроткое радио в углу барака терпеливым голосов разъясняет нормы выработки, порядок работ, называет имена ударников и филонов, но женщины не хотят слушать. «Манька, заткни эту пасть!» кричат сбоку. Радио, поперхнувшись тряпкой, бубнит, бормочет и булькает: его почти не слышно. И начинается песня:

В наших санях под медвежьею полостью
Желтый стоял чемодан.
Каждый в кармане невольно рукою
Щупал холодный наган.

Песня говорит о том, как «открылися дверцы тяжелые», как заветные деньги «пачками глядели на нас».

«Богородица, дева, радуйся», запевают в углу монашки.

Скромно одетый, с букетом в петлице,
В сером английском пальто...

«Благодатная Мария, господь с тобою...»

Ровно в семь тридцать покинул столицу,
Даже не глянув в окно.

«Благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего».

Две песни жарко сплетаются в воздухе, пока не смолкают обе.

Полусонная, усталая от новых впечатлений Мотя Подгорская рассказывает соседке по нарам свою жизнь:

«Трех лет я осталась сиротой. Родители мои умерли от дымного угара. Меня взяли в приют. В нем я жила до четырнадцати лет. Однажды я пошла в сад и там познакомилась с одним мужчиной по имени Коля. Он был офицер и начал меня расспрашивать, откуда я и кто такая, и потом стал уха-

живать и приглашать к себе на квартиру. Я очень хотела кушать и согласилась. Он меня накормил и в этот же вечер изнасиловал. Сперва меня иначе не называл как Матильда, а потом стал смотреть свысока. Стал меня бить. Итти было некуда, из приюта меня выгнали, но в душе так взбунтовалась гроза, что я решилась уйти от него. Потом от другого стала слышать то же самое, что и от Коли. Тоже ушла. И так несколько раз. Наконец добилась того, что стала называться проституткой. А душа хотела любви, но все это было только «мечты, мечты, где ваша сладость».

Все тише и медленнее говорит Мотя и наконец засыпает. Спит и весь барак.

Тяжела первая ночь в бараке.

Утром, на суровой северной заре, открывается замерзающее озеро.

С горы лучше всего наблюдать необычный рельеф местности. Болота влезли на вершину, под ними лежат скалы. Все, что вы видите отсюда, изогнуто и сдавлено в одном направлении. Очень давно здесь прополз ледник, оставив на пути валуны и так называемые «бараньи лбы».

На спуске к озеру стоит северное село, превращенное в город. Дома выстроены треугольником к железной дороге и к горе.

Отойдя на четверть километра, мы могли бы увидеть длинную канаву. Перед ней лежит спутанная и втоптанная в землю колючая проволока. Из папоротника и мха торчат ржавые донья консервных банок и гильзы патронов. Это бывшие окопы англичан.

Не так давно в них сидели иностранные солдаты, тревожно прислушиваясь к стуку, доносившемуся из краснолесья.

«Вот пулеметы большевиков», думал вероятно человек, лежавший на том месте, где сейчас ступаем мы.

Окопы гражданской войны превратились в часть ландшафта. Глаз невольно следит за полосой, светлой от наполнившего окопы тумана. Эта полоса тянется вдоль горы, в направлении оврагов, озер, ручьев.

Многие из женщин взяты очевидно прямо «на работе», где-нибудь на улице или в пивной. На них шелковые платья, пальто с обвислым клешем, джемперы и лихие береты, надвинутые на один глаз. Они зевают длинными безнадежными зевками.

Привыкшие к городским тротуарам, они спотыкаются о каждый бугорок и проваливаются в каждую выемку. Они не умеют даже ходить по этой земле, а им предстоит на ней работать. Они впервые видят беломорскую тачку, которая имеет свою историю.

Здешняя тачка, подобно киргизской лошади, низкорослa, невзрачна с виду, но необычайно вынослива. Она произошла от различных пород тачек: шахтерских, железнодорожных, украинских, уральских и прочих. Приспосабливаясь и видоизменяясь, тачка приобрела здесь иной разворот ручек и «крыла», т. е. низкие, широкие бока. И на этих своих выносливых боках она вынесла многие тяготы Беломорстроя. О ней, о «крылатой» тачке, толкуют в бараках, ее обсуждают на собраниях, о ней поют частушки:

Маша, Маша, Машечка,
Работнула тачечка.
Мы приладили к ней крыла,
Чтоб всех прочих перекрыла.

Но женщины ничего этого не знают. Они видят только грубо сколоченные доски и небольшое толстое колесо, залепленное грязью. Так вот она, эта тачка, к которой они будут прикованы, словно «каторжные». Вот оно то, что мерещилось им в часы «приводов» и в тяжелых мууровских снах. Их тонкие ловкие пальцы, привыкшие к деликатным воровским инструментам, должны будут взяться за кирку, за заступ. Все это сначала нелегко.

Недаром газета «Перековка» пишет: «Много сил и сноровки требует труд землекопа. Нужно иметь крепкие мускулы и привычные к заступу руки, чтобы прокладывать в земле русло для великого водного пути. Нужны огромный энтузиазм и упорная воля к победе, чтобы шаг за шагом, метр за метром, с заступом и киркой продвигаться вперед, взрыхляя плотно слежавшийся песок со щебнем и глиной, дробя камень, вырывая попутно пни.

В первые дни работа на земле дается женской бригаде с величайшим трудом».

И теперь одна из женщин, проходя мимо тачки, плюет на нее с таким страшным выражением злобы и ненависти, что пораженный конвойный неофициально говорит: «Ну, тетка... ну, тетка...» И больше ничего прибавить не может.

Озеро подходит к селению близко. Железнодорожный путь идет над самым его краем.

Эшелоны идут севернее Медвежки.

Дикие места кругом, дикие леса. Вот тянется вдоль полотна железной дороги как будто другое полотно, а рельсов на нем нет.

— Что это такое? Кто это построил?

— Это озы, — отвечает инженер, — след древнего ледника.

— Все-то ты знаешь, — говорит урка из темного угла, — а вот как не попасть сюда — не знаешь.

НА СЕВЕР

Вагоны двигаются дальше на север.

Там плоская пустынная равнина, громадные сосны. Направо — река, налево — река, а вокруг — болота да топи, пять лет надо присматриваться, чтобы разглядеть тропинку. «Да, отсюда не так-то легко уйти, — думают наипытнейшие бегуны, — кроха, конец!»

Это — Тунгуда. Это — будущая зона затопления.

— Здесь вот ваш участок, а отсюда начнется ваш городок. Руби — не жалей.

Но и там лес, а на месте будущего городка еще гуще. Лес — аспидно-серый, прямой, высоты и крепости непреоборимой, попробуй, поруби. И квадратные тугие пальцы деревенского бытовика, и тонкие — тридцатипятника, и бледные руки интеллигента — всем одинаково трудно взять топор и подступиться к этому лесу.

У громадных первобытных костров разбиваются наспех палатки, сооружаются шалаши, потому что палаток нехватает для всех — эшелоны все прибывают и прибывают. В Тунгуде происходят самые неожиданные встречи. Некоторые знакомы и по воровству, некоторые — по белым отрядам, по убийству, по заговорам.

Встречаются былые студенты, урядники, комми-вояжеры со своими клиентами, эсперантисты, антиквары.

Все больше и больше валится сосен. Обнажаются дороги. Прокладываются гати. Ветер колышет брезентовые стены палаток, ветер умело дует в щели — прохладно спать, надо думать о зиме. А тут еще народу подваливает...

Человек с Бакинского этапа продолжает рассказывать:

— Опять приведены преступники.

Принимает конвой заключенных и ведет их в лагерь.

Военная форма, винтовки, шашки — все суровое, так как оно отвечает за каждого преступника перед Ревтрибуналом.

Одеты преступники как кто: кто в рваном, кто в лаптях, кто в папиросном ящике, у иного пиджак кожаный, а задница голая. Потому что тут всякий сброд: и беглое кулачье с заводов, и торгоацы, и спекулянты, и шулера, люди крылатого взлета по-над карманом, и тут же плачет и смеется, идя в лагерь, проституция, и эти веселые воровки, блатные бабы, вечно пляшут и поют:

— Анюта, вырви глаз, — скажешь ей.

А она:

— Ты, старый каторжник, на арбузной корке из Сахалина приплыл, это тебе не квартира с центральным отоплением, это Тунгуда: каменистые топи и сплошь деревья понатыканы.

И тут же держится в стороне друг от друга каждая национальность. И ведут себя тихо евреи, и ведет себя очень тихо, безразлично тюркская национальность.

ДАЛЬНИЙ ЭТАП

Длинный почтовый состав отходит от Ташкентского вокзала. Главный, с сумкой через плечо, вскакивает на подножку. На перроне остается редкая толпа провожающих. Среди пальто и плащей виднеются полосатые рубахи узбеков.

В хвосте поезда идет товарный пульман с заключенными. В вагоне люди, вредившие рабочему государству на дальних окраинах Союза. Они едут из красноводских лагерей, из Сталинабада, Самарканда, Катта-Кургана, Ташкента.

Перечень их преступлений пестр: басмачество, контрреволюционная агитация, связь с врагами республики за рубежом, воровство и спекуляция.

В вагоне скрещивается несколько языков. Резкие окончания тюркских слов заглушают протяжные гласные иранских диалектов. Непривычному человеку трудно уловить разбег произносимой фразы: он считает, что разговор ведется на вздохах и междометиях. В действительности же беседа движется обстоятельно и прямо.

Пассажиры разговаривают между собой отдельными группами, на своих языках. Они говорят, раскачиваясь, блестя глазами, вскрикивая и вздыхая.

Некоторые из заключенных сидят в стороне.

Насыров — таджик, 42 лет, взяточник, все время качается с закрытыми глазами. У него узкая борода грязного цвета, крупные мясистые губы в рытвинах и бороздах, короткий лоб, желтые сморщенные руки и вялая шея, привыкшая к однообразию обрядовых движений.

Насыров встает между скамьями. Он принимается отбивать поклоны. Это демонстративное взывание к богу среди пыли, окурков, ругательств и сердитых плевков.

Коли-Махмудов — туркмен-текинец, 38 лет, басмач, клеврет Джунаид-хана. Это толстый человек в мелкой папахе. Его приметы: клокастые брови, прямой желтый нос, впалая щека с следом сабельного удара и хорошо очерченный рот, полный крепких, больших, ровных и совершенно белых зубов. Если к Махмудову подойти из-за спины, он вскакивает. По спине его проходит мускульная рябь. Он резко оборачивается и спрашивает:

— Почему стоишь?

Шараян — армянин, 40 лет, контрреволюционер, с мягким взором и пушистой бородкой. У него неугомонные пальцы, делающие множество мелких движений. Шараян дремлет, сидя

— Привели меня и спрашивают: «Почему помогал басмачам в Джорфе?»

— Ты что сказал?

— Так, разные учености. Они не поверили.

Поезд идет. В совхозах горели длинные прямые ряды электрических фонарей. Возле окна проходили улицы новых степных центров. Можно было крикнуть прохожим: «здравствуйте» или «до свидания». Затем прошли Рязань. Приближались к Москве.

Наши герои лежали на полках, толпились у окон, с решетками, курили табак, сплевывали и запевали

Кто-то сказал: «Мороз».

Кто-то запел: «Рука твоя не видна».

Глядя на этих людей в бухарских халатах, чалмах, горских бешметах, пиджаках и длинных рубахах, трудно было угадать, который из них будущий бригадир-рекордист, а который злостный отказчик.

Наконец Москва. Стояли на запасном пути вокзала.

В приоткрытые двери вагона врывался гул и отблеск огромного города. Стекла были багровыми от огней. Пожилой туркмен, конокрад, слез с полки и, охая, подошел к свету.

— Москва, — недоверчиво зашумел он.

Толпились и смотрели.

Только воры-специалисты оставались равнодушными. Их лица были неподвижны, их железные руки лежали на животах. Они уже не раз заезжали в столицу, орудуя с полным набором инструментов, в мягких вагонах курьерских поездов Курской железной дороги.

Поехали дальше. Прошла ночь, день и еще одна ночь. Началась Карелия. Последняя остановка. Приезд.

Заключенные южане высаживаются. Им холодно. Они обвязывают тряпками рты и горьким жестком запахивают концы халатов.

Конец путешествия. Открывается Беломорстрой с его взорванным, выдолбленным и раскопанным грунтом; с прямыми лесами; с озерами среди кочек; с его реками; с деревянными домами, пахнувшими лесной чащей: вот-вот зашумит дерево; с красной звездой, раскачивающейся, как белка на домовых фасадах, воротах, дверях и крышах; с поселками, пересаженными, как кустарник, с одного места на другое; с воспитателями для уголовных; с ударными бригадами нацменов, растягивающими сутки, как резину; с лесными трактами; с газетой «Перековка», куда пишут лагкоры Шурупов, Ислабеков, Гурух-Заде; со скалами, падающими стремглав; с котлованами, где работают день и ночь; дисциплиной; с агитбригадами; ночными штурмами и чекистами, объясняющими, воспитывающими и появляющимися во всех концах трассы

РАБОТА НА ДОВЕРИИ

Медгора работала, не отходя от столов, с бессонницей, с непрерывными заседаниями, с неустанными телефонными звонками. Неустанно она создавала кадры, неустанно их искала. Кадров было мало. Во все концы Союза мчатся уполномоченные выбирать нужные кадры из других лагерей.

Например нужно отправить в Воронеж на вербовку. Кого? Что его, с конвоем отправлять?

— Доверить.

И доверяют. И едут.

В Белбалтлаге начали совещаться. Уничтожив оцепленный лагерь, доверив эти гигантские пространства бывшим преступникам, им сказали вдобавок:

— Давайте совещаться, как же нам работать вместе?

Вспоминают об этом кратко: «Коган внес широкую струю хозяйственности». Трудно найти в многочисленных записях, прочитанных нами, описание первых заседаний чекистов с заключенными. Это молчание можно понять, но очень трудно описать. Барак, красный уголок или палатка, или новый, только что отстроенный клуб, или проектировочное бюро — все равно, комнаты наполнились и приобрели цвета необычайно легкой новизны.

Чекисты не успокаивались. Они требовали инициативы. Сказать, что возьмем штурмом природу, легко, но нужно понимать, как ее брать. Она, эта природа, хитрая штука, она подведет такие неожиданности, она загнет такое, что и руки опустишь и рот раскроешь. А она тебе камень в рот и руки твои и в топи на веки вечные.

Еще ветер не раскидал золу от первых костров, но на полянах уже появились возле бараков бани, прачечные, из окон пекарен запахло свежим хлебом, двери кухни широко раскрыты, повар в белом кителе громадной ложкой мешает в котле, и котел пахнет так, что на великое множество верст кругом не только у человека — у муравья веселится живот.

Но чекисты опять повторяют:

— Проявляйте инициативу! Двигайтесь дальше!

Чекисты не очень хвалят. Они знают какую-то особую меру похвалы. Похвалы отпускается столько, чтобы она перешла в действие, чтобы человек работал, а не пыжился и не покрикивал на других самодовольно.

Но не нужно особенно обольщаться. Еще многие из тридцатипятников высматривают тропы и составляют маршруты бегства. Правда, не так-то далеко граница, буржуазные страны, но тридцатипятнику хочется в свои города. Знакомые улицы, знакомые вывески, знакомые деньги, но чужой язык знают

редкие, почтенные люди вроде «медвежатников», взламывателей несгораемых шкафов, а домушник, скокарь — куда ему за границу!

Каэры, вредители, офицерики думают по-другому. Пристально рассматривают они санки или телегу, на которой отправляются в лес лагерники. В восьмидесяти километрах страна с теми людьми, о которых он мечтал: с купцами, фабрикантами, генералами, заводчиками, наконец с частной собственностью, с жандармами. Он оглядывается. Валуны. Просека. Новое здание барака. Красный флаг над клубом.

Он размышляет: «Так-то, так. Но если с салфеткой возле столиков будешь бегать, то и то слава богу. А то под мостами опять побираться возле витрин, бежать, как голодному псу, к воротам того завода, где вывешено объявление: «Требуется пять чернорабочих». Он злорадствует. Да, выпустили, потому что кризис. Не будь там кризиса, осмелились бы вы, посмотрел бы я!» Он продолжает размышлять: «Да и годы не те, да и силенки поубавили». Насчет силенок он врет, лопает он так, что паханы с сорокалетним стажем удивляются его интеллигентному аппетиту.

Вот послушайте Волкова. Это приземистый парень с очень ловкими быстрыми движениями. Он домушник, «вор, имеющий за собой много прошлого», он был два раза в Соловках и оба раза бежал, он был в трудовой коммуне, тоже бежал. Каторжника, пьяницу, его привезли на трассу из сибирских лагерей.

«Сидел я в Таганке в двадцать шестом году, — рассказывает он. — Приходили профессора изучать преступность: «Сколько ты судился?» Я ответил: «Слишком много». И они попросили к себе в клинику, где я допрашивался слишком часто и слишком много и где я рассказывал все, что было в детстве, какие и как совершал кражи. Вникали в каждую мелочь. Меня расспрашивали не грубо, а слишком ласково. От скуки я им рассказывал все, ничего не утаивая. Писали обо мне и ночник и дневник и весь орган изучали: и голову, и глаза, и уши. Они изучали, откуда взялась такая масса преступности у одного человека. Они хотели мне помочь: когда отбыл срок, так они поставили меня рабочим в кондитерскую фабрику конфетки катать. Но не усладили меня конфеты, и я опять пошел по старой дороге, потому что не был вырван из меня корень преступности без настоящего остатка».

Теперь слушайте, как говорит дальше Волков. Фразы у него становятся короткие, военные, и он сам подтянулся, он действует:

«Нас пришла бригада. Собирали бригаду по вагонам. Друг друга никто не знал. Ну, видят. По разговорам. Везде побывал Волков. Выбирают меня председателем. Кого? Трудового

коллектива. Думаю, что же это такое: трудовой коллектив? Первый раз слышу. Проработал месяца полтора-два. Ничего».

Очень умилительно это легкое «ничего». Нам-то думается, что в этом-то «ничего» и есть самое главное, с большим трудом и мучениями досталось это ему «ничего». С многими друзьями поссорился, многие грозились небось убить, а самое главное — погибла воровская слава.

Ничего. Начали шевелить по общественным работам.

«Был у нас развитой парень Чернов, начальник лагпункта. Воззрился он на меня при встрече. А когда принимал наш лагпункт, назначает меня каптером. Гляжу: 1 600 пар сапог мне дали, 1 100 пар армейских новых да 500 болотных. Я чуть с ума не сошел... «Ну, — думаю, — или на новые десять лет меня наводят или доверяю я самому себе». Хоть я и был известный урка, но струсил, как никогда не баивался. Прихожу к прорабу и говорю: «Эти сапоги лежат на мне и на вас в количестве десяти лет, а кроме того мне их доверили. Сделайте вы мне решетку, Матвей Иваныч, а то, стыдно сказать, тревожно мне». Сделали мне решетку. Стал я запираться и защищать народное имущество».

Или вот Кириченко рассказывает.

«Приезжаем на разъезд Мурманской дороги. С этапом следовало 900 человек. Три дня отдохнули. 27 мая дали работу: очищать мох от камней. Стоим мы у камней, работать охота, а трудно.

Стоит перед нами непроходимая двенадцатиметровая сосна, скала: гранит и диабаз.

Ну, очистили, ну, подошли к скальным работам, уже многое обсудив.

Ну, стали мы разбивать и вывозить эту гранитную скалу тачками, на сто метров прочь. А вокруг меня крестьянин, он скалу не знает, как ее брать. Поручают каждому два кубометра скалы разбить и вывезти тачкой, а нам, как новичкам, совершить половину этого, т. е. один кубометр, и будет это считаться за 100 процентов. Но и этого мы не могли сделать, хотя и работали с полным напряжением. И тогда дрогнуло наше сердце, и шел на меня скандал и разговоры, но я стоял крепко, держась насчет слова «каналоармеец».

И дальше он восклицает громко:

«Хотя мы еще и не целиком знали, какой это канал, какой он формы, так как перед нами была пока небольшая яма».

Наступила зима. Мороженый грунт поддавался слабо. Многим норма казалась настолько большой, что ее нельзя выполнить. Полуночное солнце. Голубые снега. Снега валят и валят, заваливают ямы, горы снегов надо разворотить вокруг ямы.

Уже кое-кто сидит в изоляторе, кое-кто струсил, сдрейфил Вот что убедительно рассказывает Бирюков:

«В этот снежный день я прибыл с Медгоры в числе 160 человек. На другой день нас вывели на трассу, называемую теперь верхней головой 4-го шлюза. Я увидел и ахнул. Я увидел сугробы снега, грязь, немного мерзлого взорванного грунта и — в беспорядке трапы.

Получив инструмент от бригадира, мы приступили к работе. Работа не выходила, прямо скажу. Места много, поглядишь на это множество места, и станет тоскливо: преодолеть нельзя. Тачки кувыркались, а иногда люди падали вместе с тачками с трапов глазами в снег. Когда мы улеглись на нары, завязался у нас спор.

— Задумана работка, — начали опять нарники старую песню, — задумана непосильная, чтобы загубить людей, попавших в лагерь.

— Роют канаву для смеху, чтобы протекала вода из разных болот и чтобы плавала птица и ныряла жаба.

Ну, поднялось филонство. Буза. Побеги. Попал я в изолятор. Встречают меня все те же анекдоты, надоели они мне вроде валунов, лежал я в изоляторе, не шевелясь, три сутки, вне сна. Лежал, ворочал сухим языком по ушедшим губам и думал: зря ты опустил голову, Бирюков, зря ты возвращаешься в изолятор. Куда убежишь? Кругом тебя и даже во внутрь тебя пробирается социализм.

Поднял голову, как допускала шея, и вышел на двор после трех дней лежки.

Вышел я на двор и предложил создавать удивительную бригаду «Прочь от изолятора». Поднялись надо мной буза и крик, какого я не слышал за всю многочисленную мою тюрьму. Кричали мне простуженными голосами, а кто и просто тенором, что я пропил их, что я предатель уговоренный. Я им говорю: «Какой же я предатель, если я трое суток лежал нарами и думал и никто меня не уговаривал кроме самого себя».

Сорганизовал я бригаду вполне задумавшихся ребят. Вошло в нее 15 человек. Нам орут:

— Сгибнете!

Молча выходим мы на трассу и получаем урок. Выполнили таковой раньше всех на два часа, и, неся эти два часа на лицах, пришли мы раньше всех в барак. А нам орут:

— Эк-ва, дали вам урок по блату, вы и зарядили туфту.

— Пожа, — говорим, — выходите вместе с нами на трассу, становитесь рядом, проверяйте.

Проверили. Оказался факт достоверным. И через время было в нашей бригаде 40 человек, и давала она 125 процентов».

Другой, тоже изоляторный, повествует очень спокойно:

«Конечно, начинать трудно.

Вначале несознательные мешали стройке. А также и вообще.

Занимались в лагере кто пьянкой, кто воровством. Были мы самыми скверными шакалами, которые по месяцам не умывались. Из этого изолятора ходили под конвоем.

От бани отказывались принципиально. Издевались над строительством вслух, прозой и под рифму, и не только над строительством, но и над миром и над всем человечеством. Грязных, рваных, нарочно нас проводили мимо начавших работать на трассе ударно. Чтоб нарочно нам била в уши музыка ихних лопат и кирок. Стыд прохватывал и нас до самых печенок, но мы держали себя в пьяном достоинстве.

А также матили мы матами длиннее, чем все трапы которые мне пришлось когда-либо видеть».

О ПРОЕКТЕ

На Медвежьей горе в доме над обрывом, где расположился станом проектный отдел, начали проектировать. Книг нет никаких. Одно слово — Медвежья гора.

Людей на такое большое строительство не было. Пришлось работать кампаниями. Отсутствие людей с большим стажем заставляло выдвигать молодежь. Работа казалась всем непосильной, и работой не дорожили. Ее охотно передавали. Отсутствие привычных материалов и величина масштабов заставили конструировать занозо.

По делу Средней Азии — вредительство на ирригации — приехали сюда Журин и Вержбицкий.

В отделении затворов был профессор Маслов, человек больших теоретических знаний. По дамбам работал Матиссен, инженер очень опытный. Дело земляных дамб было сравнительно известно, но как насыпать дамбы, зимой или весной и какие здесь грунты — это никому неизвестно.

Еще сложный вопрос с затворами: откуда достать столько высокосортного материала? Установка была сформулирована точно: примените простую, дешевую конструкцию, преимущественно из местных стройматериалов. Но при больших масштабах намеченных работ и своеобразном сочетании местных условий, не имеющих подобных ни в союзной ни в заграничной гидротехнической практике, многие весьма ответственные сооружения пришлось решать заново и вырабатывать новые, совершенно оригинальные решения.

Бетона явно нехватало. Бетон нужен был всей стране. Беломорстрой был посажен на суровый малобетонный и маложелезный паек.

Чем можно окружать камеру шлюза, если не бетоном? Можно ряжами. Ряжи — это деревянные срубы. Ими обставляют камеру и засыпают грунтом. Но на Беломорстрое нужны такие высоты ряжей, какие не применялись никогда. А это не все равно — ряж в 5 метров высоты, в 10 метров или в 15 метров. Это разные конструкции, в работе которых появляются новые условия.

Как сделать голову шлюзов — то сооружение, на котором будут повешены ворота? Ведь в головах шлюзов расположены механизмы затворов. Выработаны были шлюзы смешанной конструкции с бетонными головами и деревянными ряжевыми камерами такой высоты, которая не встречалась до сих пор в практике водного транспорта. Для этого пришлось выработать новый метод расчета ряжевых стенок. Еще неизвестно было, какие будут ворота. Этот вопрос решал профессор Маслов. Специалистов было мало. Нужно было все решать и перерешать заново. Работали все вместе, собираясь на открытых производственных совещаниях, что было совсем новым делом для инженерства.

Когда дело задвигалось, люди немного повеселели.

Вода в гидротехнике — и друг и враг. Ее нужно накапливать, но ее нужно ограничивать. Ее нужно держать в строгом контроле. Регулировать уровень воды в водохранилищах при помощи водоспусков. Водоспуски было решено строить тоже из дерева. Водоспуски — это сравнительно небольшие сооружения, но они находятся под живым напором текущей воды. Кроме того все дамбы земляные. Самое страшное в земляной дамбе — это присутствие куска дерна или куска дерева. Из-за этого дамба начинает фильтровать, пропускать воду, а здесь нужно было вставить в земляную дамбу деревянное сооружение, т. е. создавать конструкции собственными руками. Нужно было заново решать вопрос о сопряжении деревянной конструкции с земляной. Гидротехнические сооружения безжалостно промываются водой, и вода Беломорстроя особенная, вооруженная. У нее есть метровый лед для удара.

Придумывали деревянные затворы, прикидывали прошлые конструкции — разборные деревянные стенки, которыми поднимали засушливые степные реки. Проверяли эти конструкции расчетами, и расчеты их опровергали.

Ходили, советовались, не спали. День стал непрерывным. Электричество горело, пробиваясь сероватым днем. Было два дня: серый, дневной день и желтый — ночной день. Комната серела. Потом желтела от мигающего электричества. Изменялся цвет бумаги проекта то от серого северного дня, то от желтого мигающего электричества.

Конструкции кочевали со стола на стол, системы водоспусков

и шлюзов обсуждались всеми. Высокий, то унылый, то нервно возбужденный инженер Зубрик работал с Вяземским и Журиным. В стенгазете его изображали в виде Гулливера, который, нагнувшись, рассматривает людей, работающих на ряжах. Зубрику было поручено проектирование Шаваньского узла.

Решено покрыть Шаваньскую деревянную плотину непроницаемой деревянной прошивкой с прослойкой из смоленого холста или рубероида и просверлить эту непроницаемую покрышку и пустить воду во внутрь плотины. Ведь дерево не боится воды. Условия работы плотины, сохранность ее от гниения будут лучше, если вода пойдет во внутрь сооружения.

Хорошо об этом посоветоваться с Вержбицким.

Бледнеют и исчезают окна в стенах.

Эскиз готов. Рождается плотина. История плотины будет долгая и трудная. Будут искать основания. Скала окажется трещиноватой. Нужно будет бетонировать скалу. Нужно будет искать лес для постройки, и плотники, которые срубят из этого леса Шаваньскую плотину, — они еще не плотники, и сам проектировщик Зубрик — еще не производственник.

О ПРАВДЕ

Да, начинать трудно. Эта старенькая истина здесь на трассе и там в проектбюро на Медгоре оказалась чрезвычайно объемистой. Надо неустанно объяснять, почему и как заключенные должны работать и работать хорошо, быстро и крепко.

И здесь приходит то, что на языке наших дней называется «искусством разговора с массами». Собственно никакого искусства нет, учиться здесь и невозможно и нечему. Существует простое и короткое слово, нужно взять это слово и с этим словом подходить к каждому затруднению, к каждому понятию. Это слово называется «правда». Правда эта заключается в том, что страна социализма должна защищать себя, и в том, что нет закоренелых преступников, нет закоренелых подлецов, а были условия, отвратительные и гнусные условия, которые создавали этих преступников и подлецов, и в том, что страна наша великодушна, красива, мощна, что эту страну надо любить и украшать, что народ силен, здоров, что может и должен делать удивительные дела, что мы умны и веселы, но нам надобно быть еще умней и веселей, нам надо много работать и много учиться, что канал мы создадим только при строгой дисциплине, только при строгих правилах, и эти строгие правила должны литься не откуда-нибудь со стороны, а из самих себя. Мы заселим эти пустынные леса, мы вспашем эти земли, и вместо порогов заработают наши электрические станции, и Студеное море — то, которое уперло подбородок свой

в берег возле Сороки, удивленно заворочает белками, когда неисчислимые наши суда поплывут и направо и налево из этой бухты.

В длинных пепельно-серых шинелях, в кожаных куртках, надвинув на лоб фуражку, говорят чекисты. Они говорят в бараках, в лесу, на поляне, с камня на трассе, с барки на реке, с плота, с крыльца карельской избы. Седой, израненный где-то у границ Польши; другой, припадая на ногу, простреленную где-то в песках Ферганы, третий — прошедший уроки царской каторги и острогов, или вот этот, отравленный газами интервентов, или этот морщинистый, высокий, долго мучимый колчаковскими атаманами, или этот, оглушенный китайско-японским снарядом на Дальнем Востоке, — все они, седые и юные, стоят перед этим отрепьем человечества, перед этими убийцами, ворами, бандитами, мошенниками, ругани которых удивляются, широко раскрыв свои серые глаза, озера Карелии, — все они стоят и говорят, что такое правда и что такое социализм. Они знают, что такое правда, они знают, что такое социализм: четырнадцать лет они защищают его — верные сыны партии, отважные большевики. Их убивают. Враги на них клевещут, глупцы над ними смеются. Они молча идут в славное будущее, и ни одной минуты не дрогнула винтовка в их руке, и пепельно-серые шинели легки на их плечах.

И вы видите, как сквозь дикий гам и вой РУРа, сквозь дым и смрад прокуренных нар опухшее лицо пробирается к тусклой лампочке, сжимая пальцами книгу. Он ее спросил у воспитателя, он ее прочтет и завтра напишет такое заявление, над которым часами будут сидеть люди, чтобы понять его, столь оно путанно изложено, хотя смысл этого заявления чрезвычайно прост: заключенный Кулаженко, или Подлепинский, или Левитанус, или кто-либо другой желает создать ударную бригаду.

*

ГЛАВА 5

ЧЕКИСТЫ

На крестах старой Карелии провода как знамя социалистического наступления

Глава пятая

ЧЕКИСТЫ

ЯКОВ РАПОПОРТ

Стиль чекистской работы совершенно исключает неуверенность в собственных силах. Все же многие оперативники, получив путевку на канал, тратили несколько часов, чтобы навести внутри себя некоторый порядок. Слишком стремителен был переход из одного знакомого круга понятий и ассоциаций в другой, неизвестный. Ведь для того, чтобы авторитетно руководить инженерами, приходится познавать капризы рек, геологическую родословную грунта, свойство бетона и дерева, изменчивость погоды.

Получив новое задание, почти каждый отчетливо слышал в голове шумиху, как после двойной порции хинина. Мучило непривычное сомнение: «Справлюсь ли, не уроню ли звание чекиста?» Яков Рапопорт оказался в этом случае более подготовленным.

— Вы кажется дружите с математикой? — спросили его перед отъездом.

Вопрос не показался странным. Если бы большевика-руководителя стали интересовать даже такие частности, как чувствует себя Яков Давыдович по утрам, каковы его ежедневные навыки, что он больше всего любит, то Рапопорт, не удивившись, принялся бы серьезно отвечать, что в личном быту он поклонник строгого режима. В первую же минуту после пробу-

ждения старается вспомнить, о чем думал засыпая, — это устанавливает связь со вчерашним днем и придает жизни видимость единого потока. Самое ценное для него — внутренняя устойчивость и ясность ума. Оба качества дались путем длительной тренировки и принесли уравновешенный характер, выдержку. Принимая новое поручение, он считает легкомысленным надеяться только на то, что практика научит, а находчивость выручит, полезно прочитать ряд книг, поговорить со сведущими людьми. Все это Рапопорт изложил бы без малейшей тени рисовки, отлично зная, что партия спрашивает не любопытства ради, а хочет использовать свойства его характера с революционной целесообразностью, значит, чем подробнее говоришь о себе, тем лучше.

И сейчас на вопрос о пристрастии к математике он ответил обстоятельно, по-деловому:

— В детстве мне нравились задачи-головоломки, я не отступал от них по нескольку суток, пока не добивался решения. Математика на мой взгляд хороша тем, что знающего ее трудно обмануть. В свое время я поступил было на физико-математический. Я и теперь часто сижу в виде отдыха над логарифмами, тригонометрией, теоретической механикой.

Собеседник одобрительно кивал головой. Дальше он напомнил Рапопорту, что за последние годы тот работал в экономическом управлении, вел хозяйство ГУЛАГа.

— Правильно, совершенно верно, — подтверждал Яков Давыдович, слегка картавя, и перечислял, где и что им построено, с какими видами производства приходилось иметь дело.

— Теперь вы будете заместителем Когана, — сказали ему.— Ваша обязанность — накормить, одеть и обуть лагерника. Следить, чтобы он был вымыт, имел чистое белье. Во-время доставлять строительству техническое снабжение. Уметь расставить силы. Снабдить инженеров всем — от хорошего карандаша до теплой квартиры. Последнее особенно важно, запомните. Вы — начальник беломорстроевского тыла, но в наше время нет черты, отделяющей тыл от фронта. Поезжайте.

В длинном, зеленоватом коридоре, с десятками дверей налево и направо, встретился приятель-сослуживец, посочувствовал:

— И ты, Яков, едешь? — и, ожидая смущения перед новизной дела, жалоб на трудности, поспешил утешить. — Ничего, привыкнешь.

Но перед ним стоял всегдашний Рапопорт — большеголовый крепыш, тщательно выбритый, внимательно слушающий собеседника, готовый к сдержанному и в то же время обстоятельному ответу, законченному любимым присловием «не так ли?» На сей раз он спокойно попросил:

Тов. Я. Д. Рапопорт

— У тебя не найдется книжки Анисимова «Водохранилища и плотины?» Нет? Я не огорчен, найду где-нибудь.

Собирался он неторопливо, но удивительно споро. Вещи были уложены в порядке их надобности: на дне чемодана — все, что не потребуется раньше приезда на место, сверху же — мыло, зубная щетка, полотенце и учебники. В вагоне «Красной стрелы» ворчливый сосед по купе, просыпаясь ночью, неизменно видел в зеленоватом кольце лампы черную, каракулевую голову, склоненную над книжкой.

Когана в Медвежке еще не было. Рапопорт нашел едва намеченную трассу, единичные бараки, нехватку инструментов, перебои со снабжением и при всем этом — ежедневно прибывающие эшелоны лагерников.

Ему даже некуда пойти из вагона, потому что нет управления строительством, канцелярских столов, пишущих и считающих людей. Где-то у склона горы должен стоять бревенчатый дом, в нем живут инженеры и чертят проект канала. Но в первые часы не найти толкового человека, который мог бы разы-

скать их и созвать. Созвать! Куда? Нет ни клуба ни красного уголка. Да и могут ли чертить инженеры, когда нет электричества, нехватает ватмана, линеек, кнопок? Есть только вот этот отцепленный вагон, он пока что является и штабом строительства, и квартирой помощника начальника, и местом для будущей общественной работы. Здесь, на берегу озера, вырастет целый городок, трассу займут десятки тысяч работающих. Сейчас же непосредственно за окном вагона начинается бесконечный лес, ночь, камни; робно мерцают в темноте огоньки глухой станции.

Яков Давыдович прислонился лбом к прохладному стеклу. Слышно было, как, позванивая, царапает стекло мелкий октябрьский дождик.

«С чего начать? За что первое взяться в этом хаосе становления большого строительства? Партия всегда учит отыскивать в комплексе явлений самое важное. На языке математики — это и есть ключ решения задачи. Но до ближайшего райкома отсюда два с половиной десятка километров. Ну что же, не обязательно — райком. Можно найти кого-нибудь вот здесь, под руками, теперь же».

Через минуту, натыкаясь на груды камней, попадая в лужи, он шел уже к огонькам станции. Там, в какой-то полутемной комнатушке, отыскалось бюро ячейки, среди стрелочников, смазчиков, кондукторов нашлись партийцы и комсомольцы. Они оказались и в команде стрелков, приехавших с эшелонами заключенных, и в числе немногих чекистов, посланных сюда раньше с разными поручениями, живущих в каких-то срубах, без крыш и окон. Все они, хорошо знакомые с положением на месте, говорили одно и то же:

«Прежде всего надо дать лагерникам жилье. Не может человек работать, когда ему негде спать, негде и не на чем сварить выданный паек».

Рапопорт слушал и вспоминал: «Ведь то же самое наказывал перед моим отъездом зампред». Потом он поручил стрелку разыскать инженеров и позвать их к себе в вагон. Ощущение одиночества исчезло. Ключ найден. Теперь предстоит говорить о конкретных заданиях, цифрах, сроках.

Вагон переполнен. Уже слышатся знакомые слова о нормах, урочном положении, материалах, рабочей силе. Мозг работает отчетливо и плавно, будто и нет вокруг бивуачной обстановки, а происходит обычное заседание на Лубянке по вопросам гулаговского хозяйства.

— Люди находятся под открытым небом. Почему вы так медленно стрэите бараки? — спросил Яков Давыдович у инженеров.

Что они могут ответить? У большинства из них нет еще ясного отношения к каналу в целом: придется его на самом деле строить, или вся эта возня с чертежами и планами придумана только для заполнения лагерного досуга? Что же тут говорить о такой частности, как бараки? Однако приезжий спрашивает, и по тону его голоса — настойчивому и холодноватому — понятно, что спрашивать он не перестанет до тех пор, пока не получит хоть какой-нибудь ответ. Глупое положение. Надо что-то говорить.

— Вы даете явно нереальные сроки.

Яков Давыдович набрасывает на бумаге цифры.

— Для постройки одного барака требуется 160 человекодней. Вот я складываю на ваших глазах число имеющихся плотников, делю между ними наличие топоров, рубанков, пил. Вы видите, этого вполне достаточно, чтобы построить в два-три дня нужное количество бараков. Чего еще у вас нехватает?

— Мы работаем при коптилках времен гражданской войны.

— Скоро у вас будут не расшатанные, скрипучие столы, а просторные и устойчивые и на каждом — набор инструментов, над каждым — электрическая лампочка. Чего еще нужно? Желания работать, не так ли?

Придя к себе, инженеры говорили о новичке недружелюбно.

— Щеголяет знанием урочного положения, а на деле грубиян, как и все.

— Вы видели, у него на столе — «Регулирование сплавных путей» Лебедева, «Мосты и трубы» Голова!

— Так это же для форса.

На крайнюю койку укладывался угрюмый, мало общительный инженер, сидевший на совещании в самом темном углу. Он никогда никому не говорил о преступлении, приведшем его в лагеря, держался ото всех особняком.

Он проговорил как бы про себя:

— Это немного не так. Это Яков Рапопорт. В университете он шел первым по точным наукам. Мы тогда звали его математиком.

— Откуда вы его знаете?

— По Воронежу.

— Вас что-нибудь связывает с ним общее?

Инженер молчал, отвернувшись к стене.

Да, это был тот самый Яков Рапопорт, о котором, заняв Воронеж, Шкуро выпустил листовку, обращенную к студентам:

«Яков Рапопорт, слушатель Императорского юрьевского университета, эвакуированного во время мировой войны в Воронеж, ныне продался большевикам. Студент, указавший его местопребывание, получит от меня награду в 50 тысяч рублей».

Несколько позже «Воронежский телеграф» известил на первой странице, что «кровожадный заместитель предгубчека Рапопорт пойман и повешен».

Старушка, у которой квартировал Яков Давыдович, души не чаявшая в своем 20-летнем постояльце, пролила по этому поводу немало слез и не уставала рассказывать соседкам, до чего «покойник был доброй души человеком».

Когда Рапопорт занял со своим полком город и явился на прежнюю квартиру, ему немало труда стоило отходить пышную замертво бабку и втолковать ей, что «в жизни случаются разные недоразумения».

Сколько часов в сутки работал новый начальник — инженеры не знали. Судя по внешнему виду, он не переутомлял себя. Его всегда видели свежим, подтянутым; говорил он спокойно, не повышая голоса, в разговоре не перескакивал с предмета на предмет; новые задачи выдвигал в порядке очередности.

— Бараки готовы, теперь надо их благоустроить. Не так ли?

Он сдержал обещание и точно в срок обставил работу инженеров всем необходимым. Это понравилось.

— Новичок, оказывается, не бросает слов на ветер.

Он не скакал по трассе сломя голову, не кричал, не понукал, но обследовал по порядку одно отделение за другим, побывал решительно в каждом бараке, вызывая удивление лагерников замечаниями настоящего домовитого хозяина. Он требовал, чтобы рамы в бараках были замазаны, пороги невысокие, чтобы ни одна дверь не осталась без скобы, а печки топились не угарно. Заходил в бани — проверял, на всех ли людей есть шайки, мочалки, не брызжет ли кран куба с кипятком. Просил лагерника раскрыть сундучок, показать, есть ли ложка, котелок, выдан ли кусок мыла и хватит ли его до новой выдачи. В кухнях он повторял поварам поговорку — «Паек из каптерки должен дойти до желудка лагерника полностью» — и заставлял взвешивать при себе продукты перед тем, как опускать их в котел, наблюдал, на равные ли порции делится сваренная пища. Его видели всюду, и мерная его, несуетливая походка, сдержанные жесты, замечания, произнесенные ровным тоном, приносили с собой порядок, методичность, проникновение в мелочи.

Находились охотники спрашивать:

— Что заставляет вас, Яков Давыдович, интересоваться деталями?

Он коротко отвечал:

— Я просто выполняю приказание Коллегии ОГПУ.

Трасса постепенно осваивалась. Надо было укомплектовывать отделения начальниками. Особенное беспокойство вызывало первое отделение. Густота шлюзов, тысячи кубов скалы, неизмеримая глубина плывуна требовали там выдающегося руководителя. За последние полтора месяца в отделении сменилось пять начальников. Тогда Коган порекомендовал взять Афанасьева и поручил Рапопорту ознакомить его со строительством. Из Москвы Афанасьев выехал без особых колебаний, но в Ленинграде, на вокзале, перед самым отправлением поезда схватил Рапопорта за руку.

Тов. Г. Д. Афанасьев

— Яков Давыдович, я очень уважаю вас, двенадцать лет знаю и очень уважаю Когана, выше всего на свете ставлю звание чекиста... я не могу! Не выдержать мне этого экзамена. Не за себя боюсь: всех могу опозорить. Отпустите меня обратно.

Рапопорт ходил с ним по перрону среди шумной толпы пассажиров, проводников, среди багажных тележек, чемоданов и вполголоса говорил (Афанасьев утверждает, что этот разговор он будет помнить всю жизнь):

— Вы едете не по моему капризу и не по капризу Когана. Вас послала партия. Не так ли? Я — в партии с семнадцатилетнего возраста, это как раз половина моей жизни. Говорят, что человек складывается в юности. И вот юность моя прошла в партии. Ее принципы, дисциплина, ее коллективная воля у меня в крови, в мозгу, в костях. Мне неизвестно, что значит «не могу, не умею», если велит партия. Честное слово, это

какие-то умирающие понятия. Мы все сможем, все сумеем, когда захотим. Неужели вы не хотите?

По приезде на Медвежку Яков Давыдович прежде всего заказал сделать для Афанасьева макет всей Повенчанской лестницы. К двенадцати часам ночи обычно замирала горячка работы в общих комнатах Управления строительством, но продолжалась в кабинетах начальников. В это время Афанасьев приезжал со шлюзов и проходил к Рапопорту. Они сидели над макетом по 3—4 часа. Потом Афанасьев, возвратясь к себе, повторял урок с Будасси. Если «подшефный» почему-либо опаздывал, Рапопорт звонил к нему в отделение и произносил только два слова:

— Я жду.

Так продолжалось целый месяц. Надо было обладать настойчивостью Рапопорта и его умением работать по расписанию, чтобы не пропустить ни одного занятия. Надо было иметь дьявольскую выносливость Афанасьева и его способность схватывать все на лету, чтобы весь этот месяц спать урывками и с честью закончить первую подготовку.

— Вот видите, — сказал ему Яков Давыдович, — в сущности это не такая трудная музыка.

Афанасьев — жизнерадостный, совершенно по-юношески увлекающийся человек. В конце стройки, сдавая приемочной комиссии шлюз за шлюзом и слушая одобрения, он отвечал:

— А что в этом трудного!

Уже начали поговаривать, что он иногда пытается подменить собой инженера и конечно не совсем удачно.

— Заезжайте ко мне поговорить, — пригласил его Рапопорт.

Он разложил перед ним книги по механике, о сопротивлении материалов и, показывая на причудливые чертежи, головоломные формулы и колонки цифр, спросил:

— Вы что-нибудь понимаете?

— Нет, — признался Афанасьев.

— Я нюхал эти штуки в университете, — продолжал Рапопорт, — и кое-что в них разбираю, но, когда я спросил Вержбицкого, чего нехватает мне, чтобы стать инженером, он ответил:

«Четырех лет теоретической учебы». Мы зовем Вержбицкого «великим молчальником», но когда он говорит, у меня нет основания ему не верить. Нам надо помнить наказ зампреда: «Строят и отвечают за строительство инженеры, дело чекистов — руководить ими».

Прохорский страдал другим недостатком. Он безраздельно полагался на инженеров, и не было у него на трассе слова авторитетнее, чем слово специалиста.

— Высший авторитет для нас — партия — не уставал повторять ему Рапопорт и повторял до тех пор, пока Прохорский не стал, чем надо: чекистом, руководителем работы.

Инженеры стали хвалить Якова Давыдовича за усидчивость, выдержку, но продолжали держаться невысокого мнения об его технических познаниях.

— Он хорош для организационной стадии — умеет расставить силы, а вот когда начнется настоящее производство, в нем скажется невежда.

Углублялись котлованы. Заложены основы плотин и головы шлюзов. Понадобилась механизация, сноровка для подъема грунта наверх. Требовалось знание соотношения инертов и цемента при составлении бетона.

Коренастый человек неторопливо шел по трассе, останавливался, внимательно смотрел, как вытаскивают громоздкие валуны со дна канала на бровку. На камень накидывается сетка из толстых веревок, наверху ходит по кругу лошадь, накручивает канат на барабан. Валун ползет по лотку, но ползет слишком медленно; лошади явно тяжело, да и лоток вот-вот рухнет.

Человек разыскал инженера Власова, заведующего механизацией первого отделения.

— Мне кажется, что лоток лежит у вас круто.

Власов посмотрел на него вбок. Незнакомец, не из местных начальников, правда, в форме... «Эх, мало ли тут их бывает с петлицами».

— Косинус 45 градусов, — буркнул он и попытался отойти. Но приезжий неотступно следовал за ним.

— А чему равняется косинус 45 градусов?

— Вы что, меня экзаменуете?

— Просто спрашиваю.

— Вы военный инженер?

— Нет, чекист.

Власов долго вспоминал, морща лоб, потом смущенно развел руками.

— Признаться — запустил зады. Не могу ответить.

Чекист назвал себя:

— Я заместитель начальника строительства — Рапопорт, запомните. Косинус 45 градусов равняется плюс минус корень квадратный из двух, деленный на два. Не надо оправдывать математикой свою оплошность. Положите лоток более отлого.

По дну канала проложена узкоколейка. Вагонетка стоит слишком высоко. Для того чтобы поднять лопату с глиной на уровень ее борта, нужно какое-то усилие. Кто считал, сколько лопат сбросит землекоп за день? Как учесть излишнюю затраченную им силу, да не им одним, а целой сотни — вот на этом отрезке трассы? Не лучше ли сделать наоборот: пусть рабо-

тающие стоят над тачкой и бросают грунт сверху вниз, тогда люди устанут меньше, а сделают больше.

— Послушайте, — сказал Рапопорт инженеру, — неужели вы не догадаетесь сделать простой вещи: глубже утопить вагонетку. Или — взгляните на трап: он у вас усыпан глиной. Моросит дождь, глина осклизла. Тачечники возят неполные тачки, и все-таки им тяжело. У вас под руками гниют опилки, возьмите их, сколько надо, и запорошите трап как можно гуще.

Инженер оправдывался:

— В прежнее время мы привыкли, чтобы производственными мелочами занимались десятники и подрядчики. Мы берегли себя для теории.

— И вам даже теоретически было не жаль бесцельно гибнувшей энергии живого человека?

— Что поделаешь, такова была система.

— Устраните пожалуйста недостатки, на которые я указал.

Возводится сооружение — как можно быть уверенным, что не проснется в старом специалисте былая манера — сделать тяп-ляп, лишь бы хозяин не заметил. Ведь обманули даже своего брата Вержбицкого. Приехал он принимать голову шлюза, не успел осмотреть бетонировку лично и, поверив на слово, подмахнул акт. После оказалось, что арматура уложена кое-как и торчит из бетона. Рапопорт потребовал выделить людей, наблюдающих за качеством. Ему указывали на трудность предприятия:

— Для этого нужно знать, как строить сооружения.

— Не обязательно, — возразил Рапопорт, — достаточно знать, как *не надо* строить, этому научиться гораздо проще

Он провел с выделенными людьми несколько бесед, и вот на трассе стоят десятки наблюдателей и смотрят, чтобы в тело земляной дамбы не засыпали камень, пни, чтобы гальку и песок клали в бетон не больше, чем надо, чтобы шпунт не забивался меньше нужной глубины.

Однажды зашел встревоженный заместитель главного инженера, Тейхман.

— Яков Давыдович, большая неприятность: мы просчитались с цементом, его нехватает около 20 тысяч тонн.

Неприятность действительно огромная. Заказы на цемент делались заблаговременно, исходя из первичных общих расчетов. Заводы выполнили заказы с трудом. Найти дополнительно миллион двести тысяч пудов цемента невозможно, по меньшей мере такое количество не достать к сроку. Значит придется работать под угрозой консервации, нервничать, беспокоиться. Нет, это не в стиле Рапопорта. Да и не мог он ошибиться, подписывая смету требуемых материалов. Он молчал всего только две-три минуты, прикидывая в уме наличные запасы цемента, бочки

его, следующие в пути, нормы дозировки, общую потребность,— и вдруг громко расхохотался. Инженеры переглянулись: его редко видели смеющимся. Он повторил им вслух выкладки, произведенные про себя, и все убедились, что нехватает не 20, а лишь около 5 тысяч тонн.

Это было не страшно.

— Я неправильно вывел среднюю дозировку, — угрюмо признался Тейхман.

Шли большие споры — какие флютбеты ставить на 21-й Надвоицкой плотине: бетонные или деревянные? Сам Хрусталев высказывался за деревянные. Флютбет и колодец его — немаловажная часть плотины: они должны принимать на себя тяжкие удары массы воды, падающей с большой высоты, и предохранять от размыва речное дно около основания плотины. Яков Давыдович просидел над книгой не одну ночь, потом — один на один — осторожно высказал свою точку зрения Хрусталеву:

— Вы один из первых начали удачно применять дерево и уже хотите догматировать его применение.

— Вы — о флютбетах?

— По-моему, товарищ Хрусталев, — картавил Рапопорт, — они должны быть бетонными. — И он начал посвящать инженера в свои расчеты.

Тот слушал, снимал и надевал пенсне.

Расчеты не поразили опытного инженера новизной, он видел в них лишь осторожность чекиста, добивающегося наибольшей уверенности в прочности сооружения.

— Я поставлю для опыта тот и другой, — решил Хрусталев.

При первом же пуске воды деревянный флютбет сорвало. Именно после этого случая длинный и худой «великий молчальник» Вержбицкий, напоминающий видом своим аскета, отвел Рапопорта в сторонку и тихо сказал:

— Яков Давыдович, вы спрашивали меня, чего вам нехватает, чтобы стать инженером. И я ответил: «Четырех лет теоретической учебы». Извините меня, я тогда несколько перестраховался. Теперь мне кажется, что для вас достаточно двух лет.

Зону затопления надо считать от леса, принадлежащего Северо-западному лесному тресту. Рапопорт предложил трестовикам подписать договор на таких условиях:

«Вы даете мне лошадей, повозки, подковы, сбрую, веревки и берете с меня амортизационные. Я даю вам людей, спиливаю лес, везу на место сплава, т. е. на биржу, или верхний рюм, как вы его называете, разделываю и получаю с вас по вашим расценкам. Не так ли?»

Трестовики насторожились. Новоявленный лесозаготовитель, при ромбах и петлицах, пока что ничем не проявил знания специальности кроме словечек «верхний рюм».

— Может мы сами вывезем? У нас есть знающие люди, они не испортят лес.

Рапопорт сослался на специфические условия строительства и неудобство присутствия там посторонних. Трестовики махнули рукой: «Плакал наш поделочный лес, сумел бы хоть дров из него толком напилить».

Рапопорт выехал на лесоразработки. В его распоряжении находились украинские куркули, среднеазиатские баи, впервые увидевшие лес в Карелии, не умеющие держать в руках пилу-горбушу. Они услышали от него и переняли массу поразительных вещей. Чтобы избежать несчастных случаев, каждой паре пильщиков надо находиться от соседней пары не ближе чем на расстоянии, равном длине спиливаемого дерева. Поваленный и очищенный от сучков ствол надо класть комлем на пень, чтобы ствол не потерялся под выпавшим снегом. Возку начинать не с ближних делянок, а с дальних: к весне дорога испортится, и возить издалека будет трудно. Перед возкой выгодно окучить лес, дать ему отлежаться, он потеряет до 12 процентов влажности и станет легче. Разделывать дерево на части надо не на делянках, а на бирже, иначе воз получится громоздкий, и счет придется вести не на фест-метры, а на раут-метры. Люди, разделывающие древесину, должны походить на хороших закройщиков и допускать как можно меньше отходов материала: лучшую и менее сбежистую часть дерева выпиливать на строевой материал, сучкастые звенья — на крепеж для шахт, ровные коротышки — на шпальник, остальное — на дрова. Дрова — тоже разные, смотря по жаркости, длине, спросу потребителя и приспособления печей... Трест не имел повода пожаловаться на пропажу ни одного погонного метра древесины.

Этот человек все более становился неотъемлемой частью руководства Беломорстроем. С виду он никуда не торопился и все-таки всюду успевал во-время. Он старался говорить только о том, что знает, и если приходилось спорить, то, неоднократно проверив себя, отстаивал свой взгляд до конца. Все-таки порой увлечение захватывало и этого трезвого человека. Ему уже казалось — не надо и двух лет, чтобы стать инженером, и тогда он чрезмерно увлекался своими техническими знаниями и сметкой.

Память Яков Давыдович проявлял отличную. Разбуженный среди ночи, он мог безошибочно сказать, сколько на строительстве лопат, кирок, тачек, сколько на вчерашний день выписано пайков, каковы нормы на скале, плывуне и глине, в какое отделение и что надо послать. Был случай, когда ему попытались втереть очки, и попытка кончилась для другой стороны плачевно.

Переноску восьмидесяти километров Мурманской дороги вначале взял на себя НКПС и даже организовал для этой цели

Нарубленный в делянках лес сушили морозом

особый трест Севзапжелдорстрой. Отделение треста выехало в Май-губу в составе 96 человек и во главе с неким Маевским, человеком словоохотливым, большим любителем природы, вояжа и тетеревиной тяги. Шли дни, Маевский вздыхал на карельские закаты, шлялся с ружьецом, частенько катался в Мурманск.

Подчиненные прибавляли в теле, убивали служебные часы на письма родным и знакомым.

Рапопорт наведался в трест, вышел на линию, она лежала на старом месте нетронутая. На рельсах стоял неизвестный человек в путейской форме и, приладив к штативу трубку, исследовал горизонт. Рядом буйно храпел в траве еще один, должно быть подручный.

Рапопорт пригласил Маевского к себе на Медвежку. Яков Давыдович не любит шума, бурных сцен, и разговор прошел в полутонах.

— Скажите, товарищ Маевский, что вами сделано по переноске пути?

— Можно, — с готовностью согласился тот. — До сих пор мы занимались заготовкой технического снабжения.

— Например?

— Например приобрели 20 палаток.

— Вы меня извините, но я отлично помню, что эти палатки я вам дал лично, а по договору вы должны все приобретать сами.

— Не возражаю. Зато я набираю рабочую силу.

— Но это же мои лагерники.

— Мы привезли деревянные лопаты и метлы.

— Сколько?

— Три вагона.

— Послушайте, надо, как бы выразиться, иметь исключительную голову, чтобы везти из средней России в лесистую Карелию пучки прутьев и грубо обструганные доски. Не будем ссориться. У меня компромиссное предложение: чтобы через трое суток от вас здесь не осталось следа. Мы сами будем переносить дорогу. Я запросил об этом Москву и получил директиву.

Маевский хотел было что-то возразить, но Яков Давыдович посмотрел на него — это был обычный рапопортовский взгляд, глубокий, с искоркой — и собеседник понял, взялся за кепку.

— Кстати, что у вас там за человек с трубкой скучает на путях? — спросил Рапопорт.

— Практикант Ленждиза.

— Прихватите и его с собой.

— Хорошо, — покорно согласился Маевский.

Инженеры сравнивали Рапопорта с другими чекистами:

— Техника ему дается, а чувств — маловато. Другие тоже строги, но сколько в них душевности, какой подъем в речах. Хоть покричал бы когда Яков Давыдович, — нет. Не поймешь его, холодноват. Вот идет сейчас слет, выступил бы, сказал что-нибудь...

Яков Давыдович пристально рассматривал одного из делегатов. Это был тот самый инженер, который после первого совещания в вагоне рассказывал соседям о Рапопорте.

«Что то знакомое — в крючковатом носе. Тот же нелюдимый взгляд. Та же манера сидеть приподняв плечи и опустив голову. Неужели он?» — догадывался Рапопорт.

Он подозвал начальника отделения и спросил фамилию заключенного. Тот сказал.

— Откуда?

— Из Воронежа.

— За что осужден?

— Выдал большевистскую подпольную организацию.

Не переставая изредка взглядывать на знакомого лагерника, Рапопорт сидел и думал:

«Вот сейчас подойти к нему, взять за подбородок и поднять голову: «Чего согнулся? Помнишь январь семнадцатого года, студентов Юрьевского университета, эвакуированного в Воронеж, кружок большевиков? Рабичева, Иппа, Карасевича, меня — Рапопорта — помнишь? Ты бывал с нами и так же вот прятал глаза. Почему нас выследили? Скажи, кто выдал нас?..»

Человек понемногу начинает распрямлять спину. Вот он поднимает голову, поднимает руку над головой, просит у президиума слова, идет к сцене. Он поднимается на сцену по узкой доске, доска гнется под ним, и он балансирует, чтобы не упасть. Человек говорит о неполадках на трассе, предлагает, как их изжить, рассказывает о своем рационализаторском изобретении. Он говорит смело, с горячим увлечением.

Рапопорт тихонько поднимается. Перед глазами все еще балансирует на доске фигура. Яков Давыдович решает:

«Нет, не стоит напоминать ему. Доска еще слишком узка для него, и он снова может сорваться...»

Рапопорт направляется на цыпочках к выходу и в самых дверях говорит начальнику отделения:

— Я уезжаю. Прошу хорошенько посмотреть вот за этим, что сейчас выступает. Если он на самом деле искренен, то через месяц доложите мне о нем.

ТРОЕ НА ТРАССЕ

Первое совещание административно-технического персонала Беломорского строительства было назначено на 6 часов вечера 25 ноября 1931 года.

Три руководителя строительства выехали в этот день впервые осмотреть начало работ на ближайшем участке трассы.

К местной погоде они еще не привыкли.

Погода тасовалась, как колода карт. Каждый раз приходила не та масть.

Шел снег. Человек в первой машине старался не шевелиться, боясь потерять тепло насиженного места.

Вдруг, как в гости, приходило солнце — веселое и вымытое.

Потом брызгал дождь, и все вокруг становилось сизым. Сизая вода, сизый мох, сизая сосна, а над ними пустое, без всякого цвета небо.

Машина шла по дороге, которой еще не было. Она обогнула круглую железную печь, похожую на кипятильник. Это была литейная.

Машина маневрировала, боясь наткнуться на белые, гладко обструганные колышки. То были будущие прачечные, ларьки, мастерские и бани.

Машина выехала на пустырь. С обоих концов, как на футбольном поле, торчали ворота. Это был склад технического

снабжения. Навстречу попался человек. Он волочил бревно: кусок будущего клуба.

На берегу Онежского озера стоял щит с голубой надписью, чужой и одинокий, как попугай. То была водная станция «Динамо».

Автомобиль проехал Медвежью гору и выбрался на дорогу в Повенец.

Человек, сидящий позади шофера, не глядел по сторонам: за десятидневное пребывание в Медвежьей горе ему надоел местный ландшафт. Он предпочел бы иной, механизированный пейзаж, с экскаваторами, подъемными кранами, паровозами, многотонными грузовиками, катками; пейзаж с мощными камнедробилками, бетономешалками и катерпиллерами.

Человек этот был инженер Могилко. Он думал: «Десять дней — это большой срок для ГПУ. Здесь могли бы уже быть все нужные механизмы».

Он прислушивался, надеясь уловить шум работающих машин. Было тихо.

— Где же видно, что заварилось мировое дело? . .

Он оглянулся вокруг. Природа подходящая. Превосходная база для технических идей проекта. Дерево, камень, земля — оттесненные железом и бетоном — опять вступят с ними в соревнование: кто крепче в веках? Новый переворот в гидротехнике!

Автомобиль въехал на деревянный настил. Настил колыхался, бревна вылезали и становились торчком. Хлюпала вода. Настил походил на плот.

Человек этого не замечал. Он мечтал о машинах.

Машин не было, зато все время шли люди. Они шли, плутая в лесу, шли гурьбой и в одиночку.

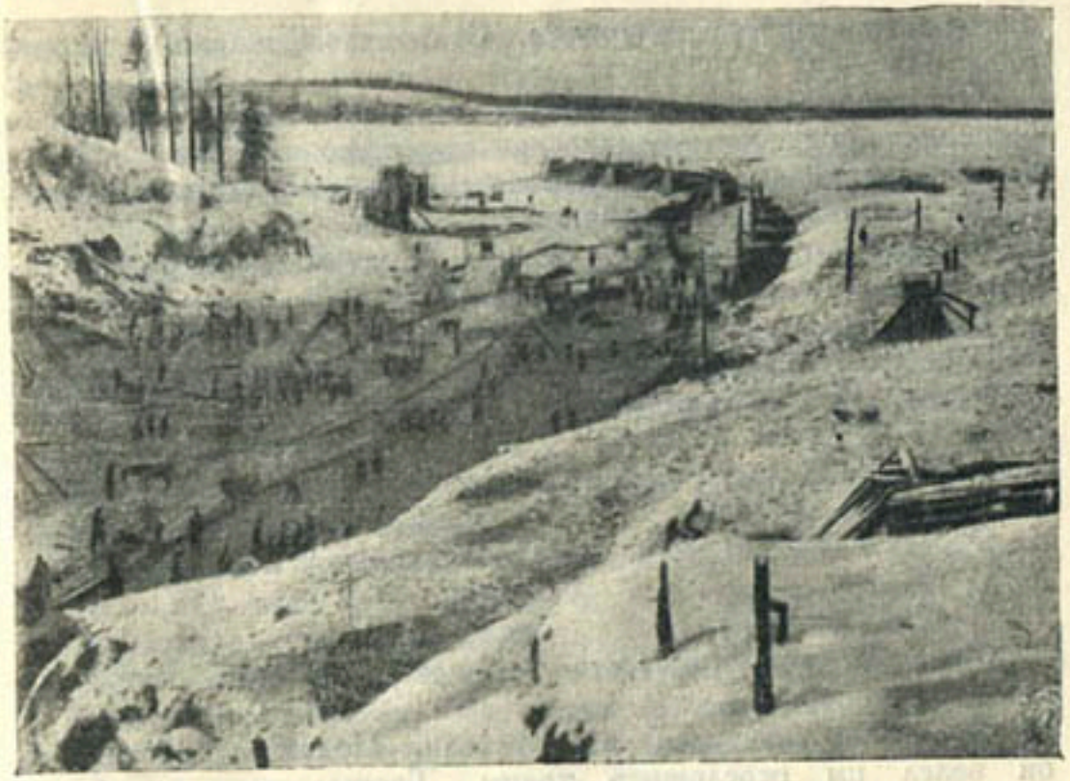
«По совести говоря, липовые работники, — думал Могилко, неприязненно оглядывая проходящих. — Они ничего не умеют делать. Тысячи людей, ничего не умеющих делать! Хорош контингент для такого строительства! И это при таких рекордных сроках!» Он вспомнил, что на Днепрострой возили маршрутами песок из Евпатории.

Им овладело разочарование.

Нет, это не то, что он ожидал. Когда ему предложили руководить строительством большего размаха, чем Днепрогэс, он с радостью согласился. Еще бы! Его имя вписывалось в историю технической мысли.

Признаться, он возлагал большие надежды на то, что у строительства такой хороший хозяин. Он рассчитывал: строительство не будет ни в чем нуждаться.

Инженеру мерещились машины, механизированный труд: дизеля, бремсберги, армстронги... Люди его не смущали. При

Начало работ. Еще нет механизмов, даже самодельных. Беспорядочно разбросаны трапы

наличии машин их не так уж много понадобится. К тому же он своевременно дал заявку на контингент требуемых строительству специальностей.

«А то, что здесь обойдется без фабзавкомов и собраний, тоже имеет свой плюс», втайне думал он.

Приехав на строительство, он в первый же день услышал от начальника Беломорстроя, что нужно разворачивать культурную работу, что нужно ходить по баракам, уговаривать людей.

Это его не касалось. Лучше, если б и другие занимались производственным делом.

«Только бы механизмы!» с тоской думал Могилко.

Автомобиль свернул с проселка в лес. Машина запрыгала по буграм среди срубленных пней и валунов и остановилась невдалеке от места, именуемого «шлюз № 3».

Котлован только начали рыть. То, что увидал Могилко, было ни с чем не сообразно. В уродливой впадине, запорошенной снегом, было полно людей и камней. Люди бродили, спотыкаясь о камни. По-двое, по-трое, они нагибались и, обхватив валун, пытались приподнять его. Валун не шевелился.

Тогда звали четвертого, пятого. Становилось жарко. Они снимали рукавицы и ругались.

Оставив большой камень, брались за мелкий. По мокрым, беспорядочно наложенным доскам тачку увозили. Она вихляла съезжала с доски и опрокидывалась. Рабочий матерился, подбирая рассыпавшиеся камни.

У края котлована брали грунт. Грунт был мерзлый. Полного навала тачка ждала целый час.

По ту сторону котлована Могилко заметил неподвижно стоявшего человека в коричневом кожаном пальто. Человек опирался на палку. Это был начальник работ строительства, Френкель. Могилко хотел было подойти к нему, поговорить о безотрадном состоянии работ, но раздумал. «Лучше обо всем сразу сказать вечером на совещании».

У него замерзли ноги. Могилко вернулся к машине и приказал шоферу:

— Едем обратно.

Френкель попрежнему стоял на краю котлована. Внизу суетились люди.

Френкель спустился в котлован. Подозвав бригадиров, он велел им переложить трапы. Трапы стали устойчивее и ровнее.

Потом он остановил лагерника, везущего тачку. У тачки были слишком длинные поручни. Человек с такой тачкой был похож на лошадь в оглоблях. Френкель велел принести пилу и отпилить поручни на одну четверть.

Он остановил еще одного тачечника:

— Что везешь?

— Землю.

— Это не земля, а грунт, — сказал начальник работ. — Грунт бывает разный: у тебя один, а на той вон тачке — другой. Они такие же одинаковые, как крупчатка и ржаная мука. А вы их сваливаете в одно место. Это никуда не годится.

Он подозвал десятника и велел к тачкам с крупным, зернистым песком привязать хвойную ветку, а к тачкам с супесью — березовую.

Тачки шли под вымпелами веток.

Потом он подозвал начальника отделения.

— Завтра с утра пошлите людей разбирать деревянные настилы. Будем строить настоящую дорогу. Шоферы на грузовиках — новички?

— Да, только третий день.

— Сегодня же отдайте приказ, чтобы машина, идущая с левой стороны, останавливалась и пропускала встречную. Тогда у вас не будет аварий.

Говорил он тихо и вежливо. Но почему-то люди после разговора с ним долго терзались мыслью: «Он кажется обозвал меня дураком?»

С этого дня о нем стали говорить по всей трассе.

... Начальник Беломорстроя Лазарь Иосифович Коган отпустил машину и пошел вдоль дороги, огибая корявые сосны.

Было тихо. Хорошо итти и думать.

Когда он увидел могучие, вползавшие одни на другие озы Карелии, одичалый от безлюдья гибельный лес и воду на горе и под горой, — казалось верхушки сосен полоскались в воде, — и всю эту угрюмую тихость, как будто мир еще не родился, — он почувствовал, как много он сказал тогда у зампреда ОГПУ одним словом «слушаю».

И такую природу одолеть десятками тысяч людей, когда их изнутри не согревает огонь!

Он представил себе шлюзы, дамбы, плотины. Но здесь их не было. Их надо было построить тысячами рук. Руки были чужие, холодные и бесстрастные.

Коган оглянулся. Его нагоняла партия лагерников.

Бритоголовый парень без шапки, в болотных новых сапогах, спросил, как пройти на третий шлюз.

— Пойдемте со мной, — сказал Коган.

Начальства в нем не признали, хотя был он одет богато, в москвошвеевском пальто и в белых валенках, подбитых кожей.

— Иду и сам себе не верю, — удивляясь, сказал ему бритоголовый. — Прямо навождение. Сами себя на работу ведем. Мыслимое ли это дело?

— Да, это тебе не каторга, — заметил Коган.

Пока шли до места, Коган рассказывал:

«Сидел я в кандалах, ручных и ножных. Встанешь и, как медведь, ходишь по камере. А режим был такой: живешь по звонку. Как только сложишь постель — сейчас начинаешь чистить посуду.

Медная посуда прекрасно для издевательства приспособлена. Чистишь ее до золотого блеска, так что о ладонь спичку зажечь можно. Теперь я любую хозяйку в небрежности уличу.

Кончишь посуду, возьмешься за пол.

Пол асфальтовый, моешь его керосином, а тряпочкой пыль вытираешь. Глядишь — утра как не бывало. Так я в Елисаветградской тюрьме три с половиной года на посуде сидел.

Потом нас в Херсон погнали. А мы не знаем, радоваться или плакать. Сведущие люди говорят: в Херсон лучше, чем в Орел. В Херсоне бьют, но не очень.

И то радость. Привели нас в сочельник. Думаем — наше счастье. Ради праздника бить не будут.

Куда там! Народ деловой. Всыпали — до пасхи не зажило.

В Херсоне пошло дело коридорное. Дадут тебе тряпку — и натирай пол. От этой натирки колени у нас всегда были в крови.

У меня и теперь привычка: когда лягу спать, обязательно колени поглаживаю.

Там был такой порядок: приходит утром начальник, махнет платком по полу: если пыль — бьет. А пыль — она всегда сядет!

К битью у меня стало полное равнодушие. За что бьют — не интересовался. Отделенный там был очень изобретательный. Для всего находил предлог. Выходим на прогулку — бьет, на оправку — бьет.

Хотя бы есть еще давали как следует, было бы переносимо... Подошла империалистическая война, засадили нас строчить шинельки. Шестнадцать часов не вылазишь. В животе фунт хлеба...»

— Ну, сибирская душа, — перебил бритоголовый, — по такой жизни ты здесь блаженствовать будешь. Тут тебе советская власть и масса удовольствий. Жалко, ты не урка — мы бы тебя по опытности в паханы произвели.

— Нет, куда уж мне, — скромно сказал человек в валенках. — Я и так начальник Беломорстроя.

— Эх, и заливала!

Партия спустилась в котлован.

Через час к Когану подбежал бритоголовый.

— Эй, ты, начальник! — закричал он еще на ходу. — А это что за работа, камешки ворочать, ямы копать. Тут одних каменьев мне на десять лет хватит по норме. А мне всего три года сроку.

— Это тебе не ямы, а канал.

Бритоголовый рассмеялся:

— Кабы глина была хорошая, то о кирпичном заводе можно было бы еще подумать. А с такой природой — одно сухое похмелье. Пускай уж детишки играются. А мое на кону не стоит. Пойду в барак лежать до окончания срока...

— А ну, поворачивай! — с неожиданной резкостью сказал начальник. — Садись со мной в машину, я тебе покажу канал на карте в натуральном виде.

— Что ж, посмотреть можно, — уныло согласился бритоголовый.

Тут впервые у начальника Беломорстроя появилась мысль расставить по баракам, по клубам макеты шлюзов, дамб и плотин. Пусть люди знают, что они делают. Надо их научить любить будущее.

«Я кажется сентиментален, — подумал Коган. — Но люди у меня будут верить!»

ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ

... В тот же вечер в здании Управления Беломорского строительства собиралось первое совещание руководящих административно-технических работников.

Инженеры рассаживались по прежним, еще не забытым чинам.

Некрасов так сел в кресло, как будто он все еще был министром.

Ефимович не чувствовал себя начальником производственного отдела. Докладывал он так, будто читал вслух чужую статью. Статья была скучная. Ефимович торопливо дочитал и с видом человека, избавившегося от неприятной обязанности, сел на место.

Седой инженер, стриженный бобриком, сидел напротив Когана и неодобрительно покачивал головой. Он думал:

«Не доведут нас до добра эти либеральные порядки».

Приехав в лагерь, он быстро освоился с тем, что ему, заключенному, позволили жить на частной квартире. Он тут же решил, что его хотят перехитрить. И сразу потребовал краковской колбасы.

«Я человек порядочный, — думал он. — Но шпану распустили. Шатаются по лагерю без всякого стеснения и чувствуют себя совсем как дома».

Все это он считал либерализмом.

Инженеры молчали. Тогда взял слово Дорфман, замначфинотдела строительства. Он был высок, как гайдук.

— Я интересуюсь стоимостью сооружений. Мы еще не слыхали данных о стоимости. А я знаю — процент производственного использования низок. Надо уложиться в 70 миллионов, а нам чрезвычайно дорого обходится человеко-день. Я предлагаю перейти на хозрасчет.

Инженеры молчали.

Тогда заговорил Николай Васильевич Могилко.

Он начал, волнуясь, полный впечатлений сегодняшнего дня. Он поставил вопрос резко, ребром:

— Для нашего строительства стоит изменить принцип отбора рабочей силы. Рабочая сила, сюда попавшая, оказалась по квалификации и трудоспособности куда ниже той, которая предполагалась по плановым наметкам. Большой ее процент вообще не может быть использован. Для постройки бараков требуются плотники. При наличном составе рабочих-землекопов количество плотников должно быть значительно увеличено. Иначе получится диспропорция квалификаций. Рабочие тащат руками бревно чуть ли не километр. Диспропорция между транспортом и рабсилой.

Могилко размахивал словом «диспропорция», как палицей.

— Что же вы хотите? — спросил его в упор Коган.

— Прежде всего сократить количество людей. Люди обходятся дороже механизмов. Надо произвести отбор необходимых нам специальностей. Нужно, чтобы рабочие держали в руках инструмент, а не чорт знает что.

— А где этот инструмент взять? — спросил Коган.

— Я не буду заниматься сравнениями с другими стройками. Я сказал — механизмы — и сразу вижу настороженные глаза.

— Нет, почему же, — вдруг с живостью откликнулся инженер, не одобрявший местный либерализм, — очень здраво

— На Днепрострое, — продолжал Могилко, — работают 54 паровоза, локомобили и катерпиллеры, а у нас? Лишняя рабочая сила нам будет стоить дороже. При объезде линии мы это с вами увидим. Ведь вся эта рабсила требует, чтобы ее кормили, учили и охраняли. Сколько возни при таких сроках! И какие могут быть разговоры при таком положении о смете и хозрасчете? Надо быть реалистами.

Могилко честно и горячо сказал все, что он думал.

Инженеры молчали. Теперь они уже окончательно разуверились в том, что из этого дела может что-нибудь выйти.

Нафталий Аронович Френкель заговорил, не вставая с места:

— Я удивлен: такой серьезный человек и такое несерьезное отношение к делу. Ясно, что строить мы будем при помощи той рабочей силы, которую нам приносит этап. Лагеря будут приспособлены к сложнейшим работам. Но пока этой сверхсложной работы нет. Рабочая сила, которая прибыла, с ней справится. Мое впечатление: инженеры и техники работают, как счетоводы. Пока то, что делается, под силу каждому десятнику. Наша сегодняшняя работа еще лишена технической идеи. Она по плечу любому. В том-то и горе, что товарищ Могилко создает заграждение...

— Вы не лояльны, — обиженно крикнул ему Могилко.

— Да, я страдаю отсутствием корпоративной солидарности, — равнодушно сказал Френкель. — В этом смысле я не товарищ. Я говорю о серьезных вещах, и мне не хочется техническую мысль разгонять на напильники. Что такое 54 паровоза и 1 400 вагонов? Наперед надо сказать — никто нам их не даст. Нужно реально заявить: дайте нам три экскаватора. Беда в том, что наблюдается терпимость к возможным неудачам...

Могилко больше не мог себя сдерживать. Он заговорил, не обращая внимания на председателя:

— К сожалению в наше заседание внесен давно известный лагерный тон!..

Инженеры сразу оживились: ага, начинается перемывание косточек!

— Конечно работами на севере руководил не Беломорстрой, там производством командовал Френкель, но мы не будем заострять вопрос, — сказал Могилко с подчеркнутой корректностью. — Меня не утешает успокаивающий тон Френкеля, что отбор квалификации — это пустяки. Рабочая сила обойдется дороже механизации. Френкелю это видимо неважно. Он говорит, что бетонные работы будут выполнены... гм... А я запрещу производить их с такими рабочими.

Видно было, что Могилко это решил всерьез.

Коган обвел глазами присутствующих. Инженеры смотрели в потолок. Надо было внести ясность, надо было расшевелить этих людей.

Коган взял слово.

— ... Кто вам обещал краснопутиловский пролетариат? — повторил он то, что уж однажды слышал от Ягоды. — Кто вам обещал полную механизацию? Это не Днепрострой, которому дали большой срок стройки и валюту. Беломорстрой поручен ОГПУ. И сказано: ни копейки валюты. Пора из этого сделать выводы. Николай Васильевич! — мягко обратился он к Могилко, — это фантазия — отбирать рабочую силу. Где вы найдете такое строительство, на котором работает сто тысяч человек неизменно? И где такая машина, которая по мере потребности могла бы выбрасывать нужные специальности? Такой машины нет. Мы имеем резерв рабочей силы. Вы говорите, что здесь нет бетонщиков? Правильно. Но здесь нет и честных советских граждан, мы должны создать и бетонщиков и честных советских граждан. Одно другого стоит. И неизвестно, что труднее. Но у нас каждый ходит в баню, одет в чистую рубашку, в телогрейку и питается сытно. Не может быть, чтобы человека не увлекло такое большое дело. Мы подымем сто тысяч людей. И они еще скажут: «Наш любимый Беломорстрой!» Надо поверить в дело, в собственные силы. Прав Френкель. Грунты лагерям знакомы, плотничьи работы мы тоже делали. Вот когда начнется постройка сооружений, тогда дело другое. Но не возводите непреодолимых препятствий. Это не сумасшедшая затея, а реальное дело, хотя его еще никто не делал в мире. Вы увидите — работа пойдет. Люди увлекутся...

Никто не будет возражать против основных предложений Френкеля и Дорфмана о переходе на сметные работы. Это поворот к тому, чтобы на бревно смотреть, как на деньги. Пора начать отвечать за работу.

Инженеры молчали.

Бритый инженер атлетического сложения вспомнил, как он,

гуляя сегодня в окрестностях, заметил горку, с которой можно было прекрасно съезжать на лыжах.

«Ничего, жить можно», удовлетворенно подумал он.

... Через год, когда инженерам показали стенограмму этого совещания, им стало стыдно.

РАЗГОВОР ВОЗЛЕ УМЫВАЛЬНИКА

Длинный цинковый умывальник гремит от нажима десяти рук. Десять разных ладоней в разное время плещут водой Фырканье. Брызги. Мыльная пена.

— В пятьсот дней построить канал! Вы слышали что-нибудь подобное?!.

— Нам, Иван Петрович, некуда спешить — у нас с вами по десятке.

— Н-да... По красненькой.

— Нам можно строить три тысячи дней.

— Спешка полезна при ловле блох...

— Да ведь еще не только трассы, но и проекта путевого нет! Фактически ничего нет.

— А где рабсила? Урки наработают!

— Есть с чем догонять Америку!..

— Хе-хе-хе... Любовь к каналу? А за что я его должен любить? За то, что не могу даже прилично умыться?

Умывальник сердито грохочет.

— Интересно, что сегодня на завтрак?

— Вряд ли ветчина с горошком!

— Однако, дорогие коллеги, выше темпы! Уже половина девятого. Хватит вам полоскаться...

СЛУШАЙТЕ ШТАБ

Осень, слякоть, моросит дождь. А если мягкое и нежное солнце, то тем обиднее. Но как бы там ни было, мы наблюдаем странное явление: необычайное количество длинных темных нитей во всех направлениях тянется по земле. Эти темные нити не только по столбам, они на деревьях, на кустарниках, они опутывают деревья, кустарники, люди в кожанках и шинелях протягивают их все дальше и больше. Удивленно останавливается восьмидесятилетний старец, сказитель былин, возле кладбища. Много лет уже не удивлялся старец, а тут он стоит и смотрит, и смотрит и слушает. Кресты кладбища опутаны проводами. Лихо гудят они, лихо! Птица шарахается от этого гуденья, строгие мачехи, строгие, как в сказке, пугают детей: «Вот тебя опутает проволокой серый, страшный волк, опутает и унесет». Молчит испуганное дите и слушает: где-то

воет ветер, где-то идут один за другим, тяжело ступая, взрывы, куда-то везут камни, и почему-то вся земля опутана проволокой.

Провода, покачиваясь, выходят из Москвы, останавливаются, словно в раздумьи у трактов — который же выбирать — и бегут, бегут дальше, бегут немедленно. Ибо непреклонна воля Москвы.

Ибо в числе тех строек, которые партия не упускает ни на день из поля зрения, находится Беломорстрой. И это непреклонная, концентрированная воля Сталина неустанно льется по металлу сквозь тысячи километров в Карелию, к нашему каналу:

Что сделано? Как сделано?

ГУЛАГ говорит начбеломорстрою. Он говорит о том, что сказала ему Москва, по указанию партии — Ягода, что думают о строительстве чекисты всей страны — Урала, Сибири, Туркестана, Кавказа, что они и как они помогают строительству. ОГПУ добавляет свои соображения, приказывает, советует, требует отчета:

Что же сделано? Как сделано? Кем сделано? У всех ли большевиков, работающих на стройке, достаточно чувство ответственности перед партией? Помнит ли руководство, что канал строится по инициативе и по заданию Сталина?

От начбеломорстроя провода несутся к трассе, ближе. Они уже приближаются к отделам. Пейзаж изменился. Уже в гуденье и визг проводов врывается гул трассы. Отделы перекидывают нити металла к начальникам отделений. Уже близко конструкции механизмов, роющих породу, грунт, взрывающих скалы, — все то, что называется кубатурой. Этот тонкий дым проводов спрашивает настойчиво:

Что же сегодня сделано? И кем сегодня сделано? И что вы сделаете завтра и как сделаете? Не забывайте сроков, не забывайте чести чекиста-строителя!

Начальник отделения поворачивает металлические нити воли к начальникам участков. Начальники участков упираются нитями этой ловкой и всюду проскальзывающей меди к отдельным объектам. Кто у провода: шлюз или бараки или автобаза?

Что же и как сделал ты сегодня на твоем участке, Матвеев или Любченко, или Гладошвили, или Мамедов?

Можно подумать, что металл уперся в тупик, окончил свой путь, или все это должно с такой же силой кинуться обратно.

Но тут, словно сплавляя все нити в одно, словно переводя этот неясный гул, который слушают деревенские мальчишки, прислонив ухо к столбу: «Эка, гудет, про што оно?» — тут врывается радио.

Радио — в бараке, на трассе, на лесозаготовках, у ручья, на

улице, на холме, в карельской избе, с грузовика, радио, не спящее ни днем ни ночью, эти бесчисленные черные рты, эти черные маски без глаз кричат неустанно, неустанно рассказывают о том, что делает, что думает, как работает штаб строительства, что делает и думает Москва, что думают о трассе чекисты всей страны, что сказала партия.

Штаб строительства желает, чтоб его слушали!

И тысячи, десятки тысяч ежедневно и ежечасно слушают этот голос великой воли и энергии, этот непрерывно льющийся рассказ о борьбе за нового человека, эти соображения о новом человеке, понявшем смысл и важность стройки, придумавшем нечто особое, чтобы эта стройка двигалась быстрей, о каждом, кто опрокинул и выплеснул из себя всю мерзость, все помои прошлого; о всех, кто и к себе беспощаден и строг и от других требует того же, кто наполнен непоколебимой коммунистической волей к жизни, суровой волей пролетариата!

ДЕНЬ НАЧАЛЬНИКА СТРОИТЕЛЬСТВА

Девять часов.

Звонки телефонов трезвонят в каждой комнате Управления.

В секретариате начальника строительства и начальника Управления ожидают пришедшие на доклад.

Телефонный звонок.

— Водораздел? Слушаю. Секретарь начальника строительства. Его еще нет. А-а? Что? Плотников? Хорошо. Доложу.

Курьер приносит почту.

Телефонный звонок.

— Повенец? Слушаю... Плотников? Хорошо. Доложу.

Поступают радиограммы из Тунгуды и Надвоиц, еще две заявки на плотников.

Через полчаса начальник строительства проходит в свой кабинет. Секретарь докладывает.

— Плотников? Я им сейчас дам плотников. Соедините меня с Повенцом.

— Повенец?.. Чалов? Ты что ж хочешь, чтоб у начальника строительства за тебя голова болела? Сколько у тебя людей? Безрукие все? Так что ж ты плотников просишь!.. Нет плотников и не предвидится. Шевели мозгами. При желании можно выйти из положения. Чтоб бани были на всех пунктах!

— Соедините с Водоразделом.

— Комаров? Коган говорит... Куда годится такое руководство? У тебя пять тысяч человек, и ты не выберешь сотни, которая могла бы бараки и пекарни рубить? Не дворцы же

Начальник строительства тов. Л. И. Коган

ты думаешь строить? Не умеют топор держать? Научи! На то ты и поставлен начальником участка. Смотри, не зевай. Приеду — мало не будет. Главное, чтоб народ был в тепле и одет. И чтоб вшей не было. Да, вшей! На данный отрезок времени это основное.

Секретарь сказал:

— Начальник производственного отдела просил принять его.

— Что он? Хочет просить, чтобы я на пятьсот суток еще два раза по пятьсот накинул! Передайте, что я вызову его через час. А сейчас вызвать ко мне начальника культурно-воспитательного отдела.

На груди начальника строительства Беломорско-балтийского водного пути два боевых ордена и почетный значок чекиста.

Он ходит по кабинету. Останавливается перед картой, по которой тянется красная лента трассы, продетая через синие кольца. Каждое кольцо — озеро. Каждая паутинка — река. Красная лента во многих местах перечеркнута.

Шлюзы... Плотины... Дамбы...

Все они еще пока только на бумаге!

Начальник строительства подходит к диаграмме. Наверху большой красный круг — начальник строительства. Под ним соединенные нитями с верхним три меньших зеленых круга — начальник Управления, начальник работ, главный инженер строительства. Внизу связанные с тремя зелеными кругами многочисленные голубые кружки — отделы: финансовый, учетно-распределительный, снабжения, культурно-воспитательный, изыс-

каний, проектный, производственный, сельскохозяйственный, транспортный, санитарный, механизации, связи, административный.

Эти кружки еще не завертелись на полный ход! Сколько еще нужно людей, чтобы чекистский костяк строительства оброс живым, здоровым мясом.

Тридцать семь чекистов на 227-километровый фронт, на десятки тысяч людей — это немного!

Мальчик в арестантской бескозырке.

Чекист с двумя боевыми орденами.

1909 год... 1931 год...

Революция пересмотрела по-своему все приговоры.

В Ленинграде во время Февральской революции тюрьмы были разбиты, участки сожжены.

В Москве из Бутырской тюрьмы освобождали организованным путем. Бутырская тюрьма была тюрьмой плотной, как говорили арестанты, не отбитой. Люди сидели в камере, не имея фамилии, под номером.

Однажды повели одного заключенного к зубному врачу. Толстая дама посмотрела арестанту зубы, потом навертела что-то на палочку и сунула в рот — арестант почувствовал, что во рту у него бумажка. Он плотно закрыл зубы и вышел из амбулатории, держась за щеку.

Вернувшись в камеру, каторжник открыл рот, вынул записку. На записке написано карандашом:

«В Петербурге революция».

Всем в камере стало холодно, сидели на нарах, завернувшись в одеяло.

Один из заключенных был парикмахер и имел право ходить в кандалах по всем этажам: брить большому и малому начальству бороду и каторжанам лбы. Парикмахера послали на разведку.

Вернулся он печальный и говорит:

— Плохо. Там далеко толпа, но у тюрьмы — войска. Не пробиться народу.

О том, что в войсках восстание, — не догадались.

Сидели в камере, молчали, вдруг входит надзиратель и говорит:

— С вещами по городу.

Начали заключенные собирать каторжное свое имущество — тряпки, подкандальники, мыла кусок, собрали в мешки, выходят в коридор.

В коридоре стоит надзиратель, хлопает каторжан по спине, отсчитывает и первый раз называет по фамилии.

— Гоц, Томский, Недельштейн, Дзержинский.

Сидели в камере эсеры и большевики, спорили и не договорились. От ворот тюрьмы пошли люди в разные стороны.

Коган сидел в тюрьме как анархист, но когда он был освобожден, он пошел за Дзержинским. Он пришел в партию через работу в газете, через отряды атамана Григорьева, в которых он боролся вместе с большевиками против анархистов.

В июле 1918 года Херсонский комитет выдал партбилет большевику Когану.

Работа в Красной армии, начиная с политкома батальона до политкома инспекции IX армии.

Коган — начальник партийной школы на Кубани. Вскоре — назначение начальником Особого отдела IX армии. Затем тов. Коган — заместитель начальника войск ОГПУ. Три года работы в пограничной охране. Затем тов. Когану поручается организовать Управление лагерей ОГПУ.

— Вас просит Повенец!

Коган берет телефонную трубку.

Из Повенца говорят долго. Коган терпеливо переспрашивает:

— Сколько?

Дает отбой, разговор кончен.

— Вызовите ко мне Успенского, спит у меня на квартире.

Посыльный проворно бежит через глубокую канаву, ноги увязают в грязи. Он не разбирает мостков — ему некогда, начальник срочно требует Успенского.

Вошел высокий, сутулый молодой человек с оттопыренным, почти детским ртом. Он подошел к столу Когана. Успенский, слегка щуря глаза, оглядывает комнату. Он ждет, когда Коган окончит разговор и займется с ним. Коган повернулся к Успенскому.

— Так вот. Мы вчера не закончили разговора. Мне только что звонили из Повенца. Там очередной скандал. Чалов не понимает видимо задач, которые перед ним стоят. Вместо того чтобы послушаться приказа, опять затеял скандал с инженерами. Изволите ли видеть, те заявляют, что они не лагерники, а инженеры.

Звонит телефон.

— Вот у меня тут есть интересный документ. — Коган протягивает Успенскому листок бумаги:

«Попрежнему в лагерях Повенца царит полная неразбериха. Лагерник не знает, кому подчиняться, — нет строгого распределения работ и плана. Всякий тянет в свою сторону. До сих пор не налажено с выпечкой хлеба. Попрежнему хлеб возим из Кеми. На этой почве много недоразумений. Аппарат Управления разросся до невероятных размеров. А главная беда в том, что он стал насквоз»

бюрократичен. Иначе чем объяснить, что Лестранскоз дает такие дальние командировки, что вывозить оттуда древесину нет никакого смысла? Под боком перестраивается прекрасный строевой материал. Сообщите об этом Френкелю. Несколько больше развернули работу по постройке бараков. Но все равно, прибывающие этапы размещаются отвратительно.

Главным препятствием, мешающим развороту строительства и нормальному ходу лагерной жизни, считаю недопустимое отношение между администрацией и ИТР. Этому надо положить конец».

— Видал? Так вот. Все это верно. Так дальше продолжаться не может. Надо начать работу в кратчайшее время и оздоровить атмосферу этого отделения. Там за короткое время образовался штрафной городок. Постоянные скандалы и споры ИТР с Чаловым. Вы примите дела от Чалова и приступите к работе, подробнее договорившись о всех производственных вопросах с товарищем Рапопортом. Какое у нас сегодня число?

— Шестое, — подсказал кто-то сбоку.

— Шестое ноября 1931 года, — уточнил инженер с длинным носом и унылым лицом. Он еще считал дни и ночи, которые находился в лагерях.

— Хорошо. Пусть шестое. Так вот, седьмого Успенский приступает к работе в Повенце. Сегодня в ночь он выезжает на место. Приготовить машину. У меня есть наказ. Предупреждаю, человек и забота о нем должны стоять наряду с обязательным выполнением производственной программы, которую дает нам Государственное политическое управление.

Если заметите, что кто-нибудь из начальников частей или ответственных работников будет издевательски относиться к нуждам заключенных, донести мне, и я перед Коллегией ОГПУ буду возбуждать ходатайство о немедленном предании суду виновников по самой строжайшей форме. Я требую, чтобы был точно поставлен учет рабочей силы. Я требую широкой культурно-воспитательной работы, чтобы она в полной мере заострила внимание участников нашего строительства на значении того величайшего дела, исполнение которого поручили партия и правительство Советского союза Объединенному государственному политическому управлению. Для успешной работы в первую очередь нужен крепкий монолитный коллектив. И если вы сумеете создать этот коллектив, то победа естественно останется за вами. Ну, счастливого пути!

Вот еще что, Успенский. Инженеры говорят там, что они не заключенные, а инженеры. Объяснишь, кто они такие. Обращайся с инженерами бережно. Опирайся на старых опытных инженеров и выдвигай молодежь. Дай молодежи учиться

у старых. Смело выдвигай новых людей из среды заключенных. Организуй курсы. Размеры работ на Повенчанской лестнице очень велики — это 38 процентов всей работы на строительстве. В курс дела тебя введет инженер Будасси — человек в своем роде весьма замечательный.

КВО

Железная печка стоит на песке, бока печки накалены докрасна. Вокруг печки на дверных щитах, положенных на ящики, — люди в пальто, тулупах, шинелях. Щели между плохо осевшими бревнами стен кое-где заткнуты газетной бумагой.

— Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу, — говорит сидящая на табурете стриженая блондинка.

— У нас еще ящики не распакованы, — отхлебывая из эмалированной кружки, мрачно бурчит человек в тулупе.

— И тем не менее, — щурит близорукие глаза блондинка, — мы должны немедленно развернуть работу, перестроив ее по-новому. В Повенце начинается первый слет. Но Управление спит... Отделы разбухали штатами. Инженеры не едут на трассу...

Человек в шинели с грохотом бросает на пол принесенные дрова.

— Насилу в кипятильнике вымолил. Не дают, черти...

— Заседание культурно-воспитательного отдела продолжается, — обрывает блондинка человека в шинели. — Начальник строительства дал нам ответственное задание — всколыхнуть общественность отделов Управления.

— Чиновники, — угрюмо бурчит человек в тулупе.

— Надо ударить по чиновничьим настроениям, выявить актив и повести остальных. На то мы и КВО!..

— Живых людей мало...

— Но они есть, и на них надо опереться.

— Надо нанести сильный удар по всем отделам. И сделать это не откладывая. Быстро. Штурмом!

— Как вы себе мыслите этот штурм, товарищ начальник?

— Завтра в обеденный перерыв мы проводим совещание с активами отделов, намечаем ряд обязательств, которые должен взять на себя каждый отдел, и завтра же расклеиваем плакат с объявлением штурмовой ночи...

— Не плохо, — раздались голоса.

— Мы распределяем отделы между собой и с десяти часов вечера отправляемся на штурм. Мы заходим в отдел — начальники отделов будут предупреждены — и начинаем штурм. Мы должны без церемонии, со всей резкостью бить по всем неполадкам, гоомить черепашьи темпы. Наша главная задача —

мобилизовать общественность и заставить ее взять на себя ответственность за досрочную постройку канала.

— Нас нехватит на все отделы.

— Мобилизуем бригадиров штаба соревнования. Нужно распределить силы с таким расчетом, чтобы штурм начался во всех отделах одновременно... Очень хорошо, что он будет ночным штурмом. Это создаст атмосферу настоящей тревоги. Штурмовая ночь выявит всех живых людей, и у нас будет возможность быстрым темпом развернуть нашу работу. Без актива в инженерно-технической среде нам не поднять и не решить стоящих перед нами задач. Этих задач будет с каждым днем больше. Нужно организовать профкурсы, лекции и доклады по радио, открыть широкое обсуждение технических вопросов. Для всего этого требуются кадры. Они у нас будут! Мы их приобретем во время штурмовой ночи.

Печка гаснет. Ветер врывается в дыры над потолком. Работники культурно-воспитательного отдела с жаром разрабатывают детальный план штурмовой ночи.

Карельский ветер раскачивает сосны, врывается в щели управленческих стен. Инженеры кутаются, вздыхают, смотрят на счетные линейки. Смотрят на часы:

— До обеда еще три часа...

На трассе жгут костры. Дымятся котлы под хвойными навесами. Люди расшатывают деревья. Люди ругаются, с яростью дергая веревку.

СЛЕТ

— Товарищи-и-и... Что вы делаете?

Маленький человечек в ушанке головой отбивает такт.

— Больше дрожи, мандолины. Больше торжественной дрожи... Ведь это же «Интернационал», не «стаканчики граненые», дорогие товарищи.

Из палатки машут руками.

— Кончай репетицию. Сейчас начинаем.

Музыканты идут к палатке, проходят под сосновыми гирляндами, рассаживаются.

На веревках, спущенных с потолка, висит большой плакат. Тусклый свет фонарей делает видимыми для всех слова «Привет Первому». Вторая половина лозунга — «...слету ударников трассы ББВП» — остается в глубокой тени.

Палатка гудит напряженными человеческими голосами.

— Первый вселагерный слет ударников трассы Беломорско-балтийского водного пути объявляю открытым...

Мандолины, гитары, балалайки начинают «Интернационал». Человек в кожанке, объявивший открытие слета, берет под козырек.

Шум, встают люди. У всех обнаженные головы.

На помосте за столом президиума рядом с чекистом в шинели сидит в расстегнутом пиджаке бывший вор Валерьянов. Валерьянов смотрит на плакаты, на скамейки, наполненные притихшими уркаганами, на выходящих на помост говорящих людей и дрожит от волнения.

Говорит рыжий парень с рассеченной губой. Валерьянов хорошо знает рыжего парня — не одну квартиру очистил он вместе с Губатым. Но разве это Губатый?..

— Наш участок — сплошной камень. На два метра работаешь киркой и ломом. В палатке — снег на стенах... По два дня хлеба не получали. Но это нам не страшно. Нам дорого, что с нами как с людьми разговаривают и начальник пункта умывается снегом вместе с нами. Теперь пекарня готова — каждый день мягкий хлеб едим. И хлеб этот лучше ворованного пирожного, потому что он заработан честным трудом.

Губатого сменяет пожилой человек в потрепанном красноармейском шлеме:

— Привет ударному слету от коллектива «Перерождение»! В нашем коллективе почти все — бывшие токаря по хлебу, слесаря по карману. Приехали в эту трущобу — панихиду запели: пропадем на камнях. Но потом взялись за ум. Дорог наделали. Бараков настроили. Трудновато приходится, но ведь мы никогда не работали. Теперь и мы поработаем... По-ударному, чтобы никто не смел сказать про нас, что мы — паразиты.

На помосте старик из бригады землекопов:

— У нас на первом городке среди прорабов много бумажных душ — тратят зря народную силу. Котлован для овощехранилища вырыли на болоте. Пришлось новый рыть. В нашей бригаде все такие старички, как я, моложе сорока — нет. Выполняем сто двадцать процентов. Дали бы еще больше — инструмент плохой. Если все дружно возьмутся, канал до срока живо построим.

— Правильно, пахан! — летит со всех сторон. — Молодцы старички!

Прыжок с разгона. У стола на помосте щупленький, юркий паренек в надвинутой на глаза кепке.

— Я из РУРа притопал. И не жалею. Стыдно слушать, как лодырей кроют, но я лодырем больше не буду. Когда одни фраера втыкали — фартовым ребятам можно было бурой заниматься. А когда жулики пошли лопатами ворочать — только гадам место в РУРе. Объявляю себя ударником...

— И меня запишите...

Высокий парень в бушлате подходит к столу:

— Мы — бурильщики телекинских скал. Скалы у нас такие, что буры ломаются. Ничего — берем. Коллектив наш насквозь

шпанский — ничего в жизни тверже сахара не грызли. А теперь даем на диабазе больше метра на человека. Вот наше приложение к рапорту.

Высокий парень с грохотом кладет что-то на стол. Все с любопытством вытягивают шеи.

— Визитная карточка ударника, — говорит, улыбаясь, председатель, показывая слету плоский осколок диабаза с вкрапленными кристаллами золотого пирита. На осколке наклеена бумажка. На бумажке каракули:

«Никакие природные препятствия не сломят нашего упорства в борьбе за канал». К рапорту коллектива «Беломорский бурильщик».

Слет аплодирует. С мест кричат:

— Это и наша карточка!..

— И послать ее начальнику строительства — пусть будет коллективной распиской...

Новые и новые люди тянутся к столу. Многие не умеют говорить. Запинаются. Обрывают речи, смущенные и потные от напряжения. Это говорит трасса, это говорят участки работ замшелые, изрытые оспой начатых котлованов. Три десятка струн звучат огромным оркестром — в промерзшей палатке неслыханная акустика. «Летучие мыши» — так называют здесь фонари — сияют ярче парадных люстр, и в человеческом сознании проходят тысячи ударников трассы. Тысячи рук, загораживающих реки, останавливающих водопады, раздвигающих скалы, голосуют рождение канала и вместе с ним рождение человека.

ШТУРМОВАЯ НОЧЬ

На стеклянных дверях Управления появился плакат.

Тушью на оборотной стороне синьки:

«СЕГОДНЯ ШТУРМОВАЯ НОЧЬ

Лагерная общественность отчитывается в своей работе».

В лексиконе лагеря это было до сих пор совершенно незнакомое слово.

Здесь на проектировке сидели вредители. В финотделе — растратчики, в адмотделе — люди, осужденные за должностные преступления. А тут еще лагерная общественность, соцсоревнование среди каэров, воров и убийц. Оригинальная выдумка. Мир вывернули наизнанку.

Скептики пожимали плечами. Так хочет начальство. Что ж, скептики привыкли повиноваться.

И все же в тихую заводь лагерной жизни это объявление внесло большую тревогу и беспокойство.

С утра началась суета: по отделам заторопились и забегали.

Проектировщики подсчитывали форматки, в финотделе умножали и подытоживали. Запасливые помбухи прятали под столы подушки и одеяла. Предстояла бессонная ночь. Предстояло выступить не только с объяснениями работ, но и с конкретными планами на будущее. Для многих это был вопрос судьбы, вопрос существования на Медгоре, потому что намечалось сокращение штатов, и многим на неустроенные линейные участки ехать не хотелось. Линия была провинцией. Поэтому люди волновались и нервничали. Хотя знали, что проверять работу будут свои же ребята — лагерники сотрудники КВО.

В проходной комнате проектного отдела — тесно и накурено. Скамеек и стульев было мало, люди толпились в проходе.

Седоголовый Владимир Дмитриевич Журин коротко сказал о том, что строительство переходит в новую фазу, нужен пересмотр сил, переход на новые темпы.

— Вы рискуете проспать социализм. Вам надо втянуться в пятилетний план Союза. Мы обращаемся к вам, как к лагерной общественности, — сказал второй оратор. — Канал — это наше общее дело. Только совместно, общими усилиями мобилизовав науку и творческий опыт, мы можем победить карельские скалы.

Он наседал, критиковал, требовал обязательств. Обязательства давали охотно. Их вывешивали на стеклянных дверях Управления для общего сведения.

«Проектировщики обязуются досрочно окончить технический проект».

«Работники снабжения берут на себя обязательство работать сверхурочно по два часа в день».

Обязательства пестрели цифрами, обещаниями, договорными пунктами.

Так незаметно подошла новая жизнь. КВО взял на себя проверку обязательств.

Люди забывали о сне, о пище, о собственном существовании. Надо было спешно многое решить, обеспечить стройку рабсилой, жильем, разместить, показать, где рыть котлованы, достать техоборудование, а главное, скорее закончить проект.

Автобусы, идущие на Повенец и Водораздел, поезда, бегущие на север, увозили на трассу бригады первых ударников Управления.

ОН СТАЛ ДРУГИМ

Инженер Будасси воплощает собой в наиболее выразительной, доступной и вульгарной форме одну из характернейших черт полуазиатского российского капитализма — плутоватость. Но именно в наиболее вульгарной форме. Ибо та же самая

черта, только поднятая на известную принципиальную высоту, осложненная традицией, хорошим воспитанием и тонким вкусом, свойственна была значительной части российского дореволюционного инженерства. Эта осложненная форма весьма мало походила на первоначальную исходную свою форму. Человек брал взятку с таким видом и с таким чувством, словно ему за особые заслуги в области техники преподносили премию королевского Кембриджского университета. На долю инженера Будасси выпала печальная судьба: самым фактом своего существования послужить разоблачению этого роскошно орнаментированного плутовства. Одним из основных методов биологии является нахождение особей, организм которых в простейшей, зачаточной форме содержит все элементы, свойственные высокоразвитому представителю того же вида. В лице инженера Будасси мы видим российского инженера капиталистической эпохи, свободного от всяческих культурных напластований, от тонкого вкуса и деликатного характера, от сложной и путаной, словно готический храм или индийская пагода, идеологической надстройки.

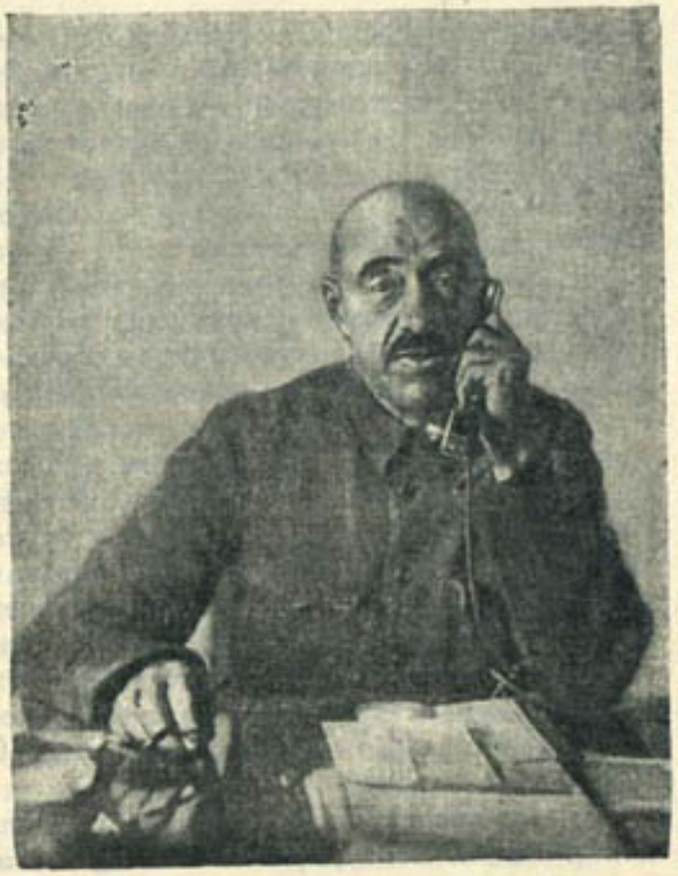
Какие причины побудили инженера Будасси вступить во вредительскую организацию? Разумеется, в конечном счете у всех вредителей была одна общая цель: свержение советской власти, возвращение капитализма. Но опять-таки — о других скажешь: этот исповедывал технократические взгляды, другой — автократические, третий — конституционно-демократические. У всех общий базис, но своя собственная более или менее оригинальная надстройка. А Будасси — тот просто-напросто имел в виду обрести своего эмигрировавшего за границу шурина-миллионера. Все его социальные реакции элементарны до чрезвычайности.

Присужденный к пяти годам концлагеря, инженер Будасси попадает на Беломорстрой. Отличный прораб и неутомимый работник, он вскоре становится начальником . . . участка.

«Ловкие ребята, — мечтательно думает он о чекистах, — слов нет — ловкие. Шутка ли — обвести вокруг пальца всю эту бесштанную шпану: как звери работают».

Он ничуть не сомневался, что чекисты взяли уголовных обманом. Ему еще только не до конца ясно, каким именно способом удалось им это выгодное дельце обтяпать. Склоняется он к тому, что основным приемом их так называемой воспитательной работы являются ложные обещания. Не надо думать, что этот низкий обман возбуждает в нем презрение к чекистам. Напротив, именно за это и уважает он их, удивляется им и главное — завидует.

Ни в какой социализм инженер Будасси, разумеется, не верит. Он убежден, что все эти социалистические разговоры ведутся только для приличия.

Инженер Будасси. Его участок — это 38 процентов работы всего Беломорстроя. Он не сразу поверил, но сделал

— Да и кто верит, голубчик, кто верит! — говорит он одному из своих коллег. — Разве какие-нибудь фанатики.

При всем своем скептицизме он допускает существование некоего н а с т о я щ е г о социализма. Прожженный подрядчик, он определяет для себя этот н а с т о я щ и й социализм терминами старомодными и трогательными. Он полагает, что это нечто идеальное и сентиментальное, вроде девичьего альбома для стихов. Что общего: суровый лагерный режим, гнидобойня, воры, бандиты, проститутки и девический альбом для стихов?

Его иной раз так и подмывает дать понять этим чекистам, что он, благодарение богу, также не дурак. Ему хочется хитро подмигнуть им, как бы говоря: мы-то с вами понимаем, что никакого социализма тут и в помине нет.

На Беломорстрое инженер Будасси прославился тем, что накрыл карельское правительство в пользу строительства на 10 000 рублей. Ему была поручена отгрузка диабаза, закупленного карельским правительством у Беломорстроя. Пароход может взять в один рейс 5 000 кубометров диабаза. Чтобы не взвешивать и не изменять груз при каждом рейсе, меру его определяют следующим весьма простым способом. Приняв груз в 5 000 кубометров диабаза, пароход, естественно, погружается в воду до

определенного уровня, который и отмечают на его борту красной чертой. В следующий рейс в измерении или взвешивании груза уже нет никакой нужды: пароход нагружают до тех пор, пока он не «сядет» в воду до отмеченной на борту черты.

Инженер Будасси, погрузив на пароход сначала 2 000 кубометроз, настлал поверх этого груза отлично пригнанный пол из досок. Затем он погрузил дополнительно еще 3 000 кубометров. Уровень воды у борта был отмечен чертой. При сдаче груза никаких недоразумений не произошло. Будасси преспокойно сгрузил лежавшие поверх 3 000 кубометров и отправился в обратный рейс. Приемщики, отлично знающие, как глубоко должно сидеть судно при той или иной погрузке, никаких подозрений не возымели и обмерить сгруженный диабаз не пожелали: судно сидело в воде как раз на том уровне, на каком и полагалось. Теперь инженеру Будасси для того, чтобы получить потребный уровень, надо было погрузить уже не 5 000 кубометров, а всего лишь 3 000. Так проделал он пять рейсов, увозя каждый раз обратно неизменную свою поклажу в 2 000 кубометров. За эти пять рейсов он накрыл карельское правительство таким образом на 10 000 кубометров диабаза.

Будасси не усматривал ничего преступного в этой своей проделке. «Если конкурировали между собой капиталисты, — рассуждал он, — почему не делать того же и социалистам. Торговля есть торговля, как там ни мудри». Когда на него находили сомнения, как бы не пришлось ему ответить за свою проделку, он говорил себе: «Ерунда, пока мир будет стоять, люди будут надувать друг друга». А на худой конец решил: лагерные-то социалисты в этом деле кровно заинтересованы. В случае чего — они за него горой встанут.

Хитрую его проделку случайно открыл присутствовавший как-то на погрузке его непосредственный начальник, чекист Афанасьев. А может быть и не случайно. Афанасьев знал инженера Будасси достаточно хорошо, чтобы допустить с его стороны возможность столь фантастической в советских учреждениях проделки.

Лагерные социалисты за инженера Будасси горой не встали. Он получил жестокий нагоняй, после которого возымел еще более уважения к чекистам. Но некоторое недоумение от всей этой истории у него все же осталось.

Конечно Будасси пострадал бы за свою мошенническую проделку значительно серьезнее, если бы, с одной стороны, не глубокий комизм его поступка, а с другой — не его отличные качества как работника.

Попытка его услужить новому хозяину в столь очаровательно наивной форме стала предметом толков на всем Беломорстрое и создала Будасси немалую популярность. Кто бы мог подумать, что этот пожилой человек тотчас же после постигшего его тяжелого жизненного испытания в серьезной, трудовой, суровой обстановке лагерной жизни способен к этакому грациозно-непринужденному плутовству?

Во всем этом деле есть еще одна сторона. Как ни парадоксально звучит подобное утверждение, но можно с некоторым вероятием предположить, что мошеннический поступок инженера Будасси является до какой-то степени свидетельством психологической перестройки: впервые в жизни сплутовал он совершенно бескорыстно. Не только денег — даже славы не могла принести ему эта проделка, вся операция была произведена им в глубочайшей тайне.

Вместе с тем, как сказано, инженер Будасси — превосходный работник. Мало того — жадный, страстный, исступленный работник. За хорошую работу ему разрешено было привезти в Повенец семью. Семью он привез, но сам в Повенце жить отказался: боялся, что это отразится на его работе. Сейчас, когда он на свободе, из-за него идет спор между ведомствами: кому достанется инженер Будасси. Есть у него как у работника один недостаток. Он — кубатурщик, любит выгонять «кубы», иной раз даже в ущерб качеству работы. Но в основном, надо сказать, с тяжелой своей, ответственной работой на Беломорстрое инженер Будасси справился отлично.

Было бы неправильно трактовать инженера Будасси как человека неумного и выводить из этого все его воззрения и поступки. Будасси субъективно отнюдь не глупый человек. Мораль не в этом. Будасси был из тех социальных особей, которые в простейшей, зачаточной форме содержат все элементы, свойственные и высокоразвитому представителю того же социального вида. Способ мышления Будасси и — в прошлом — «плутовской» его характер — явления несомненно социального порядка. Инженерская среда капиталистической эпохи, в которой Будасси жил и работал, полностью несет за него ответственность.

В 1933 году Будасси за энергичную работу на строительстве был досрочно освобожден от наказания. Научила ли его чему-нибудь та серьезная двадцатимесячная школа социалистического труда, которую ему посчастливилось пройти?

Опыт беломорстроевской работы не прошел для него даром. Он освободился от недостатков, привитых ему той растленной социальной средой, в которой он жил и работал значительную часть своей жизни. Достоинства же его, напротив, в условиях социалистического труда развились, изменив характер его работы и многие из его личных свойств.

У ПОРОГА ПОВЕНЧАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЫ

Говорят, что один великий путешественник, который благополучно проехал через ледяной Гудзонов залив и через огненную пустыню Сахару, погиб в русском уездном городе, провалившись через деревянные мостки над канавой: плохо прибитая доска поднялась под ногой, человек провалился, а доска закрылась опять, как западня.

Тротуары, если их можно так назвать, города Повенца несомненно смертельны.

Вдоль тротуаров стоят покрашенные в серую отсыревшую краску скучные деревянные, редко с нижним каменным этажом, дома. Город скучный, тихий, туман около него. Мимо города — только река Повенчанка. У города — пристань и за ней до горизонта такая широкая синь, что кажется: там море.

История Повенца небольшая, хотя город старый. Рассказывают, что при Петре Первом жил здесь воевода, который, говорят, не грабил. Повенец — место глухое, место ссыльное.

Сюда был царским правительством сослан в ссылку Михаил Иванович Калинин. Край этот называли забвенным. Сюда ссылали людей на забвение.

Мостовых на улицах нет и между тротуарами — черная грязь. По тротуарам ходят козы. В Мурманском крае коз значительно больше, чем коров.

В этот тихий городок и прибыли по дальней лесной дороге от Медвежки эшелоны. Штаб участка после долгих споров расположился во втором этаже дома бывшей городской управы. У входа проложили срубленные ветки ели, чтобы было обо что вытирать ноги.

За дверью инженер Будасси, темнолицый человек в плисовых штанах, в тонком поясе, набок одетом, ласково улыбаясь, рассказывал начальнику участка тов. Успенскому, что такое Повенчанская лестница.

Успенский слушал внимательно.

Нужно было понять дело настолько отчетливо, чтобы потом рассказать всем и чтобы они поняли, потому что с человека только тогда можно спрашивать работу, когда он ее понимает.

Получилось так: Повенец лежит при впадении р. Повенчанки в губу Онежского озера. Повенчанка падает довольно круто — 70 метров на 12 километров протяжения.

Онежское озеро на 32 метра выше уровня моря, а Водораздел выше на 102 метра. Вот нужно сделать так, чтобы пароходы могли подняться на 70 метров в гору. Как заставить пароход или баржу подняться в гору? На Водораздел между Белым и Балтийским морями?

Лестница повенчанских шлюзов

Встарину, когда по рекам ходили небольшие лодки, дело было просто: лодку протаскивали волоком, потом опять опускали в море.

Память о таких волоках осталась в названиях: Волоколамск, Вышний Волочек.

Волоком тащил Петр фрегаты из Белого в Балтийское море.

Это не было создание водяного пути. Просто Петр утаскивал из Белого моря флот на новое место — в Балтийское.

Он утаскивал корабли так, как при переезде с квартиры на квартиру везут мебель. Белое море и его порты забил Петр, как досками забивают брошенный дом, законами и запрещениями.

Большой корабль или пароход можно тащить волоком только при петровских условиях — при дешевых людях. Как нам сейчас поднять пароход на гору?

Нужно построить на гору лестницу, но только водяную.

На Повенчанской лестнице, которой начинается путь с Онежского озера на Белое море, семь ступеней шлюзов.

Повенчанский участок начинается подходным каналом из Онежского озера.

Канал подведет к первому шлюзу, который расположен почти на берегу озера. Этот шлюз будет иметь две камеры. Затем путь пересечет небольшой клин торфяного болота с восточной стороны и снова уйдет в разнозернистые пески с галькой и валуном, из которых сложен повенчанский склон.

Далее, непосредственно один за другим, будут расположены двухкамерные шлюзы: второй, третий, четвертый, пятый, с напорами от 10,95 до 11,5 метра. Между шлюзами — пятым и шестым — водный путь пройдет в расширение реки Повенчанки, имеющее характер озера.

Шлюз седьмой заканчивает Повенчанскую лестницу.

Он будет однокамерным, с напором до 6,65 метра.

Шлюзы шестой и седьмой основаны на твердой скале.

Остальные имеют основание на мягком грунте, причем третий и пятый шлюзы стоят на плывуне. Будут здесь большие неприятности.

Старое русло Повенчанки закроем глухой земляной плотиной.

Она образует подпор озера Воло до отметки 102 метра.

Как будут работать шлюзы?

Войдет пароход в первый шлюз, за ним закроются ворота.

В нижнюю камеру шлюза спускают воду не через ворота, потому что поток воды повредил бы пароходу, а через изогнутые галлереи, в которых гасится, как говорится, сила падения воды.

Эти галлереи или вырублены в скале, как будет на шестом и седьмом шлюзах, или сделаны из бетона.

Вода прибывает. Пароход всплывает на ней. Перед этой камерой шлюза будет другая. В ней вода стоит выше. Когда уровень воды в первой и второй камерах сравняется, то открываются ворота шлюза, и пароход пойдет во вторую камеру. Закроют ворота, и вода во второй камере начинает прибывать.

Она прибывает снизу. Пароход поднимается, и перед ним открытые ворота. За ними — канал. По каналу пароход пойдет ко второму шлюзу.

Он входит в камеру второго шлюза, ворота за ним закрываются, начинает прибывать вода.

Так водяными ступенями поднимается пароход к Водоразделу.

Здесь весь вопрос в том, что на шлюзование нужно довольно много воды. Именно для того, чтобы уменьшить расход воды, и сделаны двухкамерными шлюзы, а не однокамерными, потому что объем воды, помещающейся в этой камере (то, что называется сливной призмой), при двухкамерном шлюзе в два раза меньше, чем при однокамерном.

Вот только неизвестно, из чего мы будем делать ворота? Откуда взять столько материала?

БОЙ С КУНГУРЦАМИ

«И стыдно и больно вспоминать прошлое...

Я был кулаком. Имел крупное хозяйство. Меня раскулачили, и во мне закипела глухая, звериная злоба на власть. Глубоко запала, запала мысль:

— Отомстить!

И вот я решился. Я взял берданку, выбрал ночь потемней и...

За убийство представителя власти я был осужден на десять лет заключения. Меня привезли на Беломорстрой.

Буду говорить откровенно: приехал я сюда настоящим врагом советской власти. Я считал, что она, разоряя таких, как я, т. е. кулаков, разоряет крестьянство и всю страну.

Ничего хорошего я впереди не видел...»

Именно так, этими самыми словами, начал он впоследствии рассказ о себе в газете «Перековка».

Грубые, прямые слова.

Сколько же нужно было пережить, перечувствовать, передумать для того, чтобы наконец, поняв, найти в себе мужество потом произнести эти слова вслух, всенародно!

Кто такой этот человек? Как его имя, фамилия?

Их было много таких, как он, бывших кулаков.

Эти места увидел он впервые в жизни и ужаснулся. Они показались ему суровыми и страшными.

Впéреди десять лет, срок немыслимый для воображения.

«Вот я и на каторге», подумал он.

Однако в лесу топилась обыкновенная, рубленая баня. Набухшая дверь визжала на блоке и хлопала мягко, почти бесшумно, как ватная.

Из трубы валил дым, из двери — пар.

Охваченная дымом и паром, ладно обледеневшая, вся в сосульках и в инее, баня мягко, зеркально отражала розовую вечернюю зарю.

Меж высоких карельских сосен, на сорокаградусном морозе, сушилось множество выстиранного белья.

Три женщины в ватных стеганых мужских кацавейках и белоснежных платках проворно сдирали с веревок залубеневшие рубахи и бросали в снег. Рубахи не падали. Они стояли, расставив рукава, как гипсовые.

Из саней выгружали обмундирование — кацавейки, штаны, варежки, боты, валенки.

Связки одежды летели в хлористый снег.

Этап пропустили в баню.

В числе прочих он разделся и вступил в горячий пар.

Здесь было много разного народа.

Голые бурята сидели на мокром полу бани. Пользуясь обилием кипятка, они, не торопясь, пили чай. Они не вполне понимали смысл бани. Она представлялась им чем-то вроде чайной.

В баню он вошел мужиком. Из бани вышел лагерником. В казенном белье и в казенном обмундировании, сильно и чуждо пахнущем дезинфекцией, он почувствовал себя совсем худо, бесприютно.

Наступила ночь.

В глубине лагеря над какими-то воротами горела красная бумажная звезда. Из замерзших окон на расчищенный снег падали полосы света.

Над просекой лагеря стояло крепкое дыхание езды и ходьбы. Под сапогами и чунями визжал снег.

Мимо прошли какие-то двое с лопатами на плечах.

— Слыхать, кунгурцы пришли, — сказал один из них негромко, — ничего не знаешь?

— Кунгурцы? — испуганно спросил другой и опустил лопату.

— Кунгурцы, — со вздохом подтвердил первый. — Факт, кунгурцы.

Они тягостно замолчали.

Где-то с визгом оторвалась, отлипла дверь. Вместе с паром на мороз вырвался басовитый перебор гармоники. Дверь глухо захлопнулась.

Тишина.

Пахло щами и печеным хлебом.

Он вошел в барак.

Так зимней ночью на полустанке, тяжело дыша, входит с вещами человек в вагон дальнего следования.

Вагон живет налаженной, установившейся вагонной жизнью. Люди давно перезнакомились, приглядались друг к другу. Уже все известно. Известно, кто куда едет, зачем едет, по какому делу. Известно, кто что везет, у кого какое место.

Люди ходят друг к другу в гости, пьют чай, играют в шашки, рассказывают анекдоты, поют песни.

Густой человеческий дух, теплый и неподвижный, стоит в обжитом вагоне.

Новый пассажир входит, впуская морозную струю воздуха, и останавливается в проходе, отыскивая свободное место. На него никто не обращает внимания; вернее, все делают вид, что не обращают внимания, а на самом деле искоса поглядывают на него, оценивают, продолжая свое времяпрепровождение.

Он вошел в барак, как новый пассажир, с чувством неловкости и одиночества.

Барак напоминал вагон.

Нары были расположены в нем, как в вагоне, одна над другой по четыре, две и две, и длинный проход, коридор, как в вагоне.

Люди сидели и лежали на койках.

Но были столики, табуретки. Топилась печь. Железная труба, вся осыпанная искрами, дышала темным, малиновым жаром. В углу стоял веник. Дымились валенки, разложенные возле печки. Кое-где на дощатых стенах — бумажки, картинки, открытки.

Старичок-дневальный указал ему место и равнодушно отошел к двери, где у него была целая мастерская — молоток, гвозди, в баночках краска, фанера, клей, кожа. Он делал фанерные чемоданы.

Желтые фанерные чемоданы и баулы виднелись под многими койками. Видать, старичок недурно поторговывал.

Новичок сложил свои вещи на койку и, не спуская с них глаз, чтобы, не дай бог, не сперли, поклонился обществу.

— Добрый вечер, граждане.

Как видно, «граждане» не особенно понравилось обществу.

— Здорово, — ответил кто-то неохотно.

И общество продолжало свой разговор.

Новичок стал прислушиваться.

— Сто двадцать, — сказал со вздохом молодой щербатый парень, до такой степени распаренный печкой, что казалось вот-вот его красное круглое лицо потечет, как масло, на фуфайку.

— Кто? — спросил сумрачный дед с черной, пористой, как бы пробковой шеей.

— Я.

— Ты? — дед ядовито прищурился.

— Ага. Сто двадцать. Ей-богу.

— Когда это было? Не заметил.

— Было.

— Туфта! — закричали вокруг.

— Факт. Люди могут подтвердить. Сто двадцать.

— Туфта! — небрежно заметил дед.

Парень кривился, чуть не плакал.

— Туфта! Туфта! — кричали вокруг.

Новичок подошел поближе.

«Ишь ты, — подумал он, — в «туфту» играют. Интересно».

Едва он приблизился к печке, как на него обернулось сразу несколько человек. Долго смотрели, подозрительно и грозно щурясь.

— Ты кто такой? Кунгурец?

Новичок испугался.

— Нет, зачем. Из-под Херсона.

Люди засмеялись.

— Он новый, с этапа, — отозвался из угла дневальный, вынимая изо рта гвоздик и аккуратно приколачивая кусочек кожи.

— А! — равнодушно сказали игроки и продолжали свое дело.

— Сто двадцать! — жалобно закричал парень.

— Загибаешь.

— Ну, сто двенадцать!

— Туфта!

— Сколько же, если не сто двенадцать?

— Не больше чем девяносто.

— А! Девяносто?

Парень стал багровый.

— Сто двенадцать самое меньшее! — крикнул он в азарте хлопая тяжелой рукой по столику.

— Туфта! — захохотали вокруг. — Туфта! Туфта!

Новичок помялся и, выждав минуту, сказал:

— Я извиняюсь, это что за игра такая: туфта?

По крайней мере минуту все молчали в странном напряженном оцепенении, глядя на него немигающими глазами. И вдруг это молчание рухнуло. Люди повалились друг на друга, колотили ногами в пол, кашляли, задыхались, катались по койкам.

От хохота тряслась труба, с трубы сыпались искры.

— Туфта! Ах, туфта... Игра туфта... Вот так херсонец нашелся на нашу голову. В туфту его мать!..

Новичок постоял, помялся и обиженно отошел

— Завтра в туфту сыграем! — задыхаясь, крикнул ему вслед парень в фуфайке и снова повалился мокрой головой на столик, колотя в пол чунями.

Вдруг дверь с треском распахнулась, и в барак валкой, легкой кошачьей походкой, быстро вошел черный, как жук, мохнатый, востроглазый человечек в заиндевевшей ушанке

— Дети, ша! — сказал он.

И все смолкло

— Ша, дети. Имеем шанс. Ходил до них.

— До кого?

— До кунгурцев. В шестой барак. Менял табак на сахар. Целый час у них валял дурака. Плюньте мне в глаза. Нашел землячка у них.

Он передохнул, сделал паузу и шопотом, оглядываясь по сторонам, как заговорщик, сказал:

— У них лопаты глубокие. Факт.

— Вот сук-кины дети! Придумали!

— Определенный факт. Подоставали себе откуда-то глубокие лопаты и кроют почем зря. По сто шестьдесят выколачиваю.

Востроглазый еще раз оглянулся по сторонам и стал шептать что-то жарко и неразборчиво. Потом все загалдели. До новичка доносились слова:

— Двести десять!

— Туфта!

— Лопаты...

— Намажем...

— Они намажут...

— Мы насыпем...

— Туфта! Ну, это мы еще поглядим!

Убрать скалу — здесь будет шлюз!

«Туфта... Лопаты... — с недоумением подумал новичок, ложась осторожно на жесткую койку. — Кунгурцы».

Входили и выходили люди. Шумели.

Новичок забылся.

Ему привиделся низкий оранжевый месяц над стеной, холодная роса на арбузных корках и старуха-мать, бредущая в подоткнутой паневе шаровать мочалкой и золой казаны после ужина.

Во дворе покрывались сиреневым пеплом какие-то уголки...

Он открыл глаза.

В бараке уже все спали. Красный свет от печи ходил по красному полотнищу знамени в темном углу барака.

Против него на койке лежал человек. Он не спал. Он вдруг сел и уставился на новичка небольшими, глянцевитыми глазками. В них красно и выпукло отражался крошечный свет печечки.

Спросил:

— Давно с воли?

— Седьмой месяц.

— Что там слышно?

— Разоряют.

Сосед усмехнулся и снова лег. Усмешка его показалась непонятной, встревожила. Сосед снова вскочил, сел, задрал колени к подбородку. Некоторое время смотрел, не мигая.

Потом:

— По какой статье?

— Пятьдесят восьмая. А вы?

— То же самое. За колоски. Что там слышно на воле, я спрашиваю, говорят, множество понастроили, не видал по дороге?

— Понастроили, как же...

Он зло и угрюмо сощурился.

— Такого понастроили, что крестьянству деваться некуда...

— Все же ты проезжал мимо, неужто так-таки ничего и нету, неужто все врут?

— Я не заметил. Может кое-что и есть. Кто его знает. Я не заметил.

— В газете постоянно пишут.

— Не понимаю я, какая может быть газета. Я ее не читаю.

Пустяковый разговор.

Сосед задумался, снова усмехнулся и вдруг близко наклонился к нему и таинственно зашептал:

— Глянь-ка на того, который возле знамени лежит... Здоровый... Ты глянь...

— Ну?

— Заметь себе, — еще тише прошептал он, — это поп, священник.

Священник лежал раскинувшись, без усов и без бороды, и богатырский храп подымал и опускал его высокую, обширную, как ящик, грудь.

— Священник? — не веря своим глазам, спросил новый.

— Священник... Служитель культа... Факт... Тоже по пятьдесят восьмой...

— Гос-с-поди!

— Сто пятьдесят процентов вырабатывает батюшка, — с тихим уважением сказал сосед.

Новый тяжело вздохнул и закрыл голову овчиной, чтобы не видеть. Он заснул. Во сне гремела какая-то музыка, открывались и запирались двери. Входил и выходил воздух. Входил холодный, уходил теплый. По ногам бежал сквознячок. Ходили люди, грубо стуча по полу большой обувью.

Снились какие-то дикие кунгурцы. Разбойники. Они неслись во весь опор на взмыленных лошадях, и стреляли в воздух: «Туфта! Туфта! Туфта, твою мать!»

В окнах стояла зеленая, зеркальная от луны ночь.

Первая ночь в лагере.

— Эй, вставай, подымайся!

Затопали по бараку, завозились. Закашлялись.

По часам — утро, шесть часов. По виду — ночь. В окнах — черным-черно.

Радио кричало хрипло и оглушительно громко, так громко, что в ушах трещало и лопалось:

— Вставай! Подымайся! Через десять минут все на улицу! Кунгурцы нас вызывают на кубатуру. Кунгурцы клянутся обставить нас. Вставай! Подымайся!

— Вставай! Подымайся, рабочий народ, — кричал востроглазый. Он уже был в заиндевелом треухе. Видать, успел уже куда-то сбегать.

Чиркнула возле печки спичка.

Пили, обжигаясь, чай.

— Ух, братцы, моро-о-оз!

— Вставай! Подымайся! Выходи-и-и!

Новый торопливо вскочил. Трещали доски барака. Доски барака лопались от мороза.

Новый съежился.

Торопливо и бестолково стал он одеваться; намотал на себя все, что было. Рубаху, поверх рубахи еще рубаху, жилет, потом фуфайку, потом гимнастерку, потом стеганую ватную кацавейку, а поверх всего — еще овчинный тулуп, теплый, ладный домашний тулуп. (Как горько и сильно пахло от него салом и домом!)

Вышел во двор закутанный, как баба. Стоял в темноте среди других — тумба-тумбой; рук не мог поднять; пошатывался.

Из барака со знаменем под мышкой проворно выбрался бочком востроглазый в треухе. Раскручивал на ходу знамя.

— Все идут?

— Все.

— Ша, детишки! Одним словом, два слова...

Он, как видно, хотел произнести речь. Но заметил нового.

— Ты что, папаша, замерз?

— Пока нет.

— Что умеешь, сказывай.

Новый замялся, не понял. Востроглазый нетерпеливо постучал по снегу ботами.

— Ну, быстро-быстро. Чего умеешь? Лопатой умеешь?

— Могу лопатой, — с достоинством сказал новый. — У нас в крестьянском деле всякий инструмент годен. Могу лопатой, могу еще чем.

— Ладно, верю. Станешь с лопатой. Держи, — сунул в руку лопату, — там видно будет. — И уже во весь голос, визгливо: — Детишки, ребятишки, левое плечо вперед, правое назад, головки выше-е-е!!!

Двинулись черной массой, в потемках, шаркая и визжа по снегу чунями, ботами, сапогами, валенками.

Кто-то пробежал мимо с электрическим фонариком.

Шли лесом. Сыпался с высоких веток иней. С легким треском падали легкие, сухие веточки. Человечий голос звучал резко. Шли темной колонной. Впереди моталось развернутое знамя.

Вдруг сзади грянула песня.

— Кунгурцы!

— А ну, ребятишки, откроем ротики? Ать-два!

И две песни шумно ударили по лесу. Шли две песни. Песня догоняла песню. Песня отставала от песни. Песни смешивались в шарканье, визге и криках.

— Здорово, кунгурцы!

— Здорово.

— Даешь двести?

— Даем двести!

— Держи карман!

— Даем двести пятьдесят!

— Кунгурцы!

— Туфта!

— Фта! Фта! Фта! — летело по лесу, считая стволы, и падало где-то замертво, как замерзшая на лету птица.

На месте делянок, очищенных от снега, уже жгли костры: согревали землю. Костры были длинные. Трещал валежник, белый дым валил от можжевельника. Белый дым полз по снегу и наталкивался на людей, полз по одежде вверх и ел глаза, горчил.

Костры жгли всю ночь.

Кунгурцы этого не сообразили. Свои костры они стали зажигать только что. Сосед подошел к новенькому и, топая по снегу валенками, сказал, показывая на опушку леса, на скалы, на снежную гладь замерзшего озера, на сосны:

— Здесь пойдут пароходы.

— Здесь? Пароходы? Это как сказать.

Но долго думать не пришлось.

— Эй, ребятишки, детишки, сиротки! По лопа-а-атам!

Начали, пошли.

Ударили в землю лопаты. Земля сверху от костра мягкая, а поглубже — как камень. Посыпались искры.

Он работал лопатой. Он всаживал ее в землю, наддавал ногой, крякал.

Сотни лопат подымались и опускались слева и справа от него.

Он копал, не переставая следить за соседями. Он следил за ними исподволь, сам того не желая. Он не столько *видел*, сколько *чувствовал* их.

Сначала все работали в одежде. Потом одна за другой стали

вылетать из шеренги разные вещи. Они вылетали и падали на снег. Тулупы, ватники, кацавейки, пальто, шарфы.

Народ раскалялся.

Его удивляло, что работали они слишком шибко, слишком «на совесть».

«На чорта мне такая горячка сдалась, — думал он, вытирая толстым рукавом тулупа пот с бровей. — Очень нужно!»

И сам старался работать полегче, чтобы не слишком изработаться. Впереди — десять лет. Надо себя беречь. А то не дотянешь до воли, издохнешь раньше срока. Да и работать, собственно, на кого? На врагов своих?

Он работал и видел свою бригаду, растянувшуюся поперек балки. Он видел своих и видел немного подальше кунгурцев.

Цепи людей чернели на снегу. И было это похоже на две роты, спешно окапывающиеся на новых позициях. Совсем, как на фронте. Тем более, что слышались взрывы.

Невдалеке рвали скалы.

Было видно, как поднимались снежные фонтаны. Летели осколки, бежали и падали люди, подымалось малиновое солнце.

Его вертлявый ночной сосед стоял рядом с ним. Уже он сбросил с себя все до фуфайки. Засучил рукава. Так и садил. Длинные усы обвисли по сторонам острого, голубого, хорошо побритого подбородочка.

Священник, громадный, плечистый, оказался в одной рубахе. Ворот ее был расстегнут. Виднелась грудь, мокрая и розовая, как ветчина. Он творил чудеса. Искры сыпались из-под его лопаты. Соседи оглядывались на него с суеверным ужасом.

Даже прибегал один «кунгурец».

Он прибежал как бы по какому-то делу, но на минутку задержался около священника, постоял с открытым ртом, потом плюнул и рысью побежал обратно к своим — рассказывать.

Новому стало жарко, но тулупа скидывать не хотелось. «Очень нужно!»

В двенадцать часов маленько передохнули. В первый раз за все время закурили. Плыло красное солнце.

Люди разбились на кучки. У каждого была своя компания.

У него еще не было.

Надо было искать. И он стал прикидывать, с кем бы ему посидеть. Выбрать нужно было человека почтенного, чтобы себя не уронить и остаться даже и в беде на положении подходящего уровня.

Священник с воспламененным лицом лежал, раскинувшись под сосной, прямо на снегу и с наслаждением курил козью ножку. Лопата и рукавицы небрежно валялись возле него как ненужные доспехи.

Он подошел к священнику, скинул шапку, не то от почтения,

не то от жары, и сказал, как и подобало в таком случае, при начале прилично-горестного разговора с лицом духовного звания.

— Такие-то дела, батюшка.. Гляжу я на вас... батюшка...

— Иди ты, знаешь куда...— сказал батюшка тяжелым голосом и прибавил весьма извилистое окончание.

Он чуть не сел в снег.

— Я извиняюсь... Вот так священник, лицо духовного звания и служитель культа.

А служитель культа смотрел на него с томным отвращением. Ему надоело до чортиков повторять каждому, всякому свою историю.

А история его была такая.

Был сперва священник не священник, а прапорщик военного времени как выгнанный из шестого класса духовного училища. Затем угораздило его в белую армию. Таким образом образовалось в биографии темное пятно белого происхождения. При советской власти начал служить конторщиком. Его вышибли.

«Тогда,— рассказывал он следователю,— ничего мне не оставалось, как искать другого места. Раз на государственную службу не берут, пойду служить на частную. А без службы человек существовать не может. Пошел служить в священники. И запутался с кулаками и бабами. Так мне и надо. Хорошо еще, что не шлепнули. Вот, извините, побрился».

Он отошел от священника и подошел к другому своему соседу по нарам, вертлявому.

Вертлявый стоял, прислонясь к стене, всматривался в лес.

Он подошел к вертлявому и, подмигивая на попа, с огорчением заметил:

— До чего священнослужителя довели, до какого светского состояния? А?

Вертлявый зевнул и опять усмехнулся. Но ничего не сказал. И опять невозможно было понять его загадочной усмешки.

Тем временем из лесу выехала повозка, прикрытая брезентом. Ее тотчас окружила толпа. Человек с листом бумаги в руках открыл брезент и стал выкликать фамилии.

Под брезентом в ящике дымились пирожки.

— Вот как! Это что же,— сказал он вертлявому с беспокойством,— это что же? Интересная каптерка... Пирожки дают.

— Не всем,— сказал озабоченно вертлявый,— только тем, у кого повышение нормы.

Тут вызвали вертлявого, он лихо протиснулся к повозке и вскоре вернулся с сильно раздутыми щеками, вылупленными глазами и вкусно прыгающим кадыком. Один пирожок он держал перед собой и ел его пока что глазами.

Рубка ряжей на стапелях

— Мм... м...— сказал общительно вертлявый и показал головой на священника.

Святой отец запихивал в свою бездонную глотку второй пирожок.

— С картошкой!..— отдышавшись, отрывисто бросил вертлявый.— А бывает и с капустой...

И отошел.

«Так,— подумал новичок.— Если норма, так уж норма...»

И, проглотив слюну, он пошел к лопате. Постоял и начал стаскивать тяжелый тулуп.

В четыре привезли в походной кухне с высокой трубой обед.

Суп, кашу, хлеб.

И снова некоторые получили 800 граммов, некоторые кило, а некоторые — кило четыреста.

Служитель культа, разумеется,— кило четыреста.

Выдавали хлеб по списку.

Нового в списке не было.

Когда он подошел за пайком, без тулупа и без стеганой ватной кацавейки, в одной гимнастерке, красный и потный, бригадир — востроглазый в треухе — осмотрел его с ног до головы, как бы тщательно оценивая, и сказал наконец раздатчику:

— Этому дай кило. Он может работать. Под нашу ответственность.

И потом, снова обратясь к новому, спросил нежно:

— Ты что, папаша, никак замерз?

— Куды там!— ответил сумрачно новый,— запарился!

«Так-с, — подумал он, — так-с. Вроде как жить на этой каторге еще все-таки кое-как можно».

Кое-что стало проясняться.

Было темно. Возвращались лесом.

Две песни шли лесом, обгоняя друг друга.

— Эй, вы, кунгурцы!

— Эй, вы, семушкинцы!

— Ну, что?

— Ну, кто?

— Сколько вы?

— А сколько вы?

— Подсчитывают!

— И у нас подсчитывают!

— У нас вроде как двести!

— Туфта!

И опять по темному лесу считало деревья: «фта-фта-фта»

Ночью в бараке кричало, лопаясь в ушах радио:

— Бригада Семушкина побила кунгурцев. Кунгурцы дали 160 процентов, а бригада Семушкина 210! Ура! Ура! Ура!

Новичок засыпал.

Засыпая, он видел своего вола. Его сводили со двора. Раскулачивали. Белый вол идет, не торопясь, поматываясь и вертя упругим хвостом с метелкой. Вдруг остановился и обернулся. Смотрит. У него розовая морда, крупные белые ресницы и синие живые глаза, движущиеся и выпуклые, громадные, словно они глядят через зажигательные стекла.

КАНАЛОАРМЕЙЦЫ

...Двадцать третьего марта 1932 года в восемь часов утра легковой автомобиль выехал из Медвежки в Повенец.

Автомобиль проехал мимо механической базы, мимо прачечных, ларьков, мастерских и бань, мимо склада технического снабжения. Склад был завален товарами.

Из клуба вышел лагерник. Он нес в руках свернутые в трубочку плакаты.

Деревянного настила не было. Дорога была чиста, как ленинградская панель.

В автомобиле сидели Микоян и начальник Беломорстроя Коган.

Мужики, похожие на дворников, подметали дорогу. Их никто не охранял.

Микоян знал, что мужики эти, похожие на дворников, — заключенные. Но ему все же хотелось остановить машину и спросить их, действительно ли они лагерники.

Машина подъехала к котловану будущего шлюза № 3.

Вот как в письме в ОГПУ рассказывал Коган о том, что они увидели:

«Две тысячи людей, одинаково и хорошо одетых, копошатся в гигантском котловане. Тысячи рук, взметываясь, подбрасывают в тачки грунт.

Сотни тачек беспрерывным потоком движутся по эстакаде и катальным доскам из котлована и в котлован.

День ярко солнечный. Народ здоровый, бодрый, веселый. Мы стояли несколько минут на этой площадке.

И казалось, нет человека, который хоть на мгновение остановился бы.

Мы прошли котлован и осмотрели рубку ряжей.

Все опрошенные плотники научились своему делу на канале...»

Здесь Коган упустил небольшую деталь.

Над ряжем, похожим на сруб избы, развевалось красное знамя. Первое знамя бригады, побившей рекорд в соревновании. Бригадиром ее был бритоголовый — знакомый Когана.

«...Прошли во второй шлюз. Там забивали ряжи. Работал паровой копер. Рядом работали десятки топчаков нашего изобретения. Огромное широкое колесо вращалось от того, что внутри его бегали люди».

Ночью Коган сидел у Микояна в вагоне. В окна вагона заглядывали смазчики. Это были тоже заключенные. До отхода поезда осталось пятнадцать минут.

— Дайте мне сводку о состоянии работ на Беломорстрое, — попросил Микоян. — В двух экземплярах, один — лично Сталину.

Коган дал сводку.

— На какое это число? — справился Микоян.

— На сегодняшнее.

Микоян удивленно посмотрел на него: — Уже на сегодняшнее?

Коган долго не решался: попросить или нет у Микояна визу на посылаемую в Наркомснаб заявку по товарам ширпотреба

И вдруг, неожиданно для самого себя, сказал:

— Товарищ Микоян, как их называть? Сказать «товарищ» — еще не время. Заключенный — обидно. Лагерник — бесцветно. Вот я придумал слово — «каналоармеец». Как вы смотрите?

— Что ж, это правильно. Они у вас каналоармейцы, — согласился Микоян.

ИНЖЕНЕР АНАНЬЕВ

Работа на Беломорстрое была странной работой для инженера Ананьева. Работа без перспективы, без надежды на концессию. Здесь не было даже самого обыкновенного жалованья.

И спутано было все, даже инженерская иерархия. Он должен был работать наравне с мальчишками, даже не из Технологического института, а из каких-то технических вузов. Ну что в том, что они тоже арестованные, когда у них такой маленький стаж?

Инженер Ананьев в этих условиях работать не хотел. Он умел хорошо разговаривать, хорошо рассказывать, и рассказы инженера Ананьева в бараках были еще интереснее, чем в книге. «Не будем торопиться, — говорил он, — видите вы, как эти бараки похожи на плохой железнодорожный вагон? Вот и будем ехать в этих вагонах через срок».

Разговоры инженера Ананьева были интересны, и была у инженера Ананьева группа, которая вместе с ним собиралась не работать или работать плохо.

Кто же этот инженер Ананьев, прибывший сюда в зеленом вагоне с решетчатыми окнами? Почему он такой настойчивый, такой самоуверенный? Прежде он ездил в других вагонах.

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели,
Молчали желтые и синие,
В зеленых — плакали и пели.

Это были особенные, густо синего тона вагоны, салон-вагоны с зеркальными стеклами и кремовыми занавесками на окнах.

В зеркально-синем лаке отражалась начисто выметенная и обрызганная водой платформа и начищенный до золотого сияния станционный колокол.

Иногда на площадку вагона выходил гладкий, важный господин в шинели тонкого сукна с синими генеральскими отворотами. Молодой человек в белоснежном кителе, сверкая нагрудным знаком Института путей сообщения и лакированными голенищами сапог, с особенной, военно-штатской выправкой следовал за генералом-путейцем. Обер-кондуктор в казакине и шароварах, в сапогах бутылками держал руку у козырька. Татарин-буфетчик, поддерживая животом ящик вина, расставив ноги, бежал пополнять запасы вагона. Приподнимались кремовые занавески вагона. Пышные, розовые от сна и умывания дамы, «облокотясь на бархат алый», сонными глазами оглядывали станционные здания и мучительно завидующих станционных девиц.

Так ездили на линию настоящие путейцы, золотая путейская молодежь и их дамы, «камелии» и «дивы», как они назывались в те времена.

«При представлении императору Николаю Первому инженеров в 1836 году Бутурлин отозвался о них с большой похвалой и об одном капитане, что он, кроме того что усерден, очень

Главный инженер строительства Н. И. Хрусталев и инженер А. Г. Ананьев — прораб и ударник строительства

ученый инженер. Император на это отвечал, что ему ученых не нужно, а нужны исполнители».

Это из воспоминаний А. И. Дельвига «Полвека русской жизни».

— Кто строил эту дорогу?

— Инженеры, Сашенька.

Это эпиграф из «Железной дороги» Некрасова.

Оказывается, строили дорогу именно эти исполнительные военно-штатские господа в кителях и нагрудных знаках, в сапогах с лакированными голенищами.

Именно они добывали руду, орошали безводную, голодную степь. Делали это холеными барскими руками, с длинным, отлично отшлифованным ногтем на мизинце.

В общем это была каста людей со связями, каста светских людей, хорошо знающих друг друга и свое общество, крепнущей русской крупной буржуазии. Они искали и находили доступ в правящие бюрократические сферы. Среди них были и титулованные, например князь Хилков, барон Врангель, тот самый Петр Врангель, который в 1920 году в Севастополе обманул

надежды русской буржуазии и русского дворянства. На петербургских балах вслед за лицеистами и правоведами в качестве шикарных кавалеров так же высоко ценились студенты-путейцы и студенты-гражданцы. Императорский институт путей сообщения, императорский институт гражданских инженеров, императорский горный институт — эти императорские институты выпускали молодых светских людей с дипломами и нагрудными знаками, и даже самые бездарные были в конце концов обеспечены шестью тысячами в год, казенной квартирой, подъемными, суточными, прогонными благами. Учителя, врачи, агрономы должны были думать о будущем, им предстояла вместе с трудной работой труднейшая борьба за существование, — инженеры почти всегда шли в жизнь метко, быстро, наверняка. Слово «карьера» — одно из наиболее характерных словечек старого режима — чаще всего повторялось в инженерских кругах. Оно означало: блага, получаемые на службе, приданое, родственные связи, извлеченные из женитьбы, благоволение промышленников и финансиство и наконец заветную мечту — миллион.

Российский капитал занимался грюндерством, ему было мало Урала, Донецкого бассейна, Бакинских промыслов, Ленских приисков, он продвигался на Дальний Восток при помощи друзей царя господ Безобразовых, он проникал в Персию, где на него огрызались британские империалисты. Русскому капиталу нужны были военно-штатские молодые люди с дипломами императорских институтов, гарантирующих известный минимум технических знаний. Но больше знаний русские капиталисты ценили деловитостость, ловкость в обращении с бюрократами, умение быть своим человеком в сферах, способность к «честным спекуляциям». С тех пор как фаворитки Александра Второго превратили Зимний дворец в лавочку, торгующую концессиями, а министерства — в отделения этой лавочки, не переводились в России люди, умеющие забегать с заднего крыльца, умеющие посредничать между бюрократами и капиталистами. Малоподвижные и малопредприимчивые люди с дипломами продавали капиталистам свои знания и работали в качестве обыкновенных служащих. Они двигались черепашьим шагом по пути к карьере и в конце концов добивались «обеспеченного существования» и только. Человек, о котором мы пишем, начинал именно так — инженером на постройке Троицкого моста через Неву, незаметным винтиком, скромным наемным служащим в большом для того времени строительстве. Но он очень скоро понял, что надо постараться самому стать хозяином. Лавируя между неповоротливой глупой русской аристократией и русскими капиталистами, он решил сколотить себе состояние и получить доступ в среду русских Ротшильдов, Морганов и Вандербильдов.

Инженер Ананьев был не из таких людей, которым все доставалось даром. Сперва он должен был работать.

На круглом пьедестале спиною к Марсову полю стоит, прикрываясь щитом, мечом защищая папскую тиару и царский венец, не похожий на себя генералиссимус Суворов.

Перед ним Нева. За Невою низкая серая стена Петропавловской крепости, над нею шпиль собора с косо летящим ангелом.

Старый деревянный на барках мост упирался правее в выгнутый по давно срытым валам Кронверкский проспект.

Прямо к старой деревянной церкви имени святой троицы строился французский новый металлический Троицкий мост.

Мост строился на засм. Наискосок от моста, за белыми колоннами Биржи, подымались и падали акции металлических заводов. Мост строился долго. Оказалось, что длина моста неверно рассчитана: мост оказался слишком коротким.

Железные арки шли друг за другом, но последний бык стоял на воде. К французскому мосту русские инженеры присыпали дамбу. Подвозили грунт лайбами, подкатывали на конках. В котловане лежали трапы. Катались по трапам тачки. Ходили десятники с бородами, в картузах и молодые бритые инженеры в форменных фуражках.

Дамба медленно росла. В инженерном отношении сооружение было не любопытно. Просто сыпали землю.

Работа эта рядом с легким французским мостом, как будто вычерченным из стали, была грузной и обидной для инженера.

Строили не те инженеры, которые ездили в салон-вагонах с кремовыми занавесками, не те, которые кутили у Донона, у которых были родственники генералы.

Строили те, которые обедали у Доминика, а водку пили у Федорова, где впрочем им завидовали.

Строили Ананьевы.

За белыми колоннами Биржи подымались и падали акции, и это было настоящее дело. Мост был ко всему этому как примечание.

Нужно было работать хорошо, учиться у десятников, как лучше положить трапы для тачек, чтобы тачки не мешали друг другу, как больше взять силы у рабочего, заставить его полнее погрузить тачку, быстрее везти ее.

Нужно научиться обмерять выработку, проверять карьеры.

Все это нужно передоверить десятнику, но тогда выбьется в люди десятник, а ты так на всю жизнь останешься рабочей лошадью.

Нужно учиться использовать строительный сезон, учиться глубокой осенью класть грунт так, чтобы он не промерз.

Учиться ладить с людьми, разговаривать с рабочими,

шутить со стариками и покупать молодых водкой. Мелкий дождь. Ситцевые вылинявшие рубашки рабочих. Там, далеко, за свинцовой рекой — Биржа, на другом берегу — дворец, памятник, военные парады. Своя квартира на глухой улице, освещенной не голубым газовым, а желтым керосиновым светом.

В котловане у Троицкого моста научился инженер Ананьев развертывать фронт работы, класть трапы, заказывать тачки, расставлять людей. Троицкий мост поправил дела Ананьева. Он через него вышел в люди. Дальше его история идет скороговоркой. Он вырос, как гриб.

В 1913 году, накануне мировой войны, Александр Георгиевич Ананьев организовал «Акционерное общество по орошению Ширабадской долины» и получил от названного общества полмиллиона наличными деньгами и на три миллиона рублей учредительских акций. В 1913 году, за год до мировой войны, Александр Георгиевич был настоящим миллионером, тузом крупного масштаба.

Как это произошло?

Герцен в предисловии к «Былому и думам» говорит об «отражении истории в человеке», отражении исторических событий в биографии современника. Биография Ананьева — в известной степени отражение его эпохи.

Революция 1905 года разбита и загнана в подполье. Небывалые урожаи. Расцвет промышленности и биржевых спекуляций. Поражение на Дальнем Востоке и кровавые потери не отучили русских капиталистов от авантюр. Вылазки в Персию. Наконец продвижение в Среднюю Азию, в так называемые Среднеазиатские владения, ныне Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

«Ташкентцы» — так называл колонизаторов Туркестана Салтыков-Щедрин.

«Ташкентцы» — имя собирательное. Те, которые думают, что это только люди, желающие воспользоваться прогонными деньгами в Ташкент, ошибаются самым грубым образом».

«Чего хотели эти человекообразные?»

«Жрать! Жрать что бы то ни было, ценою чего бы то ни было».

«Ташкент как термин географический есть страна, лежащая на юго-восток от Оренбургской губернии. Это — классическая страна баранов, которые замечательны тем, что к стрижке ласковы и после оголения вновь обрастают с изумительной быстротой. Кто будет их стричь — к этому вопросу они повидимому равнодушны, ибо знают, что стрижка есть нечто неизбежное в их жизни. Как только они завидят, что вдали грядет человек, стригущий и бреющий, то подгибают под себя ноги и ждут...

Как термин отвлеченный, Ташкент есть страна, лежащая

всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданственности предание о Макаре, телят не гоняющем».

По Аму-Дарье плывет колесный пароход «Цесаревич». Капризная, внезапно мелеющая река, вплоть до горизонта вся в бурых и рыжих отмелях. Чета Ананьевых, военный инженер в обер-офицерском чине и его жена, захудалого княжеского рода, едут в крепость Термез на афганской границе. В каюткомпании специфическое общество русских колонизаторов Туркестана. Морские офицеры, сосланные за гомерическое пьянство и дебоши в аму-дарьинскую военную флотилию. Чиновники ирригационного ведомства. Дипломатические чиновники при «независимых» бухарском эмире и хане хивинском. Священники гарнизонных церквей, поп-миссионер. Подрядчик Шамсудинов и молодые бухарские купцы, получившие лоск в петербургских и московских кафе-шантанах. Пожилые львицы из полусвета, ищущие успеха и бешеных туркестанских денег и эмирских драгоценных подарков. На палубе русские рабочие из Тамбовской губернии, выехавшие за работой на край света.

В такой обстановке вы впервые встречаетесь с Ананьевым. Чтобы понять, каким образом его занесло в Термез, нужно вспомнить о том, что дед Ананьева был офицером кавказской армии. Есть некоторая преемственная связь между дедом, представителем русского империализма, и внуком, будущим крупным акционером, учредителем концессии по орошению Ширабадской долины.

Город Термез. Тихая, не лишенная своеобразной прелести «гарнизонная жизнь». 1905 год миновал. Волнения гарнизона в Ташкенте уже в прошлом. Казаки себя показали и проучили «обнаглевшую солдатню». Балы в гарнизонном собрании, карты, романсы, рассказы про красивое прошлое, прошлое Скобелева, Кауфмана Туркестанского, Куропаткина, Комарова...

Где гусары прежних лет,
Где гусары удалые...

Рассказы про выдуманную в Кушкинской крепости игру в «кукушку», когда на карту ставили офицерскую жизнь, а не радужную «катеринку» или «петра». «Реки шампанского, красивые и смелые женщины, львицы, переменившие снега Северной Пальмиры на туркестанские пески и горячие ветра», мимолетные и бесконечные романы, кавалькады, охота на джайранов. Чем не колониальный роман, русский колониальный роман в духе Каразина, Немировича-Данченко, Брешко-Брешковского. Русские тройки с бубенцами бок-о-бок с караванами верблюдов и слонами эмира бухарского.

Он жил в вассальном ханстве Российской империи, среди средневекового варварства, пыток, казней, тюрем-клоповников.

Русские офицеры и чиновники были экстерриториальны, их развлекали нравы двора азиатского князька — эмира и его беков. Беки по очереди содержали двор эмира, его дам, доставленных специальными своднями из Петербурга, Парижа и Будапешта, его бачей, его лошадей и упомянутых выше слонов. Бек имел право предавать смерти жителей провинции, и провинция была у бека на откупе.

Когда инженер Ананьев писал заметки о своем прошлом, вся эта жизнь была у него позади. «Время прошло весело и незаметно», пишет он, но вслед за этим веселым и незаметным временем он пережил десятилетие войны и революции, и это десятилетие научило его обращать внимание на темные стороны его прошлого. Он упоминает о титуле «усладителя дней эмира», который был присвоен молодому и красивому придворному, но он помнит и мучительную публичную казнь батрака, дехканина, который принял на себя вину бая. Батраку перерезал горло палач на Базарной площади, и труп висел три дня, перекинутый через шест, как баранья туша. Безумная старуха-мать ползала у трупа единственного сына. Она не могла выкупить труп, и тело выбросили на свалку — так эпически просто заключает Ананьев.

Два прожитых десятилетия, война и революция научили Ананьева думать о прошлом. Оказывается, у него на памяти не только кавалькады и красивые и смелые женщины... Он видел землянки и шалаши, где в повальных болезнях, малярии и повальном пьянстве лежали строящие крепость рабочие — Козловы, Мигуновы, Соколовы, плотники, печники и землекопы из Нижегородской, Саратовской и Тамбовской губерний. В некотором смущении он пробует найти себе оправдание в том, что он был посаженным отцом у них на свадьбах и крестинах детей и потешал их легким и веселым нравом...

Дальше вы увидите, чего стоил этот легкий и веселый нрав многим таджикским дехканам...

«Велик будет тот человек, который восстановит орошение Ширабадской долины».

Посмотрим, действительно ли был велик человек, затеявший это дело, и в чем заключался его подвиг.

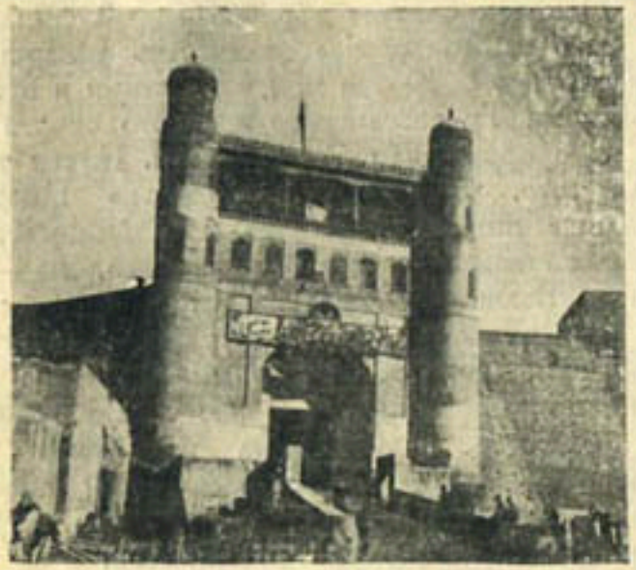
«В 1910 году, — пишет он, — я занялся «личным крупным предприятием» и ушел в отставку в чине капитана.

«Личное большое предприятие» инженера Ананьева заключалось в том, что он учредил акционерное общество по орошению семидесяти тысяч гектаров земли в Ширабадской долине.

Расшифруем слово «учредил» и попробуем понять, за что собственно инженер Ананьев получил полмиллиона наличными и на три миллиона учредительских акций.

У читателя, не вполне понимающего, что означали при старом режиме слова «провести дело», «финансировать предприятие», зарябит в глазах от фамилий, титулов, чинов и званий людей, участвовавших в «проведении» и «финансировании». Он остановит внимание на фамилиях лиц, так сказать, доисторического масштаба, от военного министра Сухомлинова до князя Андроникова, известного своей близостью с Распутиным. Ниже, по иерархической лестнице, следует командующий войсками Туркестанского военного округа генерал Самсонов, затем Кушбеги, т. е. первый министр его высочества эмира бухарского, министр, получивший пятьдесят тысяч, и однажды его высочество эмир и генерал-адъютант Николая Второго предоставил инженеру Ананьеву концессию сроком на девяносто девять лет, т. е. до 2 009 года, и на подлинном соизволил начертать: «Да будет так». Пока «инженеры со связями типа Новосильцева» вертятся на светских раутах и в приемных министерств, инженеры Ананьевы заботятся об акционировании нового предприятия. Тут появляется имя миллионера Коновалова, будущего премьер-министра Временного правительства, который впоследствии, при других обстоятельствах, встретится с Ананьевым. Наконец комиссионеры за сто тысяч рублей комиссии обламывают дело с персидским торгово-промышленным банком, и концессия передана банку, а комиссионные располагаются по рукам тайных, действительных статских советников, по рукам деловитых адвокатов, правителей дел, секретарей, адъютантов, балерин, своден, генеральских содержанок.

Сложная машина подкупов, взяток, нажимов через людей со связями делает последний оборот, и отставной капитан инженерных войск Ананьев, скромный инженер, ведавший работами по постройке Термезской крепости, — миллионер, капиталист, делец крупного масштаба.

Сюда, во дворец эмира бухарского, Ананьев ездил в гости

Наконец следует торжественный финальный аккорд.

Его императорское величество утверждает устав нового акционерного общества при содействии в этом деле командующего войсками Туркестанского военного округа генерала Самсонова.

Это произошло в 1913 году. Почти три года понадобилось для того, чтобы «акционировать» Ширабадскую концессию. Дальше инженер Ананьев предпринимает шаги к «получению аналогичной концессии на Вахше», но — эпически заключает он — «Вахш был осуществлен уже при советской власти».

Ширабадская концессия утверждена. Начинается второй акт трагикомедии, торжественный выезд на места. Снова тройки, пикники, прогулки, «светские люди», снова реки шампанского. В качестве консультанта приглашен знаменитый инженер Кюньев, строитель Мессопотамской оросительной системы, — опять банкеты и прогулки, почетные встречи, пресмыкающиеся чиновники эмира, взяточники-беки.

«Население относится враждебно», объективно отмечает Ананьев.

Но есть эмирские сарбазы, есть наконец русские войска, охраняющие эмира и беков. Дело кончилось «восстанием дехкан и рабочих и захватом отнятых у дехкан земель». Но «договор с эмиром действовал», эпически и лаконически заключает Ананьев.

Он возвращается от Царицына по Волге до Нижнего. На пароходе — артисты «Летучей мыши», молодые женщины, актеры, музыканты...

«Время прошло весело и незаметно». Впрочем читатель уже понимает, что перед ним не только весельчак и балагур, эпикуреец, дамский угодник, а и настоящий делец, капиталист с мертвой хваткой, представитель класса эксплоататоров и будущий враг пролетарской революции.

Следующая страница жизни Александра Георгиевича — персидская авантюра, вылазка в Персию в качестве разведчика русского капитала и военного министерства. Экспедиция в южную Персию, направленная против английского экономического влияния в этой стране.

Влиятельные круги финансистов оценили способности Ананьева. Они доверяют ему довольно деликатную миссию, которая заключается в том, чтобы обработать персидского принца Акбер-Мирзу, крупного землевладельца в Исфагани. «Симпатизируя русским», он предлагал им в аренду свои нефтеносные участки.

Сто рублей суточных, расходы за счет Персидского отделения Государственного банка — и Александр Георгиевич отправляется в Персию. Он путешествует как знатное лицо, как жених в обитой атласом свадебной карете. При нем конвой из

тридцати персидских казаков и камердинер «мосье Иван», беглый каторжник из России. В карете же по поручению восточного отдела военного министерства Ананьев составляет описание маршрутов, подробное описание дорог, ведущих в южную Персию.

Затем встреча с принцем — восточным деспотом — и короткое упоминание о «борьбе населения с деспотом и уходе населения в горы». Приключения Ананьева, его поездки к бахтиарам, его взаимоотношения с англичанами, подозрительно поглядывающими за странствиями русского авантюриста, — все это могло бы занять целую главу в описании карьеры Ананьева. Но он недолго останавливается на этом эпизоде. Он возвращается в Россию. Вскользь он упоминает о скупке земель за бесценок у племени иомудов на восточном берегу Каспийского моря, о своем появлении в новой роли члена правления «Акционерного общества по изготовлению радиостанций и магнето» и довольно подробно останавливается на личной жизни, на интимных переживаниях эпикурейца и светского человека. Внезапные «угрызения совести» толкают его за границу, где живет его жена. Он отправляется в Германию накануне войны, но благополучно пробирается из Германии в Россию в тот же год, когда при помощи Сухомлинова русская армия, «серые герои», «святая скотинка», прет, но без патронов и снарядов, на немецкие пулеметы и пушки.

Капитан инженерных войск Ананьев формирует тыловую бригаду ополчения. Он действует в ближнем тылу, в районе Брест-Литовска. «Хаос», отмечает он.

Хаос, но жизнь продолжается, жизнь в землянках, вино, картишки, опасные для здоровья связи. Сильные ощущения все же дает «брестский мешок». Взорваны мосты, люди, не успевшие перейти через мост, гибли на глазах Ананьева под ураганным огнем немцев. Затем работа в тылу VIII армии. Девяносто тысяч человек работают у Рожищ, девяносто тысяч крестьян — мужчин и женщин, «идет сплошной разврат», а по дорогам неисчислимая волна беженцев, выселяемых из зоны военных действий. «Едем в штаб — там разливное море». Фрейлина, сестра милосердия Наташа просится на позицию ради сильных ощущений. Фронтовой флирт, казачья сотня, нагруженная награбленным, отступление...

«Война потеряла свой острый характер», меланхолически замечает Александр Георгиевич. И он возвращается в тыл, в Петербург, в центр биржевых операций, спекуляций, распутиниады. Две жены, две семьи, две квартиры, путаная личная жизнь — время течет невесело и не так уж незаметно, как было в те годы, когда начинал свою деятельность молодой инженер Ананьев.

«Впервые начал интересоваться политической жизнью», говорит он, не понимая, что он все время интересовался политикой того строя, который дал ему миллионы и сытую и беззаботную жизнь, не понимая, что всеми силами он поддерживал этот строй и гальванизировал разлагающийся труп императорской России.

Дело идет к Февральской революции, и устроившийся в тылу, в школе прапорщиков инженерных войск, Александр Георгиевич Ананьев имеет честь поздравить юнкеров с бескровной революцией.

Здесь начинается новый изгиб карьеры, и Александр Георгиевич появляется перед нами в образе полковника Ананьева на эпизодических ролях в исторической комедии Февральской революции.

Он появляется в роли коменданта Таврического дворца. Ему поручают охрану драгоценных жизней министров — Протопоповых и Горемыкиных, его выбирают на должность начальника школы прапорщиков инженерных войск.

Мы бы не дали так много места разговорчивому инженеру Ананьеву, если бы не говорил он об интересных вещах. Сейчас читатель увидит его в новой, почти исторической роли, в должности начальника обороны Зимнего дворца, начальника обороны Временного правительства.

Говорит он подробно потому, что жалко ему пропустить что-нибудь про себя.

«Буржуазная республика делалась все бесформенней и неопределенней, обыватель недоумевает и тревожится: что-то будет».

Этой записи в заметках Ананьева предшествует краткое упоминание о генерале Корнилове, с которым Ананьев встретился в Москве во время государственного совещания:

«Решили развлечься, поехали в Москву, где в то время собиралось государственное совещание, собранное Керенским. Выступал генерал Корнилов, с которым я познакомился еще в Туркестане во время совместной рекогносцировки аму-дарьинских границ Афганистана.

Кутнули у Яра и в Стрельне. Из Москвы, с большими неудобствами, в переполненном пролетариатом вагоне, вернулись домой».

Здесь большой перерыв в записях Ананьева, и автор переходит сразу к дате 1917 года 24 октября.

«Рано утром 24 октября неизвестный поручик-артиллерист принес телеграмму Керенского с приказом немедленно выступать к Зимнему дворцу для защиты членов Временного правительства. Думать некогда, надо действовать. Присяга принесена несколько дней назад. Перед выстроенной на плацу школой прочел

приказ. Команда солдат отказалась итти. Оба ротных командира и несколько офицеров скрылись. Остальные, около 400 человек, захватили патроны и с барабанным боем прибыли на площадь к Зимнему дворцу, к Александровской колонне. Из дворца вышел верховный комиссар Станкевич, бывший мой адъютант, поцеловался со мной, произнес речь юнкерам и приказал взять телефонную станцию на Большой Морской, только что занятую большевиками. Мой двоюродный брат, поручик Синегуб, с двумя взводами беглым шагом скрывается под арку Главного штаба».

В этих эпизодах, как впрочем и почти во всех отрывочных записях Ананьева, ценна прежде всего откровенность, непринужденная искренность автора. «Решили развлечься — поехали в Москву. Поехали развлечься в Москву на государственное совещание. Кутнули у Яра и в Стрельне». Все свои, все знакомые: Корнилов — знакомый по Туркестану, верховный комиссар Станкевич — бывший адъютант и даже поручик Синегуб, с двумя взводами атакующий взятую большевиками телефонную станцию, — двоюродный брат Ананьева. Оказывается, надо защищать «членов Временного правительства».

«Прошло полчаса. Никаких распоряжений. Должен же быть какой-нибудь руководитель обороны. Со стороны здания Сената раздались выстрелы. Площадь опустела. Чтобы не стоять на открытом месте, ввел отряд во внутренний двор дворца. Послал отыскать коменданта. Никого не нашли. Появился опять Станкевич. Заявил, что я назначен начальником обороны.

Представляюсь правительству. Коновалов — старый знакомый по ширабадским делам, Терещенко — сахарозаводчик, военный министр Малиновский, социалист Ефремов и еще человек восемь сидели в креслах углового круглого зала второго этажа. Двое неизвестных мне нервно ходили по комнате. Керенский чуть свет уехал по направлению к Гатчине за верными правительству войсками. Прибытие их ожидалось с часу на час. Надо продержаться до вечера — говорил Коновалов — к вечеру прибудет Керенский».

В Зимнем дворце он, оказывается, не знает только двоих, «нервно ходивших по комнате». И его тоже знают как человека деятельного и решительного, способного продержаться до вечера, пока прибудут верные правительству войска. И действительно, он начинает оправдывать доверие своих добрых друзей и знакомых.

«Я изложил план действий защиты: ограничившись территорией Зимнего дворца, выявить защитников, ознакомиться с планом дворца, в котором более тысячи комнат, много коридоров, входов и выходов, озаботиться о продовольствии и боевых припасах, построить перед входами и воротами баррикады

из дров... Главное, надо разъяснить защитникам создавшееся положение, причины и цель обороны.

Пальчинский и Рутенберг были посланы разъяснять, я с помощью своих офицеров собрал в одном из кабинетов начальников частей — трех петергофских военных школ, 6 орудий Михайловского училища, 2 батальона женщин-ударниц, 2 казачьих сотни, отряд добровольцев и мою школу. Отряд большой, но условия для обороны складывались неблагоприятно: половина нижнего этажа дворца, обращенная окнами на Неву, занята лазаретами с ранеными, громко протестовавшими против военных действий; воинские части, собранные наспех, не представляли собой какой-нибудь объединенной организации; почти все офицерство отсутствует...»

В этом пессимистическом признании «офицерство отсутствует» есть нечто, объясняющее пессимизм и равнодушие самого Ананьева, обнаружившееся уже в самом начале его записей.

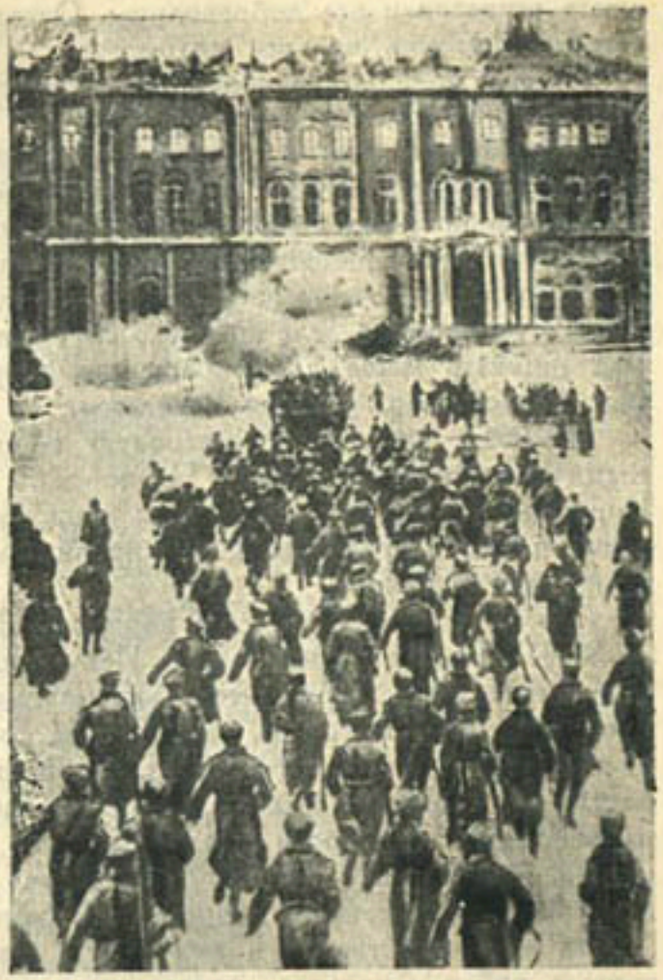
«Буржуазная республика делалась все бесформенней и неопределенней». Бесформенное и неопределенное Временное правительство не могло быть знаменем для таких решительных людей, как полковник Ананьев и его «офицерство». Драться за Керенского у них не было желанья. Они очень скоро нашли себе более подходящие белые и трехцветные знамена атамана Краснова, Каледина, Корнилова. И в следующих боях офицерство, как известно, уже «не отсутствовало».

В одном из докладов, которые я делал правительству почти каждый час, я высказал возмущение подобной постановкой дела. «За своих юнкеров ручаюсь, остальные же части возбуждают сомнение», докладывал я правительству. Действительно, первой ушла из дворца батарея Михайловского училища — сдалась Павловскому полку. Затем бросили дворец две казачьи сотни, объявив, что их спровоцировали, а петергофские школы все время волновались и хотели уйти, и только изворотливость Пальчинского удерживала их.

Плана дворца не нашли, баррикады из дров построили и заняли цепью юнкеров. Под натиском броневика вернулся Синегуб с юнкерами после неудачной попытки взять телефонную станцию. Со стороны Главного штаба начался ружейный огонь. Звон разбитых стекол, истерика у малодушных и неуверенность у всех».

С одной стороны — «тревога и неуверенность», с другой — растущая активность бойцов и агитаторов:

«Оглушительный взрыв в пролете одной из лестниц; посылаю охотников на чердак; приводят трех матросов, забравшихся туда через Эрмитаж и бросавших ручные бомбы. Арестовали, посадили в кабинет, смежный с моей комнатой. Привели захваченного агитатора... По телефону сообщили, что занято здание

Так началась перековка Ананьевых

штаба округа — вызвались вернуть здание женщины-ударницы. С закрытыми глазами, с криками «ура» они бросились к штабу округа...

Верные войска Керенского не появлялись. Темнело. Привели какого-то мертвецки пьяного штабс-капитана. Уложили его в одной из комнат. Через несколько времени прибыла делегация женщин-ударниц женского батальона с претензией ко мне по поводу ареста их начальника штаба. Показали им штабс-капитана. Оказался именно тот, кого они искали. Унесли его к себе».

«Через проходы, очевидно нам неизвестные, проникла во дворец большая группа матросов и красногвардейцев и отрезала часть здания. Ударницы, петергофские школы сдались».

«В числе защитников остались только моя школа и отряд добровольцев. Из боковых коридоров напирали густой массой осаждающие, спускались по лестницам. Удерживая с трудом натиск, пришлось отступить в помещение, ближайшее к комнате, где сидело правительство. Еще один коридор отрезан, сдались

часть юнкеров и все добровольцы. Осталась со мной небольшая группа юнкеров, человек пятьдесят . . .»

Записи начальника обороны становятся схематичными, и это естественно — приближается развязка.

«Час ночи. Мы и атакующие стоим друг против друга с взведенными винтовками, с гранатами в руках. Раздаются крики: «Долой Керенского! Где Керенский?» Докладываю правительству, что развязка близка, достаточно одного залпа, и через трупы горсточки защитников осаждающие ворвутся, и возможны эксцессы. После краткого совещания Коновалов поручает мне принять меры к прекращению обороны, так как «правительство сдается, уступая насилию».

«Выхожу на тридцатиметровую площадку между враждебными сторонами, вызываю Чудновского и передаю ему слова Коновалова, требую назначения надежного караула, которому мною и будут переданы члены правительства. «Ружья к ноге», командую юнкерам».

«Толпа схлынула, опустел коридор. Нас забыли. «Что будет дальше?» спросил меня юнкер Песельник. Посмотрим. А пока поищем выхода. Через несколько шагов нас встретила толпа кронштадтских матросов, арестовала, обезоружила и повела к казармам Павловского полка. Сознание неминуемой гибели наступило. Какая-то полная апатия и спокойствие. Чувство необыкновенной усталости после двадцати часов движения, волнений, переживаний. Без пищи — за весь день один бокал красного вина, принесенный дворцовым лакеем . . .»

На этом собственно и кончаются записи полковника инженерных войск Ананьева, относящиеся к его кратковременному пребыванию в должности начальника обороны Зимнего дворца. Кронштадтские матросы, представители революционной, советской власти, арестовали полковника Ананьева. Начальник обороны недолго пробыл в заключении: ему удалось скрыться, но этот арест интересен для нас потому, что это был первый арест Ананьева советской властью.

В промежуток между первым и последним арестом прошло почти тринадцать лет. Формулярный список инженера Ананьева, события его жизни за эти тринадцать лет попрежнему отражают историю нашего бурного времени.

Первый арест в октябрьскую ночь 1917 года, разумеется, не обескураживает Александра Георгиевича. Друзья и приятели видят его, полковника, едва ли не в эту же ночь штатским в ресторане «Медведь». Он рассматривает себя как героя, ему несколько досадно, что в ту самую ночь, когда он играл, так сказать, историческую роль начальника обороны Зимнего дворца, в ту самую ночь, когда «правительство» уступало насилию и он объявлял об этом факте на тридцатиметровой площадке в Зимнем дворце, приятели непринужденно кутили в «Отель де Франс», в нескольких шагах от дворца.

«Заниматься предприятиями и накоплениями миллионов не приходилось», меланхолически замечает Ананьев. «Получил из банка под залог акций двести тысяч», продолжает он и не обходит молчанием взятку в тридцать тысяч рублей, которую пришлось сунуть председателю правления банка. Очевидно это были все те же учредительские ширабадские акции, которые еще котировались на черной бирже питерских спекулянтов.

Далее описание жизни Александра Георгиевича теряет свою стройность.

Начинается период странствований с севера на юг. Несмотря на то, что передвижение происходит «под угрозой быть выброшенным из вагона», Александр Георгиевич прибывает в Киев, встречает новый 1918 год и проводит несколько невеселых дней и ночей в гостинице Франсуа, вернее, в подвале гостиницы, потому что именно в эти ночи происходит бомбардировка Киева революционными войсками. Затем происходит его исход из Киева на Святошино и возвращение через Сарны в Петроград, куда Александр Георгиевич благополучно прибывает весной 1918 года. Он принимает посильное участие в работе советского учреждения Хлеболес, вскользь упоминает о продовольственном съезде в Москве и опять о каких-то кутежах у Мартьяныча, о своей работе в Главводе и «споре о пределах национализации флота». В общем трудно проследить неплодотворную деятельность этого энергичного, при других обстоятельствах, человека. Одно можно сказать с уверенностью, что работа в советских учреждениях не увлекала Александра Георгиевича. На его горизонте появляется некий норвежский консул, и единая Россия в лице Ананьева и единая Норвегия объединились для осуществления одной спекуляции, товарообмена рулонов газетной бумаги на сахар гетманской державы. С удостоверением Хлеболеса и в сопутствии норвежского консула инженер Ананьев без особых приключений через Оршу прибывает на территорию гетманской державы и осушает бутылку красного вина, купленную у немецкого солдата.

Ананьев попадает в имение сестры, в усадьбу, с корабля на бал. Полное благодушие, пирушка с немецкими черными гусарами . . .

Марш вперед,
Трубят поход
Черные гусары...

С бала на корабль.

Ананьев путешествует по Днепру. Гомель, ужин в обстановке дореволюционного быта и спять Киев.

Здесь, в Киеве, жизнь Александра Георгиевича принимает

характер карнавала, костюмированного бала, то при дворе ясновельможного гетмана Павла Скоропадского, то в салонах Петлюровской директории. В качестве масок выступают «двухбунтужный атаман» Натиев, «горящий ненавистью к большевикам», корпусный атаман Балбачан — бывший гвардейский офицер, наконец гетманский министр Бутенко, переодетый няней и удирающий под охраной сечевиков на юг.

Опять «весело и незаметно течет время». «Министерство Шляхив», т. е. хорошо знакомое путейское ведомство, старые приятели-путейцы.

Мимоходом едет в Оршу с немецким пропуском выручать из «Совдепии» семью. Крушение гетманщины, и вот у него в руках петлюровское посвидчение, удостоверяющее, что Ананьев Александр «украинский громадянин и руху не подлежит». «Живем относительно спокойно, — замечает Ананьев, — в государственном аппарате те же лица, но под новой маской».

Относительно спокойная жизнь прерывается бегством через Полтаву, Николаев, в Одессу, где вымпела эскадры, зоны влияния, добровольцы, греки, украинцы, бандиты, Мишка-Япончик — несравненная, неповторимая по разнузданности, бесстыдству, продажности колоритная эпоха . . .

На глазах у Ананьева происходит падение Одессы, происходит паническое отступление превосходно вооруженных и снабженных интервентов. На глазах у Ананьева его приятели — махровые белогвардейцы, спекулянты и рвачи — покупают себе места на палубах грузовых пароходов и пешком и верхом пробираются из Одессы в Румынию.

Эвакуация и возможность удрать за границу.

За границей много инженеров средней квалификации. Если на Троицком мосту работали французы, то они работали от французских акционеров. Кому нужен во Франции инженер Ананьев, умеющий организовывать земляные работы. Пусть гвардейские пехотные офицеры рвутся на пароходы. Полковник инженерных войск Ананьев останется при заводах.

Ему незачем было ехать за границу. Это был бы бессмысленный поступок. Хозяин должен вернуться. Донецкие шахты, нефтяные земли, железные дороги — их нельзя бросить. Первым человеком будет тот, кто остался при деле, кто сохранил имущество.

Ананьев остается, он еще готов бороться с революцией. Он еще в силах вести тайную и даже открытую борьбу. Но не с деникинцами же, не с врангелевцами итти на красных. А с кем? Остается тайная, но крепкая надежда на интервентов, на помощь извне. Эта надежда опять приводит Ананьева в ряды тайных врагов революции.

Он работает в Гублескоме. Он как бы легализован, но у чекистов, у большевиков есть нюх. От него за километр пахнет контрреволюцией. Его ищут и находят. Арест. Обвинение в «создании аппарата с целью дискредитирования советской власти».

Ананьев на принудительных работах по заготовке дров. В лесах бродят банды атамана Хмары, атамана Лыхо. Отношение свое к советской власти он определяет словами «аполитичность», «лойяльность». Но он признается: «Знал, что под видом лесозаготовок многие из инженеров и техников ищут лазейку для перехода границы». Многие, слишком многие знали, что в некоем городе, в некоем советском учреждении сидит друг-приятель Александр Георгиевич, который не подведет . . . «Идеологически я был чужд советской власти. Принял нэп как эволюцию, как зарю демократической республики», откровенно продолжает Ананьев. Он служит, именно служит, а не работает в управлении курортов Наркомздрава, в Сахаротресте в Харькове, в качестве зава производственной части ВУПЛа. И глаз ВЧК-ГПУ попрежнему обращен на него. С 1923 года он состоит на особом учете ГПУ, в 1925 году его сокращают как антисоветский элемент; чутье не обманывает чекистов: Александр Георгиевич Ананьев, вся жизнь которого прошла перед нами, действительно чуждый, вредный элемент. Он мечтает о работе в иностранной концессии, в то же время его тянет снова в Среднюю Азию, где он нашел связи, успех в делах и миллионы.

Тринадцать лет назад он уехал отсюда капиталистом, крупным дельцом. И опять он видит Ташкент, но Ташкент без генерала Самсонова, без бряцающих ташкентцев, без опального великого князя, сосланного за кражу, без чиновников-колонизаторов, без бухарских купцов и попов-миссионеров . . .

История как бы повторяется. Он — начальник Ширабадской изыскательской партии. Поездка в Термез, старые связи, старые знакомые, воспоминания о реках шампанского, веселой гарнизонной жизни, кавалькадах, охотах. В ту пору ему не приходит в голову мысль о том, что его Ширабадская концессия обрекла на голодную смерть дехкан и что охраняемый царскими штыками договор с эмиром действовал на спинах ширабадских дехкан. Он подумал об этом позже, — и в тот момент, когда ему пришла в голову эта мысль, появился на свет и открыл глаза другой Ананьев.

В 1927 году это был еще прежний старый Ананьев, бывший делец и бывший начальник обороны Зимнего дворца. «Процесс работников водного хозяйства меня не коснулся, но навел на размышления», замечает он задумчиво.

Все те же размышления о работе в иностранной концессии, как «на острове среди советского моря».

Опять Москва, Ананьев — главный инженер Москоопстроя. «Во главе конторы подозрительные дельцы», замечает он.

Отдадим должное его наметанному взгляду. Немало жулья, немало проходимцев видел на своем веку этот человек. Далее мы видим Ананьева в должности главного инженера Узбекистанского водного хозяйства.

«Я замалчиваю нецелесообразные ассигнования, ведущие к замораживанию капиталов, созданных трудящимися, — откровенно говорит он, — я покрываю бесхозяйственность сотрудников, умалчиваю о Зимнем дворце и прочих мелких авантюрах».

Старые связишки и страстишки привели его к Ризенкампфу, крупному специалисту-гидротехнику из касты советских людей, из замкнутой касты гидротехников и путейцев. Они осуществляли грандиозную систему орошения Узбекистана и тем временем лишили воды систему мелких арыков, лишили страну хлопка.

Ширабадская долина была для инженера Ананьева полем битвы.

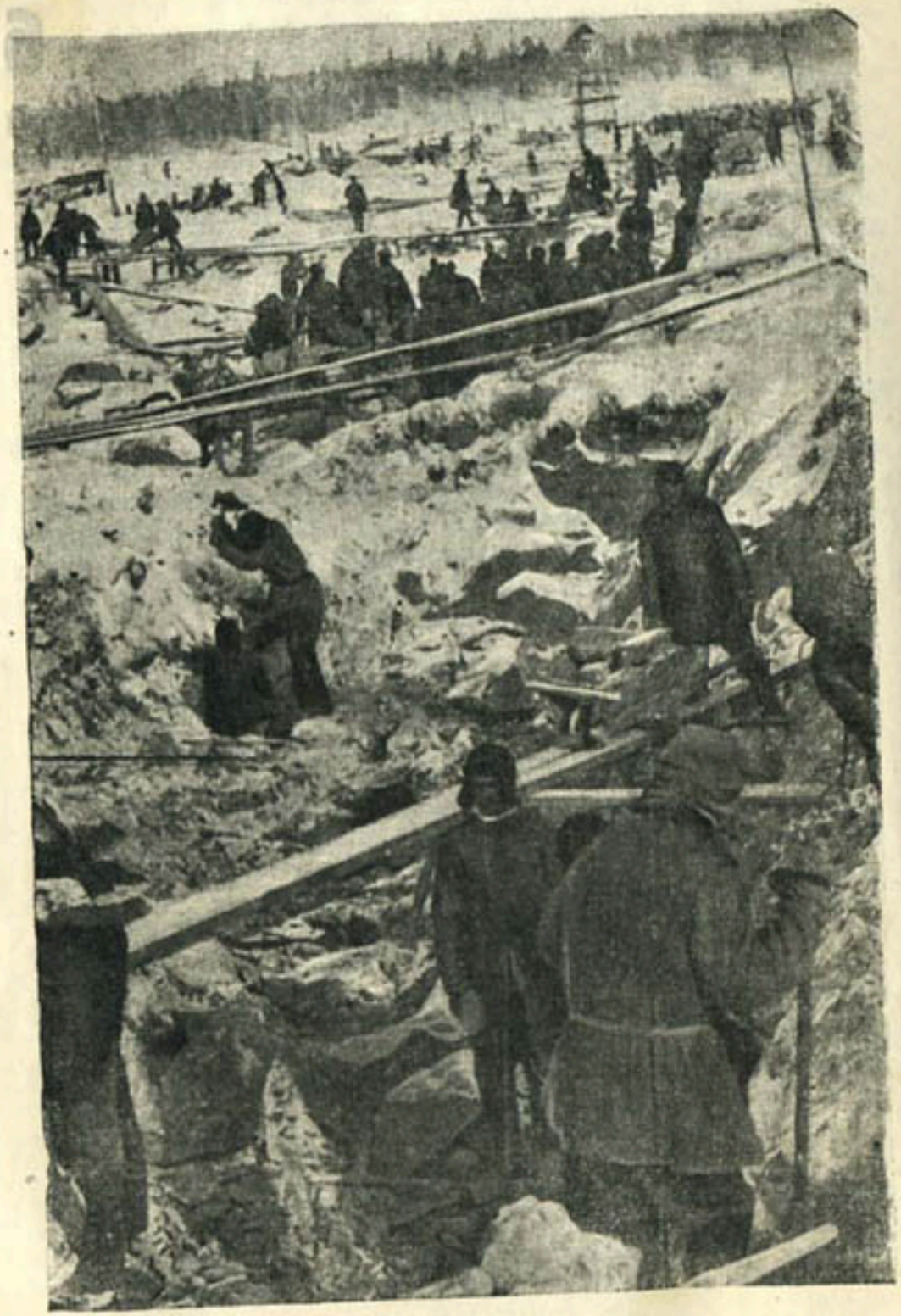
Он не собирался заниматься орошением, он хотел дать еще один бой советской власти. Генеральное сражение под Зимним дворцом было проиграно. Дело в Ширабадской степи было тоже проиграно, и инженер Ананьев оказался на Беломорстрое.

*

ГЛАВА

6

ЛЮДИ МЕНЯЮТ ПРОФЕССИЮ

Природу научим — свободу получим (из репертуара повенецкой агитбригады бывших воров).

Глава шестая

ЛЮДИ МЕНЯЮТ ПРОФЕССИЮ

НА ИЗЫСКАНИИ

Болота и озера нужно было тщательно обмерить, положить на точную карту, исследовать их водный режим. По тайге, по тундре, по болотам ходят люди строительства. Из Москвы приехали с проектом, но без точных данных геологической разведки. Приходилось проектировать на лету, выхватывая у геологов данные, когда еще не была заполнена вся планшета. Перерешали вопрос о высоте подъема. При изменении одной из данных изменялся весь путь.

Вода течет, и каждый участок водного пути связан с другим участком. Не было материалов — бетона, железа, не было квалифицированных людей. Приходилось перерешать, выдержат ли нагрузку новые, еще нигде не испробованные до конца сооружения. Решался вопрос о воде: хватит ли ее в мелководные годы и куда деть лишнюю воду во время паводков. Создавали из заключенных свои кадры, учили людей караулить воду, считать капли, изменять быстрое течение. Эти люди раньше не имели профессий вовсе, а многие не проходили средней школы, и всех их обучали на шестимесячных курсах. Пока разрабатывались эскизные проекты отдельными гидрогеологами, разрешалась проблема кадров. На курсах лекции шли по 16 часов в день.

Им был произведен экзамен. Экзаменовала их вода. Экзамен они выдержали хорошо.

Красная линия на чертеже превращалась в просеку среди леса.

Падал первый снег. Зимой обычно не производятся изыскания, но нужно было проверить границы зоны затопления. Может быть где-нибудь пропущена низинка, через которую потом уйдет вся вода.

Топтали снег в лесу, визжала пила, рубил топор, падало неумело поваленное дерево, запутывалось ветками в соседних соснах. Красная линия канала становилась просекой. В канал еще мало кто верил. Но были люди, для которых канал уже был реальностью. В начале ноября было дано задание наметить на натуру зону затопления. Это нужно было сделать теперь же, потому что на той земле, где скоро должны были пойти пароходы, еще пахали, сеяли хлеб. На этой земле жили. Нужно было определить зону затопления и приступить к планомерному переводу населения и переносу домов и построек.

Погода стояла такая, что уже три недели не было «ни проезда ни прохода». Озера покрылись тонким льдом: по воде не проедешь и по льду не пройдешь. Третий отряд выгозерской изыскательской партии, получив задание, тщетно стремился пробиться к району работ. Карельская погода ненадежна. Все ожидали, что ударит мороз, встанет зимний путь, но вместо зимы дождались новой оттепели. Решили ехать на лодках. Техник взял пять отборных рабочих, сели в шлюпку и стали пробираться по береговой кромке. Лед разбивали топором и веслами и наконец достигли открытой воды. Середина озера как будто протаяла. Утром поднялся туман. Оказалось, что за островом стоит ледяное поле. Пытались пробиться в течение двух часов. Ледяная кромка была достаточно крепка, но стоило сделать шаг — и лед начинал трескаться. Отошли от кромки.

Подошли к берегу. По счастью волны разбили лед — можно было высадиться.

Начали работать. А погода — все оттепель, с редкими морозами.

От деревни до деревни далеко. Между деревнями леса. Край непуганой птицы, непуганого зверя; лоси ходят за людьми. Здесь зверь удивляет человека, а человек зверя. Ходит лось за людьми, трещит тяжелыми рогами в ветках. Смотрит. Ругаются изыскатели: сколько говядины, а треножником не убьешь. Придумали тоже: отправлять людей без конвоя. Был бы стрелок, убили бы лося.

Рубят люди деревья в лесу, вбивают колышки, знаки, и обращается дикий лес в «зону затопления».

20 ноября задание было выполнено, но озеро еще не замерзло, а на расшатанной посудине нельзя было выезжать на плес. Разведывательная партия решила, несмотря на слабость

льда, итти по озеру. Для инструментов сделали сани. Шли молча. Слушали, как трещит и бегает пятнами под ногами лед. Шли далеко друг от друга. Внезапно — крик. Разведчик провалился, его вытащили; оказалось, не так опасно. Он стоял на дне — партия уже достигла другого берега.

Лагерь близко. Вот и вышка в лесу. На вышке стрелок. Домой пришли.

РАССКАЗ СТРЕЛКА ВОХРа

Сам я из деревенской бедноты, сын батрака. В старую армию попал молодым парнем в шестнадцатом году. В революции участвовал на фронте, а в Красную армию пошел добровольцем.

Как случилось, что я свихнулся, — я вам рассказывать не буду. Смоленский нарыв знаете? Не я один по этому делу сижу. Пусть обо мне другие расскажут. Вспоминать не хочется... Много безобразия было. Пили, кутили, превышение власти... Ну, и я в это дело влип. Пять лет получил. Сначала сидел я в смоленских лагерях, а как начали строить канал, попал в Карелию.

Привезли нас в Медвежью гору. Меня вызвали в Управление, поговорили, что я из бедняков и был в Красной армии, статья у меня подходящая и срок небольшой, и меня отобрали в ВОХР. И других отобрали, и всем дали оружие. Никак я такого оборота дела не ожидал. Молча пошли мы в казармы. А там ребята в военной форме, только с петлицами серого цвета. Смотрят на нас, зубы скалят. Оказывается, тоже из заключенных. Десять лет как не держал я в руках винтовку. Отошел в угол, взвесил ее на ладони, обтер рукавом замок, посмотрел в ствол на свет. Кое-где тронуто. В Красной армии нас за это здорово гоняли. «Ну, а если я возьму в руки эту винтовку, да...»

— Винтовка хорошая, чего смотришь? — незаметно подошел командир. — Только гляди, за плохое содержание оружия взгреем не хуже, чем в красноармейской части.

— Слушаю, гражданин начальник.

— А потом, имей в виду — если заключенному дают винтовку — это честь. В охрану не всякого принимают, с разбором. Классово-близких нам. Понятно?

— Понимаю, гражданин начальник.

— Ну, смотри, товарищ, служи исправно.

Два года я слова «товарищ» ни одного раз не слыхал...

А командир уже с порога обернулся и говорит:

— А получать будешь красноармейский паек и махорку... Ну, держись, товарищ.

Говорят, я здорово перековался в лагерях, как и многие

другие. Так вот моя перековка началась с этих слов командира... Когда он меня два раза подряд товарищем назвал.

Насиделся я по домзакам с ворами, с бандитами. Иной на волю на месяц, как на курорт, выйдет и опять в тюрьму, поплевывает да на блатном языке свое чешет. Я среди них — ни как свой ни как чужой. Мог иначе жизнь прожить, а теперь ничем не лучше. А то может и хуже.

Когда мне на канале винтовку выдали и сказали: «Вот будем строить канал — опять человеком станешь», словно я падал, а мне кто-то руку протянул.

Крепко я за ту руку уцепился. Решил про себя: все сделаю, чтобы товарищи мою вину забыли...

Стал я жить с того дня в казарме.

Наш начальник тов. Бродский все толкует — три задачи перед вами, товарищи: бесперебойное строительство Белбалтканала, охрана объектов строительства и борьба с побегами. Здесь много собрано правонарушителей. Есть такие, что не прочь удрать из лагеря на волю. Но что было бы, если бы все они вернулись в города и деревни? Воры стали бы воровать, контрики принялись бы за свое, пошли бы мокрые дела. Годится такое дело?

Я хорошо понимаю, что не годится. Смотрю на товарищей — многие из них тридцатипятники, бывшие домушники, карманники, но и они, — подумает который, зубы оскалит и говорит:

— Никуда такое дело не годится...

— А здесь, — говорит командир, — мы всех научим какой нибудь профессии. Кто отсюда убежит, не иначе опять вором станет. А кто уйдет ударником строительства, тому — широкая дорога. Советская власть не карает, а исправляет.

От оружия я отвык. Владеть оружием, чистить его пришлось учиться чуть не сначала. Потом пошли учения, наряды, командировки.

Смотрю кругом.

Начальства от ОГПУ в лагерях было мало. Начальниками командировок, заведующими хозяйством, транспортом были сами заключенные. На такие должности выбирали людей энергичных. Но за всеми не доглядеть — попадались и такие, что не помогали, а мешали стройке.

Тяжела была зима 1931 года, шли только подготовительные работы. Многие сомневались: построим ли мы канал?

Еще в самом начале работ, зимой 1931 года, послали меня в отдаленные места — восемьдесят километров от финской границы. Это у нас называется дальняя командировка.

От города Повенца и до Сороки скоро залегла широкая просека, по которой должен был пройти Белбалтканал. Нас, вохровцев, разместили на участках, где ведутся работы. Везде

понемногу: на пятьсот заключенных три вохровца, а то и пять.

Жили мы отдельно от заключенных. Вроде как в казармах. Научили нас начальники, что должны мы быть с заключенными вежливыми, на каждую просьбу отвечать, должны поддерживать среди каналоармейцев бодрость. В бараки ходить к заключенным не полагается. Панибратства с заключенными быть не должно.

Участвовали мы во всех слетах ударников, во всех вечерах, где выступали агитбригады и наши руководители. И даже на производстве вступали в соцсоревнование с заключенными.

Как-то человек десять вохровцев взяли да и отправились в свободное время на производство и показали выработку в двести пятьдесят процентов нормы. А потом пришли к тридцатипятникам и спрашиваем:

— А вы, товарищи, почему так не можете? Мы ведь такие же, как и вы... А ну, даешь вместе ударные темпы! Вам же самим лучше будет. Скорее освободитесь. Целые вохровские части брали на себя обязательства по соревнованию.

Меня начальство долго не пускало на производство. Я был прикреплен к май-губскому лагерному пункту, и работы у меня хватало. Был я секретарем отрядного штаба соцсоревнования и ударничества. Сидишь, бывало, над сводками, над выводами, и досада разбирает. Почему это мне самому нельзя повоевать со скалой, поработать на грунте.

Был у нас начальник отряда тов. Самойлов. Этот ходит и все смотрит, где что сделано, где затирает. Человек по-настоящему болел за производство. Бывало, прибежит радостный:

— Рыжов, дорогой, плотину кончают!

— Ребята на шлюзе бетон кладут.

Для него все победы на стройке, как праздник. А когда где-нибудь прорыв, он места себе не находит. Вот я ему однажды и пожаловался:

— Довольно, товарищ начальник, мне сидеть над бумажками. И я хочу поработать с тачкой.

А он меня похлопал по плечу и говорит:

— Ничего, брат Рыжов, и мы с тобой поработаем. Я тебя поставлю бригадиром.

Я просто рос от радости. Ведь я когда-то до войны уже с тачкой работал. Ну, думаю, я вам покажу темпы!

Стрелку на вышке невесело. Работа у него однообразная, а ему тоже хочется учиться и работать. Он понимает — люди на трассе получают квалификацию: работает человек на кубатурных работах, выбирает грунт, потом к насыпи переходит. Там работа сложнее — думать нужно. А будешь думать — далеко пойдешь.

На трассе поют:

На работе земляной
Разговор совсем иной:
Работенка грубая —
Навалил и кубарем!

Потрудились горячо,
Развиваем темп еще:
К сроку землю вычистим
В плановом количестве.

А вот насыпь например —
Тут совсем иной манер:
Надо знать не только сколько,
Насыпь — целая постройка.

Кроме своего труда,
Мысли все отдай туда!
Наступило времечко
Лоб чесать да темечко.

Чтоб все было, как стекло,
Чтоб нигде не протекло:
Хорошо и начисто,
Одним словом — качество.

Мы канал построим в срок,
Образцово, крепко, впрок,
Хорошо и начисто,
Одним словом — качество.

Нашу песню кто поймет,
Вольным тот домой пойдет:
Хорошо и начисто,
Одним словом — качество.

ЛАБОРАТОРИЯ

Грунты были совершенно не изучены. Не изучены были и конструкции. Лаборатория ЦАГИ на моделях проверила работу водопроводящих галлерей.

Новые конструкции, шлюзные камеры, комбинированные из ряжевых и бетонных голов, не были нигде испробованы.

Уже насыпали перемычки и дамбы. Грунты все больше и больше становились основным строительным материалом.

Нужно было опробовать этот непостоянный, изменчивый материал. Одновременно нужно было проверять профили плотин.

В домике под горой, к воде поближе, решили развернуть лабораторию.

Людей нехватало. Начали выбирать работников по второстепенным признакам: если в прошлом преподаватель географии или математики, может стать лаборантом. Поставили пробирки, смонтировали целые батареи из одинаковых трубок и колб, потому что один человек должен был сразу обслужить целую серию опытов.

Лабораторная началась очень скромно

К декабрю 1932 года лаборатория уже сделала 3 716 определений грунта. Налаживал работу инженер Знаменский.

Гидротехника — темное дело, и расчеты лучше проверять на моделях.

Появились за стеклом как будто стеклом перерезанные профили плотин.

Проверяли работу при разном напоре воды.

Тут же стоят модели шлюзовых камер. Вода из шлюза в шлюз пойдет с большой силой. Мощность ее будет около двух тысяч лошадиных сил.

Если в таких крупных шлюзах, как Беломорский, пустить воду прямо, то получится в шлюзных камерах буря, тут не выдержат никакие расчалки-тросы, которыми причаливают пароход в шлюзе.

Живая сила воды гасится в изогнутых галлереях. Нужно, чтобы осталось ее не более двухсот лошадиных сил, тогда волны в шлюзе не будет. Растяжение на расчалке получится тонны в полторы.

Поставили в модель шлюза маленький пароход и проверяли на особом приборе напряжение расчалок.

Когда шлюзы были построены, то оказалось, что в натуре беломорские галлереи не только оправдали расчет, но работали еще лучше, чем на моделях.

Вода бежала. На воду бросали маленькие деревяшки — модели льдин. Проверяли, как построить деревянную базвакуумную Шаваньскую плотину, т. е. как дать в плотине такую кривизну, чтобы струя шла по ней не отрываясь, не образуя между собой и телом плотины пустоты вакуума.

Каждая плотина — это новый частный случай в технике. Она отличается по грунту, на котором стоит, по материалу, из которого сделана, по характеру движения воды.

Плотину нужно связать с грунтом и кроме того нужно проверить грунт.

Плотина стоит, вода, переливаясь через нее, ударяется в дно, как ударяют в беговую дорожку ноги человека, который, сделав прыжок, опустился на землю.

Нужно рассчитать условия прыжка воды, кривую ее падения.

Вода, падая струей с гребня плотины, разбивается и образует то, что называется стоячей волной.

Такая стоячая волна называется отогнанным прыжком.

Отогнанный прыжок дает резкую перемену скоростей и размывает дно. Получается яма. Эта яма ползет под сооружение и в конце концов может подмыть плотину.

Нужно фиксировать — закрепить определенное положение прыжка. Для этого перед плотиной, там, куда падает струя, устраивают углубление — колодец.

В этом колодце прыжок затапливается.

Смотришь через стекло и видишь, как поворачиваются назад струи.

Получается «валец»: сила прыжка рассеивается, он разбивает сам себя.

Длину и глубину колодца для затопления прыжка рассчитывают здесь на моделях.

Прикидывали, проверяли, пробовали на моделях.

Бывают случаи во время больших войн, когда места сражения уходят за границы крупномасштабных карт и нужно воевать, составляя самим карты местности.

Такой войной было Беломорское строительство. Оно развертывалось на целине.

Рассчитывали 27-ю Маткожненскую плотину.

Плотина стоит на камне, но камень слоист, и направление идет по течению.

Возникает опасность сосредоточенной фильтрации воды под сооружениями через щели между пластами.

Скала ненадежна, ее может размыть.

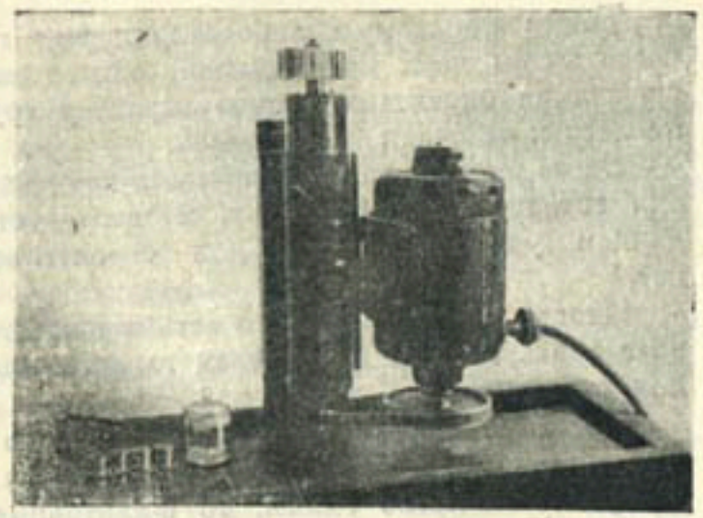
Нужно рассчитать размах водяного прыжка.

Для Шаваньской плотины решали вопрос о безвакуумности, стремились к тому, чтобы струя не отрывалась от тела плотины. А для Маткожненской плотины после опытов решили под струю воды, сходящей с трамплина, подвести воздух.

Шумливы за стеклом модели плотин, а рядом стоят спокойные аквариумы без рыб: за стеклом вода и косо положенный грунт — проверяют его оплывание и водопроницаемость.

Здесь проверялось, до какой степени плотина пропитывается водой, устанавливалось то, что в технике называется депрессивной линией.

Моделей земляных плотин в лаборатории всегда стояло две-три.

Центрофуга профессора Лебедева

Так торопились с работой, что не заметили, что создают новые области науки.

Нигде никогда в мире не работала так лаборатория. В ней толпились, как в приемной перед залом суда, модели. Все сооружения строительства перебывали здесь в уменьшенном виде. И многие вышли отсюда измененными, чтобы вырасти и жить.

Люди лаборатории жили тут же в маленьких комнатах с дощатыми перегородками, с одеялами, которые были повешены вместо дверей.

С другой стороны — в комнате окнами в гору — прерывисто выло что-то.

Это была центрофуга профессора Александра Федоровича Лебедева. Маленькая, как дьявол гудящая, центрофуга исследовала молекулярную влагоемкость почвы.

Максимальной молекулярной влагоемкостью грунта называется то количество воды, которое удерживается на поверхности частиц силами молекулярного притяжения между частицами грунта и воды. Сила эта порядка десяти тысяч атмосфер.

Эта вода, в противоположность воде, которая просто пропитывает почву, не подвержена силе тяжести.

В центрофуге образцы почв подвергают действию центробежной силы, и вся вода из образца грунта выбрасывается за исключением молекулярной.

После этого образец почвы взвешивается. После взвешивания он высушивается. Высушивание удаляет молекулярную воду. После высушивания образец опять взвешивается.

Разница в весе образца до высушивания и после высушивания определяет молекулярную влагоемкость. А молекулярная влагоемкость для каждого сорта почвы своя.

Таким образом в лаборатории под горой в течение двух часов путем двух взвешиваний, одного высушивания и одного вычитания определяли точно характер грунта. Здесь работали на лету и отвечали телеграммой.

Здесь видели, как маскируются грунты, какие неожиданности они готовили строительству, и часто устанавливали, что на данном участке годного для строительства грунта вообще нет.

Иногда оказывалось, что есть песок, который профильтровывает воды. И есть ильдиевая глина, которая вообще не годна для строительства.

Но после опытов устанавливалось, что если поливать песок мутной от глины водой и таким образом вносить в песок некоторое количество глины, то фильтрация значительно уменьшается. Тут приходилось вытаскивать науку из книг.

Есть обычные ошибки здравого смысла, которые довольно трудно преодолеть.

Здравый смысл живет пока в четырехугольнике четырех правил арифметики.

В средней школе задавали задачу: в час из бассейна выливается 10 ведер воды. Сколько выльется в 10 часов?

Эту задачу решали умножением.

Это неправильно. В бассейне одновременно с понижением уровня воды будет уменьшаться ее скорость.

Технические вопросы простым умножением не решаются.

Думают, что фильтрация идет по породам грунта. А на самом деле вокруг частиц грунта есть пленочная вода, которая окружает их, как чехлы. Вот между этими чехлами из неподвижной воды протекает фильтрующая вода.

Можно увеличить работу чехлов и задержать воду водой.

Произвели опыты. Взяли две трубки, насыпали в них песок; в одну насыпали 10 сантиметров песку, в другую — 200. Профильтровали через каждую по 10 литров воды. Потом определили степень влажности песка в короткой и длинной трубках. Оказалось, что в длинной трубке влажность песка первые 150 сантиметров постоянна, а потом возрастает прыжком.

В короткой трубке — другая картина: здесь влажность песка одинакова по всей его величине, причем она значительно больше, чем в длинной трубке.

Вода в короткой трубке задерживается сильнее, чем в длинной: воздух, находящийся под песком, оказывается водонепроницаемым слоем.

Вспоминали наблюдения, что горизонтальная или наклонная щель в грунте задерживает в его верхних слоях воды больше, чем ее может задержать на той же высоте сложный однородный грунт.

Все это оказалось чрезвычайно злободневным, реальным, как тачка, как паровоз, пароход, камень.

На строительстве нехватает годных грунтов, но торфа много.

Торф пропускает воду, песок пропускает воду. Смесь торфа с песком меньше пропускает воду, чем в отдельности песок и торф, но все-таки фильтрует очень сильно. Но слой песка, покрытый слоем торфа и снова песком, — такой слоистый торфяно-песчаный экран не пропускает воды.

Это проверяли в приборах, это оказалось верным: слоистые экраны выдерживали проверки, вода не прорывала их и не выпучивала.

Высокая техника проста и легка; изумительность Беломорстроя не в том, что он большой, а в том, что он легкий.

Высокая техника — это не обязательно техника, имеющая дело с конструкциями из высококачественных материалов.

Часто это конструкция из грубых, но рационально примененных материалов.

История со слоистыми экранами интересна как случай преодоления узкого места.

Она показала, как злободневная теория, удачно осуществленная, избавляет строительство от необходимости пользоваться дорогостоящими, а иногда и вовсе дефицитными материалами и кроме того уменьшает кубатуру сооружения.

Конечно работа с экранами ввиду ее новизны требует тщательности, но ведь и вообще работа с грунтами при рациональном их использовании — это работа, требующая тщательного и сознательного отношения к делу.

Вот почему на Беломорстрое земляные работы начинались с митинга — технического производственного совещания.

Каждая тачка должна быть насыпана, провезена и высыпана с определенным отношением к делу.

Сооружения Беломорстроя не фильтруют потому, что они насквозь пронизаны мыслью людей, их воздвигавших.

Вот лежит рядом с бетонной 27-й Маткожненской плотиной плотина из каменной наброски с деревянным экраном. Камень — опора, непроницаемость — дерево. Плотина внешне примитивна и технически чрезвычайно остроумна.

По лаборатории ходит профессор Лебедев.

Перед батареями приборов и пробирок сидят люди, которые раньше не были лаборантами.

За стеклом лежат грунты. По каплям накапливается правда в сооружениях.

Уже появились гости в лаборатории, модели Свирьстроя. Через сени была другая изба, и в ней жила величайшая в мире лаборатория по испытанию бетона, положенного зимой.

— На том свете, — говорит профессор Лебедев, — мы так не работали.

Он говорил о себе как о мертвом и уже сам не верил себе. Он был сам моделью, которую переконструировали.

ЛЮДИ УЧАТСЯ, НЕ ОТХОДЯ ОТ ТРАССЫ

В УРО — в учетно-распределительном отделе — на карточках заключенных обычно не была заполнена графа «специальность». Приходилось учить людей с азов, но нехватало даже букварей. На двадцать пять безграмотных можно было достать только один букварь.

Зимин был плотником. Он выбрал доску поглаже, обтесал, отшлифовал и пошел в художественную мастерскую.

— Нарисуйте мне буквы побольше, да поровней и получше.

Художники в вечер сделали ему азбуку. Зимин вернулся в барак довольный. Он собрал обучающихся и сказал:

— Теперь я вас буду учить по своей азбуке. Мы ее разрежем.

Так появилась на Беломорстрое первая разрезная азбука. Потом по такому же способу были сделаны таблицы умножения. Один плотник даже соорудил и сам разрисовал глобус. Беломорстрой занимал здесь непропорционально большое место, он пересекал всю Европу и рассекал часть океана. Глобус стоял на столе. Барак вежливо обходился со столь странным украшением.

Полученный журнал, со страниц которого глядели новые заводы, фундаменты строек и наметки электростанций, лагерники откладывали особо, смотрели, читали порознь и вместе — от журнала оставались растрепанные листки, и лишь тогда их пускали на курево. Очень интересовались картинками о колхозах. Большинство учащихся были кулаки, осужденные по 58[10]. Возраст учащихся колебался от девятнадцати до пятидесяти лет.

Жил человек в своем хозяйстве, грамота ему не была нужна.

Тут он рубит ряжи, хочет проверить, что записал десятник, правильно ли он указал выработку, а потом хочет посмотреть и чертеж, может быть техник что-нибудь лишнее выдумывает.

Седеющий ученик, старательно выводя буквы, говорил:

— Пригодится под старость расписываться. Вот на волю пойдем, и будет чем вспомнить Беломорстрой. Я теперь и домой сам пишу. У меня с сыном соревнование идет. Кто лучше напишет...

Люди, которые должны были построить каналы, еще не были обучены. По всей трассе шли кубатурные работы. Сведущие люди говорили, что скоро будут класть бетоны, ставить

Школа шоферов. Каналоармейцам объясняют устройство магнето

ряжи, а ни бетонщиков ни плотников нет. Бетонщики и плотники конечно были, но они потонули в огромной массе лагерников, работали на кубатуре, на лесопилке, на лесосплаве, на хозобслуге. По лагерям шла тревога. Бригадиры собирали плотников, одиночками переводили на ряжевые работы. И когда в марте пришло задание на 80 тысяч кубометров ряжей по одной только Повенчанской лестнице, то стало ясно, что нехватает восьмисот плотников. То же произошло с бетонщиками, со слесарями и т. д.

Так было со всякой специальностью.

Организовали профтехнические курсы, взялись за бригадное ученичество. Опытные плотники отказывались обучать новых учеников, которых прикрепили по три-четыре человека к каждому. На обучение уходит часть дня, падают показатели — пусть кто хочет, тот и учит. Пришлось растолковывать, пришлось подробно и долго объяснять, какая помощь должна притти от учеников.

На одном собрании выступил Скобенников:

— Я не против, я учить буду, но работать за меня они не будут. — Он показал на своих учеников. — От них, верно, мало пользы. Но, с другой стороны, под лежачий камень вода не течет. Провожусь я с ними недели три, а ничего не выйдет — брошу.

Через два месяца бригада Скобенникова, состоявшая из тридцати трех человек, никогда до сих пор не работавших по плотничьему делу, давала при рубке ряжей самую высокую выработку по отделению при отличном качестве.

От плотников не отставали бетонщики. Бригада Корнеева из учеников профтехкурсов первого отделения работала на трассе.

Был приказ снизить выработку для курсантов до 75 процентов против обычной нормы.

Курсанты обиделись и решили:

— Мы такие же каналоармейцы, как и все. Будем работать стопроцентную норму как минимум.

Все люди были связаны делом: был человек землекопом, стал бетонщиком. Бетон проверяют в лаборатории. Строится полевая лаборатория. Полевая лаборатория контролируется лабораторией Медвежьей горы. И вот вышло так, что бывший вор, лаборант-бетонщик Ковалев оказался связанным производством с одной из самых передовых лабораторий в мире.

Проверять нужно на ходу. Материалы новые, конструкции новые, в них есть новые качества. Работать можно только вместе, людям доверяют.

ПРИКАЗ

НАЧАЛЬНИКА СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО ВОДНОГО ПУТИ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОМУ ЛАГЕРЮ ОГПУ

Ст. Медвежья гора — 8 марта 1932 года

№ 1

В целях облегчения аппарату лагеря и Управлению строительства по окончании сооружения канала быстро и безошибочно применить меры поощрения и льгот в широком масштабе (вплоть до освобождения раньше отбытия срока наказания, восстановления в гражданских правах и т. п.) к заключенным, проявившим себя на строительстве с наилучшей стороны, п р и к а з ы в а ю:

1. Главному инженеру и начальнику работ завести во всех отделах и самостоятельных частях строительства специальные журналы „Изобретений и рационализаторских мероприятий", принятых строительством и введенных в конструкции сооружений или процессы производства.

В журналах отмечать.

а) суть изобретения или мероприятия;

б) автора с указанием его квалификации, занимаемой должности и характеристикой общей трудоспособности и поведения;

в) время принятия строительством изобретения или мероприятия;

г) материальные результаты изобретения или мероприятия в денежном выражении, в экономии на материалах и времени. Улучшение качества.

Каждая запись в журнале визируется ближайшим начальником лица, сделавшего принятые предложения, подписывается начальником отделения и утверждается при объездах (если это на фронте) ГИСГРом или начальником работ.

2. Начальнику БЕЛБАЛТЛАГа по этому же принципу завести журналы „Изобретений и рационализаторских мероприятий" для записи изобретений и мероприятий, исходящих от рабочих.

Кроме того начальнику Белбалтлага обеспечить уже сейчас учет подлинных ударников-рабочих, занятых на строительстве, с тем, чтобы по окончании канала техническое оформление в аппарате не задержало объявления имеющих быть льгот.

Приказ довести до самого широкого сведения всего населения лагеря. Аппарату КВО и КВЧ на местах провести соответствующее разъяснение этого приказа.

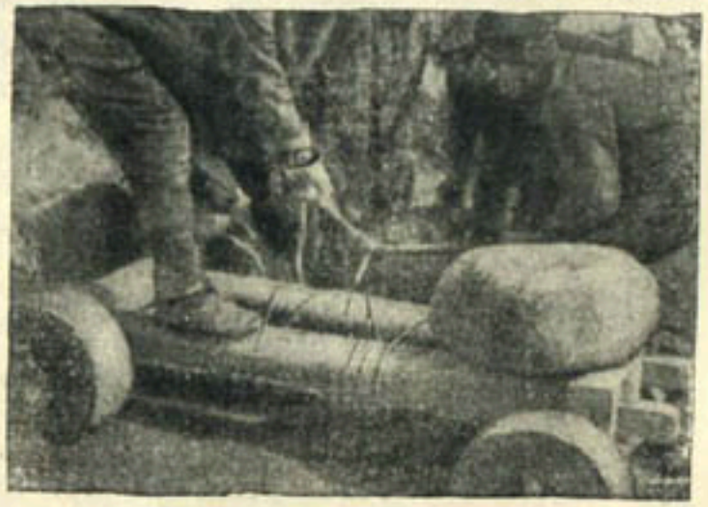
Начальник Главн. управл. лаг. ОГПУ и НСТР *КОГАН*

СВОЯ ИНДУСТРИЯ

На трассе всякая неквалифицированная работа становилась для человека переходом к работе квалифицированной.

Еще достраивались бараки, еще рубили деревья, прокладывая просеки, но уже начали углубляться котлованы.

Земля на южном склоне Водораздела оказалась каменистой: валуны лежали, образуя целые мостовые.

Беломорский «форд»

Люди еще не умели работать с камнем: один человек безуспешно старался там, где должны были работать двое, или брались за работу трое, где нужно было только двух.

Методы работы были примитивные: камни носили в сетках, из сеток вываливали на «форды».

Беломорский «форд» — это тяжелая площадка на четырех маленьких сплошных деревянных колесах из обрубков дерева.

Тащили такой «форд» две лошади.

Рядом с «фордами» работали тачки. О тачках разговаривали много, их переделывали и перепробовали на тысячу способов.

Тачечное колесо было первым механизмом на Беломорстрое. Из тачечного колеса делали вагонетки, поворотные круги для вагонеток; десятники говорили, что из тачечного колеса только обеда нельзя сделать.

Тачечное колесо — вещь простая, но тачек нужно было много, и колес нехватало.

Рядом со станцией Медвежья гора стояли небольшие железнодорожные мастерские.

Здесь работало человек восемьдесят заключенных.

Чинили телеги, потом начали выковывать ерши — скобы для скрепления ряжей.

Литейной не было. Но вот оказалось, что на строительстве нехватает тачечных колес. Тачечное колесо — вещь простая, но все же для него нужно литье.

К заключенному Руденко, заведующему мехбазой, пришел заключенный Слива, бывший кулак. Он предложил построить вагранку для выплавки металла.

Долго на это не решались. Но тачечные колеса очень нужны. Наконец решили все-таки попробовать.

Первую беломорскую вагранку назвали «вагранка типа времен Петра Великого». Вагранка сейчас находится на Москва-канале, не в музее, а на производстве. Это кусок трубы высотой с два с половиной метра, диаметром восемьсот миллиметров. Внутри она футерована огнеупорным кирпичом. Эта труба насажена на кладку, в нижней части которой устроены фурмы.

Вагранка Сливы — нечто среднее между старыми горнами и настоящей вагранкой.

Эта вагранка работала неплохо, она отливала тачечные колеса.

Котлованы углублялись. Беломорский «форд» и тачка уже не могли справляться одни. Нужно было создавать краны.

Решено было строить краны — деррики — из дерева.

Трущиеся части кранов нужно было отлить. Заказали Олонецкому заводу. Олонецкий завод для Беломорстроя имел то преимущество, что, во-первых, он был ближе, а во-вторых — сговорчивее, чем Путиловский. Путиловский завод иногда бра-

ковал беломорские заказы из-за их технической неожиданности. Так были забракованы деревянные затворы Маткожненской плотины.

Их беломорцы испробовали потом на водоспусках и убедились, насколько был прав конструктор-инженер Журин и насколько были консервативны и потому не правы путиловцы, отрицавшие возможность деревянных затворов.

Металлическое литье для дерриков никаких сомнений не возбуждало, но Олонецкий завод опаздывал.

Тогда отливка была произведена в мехбазе Беломорстроя. Вагранка дала Беломорстрою полторы тысячи тонн прекрасного металлического литья

НАЧАЛЬНИК УЗЛА

Поезда Мурманской железной дороги всегда славились опаздыванием. Путь от Медвежки до Надвоиц недлинен, но поезд задерживается на разъездах. В вагонах много женщин: едут на свидание. Говорят все об одном и том же — о лагерях.

В одном купе высокий человек в длинной серой шинели внимательно читает книгу Пришвина.

«Смотришь на столбики пены. Они вечно отходят в тихое местечко под навес черной каменной глыбы, танцуют там на чуть колеблющейся воде. Но каждый из этих столбиков не такой, как другой. А дальше — и все различно, все не то в настоящую секунду, что в прошедшую, и ждешь неизвестной будущей секунды.

Очевидно какие-то силы влияют на падение воды, и в каждый момент все частички иные; водопад живет какой-то бесконечной сложной собственной жизнью...»

Это — описание Надвоицкого водопада. «В краю непуганых птиц» — книга о здешних местах. Внимательно читает ее Успенский. Поезд опаздывает — времени много. Надвоицкий водопад предназначен к упразднению, выше него должен стать узел четвертый.

Успенский отложил книгу и начал просматривать чертежи. На чертеже схема узла. К чертежу — докладная записка.

«Узел 4-й — Надвоицкий — имеет назначение кроме обеспечения транзитного судоходного пути создать выгозерский бьеф с подтопом реки Телекинки.

Этот узел скомпановать из водосбросной плотины № 21 на правом берегу и двухмерного шлюза № 10 на левом берегу с подходными каналами, изолированными от подходов к плотине. Русло реки Выг закрыть глухой плотиной...»

«Подпорные дамбы расположить...» — читает Успенский исписанные на машинке листки. Достает дорожку. На дорожке

штрихами размечены дамбы, скобками — шлюзы и двумя черточками — плотины. Красной жирной чертой по карте проложен путь будущего канала.

Дамбы обозначены ничего не говорящими номерами.

Успенский, чтобы лучше запомнить и разобраться, надписывает названия. Самая длинная дамба называется Дубровая, по имени деревни, около которой расположена. Успенский смерил дамбу. На карте она не длиннее мизинца, в проекте длина ее значится в три с четвертью километра. Над плотиной № 21 Успенский надписал — «водосбросная», потом разметил карту какими-то крестиками и знаками — пометки для себя. В поезде от Медвежки до Надвоиц он заучивал названия своих объектов и уже не путал нумерации шлюзов и дамб. Он хотел знать свой узел. Надвоицкий узел.

В голову лезла какая-то веревка с туго затянутым узлом — морской канат. В Соловках был такой канат на пристани с неуклюжим узлом. Надвоицкий надо завязать лучше. «Тов. Успенский носит длинный волос, пролетарская прическа называется в нашем деле», говорит местный парикмахер. Волос у Успенского рыжевато-медного цвета. Жесткий волос, хоть и вьющийся. Успенский хорошо смеется, он тогда быстро располагает к себе человека. Как многие высокие люди, он сутулится, а длинная армейская шинель прибавляет рост.

В Надвоицы Успенский прибыл зимой. Будущие лагеря намечались объезженными дорогами, притоптанными тропинками, сведенным лесом, кое-где стояли уже бараки. В лагерном деле Успенский не новичок. Он знает предельный запал урканов, яростную упрямость деревенских каэров. Он знает человеческий материал, с которым придется иметь дело, но он совсем не знает строительства. Все заново — и никаких писаных инструкций. Одно указание — исправительно-трудовая политика. И в этой области кое-какой опыт вывез Успенский из Соловков, где он был одним из начальников, применявших новый метод, невиданный в мире, — исправительно-трудовой метод советской власти.

Перед Успенским — задача: подготовиться к тому, чтобы руководить участком строительства. Он учится. Он по столу расстилает синьку, проектные варианты сооружений и, созвав инженеров, часами вслушивается в бесконечные споры и обсуждения. Поток непонятных терминов оглушает его. Кто из инженеров прав, на кого можно положиться? Слушая споры, готов согласиться и с тем, и с другим, и с третьим.

Уже решено, какие отвалы, какой высоты, какого наклона насыпать по краям будущих подходных каналов. А может что-нибудь не так?

Сегодня надо решать, каким образом брать скалу, какие

Клуб в Сосновце

тачки пустить под зимнюю возку грунта, как заложить шахту, какие подъездные пути применять на десятом шлюзе, какой длины должны быть ряжи, какая древесина лучше и как ее обрабатывать.

Главный вопрос о квалифицированной рабочей силе. Где взять подрывников? Как готовить электромонтеров? Откуда раздобыть плотников? Трактористов? Кузнецов? Слесарей? Мало людей, мало... Кого назначить прорабом? Инженеры говорят длинно и неясно. Особенно о свойствах своих коллег. Телеграмма из Медвежки — направляется новый этап, тысяча двести человек. Люди нужны, но бараки недоделаны. Партия должна отдохнуть, утомлена переездом. Через дня два-три люди выйдут на работу.

К ночи в голове стоял гул.

Инженеры не ручаются за качество работы заключенных и проектируют и рассчитывают с «запасцем», на всякий случай. И запасцы подчас изрядные. А сроки короткие, жесткие. Инженеры пожимают плечами:

— Построить конечно можно, почему же не построить? Но не в такие сроки и не с такой рабочей силой.

Зимой дамбы нельзя засыпать землей — промерзший грунт весной оттает, даст осадку. И реку зимой не перекроешь — весеннее половодье снесет плохо закрепленные сваи. Зимой надо готовиться к весне и лету.

Зимой прокладывали подъездные пути, расчищали места под объекты, главным образом налегли на строительство постоянных бань, пекарен, кухонь, столовых. Выстроили клуб, в котором постоянно толпились каналоармейцы.

Зимой широко развернули и культурно-воспитательную часть. Основные кадры, подвергавшиеся перековке, были тридцатипятники. Инженерно-технический персонал сначала клуба не посещал:

— Нам перековываться незачем.

Успенский видел, что воспитатели, которые работали с тридцатипятниками, не сладят с лагерной интеллигенцией. А лагерная интеллигенция к тому же как на подбор. Один в обеденный перерыв уходит на реку и орет стихи Бодлера в переводах Якубовича-Мельшина и Федора Сологуба, другой цитирует на память страницы из Достоевского, вгоняя в уныние и себя и слушателей, третий читает по памяти, как из книги, сложнейшие выкладки и химические формулы, четвертый и на трассе пытается говорить по-французски.

На клуб посматривают насмешливо.

Но одному-другому инженеру звонил сам начальник отделения Дмитрий Андреевич Успенский, лично звонил и непременно просил быть. А в клубе, глядишь, тов. Успенский так выступит, что не ответить неудобно. Ответишь, в спор влезешь, сам вызовешься лекцию прочитать.

И стали инженеры понимать массовую работу. Стали не только в клуб, но даже и в бараки захаживать:

— Часто сам не успеешь пообедать, а в бараки забежишь, посмотришь, что приготовили, вкусно ли. Ведь не накорми как следует, так и выработка снизится. Тебе же стыдно, что твой участок отстает.

Или:

— Иной раз смотришь, а про тебя в бараке в стенгазете написано. Знаете, приятно. Никогда не думал, что такая мелочь может доставить удовольствие.

Оказывается, может. И даже большое удовольствие. Приятнее прочесть что-нибудь дельное в стенной, чем плохое в центральной.

И вот понемногу втянулись. Так, знаете, незаметно. В привычку вошло. Бывало, на воспитателя смотрели как на лишний элемент, а потом увидели, что они даже выручают в трудные моменты. Попадались удивительно толковые люди. Быстро усваивали технику и на трассе приносили большую пользу делу.

К марту месяцу в четвертом отделении коренное лагерное население знало, какую часть трассы оно делает, для чего это делается и что будет потом, когда закончат все сооружения.

И это конечно не могло не отразиться в первую очередь на самой работе. Производительность труда повысилась. Работать стали дружнее, охотнее.

ОТКАЗ ЛЕДЕРКИНА

Не все работали добросовестно. Были среди заключенных злостные лодыри, отказчики, месяцами отлынивавшие от работ. Были фиктивные инвалиды, притворявшиеся больными, ссылавшиеся на «грызь», чтобы не итти в котлован. Были «отрицаловцы» — люди, агитировавшие против работ. Были вредители.

Фома Ледеркин, пятидесяти лет, уроженец села Стефанидар, был раскулачен осенью 1930 года. Он переехал к тетке, жившей в том же селе. Спал в сенях, кланялся в ноги всем, кто входил в избу: соседу, курице, собаке. Оброс бородой. Отверг, славя бога, земные заботы.

В декабре 1931 года он поджег стефанидарский нардом. Дело случилось ночью. Ледеркин проломил мерзлое нардомовское стекло, снял тулуп и, перекрестясь, влез в окошко. Тьма стояла в нардоме, Ледеркин прополз на сцену. Он ходил здесь среди декораций — лесов и полей, среди деревянных плугов, среди балалаек и домр, спрятанных заведующим музыкальным кружком под холстину. Потом, помолясь, вынул пузырек с керосином и облил все, что попалось под руку — стены, реквизит, потолок, бутафорию. И зажег. Пламя вспыхнуло разом.

Нардом осветился. Стали видны плакаты, изображавшие норму пшеничного высева и уход за капустой. Дымя, загорелись штаны и штиблеты из скетча о Лиге наций. Горели лавки, лопнула лампа, треща, запылал весь нардом целиком. Это был тихий нардом, дымный и закоптелый, хранивший в своих стенах следы всех схваток великого года. Здесь были окурки, валявшиеся еще с сентября, болтались обрывки приклеенных в феврале плакатов. Деревья и кусты — останки какого-то июльского спектакля — висели над эстрадой. Зимний ветер бил в его окна. Топот ног, радостных и протестующих, потрясал его...

Ледеркин вылез из окна. Никто не заметил пожара, мерно стучала колотушка. Потом послышался колокол, мелькнули огни. Пожар. Грохот набата, топот коней. Ночное движение, страшное в деревнях.

Ледеркин бежал. Всю ночь просидел он в лесу. Здесь было тихо, падал снег, скрипели деревья. Ночь показалась Ледеркину длинной, он засыпал и вновь просыпался. Днем, по следам, крестьяне устроили облаву и поймали Ледеркина. Он был судим, приговорен к расстрелу. ВЦИК заменил высшую меру десятью годами концлагерей.

В феврале 1932 года Ледеркин попал на Беломорстрой. Он прибыл туда этапом, в теплушке, полной соцвредами. Среди этой армии уголовных ехало только шестеро осужденных по кулацким делам. Их обокрали, едва они успели войти в теплушку, стащили белье, одеяла, хлеб, чайники, сахар. У Ледеркина свистнули сапоги. Сидя в портянках, Ледеркин видел, как утираются его полотенцем, как одевают его рубаху, примеривают сапоги. Он глядел и молчал.

Кулаки отделились от шпаны, заняли место под окошком вагона, выставили сторожей. Читали молитвы, пели псалмы, вспо-

минали о прошлой жизни. Вспомнили борщ, поговорили о лошади. Вспоминали барана.

Сердитая грусть, огромная печаль, от которой чешутся ладони, обуяла их. Ночью они поймали тридцатипятника, когда тот пытался украсть полотенце, и принялись бить его. Били так, что никто из шпаны не решался вступиться за вора. Били в душу и в мать, страшным крестьянским боем, как бьют конокрадов.

Охрана насилу отняла вора.

По приезде в Надвоицы все шестеро отказались итти на работу.

— Мы свое отработали — пусть теперь медведь работает.

— Чужими руками дерьмо загребать... Ловкачи вы, вашескородие, — кричали они воспитателю.

Назавтра их вывели под конвоем на рубку леса. День выдался пасмурный, дул ветер, шел снег. Начинался буран, снег падал на спины, на шапки, на пилы. Далеко в деревне кричал петух.

Кулакам указали участок, но они отказались работать. Побросав пилы и топоры, они стояли в снегу. Падали сосны, хрипели пилы, люди пробегали суетясь. Кулаки стояли недвижно. Чтобы казаться страшней, они старались не шевелиться. В минуты «перекурки» они закуривали, потом, покурив, недвижно стояли опять.

Темнело, близился вечер, желтели костры. Огонь трещал среди деревьев, ветер качал чайники, подвешенные на шестах.

Громче кричал бригадир, люди пилили, рубили деревья. Они пробегали мимо недвижных кулаков, не обращая на них внимания: кончился день, десятник обходил работы.

Кулаки запели псалмы и молитвы. Они во все горло благословляли день, который прошел, благодарили бога за радости, которые он им доставил. Темнело, они пели среди тьмы. Они запевали тихо, потом поддавали жару.

Никто не глядел на них. Никто из бригадников не славил траву и птиц, присоединив свой голос к их хриплому хору. Кончался день, бригадники работали. Их трудно было удивить псалмами. За время своего пребывания в лагерях они наглядились на всякие фортели. Видели нэпманов, кричавших: «Я поэт», когда их заставляли взрывать скалы. Видели помещиков, падавших на песок, целовавших землю, чтобы не работать. Все это кончалось одним: трудом.

Никто не глядел на кулаков. Близилась ночь, шесть кулаков громко славили царя Давида. Они пели о Ионе, стоя среди карельских лесов. Они хвалили чрево кита. Хрипели о мудрости диких зверей, о благости рыб, о добросердечии птиц, о голубизне и синеве неба.

Так кончился день. Все шестеро получили уменьшенный паек. Они пошли в столовку и долго глядели на ужин ударников. Они осматривали этот ужин неторопливо, серьезно — и справа, и слева, и искоса, и в лоб, и прямо, и исподлобья.

— А ну их к дьяволу, птиц, — сказал вдруг кулак Катомов, — что я — ухарь какой, чтобы петь на морозе.

Оглянувшись на ужин в последний раз, кулаки ушли к себе в роту. Там, покричав, решили они прекратить пение в лесу. Ледеркин был против такого решения. Его не так легко было сбить с позиции.

Он спорил, доказывал, кричал, но компания распалась, петь одному казалось смешно. Ледеркин вышел работать. Его, как и многих других кулаков, направили на вывоз из котлована камней и земли.

Ему дали сани и лошадь. Это была тихая, невысокая коричневая лошадь, с рыжими подпалинами на боках. Спокойный конский дух, дух мира и теплоты исходил от нее. Зубы ее были желты и сжеваны. Увидя Ледеркина, лошадь ткнула его носом в плечо, вдохнула в себя барачный ледеркинский запах и с шумом выдохнула этот запах.

— Ну, ты, государственная! — тихо сказал Ледеркин.

Он развернулся и, что было силы, хватил ее кулаком по зубам.

Так началась их долгая совместная работа на трассе канала.

УМАРОВ

В том же четвертом отделении в Надвоицах работал и Умаров. Он ходил по трассе в ватном бешмете с газырями и в мягких кавказских сапогах с галошами. На голове была надета плоская кубанка с золотым галуном. Талия, перетянутая блестящим ремнем, была тонка. Осиная талия джигита, абрека, щеголя! Умаров сед. Это стройный, моложавый старик. Когда-то он был крестьянином.

В 1913 году по приказу своего помещика он совершил первое убийство. Жертвой пал бедняцкий вожак Далаяров, многосемейный горец из Верхней Шавы. Разочаровавшись в наемном убийстве с большим риском и мелкими доходами, Умаров занялся вскоре собственными делами.

Из всех видов вооруженных нападений, которые были распространены в Нагорном Дагестане, Умаров избрал низовое абречество: он грабил бедняков. Крестьянская курица привлекает его внимание, хромой жеребец со вздутым животом становится предметом его преступлений. Умаров знал, где искать сокровища аулчан. Шелковый платок, общупанный руками пяти поколений — цветастая святыня гооской семьи, пахнущая имбирем

и луком, легко переходит в его огромный мешок, куда склады валось награбленное имущество.

— Тащи добро на воздух, — приказывал Умаров бледным трясущимся старухам, холодным взглядом окидывая дымный потолок, каменный пол и войлочную тахту, на которой голосили завернутые в холст молочные дети.

— Уходи, демон! — шопотом умоляли его женщины.

— Богом просим, уйди!

В годы мировой войны Умаров продолжал свою деятельность. Он уводил коней и обворовывал сакли. В аулах говорили: «Кончился Талавардов», «Слыхали, у Османа вырвали кусок шеи». В обиход горцев крепко вошли белое тряпье перевязок и самодельные костыли калек.

Умаров поджигал сакли и обчищал коновязи. К тому времени он был бандит с большим стажем, мастер мелкого разбоя, жадный до всякого барахла, танцор и повеса.

Уходя в горы после удачной операции, Умаров в удобном месте приказывал своим людям спешиваться.

— Танцовать! — кричал он.

Несколько бородачей выходили на круг. Умаров ударял в ладоши. Потом танцовал сам. Это была самоотверженная пляска грабителей, гремевшая без свидетелей в ночной тьме, при свете бедной звезды, среди коряг и лягушек. Наплясавшись досыта, Умаров приказывал: «Сидать!»

Октябрьская революция застигла Умарова на переходе Хунзах-Гуниб. Прослушав смутные новости, рассказанные каким-то пешим солдатом, он повернул лошадь и скрылся в Салтинском ущелье. С тех пор он боролся с советской властью по-разному: винтовкой, шашкой, кинжалом.

Имам Гоцинский, руководитель белых дагестанцев, ходивший в шелковом тюрбане и русском генеральском мундире, пользовался услугами Умарова. Нужны были свежие люди! Умарову приказывали завербовать столько-то новых голов. Спустя неделю он приводил в отряд испуганных учеников приходских школ Верхнего Нагорья или нечесаных людей из отдаленных аулов. Умаров богател. Он завел себе чесучевый бешмет, ездил в Петровск-порт и пригоршнями покупал билеты лотереи-аллегри во время гуляний в городском саду. Когда контрреволюция была разбита, Умарову снова пришлось скрываться. Его тайная жизнь продолжалась без малого десять лет. Он сколотил шайку в двенадцать абреков и носился с ней по горам. Иногда он недолго крестьянствовал, прикидываясь мирным человеком. Несколько месяцев прослужил табельщиком на заводе «Дагогни», чтобы замести след. Шайка расползалась по селениям. Потом он снова собирал ее. Последний его набег был совершен на малолюдный аул Гашан, висевший в стороне от тропы. Комсомольцы встретили Умарова ружейным огнем. Шесть человек из его шайки остались лежать, остальные сами отдали винтовки. Их посадили на замок в кунацкой «красного уголка». Умарову удалось спастись. В какой-то горной цирульне он сбрил бороду. Сменил папаху на кепку.

Шатаясь из аула в аул, он задумал сколотить новую шайку. Искал товарищей, но с трудом находил их. Кругом разговаривали об учебе, о бригадах, об укреплении колхозов. Это происходило в 1930 году. Через несколько дней в пятидесяти километрах от моря арестовали Умарова. На допросе в ОГПУ в Махач-Кала, столице Дагреспублики, он сказал:

— Я шел сюда сам. Вы перехватили меня на пути.

Его судили и приговорили к десяти годам. Затем он был выслан в беломорско-балтийские лагеря.

Такова прошлая жизнь Хассана Умарова.

Приехав на Беломорстрой, Умаров первый месяц зверски скучал. Он зевал работая, безразлично принимал пищу и брезгливо засыпал. Вскоре после приезда он заболел ангиной. Лежа в больнице, он не открывал глаз без особой надобности. Когда приходили смазывать ему горло, он, кряхтя, раскрывал свой большой рот с раздробленными кривыми зубами.

— Ковыряйся скорее, сердце мое! — ворчливо говорил он санитарке.

Поболев, Умаров вышел на трассу. Он был худ и неразговорчив. Ничто в мире не занимало его. Морозный беломорстроевский день без всадников и шашлычных был ему ненавистен. Он бурил скалу, думая о коровах, закладывал патрон, мечтая о тахте, провонявшей курдючным салом; вывозил грунт, жалея о разбитой профессии.

Прошло три месяца. Однажды во время ночных работ Умаров встретил своего земляка и соратника Асфендиева. Изрытая поверхность с вывороченной землей и выдолбленным камнем напоминала поле боя. На трассе было светло, как в полдень. По мерзлым дорожкам, тянувшимся вдоль котлована, скрипели тачки, наполненные диким камнем разноцветной окраски. Бурильщики, выпотрошив скалу, закладывали отверстие деревянными втулками. Немного поодаль шумели костры; вокруг них дымился смешанный с золой, исковерканный снег, исполосованный светом прожекторов.

На деревянном здании барака мотались сорванные вьюгой бумажные цветы, повешенные к празднику. Оледенелые изображения шлюзов и плотин были прибиты к дверям клуба.

— Ваше почтеннейшее здоровье? — спросил Асфендиев, кланяясь и приседая по законам бандитской вежливости.

— Живу, — ответил Умаров.

— Действительно . . . — протянул Асфендиев.

— Как видите, — поклонился Умаров.

Они стояли и свертывали цыгарки. Это была «перекурка» — пятиминутный интервал посреди великих работ. Чиркали спички. Множество огненных точек загоралось на трассе. Потушив фонари, можно было бы заметить неровный световой пунктир среди коротких дымков и очертаний курильщиков в теплых шапках.

Умаров и Асфендиев дымили и разговаривали. Оба они были в черных бешметах, перехваченных поясами, тонкие и прямые, как свечи. Мимо прошли два бывших одесских дельца в грязных драповых пальто. Они опасливо поглядели на дагестанцев.

— Это кавказские разбойники, — тревожно шепнул один из них. — Убить человека им ничего не стоит. Даже одно удовольствие.

Кончив работу, Асфендиев и Умаров пошли в барак. Перетащив свои сундучки, они решили жить рядом на смежных койках. В бараках помещались большей частью кавказцы.

Асламбек Бурашев, растратчик из Буйнакска, крепкий гражданин, два месяца симулирующий всевозможные недуги, по обыкновению стонал, закатывая свои бесчестные, привычные ко всему глаза.

— Сгораю! Скоро мне потолок!

Несколько человек, стоя у восточной стены, отбивали поклоны. Они молились четыре раза подряд, оптом посылая богу все недоданное ему в течение дня; они совершали эту процедуру с аккуратной честностью воров, делящихся между собой добычей.

Засыпая, Умаров неожиданно заметил Асфендиеву:

— Бригада наша ни к чорту! На работе мы ползем позади всех. Дрянь, а не бригада!

Нацменовская рота, где работал Умаров, действительно была неповоротливой и сырой боевой единицей с худой дисциплиной: многие не выходили во-время. Утренний развод каналоармейцев продолжался два часа. Люди бродили вялые, как мухи. Иные резали ножом обувь, чтобы не торчать на трассе. Субтильные кулаки в каракулевых шапках подходили к лагерникам и бубнили: «Бог есть! Что бы вам ни говорили, знайте бог есть!» — и уходили, таинственно улыбаясь. У кого-то было ночное наитие о «дне искупления»; он рассказывал об этом, уходя на работу к молодым осетинам. Воспитатель был недавний трактирщик из Душета, самый бойкий и грамотный среди всех. В общем это была запущенная нацменовская рота, на которую обращали мало внимания и на которую затрачивалось мало забот.

Умаров презирал отстающих. Свое пребывание в этой роте Умаров считал для себя особым наказанием, той мстительной дальновидностью начальства, которая злит и обижает людей.

Назавтра Умаров встал раньше положенного. В углу молились три праведника, свистящим шопотом беседуя с небесами. Умаров шумно обувался, сердито поглядывая на молящихся.

Везут лес для шлюза

— Хватит ему надоедать, — выходя, крикнул молельщикам Умаров.

— Кому? — спросили, как по команде, все трое.

— Господу, — ответил Умаров.

ЛЕДЕРКИН КАЛЕЧИЛ ЛОШАДЬ ВО ИМЯ ГОСПОДА

Есть много способов калечить лошадь. Неправильно нагружать грабарку — это оттянет коню бока, это натрет коню шею. Можно вбить гвоздь в хомут, не давать лошади отдыха.

Все эти вредительские средства были испробованы кулаками на Беломорстрое. Но все это — средства открытой мести: они влекут за собой лошадиные раны, лошадиные язвы. Такое вредительство легко заметить и вскрыть.

Ледеркин придумал иное. Он воевал с лошадью бесшумно, втихую, он портил это коричневое и мирное государственное имущество исподволь, не спеша, без лишних ран.

Ледеркин пугал лошадь, когда она ела. Едва принимался коричневый конь жевать, как Ледеркин кричал на него и замахивался руками. Конь отходил от кормушки. Затем, помахав хвостом, пофыркав, поглядев на Ледеркина, он приближался к кормушке вновь. Огромная вера в человека жила в этой лошади. Она не понимала Ледеркина. Она думала, что все его действия входят в какую-то сложную и новую систему защиты ее и кормления. И, поморгав, она вновь погружала морду в кормушку.

Тогда Ледеркин пугал ее снова.

В лесу он ее лупцевал. Затянув вожжи, хлопал ее кнутом. Лошадь рвалась вперед, полагая, что от нее требуют быстроты.

Она готова была отдать всю свою быстроту на радость и счастье человечества. Однако вожжи сдерживали ее. Голова ее вздернута была вверх к небу. Ледеркин согласно вековому коду, установленному для разговоров с лошадью, требовал одновременно и быстроты и недвижимости.

Прошел месяц. Ледеркин возненавидел лошадей. Они казались ему слишком веселыми. Его раздражала беззаботность лошадей, ему хотелось, чтобы все они грустили по прошлой жизни, по той жизни, когда они не были еще государственными. Ему хотелось, чтобы отчаяние царило среди лошадей, чтобы слышалось печальное ржанье. Особенно не любил Ледеркин свою коричневую лошадь. Этот государственый конь жил и резвился будто при капитализме. Он нагулял себе бока и отрастил пузо будто в мирное время. Это был конь, примирившийся с новым строем. Предатель. Враг. И Ледеркин бил его, чтобы выбить из него спокойствие и благодушие, он вбивал в эту лошадь печаль и грусть — утром и вечером, огромными дозами. Лошадь стала худеть. Она слабела, вырабатывала все меньше и меньше, паек Ледеркина снизился.

Едет Ледеркин. Читает Ледеркин на дереве плакат. Крупными буквами написано: «ДОЛОЙ КНУТ!» и мелкими — «он не нужен лошади». Думает Ледеркин: а мне канал нужен? Если меня кнутом не бьют, так меня нормой прижимают. Только лошадиная спина в моем владении.

По вечерам в бараке Ледеркин скучал, шум раздражал его. Разговор о деревьях, о скалах, о лошадях, о пайке сердил его. Он был справедлив: он требовал грусти от людей так же, как и от лошадей. Ему хотелось, чтобы люди худели, чтобы люди жаловались. Чтобы пели печально. Чтобы кашляли.

По ночам ему снились болезни среди заключенных, хамство среди начальства, мрак и смятенье. Счастливый, он просыпался. Все было попрежнему. Светало, громко храпел барак, дневальный бросал поленья в печку, мерцали бачки. И, разгневанный мимолетностью человеческих грез, Ледеркин со злостью громко хлопал ладонью о нары.

А наутро снова то же: запрягай лошадь, вези песок на тяжелую ненавистную дамбу, смотри на Выг, смотри на падун за Еловым островом.

Истосковался Ледеркин, лег на нары, отказался работать. Попал Ледеркин в роту усиленного режима, по-местному — в РУР.

УМАРОВ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Пришел приказ — взять скалу к полдню. Каналоармейцы всех родов оружия готовились к штурму, нервничали и ждали команду. Старнад соседней бригады, бывший белопогонник, пролезший в лагерное начальство, подошел к нацменам.

— Черномазое бандитье! — сказал он шутовским голосом. — Ибрагим, работать не могим, — и, ухмыляясь, подошел к трактирщику-воспитателю, с кем он водил большую дружбу.

— К бабушке таких старнадов, — проворчал Умаров. — Вот сукин сын! Ишак! Волк!

В этот день Умаров работал первый раз душевно. Он долбил и бурил скалу. Бешмет его стал грязным, кубанка съехала на затылок. К концу работы неожиданно для самого себя он дал сто сорок процентов.

На другой день он шумел с нарядчиком, ссорился с воспитателем, ходил советоваться к чекистам.

— Двигай, Умаров. Старнаду мы дадим вздрючку, — сказали ему в Управлении.

Послезавтра он разговаривал с земляками-абреками. Хватал их за пуговицу; засматривал им в глаза и шуткой вытягивал улыбку на их лица. Ежевечерне он собирал дагестанцев и вел с ними громовые беседы. Стояли крик и грохот. Это была предварительная расстановка сил, проверка людей, каждый из которых на-зубок знал свое прошлое и начинал задумываться о будущем.

— Давно не крестьянствовал, — сказал зобатый абрек Гильдыр. Крестьянством он называл все то, что добывается честным трудом, без убийства и грабежа.

Через неделю Умарову разрешили собрать бригаду из бывших горских бандитов, знаменитую бригаду, прославившуюся впоследствии по всей трассе.

Так Хассан Умаров стал бригадиром.

Рубили скалу, работали тяжело, нехватало инструментов.

С. М. Киров

Рубили вручную, потом пришли пневматические перфораторы, работающие сжатым воздухом. Это было большое облегчение для бригад, но оказалось, что ломаются буксы перфораторов.

Падали выработки, бригады приходили в уныние, на улыбки Умарова не улыбались бывшие абреки.

Ехать в мехбазу?

Мехбаза занята, у нее неудачи, сделала она бетономешалку, сделала очень быстро, но бетономешалка не работает.

У четвертого отделения есть свои собственные мастера.

Мастер Савва Дмитриев попробовал готовить болванки для букс перфоратора из кусков рельса.

Оказалось, что такие буксы работают вполне удовлетворительно. Нормы выработки поднялись, но все же сводки давали цифры неутешительные.

ЖДЕМ ПОМОЩИ ОТ ЛЕНИНГРАДА

Ленинград — конечный порт Беломорско-балтийского пути.

Для того чтобы создался этот путь, станут плотины на Неве, на Свири. Подымется вода, даст путь пароходу и энергию на электростанции.

Ленинград связан с Беломорским каналом проводами телеграфа и скоро свяжется высоковольтными линиями электропередачи.

Беломорский канал — кровное дело ленинградского пролетариата. Ленинградский обком партии, Ленинградское ОГПУ занимаются всеми вопросами стройки.

Тридцать ленинградских заводов выполняют заказы Беломорстроя. Выполняют сверх плана, в сроки еще более короткие, чем им ставят нетерпеливые строители канала.

«Красный путиловец» делает железные ворота, металлические части для шлюзов и затворов, завод им. Кирова — лебедки для затворов. Части оборудования будущего канала изготовляют заводы им. Марти, им. Карла Маркса, «Русский Дизель», «Красный Треугольник». Четырнадцать процентов всех заказов Беломорстроя должны выполнить заводы города Ленина.

О заказах на заводах, о грузах Беломорстроя, о беломорских строителях думает Киров, сам ездит на трассу. Не раз видели на трассе товарищей Медведя и Запорожца, руководителей ленинградских чекистов.

О Беломорском канале думают в Карелии пионеры, старые партийцы и комсомольцы. Карельские партийные организации изо дня в день занимаются каналом.

В каждом селе, на каждом заводе у канала есть друзья, есть опора и контроль в партячейке.

Сперва не верила старая Карелия каналу. Недружелюбно и с жалостью смотрела она на каналоармейцев.

Тов. Ф. Д. Медведь ПП ОГПУ в ЛВО

Когда загремели взрывы на канале, жалость и недоверие сменились настороженностью.

Когда замолк Надвоицкий водопад, в деревне, где привыкли жить, жениться, ссориться и умирать под гул водопада, — испугались.

Ночью, белой ночью, ходили по деревне комсомольцы, объясняли, почему умолк водопад, при чем тут канал, при чем тут Карелия с ее лесами и заводами.

Утром по почину партийцев на трассу вышло все население деревни — от бородатых стариков до детей с пионерскими галстуками. Партийная организация устроила субботник в помощь каналоармейцам.

Есть в труде заключенного горечь, трудно понять свой труд, понять его место в труде всей страны, понять смысл чужой воли.

Вот почему было большим событием для лагеря — толпа вольных крестьян, работающих рядом с ними, заключенными.

Пионеры накладывали тачки людям в отстающих бригадах. Женщины смеялись на трассе. Парни-сплавщики учились работать лопатами.

Это был день большой душевной кубатуры, с большим перевыполнением производственного плана.

Так появились у канала новые друзья.

КОВАЛЕВ РАССКАЗЫВАЕТ, КАК ОН ВЫВОДИЛ ЛЮДЕЙ ИЗ РУРа

И тогда не все работали. Работа трудная, трудно скалу долбить и целый день бур поворачивать.

Пробует человек работать, а потом говорит: «Пускай за меня медведь работает», и станет отказчиком.

А уголовники некоторые прямо с этапа в РУР шли. Они к тюрьме привыкли, а не к работе.

Начали мы работу с отказчиками. В РУРе был барак, который назывался «конюшня». Там было 750 человек, которые сидели и кричали: «Ибрагим, работать не могим». От них все отшатнулись. Там было мордобитие, драки. Свой паек они проигрывали иногда за месяц вперед и крали друг у друга, чтобы отдать долг. А если не отдать, то убьют или искалечат. Бачок с пищей, когда доходил по рукам от двери до нар, был уже пуст. В общем это было место, как у нас говорят: «Где ночью пляшут и поют, а утром плачут и встают».

К тому времени наша бригада была налажена хорошо. И вот я иду в «конюшню». А там уже прошел слух, что Николай «ссучился» и заставляет работать.

Беру я свои одеялишки и прихожу ночевать. А еще утром я заходил и видал Ольшанского и Шаманского. Это — бандиты, тяжелые люди, имели на своей совести даже человеческие жизни. Я с ними ничего общего не имел на воле, так как мы ими пренебрегали. Вообще уголовный мир презирает бандитов. Я им говорю, чтобы они шли работать. А они отвечают: «Хоть умрем, а работать не пойдем». Я им говорю: «Ведь все равно отсюда попадем только на луну, а мы сейчас живем ничего, рыбку ловим в озере».

Кое-как я примостился и переночевал. А утром является конвой вызывать желающих на работу. Вызвалось всего несколько. Ну, думаю, трудно. Отзываю я в помещение к ротному Ольшанского и Шаманского и говорю: «Можете оставаться при своих убеждениях, но, между нами говоря, я пришел сюда не для того, чтобы филонить, а для того, чтобы разбить эту «конюшню», хотя это и очень трудно». Они меня стали уверять, что это невозможно. Я им отвечаю: «Смотрите, будет зачет рабочих дней для ударников». Они не верят: «Все равно здесь жить, пока не убежишь».

Я у них остался днем. Хожу по «конюшне», ищу нужных мне людей. Но там темно как ночью, курят даже вату из одеяла, и я не могу найти своих.

Во тьме наступаю на какого-то человека.

— Ты что на полу спишь?

И зажигаю спичку — посмотреть.

А он мне в ноги бьет земным поклоном и говорит:

— Не сплю я на полу, а кланяюсь тебе земно, смиряю я, Фома Ледеркин, себя перед тобой, вором, во имя господа.

Просидел я до 12 часов, посмотрел, как у них раздают обед и что при этом делается, и ушел к чертям. Потом явился к Юрасову и попросил вечером установить на несколько минут хотя приблизительную тишину, чтобы услышали мой голос. А там, представьте, барак 70 метров в длину, 20 — в ширину и нары в два этажа.

Юрасов мне говорит: «Оставь ты эту «конюшню» в покое. Иди работать в массы». Но я все-таки пошел опять. Приходим вечером с конвоем, с винтовками, но тишину установить не удается. Тут вышла одна история и как раз мне наруку... Каким-то образом два руровца вышли из «конюшни» и украли у начальника командировки шубу и кастрюлю и многое другое.

Сотрудники третьего отдела приходят вечером с ищейкой, и собака приводит к «конюшне». Охрана всех выгоняет на двор, чтобы делать обыск. Тут отказчики бегут ко мне и жалуются, что из-за одного вора всех будут держать на снегу. Тогда я попросил оставить их в бараке, заявив, что вещи принесут. Оказалось, что один проиграл. И ему или костыли в голову принимать или красть. Он прорвался за конвой и украл.

Вещи конечно собрали, только уже кастрюли были пустые и шуба спрятана в лесу, но мы обещали отдать ее утром.

После этого я выбрал человек 15—16 на работу. Все они говорили, что зря будут мучиться, а я им отвечал, что не зря, а лучше жить будем.

Договорился я с Варламовым, что их пошлют на Северный городок брать мох. Это было на том месте, где потом построили восьмой шлюз.

Я их веду без конвоя, и Юрасов предупреждает меня: «Смотри, разбегутся», но я знаю, что не разбегутся.

Дали им задание собрать кубометр на человека. А они соединились по нескольку человек, чтобы набрать 2—3 кубометра. Я их оставил и побежал за хлебом, верст за пять. Достал 6 килограммов, прихожу и вижу они выбрали по маленькой кучке мха и сидят. Я спрашиваю: «Что же это вы?» А они мне: «А ну тебя... мох-то ведь в воде растет, а мы думали на сухом месте».

Я им говорю: «А я-то вам за хлебом ходил. Говорил с начальником о вашем обмундировании». Уговариваю, но они все равно не хотят работать и велят вести обратно. Привел я их, а в шалмане меня гиком и свистом встречают.

Тогда я взялся за Ольшанского и Шаманского, потому что они пользуются там авторитетом. Мы решили уплотнить часть нар, отгородиться и своих людей класть в кучу. Иначе жить было нельзя: некоторых подговоришь, дашь табаку, и он как будто сочувствующий, а утром его в бараке не найдешь. Четыре-пять метров мы отвоевали с боем и собрали десяток своих людей.

Вывел я своих людей работать раз, другой, но чувствую — нормы нам не сделать: я-то одет хорошо — сапоги, шапка, перчатки, но им мху не набрать. Поставил их в строй, пришел к начальству и говорю, что надо людей одевать. Мне отвечают: «Если их одеть, они все равно проиграют. Лучше возьми барак на 250 человек и подбери туда людей». Тут мне пришлось задуматься, как включать людей в список. В «конюшне» не было возможности узнать людей. Отказчики умышленно не отзывались.

Все-таки Комаровский дал разрешение получить по девять телогреек, брюк, сапог и шапок. Я притащил вещи в барак. Разложил, а там смотрят, как на чудо: откуда в этом бараке такие вещи, как болотные сапоги? Послышались голоса: «Запиши меня». «Ну-ну, — говорю, — сапоги сразу не дам. Надо с недельку поработать».

Обмундирование я действительно не дал, а залез на верхние нары и обставил себя лампами. Я хотел эти девять комплектов раздать так, чтобы продемонстрировать, что вот люди работали два дня и уже получили обмундирование.

Тут я стал уговаривать, кто хочет жить по-человечески, не нарушая лагерной дисциплины, кто не будет воровать, может выйти из этого барака. Начальник даст нам помещение. Но сначала надо будет поработать. Сперва нам не дадут полную норму, а затем, когда привыкнем и получим поддержку, будем работать как основная масса.

После собрания я демонстративно роздал обмундирование. Наутро люди были опять раздеты. Все кричат: «У нас сапоги украли». Только один сознался, что проиграл. А конечно проиграли все. Так из девяти семь пар канули.

Мне начальник и говорит: «Пошел ты к чорту со своим обмундированием». Но я сказал, что сапоги ерунда, а зато я набрал бригаду из 50 человек.

Ходил я сперва с конвоем, потому что три человека ушли, а я за них морально отвечаю. Договорились, что если руровцы желают ходить без конвоя, то пусть берут круговую поруку.

Создалась уже группа в 170 человек, но из них 25—40 человек пришлось отвести обратно на «конюшню», потому что они не идут работать, а только в массе крутятся.

Сводил отобранных в баню, достал белье, обмундирование,

сапоги армейские. Когда перевели в другой барак, атмосфера стала совсем иной. Там дали другие постели, и мы набили матрацы соломой. Я сделал из бумаги украшения, отчего в бараке стало как-то светлее, уютнее.

Из этих 170 человек на 20 я уже мог рассчитывать твердо и через них узнавал настроение других. Постепенно эти 20 человек делаются моим активом. Им даешь привилегии, делаешь их старшими в звеньях.

Вскоре снова оказалось, что у меня нехватает 30 пар сапог. Я иду к уполномоченному и говорю, что дело серьезное, я за людей ответственен, а они проиграли сапоги.

Созываем собрание, и я сразу чищу 65 человек с занесением в личное дело. 50 процентов отнеслись положительно к моему предложению, а остальные, которые предчувствовали, что их ждет плохая судьба, запротестовали. Наш актив пересилил, но формуляры мы все-таки пачкать не стали, а просто водворили обманщиков коллектива обратно в «конюшню» (некоторых вскоре взяли обратно). Наконец коллектив остановился на цифре 120.

Нашей бригаде мы дали название «Красный ударник». Этот коллектив на всем протяжении строительства не раз был краснознаменным. Ольшанский и Шаманский тоже вошли в эту бригаду и стали активом. Как удалось закрепить людей — теперь трудно понять. Вероятно их оглушило доверие, а для уркана такое доверие прочнее всяких решеток. Ведь был случай: задумал один из лагерных художников бежать на волю. Достал липу, подбил ребят, выбрал срок. Пришло назначенное время. А тут как раз клуб ставил «Евгения Онегина» и поручил художнику декорации. Вот в день побега художник собирает дружков и говорит:

— Дайте мне хоть второй акт домазать. Простите, ребята, увлекся.

Домазал второй и совсем заинтересовался. «Кореши» удрали, а художник остался и липу порвал.

А Ледеркин Фома Николаевич так в РУРе и остался «во имя господа».

ДЕСЯТЫЙ ШЛЮЗ

С первого марта начали брать грунт для десятого шлюза. Десятый шлюз целиком поставлен на диабазе. Эта порода трудно поддается бурению. Инженерно-технический персонал всего строительства был заинтересован первым опытом разработки этой породы. Прошли первые декады марта.

Результаты обрадовали дальновидных скептиков:

— Мы говорили! И оказались правы!

К двадцатому числу в Медвежью гору пришла сводка, совсем плачевная. Не сводка, а срам. Всего 30 процентов выработали.

По проводам бежали тревожные запросы. Медвежегорское управление волновалось. Успенский лаконично сообщал, что к первому норма будет выполнена. На место выехала комиссия. Маячило первое число.

— Успенский не разбирается в цифрах...

— Начальник отделения на поводу у спецов...

— Выбрал кажется неудачный вариант, к чему упрямиться. Пора признать свою ошибку.

К первому апреля сводка, присланная в Медвежку, сообщала, что задание выполнено, есть даже процент перевыполнения.

Остряки посмеивались:

— Это он с первым апрелем.

Недоверчивая комиссия выехала на трассу. Лазали, смотрели, измеряли, перемножали — сходилось. План действительно перевыполнен.

В четвертом отделении ликовали.

В Надвоицах созывали вселагерный слет.

По баракам вечером шумно обсуждали событие.

Ударники хвастались мозолями — набили в первые дни работы, с непривычки.

Подрывники обсуждают, какой бригаде адресовать вызов, диктуют своему десятнику. Тот старательно мусолит самодельную записную книжку.

— Пиши прямо, в следующий месяц обяжемся дать к первому мая — пролетарскому празднику для всего мира — сто пятьдесят процентов выработки.

Подрывник оглядел товарищей:

— Не много, ребята?

— Много-то, много, что и говорить. Но я смотрю, что надо еще процентиков пять надбавить.

В конюшне конюхи чистили лошадей. Конюхи оглядывали бока, холки. Мазали мазью, чистили копыта, подрезали стрелки. Коричневому коню-ударнику приложили свинцовой воды примочку. В азарте зашибся где-то. Завтра начинался новый день, день новых побед.

Коричневый конь потряхивал гривой, и вся конюшня косилась на него с уважением. Сколько возок! Какая прыть!

Это был коричневый конь, которого Ледеркин так долго агитировал против советской власти.

Кучера до одури пили чай и тоже хвастались:

— У меня грабарка — смотрю — набок. Я, не будь дураком, соскочил и подпер плечами, а в ней знаешь, сколько пудов?

— Пудов, пудов? А тебя куда чорт нес? Зачем в сторону съезжал? Вам бы разве перевезть, ни в жисть! Это мы вам

дороги приготовили. Вы из котлована выезжали, как на свадьбу . . .

В эти дни сходились люди разных специальностей и гордились друг перед другом.

Вчерашний уркан, теперь подрывник, выступая на слете, задыхаясь от подступивших к горлу слов, бил себя в грудь:

— Вы с нас берите пример! Кто мы? Уркаганы, воры, бандиты. Убийцы сидят здесь, и мы постигли секрет глубокой траншеи. Скалывали мы верхний слой, и не давало это нам никакой пользы, и кубики были самые скудные, прямо сказать, на шестьсот граммов хлеба. И тут пришел умный человек, говорит: «Чего вы по верху лазите, вам скалу не взять, вы заземляйтесь. Траншею готовьте и с глубины взорвете скалу. Расколется, как сахарная». А мы слушаем, и не верится. Видим однако, что тянем пустой номер. Пришел тогда тов. Успенский и тоже говорит: «Ребята, мы обсудили, решили делать глубокую траншею, а потом вручную скважины для аммонала, и тогда скала пойдет!» Хорошо, начали заземляться. Двадцать дней заземлялись. Паек идет, как настоящим ударникам, а выработка опять же хреновая. Иной минутой думали, задаром все делаем. А вот и не задаром. Я вам говорю — с нас пример берите. Наш коллектив заявляет, что в будущем мы сделаем к торжественному нашему празднику сто шестьдесят процентов! Вот!

Успенский говорил:

«. . . Практически для меня в этом чуда не было. Но я понимаю, что работнику Управления, который получает только таблицы и видит убийственные цифры выработки, подготовляющие непременный прорыв, это могло показаться чудом . . . »

«Самое трудное пожалуй было увлечь за собой всю массу лагерников, чтобы они поверили, чтобы они крепко надеялись получить свои премии. Говорить и растолковывать приходилось очень много. Они поверили. И в этом тоже нет чуда, товарищи. Им надо было показать, что происходит во всей стране, что мы уже добрались до самых корней капитализма».

СТРЕЛОК ВОХРа ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ РАССКАЗ

Образовался прорыв на Надвоицком узле. Товарищ Успенский, начальник боевого участка, сделал призыв. Не только вохровцы, но даже сотрудники управления участка должны были пойти на работу, чтобы ликвидировать прорыв и завоевать управленческое красное знамя.

Вечер. Идет дробный дождик. А к штабу отряда идут и бегут команды стрелков из всех взводов. Выстроился оркестр и двинул марш. Настроение бодрое. Ребята заключают между собой договора на соцсоревнование. Шутками подзадаривают друг друга.

— Ты, мол, слабой. Куда тебе. Ты думаешь — там солома? Там, брат, скала. Да еще какая!

— Ничего, парнишечка. Я еще и тебе помогу.

Вышел товарищ Самойлов.

Команда: «Смирно».

— Здорово, товарищи! — кричит начальник. .

— Здра-а! . . — кричит строй.

Товарищ Самойлов и говорит . . .

— Мы должны помочь каналоармейцам. Это знамя, за которое дерутся каналоармейцы всего Белбалтлага, должно быть в руках нашего объединения. Если вы его завоюете, я вышлю вам из стрелков почетный караул.

Громкое «ура» раскатилось по всему лагерю в ответ на его речь.

А в Управлении уже собираются сотрудники отделения.

— Рыжов, — подходит ко мне товарищ Самойлов.

— Здесь, — отвечаю я.

— Ну, как твое самочувствие? Поджилки у тебя не трясутся?

— Нет, товарищ начальник, — отвечаю. — Ноги как телеграфные столбы.

— Ну, а бригаду себе подобрал?

— Готово, товарищ начальник.

Команда: «Направо, шагом — марш», и мы под духовой оркестр пошли на Май-губскую пристань, а оттуда на буксире в Надвоицы. Буксир забрать может человек двадцать пять, а нас двести. Прицепили баржу, битком набили и ее и катер. А дождь хлещет, ветер воет, волны на Выгозере — знаете какие! Катер наш и баржа — что щепки в весеннем ручье. Кто попал в машинное отделение, тому ничего. А кто на барже да еще с краю, раскисли от дождя и холода, как мокрые куры. Но в Надвоицах, в бараках, ожили. Напились чаю, залегли спать, а наутро за работу.

Получил я бригаду в тридцать человек. Работали мы на пару с политруком Май-губского завода Усаченным Григорием Семеновичем. Всегда я питал к нему особое уважение. Силен был парень. И хороший товарищ.

Мы целый день работали так, что кажется никогда в жизни так не работали. А как стали десятники проверять нашу выработку, то оказалось, что мы и нормы не выработали: 87 процентов дали. А ведь на канале тридцатипятники по 150, по 200 процентов выгоняют.

Тут у нас настроение упало.

Стой, думаю, не может этого быть. Наверное нас обсчитали. Дава сами кубометры вымерять.

Ничего от нашего измерения не прибавилось. А другие бри-

гады выработали больше, и в целом наш «Ударник» дал 120 процентов. И еще товарищи были недовольны.

Мы с Григорием Семеновичем совсем было приуныли.

Десятники нас успокаивают. Это, мол, ребята, не плохой результат. Первое — грунт крепкий нам попался, второе — непривычны еще мы к такой работе.

И начальник наш товарищ Самойлов тоже поддерживает:

— Ничего, товарищи, следующий раз подтянетесь.

Руки у меня от работы огрубели, кости болят. Спрашиваю других товарищей: «Как вы себя чувствуете?» Многие жаловались на усталость.

Но на другой день я вышел на работу и опять работал, как чорт. Старался подавать пример другим.

Перевели нас на другую работу дробить щебень.

Хорошая вещь — ручной щебень для бетона, только трудная работа и явное дело — нам без механизации не поспеть.

МЕХБАЗА ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

Открылась уже неизмеримая глубина десятого шлюза.

В скале рубили плотину, покроют ее бетоном и спустят через нее Выг.

Нужен был бетон для всего четвертого отделения, для бетона нужны были камнедробилки. Прислали несколько камнедробилок, но крепкий диабаз сбивал щеки камнедробилок в несколько часов.

Нужно было приготовить литье из специальной стали. Состав этой стали таков: 50 процентов чугуна, 48 процентов лома железа и 2 процента ферромарганца.

Для того чтобы расплавить эту массу, требуется более высокая температура, чем та, которая в обычной заводской вагранке.

У Руденко голова от успехов не кружилась, и он понимал, что вагранка температуры 1 200 градусов не выдержит.

Заключенный инженер Скоробогатов, знавший металлургию, предложил попробовать все-таки отлить сталь.

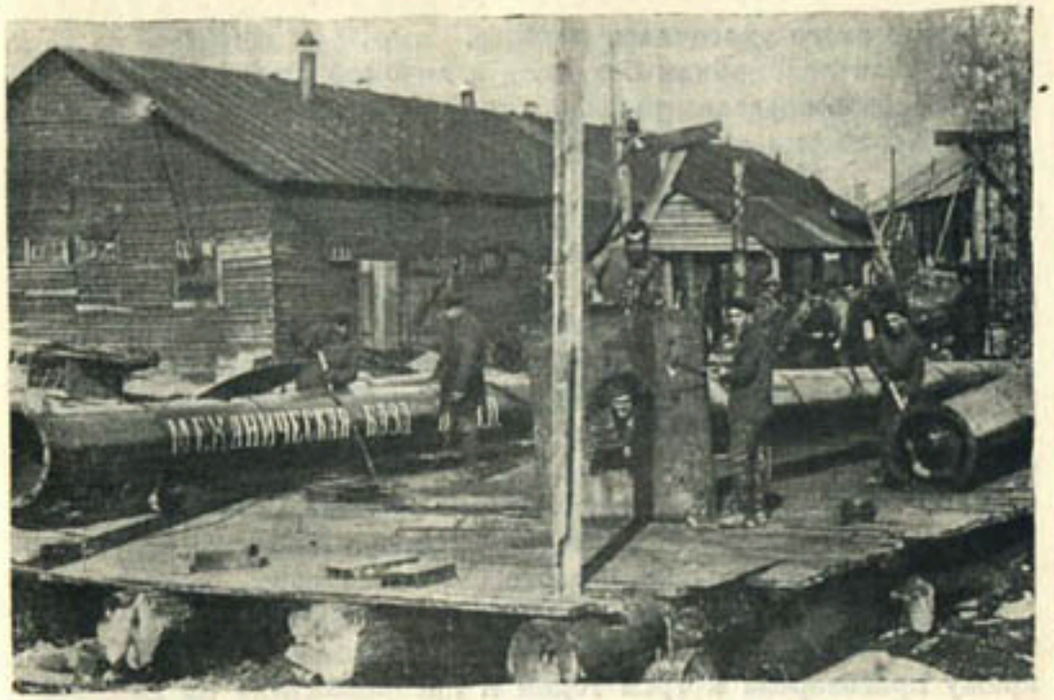
Говорил он, что попытка плавить сталь в вагранке делалась.

Дело было очень опасное, потому что расплавить вагранку значило оставить производство без металла, без колес для тачек и вагонеток.

Посоветовался Руденко с инженером. «Нужно лить полустальное литье: те щеки для камнедробилки, которые мы делаем, выдерживают только шесть часов. Щеки нужны, как воздух, не можем же мы ежедневно лить по десять тонн одних щек».

Руденко велел тогда построить запасную вагранку.

Решили попробовать. Проба была произведена ночью.

Мехбаза

Народу собралось в литейной человек полтораста, и никак не выгонишь. А всего в мехбазе было уже человек до восьмисот. Пои каждом умелом человеке было учеников целая стая.

Стоят люди, смотрят. Руденко дрожит:

— Ведь железо нужно так расплавить, чтобы оно, как щи, лилось.

Собрались инженеры.

В литейной тихо. Дует вентилятор, все смотрят, все заинтересованы.

Видят беломорцы, что уже подходит температура и их бедная вагранка кругом начинает краснеть, раскаляться.

Погибнет сейчас вагранка.

Подходит тут Слива, советует:

— Давай воду на нее лить.

Отвечает ему Скоробогатов.

— Действительно, ведь получится водяное охлаждение.

Сперва мы метлами воду на вагранку брызгали, а потом начали поливать ее из пожарного брандспойта.

Стоит наша вагранка в пару, в пару стоят полтораста человек, молчат. Говорит нам Слива:

— Металл к фурмам подходит.

И видят люди, что уже получается.

Радость была страшная, сделали отливки и вышли марганцевые щеки крепкими, такими, какими они быть должны, чтобы разбивать беломорский камень.

После этого укрепилась мехбаза.

Пришли локомобили без труб, а локомобиль без труб не нужен, мехбаза сделала трубы.

Дошло время до ворот — отлила мехбаза поворотные части ворот.

Хорошо работала мехбаза и хорошо перерабатывала людей.

ОТКАЗ ОРЛОВОЙ

У станков и даже в литейной работало немало женщин. Не сразу по приезде начинали они работать. Иные филонили по целым месяцам, дрались, ругались, играли в самодельные карты и спорили — на червонного или на трефового короля кинуть карты, гадая о судьбе и симпатиях красавца-прораба Сошинского.

Лучшей гадальщицей женского барака четвертого отделения была слесарь второй руки Орлова.

Александру Михайловну Орлову арестовали в городе Воронеже на Острогорской улице осенним вечером. Она была за кражу приговорена к трем годам и препровождена на Беломорское строительство.

Орлова прибыла в лагерный пункт к вечерней поверке. Ее провели в женский барак. Каналоармейки уже возвращались с работы, они были в валенках, в стеганых душегрейках, в теплых ватных штанах. Среди этих штанов Орлова выделялась своим пальто, сшитым в Воронеже у мадам Аннет. Она стояла посреди барака, косясь на нары, на печку, на чайники, выпятив грудь, раскачиваясь на бедрах, сохраняя тот стиль, который был принят в Воронеже на углу Садовой и Малой Никитинской.

— Падэспанец хорошенький танец, — сердито напевала она.

Барак располагался на ночь. Иные спали уже. Другие потягивались, зевали, пели, писали, рассказывали, штопали. Было тепло, чайник мурлыкал на печке.

Орлова подошла к нарядчице, которая составляла рабочие списки на завтра. Заявление о болезни нарядчица принимала обыкновенно с вечера.

— Я больна, — сказала Орлова нарядчице, — отметь, присяжный поверенный. На работу не выйду.

— Причина? — спросила нарядчица.

— Понос, — сказала Орлова, — пиши, гимназистка.

Нарядчица написала бумагу и подала ее Орловой.

— В амбулаторию, — сказала она.

Орлова отправилась в амбулаторию. Падал снег. Ветер трепал и вздувал сугробы. Скрипели туфли. Огромные сосны свистели и плавали в высоте. Мороз. Великий карельский мороз.

Орлова пришла в амбулаторию. Здесь было немало народу. Топилась печка. Стучали часы. Обычные амбулаторные пла-

каты — рождение ребенка, спасение утопающего — висели на стенах. Среди картин, изображавших болезни зубов, разрез живота, прививку оспы, сидели бандиты, растратчики, воры. Они говорили о почках, о печени, о пайке. По очереди входили они к лекпому.

Вошла и Орлова. Обычный лекпомовский кабинет предстал перед ее взором. Диван, белый стол, стеклянная полка с лекарствами. Орловой дали термометр. Она поместила его подмышку, оглядываясь по сторонам. Лекпом выстукивал, выслушивал, ощупывал, бинтовал желтую, белую, зеленую человеческую кожу. Он взрезал нарывы, продувал уши, прокалывал жировики. Прошло десять минут, и термометр, равнодушный к человеческим страстям, глухой и к вздохам и к жалобам, показал действительную температуру подмышки: 36 и 4.

— Что у вас? — спросил Орлову лекпом.

— Понос, — сказала Орлова, надевая пальто, — жар и озноб.

— Жара у вас нет, — отвечал лекпом. — Валентина Михайловна, дайте товарищу салол-бисмут-экстрактум-беладони.

Орлова помолчала. Сестра принесла заказанные порошки.

Тогда Орлова развязно подошла к лекпомовскому столу.

— Што ты мне даешь? — негромко спросила она лекпома.

— Закрепительное, — сказал тот, копошась подле нового больного. — Против поноса. Вы ведь жалуетесь на понос.

— В спину тебе закрепительное, — отвечала Орлова. — В душу тебе закрепительное. К чорту!

И, шваркнув об пол салол-бисмут-экстрактум-беладони, она вышла на улицу.

В бараке нарядчица заглянула на лекпомовскую записку и сказала Орловой:

— Здорова, завтра на работу.

— Стоп! — сказала Орлова.

Она подошла вплотную к нарядчице.

— А я говорю — больна, — негромко сказала она.

— А я говорю — больна! — громко сказала она.

И закричала на весь барак, обзывая нарядчицу шлюхой и бухгалтером.

Наутро, ссылаясь на болезнь живота, Орлова не встала с нар и не пошла на работу. Она лежала в пустом бараке. Делать было нечего: живот совершенно здоров. Стоял ясный зимний день. Барак был безлюден. Тихо потрескивали дрова. Скука томила Орлову. Не было человека, с которым можно было бы поговорить: подружиться или поругаться.

Отсутствовал человек. Человек, кипятящий чайник, одетый в юбку или в штаны, говорящий, поющий, снимающий туфли или сапоги. Орлова не знала, куда ей деваться от скуки.

Пришла воспитательница. Она рассказала Орловой о значении Беломорстроя и его экономической роли, о труде в лагерях.

— Ну? — сказала Орлова.

Воспитательница спокойно продолжала свою повесть.

Она рассказала о богатствах Карелии, о льготах, которые получают ударники, об уменьшенном пайке, который получают отказчики и филоны.

— Ну? — сказала Орлова.

Воспитательница рассказала о зачете рабочих дней, о сокращении сроков заключения в случае хорошей работы, о льготах по окончании канала, о работе на 10-м шлюзе.

— Не пойду я работать, — сказала Орлова, — отчаливай, чорт!

— Беломорско-балтийский канал, — продолжала воспитательница, — есть тот путь, который...

— Брысь, сука! — сказала Орлова. — Своя же, гнида, блатная, а, вишь, как поет. Рыгала я на канал.

Она легла и заткнула уши. Поговорив, воспитательница ушла. Орлова лежала недвижно. Тоска. Нет человека, отсутствует быстрый и ловкий блатной человек. Вокруг праведники и апостолы. Скука.

Днем Орлова пробралась из уборной в соседний мужской барак. Здесь было так же пусто. Так же высились нары, желтел потолок. Был ясный, синий, морозный день. У дощатого, гладкого стола сидели два отказчика: кулак Фризов и содвред Петров. Они отказывались уже третий день, ссылаясь на дыры в валенках. Все было переговорено друг с другом за эти три дня. Вспомянуты все родные, все тюрьмы, города. Бездействие снедало отказчиков. Барак был безлюден, обитатели его работали. По вечерам обитатели барака говорили о работе. Отказчикам было скучно слушать эти разговоры. Все говорили: «лес», «шпалорезка», «бетон», «кубометр», но никто не говорил: «Петров», «Фризов». Никто не говорил Петрову и Фризову слов мудрости и поддержки.

За три дня барочного сиденья Петров и Фризов надоели друг другу до тошноты.

Теперь, сидя за столом, Петров и Фризов ругались от скуки.

— Ну, ты чего? — говорил Петров.

— Ну, а ты чего? — отвечал Фризов.

— Ну и хрен с тобой, — говорил уныло Петров.

— Ну и с тобой хрен, — столь же уныло отвечал Фризов.

Орлова посидела с ними. Шумела печка, тихо падали капли из крана бачка.

— Ну ты, оратор, сукин сын, — говорил Петров, чтобы что-нибудь сказать.

— Ну и ты оратор, сукин сын, — в тон ему отвечал Фризов.

Орлова вздохнула. Она сидела среди этих огромных нар — маленькая, курносая, в пальто от мадам Аннет и в теплой шапке от Белбалтлага. Тихо шел день, качались сосны, кричали галки.

«А не пойти ли работать, — думала Орлова, — скучно с ними».

— Сорока ты, — говорил Петров Фризову. — Кооператор ты, сволочь.

— Ну и ты сорока, — отвечал Фризов, — и ты кооператор, сволочь.

На завтра Орлова пошла на работу.

СТРЕЛОК ВОХРа ЗАКАНЧИВАЕТ РАССКАЗ

Тот товарищ ошибается, который думает, что Белбалткана л — это было место вроде курорта. Работа была трудная, героическая работа.

Вот например работа с отказчиками. Отказчики — это самые отпетые из тридцатипятников. Воровские атаманы, головорезы. Они за гордость считают, соревнуются между собой, кто больше в тюрьмах просидел. Надоест ему сидеть в изоляторе на урезанном пайке, он и записывается в трудколлектив. На работу

Винтовку так держат не для страха, а потому что так удобней

он выходит, а с работы норовит удрать. Люди землю возят, лес рубят, а он в кусты, засядет с друзьями в яму, и режутся в карты. А то «журят», блатные разговоры ведут. Зазевался часовой, они и в лес сыграют и в город. А если контрик, так и на финляндскую границу. Такие бегуны — враги всему трудколлективу! Ребята работают, надрываются, темпы показывают, высокую выработку дают, а бегуны-отказчики эту выработку снижают. Тут вохровец должен зорко глядеть, и в этом деле большинство заключенных на стороне вохровцев. В иных договорах о соцсоревновании сами заключенные вводят пункт: не бегать. У кого больше беглых — тот проигрывает.

Нам было поручено важное дело — охрана сооружений. Видали, какие на канале плотины и перемычки? Иная плотина больше Волховстроя. Вполне может быть, что какой-нибудь злоумышленник захочет подорвать плотину. А ведь тогда вся работа насмарку. Вода не только шлюзы смоет, но и другие плотины прорвет. На каждом серьезном объекте у нас пост. Стрелки смотрят зорко. Был случай: видит стрелок — рабочие кладут бетон, а в бетон загоняют скобы. И вот кинулось стрелку в голову: а не вредят ли ребята? Не угомонился, пока его не убедили, что так и надо. Тревога за канал, за плотину была у всех у нас.

А то вот выходит коллектив на работу. А двух-трех как не бывало, где делись? А они, оказывается, залезли под пол. Разобрали доски, нырнули под пол и сидят. Тоже вохровцы должны следить.

Ну, а охрана на дорогах — смотреть, кто куда едет, что куда везут. На этапах то же. Заключенные сами просят дать им стрелка в провожатые: так, говорят, сохраннее.

На посту стрелок стоит и в дождь, и в бурю, и в ночь, и в метель, и в мороз. Не легкое дело. А иногда и опасное дело.

Вот я расскажу несколько случаев из работы вохровцев.

Однажды в лагере «Перековка» пришли в помещение охраны два писаря из контриков. Вошли, разговаривают. Один все старается отвлечь стрелка разговором. Стрелок обернулся, а другой схватил топор в углу — ударил, стрелок упал. Тогда второй выхватил у него из рук ружье — и бежать.

Поднялась тревога. Всюду были устроены засады. Настигнули убийцу. Те отстреливаться. Один из них убит в стычке. Оказался петлюровцем и бандитом.

Вот нынешней зимой на одной командировке двое из заключенных подошли, схватили стрелка сзади, обезоружили и отвели в лес за полтора километра. Здесь велели ему раздеться догола, взяли винтовку на прицел и командуют:

— Вправо, бегом!

Стрелок побежал, а бандиты в другую сторону. По дороге убили женщину и железнодорожного сторожа. Добыли лошадь, наган и двинулись к станции. Ну, тут их и застукали.

А то вот пришли двое отказчиков из изолятора, спрашивают стрелка:

— Разрешите, товарищ, закурить?

Он дал им огня, и они пошли рядом.

Стрелок парень здоровый, не дурак, видит, что-то ребята хитрят с ним. Один идет рядом, а другой все норовит зайти сзади... Стрелок отскочил в сторону и взял их на изготовку. Тот, что был сзади, пригнулся и прыгнул, но стрелок успел выстрелить.

Но таких случаев было немного. Даже с отказчиками вохровцы умели сговориться. Бывало, ведут отказчиков в изолятор. Не хотят ребята работать — и крышка. Так стрелок по дороге уговорит. И вот партия вместо изолятора обратно на работу приходит.

Вот Орлова например, тоже ведь «Ваньку валяла», а какой слесарь сейчас! Прямо жжет. Влюбишься в такого слесаря. Женишься — не пожалеешь!

Когда же поднималась тревога или начинался штурм, нельзя было удержать ребят. Случился как-то пожар в Надвоицах. Горели авральные ворота. Я был в это время в казарме. Народ по тревоге без команды хлынул к шлюзу. Не устоять было в казарме — все равно бы со всеми вынесло.

Самое сильное воспоминание — это ночной штурм в Надвоицах, когда прорвало перемычку, которой был перехвачен Выг.

Надвоицкая плотина — все озеро держит. Сколько было трудов, чтобы преградить путь воде, поставить перемычку. А вода давит. Такие камни сносит, что кажется машиной не поднять. И вот как-то ночью обошла вода перемычку, прососалась сбоку и стала обходить плотину.

Восемнадцать часов продолжался штурм. Люди с водой боролись. Какая работа была. По пояс в холодной воде таскали люди камни. Все заключенные, и ВОХР, и управленцы, и начальство — все до одного человека. Вода под ряжи набивалась. А ряжи — это громадные деревянные клетки, набитые камнями. Перебросили по ним доски, и по этим доскам над водой бегают люди с тачками, камни вниз сбрасывают, а вода, как бешеная. Бросишь камни, а она их, как солому, смывает. Прибежал я к берегу. Вижу, черная лодка на проволоке по черной воде, как взбесилась, танцует.

Даже страшно стало.

Пошли мы работать ночью в холодную воду. Волна с ног сбивает, а мы несем камни, грунт в тачках гоним. А потом по доскам над водой. Факелы светят. Вода золотом загорается.

А в стороне черно и рвет, как буря. Наши на штурм все ушли кроме дневального, охранявшего оружие.

Все без команды работали, без отдыха.

И победили все-таки воду.

Спасли мы Надвоицкий узел, и была у нас самая большая радость и самая большая гордость, какая только может быть.

МУЖИК И ВОЛ

Так деревянный век Беломорстроя родил век железный.

Люди, которые работали на мехбазе, в большинстве случаев были люди или из воровской или из деревянной проселочной старой России.

Был на Украине кулак Балабуха. Были у него сивые волы со спокойной поступью, с раскидистыми рогами. Было у него хозяйство с наемными рабочими, с волов трех шкур не драл, а с батраков драл.

Когда раскулачивали Балабуху, он сильно агитировал, сопротивлялся с оружием в руках и оказался на Беломорстрое. На Беломорстрое сперва делал он тачки около мехбазы, а потом раздувал в мехбазе горн, а потом стал слесарем. Работал у станка не хуже других.

Около Медвежьей горы есть совхоз. Балабуха был ударником, имел право выхода из лагеря. Пошел гулять в выходной день. Идет. Вспаханное поле навело на него тоскливые воспоминания.

А тут стадо, а в стаде сивый вол.

И идет этот вол к нему, мычит, лижет ему ласково руки.

И узнал Балабуха своего вола.

Взял Балабуха вола за рога, положил голову между рогами и начал плакать.

Поплакав, пришел на мехбазу к Руденко и стал проситься: отпустите меня работать в совхоз. Там у меня вол — земляк.

Говорит ему Руденко:

— Работал всю жизнь вол на мужика, мужик — на вола. Крутились они немазаным колесом, — зачем тебе это дело, когда ты слесарь второй руки?

Подумал Балабуха и сказал:

— Ладно. Буду я ходить к волу в гости по выходным дням.

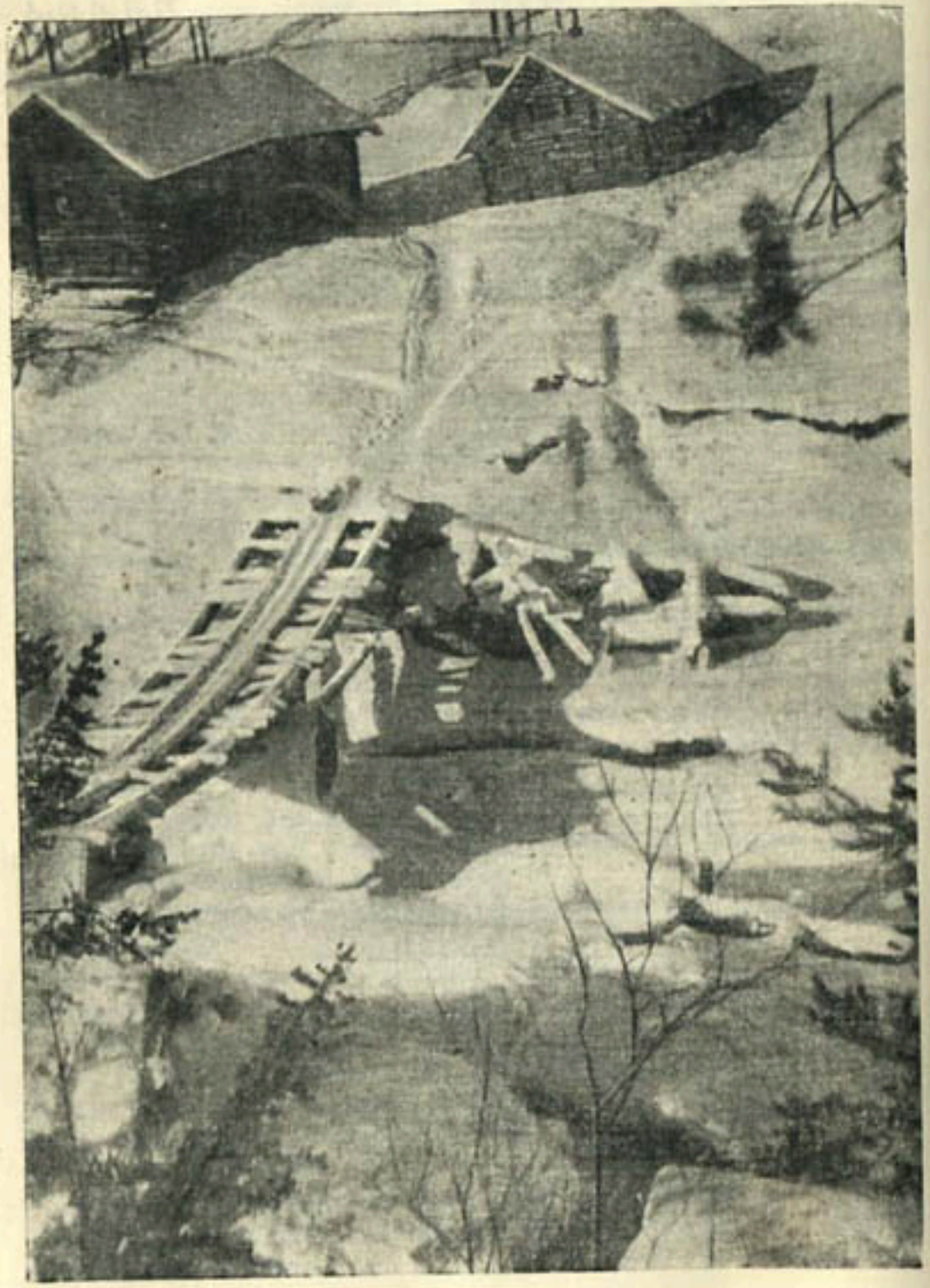
Так кончался на Беломорстрое деревянный век, и наступал век металлический.

*

ГЛАВА

7

КАНАЛОАРМЕЙЦЫ

Здесь прошел канал — создана новая природа

Глава седьмая

КАНАЛОАРМЕЙЦЫ

НА ВЫГЕ

...Серая ночь переходит в день. Ветер дует с Белого моря, прорываясь между островами. Волнуется мелководное озеро. Карельские рыбаки посматривают на подымающиеся валы, чтобы во-время уложить весла в воду. Озеро — «Чорт». Куда ни глянь — всюду серая тяжелая вода, падая и подымаясь, бежит с севера на юг. Грозная северная вода.

Рыбацкие лодки изредка мелькают у того берега. Пароходов не видно. Где уж там! Даже маленькому пароходу не пройти по такому мелкому озеру.

Из этого озера вытекает река Выг.. У самого истока она расщепляется островом на два рукава, бежит по камням, по порогам, шумит, кидается пеной и падает Воицким ревуном в правом рукаве около Надвоиц.

Весной начали перегораживать реку Выг. Работа пожалуй одна из самых трудных на Беломорстрое.

В истоках реки были поставлены ряжи. Ряжи были прозрачные, так называемые американские. Они давали небольшой подпор воды. Ряжевая работа началась гораздо ранее, чем значилось это по общему плану. Рискнули начать вместо мая в марте.

Затем к ряжам стали подсыпать камень. Середину хотели

закрыть сразу, но закрыть не смогли, потому что надо было пропустить сплавной лес.

А вода уже начинает подыматься. В весеннее половодье присыпать камень нельзя, а не присыпать — страшно... Расчет очень проблематичный. Следи за ряжем, как он себя ведет, — дрожит, не дрожит, а если дрожит, то как дрожит. А дрожать он должен, потому что под ним бьет вода...

Местные жители наблюдали с берега:

— Зря время переводят. Мало им порогов в Карелии, еще один хотят сделать.

Из Управления Белбалтлага в правление Мурманской железной дороги послали по линии извещение, чтобы позаботились о воде для станций.

Местным жителям сообщили, что скоро реки Выг не будет — Тунгуда и Сорока пусть готовят колодцы.

Жители смеялись:

— Испокон веков была река и впредь будет.

Размеренно, без суматохи, плотники из бригады Вельманова вбивали последние железные скрепы в соединенные крест-накрест ряжевые срубы.

— Раз, два-а, взяли!..

И первый ряж лениво подался с насиженного места. Между работающими скользил Пустовойт — руководитель работы.

— Налегай, да ровнее. Каток-то под правый борт подложи. Уронишь этого идола, канал тебя ждать не будет.

...С плотов и баркасов полетели внутрь ряжа увесистые осколки диабазовой скалы. Под тяжестью их сруб медленно спускался на дно реки, а возбужденные первой победой люди забирались на самый верх качающегося еще сруба и наращивали на него новые венцы, пока днищем своим ряж не опустился на подводные камни.

Послали второе уведомление, что реке Выг скоро конец.

Жители ответили:

— Хватит, уж слышали.

По проложенным на новом мосту рельсам забегали вагонетки. Они останавливались у пролетов между ряжами и сбрасывали в воду многопудовые осколки взорванного диабаза. Выг разбивался о камни на мелкие струйки, но продолжал борьбу, находя себе дорогу через зазоры.

Земля была верным союзником гидротехники.

Она заполняла собой пустоты между гранями камней и создавала поперек течения непроточные стены.

Наступающие ударники грабарками и тачками подбрасывали на земляную петлю, стягивающую шею Выга, все новые и новые кубометры. Ударники топтали грунт ногами, утрамбовывали его окованными болванками, загоняли в дно остроконечные сваи.

Но река все-таки жила.

Восьмидесятиметровый по ширине своей Выг принужден был устремлять воды в четырехметровый пролет между ряжами, единственный, оставшийся незасыпанным. Сюда-то и была направлена вся предсмертная злоба реки.

Строители были уверены в своей окончательной победе и не ожидали удара в спину. А старый Выг собрался с силами и на глазах застывшего от неожиданности Пустовойта сдвинул с места центральный, главный опорный ряж № 5.

С хрустом разломило крепко сколоченное сооружение. Верхушка его, прихваченная мостовыми креплениями, повисла в воздухе. Корпусом же своим тысячепудовая махина покооно опрокинулась на соседний ряж.

В тот день и в ту ночь весь лагерь был поднят на ноги. И Андрейка Бугаев, вместе с лучшими ударниками трассы, бросился на прорыв. Выг снова был укрощен.

Пришел наконец день, когда перегороженный клетками из деревянных брусьев с каменной засыпкой Выг не смог прорвать плотину — она стала глухая.

Вода за плотиной убывала. Рыба, не успевшая уйти из обжитых мест, била хвостом о голые камни.

Удивленные жители оглохли от неожиданной тишины. Последними каплями плакал умирающий водопад.

Лагерники корзинами таскали рыбу в бараки. Более предприимчивые раскладывали костры, собираясь готовить уху. Засолили шесть пудов первосортной семги.

Жители увидели обычное дно с обычными обкатанными валунами, и все же новый мир вынырнул из-под воды.

Легковерам казалось, что их жизнь почти не изменилась. Построили плотину — и все. Они еще не ощущали, как канал вторгся в их быт, в их жизнь, в их будущее. Они ужинали не в охотку и спать долго не ложились, все чутко прислушиваясь — может еще зашумит водопад.

Скептики предсказывали, что плотину прососет. Мыслимая ли вещь — перекрыть реку и держать такое озеро. У людей еще по привычке шумела в ушах река, и они настороженно приподнимали палец. Все замолкали, и становилось невыносимо тихо.

Тогда, не сговариваясь, люди двинулись к плотине. Была северная ночь, одна из тех, которые принято называть белыми. Около плотины стоял часовой. На плотине сутулая тень смотрела в сторону Выга. Ветер размывал волосы, хлопал длинными полами шинели. Крестьяне узнали Успенского. Они замолкли и стали отступать от плотины.

Успенский повернулся в их сторону.

— Смотрит, пойдем, — позвал чей-то робкий голос.

Успенский, перепрыгивая по ряжам, по шатким настилам, шел к ним.

— Ну? Хотите посмотреть? Не бойтесь, — воду заперли крепко. — Он протянул руку первому шагнувшему к нему на мостки.

Выг был заперт. Вода подымалась.

ОЗЕРО ПОДНИМАЕТСЯ

Полоска воды между кормой и берегом увеличивается. Пристань Май-губы отходит. Катер режет волну.

Мы на озере Выг. Озеро длинно, широко. Название — водохранилище — к нему не подходит. Оно кажется необъятным, а между тем запасы воды вычислены, измерены, взяты на учет. Воды в озере мало. Беломорскому каналу нужно больше воды. В озере пять миллиардов кубометров, каналу требуется семь миллиардов.

Гидротехнические сооружения — плотины и дамбы — поднимут горизонт озера с восемьдесят второй горизонтали до восемьдесят девятой и даже до девяностой. Это значит, что к моменту пуска канала озеро поднимется на семь метров.

Плотина у Надвоиц, закрывшая выпадение Верхнего Выга, Май-губские, Летиручейская дамбы уже делают свое дело. Горизонт озера Выг повышается с каждым днем. Ежесуточно вода поднимается в среднем на два сантиметра. С июля по август она поднялась на метр.

На первый взгляд это незаметно, но мы знаем — вода поднимается.

Озеро спокойно, неподвижно. Один за другим возникают острова. Их много. Они покрыты густым лесом.

— Входим в зону затопления, — говорит заместитель начальника четвертого участка ББВП.

Два дерева стоят в воде.

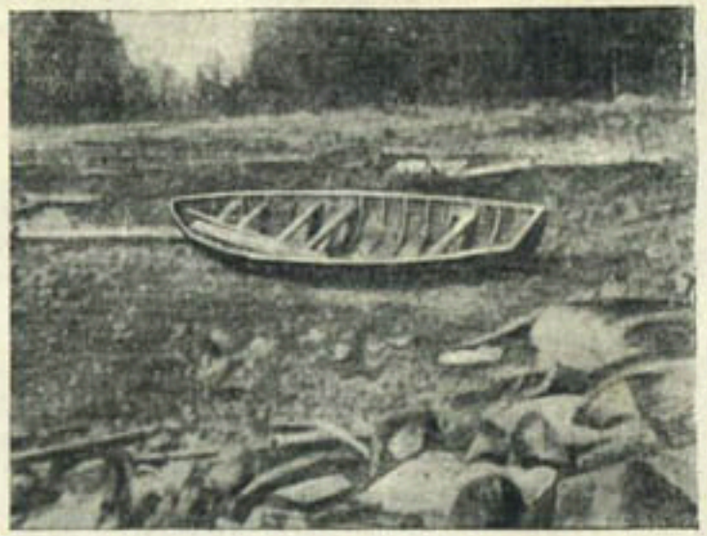
— Затонувший остров, — поясняет моторист. — Две недели назад мы по нем ходили.

Сучья на деревьях обрублены по самый верх, и кажется, что деревья оставлены только как вехи.

— В прошлом месяце все дороги знал, а теперь, — разводит руками капитан, — все перепуталось. Старые острова ушли под воду, новые — появляются каждый день. Вот, смотрите, Гранитный остров. Третьего дня на нем еще лес был. А сейчас лесной утиль дожигают.

Люди в белых парусиновых плащах с капюшонами на голове с палками в руках тормошат костры.

Большой остров. Поля засеяны рожью и овсом. Дома без крыш, наполовину разобранные, имеют жалкий вид.

Русло реки обнажилось

— Деревня Ловище. Восемнадцать домов уже перевезены в Сегежу.

— Овес хороший.

— Не соберут. Через месяц затопит. Останется одно кладбище вон там, в соснах на горке. Оно стоит на высоте девяностой горизонтали...

Нагоняем лодку. Двое едут на Юг-губу. Берем их на борт. Они с ящиком. Оба парня из трудколлектива «Маяк».

— Яйца везем с Сев-губы — премия за ударную работу.

Низенький коренастый в ковбойской вишневой рубашке с зелеными клетками — председатель коллектива Виноградов. Высокий с пшеничными волосами — лучший ударник, рекордист Кочергин.

— Нам равных нет, — говорит Виноградов. — Светим, так светим. Три недели по горло в воде работаем. Позавчера дали двести девяносто... Васька четыреста процентов — четыре нормы отбухал.

Встречаем торфяную глыбу.

— Было здесь сто десять га болот, — рассказывает едущий с нами лесотехник. — Восемнадцатого июня я ходил по этим болотам. А теперь вот что получилось.

Пролетает стая встревоженных уток.

— Зашухерились, — говорит Виноградов. — Нет им теперь покоя. Только найдут себе новую хазу, а мы шасть — и опять ищи другую квартиру... Мы ведь эти острова, как курицу, общипываем. Раз-раз — и можете спускаться на дно. Я год назад плюнул бы в глаза тому, кто мне сказал бы, что я лесорубом буду, зону затопления очищать... Квартиры чистить — это было по нашей части. Я, бывало, в любой дом залезу... Недаром

кличка моя — Бацилла. Два раза из домзака срывался. Один раз — из сибирских лагерей. Погуляешь — подзайдешь по новой — и, глядишь, опять здесь.

— Теперь не побежишь?

— Что вы... Я теперь свободно езжу — доверяют. Прошлое ушло в воду вместе с островами.

На Юг-губе около тысячи человек. Все рецидивисты.

— Раньше по ширмам ударяли, а теперь — ударники, герои великой стройки. Наш лагпункт второй месяц знамя держит. Краснознаменные.

— Мало книг, — жалуется воспитатель. — Лермонтова никак не могу получить. Проходу не дают: давай Лермонтова. У меня авторитет падает.

Завхоз просит подбросить картошки, дегтю, керосину. Мокро. Пилы ржавеют.

— Керосину в первую голову, — поддерживают каналоармейцы. — Ржавой пилой большой процент не выработаешь...

Рядом с пристанью на маленьком плоту — шалаш из дранок. В шалаше — бригада сплавщиков Громова. Бригада из одной молодежи. Все бывшие воры.

— Раньше мы плотов и в кино не видели. Не знали, как к бревну подступиться. Научились. Сортируем. Сплачиваем. Ведем кошели лучше карелов. Норма была тысяча двести бревен — подняли до двух с половиной тысяч.

Большая черная лодка быстро идет к шалашу. Четкие взмахи весел. Голые торсы. Удалая, залихватская песня:

Загремели ключи, фомки...
Па-а-ра сизых голубей.
Деловые едут с громки...
Стро-ого судят скокарей.

— Песня блатная, — как бы извиняется скуластый Громов. — От блатного ремесла легче отвыкнуть, чем от блатной песни.

Входим в шалаш. Невысокие настилы, свернутые постели. В центре — железная печка в железном тазу. На покатых стенках — фотографии, ручные зеркала. На самом верху — портрет Сталина в белой рубашке. Вокруг — гитара, мандолина, две балалайки, черный радиорепродуктор. Рядом с печкой — ведро с водой, в нем плещутся живые окуни.

Едем дальше. Покачивает, дует низовка. На часах — полночь. На озере — день. Только нет солнечного сверкания.

— Обратите внимание — исторический остров Городовой. В смутное время на нем разбитые литовцы жили. Потом — раскольничий скит. Больше его никто не увидит.

И мы смотрим на уходящую под воду историю. Вдали — огоньки селений.

Рыбы заплывают в дом, и вода плещет на скаты крыши

— Все будущие утопленники. Самые древние селения на озере.

Проходим мимо Карельского острова. Огромный остров с поймами и лугами — целый материк — он пуст. Из сорока домов осталось два.

Появляются большие черные бревна. Это — топляки-одиночки, оторвавшиеся от кошелей. Опасная встреча — удар в обшивку — пробоина и садись на дно. Катер замедляет ход, и багры отпихивают бревна.

Крутой берег. Койкинцы — оперативный штаб зоны затопления. На высоких шестах плакат: «Вода наступает — не терять ни одной минуты!»

Причаливаем к мосткам, взбираемся на пригорок. Половинки домов. Печи и трубы стоят без стен.

Штабели перемеченных бревен.

Рядом с деревянной часовней — непотревоженная изба. Она словно отгорожена невидимой стеной от всего, что происходит в двух шагах.

— Старуха тут древняя со стариком живут. Ни за что не хотят с места тронуться. Старуха — местная ворожея. Спадет, говорит, вода. Брат старика в другой половине живет, — хоть завтра перевозиться, а эти не хотят ни в какую.

Катер дает сигнал. Мы идем на Пукшу. Пукши не узнать. Из ручейка, затерянного в болоте, она превратилась в широкую реку. Входим в устье. Промеряем глубину.

— Три с половиной. Два. Дна нету.

Идем со скоростью шестнадцати километров. Весь левый берег в огне. Дожигаются лесные остатки. Снова на озере. Держим курс на Телекинку.

И Телекинка неузнаваема. Устье стало большим, как морской залив. Над затопленными болотами — главный судовой ход. У входа в Телекинку опускается в воду остров Сеговец. На нем ветхие, брошенные, никому не нужные дома. Дома уйдут в озеро вместе с островом. Будут стоять на дне его. Рыбы заплывут в раскрытые двери и окна.

Поворачиваем на Май-губу. С нами едет завхоз из лагпункта на Телекинке. Вода поднимается всюду. Старый Повенецкий тракт затоплен. Деревни Телекино и Петров-Ям перевезли дома на Мармассельгу. Около двух тысяч га лесной площади уже затоплено. Всего станет добычей воды около пятидесяти тысяч га.

Дует сильный зюйд, качает, роет ямы, временами винт вращается в воздухе.

Проходим мимо обреченных, с которыми мы уже попрощались, — Койкинцы, Карельский остров, Габ — Наволок, Хим — Пески. Они доживают последние дни под солнцем. Широко разольется озеро. Оно затопит почти сто километров полотна Мурманской железной дороги, которая была когда-то построена пленными австрийцами и русскими каторжниками.

МУРМАНКА ПОСТОРОНИЛАСЬ

Неподалеку от трассы канала, по старой Мурманке тянутся поезда — товарные, пассажирские, скорые. Ночное небо, багровое от огней, отблеск прожекторов встречает поезда около станции Тунгуда.

— Что это? — спрашивают пассажиры.

— Канал, Беломорский канал, — отвечают им.

Кондуктор из Кандалакши — унылый, скептик. Из окна вагона много не увидишь. Трасса канала только у Тунгуды подходит к полотну дороги.

— Канал, канал... Ям накопали — вот-те и весь канал.

— Что канал. Канал растет. Мурманка старая у Май-губы под воду уходит.

— Как уходит! — восклицает кондуктор, — а поезда?

— Поезда идут посуху, как им и полагается. Поезда по рельсам катятся...

— Так рельсы, вы говорите, под водой?

— Ничего подобного. Рельсы на полотне, а полотно новое,

Перенос Мурманки. Фото с картины каналоармейца лагерного художника Красильникова

сделано оно беломорстроевцами за полтора месяца. Двадцать два километра за сорок пять дней — ничего темпы! От Сегежи до Май-губы уже с месяц движение по новому пути идет. Давно не были в этих местах?

— Какое там давно! В мае меня направили в Петрозаводск на глазную операцию. Пролежал до июля. Потом два месяца в Крыму. Я в крушение попал.

— Четыре месяца — срок большой. Наши обходники уже на северном участке орудуют — там до шестидесяти километров переносить придется. Вот и к Сегеже подъезжаем.

— Смотрите, — кричит кондуктор. — Верно, ведь по новому пути идут, раньше вон где полотно шло. И мост новый и станция на новом месте. Чудеса!

На Май-губе прощаемся и выходим из вагона. Май-губская станция вся новенькая. Платформа, лестница, здание станции, склады, шпалы — словно из-под рубанка. Переходим пути. Идем по бревенчатому настилу — дорога на старую Май-губу. Полчаса ходьбы, и мы у цели. Каменные четырехугольники фундаментов. Разбросанные бревна. Груды камня и кирпича. На земле следы снятых рельсов.

На пустом ящике сидит старик и меланхолически смотрит на подступающую воду. Кругом безлюдье.

В отдалении кучи щебня, торчащие столбы — все, что осталось от поселка Май-губа, перенесенного в Сегежу.

Вода Выгозера пробирается на пепелище поселка.

Мы садимся на моторную дрезину и несемся по старой Мурманке, вдоль территории, на которой стояла старая Май-губа. Стык, стрелка, светлая насыпь. Мы на новом полотне Мурманской железной дороги. Местами оно проходит в скалистом коридоре, всюду оно идет по возвышенности. Новенькие насыпи сменяются потемневшими старыми. Надвоицы, Шавань. Мы мчимся на северный участок Мурманки — Идель, Онда, Олимпий, Парандово.

— Я к вам навстречу на своем ковре-самолете, — говорит начальник работ по переносу дороги инженер Дели.

Мы рассматриваем ковер-самолет — крошечную дрезину Дели. Железная рама на четырех колесах, дощатый настил с мотором.

Скорость семьдесят пять километров.

— Легко снять с рельсов. Вот и летаю с участка на участок контрабандистом без всякого жезла. На поворотах иногда сбрасывает — недавно под встречный скорый поезд чуть не попал. Зато экономия времени — огромная.

Дели садится к нам. Он рассказывает:

— На южном участке грунты были хуже, но паровозов больше — в сутки до сорока поездов с землей пропускали. Здесь на северном обход глубже, местами до двух с половиной километров. Кроме того мало выемок, мало карьеров — местные резервы маломощны и неудобно расположены. И ко всему этому: идем болотами — чортову массу осушительных каналов приходится рыть.

— Когда думаете кончить?

— По плану срок 1 ноября. Если подбросят рабсилу (у меня сейчас большой недобор) и Мурманка не будет мариновать груженые составы, — кончим на месяц или полтора раньше.

Начало северного участка нового пути, на который через два месяца перейдет все движение мурманской магистрали. Начинается густой, высокий лес. Арка в сосновых гирляндах. «Дадим до срока путь стальному коню». Наверху на сшитом из досок щите — паровоз и на груди паровоза, в медальоне, портрет Сталина. За аркой начинается новенький городок — Идель.

Входим в лагерь. Большинство лагерников вернулось с работы.

У доски с производственными показателями галдеж.

Разноязычный лагерь, русская, украинская, татарская речь, среднеазиатский говор, кавказские наречия.

— Нацмен у меня много, — говорит Дели. — Сначала ими бай да муллы командовали, на саботаж подбивали. А потом беднота, ранее втянутая в басмачество, увидела, что бай присланную из дома баранину жрут, а у них брюхо пустое, — взялись за ум. И воспитатели помогли, трое из них знают нацменские языки — контрреволюционную агитацию политграмотой перешибли.

Снова выходим на полотно железной дороги. Свежий яркий песок, чисто обтесанные шпалы. Даже гравий кажется отборным и тщательно промытым. Рельсы старой Мурманки сверкают далеко в стороне.

— Дорога на костях! — говорит Дели, — карелы рассказывают, что военнопленных, работающих на постройке дороги, хоронили сотнями. Каждый метр — могила. А у нас на десять тысяч ни один не умер, только животами болели, пока не отучились сырую воду пить.

Дорога на костях! Кто строил Мурманку в 1914—1915 годах? Тоже заключенные. Строили каторжники, строили военнопленные. Как строили?

Вот рассказ Левитануса, бывшего организатора и председателя трудколлектива на Беломорстрое.

«Мне сейчас желательно сделать маленькое сравнение с былым, давно прошедшим. В 1914 и 1915 годах я, будучи заключенным, был прислан на строительство Мурманской железной дороги. Заключенных было около двух тысяч. Кроме того полторы тысячи военнопленных. Работа наша и военнопленных проводилась так: мы все стояли в песчаном карьере, к нам подходили платформы, на которые мы грузили песчаный грунт. Этот песок сопровождали вольные женщины и в указанном месте отгружали его. Над нашими головами, т. е. на поверхности забоя, стоял конвой двух видов. Нас охраняла тюремная стража, а военнопленных — военный конвой. Подрядчики, которым мы были вверены, крутились около нас. Они соблазняли нас всяческими обещаниями, чтобы мы лучше работали. Однако арестанты и военнопленные не двигались с места. Тюремная администрация возглавлялась Введенским, который временно был переведен в качестве начальника работ. Введенский служил в Крестах помощником начальника. Ежедневно по окончании работ люди пачками направлялись в карцер: вели тех, которые не успевали нагружать известное количество платформ в течение дня. Недовыполняющих оказывалось ежедневно человек 700—800. Карцеры были сделаны из землянок. В карцере надзиратели зачастую били арестантов. Сидящим в карцере горячая пища не полагалась. Еженедельно производился обмен, штрафников-карцерников направляли в тюрьму. Тех, кого переводили в тюрьму, тут же сажали в тюремные карцеры на долгое время. Порядок тюремного карцера был таков: трое суток штрафник просиживал в тюремном помещении безвыходно, питаясь одним хлебом, на четвертые сутки его переводили в светлое помещение на один день. Потом возвращался обратно в темное помещение. Штрафники получали преимущественно по 28 суток карцера. Интересно было бы, если на Беломорстрой попал бы Введенский или те подрядчики, которые вели строительство Мурманской железной дороги. Я уверен, что у них бы вылетели глаза из орбит от удивления».

Озеро Выг наглухо загорожено, можно итти пешком, можно скакать на коне по руслу реки Выг. Обнажены пороги и скалы,

деревья качаются на белых берегах. Реки нет, есть каменистая, извилистая впадина. Тишина. Но вот снова грохот работ. Тачки, грабарки, груды камня и диабаза. Что это?

Мы подошли к сооружению Шаваньской плотины.

Плотину эту проектировал и строил один из осужденных по делу Среднеазиатского водхоза — инженер К. М. Зубрик.

ПУТЬ ИНЖЕНЕРА ЗУБРИКА

Металлическая звездочка на погоне может иной раз определить мировоззрение человека. Выслужившийся в прапорщики телеграфист из нищей мещанской семьи начинает воображать себя призванным защищать исконные дворянские привилегии, проникается некоим феодально-мистическим духом, готов с оружием в руках отстаивать честь своего жалкого офицерского мундира эпохи оскудения всех и всяческих интендантских запасов. Он примысливает себе новую, пышную биографию. Он готов думать, что его многолетнее честное служение телеграфному делу было всего лишь печальным эпизодом в жизни молодого, родовитого дворянина и что мировая война, выведшая его из безвестности, явилась чем-то вроде богатого наследства, дарованного ему за его гордое смирение. Он постоянно и настойчиво упражняется в этой своей пышной биографии, она прочно внедряется в его ассоциативную систему, сквозь нее продергиваются нервные волокна, проходят кровеносные сосуды. Это могло бы послужить отличным сюжетом для водевиля, но время для водевилей было неподходящее: грянула Октябрьская революция. А революция — дело серьезное. Дорвавшийся до «звездочки» телеграфист становится страшен. Он зарвался до того, что готов перегрызть горло каждому, кто только покусится на высокое его звание. Он вступает в офицерскую заговорщическую организацию. Если в полку к нему относились с некоторым презрением, то здесь все равны. Тут он на одном счету с бывшим своим полковым командиром, с бывшим питомцем пажеского корпуса, с князем, носящим двойную фамилию. И князья, и пажи, и генералы охотно предоставляют разночинцам умирать за свои поместья и привилегии. Они поощряют его в его претензиях. Наконец-то он в высшем свете! Правда, для этого мало было мировой войны, — потребовалась революция. Именно революция и загнала его в высший свет. Но революция, пролетарская революция — дважды и трижды серьезное дело. Юный дворянин попадает в ВЧК. Там быстро и отчетливо разобрались в роскошной его биографии. Ему дают возможность исправить свои заблуждения под условием немедленного и решительного отказа от всяческого феодализма. Если он не круглый дурак — он благодарит за полученный урок и

смиренно садится за телеграфный аппарат. Революции также нужны телеграфисты. Если же он круглый дурак — он умирает рядом со своим отцом-командиром с возгласом: «Долой узурпаторов! Да здравствует государь император!»

Примерно по тому же принципу, что и офицерская каста, построена каста инженерская. Разница разве только в том, что прием построения офицерской касты более обнажен. Точнее — глупость кастовых принципов офицерства более явственно глупа. Кастовые принципы инженерства рассчитаны на более сложный интеллект.

Климент Михайлович Зубрик, сравнительно молодой инженер из пролетарской среды, до шестнадцати лет служил ремонтным рабочим на железной дороге. В 1905 году он получил диплом агронома. В 1913 году перешел на гидротехнику. После Октября 1917 года он сразу усвоил стиль человека, пострадавшего от революции. Ему было только двадцать семь лет, но при выборе стиля он не пожелал прибегнуть к помощи своей памяти. Прежняя его среда никогда не представляла для него социальной ценности и была всего лишь тем препятствием, которое ему удалось взять в своей юности. Он не только не гордился своим происхождением из рабочей среды, напротив, он гордился именно тем, что преодолел эту среду. И теперь он был жестоко ущемлен. Суть этого ущемления заключалась в следующем. Самое значительное жизненное усилие было им сделано в ту пору его жизни, когда так называемые «низшие классы» находились еще под двойной опекой: хозяина и царя. Зубрику удалось прорвать этот двойной кордон и — по тогдашней терминологии — «выйти в люди». Из грязи — в князи. Из ремонтных рабочих — в инженеры. Это сделанное им поистине огромное жизненное усилие стало основным фактом его биографии. На таком прочном основании можно спокойно строить чувство собственного достоинства в твердой уверенности, что его достанет на всю жизнь, даже если иссякнут все прочие питающие душу источники. Ах, это усилие, сделанное в юности! Оно обладает куда большей эмоциональной мощью, чем прославленная первая любовь. Оно является неиссякаемым животворным источником, питающим все дальнейшие усилия, которые приходится делать человеку на его жизненном пути. Но Зубрику не повезло. В октябре 1917 года, когда ему едва исполнилось двадцать семь лет, его юношеское усилие вдруг разом утратило всякую ценность. Оно просто перестало котироваться. В один прекрасный день убрана была вся та обстановка, которая сообщала биографии инженера Зубрика ее своеобразие и моральную значимость. Не стало низших классов. Уже в каком-нибудь 1926 году инженер из пролетарской среды отнюдь не представлял собой редкостного явления. Если до

того Зубрик был равнодушен к рабочему классу и, как сказано, видел в нем только барьер, успешно взятый им в юности, то теперь он пребывал в постоянном против него раздражении. Молодые инженеры пооктябрьской эпохи представлялись ему наглыми выскочками и невеждами, почти даром получившими те блага, ради которых он, Зубрик, должен был сделать свое великое усилие. В то время инженер Зубрик мог смело протянуть руку своему коллеге из военной среды. Несмотря на значительную разницу в культурном уровне, они поняли бы друг друга с полуслова. Да и весь дальнейший жизненный путь свой — по крайней мере до порога внутренней тюрьмы ОГПУ — они могли бы без особых разногласий пройти рука об руку, плечо к плечу.

Но этим страдания инженера Зубрика еще далеко не исчерпывались. Отменены были не только низшие классы, но и высшие. Усилие Зубрика утратило наряду с моральной и всякую практическую ценность. Революция под самый корень подрезала все его надежды на жизненное устройство в том виде, в каком он привык его мыслить. Это жизненное устройство он отождествлял всегда с проникновением в ту касту крупных инженеров, которая представляла собой генеральный технический штаб российского капитализма.

И вот в полном соответствии с биографией прапорщика-телеграфиста революция как бы в насмешку открыла ему теперь доступ в этот технический высший свет. Молодой, безвестный, бездипломный инженер и притом сугубо пролетарского происхождения, он был теперь весьма радушно принят в эту среду крупнейших инженеров-гидрологов, составивших впоследствии основное ядро среднеазиатской вредительской группы. Быть может и не отдавая себе в том ясного отчета, инженер Зубрик играл здесь достаточно комическую роль представителя здравомыслящей части пролетариата, осуждавшей Октябрьскую революцию. Он должен был служить в этой среде живым воплощением того, что простой рабочий мог при желании и в царские времена сделаться инженером и вовсе не к чему было устраивать революцию.

Во вредительскую деятельность Зубрик втягивался постепенно, незаметно для самого себя. В первое время вредительской своей работы он быть может не мог бы даже сказать себе прямо и недвусмысленно: «Я — вредитель; то, что я делаю, способствует разрушению хозяйства страны». Заговорщики не всегда договариваются до последних выводов, до четких формулировок. Соответственно этому инженеры вели всю свою вредительскую игру на полутонах, на недоговоренностях. Они считали сугубой бестактностью, когда какой-нибудь юный прозелит кощунственно пытался обозначить словами ту священную умозри-

тельную категорию, которая лежала в основе всей их деятельности. Они не переносили цинизма. Цинизм — привилегия вожаков. Вожаки принимали на себя все их грехи, все их дурные помыслы. Здесь дело отнюдь не в тонкой моральной организации инженеров, входивших в состав вредительской организации, в которую вступил Зубрик. Здесь дело в трусости. Они заранее, на случай провала, готовили себе защитную концепцию, убедительность которой зиждилась бы не только на отсутствии свидетелей, могущих доказать, что слышали из их уст это священное, страшное слово, но и на собственной их условной искренности, которая позволила бы им с почти естественным негодованием отвергнуть обвинение в сознательном вредительстве. Менее всего опасались они, что их выдадут их дела. На то они — крупнейшие в стране гидрологи и гидротехники. Все их вредительские проекты и свершения покоятся на сложнейших расчетах и вычислениях. Кто рискнет пуститься в плавание по этому бездонному морю цифр, чертежей, докладов, соображений, возражений и вариантов, в поисках такой тонкой и деликатной вещи, какой стало вредительство на третий год после шахтинского процесса!

Эта сложная пхсихологическая обстановка весьма облегчила инженеру Зубрику переход к вредительской деятельности. Строго говоря, она началась для него еще значительно ранее — истоки ее берут начало еще в той поре его инженерской деятельности, когда он ощутил впервые, что *пролетарская* революция перенесла его, *пролетария*, во враждебную социальную среду. Уже тогда стали в нем складываться те вредительские навыки, которые позднее, в организации, сложились в определенные вредительские методы. Еще очень долго инженеру Зубрику казалось, что он просто-напросто весьма неохотно делится с Советской страной своими знаниями. Ничего более. Он даже несколько гордился своим благородством: будучи враждебен этому государству, относясь резко отрицательно ко всей его политике, он тем не менее не находит для себя возможным саботировать его мероприятия в области мелиорации и ирригации. Инженеру Зубрику казалось, что эту жертву он приносит, минуя несимпатичную ему государственную власть, непосредственно тому народу, из среды которого он вышел: так кокетничал инженер Зубрик своим пролетарским происхождением.

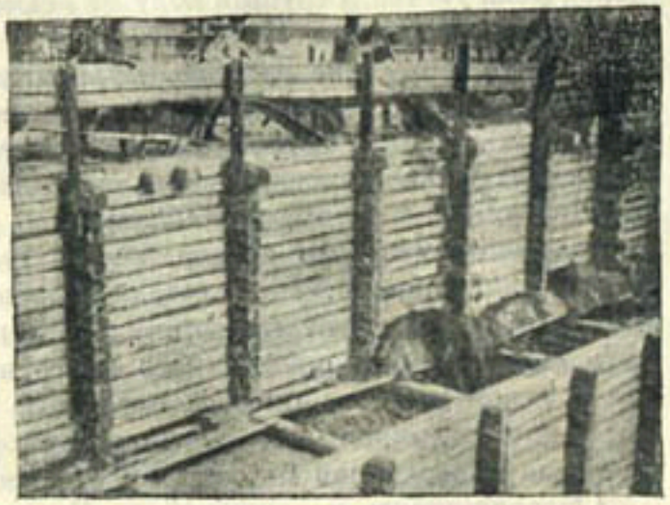
Школу вредительской работы инженер Зубрик проходил под непосредственным руководством главы организации, крупнейшего инженера Ризенкампфа, признанного вождя всех российских гидрологов и гидротехников. Это был того именно типа вождь, которому, как сказано, рядовые заговорщики охотно передоверяют свою волю и свои помыслы. В приближении

к себе инженера Зубрика он видел особую тонкость и особый вкус: близость этого молодого, способного, бездипломного инженера из рабочих давала ему ощущение, что лучшая часть пролетариата настроена против Октябрьской революции. Затем — такова была политическая традиция: иметь под буржуазной программой хотя бы несколько рабочих подписей. Зубрик со своей стороны видел в Ризенкампфе идеальное воплощение всех тех моральных и интеллектуальных свойств, о которых всегда мечтал: твердость воли, тонкое воспитание, обширные познания, широту технических взглядов, широкую политическую ориентировку, славу первого российского гидролога. Ризенкампф взял под свое высокое покровительство молодого инженера еще в 1913 году: всегда выгодно иметь при себе человека, который обязан тебе всей своей судьбой и готов за тебя в огонь и в воду. И уже во всяком случае не в 1917 году было Ризенкампфу предоставить Зубрика самому себе: социальные пласты резко переместились, и этот инженер-рабочий приобрел вдруг высокую социальную значимость. Да и сам Зубрик вовсе не имел намерения после революции покинуть своего покровителя. Он ничего в революции не понял и остался при своем патроне, как после освобождения крестьян дворовые люди добровольно оставались при своих господах. Он целиком и полностью разделил идеологию своего патрона, вместе с ним пошел он против рабочего государства. Он всеми силами старался доказать патрону, что эта революция в такой же степени не имеет никакого отношения к нему, Зубрику, как и к самому Ризенкампфу.

Таким-то образом инженер из рабочих Климент Михайлович Зубрик оказался в рядах врагов рабочего класса, оказался *вредителем* социалистического хозяйства. История инженера Зубрика — классическая история пролетария, соблазненного буржуазной культурой и наряду с знаниями, почерпнутыми в буржуазной школе, усвоившего и буржуазную идеологию.

О рабочем своем происхождении инженер Зубрик вспоминал только в заключении. Он вспоминал о нем, как в беде вспоминают мало знакомого человека, которым пренебрегали и который мог бы теперь оказаться полезен. У него мелькнула мысль, что рабочее его происхождение может сослужить ему теперь хорошую службу. Но он тотчас же отказался от этой мысли. «Дворянская» его честь, его привязанность к «звездочке» оказались сильнее даже инстинкта самосохранения. На допросах инженер Зубрик оказался менее словоохотливым, чем прочие его коллеги из настоящих «дворян» — кастовых инженеров.

Осень 1932 года. Инженер Зубрик — на Беломорстрое. Медвежья гора. Только что срубленный, пахнущий смолой и сыростью барак. Кое-где не настланы даже полы, кругом лежат

Засыпка ряжей. Грунт в ряжах заполняет все щели. При тщательной выборке грунта фильтрация воды через ряж незначительна

глина и кирпич. Идет кладка печей. Но уже во всех углах этого наскоро сколоченного проектного бюро Беломорстроя — столы, столы, столы. На каждом столе — бумага, линейка, карандаш, циркуль, рейсфедер.

Мерзнут руки. Погреешь их у печи, похлопаешь в ладоши — и снова за работу. Темпы, темпы.

То и дело летят на линию требования:

— Скорей бурите скважины! Скорей шлите образцы грунтов! Скорей давайте точный план местности!

А тут еще недостаток квалифицированных работников. Химика приходится сажать на проект бетона, филолога — на расчет. Иной раз кружится голова от утомления, от непривычки к темпам. Пол уходит из-под ног. Минута забытья — и опять ходит непомерно длинный, худой Зубрик от стола к столу, дает указания, корректирует неопытных своих помощников, поощряет опытных. Это штурм технического проекта. Штурм заканчивается победой — проект готов к назначенному сроку.

Но сделано еще только полдела: пришла пора переходить к штурму рабочего проекта. На основе технического проекта, на основе утвержденных конструкций надо дать совершенно точное, наглядное, понятное простому десятнику изображение отдельных частей сооружения с соответствующими расчетами.

Но вот готов уже и рабочий проект. И все же, как бы ни был он точен и понятен, на стройке возникнут еще тысячи вопросов, сомнений и недоумений. Надо неотступно следить за каждым шагом строителей, учить, показывать, поправлять.

Зубрик едет на Шавань. По дороге к Шаваньскому острову, лежащему на реке Печке, — скалы, валуны, полувыжженный, полусрубленный чахлый лес. На самом острове лес еще не тронут: густой, дремучий, непроходимый. Справа остров огибает бурный

поток реки Печки, берущий воду от «самого» Выга, слева — жалкая речонка, приток Печки, с трудом пробивающийся сквозь адово нагромождение валунов. Бурный поток Печки будет перекрыт глухой земляной дамбой, левый ее приток — водосливной плотиной, а самый остров — пересечен линией канала, шлюзом. Инженер Зубрик проектировал водославную плотину.

Проект — проектом, а все-таки надо раз десять вдоль и поперек исколесить весь остров, чтобы найти наиболее выгодное для плотины место. На месте, указанном планом, ставить ее нельзя — тут и грунт подозрительный и берега рыхлые. Надо чуть спуститься от намеченного места вниз по реке, сюда вот, где с левой стороны имеется огромный выступ скалы, который послужит отличным естественным устоем для плотины. Шаваньская водосливная плотина будет здесь.

Отгородившись перемычкой от Выга, снабжавшего обильной и бурной водой реку Печку, начали в ее протоке выемку котлована для водосливной плотины. Быстро удалили валуны, обнажили залегавшую под ними диабазовую скалу. Диабаз таил в себе неприятную неожиданность. Как раз в самом центре, в наиболее глубоком месте котлована, оказалась разрушенная скала. Это было весьма опасно в смысле возможности фильтрации, т. е. проникновения через скалу воды после окончания плотины.

В мае 1932 года начали кладку бетона и одновременно рубку ряжей. Бетонная опора для ряжей и бетонные устои высотой в 15 метров вырастали буквально на глазах. Вот поставлены уже и сами ряжи.

Наконец приступили к загрузке ряжей. Сначала крупным камнем, затем щебнем, гравием, песком, торфом, снова гравием и песком. Скоро ряжи составляли одно общее, целое полотно по всему телу плотины. Теперь уже можно, сняв перемычку, спокойно пустить сквозь бетонную трубу воды Выга.

Следующая, последняя, стадия — обшивка деревом всего тела плотины. Но обшивка, особенно обшивка основной части плотины у гребня — дело нелегкое. Работа эта кропотливая, почти столярная. Гребню надо в точности обеспечить форму, заданную проектом, иначе мощная струя сливающейся воды будет постоянно грозить устойчивости и прочности всего сооружения. С точностью до миллиметра строгают, рубят, прилаживают друг к другу брусья плотники, пока наконец плотина не увенчается ровным, словно выточенным оголовком, по всей длине которого ни в одном месте не проходит специальное лекало — тончайший измерительный инструмент.

За постройку Шаваньской плотины, одной из наиболее изящных технических оригинальных плотин на Беломорско-балтийском канале, ВЦИК наградил бывшего вредителя инженера

Климента Михайловича Зубрика орденом Трудового красного знамени.

Инженер Зубрик честно заработал свое право снова вернуться в лоно родного класса. Инженер Зубрик заработал свое право тем, что сделал на Беломорстрое свое второе, самое главное жизненное усилие — он откинул, как ненужную труху, все прежние свои взгляды, иллюзии, предубеждения, все то, чем отравила некогда буржуазия юного пролетария, поднявшегося из самых глубоких недр угнетенного класса.

Одновременно с инженером Зубриком был награжден инженер О. В. Вяземский, строитель Маткожненской плотины.

СОМНЕНИЕ ИНЖЕНЕРА ВЯЗЕМСКОГО

Постановление о награждении было датировано от 4 августа 1933 года. А за два года до того, в ноябре 1931 года, начальник проектного отдела Беломорстроя В. Д. Журин вызвал к себе Вяземского.

— Надо вывозить маткожненскую проектную бригаду, Орест Валерьянович, — сказал он. — Бригада в прорыве. Мы вас введем в нее, а вы берите бразды правления.

И Журин коротко захохотал. Он всегда так хохотал: громко, отчетливо, коротко — и в несмешных местах.

Вяземский начал отказываться. Отказывался горячо, не так, как обычно отклоняют приятное повышение. Это было странно, потому что всякий, кто его знал близко, видел прежде всего, что Орест Валерьянович — инженер с огромным аппетитом к работе, человек честолюбивый. И вот он желает остаться в отделении затворов, где у него скверные отношения, где он с самого приезда на Медвежку спорит и собачится из-за мелочей и по принципиальным техническим вопросам, преувеличивая противодействие, которое оказывают ему. За три месяца в Медвежьей горе Журин изменил всю структуру отдела. Журин вел себя в ОКБ как принципиальный новатор, проявляя тонкое понимание эпохи и обстоятельств. Ему свойственно ощущение технической революции нашего века, ощущение, очень современное и очень прогрессивное, если конечно оно подкрепляется правильной оценкой пролетарской революции, — у Журина оно не подкреплялось.

— Вы знаете бетон, как мало кто его знает на всем строительстве, — говорил он Вяземскому. — Даем вам бетонную плотину. У вас тонкое понимание конструкции, — делайте, что хотите. Всякое облегчение, упрощение, замену металла деревом — будем только приветствовать. А как гидротехнику вам еще предстоит развернуться.

В конце концов, что бы ему ни пели, сам Вяземский дальше

видел, глубже понимал, острее чувствовал, что такое Маткожненский узел. И все же отказывался.

— Почему?

— Не справлюсь, завалю дело, — отвечал Орест Валерьянович. — Мне трудно.

Ему казалось, что этой фразой он до конца объясняет свои резоны. А они были сложнее, темнее, могущественнее. Он понимал приезд на Медвежью гору. После дортуара в новом прекрасном доме — ОКБ — его поселили в неуютном бараке. Первые две недели над помещением проектного отдела не было кровли, настилали потолок. В лесу валили сосны, строили дома, сараи, склады, бараки. Обычный беспорядок переезда в десятки и сотни раз усугублялся душевным беспорядком. Неопределенные границы лагеря, неопределенная его свобода тяготили больше, чем режим ОКБ. Как держаться в ссылке? Как держаться в отношении чекистов? Сколько времени здесь придется пробыть? Все пять лет по приговору? Или еще припаяют административную высылку? Не опасно ли гулять по лесу? Не каторга ли это если не для него, то для лесорубов, которые валят сосны? Кормят пока неважно, живут скученно, а вдруг эпидемия?

Не в нем одном бродили эти опасения и тревога, — от недовольства пищей до раздражающего понимания, что граница очень близка — восемьдесят верст — не придется ли отвечать и за побеги?

Вяземский бывал в здешних краях студентом на практике. Тогда ему очень нравились эти точеные сосны, нравилась тишина, финская суровость. А теперь эта глыба безмолвия, безлюдья, нетронутости, скитского уединения пугает и давит, едва чуть-чуть отойдешь от жилья — и она задавит навсегда.

Как же построить здесь канал в такие сроки? А если сроки не выдержать, — большевики плюнут на дорогую затею, законсервируют стройку. И останется Вяземский среди этих сосен, валунов, в безмолвии. И еще придется отвечать за то, что не выдержали сроки. Отвечать второй раз. Нет.

— Бригада же и без меня сильная, Владимир Дмитриевич, — говорил он.

С его возражениями не стали считаться.

Улей Управления зажужжал. Среди рядовых сослуживцев Орест Валерьянович слыл ворчуном, неврастеником, торопливым неровным работником, человеком с претензиями. Не очень счастливый характер — и обусловлен он тем, что личность, талантливая, честолюбивая, сильная, определила свой путь не по тому направлению, которое диктовали могучие силы истории. Удивительное назначение его объяснили: ташкентцы тянут друг друга, и надо выдвигать молодежь. Это, разумеется, ничего не

объяснило, но успокаивало жужжащих. Сам же Орест Валерьянович в иное время порадовался бы гуденью вокруг своего имени.

Но сейчас было не до радостей тщеславия.

Возглавлял проектную маткожненскую бригаду инженер Панпулов, бывший ответственный работник Госплана по водной секции. Плановик с проектом не справлялся. Он нервничал, путал, не мог сосредоточиться на мелких деталях, терпеть не мог звонков с линии, выездов на линию. Его судьба испугала Вяземского.

И он снова явился к Журину.

— Сроки сорваны, материал находится в ужасном состоянии, — сказал Орест Валерьянович. — Тут действительный член Госплана, а я никто, как же я справлюсь!

Вяземский взволновался. Он требовал, чтобы его отдали под суд, немедленно арестовали. Инженеры слушали его.

— Это бегство, — сухо сказал инженер Вержбицкий, который присутствовал при разговоре. — Бегство, — сухо и властно, как в оные времена, повторил Вержбицкий.

Отказ Вяземского разрушал большой план. Журин и Вержбицкий видели, что Маткожненский узел находится в чужих и в плохих руках. Только Вяземский мог спасти положение. Журин и Вержбицкий знали ему цену. И вдруг отказ. Любой чекист сказал бы Вяземскому: «Попробуй верить в канал, как мы. И решай его не как техническую задачу, заданную в тюрьме, а как большую политическую задачу, заданную большевиками. Это — живое предприятие. Опасное, полное неизвестностей, но живое. У нас немного строительного опыта, но спросите стариков, и они вам скажут, что всегда так бывает на стройках: и беспорядок, и неудобства. Задача безмерно трудна, мы с ней справимся, а вы нам помогайте».

Старые инженеры, разумеется, этого не сказали. Старые инженеры предоставили ему просто итти по их стопам, разбирать их поступки, как иероглифы: признавая правоту большевиков и чекистов, они слишком легко сдали бы прежние воззрения в архив, слишком быстро признали бы свое банкротство. Слава богу, у них есть совесть. И они предпочли крикнуть Вяземскому: «бегство», рвануть его и без того натянутое самолюбие.

— Бегство! — вспылил Орест Валерьянович. — Так я докажу... Помогайте.

— Поможем, не волнуйтесь, — сказал Журин.

«Здесь начался мой беломорстроевский подвиг», пишет Вяземский. Удар по чувствительным струнам заставил его взяться за Маткожню.

Теперь была только одна боязнь — не подведут ли нервы

и физические силы. Теперь он был уверен, что канал будет построен. Правда, он не стал бы утверждать, что навигация действительно начнется, как намечено, в 1933 году. Сомнение бродило в нем.

ДЕНЬ НА ТРАССЕ

Из блокнота лагкора „Перековки"

Над завалами грунта из-под розового света калильных ламп просачивается унылый рассвет. Явственней проступают кустарники.

Земля лежит неубранная, в испарине, в сером тумане.

Туман висит над крышами. За стеклами холодно. На рабочем столе медленно густеют, замерзая, чернила.

Человек ежится. Торопливо курит. Цифры покачиваются в разные стороны. Прораба явно одолевает сон.

«Вы спрашиваете о семье, — говорит он лагкору чужим голосом. — Что мне семья? Меня осудили в 1925 году. Дали десять лет. Жена думала, что никогда не увидит: вышла замуж за другого. Когда я попал в лагерь, сыну было десять лет. Теперь ему шестнадцать. Пройдет год, два, и он наплюет на папашу. Что мне семья, я вас спрашиваю? Будет время — наживу другую. Да куда вы торопитесь? В пекарню? В столовую, на канал? Подождите. Вам что?! Статейку в «Перековку» — и кончено. А я вот днем маюсь, как грешник на сковородке, а ночью с разнорядкой бьюсь. И главное — некому эту разнорядку доверить. Того гляди, прорабы рабсилу порасхватают. Или УРЧ напутает. Вчера пропало сто пятьдесят плотников. Оказывается, их на кубатуру поставили, у нас ряжи рубить некому».

Как расставить рабсилу? Где будут стоять штурмовые фаланги? Где поставить бурильщиков?

Война длится недели, месяцы.

Затяжная окопная война.

— Мне бы, — говорит прораб усталым голосом, — когда кончим канал, отоспаться бы... Суток двое... без просыпа.

В дощатый чан льется вода. С противоположной стороны, отгораживающей тестомешалку от кочегарки, кричат:

— Сколько теста заложил?

— Десять пудов.

— Прибавь парочку.

Из вязкой смеси вырван комок. Взвешенный комок плюхается в форму и ставится на нары. Пока поднимается тесто, черноусый зав, похожий на торговца восточными сластями, отвечает на вопросы сотрудника «Перековки».

— Сколько у вас рабочих в хлебопекарне?

Тут важно искусство сразу сделать буханку нужного веса. За спиной пекарей на противнях лежат премиальные пирожки

— Нас, хлебопеков, человек десять. Печем в три смены, хлебом снабжаем весь лагерь. Из пекарей — семеро учеников были раньше дровоколами. Подучились и теперь работают не хуже самых квалифицированных мастеров.

— Какие имеются недостатки производства? Осуществляются ли рационализаторские предложения?

По национальности зав — украинец. Пек в Москве на Садовой пеклеванные хлебцы. А теперь в восьмом отделении печет хлеб. Производственный стаж 30 лет.

«Касательно рационализации скажу так. Носили у нас дрова с улицы. Времени на подноску уходило много. А теперь вот устроили дровяные люки у печей».

«Недостатки». Как же... нельзя без недостатков. Вот печи немного дымят. А так ничего, хорошие печи. Да и в дровах нужды нет. Зато перебои с дровоколами.

Появляются дрова. Бронзоворукий пекарь в запачканных тестом штанах колет их.

Это Петр Егорович Малышков. Один из лучших ударников хлебопекарни. Сорокадевятник с трехлетним сроком. Работал раньше в Москве, в Екатеринославе.

Температуру в печи он измеряет не термометром, а рукой.

Хлопают дверцы. В печь просовывается похожая на пожарный крюк кочерга и подцепляет форму. Она мчится по каменному поду. Тряпичные рукавицы подхватывают ее на лету и стукают о скамью. Из формы выпрыгивает буханка.

Хлеб уносят в каптерку. Опустошенные формы складываются одна в другую и движутся в проход к тестомесилке.

Там летает тряпка, протирая и смазывая их для новой партии теста. Работа идет конвейером.

Кочергой орудует Виктор Осипович Соломуха, бывший пекарь.

Утро.

Вправо от пекарни улица — жилые бараки, дощатые палатки, крытые парусиной. На фанерных обрезках дверные надписи — рота № 2, рота № 6.

За дверьми — тишина и сны.

— Алло! Алло! Говорит радиоузел культурно-воспитательной части лагпункта... — Это радиорупор будит спящих.

— Вставайте! Вставайте! Пора на работу. Внимание! За вчерашний день резко снизилась выработка ударных бригад. Радиогазета бьет тревогу.

Заспанные люди недоверчиво глядят на рупор. Опять прорыв. Пиликает гармошка, и рупор разносит прораба отстающей бригады. Он подговорил лагерников украсть у соревнующейся с ним бригады, имеющей хорошую выработку, пятьдесят тачек.

— Позор тебе, прораб Булгак.

И вновь пиликает гармошка.

— Здорово Булгака разделали, — смеется рыжий бородач.

Так этому нахалу и надо: лагерь не Молдаванка. И все довольны.

А в репродуктор девичий голос уже выкрикивает строки каналоармейского поэта, бывшего вора и рецидивиста:

Имел перо, отмычек стаю
И часто я в тюрьме сидел.
Но с чувством зависти всегда я
На жизнь рабочую глядел.

Репродуктор не унимается:

— Позор отказчикам-филонам: Петрову, Фризову, Сизовой.

Люди идут на работу мимо большого щита. На нем намалеван растрепанный человек с оскаленными зубами и рядом с ним буржуй в котелке, в жилете, с желтой цепочкой. Под растрепанным человеком написано: «Федор Жигалов — разлагатель на трассе».

С июля месяца тридцать второго года начали конкурсы лучших ударников. За высокие производственные показатели ударников премировали портретами, написанными масляными красками. В таких конкурсах принимало участие от трех до четырех тысяч ударников. Выдавались портреты тем, кто давал не менее 180 процентов нормы.

В те дни КВЧ часто получали письма, подобные следующему:

«Дорогие товарищи воспитатели!

В течение пяти месяцев я регулярно скрывался от разводов, потому крепко у меня засела мысль в голове, что от работы даже кони дохнут. Никакие уговоры, агитации мне не помогали. Я в лагерях второй раз и работать вообще не хотел. А канал я считал совсем не по пути. Меня и на собраниях в роте сты-

Работа арматурщиков; железо в конструкции примет на себя усилия растяжения, бетон — сжатия

дили, но так ведь об этом знала же только одна рота. А когда сегодня я увидал, что срисован под ручку с капиталистом и внизу написано, что мы вместе играем на руку классовым врагам, то мне стало понятно, что я действительно классовый враг. И очень прошу, дорогие товарищи, определить меня в какой ни есть коллектив и даю честное гражданское слово, что буду работать, как работают ударники, а вы тогда посмотрите. И не только сам буду, а и других заставлю, чтобы не попадали они в этот самый рисунок. Мне, тридцатипятнику, стыдно, что я хочу остановить строительство и что на сегодняшний день я являюсь классовым врагом советской власти. К сему подпись Жигалов. Пожалуйста, прошу снять карикатуру».

Жизнь полна беспокойства, суматохи, торопливости, суеты. Поминутно хлопают двери. Приходят и уходят люди.

— Какого чорта, — ругаются в телефонную трубку, — вы мне присылаете плотников вместо бурильщиков.

— Что вы мне прислали тысячу человек! Куда я их девать буду! Где я для них бараки возьму?

— Когда к нам прибудет тысячный этап?

— Пришлите шесть прачек!

И вот мечутся от телефона к телефону работники УРЧ,

роются в карточках, изредка путая в спешке номера судебных статей с номерами телефонов.

— Товарищ! — кричит заболевший этой жизнью человек. — Товарищ! Да оглохли вы что ли... дайте мне 58^{10}.

И, спохватившись, человек растерянно улыбается.

58^{10} — статья судебного кодекса, карающая за агитацию против советской власти. Это соседям понятно.

А телефонов немного. Всего два. Но они утомительнее для телефонистки, чем целая телефонная станция.

Светлеют окна. Курьер ПТЧ принес разнорядку на рабсилу.

— Скорей, скорей! — вопит старший подрядчик работникам УРЧ.

— Известите бригадиров: сто плотников на нижние палы. Бурильщиков в верхнюю голову шлюза. Бригады Подлепинского и Браварника на выемку скалы... Скорей.

На дамбе тянется вереница людей.

Идут группами, бригадами, трудколлективами. Несут топоры, лопаты, пилы. Несут выцветшие знамена.

Идут землекопы, плотники — ряжевики, бывшие кулаки и подкулачники, вредители колхозов.

Идут бурильщики, скальщики — бывшие воры-рецидивисты.

Тачечники-крючники — бывшие афганистанские курбаши, басмачи, ишаны и баи.

Плохо греет зимнее солнце. Неприветлива земля. Угрюмы вековые леса. Суровы морозы и вьюги.

За гребнем дамбы — порыжевшая за зиму хвоя. Голые осины. Тихая тропа. Вдали углубляют реку. От взрывов глухо охают лес и воздух.

Дамба переходит в насыпь. Завалы вязкого глинистого грунта. Штабели скалистого битого камня.

За штабелями канал. Внизу, в канале, на снегу, люди. Спускаются вниз. По трапам ползут наверх тачки. Тачечники идут, широко расставляя ноги; тяжесть давит им на руки. Несмотря на холод, некоторые в рубашках. Им жарко. Видно, как напрягаются мускулы. По трапам бегут крючники. На ходу подхватывают тачки крюками за передок и тянут наверх. Над обрывом на клетках ряжей прилепились деррики — подъемные деревянные краны — хитроумное лагерное изобретение. Плоскими перекладинами глядят деррики в сырое северное небо; скрежещут, вздымаясь, нагруженные камнем ковши.

— Сколько подъемов? — спрашивает начальник ПТЧ.

— Шестьдесят пять, Федор Федорович.

Бритый человек с седой головой недовольно жует губами.

— Маловато. Надо подтянуться.

— В нашей бригаде, гражданин начальник, — бормочет десятник внизу у ковша в брезентовом плаще, растерянно разводя

Основной герой беломорской механизации — деревянный деррик. Металлические части его конструкции сделаны целиком на самом строительстве

рукавицами, — в нашей бригаде трое в изолятор за пьянку попали. Бригаду опозорили. Из-за них мне сегодня каши убавили. Выработка, говорят, упала.

— Подожди. Освободим на поруки. Только знаешь — уговор дороже денег. Хорошие парни?

— Да, парни как парни. Будьте покойны, гражданин начальник.

Канал кажется сверху черной ямой. Люди облепили стены и вырубают скалу.

В Шижне нет улиц.

Стены домов прижимаются друг к другу. Идешь, оглядая древние двухэтажники, расставленные по дороге так, чтобы трудно было меж ними пройти человеку. Внизу снует племя взрывателей скал. Это большей частью воры-тридцатипятники. Но воры здесь нашли вторую родную своему делу профессию риска... риска, от которого захватывает дыхание. Местные жители глядят на них с нескрываемым любопытством и затаенной завистью.

Их восхищают эти городские выходцы из домзаков, бывшие налетчики, домушники и бандиты, работающие молчаливо, с деловитой суетливостью, без песен и пьянства.

Вот они копошатся у лобастых валунов, торчащих из скального грунта. На серый камень горсткой насыпан аммонал.

Вот они уходят.

Идут спокойной, ровной походкой.

Запальный шнур горит тридцать секунд. Серые камни дымятся за их спинами.

Вот, ворча, взорвался валун. Охнула земля. Воздух наполнился осколками. Они взлетают высоко и падают на противоположный берег реки.

Скачут по крышам, стучат в ставни. За ставнями испуганно крестятся старухи и испуганно глядят в плохо прикрытые створки.

А внизу на реке люди. Они не бегут.

Они ныряют в вихре осколков, как опытные боксеры, уклоняющиеся от ударов своего противника.

Они знают, что косо поставленная бурка взрывается не в их сторону. Шижневские «шиши» глядят на них с восторгом и удивлением.

Шижня — большое село с двухэтажными избами. Здесь живут рыбаки, хозяева рыбачьих судов.

Говорят, слово «Шижня» происходит от слова «шиш», а шишами звали в смутное время в России тех крестьян, которые бунтовали против воевод и бояр. Не знали, куда заслать шишей подальше. Послали их на самый край земли, к Белому морю. Обжились они здесь за триста лет плотно.

Стоит на Шижне деревянная церковь, стоят кресты с кровельками, раньше на реке стояли лодки на приколах.

У калитки стоит старик. Он хвастается тем, что ему 118 лет, а былин он никаких не знает, ему всегда было некогда.

КАНАЛОАРМЕЙСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ

— Сделай так, чтобы корреспондент оставался доволен даже в том случае, если ты не печатаешь его заметки.

«Перековка» завела почтовый ящик, она вступила в оживленную переписку с лагкорами и твердо усвоила первую заповедь массовой газеты:

— Не стриги заметки под одну гребенку, сохраняй по возможности их язык, стиль, характер.

«Перековка» обучилась газетному искусству в соответствии с этой важнейшей второй заповедью:

— Ни одна заметка не должна оставаться без результата.

Эта третья заповедь была подкреплена специальным приказом начальника строительства: прорабы, десятники и начальники лагпунктов, и начальники отделений, и начальники культурно-воспитательных частей — все без исключения обязаны были в трехдневный срок откликнуться на каждую адресованную к ним заметку.

Но «Перековка» — не обычная советская газета. «Перековка» — орган культурно-воспитательного отдела в трудовом лагере ОГПУ. В «Перековку» пишут не свободные советские граждане, а заключенные в лагере преступники.

Поэтому организационные заповеди массовой газеты приобретают здесь особую остроту, и к сумме общеизвестных правил и законов советской печати прибавляются еще особые правила, создаваемые спецификой лагерной обстановки.

Лагерный корреспондент — заключенный. Критикуя своего ближнего или дальнего начальника, он выступает против особо авторитетной силы. Этого не должна была забывать «Перековка». И она не забывала.

В роте усиленного режима — особые правила. Начальник в такой роте наделен особыми полномочиями. Даже десятник здесь — гроза и сила.

Газета пишет:

«В третьем лагпункте второго отделения после длительных усилий воспитательной части 174 лагерника из роты усиленного режима дали в среднем 130 процентов задания. *Десятник Степанов по халатности забыл им выписать хлеб.* Этим воспользовались злостные отказчики».

Так пишет лагерник из роты усиленного режима. Нужно обладать высоким мужеством или безусловной верой в свою газету, чтобы писать об этом и назвать по имени проштрафившееся начальство.

Человек работает по выемке скалы. Человек вывозит на тачке груды взорванных скальных пород. Круг его наблюдений узок. Он знает полсотни своих ближайших товарищей по трудколлективу. В минуты отдыха он может наблюдать лишь развороченный свой участок, небольшое пространство, изуродованное аммоналом и кирками. «Перековка» расширяла ограниченное человеческое зрение. Газета показывала всю трассу — от Медвежьей горы до Сороки.

Лагкоры, пишущие о победах и героизме, были лучшими ударниками и передовиками: положение лагкора обязывало.

Газета к сожалению не вела настоящей регистрации своих лагкоров. В списках лагкоров «Перековки» числились только те лагерники, которые писали в газету постоянно и часто. Зарегистрированных лагкоров поэтому насчитывалось только 3 570 человек. Конечно и 3 570 человек — немалая армия, но

это число должно быть увеличено в несколько раз, чтобы получилось реальное представление о связи газеты с массой.

ГОЛОС КВАСНИЦКОГО

Вместе с журналистами на трассе работали воспитатели. Про многих из воспитателей надо сказать, что они работали, как художники. Вот как работал воспитатель Квасницкий. Слушайте его голос:

«Вы не встречали около Одессы хуторских мельниц? Подлая затея. Но в этих мельницах есть своя философия. Кто хочет молоть, тот распрягает и вводит коней на деревянный круг. Круг укреплен с сильным наклоном. Впереди сено. Лошадь хочет взять корм. Она рвется вперед, — тогда круг вращается, и мельник собирает муку.

Меня поставили в круг молодым человеком и толкнули в спину. Теперь я схожу с круга. Я снимаю картуз, чтобы вытереть пот, и вижу в зеркало седину. Я говорю: вот и шестьдесят скоро. Долго же вы бежали, Самуил Давыдович. И какой круг!

Говорю откровенно: жизнь моя — десять романов по пятьсот страниц. Рокамболь из Одессы. Возможно, вы слушаете меня и шепчете: «Ну, что ж». Se non é vero e ben trovato!»[1]

Нет? Тем лучше. Я прожил по липе всю жизнь и хочу, чтобы мне верили хотя бы под старость.

Если вам скажут: Квасницкий — профессор или доктор философии — не верьте. Я работал под герцога, комми-вояжера, хирурга, скрипача и римского монаха.

Тридцать лет я был только вором, хотя настоящая моя профессия — заготовщик кож. Заготовщик кож — из местечка Смелы, возле Киева.

В 1905 году мне было всего двадцать восемь лет.

В это страшное время на наше местечко обрушился погром. Я был молод, здоров и страшно горяч. Я не ждал приглашения записаться в отряд самообороны. Я рассчитал верно: лучше получить пулю в лоб, чем кухонный нож в живот. Мне дали винчестер. Знаете — шестнадцать патронов и затвор-скоба... вниз и вверх. Мы спрятались на чердаке и стреляли в золоторотцев и лавочников. Не думаю, чтобы я кого-нибудь убил. Я стрелял в первый раз и страшно спешил.

Мне удалось спрятаться. Меня выдали. Через год я вышел из Одесской тюрьмы. Меня боялись взять в мастерскую и не давали работы на дом. Мне грозили расправой. Так было несколько месяцев. Но однажды я встретил на улице одного

[1] По-итальянски: «Если и не верно, то хорошо сказано».

из знакомых воров. Он отвел меня в пивную, накормил ужином и сказал:

— Самуил! Мы сидели с вами в одной камере, и я вижу — вы человек не глупый. Вы хотите серьезно работать, Самуил?

Я не ответил ни «да» ни «нет». Я не хотел искать свое счастье в чужих карманах.

Вскоре я снова встретил моего собеседника. Он был одет, как заводчик. От него пахло хорошим вином. Прощаясь, он взглянул на золотые часы. Моя семья десятые сутки ела одни баклажаны, а вещи были в ломбарде. Впереди был голод. Я взял вора под руку и сказал, не веря своему голосу:

— Ну, где же ваша работа?

... И вот мне пятьдесят шесть лет. Я — бывший вор, а дети мои — комсомольцы, учатся в вузах и презирают меня как соцвреда. Грустная история, товарищи! Дети отреклись от отца. Я должен был это чувствовать заранее. Дурная слава наступила мне на пятки. Когда мы с семьей приходили в мало знакомый дом, дети спрашивали в коридоре:

— Папа, тебя здесь не знают? Папа, лучше уйди.

И я уходил, чтобы не испачкать детей.

В тридцать лет я стал вором международных масштабов. Круг под моими ногами вертелся быстрее и быстрее. Я бежал из Риги в Берлин, из Берлина в Париж, Лондон, Остенде. Я кружил по северной Африке и скрывался в Италии. Возможно, есть люди, не забывшие моих путешествий по Австралии, Венгрии, Бельгии, Франции, Южной и Северной Америке.

Память моя сохранилась прекрасно. Я говорю на шести языках лучше, чем на русском, и пройду сквозь Париж с завязанными глазами. Вы хотите знать, где я жил постоянно? Посмотрите списки Синг-Синга и Полтавской тюрьмы, Роттердама и Киева, Москвы и Одессы.

Я выходил из тюрьмы, чтобы тотчас вернуться обратно.

Скотланд-Ярд был моей первой тюрьмой за границей. В 1909 году я бежал от полиции через Вайтчепель и Блекль-Ярд.[1] Я четыре раза пересаживался с одного обаса[2] на другой.

Здесь меня взяли за локоть. Я обернулся и увидел «офисера»:

— What can J do for jou?

— Let's go with me![3]

Через полчаса я сидел в Скотланд-Ярде.

В те годы я был немного наивен и думал, если тюрьму моют

[1] Улицы в Лондоне.
[2] Разговорное название автобуса.
[3] — Что вам угодно?
— Следуйте за мной.

резиновой шваброй, она не пахнет Одесскими крестами. Скотланд-Ярд выглядел действительно много интеллигентнее. Холодно. Чисто. Тихо. Возле дверей — звонок. И каждому вору две чистых простыни, желтый платок на шею и туфли.

Но чего стоила нам эта интеллигентность? Представьте: посреди камеры привинчен дубовый стол и семь стульев. Все заключенные должны сидеть. Встать не разрешается. Курить нельзя. Разговаривать можно. Мы сидим, разговариваем — час, два, день...

Ночью тоже не позволяют встать. Кто хочет в уборную, должен нажать звонок и ждать разрешения.

Посуда, как янтарь. Ее заставляют вылизывать. Но порции были урезаны настолько, что мы вылизывали без приглашений.

В Одесских крестах за папиросы просто били. Здесь били и приковывали к стене. Не подвешивали конечно, но подтягивали так, что курильщик стоял на больших пальцах.

Остальное, как обычно. Между прочим на допросе меня ударили резиной по голове. Я был молод и недавно получил от семьи ужасные письма. Я не выдержал и замахнулся на надзирателя.

Какая разница — резина или кулак! Но об этом я подумал потом, в карцере под названием «трюм». На допросе я просто кричал и закрывал лицо руками.

«Трюм» в Скотланд-Ярде сделан очень остроумно. Я думаю, его изобрел какой-нибудь адмирал. Когда меня втолкнули в карцер, на полу было немного воды и ни одной скамейки. Я сразу догадался, что камеру только что вымыли и осталась лужа. Я закричал надзирателю, чтобы вытерли пол. Он сказал «сейчас», принес шланг и стал поливать меня с такой силой, что едва не выбил глаза. Воды набралось пол-аршина, и я стоял в «трюме», дрожа, как собака, целые сутки.

Если Скотланд-Ярд взял у меня три года здоровья, то Краковский магистрат и Синг-Синг все десять.

В Кракове меня задержали в банке. Задержал старый агент сыскного отделения Ткач. Я его помню до сих пор. Когда в тюрьме при магистрате агенты требовали с меня 20 тысяч рублей, мне так выкрутили руки, что лопнули мускулы.

Как я работал — интересно только Угрозыску. Скажу только, что вскоре я перестал посылать деньги семье. Легче дать пятьдесят рублей из сотни, чем одну сотню из тысячи.

Вы хотите знать конец? Последний год из тридцати пяти? Может быть последний день? Вчера меня вызвал начальник. Вы знаете наш разговор?

Он пожал мне руку и сказал:

— В свое время вас сильно калечили, Квасницкий. Смотрите, мы выпускаем вас, Квасницкий. Желаю вам сто лет жаркой работы.

Вы думаете — это вроде химии? ОГПУ берет соцврeда, старого вора, предположим Квасницкого, и бросает его на трассу. Эйн, цвей, дрей!.. Выходит Квасницкий, снимает шляпу и говорит:

— Спасибо! Я уже все понял. Я перекованный... Дайте мне паспорт. Я не хочу больше жить по ксиве.

Такой химии не бывает.

Но я не рассказал вам конца.

Даже революция зацепила меня краем и не могла остановить — так сильно я бежал на своем чортовом колесе. Хотелось соскочить, достать твердую ксиву, какой-нибудь чистенький профсоюзный билет с приличным стажем и плюнуть на все... но рядом бежала блатная компания.

Только в Минском домзаке я почувствовал, что тяну не тот номер. Нужно же было когда-нибудь кончать игру в кошки-мышки.

Я взглянул себе под ноги и увидел, что круг перестал вертеться и лежит горизонтально. Зачем воровать, когда можно работать? Зачем красться ночью, когда можно ходить днем? Зачем называться Капланом, когда я с детства Квасницкий?

В Минском домзаке я снова стал заготовщиком кож. Мне верили. Однажды начальник выдал мне три тысячи рублей и приказал купить хрома для мастерской. Поверьте, я вышел из домзака и ни разу не подумал сесть на поезд и уехать в другой город. Не потому, что после золота и бриллиантов Квасницкий не хотел пачкаться о паршивые три тысячи, а потому, что меня не считали вором. Я вышел на улицу без конвоира и нашел хром, который не снился лучшим сапожникам города.

Вы видите на моем рукаве нашивку. С вами говорит воспитатель 540 человек. В этих бараках есть молодые воры, убийцы, проститутки, бандиты. Каждый из них строит канал, и в каждом я понемножку вижу себя.

Я выступаю перед филонами на собраниях, но я плохо говорю. Меня душат слова. Я начинаю захлебываться. Легче разговаривать в бараках или на трассе.

А иногда бывает лучше совсем не разговаривать.

Представьте такой случай.

Начинается знаменитый декабрьский штурм. Круглые сутки горят костры. От взрывов стекла дребезжат, как в трамваях, и мы наклеиваем на них полоски бумаги. На рассвете к баракам подходят оркестры. Начинается торжественный развод. Но многих бригад уже нет. Они ушли на трассу за час до развода, чтобы подготовить место работы. И все страшно спешат — через пять месяцев из Повенца должен выйти пароход.

Вместе со всеми выходит на трассу злостный филон, по имени Збышко. Сначала он ковыряется, как будто делает одолжение прорабу. Филон еще оглядывается на РУР. Ему кажется, что он ссученный... Но такая работа на морозе не греет. Отказчик потерял уважение в РУРе и не представляет фигуры в бригаде. Заметьте, что воры страшно любят внимание. Выход один: Збышко начинает гнать кубометры всерьез. Два месяца вместе с бригадой он дает свои полтораста процентов. Он выступает на слете, торжественно рвет и бросает в зал стирки.

Збышко уже называют перекованным, но вдруг на трассу привозят краковскую колбасу. Случайно нашего бывшего филона в списках нет. Свинство! Ошибка. Збышко теряет настроение, но продолжает работать. Важна не колбаса, а тот факт, что он взял карандаш расписаться, а фамилии нет.

Потом он идет в канцелярию узнать, в чем дело. Простая история. Он немного шумит. Кто-то называет его босяком и угрожает ему РУРом.

Я знаю, чем это пахнет. Парень может сделать одно из двух: выбить стекла во всем бараке и уйти в РУР или дать рекорд. В любую сторону его можно толкнуть мизинцем. Я сам был в таком паршивом равновесии.

Он ругается и ложится спать. На него неприятно смотреть. Папироса горит в зубах, как фитиль...

Збышко спит. Каким-то путем я достаю его карточку и иду к художникам. Они рисуют в профиль галлерею ударников и нашего бывшего филона среди них. Очень сильная картина. На всех новые гимнастерки и фуражки. Фон голубой и видны скалы.

Красавцы!

Утром Збышко не хочет вставать. Я толкаю его в плечо, но он поворачивается на другой бок и ворчит:

— Идите к чорту вместе с вашей фалангой!

Кое-как я приподымаю его и говорю:

— Хулиган! Иди посмотри, как тебя расчистили на доске. Слышишь, над тобой смеется весь барак.

Он делает вид, что зевает, однако подходит к доске. Остальное понятно. Через десять минут мальчик плюет на краковскую колбасу и бежит на трассу.

Взгляните на эту пару. Высокий — это Гаврик, поменьше — «Паташон». Бежали из Люберец, нет, из Болшевской коммуны. Этих красавцев я нашел в РУРе. «Кацапчик» тоже был с ними. Про него кто-то сказал, что такой характер можно рвать только аммоналом. Он выиграл в карты бритву и резал палатки инженеров. Очень скверная привычка. Кроме этого «Кацапчик» пил одеколон.

Я затратил на него много слов, но сначала никак не мог нащупать слабой точки. Я говорил ему:

— Что ты хочешь? Ты тридцатипятник, а ведешь себя, как настоящий каэр. Посмотри. Спектора освободили раньше всех. Ковалев может выйти хоть завтра.

Он хохотал мне в лицо и кричал:

— Зачем ты врешь, папаша? Расскажи что-нибудь свое.

Тут мне пригодился Синг-Синг. Я вспоминал этот чортов остров и мастерские, где мы делали кобуры за шесть центов в день, и суп — пять ложек на человека. Я показывал «Кацапчику» Синг-Синг, чтобы он лучше видел, что у него делается под ногами.

Когда руровцы шли на трассу, я был с ними. Они садились закурить, ругали диабаз за твердость и говорили, что это не работа, а каторга.

Тогда я замечал «Кацапчику»:

— Кстати, сынок, о каторге... В Синг-Синге есть такой обычай. Тебя одевают в полосатый матрац и страшно вежливо говорят: «Вот куча камней. К заходу солнца она должна быть на другом конце двора, и поторапливайтесь, мой дорогой». И вот ты бегаешь весь день. Ты успеваешь получить грыжу до захода солнца и бормочешь начальнику, что все закончено... Он щупает тебе мускулы и смеется: «Молодец! А ну-ка, уложите камни обратно. Торопитесь, мой дорогой». И все начинается сначала.

...Если мы идем в баню и тридцатипятники ворчат, что мало пара, я бегу к истопнику и улаживаю дело, а в раздевалке говорю: «В Синг-Синге даже карцеры с паром. Белый кафель. Стекло... Запирают и душат паром, как крысу».

В конце концов «Кацапчик» вышел из РУРа. Он работал жарко, но ему чего-то нехватало. Способный мальчик. Плясун! Музыкант! Он остроумно передразнивал всех в бараке. Один раз я услышал, как он читает стихи. Сначала я рассердился. Паршивый декламатор! Мне показалось, что это опять Барков. Но я подошел ближе и увидел Беранже. Интересно, почему «Кацапчик» достал не Есенина, а Беранже? Я думаю, из-за его веселого характера. Стихи были разные — смешные и грустные — и многим понравились. Особенно эти:

Ты прощай, Париж продажный,
Не хочу твоих румян.
Здесь искусство — дым миражный,
Нежность женская — обман.

Вероятно вы видели «Кацапчика» в агитбригаде? Как он играет! Страшно способный мальчик. Воры вообще способные. Дурак сядет на первом деле. Это — факт.

Теперь я наблюдаю за одним ленинградским бандитом.

Мальчику двадцать один год. За ним шестнадцать приводов. Он работает в лагере всего неделю, и каждый день хуже, чем вчера.

75, 60, 40 процентов. Это пахнет РУРом. Сегодня я поднимаю его тюфяк, чтобы посмотреть, чисты ли простыни, и вижу сухари. Ясно, зачем мальчику нужны сухари. В станционных буфетах бегунов не будут кормить шницелями.

Я отвожу парня к себе за перегородку и говорю:

— Слушай меня и не спорь, потому что из меня можно было сделать десять таких воров, как ты. Ты решил дать деру. Ведь так? Ты больше рассчитываешь на ноги, чем на руки? На липу, чем на честный документ? Ну, что ж, беги. Ищи счастья в чужих карманах, отпечатывай пальцы в угрозысках, лови сифилис в шалманах... Веселая впереди у тебя жизнь!

Потом я перевожу разговор. Я показываю ему вырезки из газеты с портретом Ковалева и других ударников коллектива. Я спрашиваю вора, что он умеет делать. Оказывается, мальчик рисует. Скверно рисует, но для начала сойдет.

Ночью мы выпускаем с ним стенгазету. Он рисует карикатуры на филонов и смеется от удовольствия и не хочет ложиться спать. Он смеется — это очень важно. Еще неделя, и он сгрызает свои сухари, не дождавшись побега».

★

ГЛАВА

8

ТЕМПЫ И КАЧЕСТВО

Изменяя природу, человек изменяет самого себя
(К. Маркс)

Глава восьмая

ТЕМПЫ И КАЧЕСТВО

ПРИКАЗ № 580

О ХОДЕ РАБОТ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО КАНАЛА

20 июня 1932 года

Ознакомившись непосредственно на месте с состоянием работ по строительству Беломорско-балтийского водного пути. ОТМЕЧАЮ:

1. Организация, ход и состояние работ поставлены хорошо.

2. Показатели производительности труда высокие.

3. Степень использования на производстве удовлетворительная.

4. Бытовые условия (состояние жилищ, питание, санитарное дело, внутренний распорядок) х о р о ш и е.

В целях дальнейшего стимулирования высоких количественных и качественных показателей и имея в виду, что строительство вступило в полосу работ по ответственнейшим гидротехническим сооружениям,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Не останавливаясь на достигнутых показателях выработки всемерно обеспечивая возможность ее повышения, разработать в декадный срок систему премирования не только количественных, но и качественных показателей работы.

2. Вести дальнейшую работу по сокращению обслуживающего аппарата, используя всех высвобождаемых непосредственно на производстве.

3. В декадный срок разработать и представить мне на утверждение проект порядка зачета лучшим десятникам 1 рабочего дня за 2 дня срока заключения.

4. Перевести лучших десятников и лучших бригадиров на твердые оклады содержания, с сохранением для них системы премирования сверх окладов за высокие показатели работ, за правильность учета выполняемых бригадами работ.

5. Провести в декадный срок путем созыва совещаний по каждому отделению строительства инструктаж десятников и бригадиров по вопросам сочетания высоких показателей производительности труда с высокими качествами выполняемых работ.

6. Впредь установить порядок выдачи освобождающимся из БЕЛБАЛТЛАГа заключенным, получившим специальность за время пребывания в лагерях, специальных аттестатов с указанием его специальности и квалификации.

Зам. председателя ОГПУ Г. ЯГОДА

Летом зампред ОГПУ тов. Ягода объехал всю трассу, проведя ряд совещаний по узловым вопросам стройки.

К лозунгу «Выше темпы» был прибавлен новый: «Обеспечим высокое качество сооружений!»

Были точно определены особенности момента и новые требования ко всем работникам. Не пропало ничто из виденного на трассе, все было учтено, десятки руководящих работников переставлены, чекистам вновь были разъяснены установки партии.

Лозунг качества экзаменовал всю работу: технические планы, взаимоотношения инстанций, людские свойства, расстановку кадров, учет достижений.

Гистр, начальник производственного отдела и начальник проектного отдела принимают решение: разослать по участкам строительства инспекторов-бригадиров, прикрепив их к определенным объектам. На трассу выезжают проектировщики. Они будут следить за реализацией своих проектов. Одним из первых выехал в Маткожню Вяземский.

ПРОЕКТИРОВЩИК НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Для Вяземского плотины, дамбы, каналы, шлюзы, весь Маткожненский узел — это полтора года самой напряженной умственной жизни и роста. Полтора года изо дня в день он думал только о Маткожненском пороге, о паводках Выга, о конфигурации долины, о затруднениях с рабочей силой, о плывунах, о скалах. Он чертил, рассчитывал, выступал на совещаниях, волновался, тянул подчиненных, дерзил начальству. Полтора года он доказывал себе и своему судье — общественному мнению СССР, что может безукоризненно спроектировать сооружения Маткожненского узла.

Тов. Ягода осматривает законченное сооружение Беломорстроя — Дубровую дамбу

Вскоре по приезде в Медвежью гору инженерам было обещано, что за добросовестную работу дадут льготы, а выдающихся освободят. После года бригадирства, в ноябре 1932 года, пришло Вяземскому досрочное освобождение. Он о нем не упоминает в пространной автобиографии. Забыл день формального возвращения в общество, потому что это лишь узаконило ту подлинную свободу, с какой он осуществлял свою волю к труду, свое дарование, свой опыт и знания. Карта с синими пятнами озер, что висела на стене в ОБК, не обманула.

Конец 1932 года. Инспектор проекта по седьмому отделению и бригадир маткожненской проектировочной бригады, инженер Вяземский часто приезжает на место работы.

Инспектор приезжал в поезде, шел по сугробам в контору ПТЧ, шел к прорабам, расспрашивал, передавал распоряжения, рассматривал планшеты.

— До сих пор у нас с геологией плохо, — говорил начальник ПТЧ.

Вяземский вспоминал, как летом он приезжал сюда, шлепал по болоту к геологам справляться, где они делают буровые.

— Там и там, — показывали геологи. — Восемь буровых.

— Мы хотим использовать вон ту возвышенность как опорную, — говорил Вяземский. — Я нарочно зашел посмотреть. Сделайте две буровые в этом пункте. Сделайте две, но в самые жесткие сроки. Нам нужны грунты.

Вяземский напоминает теперь эту летнюю историю начальнику ПТЧ, и тот соглашается, что тогда нельзя было иначе поступить: темпы. Соглашается — хорошо. Но дальше выясняется, что начальник ПТЧ беспокоится за грунты потому, что не знает гидрологического режима реки Выг и явно не заботится о весеннем подъеме воды. Инспектор должен запомнить и доложить об этом через Журина главному инженеру, инспектор этот — око и уши технического штаба строительства.

Прораб на дамбе жалуется, что к весне у него будет мало плотников и много землекопов.

— Делали бы экран из глины, Орест Валерьянович. Нашли, говорят, глину за Сосновцом.

Орест Валерьянович знает о глине, но возражает — далеко, невыгодно возить, нехватит лошадей.

— В вас говорит консерватизм производственника, — замечает он прорабу.

И в который раз горячо, с азов, объясняет идею деревянного экрана. Оба спорят, горячатся на тридцатиградусном морозе. Крохотный день гаснет. Загораются огни. Их пунктир идет точно к полюсу. В споре Вяземский уясняет для себя, что он не хуже прораба понимает вопросы производства, это его радует, он не похож на инженера Магнитова, который двадцать лет сидит за проектами и природу рассматривает как слишком крупную карту, трудную для обозрения, а сооружения как чрезмерно увеличенные модели. В этом мировоззрении некуда девать людей. Большевики кажется называют это отрывом теории от практики. За сутки пребывания Вяземский успевает провести два технических совещания, побывать и выступить на широком производственном совещании, участвовать в выборах на вселагерный слет ударников.

По дороге в Медвежью гору в тряском вагоне мурманского поезда он высчитывает, какую экономию земляных работ даст использование двух отмеченных им в прошлый раз холмиков, которые он заставил топографов снять только сегодня. На плотине жаловались, что расчет мостика произведен неверно, надо дать нагоняй технику. Оказывается, прислали чертеж измененной улитки шлюза, не утвержденный главным инженером. Чертеж вернули обратно. За чертеж без подписи гистр Журину сделает выговор. Прораб недоволен подрывниками — те медлят со скалой. А дело не в скале, — в снеге. Снег все валит и валит, его надо убирать, лишняя кубатура. Выполняют ли его инструкцию по бетону? Вот сделал целый блокнот записей, а это забыл узнать. На узле дурные отношения между прорабами. Начальник ПТЧ склонен не очень считаться с проектами. Инженеры старого режима, особенно те, что работали у подрядчиков, до сих пор считают, что всякий проект надо облегчать и исправлять по-своему, при приемке нажимать больше на шампанское. «У нас шампанского не будет, подряда нет, и принимать будем друг друга». Какими странными людьми укомплектована его бригада! Толстов — ученик консерватории, Хрунин — юрист... Зачем он так усиленно занимается техникой? Штудирует «Сопротивление материалов», хочет стать инженером. Ему уже за сорок, а пожалуй станет инженером. У него мышление инженера, голова изобретателя.

Неясно, почему Хрунин — каэр, меньшевик, юрист по образованию, человек, которому далеко за сорок, который увлек дочь в контрреволюционную работу, — здесь на БМС работает и учится одновременно, проходит курс втуза.

Хрунин трагически погиб во время пожара, но путь его был уже определен. Он приобретал новую специальность, которая во много раз нужнее для СССР, чем его старая юриспруденция. Для него на том этапе перестройки, который прервала смерть, техника подлинно «решала все», материальная и социальная техника Беломорстроя.

Его дочь договорила за отца впоследствии на Дмитровском слете беломорстроевцев о том пути, как она, ученица отца, меньшевичка, усваивала идеи пролетарской революции.

Эти беломорстроевской выучки инженеры, техники, конструкторы нарушают порядок. Орест Валерьянович полагал, что настоящий инженер получается только в третьем поколении, как английский газон через двести лет. Оказывается, в определенных условиях, в лагерной изоляции, где нет городских развлечений, где все мысли и чувства сосредоточены вокруг строительства, способный, трудолюбивый, толковый человек фантастически быстро приобретает техническую квалификацию.

В вагоне едут выборные из Шижни и делегаты выгостровских ударников на слет в Медвежью гору. Они читают в «Перековке» про красное знамя центрального штаба, обсуждают, кто возьмет. Мало им большой «Перековки», они читают и маленькую «Перековку 8-го отделения»; там клеймят поступок прораба, который не приготовил ни тачек ни гонов, и две бригады простояли. Вяземский уже давно не смеется над «Перековкой» — ни над большой ни над малой. Ему не кажется неестественным, что недавние бандиты, карманники и девицы легкого поведения критикуют прораба, вольнонаемного техника, и он весьма считается с их мнением.

За окнами, если продышать на ледяном стекле просвет, видны частые огни в редких деревьях, трасса выемки, карьеры,

параллельные железнодорожной линии. Вон скопление огней — это Шавань. Да нет, Шавань проехали, это — Надвоицы. Четвертое отделение. Тут начальник Успенский.

Чекисты — хозяева. Организаторы. Давно ли думал, что они умеют только арестовывать, допрашивать, высылать. Потом пришлось прикинуть: они могут организовать серьезное проектное учреждение — ОКБ. Но ведь ОКБ — это лаборатория, некоторые находили, что организовать ОКБ — дело нехитрое. Год тому назад он сомневался, итти ли бригадиром проектировать Маткожню, а теперь он лепит сооружения руками воров и проституток, и ничего — выходит. Да, канал будет построен. Даже если не в срок, то все же с быстротой, которая ошеломит инженеров и техников всего мира.

Он приезжает в Медгору утром. Доклад у Журина. Наго няй. Его перегнала телеграмма ПТЧ, там не сочли нужным сго вориться относительно вариантов с ним. Вяземский ворчи. о нарушении авторитета. В самом деле, он молод, ему приходится бороться за авторитет бригадира и инспектора, завоеванный борьбой и трудом. Он показал себя опытней, решительней, инициативнее, работоспособнее многих других. И дешево не уступит. Это подлинная жизнь, место в жизни.

Уходит от Журина, садится за рабочие чертежи 28-й плотины, проверяет расчеты. «Это здорово, а тут напутали», ворчит он. Он одобряет, сердится, чертит, сидит до поздней ночи, ночью просыпается, засыпает в темноте, встает спозаранку и бежит в Управление — пришла важная мысль, садится за чертежный стол, рассчитывает, набрасывает... живет полной жизнью.

ФРЕНКЕЛЬ

Едва ли можно сказать, что назначение тов. Френкеля на пост начальника работ произвело сколько-нибудь сильное впечатление. Рядовые рабочие его не знали, инженеры даже если и слышали о нем раньше, то случайно и новость эту приняли как одну из скучных подробностей административного быта — еще один начальник, вероятно ничего не смыслящий в технике, будет давать распоряжения и делать выговоры.

Настроение было неважное, особенно вначале у некоторых инженеров. Работы, растянутые на сотни километров в снегах и дикости лесов, неясность проектов, неожиданности, которые готовила природа, сроки, казавшиеся невыполнимыми, и наконец общее состояние неуверенности, разобщенности, безразличия к делу. Сводки и запросы о кубометрах скалы и бетона, о рабочей силе и погоде посылались в Управление скорее для очистки совести, чем в надежде получить скорый и ясный ответ.

Начальник работ тов. Н. А. Френкель

Но на удивление всех первая же сводка вызвала почти мгновенную реакцию. Продребезжал телефон, и голос, впоследствии ставший знакомым до тонкости, впервые сказал на площадке:

— Алло, говорит Френкель.

Вскоре его увидели. Среднего роста, худой, с тростью в руке он появлялся на трассе то там, то тут, молча проходил к работам и останавливался, опершись на трость, заложив ногу за ногу, и так стоял часами. Он смотрел вниз, в котлован, на стада валунов, опутанных сетью досок, по которым бежали тачечники, наклоняясь на поворотах, на хлопья земли, саднившие воздух, на пар, шедший из машин и людей. Изредка он задавал вопросы, оборачиваясь к прорабам, и тогда те видели его лицо под козырьком фуражки — худое, властное, с капризно вырезанным ртом и подбородком, выражавшим упорство. Глаза следователя и прокурора, губы скептика и сатирика.

Он был похож на птицу. Окруженный суетящимися людьми, он казался замкнутым в страшное одиночество, тем более леденящее, что причина его была непонятна.

Вскоре Френкеля узнали ближе. На первых порах это было неприятное знакомство. Нет, он не кричал, не ругался. Он был вежлив. Но с первого же взгляда каждому подчиненному становилось ясно, что надо или принять его методы работы или вступить с ним в борьбу.

Френкель не стал ждать этого выбора, он сам сразу пошел в наступление.

Он обрушился на инженеров и прорабов с силой, которая оказалась непреоборимой.

Он считал, что они работают плохо, что они не вкладывают в дело ни своих знаний ни желаний, он видел их разобщенность, их слабую заинтересованность в деле.

Инженеры предполагали в нем дилетанта, пыл которого должен остыть, как скоро он столкнется с техническими вопросами, ему без сомнения незнакомыми. Что мог он противопоставить их техническому авторитету, их математическим расчетам, их науке, которую они добыли себе десятилетиями упорной учебы и практики?

На эту роль Френкель не мог согласиться. У него были другие принципы управления. Мнение, которое о нем составилось, было таково: человек большого властолюбия и гордости, он считает, что главное для начальника — это власть, абсолютная, незыблемая и безраздельная. Если для власти нужно, чтобы тебя боялись — пусть боятся. Если нужно, чтобы не любили, — пусть не любят. Но воля подчиненных должна быть целиком в воле начальника. Таков принцип.

Казалось бы, что в условиях Беломорстроя путь к этому прост. Надо только использовать военизированный, дисциплинарный характер стройки. На ней работают люди, принесшие вред стране, пролетарское правосудие изолировало их от общества, потому что они мешали строительству социализма, это враги, и суровость, жестокость даже вполне естественны по отношению к этим людям.

Вот простой и верный путь к власти.

Глаза прокурора и следователя останавливаются на прорабе:

— Сколько грунта выработано за пятидневку в этом котловане?

Прораб хлопает себя по карманам, вытаскивает книжку, водит пальцем по страничке.

— Вы не знаете на память? — говорит Френкель, — и презрение уже слышится в его голосе.

Прораб нашарил цифру.

— Мало! Почему?

— Нехватает рабочих.

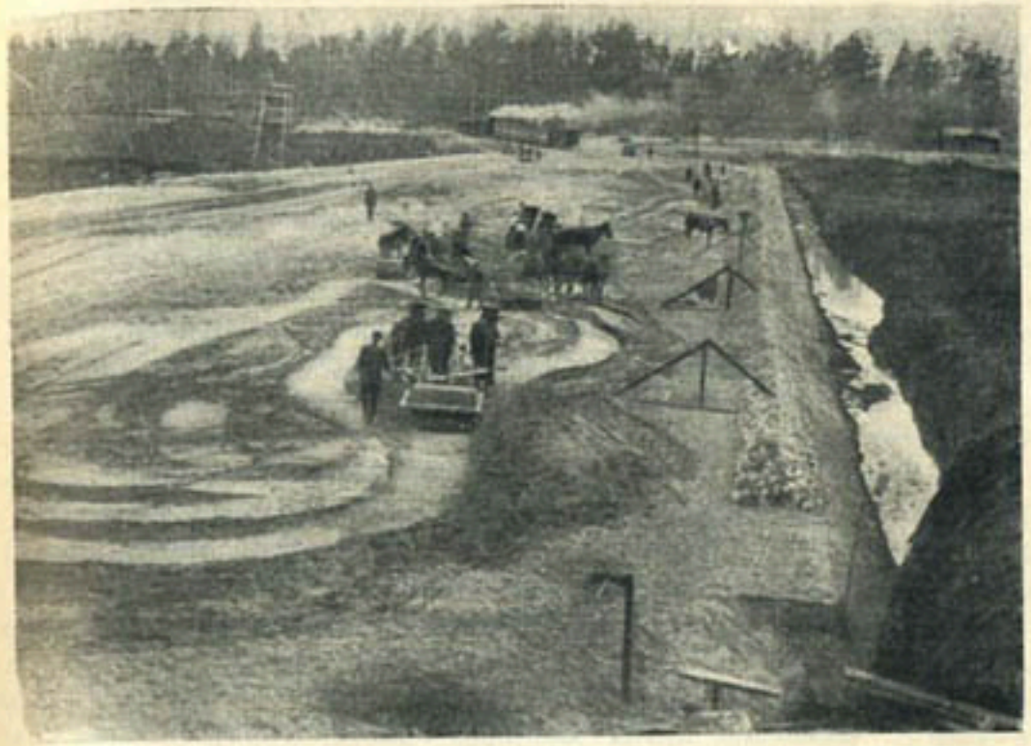
— Сколько у вас рабочих?

Опять палец шарит по страничке.

— Вы не знаете, сколько у вас рабочих? Ну, так я вам скажу, сколько у вас рабочих. У вас 935 рабочих.

— Да — говорит прораб, — да, действительно.

— Это значит, что, считая на рабочего по 2½ куба в день

Уплотнение тела дамбы катками. Справа — рейки, поставленные для проверки уклона откоса

и принимая во внимание грунт, дальность отвозки и погоду, вы могли сделать в полтора раза больше.

Подсчет Френкеля точен. Он сделан без бумажки, без справочника, без промедления. Крыть нечем.

Но этого мало.

— Вы не знаете причин вашего отставания. Значит вы не умеете организовать работ. Значит вы или плохой инженер и ничего не понимаете в деле, или вы... не хотите понимать.

Прораб оглядывается вокруг, ища поддержки. Шум работ, пыль грунта, готовые сооружения возникают из хаоса стройки, голова плотины вся в кружалах, в опалубке поднимается: в ней твердеет бетон.

Прораб теребит повязку на голове, он чувствует, что начальник прав. Заслуживает ли он снисхождения по крайней мере? Нет, не заслуживает.

— Когда вы думаете снять опалубку с вашей головы? — говорит Френкель и смотрит, но не на бетон, а на повязку, охватывающую голову прораба.

— Мне кажется, что бетон уже достаточно затвердел, — говоорит он.

Еле заметная улыбка раздвигает тонкий рот с крылышками усов над верхней губой.

Экзекуция окончена. Инженер не получил даже выговора. Начальник вежливо простился с ним, продиктовав ему тут же цифры задания на следующую пятидневку... Но быть может было бы легче, если бы дело окончилось руганью, скандалом, карцером. Он возвращается на работу, как когда-то мальчишки, получившие двойку, возвращались на свою парту.

Так было начато покорение инженеров. Последние ошиблись в своих предположениях о дилентизме Френкеля. Оказалось, что он знает очень много, некоторые думали даже, что он знает все. Совершенно невероятная емкость его памяти стала вскоре известна. Он помнил наизусть нормы урочного положения, численность рабочих по участкам и квалификациям, он мог в течение 10 минут точно сказать, сколько и каких материалов потребуется для той или иной постройки. Он оказался блестящим знатоком древесины и вообще лесного дела, специалистом по грунтам, удивительным рационализатором земляных работ. Он был агрономом. Но его пестрая биография сталкивала его с десятками профессий, и отовсюду он умел выжимать и класть в свою феноменальную память самое главное, так что казалось не было вопроса, с которым он был бы незнаком. Однажды в поезде он ввязался в разговор двух работников треста ТЭЖЭ и заставил их замолчать, так как проявил исключительные познания в парфюмерном деле и оказался даже знатоком мирового рынка и особенностей обонятельных симпатий малых народностей на Малайских островах. Когда он вступил в единоборство с инженерами, он пользовался своими знаниями с нарочитой жесткостью.

Он поставил себе целью спустить инженеров с их олимпа, где они, увенчанные дипломами, чувствовали себя изолированными не только от критики, но прежде всего от живого реального дела.

Неизвестно, когда спал этот человек! После 18 часов напряженной работы совершенно бледный и особенно возбужденный, он собирал инженеров на ночные совещания, которые получили название «всенощных бдений». Здесь начиналась «промывка». Вот выдержки из стенограммы его речи:

«Вы употребляете свой авторитет инженера как средство воздействия на тех лиц, которых считаете недостаточно компетентными и кому можно сказать то или другое ученое слово. Между тем от вас требуется, чтобы вы отдали этот авторитет делу.

Вы раздуваете сложность технических проблем, между тем понимать хорошее качество бетона — это не только привилегия гидротехника. Что нужно, чтобы сколотить приличную дамбу, — и инженер-химик и сахаровар поймет. Вы знаете значение для дамбы мелкозернистого и крупнозернистого песка и куда его нужно ссыпать — в какую сторону, а между тем у вас

на работе сплошная каша. Кто объяснит происходящее на дамбе у инженера Скворцова, хотя он к тому же и гидротехник? Почему плохо расчищено основание под дамбу? Вы молчите? Ну скажите же что-нибудь членораздельное. Почему? Вы молчите, и остается предположить, что вы небрежно относитесь к работе и безучастны к вопросам качества.

Инженер Будасси заявляет, что он не может дать бетон хорошего качества, так как у него нет опытных людей. Так. А полтора месяца тому назад в Повенце было совещание по вопросам качества, и инженер Будасси категорически заверил, что бетон хорош на все 100 процентов. Это означает, что:

а) или вы тогда вводили в заблуждение строительство, что у вас бетон хорошего качества;

б) или, заверяя, что тогда у вас был прекрасный бетон, вы лишаете себя возможности говорить теперь о том, что у вас плохой бетон, потому что якобы у вас нет технического персонала. Что же, вам царь небесный помог тогда сделать прочный бетон? Я могу сказать больше: огромная часть работающих у вас приобрела за это время навык, повысила свою квалификацию, и наиболее беспомощны вы могли оказаться в первой стадии работ. Когда мы говорили о качестве сооружений, то тут надо искать настоящую причину плохого качества, а не подсовывать нам фальшивки в виде объективных причин. Их нет.

Руководство строительства сделало для инженерно-технического персонала самое большее, на что оно могло пойти: оно освободило его от забот о рабочей силе.

Материалы, которые мы даем отделениям, вполне доброкачественны, цемент такой, какому и на других стройках позавидуют. Недостатка в материалах нет. Чего еще нужно?

Вся ваша работа сводится к тому, чтобы: 1) производить ряд работ по скале и прочим грунтам — выемки, 2) земляные работы — по насыпям и наконец 3) деревянные конструкции. И то, и другое, и третье — дело очень малосложное, и для того, чтобы сколотить тот порядок, при котором было бы обеспечено качество, нужно немного: было бы только желание и интерес к делу, которое поручено инженерно-техническому персоналу».

Итак метод завоевания авторитета оказался не таким, как предполагали пессимисты. Это не был путь террора, скорее это был марш логики. Логики с перцем, иронии. Силлогизмов, шипящих сарказмом и накаленных темпераментом. Система, когда каждый вывод дожимался до конца. Когда не вовремя посланная телеграмма превращалась в сковородку, на которой поджаривали телеграфиста, а кусок дерева, попавший в насыпь, оборачивался занозой в сердце прораба.

Но когда власть была завоевана, оказалось странное обстоя-

тельство: на поле битвы не было ни убитых ни раненых. Было несколько контузий самолюбия, несколько задранных кверху носов получили ушибы, но никто не мог вспомнить, какое зло причинил им Френкель. И что уж совсем невероятно, — оглянувшись на поле сражения, люди увидели вокруг изумительный порядок, образцовую организованность — котлованы, куда стыдно было бросить окурок, шлюзы, сделанные со столярной тщательностью, деловые оживленные лица и четкий, сознательный, напряженный труд. Неуверенность исчезла, всюду чувствовался порядок. В этом видна была рука Френкеля.

Что же произошло: властолюбец достиг власти, которой добивался, или организатор создал прекрасную систему работы? Не будем решать этой дилеммы по той простой причине, что ее не существует. Если мы будем глядеть с точки зрения того подчиненного, самолюбие которого было контужено и который не видит ничего кроме своей личной гордости, мы неминуемо решим вопрос тоже лично: мы скажем, что Френкель лично властолюбив.

Но если мы подойдем к делу объективно и спросим: как было выполнено задание, поставленное перед Френкелем ОГПУ и какие результаты дала его деятельность, — мы принуждены будем признать: задача выполнена хорошо, результаты прекрасные. «Великий враг инженеров», «властолюбец» Френкель — вот что написал он в одном из своих донесений, уже недавних:

«Положение на Москанале себе отчетливо представляю. Инженеров вы получите с бо́льшим опытом и знаниями, чем они имели, начав работу на Беломорстрое. Даже сравнить невозможно. Выросли и начальники отделений, некоторые достигли громадного роста и могут составить серьезную точку опоры на любой стройке. На Москанале вы на них не нарадуетесь».

Итак проблему властолюбия надо снять как ненужный и только путающий психологический нарост.

Надо говорить о единоначалии.

Оно было достигнуто методами металлической логики и дисциплины. Правда, и то и другое было гипертрофировано, было сдобрено безжалостным сарказмом и сухостью, когда ни одно человеческое чувство казалось не было доступно этому начальнику, знавшему только дело, только цель.

Но ни одно явление нельзя рассматривать изолированно, и тем более нельзя рассматривать деятельность организатора отдельно от того, что именно он организует. Условия работы Френкеля требовали жесткости и твердости. Здесь мягкость была более опасна, чем сухость, пусть она и неприятна. Здесь непримиримость и справедливость должны были заменить доброжелательную снисходительность. Морально и политически

развинченных людей надо было прежде всего ввести в четкое русло труда, дисциплины, ответственности, — без этого нет перековки, без этого не могло быть и стройки.

В одной из речей Френкеля мы находим интересную фразу, открывающую нам еще одну причину его поведения.

«Беспокойство никому не заказано, — говорит он. — В том-то и задача, чтобы вызвать это чувство беспокойства, ликвидировать инертное, безучастное, порой бездушное отношение к качеству сооружений».

И если вспомнить, насколько инертны, безучастны и порой бездушны были люди, которых нашел Френкель на трассе, то станет понятным даже его сарказм, приводивший в ярость окружающих. Это *личное качество* Френкеля оказалось тут *методом* воздействия, целесообразным до конца. Оно было тем острым бродильным ферментом, который, будучи впрыснутым в людей, будил в них самолюбие, вызывал в них чувство соревнования, стремление реабилитировать себя, т. е. все то, от чего в условиях заключения люди готовы отказаться, чувствуя себя морально разбитыми.

Вероятно успех Френкеля в большой мере обеспечен был тем, что его личные качества чрезвычайно подошли к условиям работы в лагерях? — скажут нам. Возможно. Но кто решится утверждать, что Френкель на Беломорстрое проявил все свои личные качества? Что в условиях другой стройки, где потребуются другие методы, он как удивительный саморегулирующийся аппарат не окажется вдруг обладающим совершенно иными личными свойствами?

Метод психологических изысканий здесь непригоден.

— Об этих делах, — говорит Френкель, — надо рассуждать не с точки зрения психологических эмоций, это путь ненадежный и неверный. Нельзя строить ответственные сооружения на основе экскурсий в область капризов психики, никому неведомых и никому непонятных.

Нельзя строить и очерк об ответственном человеке на основе психологических домыслов, которые никто проверять не может, — скажем мы. Сейчас Френкель на новом и еще более грандиозном строительстве. Сообщения оттуда говорят о том, что он уже организовал там полный переворот. И последняя его телеграмма, датированная 1 декабря 1933 года, звучит так:

«Лучший ударник должен быть лучшим конькобежцем. Пришлите 2 000 пар коньков».

Френкель любит славу. И весьма возможно, что наша партия не отказывает нам в праве на эту склонность, показывая всенародно лучших людей страны и делая их известными всему миру. Френкель заслуживает известности. Но ведь руки

могут опуститься у каждого, когда подумаешь, какими изумительными качествами надо обладать, чтобы стать блестящим организатором. Однако быть может качества являются результатом метода, а не наоборот, как это думается обывателю, любителю гениев и героев? И этим методом быть может мы в состоянии овладеть. Во всяком случае интересно его проанализировать.

Перед человеком стоит задача: охватить громадный комплекс проблем, который называется Беломорстрой. Охватить его он должен, ибо нельзя организовать то, что тебе неизвестно, ты обязан четко представить себе все, что происходит и что должно происходить на стройке. А тут и гидротехника, и метеорология, и гидрология, и земляные работы, и геология, и лесное хозяйство, и бетон, и транспорт, и бухгалтерия, и даже... кинработа. Можно ли быть специалистом во всех этих областях? Для одного человека это немыслимо и, оказывается, не нужно.

А что же нужно?

Вот начинается заседание, на котором стоит важнейший для всей судьбы строительства вопрос: какая будет весна?

Тут науке и карты в руки. Гидрологи и метеорологи раскрывают свои карты, потрескивающие калькой и громыхающие ватманом. Изобары и изотермы расцветают разноцветно над снегами Карелии, над льдами океана — их волны, как северное сияние, ласкают очки и зрачки, склоненные над столом. Маленькие цифры давлений и температур, как рыбки, пойманные в эти зеленые и розовые сети, и стрелочки ветров, и змейки течений, и вот облака — такие перистые, такие слоистые, такие кучевые! Сколько знаний разворачивается здесь сразу, и какая сложность вычислений, экспериментов, наблюдений бросается в голову неискушенного человека! Целая огромная область науки, самостоятельной, имеющей собственные традиции десятилетий, возникает перед ним, тем более непонятная, что сейчас она приоткрывает свои тайны.

Она говорит:

— С берегов Исландии движется циклон, имеющий пока такую-то скорость и такое-то давление. Со стороны Баренцова моря идет антициклон. Мы находимся... — и тут игла карандаша пролетает над картой — на границе этих двух противоречивых сил природы. В зависимости от того, как будет протекать это, так сказать, выражаясь вульгарно, рандеву, мы сможем интерполировать...

— Одну минуту, — говорит Френкель, — значит вы не знаете, как будет протекать это вульгарное свидание? А перед нами стоит канал. Он не готов. Когда пойдет весна, мы должны будем пустить воду. Сколько дней нам даст природа, чтобы закончить до паводков наши сооружения?

Метеорологи молчат.

— Я ставлю, — продолжает Френкель, — вам два вопроса. Первый: будет ли ранняя или будет поздняя весна? Второй: будет весна дружная или постепенная? Ваше слово.

— Над этими вопросами мы не думали, — отвечают метеорологи.

Мы опускаем ответ Френкеля. Он был в его стиле. Важно, что из всей научной сложности и запутанности он вышел конкретной постановкой своих двух вопросов, которые логически вытекали из представления цели всего дела — строительства канала. Если метеорологи не могли ответить на эти вопросы, то все их изобары и антициклоны были ни к чему и для руководителя просто переставали существовать. Он уже не вникал в них, чтобы не засорять свою мозговую аппаратуру лишними сведениями. Говоря общо: из огромного человеческого опыта и знаний он брал только то, что ему было нужно. Он извлекал корень, вернее — он делал диференцирование. А так как в человеческом опыте существует не только метеорология, то он приказал собрать стариков, наблюдавших погоду Карелии в течение десятков лет и научившихся определять ее у дедов, и произвел опрос. Старики по полету лебедя, по окраске шкуры зайца предсказали, что весна будет засушливая и постепенная. И это оказалось абсолютной правдой.

Наука остается наукой — никто не посягнет на ее достоинство и на ее значение. Но представители науки на этот раз оказались людьми, оторванными от жизни, людьми вне конкретности.

Конкретность — вот метод. Конкретное представление о цели и конкретные меры к ее достижению. Френкель не привык особенно доверять людям, и кроме того он все должен пропустить сквозь свой мозг, чтобы проверить и чувствовать себя хозяином в том или ином вопросе. И когда он, остановившись над каким-нибудь котлованом, глядит на него часами, он имеет в виду именно определить то основное, что может мешать правильной работе.

Вот происходит неслаженность. Тачки нагружаются скорее, чем разгружаются. Копали стоят и ждут откатчиков. Френкель подзывает десятника:

— Проложите дальше эти доски, сделайте здесь поворот. Прикажите тачечникам проходить до конца и сбрасывать вон там.

Через десять минут котлован неузнаваем. Фронт сброса земли увеличился, тачки не задерживаются, копали работают без перерывов.

Корень извлечен. Из путаницы валунов, тачек, досок, людей выделено одно явление как главное и спущено в логическую машину. Ответ получен. Надо действовать.

Вот лошаденка еле тащит грабарку. Френкель подходит к ней, щупает шею под хомутом — не узко ли, смотрит холку — не натерло ли? А ведь от лошади зависит успех, когда сооружения растянуты на 200 километров, когда автомобиль далеко не всюду находит себе дорогу.

Вот грузовик не может проехать из-за тесноты людей и лошадей, а рабочие на насыпи ждут земли. Издается приказ: на подъездных путях грузовые машины не останавливаются. Все должны давать им дорогу, хоть в канаву лезь. Это парадоксально, но это правильно: простой подсчет экономии при непрерывной эксплоатации машин говорит, что выгоднее увязить в грязи на полчаса три грабарки, чем заставить ждать грузовик в течение десяти минут.

Молодой пастух пасет стадо лагерных коров.

— Смените его и поставьте старика, — говорит Френкель мимоходом.

Причина проста: стадо должно итти медленно, чтобы хорошо объесть всю траву и нагулять жир. Молодому же гуртоправу не сидится на месте.

Эта конкретность, простота решений, которые кажутся смешными, когда они найдены, но от которых зависит успех, соединяются с широким кругозором, когда представление о всей системе и о ее значении ни на минуту не покидает человека. Поэтому любой факт на строительстве приобретает сразу значение типичного или неважного, лишь только он попадает в этот общий измеритель, в это представление об общей системе.

Конкретность поражает людей. Обычно гораздо понятнее, когда о ней пишут. Когда же человек попадает в поток живых явлений, он начинает путаться в фактах, во влияниях окружающих людей, принимать пустяки за главное, и тогда он — уже не хозяин своих поступков и организация — не организация, а хаос. И как раз в этом соединении конкретного и общего кроется секрет метода, которым пользуется Френкель и которым может пользоваться каждый из нас.

Этот метод может быть проанализирован детально, он может быть изучен, как способы проектирования зданий, как методы вождения кораблей. Если пока у нас нет книг, посвященных организационному опыту, то это не значит, что их не должно быть. Пожалуй, наоборот, именно у нас и именно в наше время надо ожидать, что глаз науки будет направлен на этот участок человеческой деятельности, до сих пор бывшей засекреченной, как некогда засекречивались методы сталеварения или шлифовки стекол. Организатор — это тоже профессия, к ней нужно иметь склонность, как во всякой профессии, но мы отучились уже благоговеть перед тайнами таланта и искусство боль-

ших мастеров-кудесников переводим на язык формул, проверяем на столах лабораторий.

Прав был Френкель, когда спускал людей с инженерского олимпа: пожалуйте на землю, товарищи, на грунт! Если же мы скажем, что каждый здоровый и крепкий человек может быть организатором, то это будет по существу то же самое. Не боги горшки обжигают. Каждый участник строительства социализма должен быть готов стать организатором, и этому можно научиться — было бы желание и решимость.

Унизил ли Френкель инженеров тем, что спустил их на землю?

Нет.

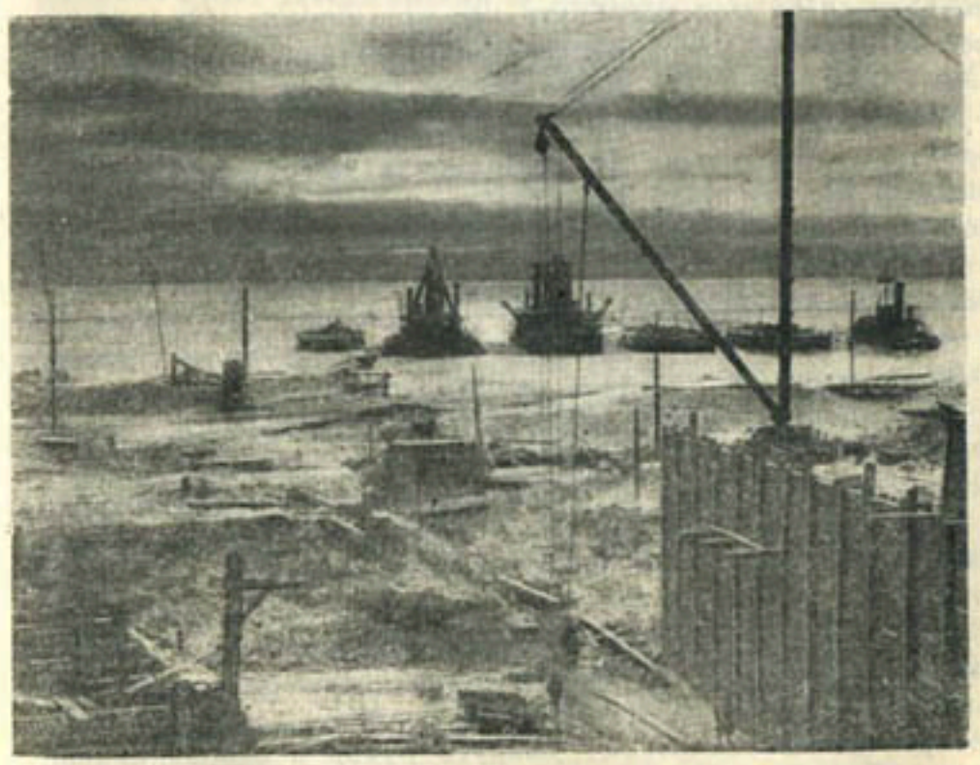
Унизит ли Френкеля утверждение о том, что организатором может быть всякий крепкий и здоровый человек?

Нет.

И то и другое — разоблачения, которые никого не могут обидеть.

Теперь нам остается рассказать о третьем разоблачении.

Начав с простого лесоруба в Соловках, Френкель прошел всю лестницу лагерной жизни и получил пост, на котором под его начальством оказались десятки тысяч людей. Организатор

Выемка в земле и сруб из бревен — на такие простые слагаемые разлагал т. Френкель работу по сооружению камеры шлюзов

и администратор по крови, человек с кипучей жаждой деятельности, всюду и всегда находивший предлог для какого-то созидания, он однако всем своим успехом обязан той системе, в которой он оказался.

В какой бы уголок Союза ни забросила вас судьба — пусть это будет глушь и темнота, — отпечаток порядка, организованности, четкости и сознательности в работе несет на себе любая организация ОГПУ, будь она на берегах Ледовитого океана или в тропических болотах Ленкорани, в Болшевской трудкоммуне или в Симферопольском птицеводстве. Облик чекиста везде одинаков — уже внешность его говорит о дисциплине, строгости к самому себе и к окружающим, зоркости, твердости. Сколько различных областей деятельности объединяет Государственное политуправление, умная рука партии и всюду — этот единый четкий стиль, волевой стиль революции, не знающей никаких препятствий. Система, где все мускулы натренированы, как перед состязанием: выполнить приказ партии. Наиболее беззаветное, полное, неукоснительное исполнение всех указаний партии и правительства, величайшая дисциплинированность, методичность, точность, умение ко всему подойти политически — таковы черты чекистской работы.

Когда Френкель попал в эту систему, он должен был или покориться ей или погибнуть как организатор. Он выбрал первое. И тут началось его перевоспитание как участника системы. Она вела его и, надо прямо сказать, не без крепких толчков.

Его прошлые навыки дельца-индивидуалиста, бизнесмена-одиночки непрерывно сталкивались с методами ОГПУ, где каждый должен себя чувствовать не центром мира, а частью большого и блестяще работающего целого. Это было трудно, это было очень трудно. К нему относились внимательно и заботливо, все видели его желание честно работать, но все вместе с тем направляли и исправляли его ежеминутно, в большинстве случаев мягко, а иногда и решительно.

Он принужден был убедиться, что бонапартизм, даже игрушечный, абсолютно немыслим в этих условиях, что слава это есть честь работника, а не его несгораемый шкаф, что работа в одиночку возможна лишь до известного и небольшого предела, дальше которого твоя воля уже принадлежит воле всей системы.

Там, где распоряжение, отдаваемое им, уже перерастало рамки повседневной оперативности и превращалось в политику, он сразу чувствовал напряжение политического поля системы, которое не позволяло ему двинуть рукой в неправильную сторону. Так было с его отношением к инженерам. Когда он спускал их на землю — это было правильно, и он не чувствовал магнитного поля системы. Когда же он иногда делал ошибку

и в его действиях сквозило пренебрежение вообще к знаниям и опыту техники, тогда система поворачивала его по правильной оси, давала ему понять, что это неверно. Больше того, ему тут же давали понять, что голый эмпиризм и упрощенчество, к которым он бывал иногда склонен, вредны и идут в разрез с политикой партии. И он чувствовал, что всякое уклонение здесь невозможно. Система вставила в этот великолепный организующий аппарат свой направляющий жироскоп — ни вправо ни влево. Контроль, отмечающий каждое, даже секундное отклонение.

Некоторое время он не понимал например роли общественности в нашей стране. Ему казалось, что достаточно правильного руководства и дисциплины, чтобы работа шла хорошо. Но вскоре он убедился, что это не так. Он стал интересоваться массово-культурной работой, и тут сразу оказалось, что его организаторский талант сумел ассимилировать и эту область и ввести ее в русло общего дела.

Но поле, в котором работал Френкель, должно было откуда-нибудь получить свое напряжение. Генератором напряжения должен был заинтересоваться Френкель. Это была та большая идея, которая лежит в основе всей работы ОГПУ, которую заложил Феликс Дзержинский и развивали все его преемники. Идея бдительности революции, совести революции, т. е. идея большого морального смысла, — и Френкель по самому положению своему и по своей работе не мог оставаться в стороне от этой идеи.

Он видел, что все его успехи ведут к успеху пролетарского дела, что не личные интересы движут всей системой, а очень большая и очень хорошая цель.

Таково последнее разоблачение, о котором нам приходится рассказать. Оно также никого не огорчит и меньше всего самого героя этого очерка. Ибо успехи каждого из нас в конечном итоге возможны только потому, что «успела» революция. Френкель попал в один из ее передовых отрядов — в систему ОГПУ. Его способности нашли здесь применение и корректировку, без которой его работа не принесла бы пользы.

ОГПУ оторвало Френкеля от его прошлого. ОГПУ дало ему будущее.

Поддержка коллектива, слитность с коллективом — это именно то, без чего чрезвычайно трудна всякая работа в нашем Союзе. Френкель почувствовал значение этой поддержки и слитности. Он нашел ее в системе ОГПУ, которая вся проникнута идеей партии пролетариата, которая сама создалась волей и мыслью партии, являясь выполнителем ее решений и зорко наблюдая за тем, чтобы эти решения выполнялись всюду и всеми.

ПРИКАЗ

НАЧАЛЬНИКА СТРОИТЕЛЬСТВА
БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО ВОДНОГО ПУТИ

Ст. Медгора № 28 26 июня 1932 года

ИЮЛЬ И АВГУСТ — РЕШАЮЩИЕ МЕСЯЦЫ НАШЕЙ СТРОЙКИ

Все участники стройки должны немедленно начать подготовку к героическому наступлению на выполнение и перевыполнение плана решающих месяцев.

КОМАНДИРЫ И КАНАЛОАРМЕЙЦЫ!

Изучите внимательней обстановку, твердо усвойте свой оперативный план, тщательно проверьте механизмы, инструмент и колесный транспорт.

Осмотрите и приведите в порядок лошадей.

Проверьте санитарное состояние и готовность кухонь, бань, прачечных и всех других звеньев нашего аппарата.

Все должны быть готовы к наступлению, все должно быть мобилизовано на боевой лад.

Инженеры и техники во-время, четко и твердо должны отдавать приказы.

Механики должны обеспечить 100 процентов безотказности механизмов.

Работники гужа должны обеспечить 100 процентов исправности колесного транспорта и бодрость лошадей.

Работники питания должны обеспечить хорошее качество пищи.

Санитарный аппарат должен обеспечить дезинфекцию помещений, своевременную и качественную стирку белья, бань и медицинскую помощь.

Культвоспитатели должны обеспечить 100 процентов широкой работы по разъяснению задач решающих месяцев и популярную информацию через печать.

Каналоармейцы-рабочие должны обеспечить решающие месяцы максимальной производительностью и высоким качеством производимых работ.

Наблюдавшийся до сих пор упадок производительности в первые пятидневки месяца категорически запрещаю.

ТРЕБУЮ, чтобы достигнутая производительность последних десяти дней месяца ни в какой мере не снижалась в начале нового месяца.

Начало решающего наступления назначаю 2 июля в обычный час начала работ.

КАНАЛОАРМЕЙЦЫ И КОМАНДИРЫ!

Решающие месяцы — это наивысшая точка нашего строительства по овладению самыми большими объемами работ.

Решающие месяцы — это наивысшая точка нашего строительства по овладению наилучшим качеством производимых работ.

Под знаменем высокого качества и высокой производительности 2 июля мы, все как один, перейдем в наступление на выполнение программы и плана решающих ИЮЛЯ и АВГУСТА.

Начальник строительства КОГАН

НАЗВАНЫ ТОВАРИЩАМИ

Впереди его шли слухи. Шли с зимы.

Говорили, что им написан новый судебный кодекс.

По этому кодексу тридцатипятникам выходила как бы полная амнистия, а каэрам-десятилетникам снижались сроки до пяти лет.

Говорили, что в Совнаркоме, не то Малом, не то Большом, кодекс уже прошел, но опубликование его задерживается ввиду того, что Михаил Иванович Калинин сейчас в отъезде и некому за него подписать.

Потом начались торопливые будни. Стало не до слухов.

На Хижозере закрыли перемычку. Ударники Надвоиц перекрыли русло реки Выг. Строительные события заслонили имя Сольца. Всплыло оно позже и совсем неожиданно.

Был августовский день. Вынырнув из придорожной листвы, ревущий форд мчался по пыльным улочкам Повенца. За двести лет город почти не постарел. Только слиняла павлинья расцветка с балконов, потемнела обшивка домов, да сквозь стертые ступеньки пробивались трава и мох.

Форд перебегает мост.

За мостом осушают реку. Улицей идут навстречу деревянные срубы. Это — ряжи. Над ними рука, машущая фуражкой: «Даешь канал!»

Внезапный поворот, пыль от заторможенных колес. Из дверцы, оглядываясь, высунулась пушистая голова.

На противоположном берегу — человеческий муравейник. Котлован уходил до краев горизонта. На гребень вздымались пыльные тачки. Справа торчали леса недостроенного здания. Это — шлюз.

К автомобилю подбежал десятник, прикладывая руку к козырьку.

Пушистоголовый пожал ему руку:

— Сольц.

Так еще не здоровались в лагерях.

А он шел к шлюзу, как в Москве по своей квартире. В расстегнутой рубашке блестела запонка.

Гигантская дощатая труба извивалась по земле, как червяк. Это — улитка. Потом ее показали в бетоне. В отверстие улитки можно было въехать на грузовике.

Сольц протирал пенсне. Видимо он был чем-то взволнован.

Прошло несколько дней.

Дом стоял над обрывом. Внизу, прыгая по камням, шумела река. За рекой горбатые холмы, поросшие лесом. У дома — песчаная площадка. Мяч помаячил в воздухе и упал. К нему с разных сторон сбегались ловкие волейболисты.

Тов. А. Сольц

Зрители сидели, как грачи на палисаде. Совсем, как в Москве на стадионе. Кто мог подумать, что это заключенные?

Сольц оторвал лист. Оборотная сторона была чистая. Он обмакнул перо.

Письмо имело адрес:

СТРОИТЕЛЯМ БЕЛОМОРСТРОЯ

«Великому строительному вашему коллективу, организаторам, руководителям и техникам его».

Это письмо читали в клубах, в бараках, на митингах. И повсюду творилось нечто необычайное.

Прочитав письмо, тридцатипятники РУРа, отчаянные отказчики, бросали штосс и буру и выходили на трассу. Лодыри «Перекопа» объявили штурм.

Ничто так не действует на человека, как во-время сказанное долгожданное слово.

«Товарищи! Я иначе, как товарищи, вас называть не могу, потому что вы — за небольшими исключениями — вместе со всеми трудящимися нашего Союза, вместе со всеми нами работаете по строительству нашей страны, по увеличению ее мощи, ее экономических возможностей».

Это было три или пять лет назад. За спиной захлопнулась железная дверь. Красноармеец дернул за рукав.

— Идемте гражданин. — И как-то сразу стало не по себе.

«Товарищ!» Это слово волновало.

С ним возвращалась жизнь, оставшаяся за воротами несколько лет назад.

— Спасибо, товарищ Сольц! Ты назвал нас товарищами. И мы, девяносто пять соцвредов, это слово оправдаем.

И в тот же день они назвались ударной бригадой имени пятилетки и вместо обычных двухсот — вынули восемьсот кубов грунта.

— Мы сейчас, — говорило лагерное радио, — на первый план, на первое место ставим работу — сознательную, настойчивую, ударную и творческую. Нужна была огромная вера, огромное организационное умение, чтобы в такой сравнительно небольшой срок создать такое большое дело. Поэтому так много вдохновения в вашей работе, поэтому каждый работающий здесь на мой неизменный вопрос: «Что дает здесь вам работа?» — отвечает: «Много бодрости и удовлетворения». Единая идея господствует во всем строительстве, единый дух владеет работающими. Мы работаем со всеми над первой пятилеткой. Мы вносим наш вклад в это дело, мы соревнуемся наравне со всеми. Мы ударяем не менее крепко, чем весь ударный коллектив, мы, многие тысячи строителей, имеем право считать себя одной из ударных бригад нашей пятилетки!

Начальник Повенчанского отделения Афанасьев обходил бараки. Заглянул он и в столовую.

У прорезанного квадратного окошка толпились с судками и мисками.

Афанасьев вызвал заведующего кухней.

— Почему вы людей заставляете ждать? Немедленно ликвидируйте очередь.

Его обступили лагерники. Жалуются на недоставку писем.

— Почему задерживают ударникам письма? Немедленно вызвать ко мне Реполова.

Афанасьев работал как организатор-чекист. Как один из тридцати семи. О них в письме было сказано так:

«Экономическая задача наших двух пятилеток — сделать нашу страну промышленно-независимой от других стран, поднять на большую высоту наши производственные силы, добиться таких производственных результатов, чтобы устранить нужду и лишения, повысить в огромных размерах наше развитие, нашу культуру. И мы этого добьемся потому, что в центре внимания у нас — нужда и потребности человека, внимание к ним. И вы успеваете, потому что внимание к человеку у вас — на первом месте».

В Медгоре центральный штаб соревнования решил наградить Повенчанское отделение за проявленный трудовой энтузиазм почетной грамотой.

В это время ударники Повенца на митингах читали письмо:

«Залог нашего успеха, по выражению товарища Сталина, в нашей воле, в наших устремлениях, в нашем упорстве и настойчивости. Вы их проявляете в огромной степени, вы проявляете исключительную организованность, и на всей работе отчетливо видна рука творческая, дисциплинирующая и дисциплинированная, которая двигает массами, которая умело их направляет туда, куда направлены интересы этих масс. Видна работа истинно большевистская».

Прилепившись к мокрой стене, люди обрубают и взрывают скалу. Буквально навесу. Работают, как бешеные.

От взрывов стонет и охает лес. Над вершинами кружит встревоженное воронье.

«Творятся новые силы, — под грохот взрывов читают в бараках, — чтобы природа лучше служила человеку, творится новый человек, который должен быть достоин великого творимого им дела. В творчестве новых великих дел создается новый великий человек. Мы начинаем превращать наше общество в бесклассовое общество сознательных строителей социализма, и в этом великом деле ваша работа занимает не последнее место. Поэтому так неутомим ваш труд, так вдохновенны ваши дела, ваши настроения. Большое вам спасибо!

Огромную радость я испытывал, глядя на вашу работу.

Наше дело, дело стройки и постройки социализма, не может не победить, если можно организовать работу так, как это делается в Беломорстрое, если можно так работать, если в процессе работы такие могут твориться человеческие взаимоотношения, может расти и вырасти человек».

В душной от свинцовой пыли комнате тускло горели лампочки.

Набирали очередной номер.

Сверху над заголовком оттиснули шапку: «Все на борьбу за выполнение плана. Наш план — приказ на фронте».

Внизу шло письмо.

«Наш план — приказ на фронте» — гласит ваш лозунг на стройке. Мы завоевали новые земли, новые реки, новые силы природы, мы их завоевали, не проливая ни одной капли человеческой крови, а творя нового, лучшего человека.

Приказ отдан, и — конечно — план вами будет выполнен!

Да здравствует славное Беломорское строительство! Да здравствуют славные беломорские строители!»

Это написал 6 августа 1932 года подлинный большевик тов. Сольц, увидав, как изменяется качество людей.

ЮРЦЕВА

Зинаида Николаевна Юрцева была одной из тех, которые шли от названия «заключенный» через водораздел слова «каналоармеец» к слову «товарищ».

На трассе З. Н. Юрцева сперва чувствовала себя плохо.

Карелия, с ее сложной геологией, исшершавленная предисторическими ледниками, с ее гранито-гнейсами, кристаллическими сланцами, хлоритами, кальцитами и доломитами, с ее песками и супесями, с ее глинами и суглинками, не приспособлена для высоких ломких каблуков, для вискозных чулок цвета загара, для всего того, с чем прибыла Юрцева на канал. Помимо всего прочего — начинаются дожди.

Дождливое лето. Косые облака несутся над Дубровой дамбой, проливая ливни на все разнообразие почв. А Юрцева и рада. Рада тучам, ветру, словом, всему, что мешает работать. Злорадство подымается у нее при виде бурно летящей с неба

воды. В такую погоду, лежа на койке, можно вспоминать свое прошлое. Эх, чорт, ну и прошлое же! Шутка сказать, одних туфель пять пар, одних фамилий три штуки.

«После допроса, — рассказывает Юрцева, — с меня сняли пятнадцать снимков, по каким нашли еще три фамилии, три имени и три отчества. Мне дали 35-ю статью и три годика исправтрудлагерей. Я попала в марьинские лагеря, где на работу не ходила, а только разгуливала с филонами по двору». Оттуда ее послали в Белбалтлаг.

А до этого какая длинная, какая ломаная жизнь!

«Дядя, брат моего отца, взял меня к себе как родную дочь. Его я звала отцом и его жену мамой. Но и тут недолго была благодать. И эта мать умерла через несколько месяцев, убили и этого отца. Я долго плакала, но никто не подходил на мой неумолкавший клич, и никто не вытер слезинок, что так горько лились на пожелтевшую незнакомую травку. Мне было тогда пять лет.

Я попала в няньки к неродной сестре в соседнюю деревню. Там опять новые люди ужасно смеялись, что у меня некрасивое холщевое платье и рваные сапожки, которые были не мои, а с мужа сестры. Жалованья получала восемь рублей, и то видела его только первый месяц, а потом видела только одни побои от огромного своего хозяина.

Меня взял к себе старший брат, но вскоре он заболевает туберкулезом и помирает, оставив меня опять при чужих.

Теперь уж Зинка Юрцева остается одна. Она проделывает обычный путь заброшенного ребенка. Она становится беспризорной девчонкой, такой въедливой и хулиганистой, какими не часто бывают даже мальчики. Она не столько сильна физически, сколько ловка, и это ее преимущество, ее козырь, которым она бьет, бьет в полном смысле этого слова не только двери и окна в тюрьме, куда она не замедлила попасть, но и зубы дежурной по женкорпусу.

«Все время с утра до ночи моя работа была бить стекла, ломать двери, почему приходили старшие дежурные, связывали меня и сажали в секретку, где продолжалось то же самое.

При первом выпуске из камеры на прогулку я выбила зубы дежурной по женкорпусу, за что получила тридцать суток без передачи и свиданий».

Но постепенно она стихает. Она стихает до такой степени, что ее выпускают в открытую колонию на курсы огородников. Ее окружают тихие, незлобивые предметы: стекла парников; лейки, ящики с рассадой. Ее обучают глубокой осенней вспашке, весенней перепашке, рыхлению и борьбе с вредителями-сорняками. Юрцевой нравится работа на грядках, она работает с удовольствием. Ей говорят: «Весной ты увидишь, как

из этой рассады вырастет горошек». Но она не видит этого. Не дождавшись весны, она напивается и, пьяная, бьет стекла парника, как раньше била стекла в тюрьме.

Ее наказывают, она бежит, она совершает один за другим три побега. Ее снова ловят. И вот она на Беломорском канале.

Под шум дождя она перебирает свое прошлое. Но что это? Дождливым утром, заглушая плеск и бульканье, покрытая тряпкой, чтобы не промокла, звенит гармонь. Гармонь играет отличный марш, шипучий маршок, всех подымающий с места. «Воля ударника должна быть сильнее дождя, — звучит по радио голос бывшего тридцатипятника. — Кто сильнее: мы, ударники, с нашим пламенным энтузиазмом, или холодная «небесная канцелярия» с ее дождичком?»

Вот тебе и раз! Вот и полежала на койке. Все идут на работу, как же тут не пойти и Юрцевой, тем более, что она всегда была хорошим товарищем. Это и филоны из марьинских лагерей скажут, что Юрцева «свой парень». Все ленятся и она туда же. Все бьют стекла и она тоже. У нее несомненно было чувство коллектива, но вывернутое наизнанку. Теперь оно впервые становится на место. Вокруг нее кипела работа.

Хотя и неохотно, Юрцева встает с койки. Надев выданные завхозом башмаки, стеганый ватник и брезентовые рукавицы, она выходит на Дубровую дамбу, одну из самых больших дамб в мире.

Дамбы Беломорского канала делятся на подпорные, оградительные и выправительные. По существу способы перевоспитания человека можно подразделить здесь на эти же три вида.

Расположенная вне узлов сооружений оградительная Дубровая дамба № 57 принадлежит к системе май-губских дамб по берегу Выгозера. Длина ее — 3,5 километра.

Попав на 57-ю оградительную дамбу и будучи ограждена от всей своей прошлой жизни, Юрцева для начала теряет весь свой былой задор. Позже она приобретет его снова, когда станет одной из задорнейших ударниц.

Она всегда любила удивлять товарищей. Она удивляла их всевозможным озорством и пакостями. Но здесь этот номер не проходит. Здесь тоже удивляют, но совсем другим: жаркой и ладной работой. Это она тоже берет себе на заметку.

О бетоне мы знаем, что верхняя поверхность его в зависимости от тех или иных условий бывает шероховатой, пористой и трещиноватой. Душевное состояние Юрцевой в первые дни работы было такое же. Ее ставят на планировку. Вместе с другими она должна насыпать дамбовый откос по указаниям изыскательской группы. Тело дамбы должно быть чисто и крепко. Надо строго следить за тем, чтобы внутрь не попал мох, дерево, все, что гниет, сыреет, все, что может подточить мощное

здоровье сооружения, ибо основных два требования, предъявляемых к дамбам, — это прочность и долговечность. Насыпка дамбы — четкая работа без какого бы то ни было лукавства.

Но главное не это. Главное то, что это «наша дамба». Вокруг Юрцевой так и говорят: «наша дамба», «наш канал».

— Чей же это — наш? — спрашивает Юрцева насмешливо.

— Наш, общий. И твой, — отвечают ей. — Почему же нет? Вот освободишься — пожалуйста, поезжай до самого Белого моря. Канал общий. А раньше, при царе, бывало так: строят рабочие, скажем, дорогу. А как выстроят, так запрут ее на ключ. Ездит по ней только царь да его прицарники. А для рабочих рядом дорожка бежит: яма на яме, бугор на бугре. Вот как было дело.

— Да, вот как было дело, — повторяет про себя Юрцева. — «Наша дамба», «наш канал». В первые дни она делает 80—83 процента выработки — ей просто еще физически трудно: дамбу насыпать — это не стекла бить. Но ей хочется удивить окружающих, ей без удивления скучно. Кроме всего прочего эта «наша дамба» начинает ей просто нравиться.

«Через несколько дней мне все больше и больше стало нравиться строение дамбы, — рассказывает она, — и я начала вырабатывать на планировке 125 процентов».

Но не только она сама прекрасно работает, она хорошо влияет на других. «Я организовала бригаду из тридцати шести женщин, которые работали на дамбе. Среди них были такие, которые не стеснялись еще приходить в барак с 75 процентами выработки. Я рассказала им свой пример, и они стали первыми ударницами и вырабатывают 125».

К этому времени дожди прекращаются. Наступает август, время, когда карельское лето отдает всю свою глубоко спрятанную нежность. В торфе малиновыми светляками загораются ягоды. Тело дамбы теплеет, как тело человека. Наконец-то Юрцева и вся ее бригада отогреваются. Наконец-то просыхает их одежда, и становятся легкими башмаки. Так бы и лечь на теплые сланцы и доломиты, на мягкие «торфяные подушки».

Но не все то хорошо, что блестит, не все то полезно, что греет. Враг может быть обаятелен. Солнце может быть опасным. И Юрцева запевает частушку беломорского поэта из «Перековки»:

Хороша лесов прохлада,
Трав душистых мягок пух,
Но ударная бригада
Бережет ударный дух

И дальше: «Лес и лето повторимы, Беломорстрой — неповторим».

«Наша дамба» росла. И вот уже пошли слухи, что работа здесь скоро будет в основном закончена, и всю мою бригаду решили перебросить на Шавань, куда и провожали с музыкой.

Приехавшую на Шавань мою бригаду разъединяют по разным работам по обслуживанию лагеря, но мы все здесь заявили, что будем работать только на производстве. Через четыре дня некоторые женщины из моей бригады стали просить у завхоза чулки, но он не давал, говоря, что их нужно заработать, после чего они шли с жалобой ко мне, как к хозяйке бригады. Что было делать? На пятый день мы выходим организованно на канал, где нас ставят на сборку щепок, за что мы получаем чулки. Но мы продолжаем протестовать, и я пошла к прорабу, говоря: «Какие тут щепки, при чем щепки. Вы дайте женщинам планировку, и мы покажем вам настоящую работу». Он хоть и улыбнулся, но согласился. И женщины рассыпались между мужчин и стали работать лучше мужчин. И подходит ко мне начпроизводством — мы его звали «дедушкой» — и говорит: «Твоя бригада очень хорошо работает». Но я задрала нос и не хочу с ним говорить: горжусь своей бригадой. Мы приходили с выработкой в 150 процентов, и из нас слился коллектив имени «Вперед к 1 октября».

Нас было 63 человека, и меня выбрали председателем всех больших работ».

Теперь уже Шаваньская становится для Юрцевой «нашей плотиной». Она хозяйским глазом окидывает свой коллектив. Она не только сама работает, но переходит на высшую ступень отношения к труду: к умению распределять работы между другими.

Как изменились ее масштабы! Вместо овощной грядки на курсах огородников — гигантская гряда дамбы, которую надо было насыпать, причесать граблями и поливать для уплотнения. Вместо вредителей-сорняков, с которыми она боролась когда-то, рядом с ней работают теперь бывшие вредители, люди, с которыми тоже происходят огромные перемены.

«Мы работали в канале, в прачечной, в портновской мастерской. Тут мне было много забот, семья большая, прихожу на производство 24-й плотины, а там кипит работа с веселыми песнями».

Впервые в жизни беспризорница Юрцева, няньчившая чужих ребят, обрела близкую ей семью.

«Работавшие рядом с нами мужчины из трудколлектива «Путь к исправлению», которые были филоны из филонов, все проклинали нас, но женщины критиковали их женскими крикливыми голосами, и это им не нравилось. Они выражались всякими неприличными словами, но женщины отвечали им, что все это старое, что это нужно забыть. «На стройке надо работать по-ударному. Вон, смотрите, сколько нераспланированных куч в вашем ряду». И плотина росла, и подходил Октябрь, который должен принести новости о льготах. Мне тоже дали льготу в восемь месяцев, за что я очень благодарна, но главное было не это, а вселагерный слет ударников в Медгоре, куда и я была выдвинута от женщин.

Всего нас было три женщины. Меня провели в президиум, где я со вниманием слушала и потом сказала маленькую речь от женщин 15-й боеточки, после чего меня позвали в отдельную комнату, где сидели два художника, и меня срисовали в двух портретах: один дали мне на руки».

Получив на руки портрет, Юрцева возможно задумалась о том, как переменилась ее жизнь. О том, как не похожа рецидивистка Юрцева, пятнадцать раз сфотографированная Угрозыском, на ударницу Юрцеву, дважды нарисованную художником. Но она была слишком занята в эту минуту, чтобы долго раздумывать.

«После перерыва слет продолжался. Подходит вопрос о награждении ударников жетонами. И вдруг я слышу свое имя. Высокий начальник — фамилия его Рапопорт — прикрепляет мне жетон и говорит: «Такой маленький шкетик и заработала жетон». Публика засмеялась, и не успела я сойти с места, как мне дают яблок и конфет технические работники с 24-й плотины».

24-я плотина кончена. И мы встречаем маленького «шкетика» в разных точках строительства. Вон он организовывает на Лей-губе женский трудовой коллектив «Красная заря», в который «вошло много незнакомых филонов и с ними было трудно,

но мы справились и научили их работать». Вот «шкетик» работает уже в другом месте. «Там была новая для меня работа, но я быстро привыкла и научилась и научила других женщин кроме того ходить в лес на свалку деревьев. Мы стали соревноваться — Верх-губа с Сев-губой. Соревновались в том, сколько кто даст процентов на ударнике по спилке леса. И это было очень интересно».

Интересно!.. Сама того не зная, Юрцева сказала замечательное, много объясняющее слово: ей стало интересно работать. Ей стало интересно жить. И эти ее новые интересы перекрыли и затмили ее прошлое, которое по-своему тоже было «интересно». Дальше мы видим «шкетика» на Надвоицах в качестве воспитательницы. Как бы удивилась этому та дежурная по женкорпусу, которая по милости Юрцевой на всю жизнь осталась с выбитыми зубами.

«Тут быстро подходил праздник 8 марта, и я пошла на слет в Сосновец, где было много женщин, все в веселом настроении. И я чувствовала этот праздник так приветливо и свободно».

Этими словами можно было бы пожалуй закончить повесть о Юрцевой, но она сама в конце говорит следующее: «Теперь я работаю среди женщин по воспитательной части, и это очень хорошо. Но тут у нас на канале есть женщины — десятники, техники, нормировщики, топографы, чертежники, строители. В проектном отделе тоже работа женщин. И мне хочется заиметь какую-нибудь специальность, чтобы, выйдя отсюда, я могла бы и дальше работать. Я ведь еще очень молодая и способная. И могу еще много пользы принести».

В исправлении, в закреплении достигнутых результатов огромную роль сыграли трудколлективы.

ТРУДКОЛЛЕКТИВЫ

Строение лагерей ОГПУ очень последовательно в своей систематичности, начиная от главного штаба — через отделения, лагпункты, сооружения — до участковой фаланги, до последней бригады и мельчайшего звена в бригаде. Разумеется, схема создалась не сразу. К определению производственных функций и даже численного состава типовой бригады например Беломорстрой пришел через борьбу с «карликовыми бригадами», а к фаланге через «комплексную бригаду». Но в каждый отдельный момент этой эволюции принцип четкости и некоей условной окончательности и безусловной обязательности (до отмены) сохранялся неуклонно. Практика БМС дала нечто законченное в организации управления, и основные черты производственно-управленческой схемы БМС усвоены лагерными стройками второй пятилетки.

Но вот в этой самой стройной и самой строгой схеме мы находим исключение: трудколлектив. Исключение бросается в глаза уже в цифрах. Типовой беломорстроевской бригаде полагается состоять из 25—30 человек не больше, не меньше — это строго. Следующая ступень обобщения — фаланга — должна состоять из 250—300 человек. А трудколлективы не фиксируют числа членов и обычно включают от 100 до 200 человек. Исключительность трудколлектива сказывается и в распределении работ. Бригада занята одной работой: землекопной, либо подрывной, либо лесозаготовительной...

Фаланга объединяет эти работы на одном участке. А трудколлектив — то целиком на однородной работе, то как фаланга берет участок и делает все работы.

Эти мелкие и внешние разногласия со схемой станут понятны, если мы всмотримся в суть дела. Фаланги и бригады — результат административного опыта. Трудколлектив возникает снизу, от инициативы самих заключенных.

«...Трудовые производственные коллективы могут быть организованы во всех лагерях, отделениях и отдельных командировках при наличии не менее 25 заключенных, желающих вступить в трудовой производственный коллектив» (примерный устав трудозых производственных коллективов, 1931 г., пункт 1).

Таким образом люди, совершившие преступления, осужденные по суду, заключенные в лагерь для отбытия своего срока, содержащиеся под стражей, тем не менее могут, если пожелают, собравшись вместе, организовать внутри лагеря человеческий коллектив. И этот коллектив начинает жить собственной жизнью на основе обычнейшего распорядка и общепринятых норм бытия общественных организаций вплоть до мелочей:

«Высшим органом трудового производственного коллектива является общее собрание (устав, п. 4). Экстренные общие собрания членов коллектива могут быть созваны советом коллектива или по требованию $^1/_3$ членов трудового производственного коллектива» (п. 5, примеч. 1).

«Исполнительным органом трудового производственного коллектива является Совет трудового производственного коллектива, избираемый общим собранием членов коллектива в составе от 5 до 9 человек» (п. 7). «Совет отчитывается в своей работе перед общим собранием трудколлектива один раз в месяц» (п. 10). «Для постоянного наблюдения за работой Совета и контроля выполнения постановлений общего собрания коллектива избирается ревизионная комиссия» (п. 11).

Нас это может удивить в том случае, если мы представляем себе ОГПУ только какой-то «карающей десницей» и забудем о том, что задача ОГПУ заключается также и в перевоспита-

нии заключенных в граждан СССР. Преимущественно этой цели и служат трудколлективы в лагерях:

«Организация трудовых производственных коллективов является частью всей системы культурно-воспитательной работы среди заключенных. Опыт организации трудовых производственных коллективов показал, что это является наилучшим методом перевоспитания и приобщения к труду заключенных.

Перед трудовыми производственными коллективами стоят следующие задачи:

Организация коллективной жизни заключенных на основе самообслуживания.

Достижение высокой производительности труда.

Полная ликвидация неграмотности и малограмотности членов коллектива.

Активное участие в политучебе и во всех видах культурной работы, ударничество и соцсоревнование.

Полное изжитие среди членов коллектива пьянства, картежной игры, драки, уклонения от работы и других прежних навыков уголовщины. Приобретение трудовых навыков и квалификации.

Бережное отношение к лагерному имуществу и средствам производства.

Полное изжитие нарушения лагерной дисциплины.

Служить общественным буксиром по отношению неорганизованной части заключенных во всех видах лагерной жизни: производственной, общественной, культурной и т. д.» (примерный устав, вступительная часть).

У нас есть все основания сказать, что внутри лагеря ОГПУ некоторые организации, именуемые трудовыми производственными коллективами, живут в какой-то мере автономной жизнью, разумеется, «в пределах правил лагерного распорядка» (устав, п. 6) и под наблюдением лагерной администрации.

«Администрация лагеря может отменять полностью результаты выбора или отстранять от выборных должностей отдельних лиц, равно как изменять и отменять налагаемые на членов коллективов взыскания» (устав, п. 25). «Всякие собрания созываются с предварительного разрешения администрации лагеря» (устав, п. 26).

Трудколлектив имеет своей задачей не только организацию производства, но и организацию быта. Члены трудколлектива живут в особых бараках, каждый член вносит в кассу коллектива от 25 до 50 процентов своего премиального вознаграждения (устав, п. 21). И как правило бытовые условия членов трудколлектива лучше в сравнении с другими заключенными. Тому, кто хочет быть ударником на производстве и покончить со своим прошлым в быту, администрация идет навстречу

в улучшении материального бытия, дает преимущества в снабжении, но зато и требует работы — неударник не может быть членом трудколлектива.

Есть и еще одно существенное ограничение в практике трудколлективов.

«Членами трудового производственного коллектива могут состоять заключенные из социально-близких соввласти слоев, осужденные не за контрреволюционные преступления» (устав, п. 12). «Не могут состоять членами трудового производственного коллектива заключенные, осужденные по ст. 58 (все пункты), 59/3 (бандитизм), 59/9 (контрабанда), 59/12 (валютчики)» (устав, п. 13).

Таким образом тот, кто стал преступником под влиянием трудных житейских обстоятельств, кто вышел из среды пролетариата и трудового крестьянства, тому достаточно иметь добрую волю к исправлению, чтобы стать членов трудколлектива.

Кулаку, вредителю и контрреволюционеру лагерь отказывает в самодеятельности, — он достаточно ею пользовался, когда был на воле, он злоупотреблял советской общественностью, он маскировался ею и строил из себя советского активиста только для того, чтобы подрывать эту общественность изнутри. Кулаки уже сиживали и в сельсоветах на председательских местах и в коллективе на хозяйственных должностях. Инженеры-вредители побывали членами коллегий трестов, директорами на заводах, активистами в профсоюзах. Им это не ново, они привычно вошли бы и в лагерный трудколлектив, но пусть обождут до тех пор, пока не перестроятся на деле, на работе — исправительно-трудовые лагеря для того и существуют — пока не легализируются, и тогда, если это будет достоверно и прочно, они снова смогут на воле вступить в круг советской общественности, — им в этом от советской власти тоже нет отказа, мы идем к бесклассовому обществу.

А «бытовикам» и «тридцатипятникам» такая общественность пожалуй что и внове, непривычна, и может быть как раз они и стали преступниками из-за отрыва от общественности, из-за противопоставления себя ей. Они ведь принципиальные индивидуалисты и самовольники, принципиальные лентяи. Большинство свою трудовую карьеру в лагерях начинает с филонства и туфты. Навыки общественности, атмосфера трудового коллектива им как раз нужнее всего для перековки, им это — первейшее лекарство, этим они могут увлечься и скоро увлекаются.

Опыт трудколлективов перенесен на БМС из других лагерей.

Истории трудколлективов — довольно бурные истории. Состав коллективов переменчив: одни его члены выходят на волю,

другие исключаются за пьянство, за картежную игру, за лень, но постоянно приходят новые, с ними нужна отдельная работа.

Внутри коллективов не прекращается борьба за дисциплину; их производственная активность также неровна, то падает, то стремительно растет и достигает самых высоких на строительстве рекордов, так что численно меньший коллектив часто может заменить фалангу на всем участке ее работ и дать нужное качество в этих работах.

ИНЖЕНЕР-ЧИНОВНИК

У него имелся вполне определенный взгляд на общий характер событий и дел, связанных с Октябрьской революцией: он был твердо уверен, что они носят не *политический, а уголовный характер*. Расстрелы контрреволюционеров, шпионов и спекулянтов он воспринимал как убийства, национализацию имущества — как кражу. До революции ему ничего не было известно о существовании рабочего класса. Он считал, что рабочие — просто-напросто те люди, которые воплощают в материальные формы его проекты. Люди, надо сказать, беспокойные, ленивые и неопрятные. По этой именно причине близкого с ними знакомства он никогда не включал их в понятие великого русского народа... Последний всегда рисовался его воображению за плугом, в полях, в последних лучах закатного солнца.

Тотчас же после Октября он утратил ощущение настоящего

времени. Впервые он обрел его только на Беломорстрое. Он жил прошлым. Но прошлое было для него не одним лишь воспоминанием, а живой, действенной, императивной силой. Он считал себя обязанным этому прошлому точным отчетом в каждом своем слове и деле. Прошлое может и должно стать будущим. И вот, думал он, когда рассеется этот недобрый сон, когда рухнет эта случайная, призрачная государственность, ему придется вместе со всеми его коллегами предстать перед судьей, грозным и всеведущим. В соответствии с этим он стал смотреть на всех своих современников и товарищей как на будущих *свидетелей* его поведения в тяжелые — и полные искушений — годы большевистской неволи. Задача его заключалась в том, чтобы найти идеальную среднюю линию поведения: работая, общаясь и сотрудничая с большевиками, внушая им полное доверие своей несколько привередливой и ворчливой, но будто бы глубокой и окончательной лойяльностью, одновременно не давать указанным *свидетелям* ни малейшей против себя улики. Самым уязвимым своим местом он считал употребление сокращенных советских словечек. По мере возможности он стремился всячески избегать их. Он гораздо чаще говорил «высшее учебное заведение», чем «вуз», «пятилетний план строительства», чем «пятилетка», «рабочий факультет», чем «рабфак». Он делал это смело, не боясь косых взглядов, ибо в этом также была своя *тонкость:* он глубоко был уверен, что большевики не припишут это его нелойяльности, а лишь его *педантизму* старого инженера.

От этого был только один шаг к вредительству — и он его сделал с величайшей легкостью. Отныне он навсегда был избавлен от страха перед будущим *судьей*. Отпали разом все эти сложные и мучительные тонкости: его новое положение *обязывало* его говорить «рабфак», а не «рабочий факультет», «пятилетка», а не «пятилетний план строительства».

На Беломорстрой он приехал умирать.

До сей поры душа его, несмотря на все постигшие ее разочарования и беды, все еще была каким-то мистическим образом связана с хозяевами-капиталистами. Даже сидя в заключении, отвечая на вопросы следователя, излагая ему свои вредительские планы и свершения, он мысленно всегда советовался с *хозяином*. Пусть это не был даже какой-либо конкретный хозяин с именем и фамилией, — он мог получить отличный совет и наставление и у того мудрого *воображаемого* хозяина, образ, которого, до осязаемости ясный, сложился в его душе.

И вот здесь, на Беломорстрое, образ *хозяина* стал постепенно блекнуть. Спасительный компас был утерян. Он остался один на один с новой действительностью. Страшная действи-

тельность. Какие люди! Какие пейзажи! Видимо это и есть тот хаотический мир, существование которого он всегда подозревал за спокойным течением дореволюционных дел и событий. Всю свою жизнь кропотливо воздвигал он непроницаемую стену между собой и этим подозреваемым им хаосом. Он аккуратно ходил на службу, изо дня в день, долгих сорок лет. Каждый месяц откладывал он в банк определенную сумму денег на черный день. Он создал себе четкое и добротное мировоззрение. Он создал себе семью и укреплял ее в тех же самых началах. Стена все росла и росла — день за днем, кирпич за кирпичом. Он не был уверен в незыблемости царской власти, за ее пределами мерещилось ему иное государственное благополучие — европейское, парламентское благополучие. Он так и считал, что это есть следующий, закономерный этап развития российской государственности. Он был даже немного либералом, но это отнюдь не было его политическим убеждением. У него не было политических убеждений, у него была всего только политическая позиция. Он был либералом именно в точную меру своей неуверенности в незыблемости царской власти. Мировую войну он принял легко. Ведь войны всегда бывали. Он даже всячески старался способствовать победе русского оружия путем участия в различных комиссиях, ведавших снабжением армии. Февральская революция его напугала. Ему казалось, что в воздвигнутой им стене пробита первая брешь. Он считал, что царское правительство не надо было свергать — достаточно было *давить* на него, чтобы добиться от него тех или иных уступок в пользу *культурных людей*. В Октябрьскую революцию воздвигнутая им стена рухнула до самого основания. Он отсиживался за ее развалинами. Потом пошел работать к большевикам. Потом — во вредительскую организацию. Но все еще какая-то пелена из прежних образов и эмоций пролегала между ним и хаосом.

И вот теперь — Беломорстрой, первые, страшные дни Беломорстроя! Самые худшие его опасения сбылись.

Старый, шестидесятилетний человек, стоит он лицом к лицу с этим голым, неприкрытым, первобытным хаосом. Не к чему было сорок лет ходить на службу! Не к чему было копить на черный день! Не к чему было создавать семью и мировоззрение!

— Мне шестьдесят один год, — жалуется он своим молодым коллегам. — У меня хронический бронхит. Я привык каждый вечер перед сном класть горчичник на левую сторону груди. Мне нужно каждый день перед обедом пить теплое молоко. Мне вредна сырость. Боже мой, этот климат... пять лет... лучше бы расстреляли!..

Но к великому своему удивлению каждый день чувствовал

он, как в это новое, страшное, хаотическое его бытие начинает вправляться крепкий костяк четко организованного *порядка*. Его чиновничья душа возрадовалась. Из вращающихся туманностей его беломорстроевского быта возникало солнце — *новый хозяин*. Разумеется, он не мог итти ни в какое сравнение с прежним хозяином, но при данных условиях он воспринял его появление как подлинное счастье. Новый хозяин был вежлив, предупредителен, тактичен, деликатен, но вместе с тем требователен и тверд. Ну и чорт с ним, лишь бы была четкая система жизни и работы, лишь бы можно было каждый день ходить на службу, иметь свой вполне определенный угол, вполне определенные права и определенные обязанности. Чиновничий, канцелярский рай на краю света, под карельским небом и под опекой ОГПУ!

Он вполне утешился — за таким хозяином не пропадешь. Даже здоровье его стало поправляться. Суровые условия вызвали на поверхность дремавшие в нем силы. В этом ужасном климате к великому его удивлению бронхит почти не беспокоил его. Ему не приходилось даже прибегать к помощи горчичников — хотя горчичники были в любой момент к его услугам.

А как же Беломорстрой? А как же великий канал между двумя морями — Белым и Балтийским? В канал он не верил. Он верил только в ту деталь, которую ему поручали в каждый данный момент проектировать. Он вообще не верил в будущее и не помнил прошлого — на Беломорстрое он жил только *настоящим*.

Все бы хорошо, если бы не эти безумные темпы! Он не успевал спроектировать одну деталь, как наваливалась другая, за ней третья, четвертая. Он не мог додумать ни одной мысли, не мог доделать ни одного чертежа. Молодежь доделывала и додумывала за него. Он совсем не плохо знал свое дело — но разве можно справиться с этой дикой спешкой! Темпы совершенно вышибали его из привычной колеи, ломали все ритмы, которые он с таким трудом наладил для себя в этом новом мире. Вокруг него крутился какой-то дикий вихрь проектов, приказов, конструкций, аварий, вариантов. Он еще продумывал какую-то деталь, когда к нему подошел один из его коллег и сказал, что завтра предстоит первая поездка на пароходе по *готовому* каналу. Он удивленно открыл рот: а как же будет с деталью?

Какую мораль извлек он из невольного своего двадцатимесячного пребывания на Беломорстрое?

После некоторого раздумья он на этот вопрос ответил следующее:

— В конце концов с этими большевиками можно работать...

ПРИЗНАКИ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Плывун — плохой грунт, в него не входит лопата, и ноги рабочего вязнут так, что вытащишь ногу, а сапог остался в плывуне.

Плывун коварен, его выберешь, а он за ночь опять натечет.

Плывун — это грунт, который ведет себя, как жидкость.

Зимой плывун замерзает, как скала, тогда его бьют кирками, взрывают аммоналом, но он хуже скалы, потому что под крепким плывуном есть плывун жидкий, который поглощает силу взрыва, как подушка.

При работе с плывуном ловят такое его температурное состояние, когда он загустел. Рабочие говорят, что тогда плывун похож на печенку.

В ноябре начали в плывун забивать сваи; сплошные заборы из шпунтовых свай должны были удержать плывуны, плывунное тесто от расползания, образовать из него упругие подушки, на которых дно третьего шлюза потом встанет, как на твердом грунте.

На эту работу поставили кулаков из вновь прибывшего этапа.

На каждый копер послано было 12 человек.

Кулаки любят маленькие бригады и умеют их сколачивать.

В такую бригаду охотно привлекают они несколько крепких парней, парни поступали в кулацкую бригаду потому, что кулаки умеют сговариваться с десятником и умеют выторговать для себя маленькую норму.

Кулаки упорно снижали темпы работы на плывуне. Работали, не горячась, и охотно грелись у ранних костров на трассе.

По всей трассе как будто подуло теплым ветерком. Человеческий плывун поплыл. И к этому относились довольно благодушно.

Слишком было ярко впечатление от письма Сольца, слишком успокаивали проценты уже произведенной работы.

Правда, среди работников, ударников, было уже беспокойство; один бригадир в шестом отделении, рассказывает главный инженер Хрусталев, раз пришел и заявил: «Нормы нужно увеличить», а потом постоял и сказал: «И в насыпь мы бочки закопали, чтобы выработать кубатуру на туфтиле».

Это нехорошо, когда на трассе появляются блатные слова.

Блатные слова отделяют лагерника от всей страны, делают его человеком отдельной нации, отдельной социальной группировки.

Человек, который «стучит по блату», перестает быть советским гражданином.

Слово «туфта» зажило на трассе, стало ходячей монетой.

Раз поймали на туфте большую бригаду попов четвертого отделения.

У них был запутанный участок на границе скалы и мягкого грунта — место очень трудно поддавалось обмеру.

Попов было около 40 человек, люди это были не молодые, их свели в одну бригаду и дали им небольшие нормы.

Попы работали хорошо. Потом стали давать такие сводки о работе, что пришлось ехать проверять. Проверили, оказалось, что попы натуфтили. У них сняли старого бригадира и поставили нового из их же среды, по фамилии кажется Крестовоздвиженского.

Отнеслись ко всему этому спокойно.

На трассе холодало, у людей было мирное настроение, все казалось в порядке, и отдельные случаи прорывов рассказывались как анекдот. По радио в Москву шли спокойные сводки. На вопросы Москвы отвечали подчас не без уверенного благодушия. Но в Москве не склонны были к спокойствию и к благодушию.

ВТОРАЯ ОСЕНЬ НА БЕЛОМОРСТРОЕ

Осень мало изменяет вид Медвежьей горы: так же стоят сосны, так же желтеет песок, так же сине Онежское озеро, так же дует северный ветер, и угрюмо на склонах гор вдали сереет камень.

На клумбы, на землю перед двухэтажным зданием штаба строительства неожиданно лег первый снег.

Все заговорили о бетоне и о зиме.

По снегу, оставляя темные следы, идут от клуба два человека.

Один из них — в маленькой, серой, суконной панамке — археолог Анциферов, рядом с ним высокий востоковед, который здесь сделался гидротехником.

Анциферов работает в качестве геолога и кроме того заведует музеем.

Ученики соседней семилетки ходят часто в музей и любовно величают Анциферова «дядя-коллектор».

Музей работает днем и ночью; ночью здесь объясняют на схемах и моделях сущность сооружений для того, чтобы утром приезжие могли связать систему котлованов, насыпей и ряжей и увидеть, как из них срастается водный путь.

Без схем, моделей, чертежей строительство непонятно.

Анциферов идет отдыхать.

«Еще в доисторические времена, — говорит геолог, — стойбища человека располагались по будущей трассе канала.

Наш канал прощупывается в веках.

Второй слева тов. И. В. Запорожец, зам. ПП ОГПУ в ЛВО, участвовавший в строительстве канала и оказавший ему большую помощь

Иольдиевое море — море опресненное — соединяло когда-то Белое и Балтийское моря.

В разные геологические эпохи разное было и расположение морей. Например высыхающий Маныч — это след притока, соединявшего Каспийское и Черное моря.

Человечество давно уже умеет комбинировать породы животных и растений и выводить новые биологические расы.

Мы занимаемся сейчас селекцией биологических периодов. Выбираем то, что нам нужно, и создаем такую комбинацию геологических величин, какая никогда не существовала в природе.

Когда-то определяли географию как науку о ландшафте.

В результате новой науки — планирования — изменилось понятие о географии, изменился попутно и ландшафт. Изменяется природа. Восстановлен древний проток. Как говорят в лагере, «выучили природу».

Только вот весной придет рыба метать икру. Она будет искать хода в реки, стремиться к старым порогам.

Это неправда, будто бы рыба ищет где глубже, — рыба весной ищет родину. Мы изменили природу. Что делать с рыбой?»

— Для рыбы, — ответил рыбовед, — мне сейчас поручили проектировать специальные рыбоходы.

У нас высокое качество отношения к природе. Только жалко леса. Вокруг Шавани совершенно испортили пейзаж.

— А хорошо в лесу!

В лесу оживленно, к лесу относятся не как к пейзажу. В лесу поют:

Лесорубы, отточите топоры,
Поднажмите до весенней до поры.
А когда придет весенняя пора,
Реки сбросят покрывало изо льда,
Солнце будет горячее с каждым днем,
Лесосплав по-большевистски проведем.

Кроме песен и стука топоров в лесу есть канцелярия, и в канцелярию ходят на службу.

В лесу получают бумаги и требования. Требования все повышаются.

Сейчас прислали бумагу:

«Заготовьте лес для ворот. Дерево должно быть мелкослойным, без видимых и невидимых сучков и малотрещиноватое. Отдельно заготовьте мелкослойный просушенный лес для деталей ворот».

На службу в кацелярию Управления идет бывший лицеист.

Он хорошо работает, но, идя на работу, надел перчатки и взял тросточку, чтобы выразить этим свое отношение к советской власти. Измениться ему очень трудно, потому что настоящее для него не имеет цены.

Он подает сейчас кучу требований седому, пожилому человеку.

Это бывший лесопромышленник. Его отец и дед работали в Карелии. Он хорошо знает, что такое мелкослойная сосна.

Сюда он прислан на десять лет. Сейчас ему сбавили срок и говорят, что он получит освобождение.

Беломорстрой — страна деревянная. Лесопромышленник — это не только торговец, но и специалист по лесу; он сообразил, что не нужно возить срубленный лес к воде, потому что вода сама придет.

Ведь они работают в зоне затопления.

Проще выкладывать лес по горизонту с тем, чтобы вода, подходя, подавала древесину по плану.

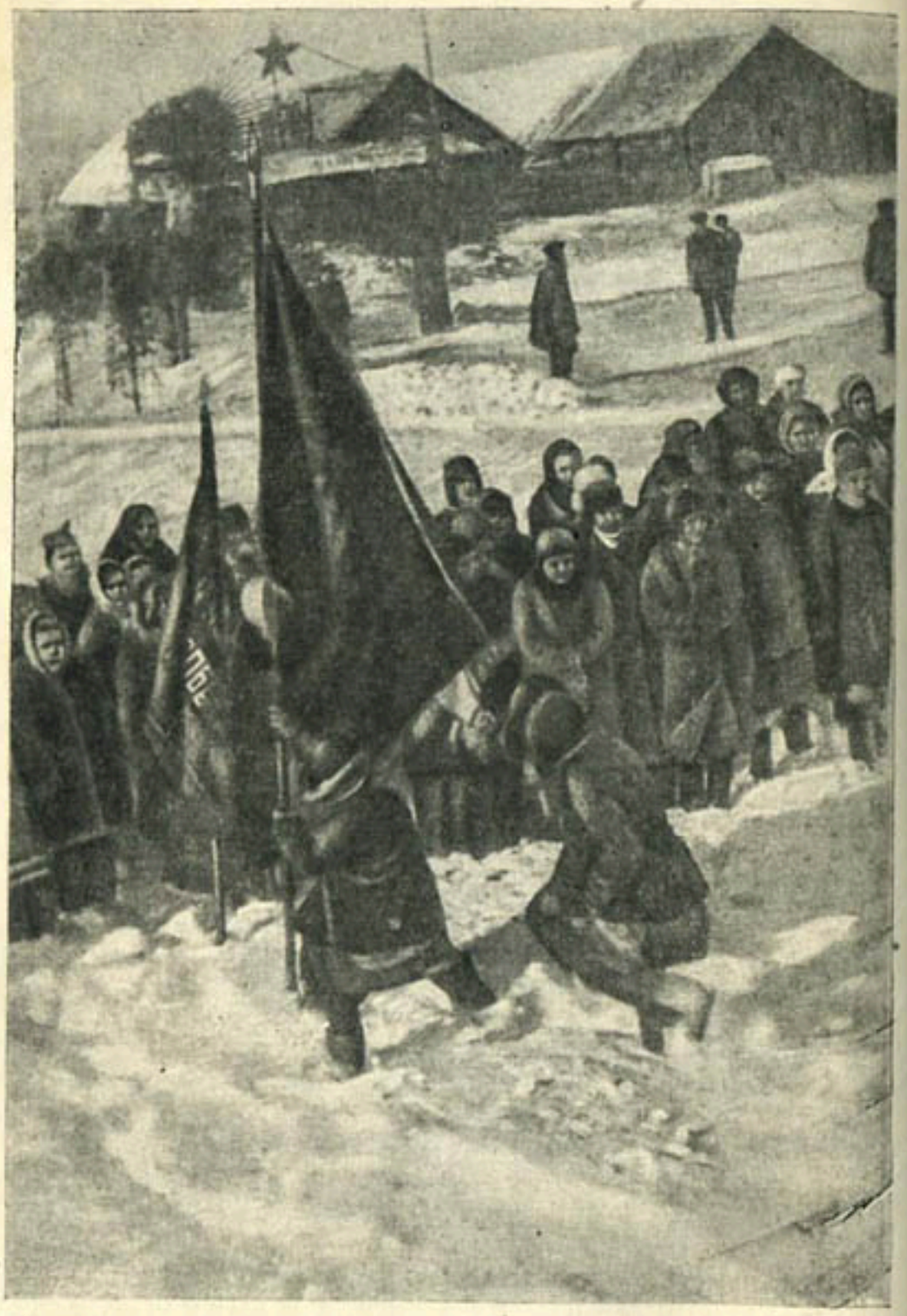
Лицеист сидит перед лесопромышленником днями. Он не может не разговаривать, хотя лесопромышленник и еврей.

— Макс Соломонович, — говорит лицеист, — я понимаю, что вы хотите свободы и поэтому работаете хорошо. Я тоже хорошо работаю, но почему вы работаете заинтересованно? Ведь не может же быть...

— Нет. Я не заинтересован в строительстве социализма и в победе его во всем мире. Этого не может быть, чтобы я был в этом заинтересован. Но на свой счет я никогда не соединил бы Белого моря с Балтийским. Такого масштаба работы, таких возможностей, такого качества работы я никогда бы не имел.

ГЛАВА 9

ДОБИТЬ КЛАССОВОГО ВРАГА

Знамя штаба соревнования завоевано женской бригадой

Глава девятая

ДОБИТЬ КЛАССОВОГО ВРАГА

ТЕЛЕГРАММА

МЕДГОРА. ЗАМНАЧ БЕЛОМОРСТРОЯ РАПОПОРТУ

Хотя декабрьские нормы человеко-дня много ниже ноябрьских, они все-таки не выполняются. Объемные выполнения плана выполняются хуже, чем в ноябре. Данные ежедневно сигнализируют об опасности выполнения декабрьского плана значительно хуже ноябрьского. Вашей главной обязанностью является восстановление в лагере труддисциплины, приведя ее в состояние, равное июльскому. Решительно прекратить бездельное шатание тысяч людей, до полного восстановления порядка в лагере. Под личную ответственность привести в ясность оставшиеся работы и на основе этого составлять календарный план их исполнения. Данные должны быть в Москве 1 января— № 21885.

ЯГОДА

ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА ЖИЗНИ

Через две недели после этой телеграммы, в декабрьский снежный день, ленинградский поезд высадил в Медвежьей горе новую группу пассажиров. Человек в серой армейской шинели первый сошел на перрон. Из-под бровей, удивленно приподнятых от природы, спокойными, ничему не удивляющимися глазами он оглядел редкую станционную толпу, станционный дом, декоративные сосны на втором плане, царапающие верхушками низкое зимнее небо. Толстые хлопья снега, мгновенно осевшие

на ресницах, мешали смотреть. Он смахнул их рукой, как многие, высаживавшиеся здесь до него, смахивали слезы.

Кто такой этот человек? Какие судьбы привели его на Беломорстрой?

Человек, о котором идет речь, родился 33 года назад на Виленщине, в семье крестьянствующего еврея-неудачника из деревни Тургели. О таких говорит еврейская пословица: возьмись они торговать шляпами, люди с этого дня станут рождаться без голов; задумай они продавать сапоги, люди станут рождаться без ног и т. д., на все варианты. Литовские крестьяне не носят шляп и ходят босиком, и деревенский литовский еврей не знает неактуальных пословиц. О том, что бывают евреи-неудачники, ему известно только по наслышке.

Отец — в юности рослый детина с неугомонной кровью хасида — славился на всю окрестность своими буйством и силой. Его богатырскому сложению завидовали втихомолку хилые еврейские юноши из соседних местечек. Они перестали ему завидовать лишь тогда, когда прошел призыв и все они остались дома, а его без осмотра, одобрительно хлопнув по плечу, приемочная комиссия угнала в солдаты. Благодаря своему саженному росту тургельский еврей был с места определен в гренадеры. Царская казарма быстро вышибла из него необузданное буйство юности. Непокорного «жида» били смертным боем, выколачивали из него крутой нрав розгами, смоченными в соленой воде.

Отслужив свой срок и раз навсегда потеряв всякий вкус к отечеству, демобилизованный гренадер надумал было рвануться в далекую манящую Америку, обетованную землю всех неудачников. Но шифскарта стоила денег, а денег не было. Раньше чем удалось скопить их, посыпались дети. Год от года в избе становилось теснее.

Отец, перепробовав все профессии, на старости взялся торговать скотом. От пятницы до пятницы он рыскал по деревням, уговаривал упрямых, несловоохотливых мужиков, набавлял по гривеннику, уходил, возвращался, божился, чтобы обмануть за полтинник, клялся жизнью жены и детей, призывая на их голову самые замысловатые несчастья. Если бы в мире существовала справедливость, бедные жена и дети должны были бы по крайней мере раз в день умирать в страшных мучениях. Но если бы в мире существовала справедливость, жена и дети нищего еврея из Тургелей имели бы каждый день обед и ужин. Справедливости в мире не было. Барыша, заработанного хрипом, божбой, заковыристыми клятвами, ударами «по рукам», от которых пухла ладонь, нехватало на хлеб и селедку. Тогда отец занялся делом, совсем уже не подходящим для бедного еврея: он стал пить.

Он пил сначала по деревенским ярмаркам, «вспрыскивая» с крестьянами доведенную до конца сделку. За кривым трактирным столом, покрытым скользкой клеенкой, они пропивали вместе — обсчитанный крестьянин и еврей-покупатель — один выручку за последнюю корову, другой — свои трудные грошовые барыши. Хмельной еврей становился задиристым и свирепым. Он возвращался домой, пропахший навозом и водкой, с бородой набекрень, с глазами, налитыми кровью. Жена шарахалась от него в угол, и дети загораживали ее гурьбой, с жадной ненавистью следя за каждым движением папаши. Он редко валился спать, не перебив последних щербатых горшков, не избив до полусмерти жены, не искалечив пытающихся заступиться за нее детей.

Однажды — было это осенью — после очередного избиения у матери горлом кинулась кровь. Старшая шестнадцатилетняя дочь Надя отравилась в эту ночь стрихнином, припасенным для крыс, и умерла в конвульсиях. Когда семья собралась отсиживать по покойнице «шиве», оказалось, что нехватает четырнадцатилетнего сына. Соседи видели, как мальчик в одном картузе выбежал на улицу. Домой он больше не вернулся.

... По железной дороге ходят поезда. В поездах на скамейках ездят пассажиры. У вагонов есть еще ступеньки и буфера.

Беспризорничал в Витебске. Чужой городок, без родных и знакомых показался пустым и враждебным. Бродил по городу без гроша в кармане, без угла, с непристойным аппетитом, готовым удовлетвориться хорошей буханкой хлеба, но сейчас же, не откладывая. Попадалась случайная работа по найму. 1916 год — постоянная работа на фабрике Даненберга и первое участие в рабочем движении. К концу года — призыв.

Война, проходившая до сих пор мимо колоннами марширующих солдат, костылями человеческих обрубков, оравами беженцев, приторным запахом иодоформа, в один день изменила маршрут и стеной выросла поперек дороги. Во дворе воинского начальника выстроенные в ряд призывники ждут вызова. Через открытое окно видна очередь голых парней. Шустрый фельдфебель с ловкостью заправского столяра отводит каждого к стене и измеряет рост.

«Снимают мерку для гроба!»

Нет, шутишь!

Пока не дошла очередь — тихонько со двора воинского начальника в ворота, потом в переулок, потом в другой, бе-е-гом!

На фабрику к Даненбергу не вернулся: дезертир. Да и в Витебске оставаться не особенно безопасно.

Можно жить и не всплывая на поверхность. Внутри громадной государственной машины, как нелегальные пассажиры в трюме гигантского парохода, — люди, десятки, сотни, тысячи

людей, раз навсегда поссорившись с законом. Общество в обществе. Дезертиры, уголовники, жулье. Дорога к нормальному заработку закрыта. Желудок работает не переставая. У воров — организация, коллектив, круговая порука. Тем легко. В одиночку не проживешь.

Так рос, так жил человек. У человека не было имени. Старое потеряно вместе с воинскими бумагами. Новое не закреплено еще нигде.

Человек, о котором идет речь, мог называться сегодня Абрам Роттенберг, мог называться Ковалев, мог называться Волков. Но у человека была воля, была неукротимая жажда лучшего, большого, не похожего на пережитое. И был еще 1917 год, поднявший из низин сотни и тысячи безымянных.

Когда в 1932 году человек, о котором идет речь, прибыл на Беломорстрой, чекисты, ожидавшие его на вокзале, подняли руки к козырькам: это был помнач ГУЛАГа ОГПУ — чекист Семен Фирин.

В мутном приливе Февральской революции он не сразу нашел свой фарватер. При вести о революции, купив на последние деньги билет, он примчался в Питер. Столица звенела музыкой в честь «великой, бескровной». Свобода ударила в юношескую голову, как непривычное вино, невзирая на сомнительную марку. Первого марта восемнадцатилетний дезертир вынырнул на декретированной новым правительством добровольной явке дезертиров.

Отправили в полк. Служба в «демократической» армчи пришлась не по нутру. Через месяц дезертировал в Москву. Явился в совет солдатских депутатов. Первая политическая закалка: агитатор-пропагандист по выборам в городскую думу. Затем — лагерь на Ходынке, оттуда — на фронт, третья особая дивизия. Месяц спустя был уже членом полкового комитета. В октябрьские дни делегирован на дивизионный съезд, затем на съезд 2-го Сибирского корпуса XII армии. Переизбирали корпусный комитет. Старый — весь из эсеров. Невдалеке от станции Лигат, на полуразрушенной фабрике, сизой от табачного дыма, двое суток подряд шел съезд. Делегаты приехали с твердой программой: скорее по домам. Голосовали за «большаков». Председатель нового комитета — Фирин и латыш, стрелок Мартин Скудри — два политграмотея. Поехали в Рамоцкое принимать дела от старого комитета. Не сдают. Отобрали силой: круглая печать — и все как полагается.

В первый же день — делегацией втроем к командиру корпуса генералу Махрову. «Без доклада не входить». Вошли. Генерал, ясно, махровый, смотрит волком, видно, как голого, только ради приличия прикрылся улыбочкой: «Будьте любезны, присядьте». — «Благодарствуем, сидели, хватит. Ознакомьте нас с положением на фронте». — «Пожалуйста». Штабной

офицерик в аксельбантах читает доклад: одни иностранные слова да технические военные термины — не понять ни бельмеса. Офицеры любезно улыбаются: «Какие будут у товарищей вопросы?» Фирин: «Сколько у вас тут легковых машин?» — «Позвольте, я не вижу, какое это имеет отношение...» — «Отношение имеет такое, что все легковые машины отошлете в распоряжение комитета. Понятно? А в этих делах разберемся попозже».

Разобрались. Но сначала приходилось туго. Офицеры, как один, в сговоре. Корпус заражен эсеровщиной. Спаивают целые части, уговаривают открыть фронт. Помаленьку все же прибрали к рукам. Пришлось учиться с азов. Учились разбираться в карте, пользоваться шифром, читать телеграфную ленту. Выучились, сами того не зная, совсем другому, самому трудному — быть большевиками.

Но военные знания пригодились. На Литве, в море белогвардейщины, ходят подводными лодками крестьянские партизанские отряды. Зимой восемнадцатого года попал в родные края. Сколотил отряд человек двести: литовские батраки, виленские комсомольцы, рабочие, горсть немецких солдат-спартаковцев, два пулемета, ящик гранат, тридцать винтовок. Постыдные мальчишеские двадцать лет прикрыл окладистой черной бородой.

Длинные переходы в дождь и в стужу по непроходимым литовским лесам. Отогревались у подожженных барских усадеб. Усадьбы, невзирая на слякоть, горели с треском, на зависть уцелевшим соседям. На дверях костелов усатые войты расклеивали печатное извещение: «... считать объявленным вне закона...» Извещение к весне пожелтело и выцвело.

Борьба шла молчаливая, деловая, без орудийного шума, без окопной трескотни, каждый патрон — валюта. Посылали пулю, будто вколачивали гвоздь, — без промаха. Со всех сторон — кольцо: полк «белого волка» из местных помещиков, вооруженных до зубов, немецкие солдаты из разложившейся X армии — кондотьеры. Пощады не давали, но и не просили. Владека Войцеховского, виленского рабочего, партизана, попавшего в лапы «белому волку», по предложению пагирского ксендза сожгли живьем, привязав к дереву, как Тараса Бульбу.

К концу апреля небольшая горсть партизан — остатки славного отряда — влилась в первую красную литовскую бригаду. Комиссаром бригады — Фирин. Командир бригады, генерал Архипов на третий день удрал к белым. Справа, слева, спереди — регулярные польские, бело-латышские, литовские части. Отступление.

В двадцатом году — снова на тылах противника. На этот раз с повстанческим отрядом в тылу польской армии. Потом —

опять Литва, заочный смертный приговор, захват и расстрел товарищей. Спасла случайность: несколькими днями раньше выбыл из отряда, заболев сыпняком.

У германской границы из солдат перебежчиков-спартаковцев организована немецкая спартаковская бригада. Комиссар бригады — Фирин.

Была еще одна вылазка в тыл противника, стычки с полицией, новые заочные приговоры.

Были еще... да мало ли что еще было!

Потом — внезапная перемена декорации: кривые улочки греческого Пирея, турецкая Галата, портовые кабаки болгарского Бургаса. Хаос и распад белогвардейщины после разгрома Врангеля и крымской эвакуации. Планы новых интервенций и десантов, пока с установкой на ближайшее завтра. Это — в высоких кругах: в квартирах генералов и героев контрразведки, в виллах дельцов белогвардейского тыла. В армии — разброд и голод. Солдаты и казаки — эмигрантская голь — угрюмо топтались на перепутьи. Куда? В китайские полки? В греческую армию? В африканские легионы? Пушечным мясом за солдатские харчи? На каторжный труд в филиппопольские рудники? Дробить камни на македонских шоссе? Попрошайничать христа ради на набережных Константинополя? Или может быть как-нибудь — ни со щитом ни на щите, а просто, попросив милости у своих же крестьян, вернуться в родные села и станицы?

Так возникали стихийно союзы возвращения на родину.

Литовско-польского партизана, комиссара красной немецкой бригады Семена Фирина можно было встретить в это время везде, где скапливалась растерянная, бесхозяйственная эмигрантская голь. Он разъяснял, агитировал, организовал деморализованные резервы врага против собственных вожаков, вовлекших их в безнадежную авантюру. Говорят, что встретить его можно было и еще кое-где, где вероятно меньше всего догадывались о его присутствии: в ставке самого генерала Врангеля под Белградом, в сердце белогвардейщины, на острове Галлиполи, приютившем на своих выжженных песках белые палатки добровольческого корпуса генерала Кутепова.

О незваном эмигранте гудело во все колокола черносотенное «Новое время», натравливая на его следы охранки пяти государств. Охранки, рыща по следу, перетряхивали переулки Афин, Салоник, Белграда, Загреба, Рущука, Варны, Софии, Константинополя. А тем временем движение солдатских белоэмигрантских масс за возвращение на советскую родину росло день ото дня, охватывая мало-помалу круги белого офицерства. И когда однажды грохнуло известие об отплытии в Российскую социалистическую федеративную советскую республику группы

белых генералов, едущих просить прощения у рабочего класса, по ставкам и контрразведкам обезглавленной интервенции метнулся переполох.

29 октября 1922 года в Софии вышел первый номер эмигрантской газеты «Новая Россия». Эта газета была особенно замечательна многочисленными письмами трудовых казаков, обманутых генералами и на далекой чужбине пересматривавших свой старый путь. Наряду с известными казачьими офицерами Агеевым и Булацелем в ней сотрудничал и С. Г. Фирин. Газета с первого же номера открыла огонь по белогвардейщине. В редакцию потянулись вереницей солдаты, казаки и офицеры, сочувствующие и враги, посыпались угрожающие записки и предупреждения. Внимательный посетитель, обшарив глазами редакционный стол, мог заметить на нем небрежно прикрытую гранками рукоятку маузера.

Это была не совсем обычная газета. Уже в третьем ее номере на первой полосе вы найдете некролог одного из редакторов, молодого казачьего полковника Агеева, убитого за редакционным столом после короткой перестрелки группой ворвавшихся белогвардейцев в черкесках, возглавляемой статным офицером. Незваные гости, смертельно ранив Агеева, исчезли из редакции так же быстро, как в ней появились. И все же недостаточно быстро, чтобы нельзя было разглядеть лица меткого стрелка.

Это был сам генерал Покровский, по всему Кавказу расставивший виселицы. Талантливый авантюрист, соперник Врангеля, он готовил как раз десант на советское Черноморское побережье, и деятельность новой газеты, вырывавшей из его рядов в столь ответственную минуту целые сотни бойцов, ввела его в законное раздражение. Совершив свой удачный налет, генерал Покровский предусмотрительно покинул город, решив на время оставить Болгарию. Предусмотрительность его была излишней: у казаков с добровольцами счеты были короткие. Три дня спустя в Македонских горах, в местечке Кюстендиль, на границе Юго-славии, он был убит тремя выстрелами из револьвера, не успев осуществить ни одного из своих многообещающих планов.

Убийство одного из редакторов не помешало ни дальнейшему развитию газеты ни росту ее популярности. Популярности опять-таки особой, выражавшейся в стремительном уменьшении количества подписчиков и читателей. Читатели и подписчики массами реэмигрировали на советскую родину. Тысячи белых солдат и казаков грузились на пароходы в балканских портах. Пароходы увозили их к берегам Одессы и Новороссийска. Это был форменный массовый десант, хотя и не такой, каким представлял себе его безвременно почивший генерал Покровский.

Стареющие генералы без армии и придворные камергеры остались в «блестящем одиночестве».

В день отплытия последней крупной партии возвращенцев Семен Фирин исчез с балканского горизонта, «отбыв» по донесению болгарской охранки «в неведомом направлении».

... Молодой восточный революционер, прибывший на излечение в Москву после долгих лет каторги, уверяет, что весной 1929 года встретился с Фириным в одной из восточных тюрем. Случилось это во время прогулки по отгороженному колючей проволокой миниатюрному квадрату тюремного двора. Был ли это действительно Фирин — трудно установить. Заключенные в тюрьме лишены были возможности не только сообщаться, но даже перебросится словом во время десятиминутной прогулки. За обнаруженный в камере карандаш или клочок бумаги полагались кандалы и черный карцер. Высокая стена и два ряда колючей проволоки отгораживали тюрьму от внешнего мира. Камеры политических заключенных находились по соседству с выгребной ямой. От нестерпимой вони люди задыхались и сходили с ума. Ежедневная еда — непросеянное просо, застревая в горле вызывала рвоту. Илистая кирпичная речная вода, не утоляя жажды, вызывала желудочное расстройство. При выходе на допросы и возвращении в камеру заключенные избивались стражниками.

По заверениям упомянутого восточного революционера, камера № 12, где помещался Фирин, находилась в коридоре смертников. Смертные казни происходили тут же во дворе тюрьмы: на покосившейся плахе палач по-кустарному отрубал головы приговоренным. Никто из заключенных коридора смертников не знал заранее своей очереди и мог ожидать казни каждое утро. Для заключенных восточных революционеров смертник из 12-й камеры служил примером большевистской выдержки и стойкости. Многодневная голодовка, объявленная им в ответ на побои, стала для товарищей по камерам уроком революционного действия.

Каким образом смертник из 12-й камеры выбрался из тюрьмы — в точности неизвестно. Случилось это поздней зимой. Факт, что зимой 1930 года Фирина можно было уже видеть в Москве, в зеленоватом доме с часами на площади Дзержинского. На красной петлице — эмалированные ромбы. На дверях стеклянная дощечка:

«Особый отдел» ОГПУ.

Большой письменный стол, кожаные клубные кресла, на столе — набор телефонных трубок.

— Мы бросаем сейчас в лагеря группу чекистов не только для того, чтобы поднять производственное использование лагерей, строительные возможности, скрытые в правильном применении рабочей силы заключенных, но прежде всего для того, чтобы как следует наладить воспитательную работу по переплавке правонарушителей в полноценных советских граждан. Запомните, что неисправимых преступников нет. Если в том или ином лагере наталкиваемся на упрямое нежелание целых групп заключенных пойти по пути советской перековки, то виноваты в этом не только лагерники, но прежде всего руководящие лагерем чекисты.

Это говорит Ягода в своем кабинете в июне 1932 года помощнику начальника ГУЛАГа Семену Фирину, отправляющемуся в этот день вместе с группой чекистов на Беломорстрой.

— Но учтите, товарищ Ягода, — для руководства лагерями, которые партия предложила нам превратить в крупные строительные коллективы, необходим определенный минимум технических знаний. Я никогда до сих пор не занимался строительным делом, и пополнение моих знаний в этой области потребует времени.

— Не повторяйте ошибок многих наших чекистов, которые, будучи поставлены во главе того или другого строительства, считают, что они обязаны заменить инженерное руководство. Ваше дело — не технически руководить стройкой, а уметь организовать все силы, необходимые для успешного строительства; не подменять собой инженеров, а уметь их направить и создать такие условия, чтобы наличные инженерские кадры обеспечили стройке максимально умелое и смелое техническое руководство. Не доверяйте никому. Научитесь проверять правильность той или иной технической системы конкретной практикой. Вот все, что от вас требуется. Канал строится по инициативе тов. Сталина — об этом должен все время помнить каждый чекист. Мы выполняем задание партии...

ПЕРВЫЕ ШАГИ ФИРИНА

К концу декабря по трассе пошел слух о прибытии новой группы работников ГУЛАГа. Фамилий прибывших никто толком не знал. Инженеры называли их между собой «племенем гулагов». По сведениям одних племя гулагов прибыло, чтобы освежить и укрепить руководство лагерем. Другие утверждали наверняка, что по инициативе самого Ягоды предпринимается ревизия всей проделанной работы и что приехавших нужно рассматривать не иначе как ревизионную комиссию из центра.

В бараках среди тридцатипятников многие сходились на одном: новые «лягавые» приехали подтягивать строительство.

Однако прошла декада, прошел месяц, а перемен как будто не предвиделось.

Люди 165-го канала попрежнему спокойно сидели на скальных работах и не особенно думали о том, что весенние воды смоют их со всеми их сооружениями. Они забыли кубатуру выемки.

Конечно, кому любопытно ломать скалу. Да к тому же и нет боевых кубатурщиков. Что вы пристали к нам? 165-й канал — деталь.

— Ага, деталь, — говорят те лица, которых мы называем обычно руководящим персоналом; но не оглянитесь ли вы, не посмотрите ли, что делается всюду? Например:

«Счет. Получите.

Лодыри первого отделения расхитили и, не желая выполнять нормы, недодали производству 360 рабочих дней.

24 декабря труддезертиры и лодыри недодали по 4-му отделению 77 рабочих дней, по 6-му отделению 23 декабря — 104 рабочих дня. А всего по этим трем отделениям только за один день лодыри недодали производству 541 рабочий день».

541 рабочий день! Как же об этом можно молчать и как об этом не задумываться! Посмотрите пристально, подойдем плотнее к тем, кто недодает строительству рабочие дни, кто, обещая работать, обманывает нас.

«Члены трудколлектива 1-го лагпункта 4-го отделения «Путь к социализму» Кулаженко и Дуров всеми способами отлынивают от работы и на производстве ничего не делают. Когда трудколлектив поднял вопрос о том, что надо этих лодырей выгнать из рядов ударников, то за них вступился предтрудколлектива Лемехин: «С этими ребятами придется встретиться на воле».

На воле? А по каким делам ты желаешь с ними встретиться на воле, Лемехин? Уж вряд ли по делам рабочего класса!

А вот еще один:

«Бригада Громова 3-го лагпункта 1-го отделения никогда не приходит на производство в полном составе. Когда бригада идет через вахту, то 7 или 8 человек из нее возвращаются в барак и больше оттуда не выходят. Бригадир молчит».

Нетрудно понять, что и бригадир Громов думает о своих парнях так же, как и Лемехин. Выходит, что бригадиры уже больше верят «воле» и своим привычкам там, «на воле», чем строительству канала. И таких бригадиров немало, потому что:

«За первую пятидневку третьей декады декабря лодыри, труддезертиры, прогульщики и другие враги стройки расхитили у производства 2 456 полноценных рабочих дней».

2 456 дней!

По всему строительству газеты сообщают: «У центральной кухни 2-го лагпункта всегда огромные очереди. При раздаче

Тов. Фирин — помнач ГУЛАГа и начальник лагеря Беломорстроя

пищи, как правило, шум, ругань, скандалы и даже драка. Сильно развито воровство, вырывание из рук карточек, посуды с пищей. Надзора за кухней нет.

Кухня № 2 находится в летнем помещении, сколоченном наспех из досок. Стены имеют огромные щели, сквозь которые дует ветер. На кухне холод, при варке пищи пар застилает помещение густой пеленой. Хлеборезка тоже в «дачном» помещении, хлеб в ней замерзает.

На лагпункте имеются термосы, однако термосами не пользуются, и пища доставляется на производство в холодном виде.

Бригады свои портянки и валенки сушат в палатках над печками, отчего в бараках появляется зловоние. Сушилки хотя и есть, но никто ими не пользуется, потому что бывали случаи краж из сушилок.

Заголовок стенгазеты висит, но остальной текст кто-то спер».

В первые дни появления помнача ГУЛАГа на трассе за каждым его шагом, за каждым словом и улыбкой наблюдали с напряженным ожиданием. Он ходил, рассматривал, спрашивал, беседовал с заключенными, заглядывал в бараки, в амбулатории, на кухню, в уборные, в изолятор. По выражению его лица трудно было определить, нравится ли ему здесь или не нравится. Даже в плохо утепленных женских и нацменов-

ских бараках, санитарное состояние которых было ниже всякой критики — это понимали сами начальники лагпунктов, — он не выразил никакого неудовольствия.

Раз только, зайдя в амбулаторию и натолкнувшись на мимический разговор лекпома с пациентом-узбеком, напрасно пытавшимся выразить свой недуг красноречивыми жестами, Фирин поинтересовался:

— Вы понимаете, что у него болит?

Лекпом из попов, с видом строго научным, вместо указательного пальца поднял термометр:

— Народ они несознательный и объясниться на понятном языке не умеют. Однако же догадываемся. При некоем опыте, ежели у лекаря глаз наметан, определяем по внешней комплекции.

Фирин ходил один, ходил с Френкелем. У Френкеля было чему поучиться. Он хорошо умел разрешать возникшие между каналоармейцами ссоры, когда один обвинял другого в присвоении им чужой нормы, а десятник мялся и глядел в сторону. Начальник работ отлично изучил уловки филонов и с одного взгляда открывал объемистый пень, заложенный в середину штабеля камней, дабы увеличить кубатуру вынутой породы. Участок за участком исследовал Фирин, вникая в мелочи будней строительства.

Шли дни, а ожидаемого удара кулаком по столу попрежнему не было сделано. Где-то по участкам какие-то комиссии уже производили обмер недоделанных работ. Инженеры нервничали. Кое-кто из них, встречая помнача ГУЛАГа на трассе, решался первым перевести разговор на общее тяжелое положение строительства.

Фирин внимательно слушал, иногда переспрашивал, но сам не говорил ничего. Инженер так и уходил ни с чем, не в состоянии ответить на основной вопрос: отдает себе Фирин отчет в положении или не отдает.

Поговаривали с косой улыбкой, что помнач ГУЛАГа гораздо более разговорчив с уголовной шпаной, особливо с бабьем. За свое краткое пребывание успел излазить все женские бараки и ни одной бабе на трассе не дает проходу, чтобы не поинтересоваться, как ей живется в лагере.

В бараках, в прачечных, в кухнях он действительно подолгу и подробно расспрашивал лагерниц об их прошлом, о том, что их привело в лагеря.

Ответы были удивительно однообразны.

«Родители мои умерли от дымного угара, когда мне было три года», рассказывает Подгорская.

«Отец помер, оставив нас троих, старшему десять лет», сообщает Юрцева.

«Семи лет осталась без отца на руках у матери», говорит Каледина.

«Отца своего я не помню, росла в сиротстве» (Мельникова).

«Отец умер. С малых лет пришлось работать по найму» (Шевченко).

Это они, сироты и полусироты, работали по найму, жили у чужих людей, батрачили, няньчили чужих детей, чужое поле, чужой огород. Они теряли вкус к труду, не видя от него ни радости ни пользы.

Чужой ребенок рос и креп у них на руках. Чужая туго спеленутая капуста выхаживалась их стараниями. Сытый огонь ворчал в печи. Но хозяйская печь для батрака, что северное солнце: светит, да не греет.

Выйдя из этого холодного детства, надолго озябшие, такие сироты разбредались по жизни, плутали, оступались, падали. Мы встречаем их в угрозысках, в домах малолетних преступников, в исправительных колониях, на принудительных работах.

Помнач ГУЛАГа отыскивал бараки, где жило много нацменов, и вел странные разговоры:

— Здорово!

— Здорово!

— Ты из Ферганы?

— Из Ферганы.

— Я вижу. Я был в ваших местах. Как ты работаешь?

— Работаем, начальник.

— Хорошо работаешь?

— Хорошо работаем, начальник.

— Нет, ты плохо работаешь.

— Плохо работаем, начальник.

— А ты откуда?

— По-русски не понимаем.

В бараках у нацменов было грязно и темно. На нарах сидели узбеки, башкиры, таджики, якуты, самые отсталые люди на стройке, заклейменные в «Перековке» как лодыри.

Часто видели чекистов в шестом отделении у ПТЧ Кирсанова.

Однажды Фирин попросил вызвать к себе Кирсанова.

— По имеющимся у нас вашим сводкам, — сказал он, перелистывая пачку бумаг, следует как будто, что работы в вашем отделении в основном закончены. Я осмотрел трассу. Вы думаете, что по ней действительно можно пустить воду?

— Я сообщил, как вы изволили отметить, что работы закончены лишь в основном, — сказал Кирсанов. — Каждому понятно, что, прежде чем пускать воду, нужно еще провести ряд дополнительных работ.

— На основании вашего заявления и с вашего согласия зна-

чительная часть квалифицированной рабочей силы была отозвана с вашего отделения как ненужная и переброшена на канал Москва — Волга. Вы отослали отсюда лучшие палатки и инструмент. Какими же силами вы думаете теперь закончить эти дополнительные работы?

— Разрешите мне распоряжаться рабочей силой на моем участке. Работы будут закончены к сроку. Я за это отвечаю.

— Вы, гражданин Кирсанов, если не ошибаюсь, за хорошие показатели были досрочно освобождены к ноябрьским торжествам. Кажется так?

— Так точно, — чуть-чуть бледнея, подтвердил Кирсанов.

Фирин больше разговора не поддерживал и, откозыряв, уехал на другой участок.

Присутствовавший при этом разговоре прораб рассказывал вечером инженерам, что хотя Фирин не сказал ничего определенного и держал себя крайне вежливо, но, судя по всему тону, ясно, что он пронюхал про туфту. Его вопрос относительно досрочного освобождения Кирсанова следует понимать не иначе как прозрачный намек на возможность пересмотра льгот, полученных инженерами к ноябрьской годовщине. Ходят слухи, будто уже отдано распоряжение об инструментальном обмере всех недоделанных работ.

Тут заволновались все. В конце концов, чорт с ним, с Кирсановым. Кирсанова не любил никто за его грубость, за самоуверенность, за самодурство в работе, за подчеркнутое игнорирование мнения может быть младших, но не менее опытных коллег. Человек он был неуживчивый, с диктаторскими замашками, с болезненным самолюбием, третировавший подвластных инженеров, как пешки, поставленных, чтобы выполнять беспрекословно его распоряжения. Подчиненные за спиной называли его «инженер — ручки в брючки». Никто в глубине души не имел бы ничего против, чтобы руководство стукнуло по Кирсанову и сбило с него неуместную спесь. Но удар по Кирсанову предвещал удар по туфте вообще, и инженеры имели все основания забеспокоиться.

ЧТО ТАКОЕ ТУФТА

Очковтирательство, получившее на Беломорстрое позорное название «туфты», не было отнюдь явлением специфически беломорстроевским. Не рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что туфта так же стара, как само инженерство. Она является такой же неотъемлемой чертой буржуазного инженера, как неотъемлемой чертой буржуазного административного аппарата является «блат», в древние, досоциалистические времена благородно именуемый «протекцией». Но на Беломорстрое в руках классового врага туфта из простого производственного обмана превратилась в опаснейшее оружие контрреволюции.

Успехи строительства мобилизовали остатки классово-враждебных элементов на последнее отчаянное сопротивление. Поднять массу лагерников против строительства элементы эти не сумели. Их обезоружила исправительно-трудовая политика ОГПУ. Они попытались отыграться на туфте.

Туфта выгодна всякому: и рабочему, который, не выполнив нормы, получает все привилегии ударника, и проверяющему его десятнику, и проверяющему их обоих прорабу. На туфту смотрят сквозь пальцы привыкшие к ней с древних времен старые инженерские кадры. Не вызывая немедленного отпора, туфта становилась контрударом, ответом классового врага на лозунг борьбы «За советское качество строительства».

Расчет был правилен. Руководящий инженерно-технический персонал, столкнувшись с проявлениями туфты, легко примирился с ней как с явлением повсеместным, находя для нее множество объективных оправданий.

«Туфта происходила из-за борьбы за штабное знамя, — говорит инженер Вяземский. — Отделение хотело показать хорошую выработку, чтобы получить знамя. Тем более, что оно приносило целый ряд льгот, да и начальство не ругает, а оставляет в покое, если выработка большая. Поэтому многие приписывали выработку. Например взорвано 5 тысяч кубометров скалы; по плану предполагается, что скала должна быть вся выброшена, а фактически ее оставляют на месте. Бывали и другие формы: например вписывали в общую выработку удаление растительного слоя, включали его в кубатуру, чего делать не полагается, так как этот слой идет на отвал. Таким образом по сводкам неоднократно получалось, что все работы выполнены на сто с лишним процентов, на самом же деле, когда произвели инструментальный обмер, оказалось, что сооружения далеко не закончены».

Бывает так называемая «обратная туфта», на первый взгляд немного непонятная. Об инженере Кирсанове говорили, что одно время у него было 8 тысяч кубометров «запаса» выброшенной породы, не указанной в сводках. Инженер Кирсанов «скрыл» 8 тысяч кубометров уже произведенных работ.

Не мания ли это в конце концов? Какой же смысл скрывать выработку?

Смысл есть.

Наличие «запаса» позволяет варьировать месячные показатели: проработав месяц хорошо, следующий месяц или два можно работать с прохладцей и все же оставаться на завоеванном уровне. Наличие запаса позволяет держать руководство в постоянном неведении относительно действительного состоя-

ПОКРЫВАТЕЛЬ ЛОДЫРЕЙ

Карикатура «Перековки»

ния работ и в случае надобности огорошить его неожиданной сверхударной цифрой. Такая «надобность» представилась накануне ноябрьских льгот. Инженер Кирсанов благодаря своим дутым показателям, в частности благодаря искусному маневрированию «запасцем», был досрочно освобожден к ноябрьской годовщине. Логика цифр, свидетельствовавших черным по белому, что работы в отделении почти закончены, заставила Кирсанова отпустить как ненужную бо́льшую часть квалифицированной рабсилы, переброшенной оттуда на канал Москва — Волга.

Так склонны расценивать преступление инженера Кирсанова многие из покрывавших его своим молчанием инженеры. Признать, что инженер Кирсанов нарочно вводил в заблуждение руководство, нарочно переправил на Московский канал необходимую для окончания работ квалифицированную рабсилу, палатки и инструмент, чтобы оголить строительство и сорвать его выполнение, признать, что Кирсанов нарочно остался после освобождения работать на Беломорстрое в качестве вольнонаемного, чтобы продолжать разлаживать и вредить строительству, — это означало бы признать самих себя причастными к новому вредительству.

«Многие инженеры, — говорит инженер Вяземский, — туфтили не потому, что хотели сознательно итти на преступление, а из желания выслужиться перед начальством. Вместо того чтобы сказать, что выполнить данную работу в такой-то срок им кажется невозможным, они заявляли: «рады стараться».

Например начальник одного лагпункта Голенчик и прораб Карякин сильно занимались туфтой. Чекист, руководивший

седьмым отделением, был безупречен, но иногда слишком им доверял. Работали они на шлюзе № 15. Оба были заключенными. Голенчик попал за растрату студенческой кассы взаимопомощи и был приговорен к десяти годам, Карякин сидел каэр. Оба они — люди с головой. Дело их шло неплохо. Они построили городок и дизельную установку. Со стороны руководства к ним установилось доверие.

С середины лета 1932 года в связи с уплотнением работ им, как и всем остальным, стало гораздо труднее. Сперва они работали честно, затем стали отставать. Они не хотели показать себя перед начальством в плохом свете и стали выбирать кубатуру полегче, например землю, а не скалу. Все это естественно оттягивало работы, и осенью у них получилось большое отставание. Тогда они стали преуменьшать остатки работы. Фиктивный процент выполнения рос, и получилось, как будто по плану работы закончены, на самом же деле выросла порядочная задолженность примерно в 20 тысяч кубометров скалы. К ноябрьской годовщине Голенчик и Карякин за «хорошие» показатели были освобождены.

Дальше случилось то, чего они никак не ожидали. ОГПУ проверяет сделанную работу. Голенчик и Карякин не захотели пойти на попятную и не перестали показывать преуменьшенные остатки. Они призвали на помощь топографа Капрофчука и стали на него воздействовать, чтобы тот подчистил кое-что в расчетах. Давлением и угрозами они добились своего: Капрофчук изменил одну нивелировочную цифру. В результате остаток в 20 тысяч кубометров удалось смазать, и дело было представлено так, будто канал выбран уже до проектной глубины, в действительности же он был на 36 сантиметров мельче. Технически это преступление не воспрепятствовало бы навигации. Согласно проектной глубине под килем имеется запас 60 сантиметров. На отрезке Голенчика и Карякина запас под килем получался на 36 сантиметров меньше, но и при 24 сантиметрах судно дна не коснется. В случае если бы руководство вздумало проверять, легко было сослаться на нивелировочную ошибку . . .»

Туфтой занимались и рядовые заключенные.

«У нас имелись случаи, — говорит инженер Полетаев, — когда бригаде, вовсе не вышедшей на работу, приписывалась определенная выработка».

Это была опасная болезнь. Создавалась круговая порука. Прораб покрывал десятника. Десятник перемигивался с бригадиром. Бригадир только посмеивался, когда каналоармеец сообщал ему ложные цифры. Десятник делал обмер поставленным тумбочкам, потом эти же тумбочки срезали и ставили на другое место. С шестого отделения поступали плохие сводки.

В ТУНГУДЕ ТУФТИЛИ

...Уже четыре месяца Костюков на канале, но вставать ему каждый раз трудно. Неспокойно! Все ему в неохоту. Хорошо уркам. Вор для вора, как брат для брата. Есть бригады из одних воров, из отчаянного люда. Они не берут к себе «чужих». Да Костюков к ним бы и не пошел. Он чистый крестьянин. Ему даже обидно от этого смешения. Не пришелся Костюков и к пятилетникам. Подозрительный народ — кулаки. В бригаду не сразу возьмут. И как многие новенькие, Костюков попал к десятнику Паруге. У Паруги, маленького, разговорчивого, бровастого, бывшего трактирщика, собрались — кто где не ужился. Паруга брал всех.

— Из них, товарищ прораб, я вам ударников образую. Из каждого стакана можно при случае чай пить, — говорил Паруга, заискивающе улыбаясь.

Костюков закрыл глаза. Вероятно в деревне сейчас бабы тоже повставали. Затопили печи. Или может быть на печи еще греются? Дали, моей-то трудодни? — спохватывался он. Но тотчас представление о своем теперешнем положении врезается неотвязной и горькой обидой. Ну, брал не раз самовольно с колхозного поля снопы. Какая же это кража! Ведь у своих брал!

Тешит себя Костюков. Он почти уверился сам, что всегда был верным, колхозным тружеником. Он уже забыл, как говорил приятелям втихомолку:

— Их взяла — в колхоз нас запрячь. Поглядим, кто повезет колхозы-то. Развалятся. Дай срок...

Он никогда не сказал бы о себе, что украл у колхозников хлеб.

Зло и стыд палят жизнь Костюкову. Признаваться было стыдно. Когда его спрашивали в лагере:

— За что угостили, парень?

Костюков мрачнел:

— Так, ни за что. Сбавить едоков колхозам на зиму.

— А... по августовскому закону... Ну, ладно, вались...

На себя Костюков был зол из-за своей дури. Зря порубал судьбу. С какой же причины? Был обыкновенный крестьянин, не кулак и не зажиточный. Теперь бы только жить в колхозе. Чего еще надо? Работай по-честному и получай свое. Милый дом. Утешенье. А тут — трущоба, чужая даль!

— Ну, ты, глина смоленская, — дергает кто-то Костюкова за ногу. — Размечтался. Дожидаешься бабы. Она тесто ставит.

Общий хохот раздался у него над ухом. И Костюков вскочил на ноги взъерошенный. Кинулся к огню.

— Братцы, — взмолился он тотчас. — Товарищи, что же

Карикатуры появились даже в лесу

это, украли мои валенки и положили сгорелые. Как же я на работу теперь пойду? Ведь других валенок мне сегодня не выдадут?!

— Пойдешь, — уверенно ответил Паруга. — Обмотаешься и пойдешь. Что же мне терять из-за тебя проценты!

Процент — это слово, как нательная рубаха, было понятно Костюкову. Знал: выполни процент — отворится тебе все. И в ларек пропуск дадут, и билетик в кино, и свидание с родными. За большой процент дни засчитывались — три за пять.

Костюков глядел с завистью, как дружно и с охотой, непонятной ему, возвращается с работы бригада «Каналоармеец». Поют песни. В бараке у них чисто, прибраны постели. Работают, как звери, а лицом гладкие. Будь теперь Костюков дома, он в колхозе так бы работал. Показал, как может рвануть. Он бы бросил старую дурь.

Захотел и Костюков попробовать жить тоже с улыбкой. Нет, не выходит. Зашел однажды в читальню, поворошил газеты. Слова какие-то жесткие, все против шерсти. Костюков хотел бы видеть вокруг запустенье, печаль. Его злит, что он не видит этого. Он старается отвернуться от тех, кто идет на занятия в кружки или на лекцию. В свободное время он валяется на койке, закрывая уши подушкой, чтобы не слушать радио. Он бы сломал эту машинку, да за это влетит крепко. И хочется Костюкову глядеть в поле, в тоску свою, на облака, которые идут и идут по небу, как им вздумается.

К большому проценту Костюков нашел свою лазейку, не требующую от человека ни надрыва ни души.

— Вот что, — сказал ему подручный Цыган, — ты складываешь скалу. Ну, и положи внутрь ледку или снегу или так дырой оставь. Понял? А снаружи, чтобы было незаметно. Будто полный куб.

Бригада Паруги сдавала задания и на лесных, и на скальных работах, и на земляной выемке с громадным превышением. Ей удивлялись прорабы: как это легко управляется сборная и общественно-вялая компания. На работах — великая горячка. Инструментальный обмер контролеров не поспевал за армией. Обмер доверялся десятникам. Между десятниками же и бригадирами часто шел сговор. Бригадники жали на своих бригадиров. Требовали выписывать хлеба как ударникам. Обещали отработать на следующий день, чтобы сегодня знамени не уронить, только бы не выпадать из хлебной ведомости. Затем пропущенные дни забывались, наверстывать не удавалось. Так шли они на переснимку, на перекурку, на фальшь. Так становились они туфтачами.

Костюков скоро начал понимать эту механику. Однажды Паруга приказал ему отнести обмерочный столбик на шаг, в сторону уже сделанной выемки. А счет шел от столба.

— Гражданин начальник, вчера на сегодня пойдет.

— Помалкивай. Все профессора соломенные, учить здоровы, а сами жить не умеете.

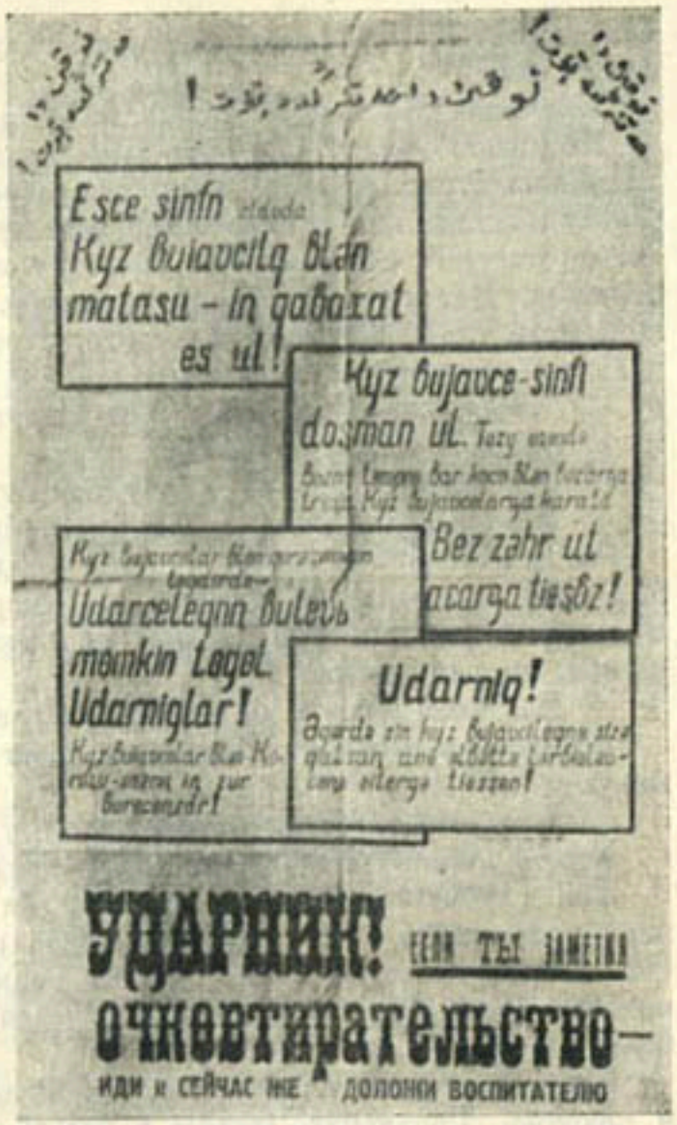
На Костюкова пахнуло от Паруги прелестным воздухом, потянуло сиренью, точно подуло летом откуда-то, из страшной дали, потерянной навеки. Костюков понял: несмотря на великий досмотр, чорт-те знает, какими путями, некоторые добывали одеколон. Знал: есть тайная жизнь в лагере. До нее Костюкова не допускали. Считали глиной. Его тянуло в этот круг хитрых и самостоятельных людей, и одновременно Костюков внутренно ершился против них: «шпана какая-нибудь».

Костюков видел, что в лагере шла скрытая борьба. Одни действительно жили и работали, и таких было большинство. Как в бане, они сложили у порога всю свою рванину, чтобы выйти из другого хода в чистом и в новом. Другие таились в себе, добывая процент обманом.

Уже по всему каналу разгоралась борьба с туфтой. О ней говорили на собраниях, писали в газете. О случаях разоблаченной туфты оповещали широко. На четвертом участке десятники и подрывники приняли 22 несуществующих шпура. На втором участке шпуры делали на 10 сантиметров менее положенного. Еще забивали полость за ряжами льдом вместо скалы, а полы в шлюзах ставили без допуска. На втором участке бригадиры распорядились складывать землю, не доходя черты, а потом за переноску ее на место своими же бригадами записывали им в процент вторично.

— Ловкачи, — удивился даже Паруга, — одну землю два раза продали.

Костюков качался и в ту и в другую сторону. Явный обман коробил его душу, как огонь бересту. Он порывался много

КВЧ обслуживала всех. Листовки печатались на нескольких языках

раз сообщить о туфте в своей бригаде. Но он боялся и Паруги.

— Ну, ты, идешь что ли, пошевеливайся! — прикрикнул на Костюкова Цыган.

Костюков намотал на ногу тряпье, сунул ее в дырявый валенок и выбежал вслед за остальными.

Все вокруг полно движения. Работа заражала Костюкова. Стараясь не показать виду, что доволен, он в сущности работал с удовольствием. В работе он забывал свои обиды, которые изжогой мучили его на койке и отлетали тотчас, когда он хорошо брался за тачку. Одно еще удивляло Костюкова. Несмотря ни на что работа в общем шла споро, хорошо. Он не верил в целый канал. Он не мог обнять его всего умом и представить наглядно. Он знал свой урок. Он его делал. Но он не знал, для чего это все надо. Он слушал конечно речи и радио. Но теперь он больше верил шлюзам и плотинам, которые на гла-

зах вырастали из земли, которые получали на глазах живые очертания.

Удивляла Костюкова также бодрость начальников-чекистов.

Костюков видит, как вот уже три часа над котлованом недвижно стоит человек. Вероятно мороз пробирает его люто. Тачку возишь и то остываешь, а этот стоит один на ветру. Но все он смотрит, все замечает. Конечно он видит их работу. Это страшно. Вот к нему подходит инженер. Он ежится от холода. Френкель его спрашивает о чем-то. Костюков видит его язвительную усмешку.

— Костюков, — окликает его Паруга, — здесь ряж засыпать будешь вот этим. Понял?

— Начальник говорил: скалу вон оттуда надо возить.

— Молчи, кляп соломенный, не тебя спрашивают. Пошел!

— Я начальника спрошу... Не пойду, — вдруг неожиданно для себя огрызается Костюков, — свинорои. Разве это туфта? Это уже мошенничество получается. Завалится ведь этот ряж весной, снег-то растает.

— Без тебя думать не умеют? Делай, что тебе говорят!

Не слушая уговоров, Костюков хочет направиться к начальнику.

— Лягавить, стерва, — слышит он у себя за спиной.

Кто-то толкает его плечом. Костюков падает в котлован.

Так случились события, которые не может полностью теперь припомнить Костюков. Он лежал под камнем с вывихнутой ногой. Кажется ногу свои же размотали нарочно. Пока подошел фельдшер, весь иззяб, зашелся холодом. Нога стала белой.

Костюков лежит в больнице. Сосновые стены чисты. Тепло и покойно. Градусник, сестры в белых халатах. Одну из них Костюков вспоминает: кажется она из партии, прибывшей на канал вместе с ним. Рядом с ним в палате узбек. Он упрямо работал в халате, отказывался от теплой одежды. Он бушевал против климата, против Беломорстроя. Теперь уговорили лечь в больницу. Он был обморожен и страшно кашлял. Когда он выздоровеет, его переведут в бригаду из нацменов-ударников.

Костюков дремлет. Деревня отодвинулась куда-то далеко. Он полон обиды, но она вся обращена теперь на Паругу, на Цыгана, на всю эту банду туфтачей. Он им покажет, как обманывать советскую власть. Теперь он слушает внимательно радио. Он слушает беседу воспитателя. Ведь это же все правильно. Туфтой хотят сорвать стройку. Он слышит вести, что Беломорстрой перестраивается на боевое положение. Даже Управление строительства переименовано в штаб Беломорского строительства.

Ему казалось, что теперь-то, будь он снова в бараке, откуда

метлой вымели Паругу с его компанией (ударная бригада Семенова из их же барака сама повела борьбу со всеми туфтачами), — что теперь бы он работал вот так. Он бы рванул. На самом деле, чего ему еще надо? Он радовался также, что этот случай спас его от ответа за туфту. Он бы теперь сумел ответить на вопрос воспитателя:

— Ты чей парень?

— Я свой в доску, — отвечал он раньше насмешливо.

— В какую доску?

— То есть как в какую?

— Ну да, в красную или черную доску?

— В красную я теперь доску. В красную, — говорит он почти вслух.

— Посмотрим, — говорит врач, входя в палату, где он лежал.

— Что посмотрим? — испуганно просыпается Костюков.

— Посмотрим, можно ли тебя уже выписать.

ОТВЕТ НА ТУФТУ

Когда на слете ударников Водораздельного канала помнач ГУЛАГа Фирин поднялся на трибуну, присутствующие в зале инженеры заранее знали, что будет он говорить о туфте.

Говорил Фирин минут двадцать, но из всей его речи каждый запомнил и нес в свой барак одно:

«Нужно твердо себе уяснить, что туфтач — это классовый враг, который пытается сорвать успешные темпы нашей стройки и нанести удар в спину окончанию Беломорстроя. С этим врагом мы расправимся по-чекистски: решительно и без всякого снисхождения. В этом нам должны помочь ударники и лагерная общественность».

ТАМ, ГДЕ ПРОИЗОШЛО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

(Первое впечатление в 6-м отделении)

Поздний ночной час. Сидим на отчетном совещании ответственных работников ПТЧ (с участием старших прорабов лагпунктов). Стучит в висках. Тяжело никнут головы по мере того, как слово за словом раскрывается эпопея «кирсановщины», история систематического обмана, носящего название туфты.

— Мне приказывали, — говорит в своем выступлении начальник топографического отряда Шмидт, — всякий раз вносить в данные инструментальных обмеров поправку в 2 процента и притом — только с плюсом... Благодаря только этим 2 процентам накопилось около 30 тысяч кубометров «туфты».

— Почему же, — спрашивает присутствующий начальник отделения, — вы никого не ставили в известность об этих «поправках»?

— Я имел право докладывать только Кирсанову, а Кирсанов приказывал делать так, как мы делали...

Затем следует грустная повесть старших прорабов о грубых технических ошибках в недавнем прошлом, стоивших строительству значительного перерасхода рабочей и гужевой силы, материалов и пр. Чего стоило хотя бы наверстать запущенное в свое время дело с сооружением основной плотины.

Вслед за этой повестью собрание слушает повесть другого старшего прораба Ктиторова. У него на участке повидимому несколько больше порядка. Но и он жалуется на беспомощность и равнодушие подчиненного ему техперсонала:

— Не командиры, не руководители, — говорит он, — а «наблюдатели» — псевдоним укрывателя.

На этом мрачном фоне «наблюдателей» выделяются конечно подлинные строители-ударники. По первому же впечатлению от выступления на собрании (и по свидетельству самого начальника отделения) сразу чувствуется, что например старый инженер Яниславский не «наблюдатель» на порученных ему работах по установке ферм Гау: он не из птенцов кирсановского гнезда, хотя так же, как и Шмидт, числится в штатах ПТЧ 6.

Вокруг таких, как он, — вокруг подлинных ударников техперсонала, честных и преданных интересам строительства специалистов, — должны объединиться все инженерно-технические работники, чтобы ударной работой изжить преступную кирсановщину и с честью закончить нашу великую стройку.

Член бригады ИТР — Ангерт. (Из «Перековки»)

Тридцатипятники Водораздельного канала ответили на речь Фирина организацией бригадных троек по борьбе с туфтой и выделением лучших ударников в качестве контролеров на неблагополучные участки. Старый антагонизм между урками, считавшими себя не без гордости «пролетарским элементом» лагерей, и прочими «непролетарскими» элементами, попавшими в лагеря по 58-й статье и сокращенно именуемыми «каэрами», разгорелся после слета ударников Водораздельного канала с новой, стихийной силой.

И в напряженный доноябрьский период и в расхлябанный посленоябрьский бывали вспышки здорового отпора туфте снизу на том или ином лагпункте. Но бывали случаи, когда их гасила атмосфера примиренчества. Это действовало демобилизующе на лучшие кадры.

Лозунг «туфтач — классовый враг» — лозунг, не проводящий различия между туфтачом активным и пассивным, призывающий искать классового врага и под нейтральной маской примиренца, — впервые организовал эти вспышки в массовое воинствующее движение низовой лагерной общественности против туфты. Кличка «туфтач» стала равнозначной кличке «каэр», т. е. позорной для уважающего себя тридцатипятника. Перед лицом этой обвиняющей низовой общественности лагерников, откликнувшейся на адресованный ей призыв помнача ГУЛАГа, заключенные и освобожденные инженеры еще раз почувствовали себя в роли обвиняемых.

15 января в ответ на отправленный в Москву рапорт о положении строительства и случаях злостного обмана руководства

пришел телеграфный приказ зампреда ОГПУ тов. Ягода об аресте инженера Кирсанова. Телеграмма пришла в Медвежку в 10 часов вечера. К 11 часам известие об аресте Кирсанова и назначении начальником Белбалтлага Фирина обежало уже весь инженерный персонал, почти одновременно с телефонограммой, вызывающей руководящих инженеров явиться в Медвежку к 12 часам ночи.

Фирин прочел собравшимся телеграмму Ягода. Комментарии его были кратки. Некоторые инженеры Беломорстроя обманули советскую власть, обманули доверие руководителей строительства, хлопотавших для них о льготах перед Коллегией ОГПУ, обманули Коллегию ОГПУ, освободившую их досрочно на основании ложных показателей. Они доказали этим, что не только не осознали до конца своих преступлений перед советской властью, но, злоупотребив великодушием рабочего класса, углубили их новым тяжелым преступлением. Многие из инженеров чувствуют себя не активными участниками грандиозной стройки, а какими-то случайными зрителями... Товарищ Ягода отмечает систематический срыв намеченных планов, статистическую путаницу и противоречивые данные. В результате такого качества работы части инженерно-технического персонала — строительство в опасности. Канал не только не готов к весенней навигации, но надвигающийся весенний паводок грозит разрушить воздвигнутые с таким трудом сооружения. Всю вину за такое положение вещей несут инженеры Беломорстроя. Приказом зампреда ОГПУ тов. Ягода все льготы, дарованные Коллегией инженерам, уличенным в злостном обмане руководства, отменяются...

После речи Фирина первым попросил слово инженер Вержбицкий. Голосом твердым, но срывающимся от волнения он заявил, что все обвинения, выдвинутые против части инженеров Беломорстроя, абсолютно правильны. Преступная безответственность и расхлябанность, сменившие после ноябрьских льгот прежний энтузиазм, доказали, что у ряда инженеров это был ложный энтузиазм, вызванный лишь корыстными расчетами на близкие льготы. Резкое падение дисциплины после объявления льгот — лучшее этому доказательство.

— Положение дела таково, что еще не все потеряно и можно вернуть былую славу Беломорстроя. Это зависит главным образом от нас, специалистов.

— Я не нахожу ни одного слова оправдания, — заявил инженер Мариенгоф. — Люди, осужденные на длительные сроки за тягчайшие преступления, люди, не имевшие абсолютно никаких шансов на быстрое освобождение, получили в ноябре под одно моральное обязательство широчайшие льготы и были поставлены в наилучшие условия. Исключительно широкое, пра-

вильное по своему замыслу и великодушное мероприятие Коллегии ОГПУ многие из инженеров до того испохабили своими последующими действиями, что сделать из этого иные выводы, чем это сделал зампред ОГПУ, — невозможно... Что такое туфта? Давайте называть вещи их именами. Это не только прямой грабеж, воровство и уголовщина — это и политика. Сам тот факт, что туфта получила у нас такое широкое право гражданства, свидетельствует о тягчайшей степени нашего разложения. С точки зрения элементарной профессиональной честности туфта есть предел падения инженерства... Выступать сейчас с заявлением и декларациями — бесполезно, ибо нет никаких оснований верить нашим заявлениям. Я считаю, что отсюда можно уйти лишь с чувством жгучего стыда и сделать в своей работе для себя практические выводы. Поставленные здесь правильный диагноз и правильные методы лечения обеспечивают и правильный выбор между теми, кому по пути и кому не по пути...

То же приблизительно говорили инженеры Хрусталев и Полетаев.

В 4 часа утра заключительное слово взял Фирин:

— Многие инженеры любят заниматься подведением под туфту какой-то теоретической базы. Это никчемное занятие. Выискивать для туфты объективные причины — это значит солидаризоваться с этим безобразным преступлением. Туфта — это грабеж и воровство, но это одновременно и хищение социалистической собственности, это — целый букет статей Уголовного кодекса. Туфта есть попытка классового врага не только сорвать строительство БМС, но и сорвать всю исправительно-трудовую политику лагерей ОГПУ. Руководство Белбалтлага дает инженерам, уличенным в туфте и в примиренческом отношении к ней, 10-дневный срок. Я очень рекомендую подтянуться. Через 10 дней мы будем делать выводы. Мы привыкли безоговорочно, по-чекистски выполнять приказы Коллегии. Я бы очень хотел, чтобы количество лиц, которые подпадут под этот приказ зампреда и которым будут восстановлены сроки, оказалось возможно меньше. Это устраивает не только вас, но и нас...

ПРИКАЗ О ЖЕНСКОЙ СТЫДЛИВОСТИ

Перед последним нажимом начались проверка всех сил, учет и взвешивание каждой боевой единицы. До сих пор женщинам не давали настоящей работы. В лучшем случае им поручали посмотреть, какое место отведено под кавальер, измерять кубики. В худшем — смотрели на них, как на судомоек, постирушек, которым ничего нельзя доверить кроме уборки барака. Лю-

ПРИКАЗ № 54

ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛАГЕРЕЙ ОГПУ ПО БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОМУ ИСПРАВИТЕЛЬНОМУ ЛАГЕРЮ ОГПУ

Ст. Медвежья гора 8 февраля 1933 года

О НЕДОСТАТКАХ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ЖЕНЩИН И НЕОБХОДИМЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ПОДНЯТИЮ ЭТОЙ РАБОТЫ

Работа среди заключенных женщин является чрезвычайно серьезным и ответственным участком деятельности исправительно-трудовых лагерей ОГПУ и требует большой чуткости и внимания к себе со стороны всех звеньев лагерного аппарата и общественности.

Ряд фактов свидетельствует о явных нарушениях исправительно-трудовой политики ОГПУ в отношении заключенных женщин, а именно:

1. В некоторых отделениях женские общежития недостаточно отеплены, плохо оборудованы и содержатся в антисанитарном состоянии.

2. Большинство женских трудколлективов не имеет своих кухонь, во многих случаях практикуется выдача сухих пайков, что фактически ухудшает питание.

3. Медицинское обслуживание женщин и санпросвещение налажены недостаточно. Женщины не всегда обеспечены врачебной консультацией.

4. Вопросу наиболее рационального использования женского труда на основном производстве, а также повышению производственной квалификации женщин внимания не уделяется.

5. Культурное обслуживание женщин находится в зачаточном состоянии.

6. В лагере имеется значительное количество неграмотных женщин, которые не охвачены школами ликбеза.

7. Со стороны лагерной администрации и заключенных мужчин нет чуткости и уважения к женщине; в обращениях встречается грубость, цинизм, и иногда не щадится женская стыдливость.

8. В результате чрезвычайно слабой культурно-общественной работы и недостаточного внимания к нуждам заключенных женщин в быту имеются даже такие ненормальности, как кражи, пьянство, картежная игра и проституция.

Считая такое положение далее нетерпимым и явно нарушающим задачи исправительно-трудовой политики лагерей ОГПУ, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальникам отделений в десятидневный срок утеплить все женские общежития, оборудовать их соответствующим инвентарем и организовать при женских ротах красные уголки.

2. Отделу снабжения на лагпунктах, где сконцентрировано значительное число женщин, организовать для них отдельное питание и принять все меры к его улучшению путем наиболее рационального использования продуктов. В ближайшее же время усилить снабжение женщин-ударниц промтоварами.

3. Санотделу в декадный срок разработать и провести в жизнь мероприятия по наилучшему санитарному обслуживанию женщин с учетом всех потребностей. Организовать разъездную медицинскую помощь женщинам на местах.

4. Начальникам отделений совместно с начальниками ПТЧ и зав-КВЧ к 20 февраля разработать и провести в жизнь мероприятия по наиболее целесообразному использованию женщин на производстве и предприятиях. Наметить выдвижение способных и подготовленных женщин на хозяйственные и административные должности.

5. Охватить 100 процентов неграмотных женщин школами ликбеза и к 1 мая совершенно ликвидировать неграмотность заключенных женщин.

6. Во всех женских ротах и трудколлективах организовать систематическую проработку вопросов текущей политики и максимально поднять общий уровень развития и политической сознательности женщин, ни в коем случае не допуская перебоев в этой работе.

7. Охватить профтехкурсами и бригадным ученичеством 100 процентов заключенных женщин, не имеющих квалификации, с расчетом окончания учебы к 1/V.

8. Систематически проводить разъяснительную работу среди заключенных мужчин о необходимости отношения к женщине как к человеку, равному в правовом отношении и на производстве. Особо подчеркнуть, что нездоровое, пренебрежительное отношение к женщине является позорным наследием буржуазно-помещичьего прошлого, при котором женщина является рабой и собственностью мужчины.

9. Правильно организованной системой культурно-просветительной и общественной работы повысить общее развитие и политическую сознательность женщин, укрепить трудовую и лагерную дисциплину, изжить некультурность и все уголовные привычки прошлого, подготовив лагерницу для возвращения в качестве честной и сознательной гражданки в семью трудящихся Советского союза.

Помнач ГУЛАГа ФИРИН

бители ругани почему-то именно при женщинах старались перещеголять друг друга бранью. Довольно. Женщины должны стать передовыми каналоармейцами. Иногда этому мешает плохой воспитатель, считающий ниже своего мужского достоинства вмешиваться в бабьи дела. Чаще всего поперек дороги лежит прошлое.

«С восьми лет я чувствовала очень скверное обращение, — говорит нам Анна Янковская, работающая на беломорстроевском отделении в Тунгуде. — Один раз мачеха просит: «Принеси воды, я тебе дам чаю с вареньем». Я воды натаскала, а она говорит: «Нет тебе варенья, холера тебе в бок». Всем дала, а я заплакала и ушла.

Один раз на Еврейском базаре встретили меня мужчина и женщина. Мужчина предложил: «Иди к нам, будешь у нас за ребенком смотреть. Мы тебя обуем и оденем». Я пошла. Квартира приличная, ребенка никакого нет. Когда я спросила:

Воспитательница в красном уголке читает приказ Фирина

«А где же ребенок?» Они ответили: «Бабушка привезет из Днепропетровска».

Но ребенка не было.

Как-то ночью просыпаюсь и вижу — на столе деньги лежат свободно, а кругом карты блестят. Тут же вино. Хозяева с гостями говорят вроде как по-русски, но необыкновенно.

Утром я спросила хозяйку, и она мне все как есть рассказала.

Постепенно и меня обучили блатному языку, и через месяца два я стала проситься на работу. Хозяин опасался, не хотел, но потом заказал костюм, одел мальчиком, постриг и взял с собой.

В тот раз «брали» ювелирный магазин. Днем сняли восковые слепки: была такая кузница, где специально делали блатные инструменты. Но оказалось, что войти через дверь нельзя, могли увидеть сторожа. Тогда наши вынули филенку, и я полезла в эту темноту с фонариком, там все нашла, что мне было сказано, и передавала. Главное, я боялась, что защемлюсь и обратно не пролезу. Но ничего, пролезла.

Следующий раз я уже не боялась. И так продолжалось пять лет. Наконец хозяин мой попал в допр и был приговорен к высылке в отдаленный район. Но жена изменила ему во время суда, а он от этого заболел туберкулезом, пожил три месяца и умер.

Я осталась одинокая, при разбитом корыте и пошла воровать.

Я бегала одна по квартирам — скокарем. Имела отмычки, французские ключи, шпилера, хемычи. Практиковалась сама раньше на своих дверях.

Месяца через четыре я попалась.

Попалась, но меня не посадили в допр, а отправили в дом малолетних преступников — реформатор. Там ни решеток, ни

чего абсолютно, только воспитатель, воспитательница и директор: на честность берут.

Вскоре я оттуда удрала, но сначала обокрала воспитательницу.

Побыла на свободе полтора месяца и опять к ним. Меня простили и оставили. Я побыла две недели, подметила, где воспитательница кладет вещи и деньги, забрала все и ушла. И опять я к ним попала. Воспитатели были новые, а дети прежние, они меня узнали и все передали директору.

Тут мне пришили все мои прежние дела и передали меня в допр.

В допре меня поместили в камере для малолеток. Посидела я там полтора месяца до суда, а когда повели меня на суд, знакомые мои заговорили конвойного, и я удрала. Я уехала из Киева и стала гастролировать по городам: Брянск, Конотоп, Днепропетровск, Мариуполь, Кривой Рог. Одевалась я чистенько, как «мамины дочки»: шапочка, чемоданчик, к лицу что-нибудь светлое. Мне даже вещи иногда доверяли: «Постерегите, гражданочка, будьте добры, до чего теперь везде жуликов много».

Я в то время жила хорошо: всегда деньги, квартира, но все как будто знобит, и сон очень хрупкий.

В Полтаве однако я попалась. Засыпку переживаю всегда тяжело. За три дня я чернела, как земля, есть не могла.

С центрального полтавского допра меня отправили в колонию, где я очень хорошо работала на чулочной фабрике. Я даже вольно в город ходила, но не удирала. Я всецело думала о том, как по выходе я буду работать эту чистую работу и все старое брошу: довольно тебе, Анюта, что в самом деле! Мне начальник допра слово дал, что отправит меня на государственную фабрику. А я при всем том честному слову, как золоту, верила.

Когда я освободилась, он сказал, что мест нет, придется повременить. А пока я должна пойти на месяц на общественные работы по очистке снега. Я пошла, работала за один рубль десять копеек в день, но все удерживалась и не шла воровать. Через месяц я обратилась к начальнику, а он спросил: «Что вы делали, Янковская, до ареста?» Я ответила, что воровала. Он мне сказал: «Идите обратно воровать».

У меня в глазах потемнело. Я его обозвала, как только могла, чернильницей в него бросила, я кричала: «Я у вас работала, не щадя сил, и вы мне обещали, я не знаю что. Я вам, как дура святая, верила, а вы меня воровать посылаете». Словом, я вышла от него за приврат такой же воровкой, как вошла. Мне казалось, что нет справедливости и нечего исправляться. Уже через шесть месяцев узнала от «своих», что тот начальник допра задержан как бывший белогвардеец. Но мне уже это было поздно. Я опять жила, как раньше.

Я вам про Угрозыск хочу сказать, чем он плох: он не имеет подхода, не умеет наколоть ту струнку, которая бы поддалась ему. Они там на всех, как сквозь сито, смотрят, правильного лица не видят. Оттого у них и не выходит. А люди — они разные, и каждого надо по-своему брать.

Я сошлась жить с одним блатным, он тоже квартирный вор был. Вежливый, но сильный. Когда его забрали, я осталась с маленьким ребенком и опять начала гастролировать. Сыночка оставляла с наемной старухой, он пил какао, ни в чем не нуждался. Но постепенно я отошла от него.

Раньше были мечты, что начну жизнь настоящую, но после того начальника и его разговора я стала больше ценить воровскую жизнь.

Знаменитый киевский шалман имел в году двадцать четвертом три названия: «Гранд-отель», «Хрустальный дворец» и «Тихий дом, но очень заядлое семейство». Это было двухэтажное каменное здание, где во всех комнатах, углах и коридорах жил сплошной блат.

Посреди двора, под особым навесом, не умолкая ни днем ни ночью ни на минуту, играли, сменяясь, четыре баяниста. Весь дом в складчину содержал их, и все хотели их слышать. С непривычки можно было с ума сойти. То же самое — картежная игра, пьянки, ругань, разврат.

Бывали такие моменты: живет преступник с проституткой и вдруг ревнует ее к своему же товарищу. Налетает на нее: ты, мол, меня перекинула. И как она ни уверяет, вероятий ей нет. Он вынимает нож, и начинается резня.

В одном конце дележка краденых вещей, тут же распивочная.

В другом конце женщина, изрезанная, подплывает кровью.

Вместе с тем, не обращая ни на что внимания, заглушая стоны, несутся музыка и песни.

Женщина в шалмане не видит шуток, развлечений, теплого взгляда. Если идет в театр, значит хочет бросить шалман и найти себе фраера. Только редко ей это удается. Чаще всего она сидит раздетая, нагая: с нее все проигрывают. Зимой она вовсе не выходит. Если же кто одевает, то максимум на третий день все с нее сдирают и проигрывают. Что такое творится, так это прямо — ой!

В тридцать втором году, когда меня забрали под изоляцию и я узнала, что числюсь за ГПУ, мне стало страшно. Я думала, что этот жестокий этап наказывает, не щадит, делает пытки. Я сосредоточилась на одной мысли, что никогда не вернусь домой, не увижу своего ребенка, что меня вконец замучают.

В марте месяце 1932 года мы прибыли в лагеря в шестое отделение на Тунгуде, во второй лагпункт.

Нас привезли в клуб, и там начальник из чекистов сказал речь о том, как они стараются перевоспитать тридцатипятника. Что они стараются не наказывать его, а исправить трудом и сделать из соцвреда полезного человека.

«Говори, говори, — подумала я. — Ты крепко зашит в свои петлицы, и тебе это ничего не стоит».

К ночи повели нас в сосновую баньку. Там потекло по мне горькое мыло, только не так просто смывается с человека его прошлая жизнь... После карантина, на третий день нас вывели на работу. Вижу все согнутые над чем-нибудь, — никто прямо не стоит. Ну, меня так скоро не согнешь, — подумала я.

Нам роздали ручные сани и велели вывозить камни и снег из котлована. Другие рыли, а мы возили. Сани раскатываются, не слушают. Не я их толкаю, а они меня. Упираешься ногами, а от этого мясо над коленями болит. Когда я пришла обратно в барак, я почувствовала себя такой разбитой, как никогда, поскольку никогда не работала так тяжело. И дала себе слово: изолятор, филонство, этап — что угодно, только не работа.

Подходит ко мне воспитательница Кучерявина и спрашивает: «Как дела, Янковская?»

Я послала ее, куда подальше, и сказала: «Делайте, что хотите, но работать ни за что не буду».

Вечером она вызывает меня в красный уголок и начинает:

— Посмотри на меня, Янковская, что я из себя представляю?

— Вы из себя представляете начальство в малиновом платочке, как вам полагается. Ну, и на здоровье.

— А представь себе, что я такая же тридцатипятница, как и ты. Я по прибытии на канал тоже швырялась работой, и ко мне тоже пришла воспитательница, вот как я к тебе. Скажи мне, Янковская, что ты такое в своей прошлой жизни потеряла, что тебе жаль с ней расстаться? Фонарей тебе жалко от твоего Ваньки, судимостей, пивной бутылки тебе жалко?

Это и еще многое говорила мне Кучерявина, проводила со мной беседу часа четыре. Давала мне ряд примеров из нашей жизни и довела меня ими до слез.

Это уже был не Угрозыск, где все люди для них одинаковы. Здесь к каждому старались подойти с особенной душой и понимали, что каждому надо. Это было первое, почему я начала работать. Но сказать правду, в канал я тогда не верила. Мыслимое ли это дело — воду по суше пустить. Она или вся в землю уйдет, и останется болото, или все сольется, смешается, и сделается одно сплошное, непроходимое море».

Женские бригады соревновались с нацменовскими

Скоро Янковская поверит в канал. Скоро и она поймет, для чего роют эту огромную многокилометровую яму, ломают скалу, выдалбливают грунт.

ПРИКАЗ № 55

Нацмены были до сих пор в тени, на задворках строительства. Надо взять в оборот эту большую, мало использованную, рыхлую и колеблющуюся силу! Надо разбить басни, придуманные лагерными пижонами, что все эти Багдасаровы, Мусургалиевы, Умаровы, Гурух-Заде, Махмудовы не хотят ударить палец о палец: помилуйте, куда им строить — им бы только раскачиваться и петь. И тут, как всегда во-время, выступает на сцену стремительный стиль чекистской работы, с его глубокой разведкой, взвешиванием деталей, просвечиванием и отбором людей и прямым ударом по больному звену.

— Нацменов мы не возьмем! Это не народ! — говорили начальники лагпунктов.

— Нацмены слопают, — ухмылялись каптеры, кивая на жилистое, жесткое мясцо и хлебные черствые обрезки.

— Барак — похуже. Ладно! Для нацменов! — распоряжались на линии.

Понятно, почему многие из нацменов слабо работали.

— Сколько им ни вталкивать в глотку, они, как дубы, — любил выражаться воспитатель Краюшкий.

При несчастных случаях с нацменами во время рубки леса администратор доносил: «Они (это пострадавшие) упрямы, как все кавказцы. Их приходится оттаскивать от опасных мест».

Первое время по приезде в лагерь нацмены ходят испуганными. Все непонятно им. Люди, которые ими руководят, канал, который они строят, и еда, которую они жуют. Щи — великое русское лакомство — внушает им отвращение; они чуруются запаха щей: это пахнет свиньей. Они не умеют ходить в валенках, их тянет назад, их качает. Неделями они забывают умываться.

— Не пойдем в русскую баню, — жалуются они друг другу.

— Пускай топится!

По следственным делам было установлено: попы снюхиваются с муллами.

Поп Худяков. Обижают ваших?

Мулла Гумриев. Темный народец. Бараны, господин священник.

Поп Худяков. А вы их просвещайте по-божески.

Мулла Гумриев. Стараюсь, господин священник.

9 февраля по Белбалтлагу издается знаменитый приказ Фирина о нацменах, написанный в той манере патетической конкретности, которая присуща всем оперативным беломорстроевским приказам — этой мало изученной, но интересной литературе.

Думаете ли вы о нацменах, спрашивает приказ. Надо полагать, мало или почти совсем не думаете. Осмотритесь вокруг себя. Воспитателей среди нацменов нет. Помещения плохи. И не особо присматриваясь, мы найдем на одежде, в постелях нацменов вшей. Да, вшей, этого маленького врага, отсутствием которого мы гордимся на нашем строительстве. А вы впустили его, вы культивируете его. Мало того, у нас в лагерях муллы заправляют бараками среди нацменов. Муллы читают коран, заключенные идут вместо мулл работать, мулла дает советы, мулла учит заключенного. Да что вы, товарищи, из лагерей медрессе устраиваете. Врачи не знают языка, лечение идет «наощупь». Это шовинизм, это отношение к людям — как к людям «второго», худшего сорта.

Смелее, друзья, говорит приказ, смелее обращайтесь с жизнью, и необыкновенные края откроются перед вами.

ПЕРЕЛОМ ОБЕСПЕЧЕН

Среднеазиатские кулаки и кавказские беки — нагозорщики и шептуны — были разоблачены. Их кадры таяли на глазах. Нацменовские бригады, очищенные от «святых», баев и каракулеводов — тысячников, стали поднимать выработку. Укрепились и прославились нацменовские трудколлективы.

Нацмен-ударник Биркимбаев со знаменем трудколлектива

Адамов Александр Зумаевич из коллектива «Красный восток», гремевшего в Шавани, говорит: «Все у меня были: узбеки, киргизы и часть азербайджанцев. Дали работать навальщикам грунта на грабарки. Дело текло на одиннадцатом шлюзе. Как раз на мое счастье тов. Фирин издал приказ о нацменах. Я возбудил прошение о выделении отдельной кухни. Мне разрешили. Когда я разъяснил о приказе, у моих ребят дух высоко поднялся. Вечером провел собрание: как будем работать? Предложил прибавить часы. Все встали и, стоя, приняли мое предложение и били в ладоши, и Киринбаев, который был звеновым, крикнул: «Теперь мы не заскучаем!»

В шестом отделении открылся особый нацменовский городок. Специальная кухня, специальная хлеборезка! Старший повар Мирзаев — мастер плова, шашлыка и шурпы — получил новую отделенческую премию за готовку. «Скажем Мирзаеву». «Закажем Мирзаеву». «Мирзаев — это человек!»

Каналоармеец четвертого боевого участка Якуб Хасанов объявил ураганный штурм скалы. Он бурил и бурил скалу. Без напарника — один. Он забегал в барак на 15 минут согреться и снова бурил. Он работал утром, днем, вечером и ночью. Когда бы и где бы его ни встречали — он бурил скалу.

Потом он собрал штурмовую бригаду в тридцать нацменов и научил их работать и бурить скалу.

Аврал на третьем боевом участке. Нацменовская фаланга стоит на аврале. Она дает свыше двухсот процентов. Фаланге приказывают отдохнуть — она остается. Ей грозят, что ее уведут силой — она остается. Это были бывшие воры, рвачи и бандиты. Фаланге помогают инпектора КВО: казак Мусургалиев и узбек Шир-Ахмедов.

Бригада Мамедова работает по укреплению откосов дамбы. Семнадцатое марта. Тридцатипятиградусный мороз. Ветер. Мамедова спрашивают: «Не выйдешь?» — «Выйду», отвечает он.

В этот день бригада стояла на выемке тяжелых грунтов, дала 142 процента. Люди прыгали от холода, у них белели носы, твердый колючий туман стоял перед глазами.

Плотник Мустафа Гильманов работает на Выге по установке ряжей. На озере буря, начинается авария. Гильманов вслед за прорабом Пустовойтом бросается на колеблющийся ряж, рискуя свалиться в дикую, взмыленную и свистящую воду. Он срывается и падает. Выплывает и опять начинает сначала, пока он не зачаливает ряж.

На трассе проходит слух о бригадах Багдасарова и Зейналова. Получает известность группа Цатурова. Бывший абрек Умаров создает антирелигиозные кружки, где он читает доклады. Недавно весь лагерь облетела история с плывуном.

Уложили досками пол шлюза — смотрят, вздуло его в нескольких местах, коробится, горбится, лопнул гладкий настил по всем швам. Из-под него шустрой жижей прет по всем направлениям плывун.

«Идите на борьбу с самым страшным врагом — плывуном», пишет в отделенческой газете лагкор-тридцатипятник Карпуша и сам не вылезает из котлована. Оттуда на выдранной из блокнота линованной четвертушке подает свои корреспонденции, неграмотные, но сжатые и точные, как боевое донесение.

В нацменовском коллективе многих каналоармейцев стало одолевать суеверие. Наткнутся на плывун, побросают лопаты и смотрят с удивлением. Они боятся плывуна, как беса. Едва обнаружится плывун — нацмены сейчас же съезжают из ударников в недовыполняющих норму.

— Видимо, парочка мулл и баев к ним затесалась, — морща лоб, соображает лагкор и делится своими подозрениями с воспитателем.

Договорились с ПТЧ, перемешали на выемке плывуна нацменов с лучшими «плывунщиками» из других бригад.

Ходит возле с книжечкой лагкор и строчит донесение о новых победах над плывуном и людским суеверием.

Работа идет по-новому. Посмотрите нацменов. Поймите же,

здесь для них было все чужое и дикое: природа, язык, пища, одежда. Солнце, как сказал один из них, «светило, будто через кошму» (войлок). Он не чувствует этого чужого солнца, хотя летом оно жжет, как и подобает приличному солнцу. Он промерз.

Первый вселагерный слет ударников-нацменов. Тесными рядами сидят тюрки, узбеки, армяне, казаки, татары. Одно разбудило их, и одно дало им родину — то, что называется социализмом.

Конечно же важно убедить инженера, техника, специалиста — всех тех, кого народ называет «учеными», важно и лестно, и правильно, что писатели и поэты нашей эпохи много пишут об ученых, но подумайте вы о сердце узбека, об этих темных южных глазах. Вспомните, как травит этого растерянного человека тесная толпа «урканов». «Ряшка, — кричат ему, — лохань, помойница!» Он не понимает слов, но он понимает презрение. Он хватает полено и бежит за обидчиком, опрокидывая трубы железной печки. Дым, гогот, вой, крики, пыль несутся за ним. Вслед ему бросают подушки, набитые сеном. Он натыкается на стену. Обидчик скрылся в толпе. Толпа ржет. Он возвращается на прежнее место, на уголок нар и злобными глазами смотрит на собравшихся вокруг него.

Бежать. Но куда он побежит без языка в чужом морозном поле?

А теперь они в бараках и палатках: среди своих, в своем тепле и в своем просторе. Им выделены особые котлы и окошки для выдачи пищи, а для слабосильных устроена отдельная столовая, им подобраны воспитатели-националы, стенгазеты на родном языке, множество всевозможных кружков, громко читают газеты.

Они говорят долго и много на этом слете и об этом слете.

Ночью с радиостанции, стоящей на горе в километре от Главного дома, зампреду ОГПУ тов. Ягода была послана телеграмма:

Докладываю: слеты ударников, женщин, нацменов прошли хорошо. Перелом обеспечен. Нацмены вступают в строй.

ФИРИН

УЧЕТНЫЙ АЖУР

«Я хочу знать, сколько я заработал», говорил купец, и тогда бухгалтерия преподносила ему баланс — шедевр каллиграфии и арифметики, из которого было видно основное: прибыли и убытки.

«Мы желали бы знать, насколько кредитоспособна эта фирма», говорил банк, и тогда бухгалтерские гроссбухи раскры-

вались перед интересантами, как скрижали жизни предприятия.

Прошнурованные и переплетенные в кожу, они были автобиографией его величества капитала, их вели высокие специалисты с помощью сотен бледных и гемороидальных клерков среди ворохов бумаги и за семью дверями канцелярий.

«Бухгалтерия беспристрастна, как правосудие, — говорили жрецы ресконтро и шаманы онколя. — Ей все равно что считать, лишь бы это были деньги».

«Бухгалтерия — чистая наука. Она не вмешивается ни во что, она имеет дело только с документом».

Так думали не только создатели этого ремесла в капиталистическом мире, так думали и многие из тех, кому пришлось вести счетную работу на Беломорстрое. Здесь опытнейшие бухгалтеры и счетоводы, сосланные за вредительство или по уголовным делам, здесь были и рядовые работники учета. И с первых же дней им пришлось пересмотреть все свои навыки и свои представления об этой профессии.

Вопрос о прибылях и убытках оказался отодвинутым на задний план. Священные итоги, для точности которых старинная бухгалтерия тратила все свои силы, отдавая недели и месяцы поискам куда-то исчезнувшей копейки, потеряли свое значение. Смысл учетной работы переместился, и вместо гроссбуха перед бухгалтером и счетоводом оказался... канал.

Оказались котлованы, полные движения, деревянные деррики, вагонетки с грунтом, коробки опалубки, десятки тысяч рабочих... Цифры рублей и копеек прекратили свое самостоятельное существование, они превратились в значки каких-то реальных событий, происходивших на трассе. А раз так, то уже нельзя было только их подсчитывать. Надо было делать выводы. Надо было изучать причины появления таких, а не других цифр, т. е. надо было спуститься в котлованы, изучить работу на ряжах.

Новые формы финансовой работы оказались новыми даже по сравнению с теми, какие существуют на лучших стройках Союза. С первого же дня работ был введен учетный ажур. Это значит, что к концу рабочего дня каждое отделение, каждый участок работ производил у себя полный подсчет всего, что сделано за день. К утру следующего дня бухгалтерские цифры рапортовали начальникам о состоянии их участков. Здесь были данные о земляных и скальных работах, о насыпях, о бетоне, и против них выстраивались цифры рублей и копеек. Внизу шел текст:

«Доставляются подковы грубой кустарной работы с неправильной отделкой прилегающего к мягкой части копыта круга, что вызывает хромоту и неполное использование лошади».

Странное сальдо, трактующее о лошадиных неприятностях!

Вместо тройной бухгалтерии — четырехногая животина, которой больно.

Но если 1 000 лошадей из-за хромоты вырабатывают половину нормы, то, исходя из стоимости лошаде-дня в 5 рублей 25 копеек, отделение теряет ежедневно 2 625 рублей. Кроме того простаивают люди, нагружающие грунт на грабарки, задерживается отвозка земли, выборка грунта, сооружение насыпей. Убытки возрастают вдвое, втрое, люди дезорганизуются, технический план путается, все приходит в расстройство. От подковы!

Бухгалтерия спустилась со своих высот к самой земле — к лошадиной ноге, к копыту. Как это произошло? Финработник, подводя итоги последних дней, увидел, что стоимость куба грунта возросла. Он поставил эту печальную цифру в графу своей книги, сравнил с тем, что было декаду назад, и «почесал затылок», как принято писать в очерках, т. е., говоря человеческим языком, он задумался. Все слагаемые печальной цифры оставались те же — число людей, число лошадей, качество грунта, длина пути, даже погода. Он просмотрел состав рабочих — действительно пришли новенькие. Они еще не умеют работать, но цифры говорят, что выработка их не так уж низка.

Все рабочие по выемке грунта за день выработали 4 066 кубов. А вчера — 4 539. Не такая уж разница.

Позвольте!

Выработано 4 066 кубов, а отвезено?

Отвезено 2 590.

Значит секрет в отвозке? Не успевают отвозить?

Посмотрим.

Число лошадей? То же.

Выдано фуража? Столько же — значит лошади сыты.

Состояние упряжи? Последний осмотр показал, что все в порядке.

Возчики? Те же: хорошие возчики.

Что же особенного произошло за последние дни?

Бухгалтер смотрит материальную ведомость. Перед ним пестрят названия и цифры:

	Получено:	Выдано:
Хомутов	35	—
Подпруг	40	11
Шлей	89	34
Подков	2 000	2 000

Подковы! Вот новое, что произошло с гужевым транспортом за последние дни! Получены новые подковы, и тут же они пошли в дело. Значит лошади почти все перекованы. Скорей на конный двор!

И на конном дворе в теплом запахе навоза под хрупающий шум лошадиного жевания бухгалтерия подводит свои итоги.

— Ножку! — кричит бухгалтер, ударяя каурого мерина пониже колена. — Дай фонарь, Хабибулла!

Подкова — одна из 2 000 сбилась на сторону, копыто выщерблено, кровь сочится из-под железа. Ясно! На хромом коне далеко не уедешь.

Не всякая подкова приносит счастье.

Так рождается текст под таблицей. Каждые две недели отделения получают бюллетень о себестоимости их работы, и там цифры доказывают неоспоримо, что причины увеличения или уменьшения цен именно те, а не иные. Там вдруг оказывается, что отсутствие портянок повлияло на кладку бетона, что моральное состояние людей на участке ухудшилось и это привело к плохому качеству плотничьих работ, что прораб Петров не интересуется делом.

Учет был контролем на Беломорстрое. Это была единая система постоянного надзора, от внимания которой не ускользала ни одна мелочь. Это было необходимейшее звено всей стройки, ее глаза, ее уши.

Новая система работы выработала и новых людей. Это уже не были гемороидальные персоны с гроссбухом и счетами подмышкой. Это были бухгалтеры-производственники, счетоводы-ревизоры. По следам своих цифр они разыскивали болячки стройки, на основании своих наблюдений они оценивали цифры. Одно проверялось другим. Опытный руководитель — прораб или инженер — получал точный анализ работ, сделанный с быстротой, которая позволяла тут же принять меры к исправлению недочетов. Во время прорывов (на Водораздельном канале, на тунгудском участке, на 6-м шлюзе Повенчанской лестницы) без финотдельцев не обходилась ни одна операция. Они вскрывали самые запутанные причины неудач с помощью цифр и наблюдений. Лозунг о проверке рублем получил тут свое совершенное воплощение.

Но кроме чисто производственной роли они осуществляли и еще одну важнейшую задачу. Они были математиками воспитательной работы.

Ведь именно через них проходили все данные о лучших рабочих и о лодырях. Их цифры определяли степень морального подъема или падения заключенных. Они, и прежде всего они, служили барометром перековки, потому что в условиях трудового лагеря именно труд, который они учитывали, был показателем перевоспитания людей. Поэтому финотдельцы несли двойную ответственность: с одной стороны, за строительство, с другой — за людей.

Неудивительно, что они были строги и взыскательны. Не-

редко им приходилось вступать в конфликты не только с бригадирами, но и с начальниками отделений, и бывало даже так, что о финработнике судили по тому, насколько его *не любят* производственники. Если не любят — значит хорошо работает, значит строг, любят — значит боится начальства, не следит, не уличает. Такого приходилось перебрасывать на новый участок, чтобы освободить от влияния производственников.

Финработники вскрывали туфту, бюрократизм, нежелание работать, они были грозой снабженцев, когда те работали плохо, они же оказывались и проводниками производственной культуры в ряды рабочих.

Лучшим подтверждением этого могут служить хозрасчетные бригады, которыми руководили «фины». Отсюда шел производственный напор, заражавший массы строителей. Встречные планы хозрасчетных бригад почти всегда перевыполнялись. Материальная заинтересованность давала первый толчок к ударной работе, которая вскоре делалась «делом чести», и ударники боролись уже не за копейки, а за переходящее знамя. Ошибка в учете работ таких бригад была просто преступлением, но финработники не ограничивались учетом. Они пропагандировали работу лучших, они организовали соревнование, и в бараках висели диаграммы планов и встречных, разжигающие самолюбие и бригадную гордость.

«Над бригадой шефствует товарищ такой-то» — и называлась фамилия финработника. Это сразу поднимало в глазах окружающих авторитет бригады.

Наряду с низовой оперативной работой, о которой мы вкратце рассказали, финотдел вел большую, очень ответственную работу, сводя воедино все данные о громадном хозяйстве Беломорстроя. Эта работа закончилась изданием маленького альбома — отчета, который вышел в совершенно оконченном виде спустя месяц после окончания стройки. Читатель увидит в нем весьма немного рубрик и совсем не увидит классических для бухгалтерии «кредитов» и «дебетов». Вместо них он найдет здесь схемы сооружений и карту канала — лишнее подтверждение, насколько тесно были связаны отчетность и производство. Сколько же стоил великий водный путь от Балтийского до Белого моря, построенный в течение 20 месяцев?

Общая стоимость — 101 316 611 рублей.

Из них 17 316 611 рублей покрыто выполнением работ по договорам с другими организациями. Этим осуществлена первоначальная смета строительства — 74 миллиона рублей. Более трети (33,6 процента) затраченных средств ушло на содержание рабочих, премиальные и т. д. Другая основная статья расхода — материалы и оборудование — около 31 миллиона рублей (36,3 процента).

Самым дорогим из всех сооружений оказался шлюз № 8, стоивший около 11 миллионов рублей.

Больше всего усилий затрачено на выемку грунтов и скальные работы: первая потребовала 4 миллиона 803 тысячи человеко-дней, вторые — 4 миллиона 314 тысяч человеко-дней.

Финотдел Беломорстроя — часть финотдела ОГПУ — вошел во всю систему ОГПУ как подлинно активный и боевой орган. Строительство канала многим обязано вдумчивости и четкости его работы, вдумчивости и дисциплинированности его организатора тов. Берензона и товарищей Дорфмана, Лоевецкого, Инжира, Кагнера, Ангерта, а прежде всего конечно и здесь — тов. Ягода, который дал финотделу установку, определившую всю его новую деятельность.

«Финотдел ОГПУ сумел таким образом выдвинуть свою работу в общей системе наших органов, он сумел в такой степени разбить общепринятое представление о счетном работнике как о сухом канцеляристе, круг интересов которого ограничен костяшками счетов и гроссбухом, — финотдел сумел своих работников настолько выдвинуть в ряды передовых бойцов наших органов, что на сегодняшний день финотдельцы являются равноправными и всеми уважаемыми среди чекистов товарищами».

Эти слова тов. Фирина были сказаны на совещании работников финотдела строительства Волга — Москва 2 декабря 1933 года.

Перед оратором сидели товарищи, которые только полгода назад подбили последний итог финансового отчета Беломорстроя.

*

ГЛАВА

10

ШТУРМ ВОДОРАЗДЕЛА

Взрывали не только скалу, — взрывали свой старый мир

Глава десятая

ШТУРМ ВОДОРАЗДЕЛА

ФИРИНУ. ФРЕНКЕЛЮ

МЕДВЕЖЬЯ ГОРА. БЕЛОМОРСТРОЙ

Ход работы, несмотря на принятые вами меры оздоровления лагеря и строительства, требует дополнительных мероприятий для обеспечения окончания работ строительства к первому мая. Отсрочки в окончании строительства допущено быть не может и не будет. Канал должен быть закончен к первому мая.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Весь чекистский, административный, инженерно-технический аппарат лагеря и строительства привести в боевое состояние, создав вместо лагерных отделений боевые штабы во главе с крепкими чекистами, придав им в качестве помощников—инженеров, могущих обеспечить новые темпы работ. Для этого: переименуйте управление строительства и лагеря в главный штаб строительства, отделения переименуйте в штабы боевых участков строительства, например штаб первого боевого участка Беломорстроя, штаб второго боевого участка Беломорстроя и так далее, начальников отделений переименуйте в начальников боевых участков, их НТЧ — в начальников штабов боевых участков, лагпункты и техперсонал на сооружениях переименуйте соответственно этому.

2. Везде, где только можно, ввести работы в три смены, соответственно приняв меры к обеспечению работ освещением, необходимым инструментом, материалом и т. д.

3. Обеспечить возможность для работающих получения горячей пищи без отрыва от работы на трассе.

4. Снимать с работы и предавать суду всех, кто пытается продолжать очковтирательство или срывать каким-либо другим путем боевые темпы работ, кто бы эти лица ни были.

5. Техперсоналу, добросовестно работающему, создать обстановку уверенности в завтрашнем дне, уверенности в том, что его хорошая работа будет оценена ОГПУ.

6. Создать такие условия десятникам, чтобы они имели власть, равную ответственности.

7. В целях помощи десятникам по обмерам принимаемых работ, наблюдения за порядком и т. д. учредить институт старших бригадиров.

На две-три бригады иметь одного старшего бригадира, освобожденного от работ.

Старших бригадиров, независимо от их сроков, выделить в особые бытовые условия и выплачивать им от тридцати до шестидесяти рублей, обеспечив лучшим обмундированием и лучшим жилищем.

8. Помимо требований выполнения индивидуальных норм или объемов, принимаемых на себя бригадами, не препятствовать, а поощрять выявляющиеся тенденции целых общежитий (бараки) влиять на отстающих отдельных лиц или отстающие бригады.

Надо поощрять передовые бригады, требующие от отстающих выполнения норм, и помогать им без административно-принудительного воздействия влиять на отказчиков и лодырей.

9. Самым суровым образом карать всех, кто недостаточно внимательно относится к вопросам бытового обслуживания заключенных (производят кражи, обсчеты при раздаче пайков), и широко объявить заключенным о том, что руководство лагерем и строительством ждет их сообщений о наблюдающихся в этой области беспорядках и что виновники этих непорядков по выяснении будут обязательно наказываться.

10. Весь культурно-воспитательный аппарат, могущий проводить указанную линию, темпы, бросить в наиболее узкие угрожаемые места, обязав их всю культурно-воспитательную работу построить на конкретной помощи производству.

11. Максимально сократить весь аппарат управления лагеря и строительства как чекистов, так и инженеров с тем, чтобы не менее 50 процентов этого аппарата было бы немедленно брошено в наиболее узкие места строительства.

12. Мною приказано ГУЛАГу немедленно отправить в помощь вам 10–12 работников ГУЛАГа.

13. Объявить всему населению лагеря, что выполняющие и перевыполняющие норму в эти последние решающие месяцы работы получат значительные льготы, вплоть до полного освобождения, независимо от предыдущей их работы.

ЯГОДА

ТРЕВОГА

Последствия туфты сказались на темпах строительства. Близилась весна. Близился установленный партией и правительством срок окончания канала. Многие сооружения стояли готовыми. Но та самая весна 1933 года, которая должна была увенчать двадцатимесячные героические трудовые усилия каналоармейцев, эта самая бурноводная карельская весна благодаря туфте и связанному с ней замедлению темпов грозила разнести в щепы целый ряд сооружений главнейшего участка трассы Водораздела.

Туфта сказалась отнюдь не только на Водоразделе. Последствия ее ощущались на всей трассе — от Повенца до Сороки.

Но туфта была теперь разоблачена и подрезана под самый корень. Оставалось выправить линию, дать новый, мощный разбег чуть приглушенной энергии каналоармейцев — и это сделал приказ зампреда ОГПУ.

Приказ этот говорит сам за себя. Он не требует комментариев. Каждое слово этого приказа проникнуто духом советской пенитенциарной системы. Это образец абсолютно конкретного руководства — нет общих фраз, есть точное и детальное знание обстановки, даются ясные и прямые указания. Такие приказы становятся планом работы строительства в целом и любого отдельного строителя.

ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬ

В то самое время, когда на трассе боролись с «кирсановщиной», привлекали к производству женщин и нацменов, в природе подготовлялись важные события, имевшие непосредственное отношение к работам по постройке канала.

Еще стояли морозы, свирепствовал снегопад. Но по некоторым признакам знатоки предсказывали скорое приближение весны.

Год переломился. Начали удлиняться дни. Солнце стало чаще заглядывать на трассу.

Ударила первая предвесенняя оттепель. Менялся пейзаж.

На озерах солнце пробурило лед, рассыпались торосы, снег проседал. В лесу вокруг стволов деревьев уже образовывались чаши.

Под снегом бежала вода.

Все это были опасные для стройки признаки. Пусть через час вода снова превратилась в лед, снова начались морозы, зима стала еще крепче, чем прежде, но эта первая оттепель являлась дурным предзнаменованием.

Ждали освобождения пути на юг.

Дождались прорыва.

Придет весна. Запертые дамбами и плотинами озера начнут наливаться, готовя воду для шлюзования.

Весна придет с юга, с Повенчанки, поднимется на Водораздел. Нужно на Водоразделе расчистить улицу для воды, иначе вода, которую накопили там, наверху, и не открыли ей путь к северу, пойдет на юг, по Повенчанской лестнице, и сомнет все сооружения так, как толпа при панике в кинематографе ломает ряды стульев.

Весть о весне поэтому приняли как весть о начале прорыва. Главная опасность была на Водоразделе.

Повенчанская лестница приводит к озеру Вадло. Оно лежит на 70 метров выше Онежского. Дальше находится большая

седловина — скалы, валуны и болота. Ее нужно пробить, чтобы выбраться к озеру Матко.

Предположим, что вам дают два блюдечка: коричневое и белое. Коричневое вы поставили на два сантиметра выше, чем белое. Коричневое до половины наполнено водой, в белом — воды на донышке. Вам дают трубочку, которую вы положите между блюдечками для того, чтобы излишки воды из коричневого блюдечка перешли по этой трубе в белое. Вы должны влить еще полстакана воды в коричневое. «Экая хитрость!» восклицаете вы и берете стакан. Вы смотрите удивленно на стакан. Стакан полон, с краями. Вы оглядываетесь, обещанной трубочки нет. «Мне подсунули, — возражаете вы, — полный стакан, и кроме того нет трубки. Что я, ребенок, лить без толку воду?» и вы обидчиво отставляете стакан в сторону.

Вы уже догадываетесь, о какой возвышенности мы говорим, какие озера мы уподобляем двум блюдечкам. Коричневое — это Вадлозеро, а белое — Маткозеро. Здесь между ними лежит скалистая возвышенность, эта знаменитая водораздельная скала, этот удивительный 165-й канал.

Здесь был дан генеральный бой.

Скалистые возвышенности Карелии весьма обманчивы. Скала прячется под топями, под болотами. Летом здесь нет иного пути, как на волокушах. Кочки, мхи, непролазные леса. И вот от этой торфом покрытой скалы текут реки на юг и на север, через эту скалу надо проскочить. Но кажется не все понимают на 165-м канале, что проскочить надо быстрей, да что быстрей — надо проскочить в сто суток! На 165-м канале работа движется без понимания ценности этих ста суток. На 165-м канале люди разленились, зевают, кирка бьет еле-еле, на лопату больше опираются, инженеры больше думают о сооружениях, чем о скале.

А скалы оказались на 200 процентов больше, чем предполагали, и это бы не беда, что так оказалось, а беда в том, что об этом не кричат. Не кричат о том, что надо производить гигантские выемки. Небо цвета табачного дыма спокойно курится над спокойно дремлющей трассой 165-го канала.

Между тем гидрометеорологи считают. Гидрометеорологи говорят, что приближается весна. Э, мало ли весен встречали мы! — лениво зевая, отвечает им 165-й канал. Да, мало ли, волнуясь, говорят им гидрометеорологи, но это будет особенная весна. Нарастает горизонт озера Вадло и всей системы озер. Паводок, нам кажется, будет очень ранний и очень бурный. Он далеко перевалится за предельную отметку. Ну и пусть его переваливается, отвечает беспечно 165-й канал. Весна предстоит капризная — продолжают бубнить гидрометеорологи — велик будет накоп воды.

Положение становится угрожающим. Не только руководящему персоналу, но и многим рядовым строителям становится ясно, что канала не сдать во-время. Воды смоют сооружения. А раз смоют... Словом, одни всовывают руки в карманы, сплевывают через плечо и, посматривая в чужое небо, думают о том, что пора возвращаться в барак, другие подпирают головы рукой и в тупом отчаянии уставились в стол перед собой, где «бесполезные» лежат чертежи, третьи...

Третьи умеют в проблеме весны отыскать проблему классовой борьбы. Третьи доказывают, что халатность и ложь — это маневры врага. Третьи разоблачают туфту и на вредителей строительства подымают негодование масс.

Третьи говорят: «Да, согласны, Водораздел, 165-й канал есть деталь, но начнем с этой детали, товарищи!»

Вода наступает весной. Откуда? Ну, ясно же, с юга. Прекрасно. Двинем с севера наши лучшие бригады. Мы возьмем их с Надвоиц, из Тунгуды, из Сосновца. Собирайте сюда лучших «толкачей» работы, лучших, расторопнейших людей строительства, тащите их сюда немедленно и затем гоните с Водораздела лодырей и отказчиков. Гоните их немилосердно, позорьте их, смейтесь над ними, покажите, как без них можно великолепно обойтись, пусть они стыдятся и плачут стоя у порога нашего строительства.

И вот решено созвать VII вселагерный слет ударников на водораздельном участке, у Большакова.

Из семи гигантских ступеней Повенчанской лестницы — шесть накакуне пуска. Важнейшие плотины уже одеты бетоном. Заперты дамбами почти все реки. Зоны затопления очищены от леса. В новых водоемах скопились миллиарды кубов воды, готовые питать шлюзы. Казалось, еще несколько усилий, и канал завершен. Делегаты со всех концов ехали на слет ударников. Перед их отъездом начальники предупреждали: «Помните — рано бить отбой, на Водоразделе неблагополучно!» Напутствия выслушивались плохо: слишком обманывала видимость победы.

ВСЕЛАГЕРНЫЙ СЛЕТ УДАРНИКОВ

Поезд, украшенный гирляндами хвои и красными полотнищами, выглядел празднично. Паровоз дали хороший, он с разгона брал подъемы и бесчинствовал на уклонах. За окнами, на мелькающих соснах и валунах, искрился от солнца зернистый снег. В вагонах шумно и жарко. Ударники делились воспоминаниями, планами на будущее, премиальными папиросами; показывали друг другу хвалебные заметки в «Перековке», почетные грамоты.

Приехали вечером. Сгрудясь у наскоро сколоченной трибуны, второотделенцы встретили гостей тушем. Пылали факелы. На бахроме знамен таял иней и оседала смолистая копоть. В наступившей тишине стало слышно, как хрустят мерзлые ступени трибуны под шагами грузного Большакова. Говорил он, как всегда, без особенного азарта. Речь не дала понять, что прорыв на участке страшнее других, уже заделанных. Все тянулись скорее в теплый клуб рапортовать о былых победах. Построились и пошли. Второотделенцы, стараясь перекричать музыку, знакомились с приехавшими.

— Как тебе наш Большаков?

— Ничего, задумчиво говорит.

— Тут задумаешься. Нас так приперло, что ни вздохнуть ни охнуть.

— Не боязно. Видали пострашнее.

В клубе делегаты впервые насторожились по-настоящему. Каждый метр бревенчатых стен кричал о беде. Нарисованный во весь рост лагерник трубил в рупор ладоней:

— Вода наступает!

Диаграммы показывали упавшую выработку. Тревогой переполнены стенные газеты. Нервировало поведение президиума. Там склонились над столом к большой карте. Обычно спокойный, даже чуть апатичный Большаков теперь взволнован, что-то вполголоса объясняет, часто вытирая мокрый от пота лоб.

Наконец звонок. От неожиданного грохота снаружи дрогнул под ногами пол. Это бригады второго отделения салютовали слету, взрывали скалы.

Докладчик говорил:

— Мы увлеклись летними успехами и распустились. Никогда мы еще не работали так позорно, как в конце этого года, — он взял длинную указку и провел по диаграмме. — Смотрите!

Синяя кривая, даже не кривая, а перпендикулярная линия стремительно падала вниз. Указка переметнулась на другой картон.

— Видите, как поднимаются черные штрихи. Это наступает вода...

Опять взрывы. Дождавшись тишины, докладчик выговорил самое страшное:

— Вода подступила к самому горлу. Она может сбросить нас в Онего, разметать шлюзы Повенчанки, умчать наши знамена, почетные грамоты, славу — все, чего мы добились...

Многие опускали головы, прятали в карманы руки, ежась, как от холода. Кому нужны заготовленные ими рапорты о былых победах? Кто будет слушать их, когда вот-вот прахом развеются усилия многих бессонных ночей? С надеждой смотрели на президиум.

В грозные минуты не раз и не два раздавалось оттуда знаменитое беломорское «петушиное слово», заставлявшее людей вскакивать с места и бежать сломя голову к трассе.

Из-за стола поднялся Успенский. Мало разговорчивый, сдержанный, экономный в движениях, он как бы копил гром голоса и бешеную свою жестикуляцию для таких вот решающих выступлений.

— Ударники! Карельский ЦИК и комитет партии прислали нам знамя. Его получат те, кто лучше всех будет работать на Водоразделе. Мы немало наделали чудес. Про нас здесь будут складывать легенды, про нас споют песни... (Он выдержал небольшую паузу и крикнул уже приободряющимся людям.) Зимний январь превратим в победный июнь! Помните, как мы дрались в июне. Вода грянула на Мурманскую дорогу. Мы перенесли ее на 80 километров. Тогда вода хлынула на карельский лес. Мы спилили его и связали в плоты. Вода пошла на деревни. Мы перенесли их на возвышенности и прибавили к ним новые школы, больницы, клубы. Мы отступали перед водой в полном порядке, и это отступление было победой. Неужели мы теперь панически побежим? Сожмем для удара всё силы и бросим на Водораздельный канал!

Кто-то хрипло и часто дышал в переднем ряду.

Загремела отодвинутая скамья.

— Дайте мне слово! — закричал бетонщик Ковалев.

Он бежал к сцене, стаскивая с головы шапку и тиская ее в карман. Долго не мог вымолвить ни одного слова, судорожно глотая застрявший в горле комок.

— Начальники! Успенский, Большаков! Я спасу свою плотину, а не то кану с ней вместе на дно!

Его теснил, желая говорить, Топчиев из восьмого отделения.

— Я сижу на северном шлюзе, на границе меж трудом и капиталом. Я вижу на Сорокском рейде корабли капитала, приплывшие к нам за лесом. Ихние агенты стоят на мостике и смеются: «Вы убежите!» А ихние матросы и кочегары смотрят на нас: «Ребята, вам нельзя бежать!»

Топчиева сменил Минаев из коллектива «Красная трасса».

— В помощь Водоразделу мы даем лучших ударников. Пусть все другие бригады делают то же, пусть выделяют и шлют!

Центральный штаб соревнования и ударничества сформулировал «петушиное слово»:

«Всем начальникам отделений, техперсоналу, каналоармейцам!

Объявляется трудовой штурм. На прорыв будут брошены лучшие люди. Каждое отделение пошлет на Водораздел боевую фалангу в 250 человек. На Водораздел обрушим удар по законам военной тактики. Штурм начинается 7 января. Руководить им будет штаб».

Это штаб штурма на водораздельном участке канала.

Водораздел разбит на пикеты, каждый длиной в 100 метров. Каждая фаланга получает для разработки определенные пикеты. Фаланга, закончившая свой пикет скорее и лучше всех, получает в награду знамя ЦИКа Карельской республики.

Весной тридцать второго года на Водоразделе уже велись работы. Он был разрыт и потом заброшен. На участке лежали груды «чужого грунта». Узкоколейка была разломана, шпалы разбросаны. Гоны погрузились в плывуны.

Зимний вечер. Дневные смены закончили работы. Они идут по дорогам, по тропинкам среди высоких, шелковисто-белых снегов. Группы ударников собираются возле бурого клуба. Стеклянный блеск морозного пара ходит над ударниками. Бурные трубы оркестроз играют марш. Вы смотрите под гору или на гору. Отсюда к клубу двигаются колонны ударников. Оркестры горланят надсаживаясь. Колонны идут с факелами, на плечах — лопаты, кирки. Впереди красные лозунги.

«Воде надо дать свободный ход по каналу к водам Выгозера!»

Всюду лозунги. На бревнах, которые ведут к сооружениям, на камнях, которые вытаскивают из трассы, на надземном водопроводе, который подпирают ледяные столбы, на скалах, между телеграфных столбов, на стенах бараков — всюду, как и здесь на слете ударников, который приветствует подошедшие колонны, лозунги орали:

— Штурм!

Готовьтесь к штурму, подзывайте к нему других, выкромкаемся от позора, окрасим жизнь по-другому, чтобы отметили нас как достойных нашей страны, чтобы не криво-прямо, не как попало, а ударить так, чтобы планета охнула.

— Штурм!..

ПОДГОТОВКА К ШТУРМУ

Штурм через 3 дня: 7 января.

За несколько дней водораздельный участок должен принять около трех тысяч людей, дать им жилье, пищу, инструменты, расставить на пикеты. Это поручили комиссии в составе Успенского, Афанасьева и инженера. Афанасьев оставил свои шлюзы заместителям и помчался на Водораздел. Появился там по своему обыкновению неожиданно. Этого человека никогда никто

Боевой лозунг штурма

не видел подъезжающим. Он возникал сразу в центре того места, куда спешил, будто бы выскакивая из-под земли.

Коренастый, в коротком желтой кожи пиджаке с черным воротником, подвижный до стремительности, напоминал он круп-

ный кубарь, запущенный чьей-то сильной рукой, готовый бежать и крутиться без конца. Не спав до того две ночи, он сновал среди немногих работающих на полузаброшенном канале, часто повертывался на каблуках, щурясь, присматривался к местности, где ему предстояло соревноваться с другими отделениями, недовольно скреб шершавую скулу, поднимал камень, взвешивал на руке и даже как бы принюхивался к нему. Бежал дальше, окликал встречного и принимался расстегивать ему гимнастерку:

— Ну-ка, покажи рубашку. В бане давно был? Ага. Как стирают? Хорошо, плохо?

Вопросы не случайные — у Афанасьева система: вымыть заключенного, одеть, накормить и тогда требовать работы.

Он приостанавливался на гоне, топал по дереву каблуком.

— Дорожка мне, ребята, не нравится. Я думаю, и конь ее не любит: прогибается, дыры. А как вы?.. Нельзя ли чего придумать? Подумайте.

Близкие ему люди утверждают, что и во сне беспокойный его мозг что-нибудь изобретает. Расчетливый Будасси в недоумении: «Почему Григорий Давыдович не взыскивает премии за все свои рационализаторские предложения? Бризовская казна значительно оскудела бы».

Потом его видели на конюшнях, в кухне, в прачечной, в красном уголке. В чужом отделении он держал себя как хозяин.

Точно, минута в минуту, успел он на комиссию и принес туда уже готовое мнение.

С разбега сел на стул, припав грудью к столу:

— Успенский, ты видел, как люди перепрыгивают через себя? Я тоже нет. Здешнее отделение не сумеет обеспечить штурмующих ни лопатами, ни едой, ни лошадьми. Надо что-то придумать.

Инженер наблюдал за ним и видел, как отрывисто он моргает и проводит то-и-дело ладонью по лицу. Словно умываясь. «Ему не больше 35, — думал инженер, — волосы носит длинные, как провинциальный актер, немного кокетничает нервностью». Но, присмотревшись, заметил, что глаза Афанасьева в красных прожилках, веки тяжело набрякли. Не оставалось сомнения, что кокетство тут ни при чем: человек привычно борется с застарелой дремотой.

— Что же вы предложите? — спросил его инженер.

— Я предлагаю, чтобы фаланги ехали на штурм со всем своим — бурами, лопатами, — щурясь, перечислял Афанасьев. — Лично я привезу с собой кухню и мастерскую чинки сапог.

— Это сепаратизм.

— Мы с Успенским другого мнения.

Через минуту Афанасьев гнал машину предельной скоростью

к Медвежке. Выхваченные из темноты лучами фонарей, мелькали обрывки дороги, мостики, валуны, точно огромные каменные черепа, гряды скал, смутные силуэты хвойника. Сквозь слипающиеся ресницы все это, утратив формы, возникала впереди, проносилось мимо и тонуло в развалинах ночи.

— Спать очень хочется, спать...

В кабинет Френкеля Афанасьев вбежал бодро, поправляя ремень, сбившуюся кобуру.

— Мы приведем людей и можем оказаться голодными, с голыми руками вместо инструментов. Пропадет время, идея штурма будет скомкана...

Френкель остановил его взглядом.

— Григорий Давыдович, вы научились говорить длинно. Поезжайте со всем своим и скажите остальным фалангам, чтобы не рассчитывали на обслуживание второго отделения.

Рано утром Афанасьев уже был у себя на шлюзах.

Явился расторопный прораб Шершаков.

— Шершаков, сколько наше отделение имеет почетных грамот?

— Восемь, товарищ начальник.

— Мы будем биться на Водоразделе за знамя Карельского ЦИКа. Запомни установку: в первую декаду соревнования — к чорту кубы, даешь отличные гоны, сытых лошадей, во вторую — нажимай, в третью — знамя будет наше.

Пришли десятники: латыш Лагзда — румяный, русоволосый, здоровяк и юркий чернявый Кошелев. Оба они в присутствии Афанасьева молчаливы, голоса у них появляются только на трассе. Их роднит дьявольское упорство и еще одно: «Приказано — значит выполнимо, наш начальник невозможного не приказывает».

— Я слышал, Лагзда, брат у тебя выздоровел. А Кошелев опять из дома письмо получил. Верно. Ну и отлично, спокойней работать будете. Собирайтесь на Водораздел.

Лагзда кивнул, Кошелев тоже.

Несколько труднее прошла беседа с начальником хозчасти Макиевским. Аккуратный поляк, в пенсне и с тщательным пробором на левую сторону — вдумчив, исполнителен, но из тщеславия всегда может добавить к приказанию свою коррективу, могущую испортить все дело.

— Макиевский, сейчас наши пикеты на Водоразделе — голое место. Через 22 часа там должны быть бараки, кухня, красный уголок на 250 человек. Рабочую силу возьмите на месте.

— Я понимаю, — вежливо ответил начхоз, — но обычно даже в таких случаях дают срок 24 часа.

— То — обычно, а у нас штурм. Сейчас — 8 утра. Завтра

в 6 фаланга будет на Водоразделе. Сосчитайте, сколько вам осталось.

Немного спустя Афанасьев бегал по баракам. Он знал в лицо и по имени каждого лагерника, откуда он, за что наказан.

Григорий Давыдович присаживается на краешек нары.

— Иголку с ниткой не позабыл? Нянек нет, — без пуговиц какая работа. Глазков, запасные портянки есть? Бери, нога должна быть сухая.

Лагерь шумел. В мастерских гремели по грабаркам молотки: чинились борты, подтягивались ослабевшие шины. В конюшнях проверялись на каждой лошадиной ноге подковы, специальные грамотеи рисовали на бирках цифры, КВЧ упаковывала оборудование красного уголка. Сапожники шмыгали дратвой, повара звякали посудой. Дымила, как пароход, баня: на дорогу надо было помыться.

По дороге в прачечную его остановил Усачев. Необычайной силы и совершенно медвежьего сложения, он мог сутками ворочать камни, под силу разве только четверым, потом беспричинно начинал буйствовать, задирая воспитателей, крал, бил в РУРе стекла. В такие минуты Афанасьев усмирял его одним взглядом, буян совестился, робел.

Сейчас он стоял, опустив голову, и ковырял носком сапога снег.

— Начальник, ты же ведь меня наскрозь видишь...

— Не проси, Усачев, сказал — не возьму. Ты мне фалангу можешь разложить.

— Все хорошие ребята уезжают. Я здесь с контриками разнервиться могу. Последний раз прошу, или не поверишь?

— Последний?

— Горы буду ворочать.

— Собирайся, Усачев.

Водораздел оживал. Со всей трассы от Шижни до Повенца сюда спешили инженеры, прорабы, десятники. С лесоразработок, дамб, шлюзов, плотин, обходных путей снимались лучшие бригады, рекордисты. Ехали в поезде, на подводах, ближние шли пешком. Шли глубокой ночью, прямо митингом. Шавань и Надвоицы выделили 700 человек. На станциях, на платформе видели могучие хоботы дерриков.

Одна за другой прибывали фаланги, шумно занимали городок, размещались в бараках за 15—20 минут. Временно не получившие угла молча и проворно рыли землянки, раскидывали палатки. У построек неожиданно вырастали поленницы дров, от кухни запахло горячей пищей. Никто не заметил, когда успели продавцы разложить в ларьках товары. В не застекленный еще красный уголок сводной фаланги прямо из вагонов ввалились

70 человек и открыли первое занятие курсов бурильщиков. У бараков вырастали столбы с заготовленными красными и черными досками, показателями выработки. Культурники, еще не сбросив с плеч вещевые мешки, прибивали к щитам пестрые стенгазеты. Так ехали штурмовики со всех отделений и лагпунктов на Водораздел.

Высаживались на Массельге, шли через сугробы, по извилистой тропе. Останавливались на краю гигантской канавы. Это и есть второе отделение. По обе стороны — холмы, скалы, узкие карьеры. Наступает вечер. Прибывшие первыми занимают оборудованные и утепленные палатки с двойным брезентом, с железными печками и окнами. Но фаланги все едут и едут. Уже нехватает палаток. Раскидывают брезент на снегу. Уже нехватает и брезентов.

А фаланги все прибывают.

Фаланга седьмых (7-е отделение) развела костры на снегу, и первую ночь ударники спали между костром и сугробом.

Наутро «Перековка» писала:

«ПТЧ 2-го отделения должна немедленно принять меры. Штурмовики должны быть немедленно обеспечены теплым оборудованным жильем».

«На Водораздельном канале собраны сливки Беломорстроя, — пишет «Перековка». — Ударники-штурмовики, на вас смотрит весь Белбалтлаг!»

Пригорок над каналом заполонили плотники, землекопы, пильщики. Дымились костры. Корчевщики с треском выворачивали пни. Зазияли ямы для столбов. Через несколько часов обнаружилось, что на пригорке заложен целый городок. На первых венцах срубов сидели верхом люди и тюкали топорами. В древесину с храпом въедались стальные пилы.

НАЧАЛСЯ ШТУРМ

Седьмого января начался первый день штурма Водораздела.

Короткие дни морозят, «морозят от всех сердцов». Вьюги носятся над Водоразделом. Всего много в этой стране — скалы, воды, лесу, всего кроме удобств.

Всюду, куда ни взглянешь, видишь председателя центрального штаба штурма. Про него говорят, что он торчит над строительством «точно зенит». Он переезжает с места на место, разговаривает, спорит, выбирает людей, решительных и смелых. Он яростно свергает противные делу обстоятельства, обрушивается на них, мнет их. Он возлагает, доверяет, приказывает, беспокоит.

Появилась на трассе выездная типография «Перековки». Вы наверное знаете эти выездные типографии: две бостонки,

тискальный станок, три реала с шрифтами, полбоченка краски и несколько тюков бумаги. Все это укладывается на один грузовик вместе с редактором и сотрудниками. Однакож сколько беспокойства причиняет этот нехитрый грузовик с типографским имуществом. Стучат бостонки, валики жирно шипят. Рисуют ударников, печатают их письма, указания, стихи, жалобы.

Утром в бараках на постелях вы находите свежие номера газеты, и если вам вчера не верилось, что вы сплоховали, то сегодня вас газета убедит и «препояшет».

Постоянно над вами висит или красная доска или орден черепахи, а ей, черепахе, очень холодно в этих снежных равнинах, очень невесело.

А сами себя ударники беспокоят больше всего остального. Они разглядывают себя, свои мускулы, руки, разум. Ох, достается нашему разуму! Его сжимают, тискают со всех сторон, заставляют работать так, как он до сих пор никогда не работал.

Почти все бригады уходят на штурм задолго до развода. Они идут усталые, невыспавшиеся, перебраниваясь друг с другом, глядя в землю. Но стоит им только встать на свое рабочее место, хватить в себя воздух, «унизанный достижениями в смысле дошибить отсталость», — и всяческая усталость исчезла, они трудятся, пока не успокоит их ночь или пока не обвеет утро.

Черная лава людей с гулом хлынула на канал. Над ними реяли знамена. Музыканты, чтобы быть впереди, играли на бегу. Люди несли на плечах длинные рычаги для подъема валунов, доски к трапам, лопаты. Раздались первые удары заступов. Наверх полетел выбрасываемый щебень. Зачавкали, высасывая воду, насосы. На обрывах копошились, приспосабливая деррики. По необъезженным обледеневшим гонам потянулись первые грабарки. Громыхая, ползли ковши бремсбергов. В узких траншеях стало тесно и жарко.

Успенцам достались особенно многоводные пикеты, а насосов нехватало. Из расщепленной скалы струилась студеная, дымящаяся на морозе вода. Ее пробовали выплескивать ведрами и не успевали. Люди замялись. Клибышев махнул своей бригаде шапкой и молча шагнул с камня в воду. Она захлюпала в широких голенищах его сапог. Рядом с ним стали Крамор, Петров, вся бригада. Из-под заступов летели брызги и не успевали замерзнуть на разгоряченных лицах.

— Ребята, — сказал подошедший председатель штаба штурма, — надо подождать насосы, сегодня больше 20 градусов.

Крамор разогнулся и показал ему на барак своей фаланги.

— Иди, почитай.

По карнизам барака растянуто многометровое полотнище с лозунгом Успенского, сказанным на седьмом слете:

«Превратим зимний январь в жаркий, победный июнь!»

До самого горизонта канал кишел народом.

Второотделенцы, постоянно работавшие на Водоразделе, оживились. Несколько рекордистов — Кругляк, Григорьев и другие — окружили Большакова.

— Чтоб на нашем участке другие получили знамя? Сами возьмем!

Они повели за собой свою фалангу, и уже в середине дня стало ясно, что нормы останутся далеко позади.

«Считать ударником того, — говорит на все строительство Центральный штаб по соревнованию и ударничеству, — кто выполняет не менее 110 процентов нормы».

В 48 часов добиться, чтобы развод производился без затраты, без задержки трудовой энергии на бесцельное стояние в ожидании работы. Обсуждайте работу каждой отстающей бригады. Беспощадная борьба с отказами, с отставаниями, борьба за выполнение месячного, декадного и суточного плана. Пусть работающие выступают с встречными планами. Побелить помещения, снабдить их инвентарем, на 100 процентов добиться, чтобы посещали бани. В 48 часов организовать общественный контроль за раздачей пищи из кухонь, хлеба из каптерок, отпуском товара из ларьков, и горе «блатующим» раздатчикам, поварам и ларечникам!

Направо, налево, во все стороны бьет штаб. Он налетает на вшивость и проводит неделю санитарии по всем отделениям. Он заставляет подавать в срок воду и дрова в бани, он заставляет людей во-время приходить мыться. Прачки стирают неустанно и стирают отлично. Починочные мастерские тут же в банях чинят белье без каких бы то ни было завалов. Иные бригады играют в карты. Штаб лишает их права на зачет рабочих дней. Он заставляет лагерников думать о работе, о кирке, о лопате, о лошади. Лагерники обсуждают работы своих бригадиров, самих себя; да, пришло действительно время выявить себя. Удивительные люди эти большевики! Они всюду суют нос, вот они осмотрели каждый вершок Водораздела, они, говорит некий инженер, «втыкают палку в глину и часами смотрят, как работают вагонетки, дабы улучшить движение таковых». Они неустанно учатся, но, учась, они учат и других. Тебе, ударник, необходимы гидротехнические знания. Учись, не отходя от трассы. Вот тебе курсы, кружки. При производственном отделе и КВО Белбалтлага собирается группа по организации заочного обучения. Она печатает «землекопную серию» листовки не больше 8—12 страниц, написанных просто и ясно, в вопросах и ответах.

Всюду моют, скребут, чистят: людей, механизмы, здания. Оцепенение на 165-м канале стронуто, вокруг канала бродит

и бушует море мыслей: удачных или неудачных, смелых или глупых, долгих или коротких — где их сразу поймешь — но люди уже не куксятся, а приступают к работе.

Перелом произошел.

И все же большевикам мало того, что сделано. Они придумывают все новое и новое. Сейчас это новое называется штурмовой фалангой.

ВЗРЫВАЮТ СКАЛУ

В первый день штурма люди и скалы на Водоразделе не знали передышки. Едва умолкали взрывы и прекращался свист камней, как снова по трапам взлетали нагруженные тачки, звенели буры, начиналось торопливое стрекотание перфораторов.

Подрывная бригада шла по тропинке, огибавшей озеро, в заряжалку за новой порцией аммонала, капсулей и шнуров.

В котловане люди рубили скалу. Посеребренные морозом глыбы выкатывались наверх, увеличивая высоту кавальеров. Деррики опускали свои клювы и поднимали их переполненными каменной добычей. Большинство тачечников работало без бушлатов в расстегнутых телогрейках. Гигантские зеленые тыквы диабаза доставлялись наверх в одноколесных открытых ящиках. По параллельным тропам скатывались вниз порожние тачки.

После каждого удара молота бурильщики поворачивали бур, время от времени вынимая его, чтобы прочистить бурку стальной желонкой. Готовые бурки затыкались сосновыми втулками. Их становилось все больше, и стенки котлована постепенно обрастали деревянной щетиной.

Перфораторы, как в лихорадке, бурили скалу. Летела белая мучнистая пыль.

Раздался свисток, и опять появились подрывники.

Они шли торжественно. В руках у них были ведра, наполненные бумажными свечами аммонала. Шеи запальщиков обвивали ожерелья бикфордовых шнуров. На концах шнуров поблескивали медные капсули с гремучей ртутью.

Подрывники вынимали деревянные втулки, начиняя бурки аммоналовым фаршем. Затем они снимали с шеи шнур, прилаживали к патрону капсуль и залепляли отверстие бурки пластырем из муки и смолы. Для того чтобы бурка была более приметна, они обвивали конец шнура вокруг втулки поросячьим хвостиком.

Все забои принадлежали в эти минуты подрывникам полностью и безраздельно. Наверху стояли сигнальники с красными флажками. Все вокруг было полно напряженного, томительного ожидания. Всякое движение в радиусе двухсот метров было прекращено. Грабарки, грузовики, вагонетки, люди скоплялись у заградительных постов, повинуясь закону огневой зоны.

Начальник Водораздельного участка тов. Большаков

Наконец все бурки были заправлены. Раздался резкий свисток, каждый запальщик зажег свой запальный шнур и поджег им первую бурку. Из запального шнура забили потоки огня. Задымилась вторая бурка, третья... четвертая...

Не разгибая спины, склонив голову почти до самой земли, от бурки к бурке перебегали запальщики, поливая скалы огненными брызгами. Задымилась бурка пятая... шестая... седьмая...

Наверху, держа в руке горящий контрольный шнур и спокойно посвистывая, начальник подрывных работ отсчитывал секунды, и — вдруг, путая все расчеты, внизу охнула скала, распустив желто-голубой дым. Свист камней. Крики. Бегущие люди. Небольшая пауза... и снова взрыв.. за ним другой, третий. Небо, подпертое движущимися колоннами дыма. Камни, как птицы. И маленькие смертоносные обломки, поющие в воздухе чистыми детскими голосами.

— Сурков и Кискин живы?

— Кого нет?

— Кольки Седого.

— Здесь я, Колька!

— Гришина?

— Вон он стоит!

— Значит все целы?

— А где Тучков? Сашка где?

Секунда молчания. Толпа метнулась к шлюзу.

Широко раскинув руки, с лицом, измолотым камнями, лежал Тучков.

Толпа загудела глухо и тревожно.

Кто-то снял бушлат и покрыл мертвого.

— Бурка взорвалась раньше времени.

— Кто виноват?

— Несчастный случай, — тихо, но внятно ответил начальник подрывных работ старик-штейгер, раньше всех спустившийся в котлован.

— А ты что смотрел?

— Тебя за главного к этому делу представили, тебе и отвечать!

Воздух накалился...

— Поломать старую суку на макароны!

Вошел и остановился у трапа начальник участка.

— Тучкова убило... двух поранило... какая это работа... — зашумели кругом.

— Работа не легкая, — отчетливо сказал начальник, — трудная для настоящих людей. Тучков был настоящий... А вы...

Начальник обвел взглядом вокруг себя.

— А вы настоящие... как будто настоящие... а вот на старика полезли. А зачем вам старик? Злобу сорвать?

Начальник посмотрел на покрытого бушлатом Тучкова. Круто поднял голову:

— Нам, ребята, доверено трудное и почетное дело. И каждый из нас доверие партии и советской власти оправдать должен. Рабочий класс делает проверку. Если ты с рабочим классом — поворачивай реки, осушай болота, раздвигай скалы, стой около динамита!

Затем, после паузы:

— Отнесите Тучкова наверх и положите на край котлована. Похороним после работы.

В полночь Тучкова хоронили. Могила была вырыта на горе под соснами. Играла музыка. Впереди шли запальщики. Они держали палки с зажженными бикфордовыми шнурами. Когда гроб опускали, в котловане подожгли восемьдесят бурок. Земля заколебалась и словно сдвинулась с места. Густые стаи камней взвивались к небу и рушились.

ИНЖЕНЕР МАГНИТОВ

Все люди в строительных и проектных конторах — инженеры, техники, канцелярские служащие, без которых можно было обойтись, — были брошены на трассу.

В это время инженер Магнитов, ничего не ведая о приказе, возвращался с линии. Он выхлопотал себе эту однодневную поездку, чтобы посмотреть на месте, как прилаживали скон-

струированную им деталь. Он был доволен: все его расчеты оправдались с поразительной точностью. И еще он был доволен, что возвращается снова в этот теплый, уютный, прекрасный проектный мир, в котором живет уже свыше двадцати лет.

Форд несет его вдоль трассы с быстротой пятидесяти километров.

Трасса канала имеет уже вполне культурный вид.

Уже на всем протяжении ее четко означились очертания будущего канала. Дикий карельский пейзаж укрощен. Он уже не ревет более неистовыми голосами несметных своих водопадов. Его ярость укрощали постепенно, расчетливо, методически, поскольку речь может итти о постепенности и методичности при чудовищных беломорстроевских темпах. Эту великолепную, стихийную ярость вывозили в тачках, заваливали камнем, заливали бетоном, взрывали аммоналом. Часть этой ярости сложили в запас. Скоро ее снова выпустят, но уже в тех дозах и в том направлении, в каких это найдут нужным строители канала. Да это собственно будет уже не ярость — это будет *энергия*. Инженер Магнитов закинул кверху голову. Ей- богу, эта жесткая карельская луна также начинает утрачивать постепенно на трассе канала какую-то свою космическую значительность. Точь-в-точь провинциальная луна над среднерусским городским сквером.

Инженер Магнитов думает о рождающемся из карельского хаоса канале с нежностью: в этом деле и его капля меду есть. Немало напроектировал он тут — и немало еще напроектирует. Ах, этот четко отграниченный, замкнутый в себе проектный мир! За окном — зима, страшная карельская зима. Это даже не мороз — это химический процесс, это опыт, поставленный природой и не рассчитанный на присутствие человека. А тут — светло и тепло. Сидишь себе с рейсфедером над листом бумаги и, словно чудодей, укрощаешь эту дикую карельскую природу. Несчастный народ — эти производственники...

Неверной, после двухчасовой езды на машине, походкой инженер Магнитов входит наконец в свой привычный, отлично натопленный и ярко освещенный проектный мир.

— Вас — на линию, на штурм Водораздела! — встречает его взволнованный товарищ. — Приказ № 1! Половину всего состава проектировщиков — на линию! Там прорыв, нехватает производственников!

— Помилуйте, но как же можно *меня*? Да я в жизни не был производственником.

— А заключенным были?

— Да я там ничего кроме вреда не принесу — это же безумие, совершенное безумие!

— Разговаривайте с начальством. Только бесполезно.

Разговоры и в самом деле оказались бесполезными.

Нет, подумать только, что за дикая мысль — его на линию! Все-таки бестолковый народ эти большевики. Его, проектировщика с двадцатилетним стажем — на линию! Его худшие опасения начинают сбываться. Не построить им с такими методами канала. Послать на линию проектировщика — это надо уметь!

На линии инженер Магнитов теряется окончательно. На дне гигантской ямы видит он скопление людей, вооруженных примитивными орудиями труда: лопатами, тачками, кирками. Он видит хаотическое нагромождение мертвой материи: эту ужасную воду, покрывающую дно ямы, тяжкий камень, мерзлую землю, бессмысленно и безобразно развороченное чрево земли. Это куда хуже того первобытного пейзажа, который он застал тут по приезде. В том еще был какой-то свой порядок, свой смысл. Этот утратил все прежние черты и не обрел новых. Это уже не образ, но еще и не понятие.

На чертеже вся эта тяжкая, неопрятная земная плоть абстрагирована в отчетливые линии, в штриховку, в пунктир. Он не понимает этого варварского языка конкретных вещей, он не знает соотношений между живой рабочей силой и мертвой материей. Он ничего не знает, но работа уже давит на него с огромной силой. Она давит не менее сильно, чем в проектном отделе. Она давит еще сильнее, точнее, еще ощутимей. Это давление воплощается здесь в живых людях, которые ждут его слова, его жеста, его руководства. Он *должен* руководить — хочет он этого или не хочет, умеет или не умеет. В мозгу инженера Магнитова происходит мучительный процесс: он пытается перевести плоскостной мир проектных линий, штриховки, пунктира на язык этого трехмерного мира материи. Эта сложная обстановка, предъявляющая к нему столь непомерные требования, создает в нем на миг нечто вроде мгновенного умопомешательства. Ужас охватывает его. Никогда не освоится он с этим хаосом, все спутается в его сознании, все завалится, все пойдет прахом. Он погибнет бесславно и нелепо. Но тут, на самом краю воображаемой своей гибели, словно мускульным усилием мысли пытается он отыскать в этом уродливом пейзаже — *чертеж!* Он переводит сложнейший производственный пейзаж как бы обратно на бумагу. Перед ним путаный проект, плохой проект, который надо немедленно выправить. Он привык к проектировочным темпам — его темпами не удивишь. Он начинает распоряжаться. Протянуть эту линию до такой-то точки — то бишь увеличить размер котлована на столько-то. Расширить поле этой *штриховки* — то бишь вынуть дополнительно столько-то кубометров земли. В почти лунатическом состоянии отдает он распоряжения — он боится утратить

Работа на 165-м канале в разгаре

ощущение этого пейзажа как проектного *чертежа*. Это и было бы его гибелью. Но гибель не приходила. Уже на другой день пребывания своего на линии он просто стал забывать об этом проектном подтексте. Он отчетливо разбирался в самом сложном нагромождении материи, куда более сложном, чем почти готовый котлован, с которым ему пришлось иметь дело в первый день, уже не прибегая к посредству воспоминаний. Его участок одним из первых с честью вышел из прорыва.

Так стал инженер Магнитов производственником, одним из лучших производственников на Беломорстрое. Он был теперь полноправным обитателем всего инженерского мироздания: проектировщик и производственник. Теперь его не выманишь с линии. Он обрел на Водоразделе веру в себя, в свои возможности. Словно развернулись у него плечи, раздалась грудь. Нет, добровольно он отсюда не уйдет, разве что прикажут. Здесь он утратил свое «проектное» высокомерие, здесь приобщился к живой жизни, к живым людям, к этой пугавшей его ранее «шпане», которая представлялась ему вместилищем всех пороков. Теперь они делали с ним одно общее дело — и как делали! Едва ли не впервые в жизни ощутил инженер Магнитов, двадцать лет просидевший за проектным столом, чувство *социальной связи*. Это было едва ли не самым сильным переживанием его на линии. Ему и прежде было знакомо это чувство — он всегда ощущал общность своих интересов с интересами узкой своей инженерской среды. Приведшая его на Беломорстрой серьезная жизненная катастрофа, выбив его из при-

вычной социальной среды, уже подготовила его к восприятию более широких социальных идей и эмоций. Он пытался спрятаться от них в привычный свой проектный мир, отгородиться от тех беспокойных мыслей, которые вызывала в нем вся эта суровая и вместе с тем глубоко значительная, творческая обстановка Беломорстроя. И вот теперь здесь, на линии, все эти мысли и эмоции с огромной силой охватили его. Он уже не сопротивлялся. Он с радостью отдавался этому потоку в твердой уверенности, что свою личную судьбу, свою профессию, все дело своей жизни вверил он такой силе, прекраснее которой нет на земле. Он еще многое не додумал, но он додумает. Перед ним еще много творческих дней, месяцев, лет. А пока что чувство ответственности за всех этих людей, упрямо пробивающихся к трудовой жизни, за работу, за канал, было тем чувством, которое давало ему огромную энергию и огромную радость жизни.

В Управление строительства пришла из Москвы бумага с сообщением, что инженеру Магнитову заключение в лагере заменено высылкой в родную его Среднюю Азию.

Инженер Магнитов покинуть Беломорстрой до окончания канала категорически отказался.

Сам он рассказывает об этом так:

«За день до освобождения приснился мне сон, будто еду я домой в Ташкент. За вагонным окном — сосны и снег...

Наутро вызывают в УРО.

Сообщают: заключение в лагерь заменено высылкой в Среднюю Азию. Я тут же подаю заявление о разрешении остаться на Беломорстрое.

Оставили. Для меня Беломорстрой — вторая родина».

— Разве не было у вас желания вернуться домой?

Инженер Магнитов задумчиво провел ладонью по черепу. Череп был гладкий, как у Сократа.

— Нет, не было. Конечно я взволновался, вспомнил Ташкент. По грязной улице едет, подпрыгивая на сиденьи, арбакеш. В зубах у него — роза. Но тут же вспомнил я спроектированную мною плотину — и отрекся от первой своей родины. Ведь все это — в прошлом. А будущее — целиком здесь. Мне нравится здесь моя работа, меня захватывают темпы. Я многому научился, я стал здесь производственником — и, говорят, не из последних...

Это говорил талантливейший инженер, технический руководитель Водораздела, одного из ответственнейших участков всего Беломорстроя.

В комнате было сильно накурено. Толпился народ. Но никто не удивился словам инженера Магнитова, потому что каждый из присутствующих поступил бы таким же образом...

ФАЛАНГИ ШТУРМУЮТ ВОДОРАЗДЕЛ

Снег все валит и валит. Люди фаланг спят в бараках плохо, то-и-дело выглядывают в окна: снег все валит и валит.

— Да скоро он прекратится, окаянный?

— О, еще далеко до развода.

Приходит прораб, накидывает полушубок, тщательно замотывает вокруг осипшего горла шарф и спешит на трассу. Все уравнено, все завалено снегом. Опять лишняя кубатура, опять лишняя работа. Да это бы еще ничего, а вот сколько же воды будет весной. Он раздраженно смотрит на небо цвета мыльной пены.

Утро. Митинг. «Не укрывать темпосрывателей! — кричат бригадиры. — Вон фаланги первого отделения, работая на грунтах, сделали 128 процентов. При слабых лошадях и разбитых грабарках фаланга третьего отделения все-таки дала 130 процентов». — «Мы бы дали больше, — говорят из фаланги третьего отделения, — если б не завгуж Маркарьян».

Вообще фаланги жалуются, что коней присылают плохих и невыгодных. Все они забракованы как больные. Грабарки поломанные. Приходится выделять 50 человек для их ремонта, а 103 лошади вообще не были получены... Ни вожжей ни сбруи, конюшни не готовы. Кони ночевали под открытым небом. Дует вьюга, конюхи ходят, хлопая по ляшкам рукавицами, бранятся, а затем идут спать. Но сон их чуток. Они поминутно выскакивают из палатки: нашлись «ударнички» из соседних фаланг, которые начали обменивать своих худших коней на лучших. А заодно «ударнички» и с грабарок поснимали колеса. Вопли, шум, несравненная ругань. «Долой пенкоснимателей!» орут конюхи, обещая изобличить всех не желающих честно работать.

Вторая фаланга, работающая рядом с восьмой, добыла 14 февраля только 109 процентов. Ясно, второй обидно. И добыла она так мало потому, что нехватает транспорта для вывоза скалы. Рекордист Попов вырабатывает по 300 процентов. Он ходит, попыхивая трубочкой, но ему все-таки жалко свою неудачную фалангу. Он дает совет, как приумножить проценты. Смеркается. Попов ведет ребят к соседям. А те успокоились на победе и кушают. Рекордист отцепляет один вагон, толкает его легонько плечом, вагон катится. Дует под вагон ветер, снежок метет по рельсам. Второй вагон, третий, глядишь, катится по склону. «Стой, куда-а! — кричат ударники восьмой фаланги. — Вагоны уперли, дьяволы!» Шум. Короткий митинг. Опять бранят пенкоснимателей, тупых людишек, не понимающих, как надо работать. И ударники второй фаланги и сам Попов обещают, что они впредь будут безупречными рекордистами. Посмотрим

А посмотреть вообще стоит многое.

Ликбез расширяется, правда, но вот, жалуются ударники четвертого отделения: в клубных выступлениях много пошлятины. Живые газеты поют еще: «Вы просите песен, их нет у меня» или «Пьет, гуляет табор кочевой». Струнные оркестры увлекаются кабацкими мотивами. «Мы понимаем, Москва не сразу строилась, но все же...» говорят ударники четвертого отделения, работающие на скале. Свой забой они получили в самом отвратительном, хаотическом состоянии. Они его немедленно очистили от мусора и грязи. Перед бараками соорудили громадные производственные часы, дабы отмечать, что сделано и что надо сделать. А затем они собирают агитбригаду, которая состоит одновременно на производстве. Затем стенгазета, производственная доска.

Каждый вечер бригада обсуждает план работы на завтрашний день.

Или, вот посмотрите, недельное меню, которое разработал совместно с штурмовиками завхоз восьмой фаланги — той, у которой укатили вагоны. Меню изукрашено картинкой строительства сверху, а внизу какие-то лиловые цветочки и пожелание: «Кушай и строй так же, как кушаешь».

ОБЕД

Щи (1,2 литра на человека).
Каша пшенная с мясом (по 300 граммов).
Котлеты рыбные с соусом (по 75 граммов).
Пирожки с капустой (по 100 граммов).

Теперь послушаем, что расскажет нам председатель коммуны ОГПУ Биссе. Эта коммуна организовалась в Ленинграде из «преступленцев, случившихся в силу войны и в силу того, что многие мы, сироты, остались без опеки, предоставленные уголовной дикой улице». Полномочный представитель ОГПУ Ленинградского округа тов. Медведь «поразил нас голосом мягким и задумчивым кроме своего сочувствия — и мы выехали на Беломорстрой».

Вот что говорит Биссе:

«Мы шли на работу с песнями. Мы пели в строю, как солдаты, в очень возвышенном духе. Бурить приходилось вручную, так что мы вгрызались в скалу постепенно. Но мы хотели как можно скорее вытащить землю из тех проходов, которые запроектированы. Мы поспешно погружали ее на деррики, возили тачки вверх и вниз по трапам, засыпали в бурлящий порог Выга. Стояли чередой тачки, и было много подле них знамен.

Что же касается звуков, то страшный шум трассы звенит

настолько, что напоминает громадную фабрику, где не слышно звука человеческого индивида, а чувствуется коллективное творчество. Почти все время взрывчатые колоссальные громы. А также топоры о дерево. Стук молотков о блещущую сталь и бурный свист электрического мотора, который выхлебывает воду из деревянных сот. Грохочут булыжники, выкатываемые из тачек, и летят через деревянные трубы вниз. С очень тупым звуком падают тучи песка, которые сверху вниз сбрасывают лопатами. Стучат конские копыта по дну сооружения и всюду шум, куда вы ни сунетесь».

Имеются и сильно отстающие. Например штурмовая фаланга 4-го краснознаменного отделения. Раньше ее за отставание даже лишили почетной награды: права выходить на развод с красным знаменем. Президиум штаба штурма заявил, что запрещение будет снято тогда, когда производительность труда достигнет 100 процентов трудовой нормы. Фаланга отставала позорно: она давала всего лишь 68,2. Фаланга совещается, митингует, недоумевает, учится, но пока что производительность поднимается туго. Тогда вторая фаланга — та, что укатила вагоны, дающая в среднем 128 процентов, берет четвертую фалангу на буксир. 15 человек показательных рабочих с пением и свистом приходят на участок четвертой фаланги, а 15 человек из четвертой тихо и скромно идут учиться ко второй. Они хмуры, работают озлобленно, над ними посмеиваются. И вдруг на третий день они суют второй фаланге под нос «пропечатанное»:

«Штурмовики 4-го отделения роют узкую траншею, насыщенную грунтовой водой.

Вода ледяная. Шнур недоброкачественный. Штурмовики промерзли, дрожат.

Ударники Крамер и Петров работают по колена в воде. 20 градусов по Цельсию.

На требования зампреда штаба, чтобы они ушли, ударники ствечали:

— Поскольку выбрали лозунг: превратить февраль в победный июнь, постольку докончим».

— Нет, брат, наше четвертое отделение еще покажет. А об нас что печатают: вагоны уперли, да ударник Атясов попрежнему вырабатывает 200 процентов нормы.

— А догоните-ка первое отделение! — могут сказать им люди из второй фаланги. Первое отделение может гордиться своей фалангой: первая фаланга рапортует, что ею выполнен план уже 23 февраля. При хорошем качестве работы, важно дополняет она, мы идем за окончание участка к 1 марта. Завоеванное ими в упорном труде красное знамя Карельского ЦИКа и обкома ВКП(б), под которым они достигли ряда побед, они просят

взять в первое отделение с тем, чтобы с этой почетной наградой повести на штурм всех каналоармейцев на борьбу за успешное окончание всей Повенчанской лестницы.

Так вот оно, где это знамя Карельского ЦИКа и обкома ВКП(б). Им мало того, они желают после окончания штурма увести знамя на Повенчанскую лестницу, т. е. не выпускать знамя *все сто* дней штурма. «Это еще посмотрим, — говорят фаланги, — об этом мы еще посоревнуемся, у нас тоже есть людишки подходящие».

Винно-желтые закаты, ледяной сухой воздух, экая спорая зима!

Нет, бросьте, не верьте природе Карелии! Она обманчива.

Через просветы берез нет-нет да взглянет теплым оком весна, а закроет око — и опять валит нескончаемо снег, и озера набухают вдруг так же, как внезапно набухают наши траншеи от плывуна. Да, плывун. Ну, нашли лишнюю скалу, ну, пристроились ее бить, — кто же мог ожидать — плывун! Уже слабые маловеры недовольно ворчат:

«Вот тебе и нет объективных причин».

Вырывают канаву «до определенной глубины» и уходят

спать. А наутро, когда придут из бараков, оказывается, что рва уже нет, он заполнен плывуном, который вспучивается, как хорошо квашеное тесто. Это серо-бурая песчаная каша плывет и ползет нескончаемо и тоскливо, «обманчиво играя на нервах каналоармейцев».

Скала, плывун, снег.

Не слишком ли много «объективных причин»? Не слишком ли грубо действует природа, наваливая столько препятствий? Человек рассердится и проучит тебя, природа!

На Водораздел брошены все лучшие руководители. Наиболее ответственные администраторы, техники, общественники несут ночные дежурства. Это не значит конечно, что они днем спят.

Конкурсы, конкурсы, конкурсы. На лучшие механизмы, лучшие деррики, эту гордость и любовь каналоармейцев, на лучшие загрузки железнодорожных платформ.

Скала разделяется на разборную и скалу сплошную. Разборная — это скала, поддавшаяся влиянию ледниковых сил, лежит уже раздробленная, как бы измолотая, готовая к погрузке, а сплошная скала есть просто сплошная скала, готовая на пьедестал для памятника.

Подрывники мало заботятся о сохранности этого пьедестала. Он надоел им, он торчит всюду. Он обманчиво прикрылся болотами, трясиной, кочками. Он скрылся под сосной, под песчаным холмиком, думаешь — сугроб, а это — скала. Рвут ее подрывники беспощадно, спокойно, «в домашнем настроении». Запальщик защищает штурм, он и не бежит от камней, а только ныряет, иногда покуривая папироску.

Палят, рвут, а скала все не убывает. Тут же создаются курсы подрывников.

Корка снегов становится водянисто-прозрачной. В полдень дорога уже покрывается слякотью. Ночью мороз опять нажимает, подмораживает лужи, спешит, бранится, валит мокрый снег, но коротка ночь, и он бежит на север к Тунгуде.

Воды Вадлозера медленно и потихоньку поднимают тяжелые свои льды, шуршат ими возле берегов, трутся о корни сосен, пробираются к стволам, поджимают под себя кочки, глотают валуны и буреют. Строители хмуро смотрят на берега, нервно переговариваясь. «Ядовитое озеро, — бормочут они, — хотя 165-й канал и совсем сырой, непросохший, но придется, видно, по его незаконченному, сырому руслу пустить воды Вадлозера в Маткозеро, а то смоет, смоет».

Поэтому-то у входа в Вадлозеро взрывают временный водоспуск.

Всюду в земле громадные выемки. Всюду теснота, выгружать породу некуда. По кромке канала лежат груды камней. Здесь же — рельсы, по которым вручную тащат вагонетки.

Деррики на деревянных срубах пристроились возле самого края так, что кажется, вот-вот они упадут вниз.

И всюду гудят и поют бригады духовых оркестров и агитбригады. Вот на втором боеучастке оркестр исключительно из ударников-тридцатипятников. Всюду, где грозит опасность отставания, туда бежит оркестр. Выработка сразу же поднимается.

Фаланги первая и восьмая под шефством оркестра подняли свою выработку до 150 и 160 процентов нормы в скале. Ряд бригад и трудколлективов вступает в соревнование за право итти на работу и с работы под оркестр.

Агитработники работают на трассе, «как и все остальные, дают 200 процентов выработки», а помимо этого выступают на сцене в участке, едут в другие участки по командировкам, тащат за собой руровцев, отказчиков и филонов.

«Злостных лодырей, — докладывает базисная агитбригада, — главный штаб строительства собрал в клубе и провел товарищеское собеседование. На следующий день все лодыри вышли на работу, причем агитбригада, разбившись на звенья, работала на трассе вместе с бывшими лодырями и отказчиками, а вечером в клубе объявленные лодыри и отказчики, перевыполнившие на производстве свои нормы, заняли почетные места в первому ряду».

«Музыкальное оформление, — докладывает другая агитбригада, — наше собственное. Руководит оркестром и сочиняет музыку Васька-домушник, материал пишет Павлуха-скокарь. Пишет он поэму, марши и оратории. Хорошо доходит до зрителя материал агитбригады, и зрители буйствуют, когда мы ставим его. Она у нас стройная, на военный образец, тяжелая, монолитная, в ней чувствуется сила удара, военная мощь и великая отрада.

И целая книга написана у нас поэм, маршей, лозунгов и песен. Принцип этих песен у нас такой, чтобы не вспоминать о старом, а призывать себя к новым боям и новой жизни.

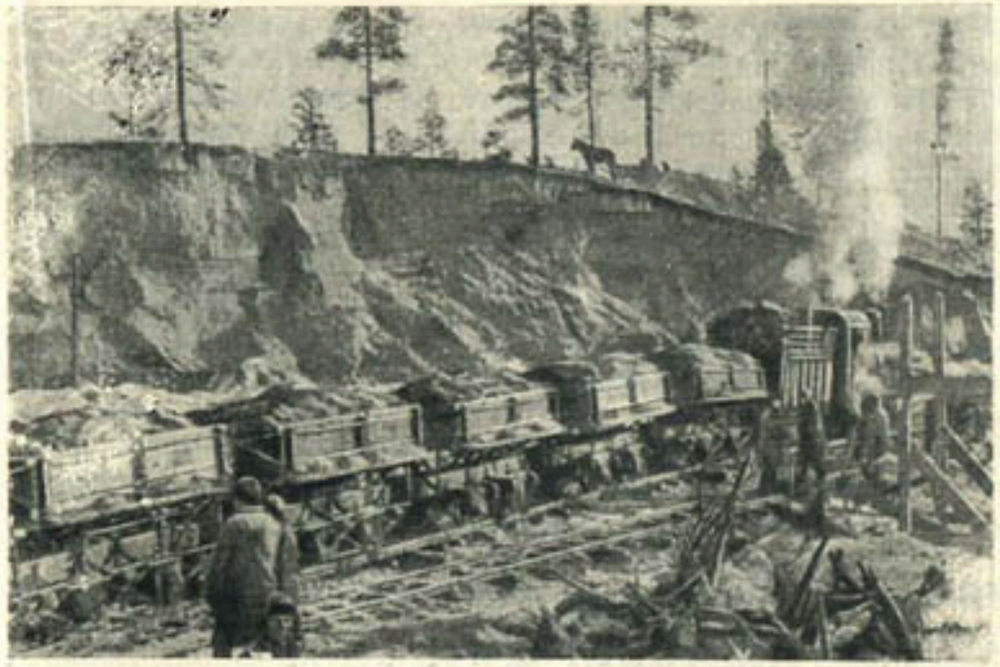
В этом томе поэм, сочиненном коллективом, все бои описаны на трассе, на дамбах, на перемычке, написаны ответы на приказы командиров о перековке людей».

Растет страна и ширится уже пятнадцать лет.
Немало героических мы создали побед.
Себя перековали — рапорт можем дать,
Что путь в страну свободную нам можно открывать.

Поется песня, сочиненная Машиным.

В скалах диабазовых вырубим проход.
Эй, страна, заказывай с грузом пароход!

Пройдемте утром вдоль канала, пока еще не исчез перла-

Паровозик знаменитый — афанасьевский, сейчас он на Москанале

мутровый блеск снега, пока не обнажилась бурая земля, пойдемте медленно, пристально всматриваясь в эти лица, в эти фаланги, в эти знамена. Вот по обеим сторонам канала скрипят деревянные деррики. Трасса сверкает на солнце. Внизу — люди бьют молотками и бурят.

Мы идем так по кромке 165-го канала около полутора часов. Всюду деррики, всюду молотки, всюду бурят. Над каналом проложены мостики, упирающиеся в подъездные трапы, по этим трапам каналоармеец везет тачку, а другой поддерживает ее крюком. Здесь очень тесно. Вы подумайте, здесь работает около 30 тысяч рабочих на фронте в какие-нибудь шесть верст, причем каждый из них желает сделать по возможности больше и по возможности скорее, каждый из них торопится, и некоторые сбиваются с темпа. Это большая и сложная наука — как бы поэкономнее разложить доски, трапы, чтобы получилось меньше оборотов. Вот почему, если вы помните, говорит инженер с восково-желтым лицом: «Руководитель втыкает палочку в землю, опирается и часами наблюдает за тачками».

По дну канала шмыгают паровозики. Сверху донизу они исписаны лозунгами, иногда на тендере они катят с собой бригаду оркестра, иногда спешно перекладывают кому-то рогожное знамя. Отвесно тянутся перед паровозиками стены канала:

здесь разрабатывают породу не террасами, а как бы сразу создают пропасть.

Бригадиры напряженно следят, не курит ли кто, хотя им самим чертовски хочется покурить. Но надо тянуться, иначе закурит один, закурит другой, две минуты на папироску, в день набежит сорок минут, а если сорок минут помножить на тридцать тысяч! Табак оставляют дома, а если же кому нестерпимо: положи щепочку в рот.

Завтрак. Пищу привозят прямо на трассу. Ударники получают первыми. Жуя пищу, они расспрашивают, какая бригада сколько выработала и почему сорвалось у одних и вышло лучше у других.

Около шести часов канал пустеет.

По дну канала быстро бегут люди. Наклонятся, шарят землю. Выпрямляются и опять бегут дальше.

Один за другим, один за другим опрокидываются взрывы. Взрывов так много, что в близлежащих лагпунктах люди перестали вздрагивать.

Лопаются электропровода.

Камни летят в небо, с гулким эхом падая обратно.

Окна заставляют ставнями, чтобы осколки камней не попортили рам.

Взрывы продолжаются до темноты, но иногда и в темноте. Тогда уже совсем непонятно, как же нащупывают подрывники этот свой удивительный «луч взрыва», потому что и в темноте они остаются на месте. Весь канал разделен на серии участков. Все они трепещут, трещат, над ним стоит пыль, грязь, мелькают в этой пыли камни, и колышется жирный дым.

Так гудит канал часа два, а затем начинается ночная смена.

Всю ночь канал освещен. Прожектора. Кое-где оранжевые костры. Люди поспешно греют руки и возвращаются к своему делу.

Бранят подрывников, хотя те и без того мечутся по дну канала, как акробаты, — почему так медленно идут взрывы, почему так мало взрывают, нельзя ли найти какие-нибудь «особые аммоналы для более невозможной атаки грунта». «Нет таких аммоналов», отвечают подрывники. Окончив взрывы, подрывники остаются подле тачек. Люди роются по двое суток без перерыва, без сна, они, сонные, идут в барак, в головах шумит, а руки, кажется им, еще не выпустили тачки. Прорабы, инженеры протестуют, уговаривают их покинуть трассу. Они отказываются.

Скорей, скорей! — гудят оркестры.

Скорей! — поют агитбригады.

Вохровцы, охраняющие скалы и машины, отложили винтовки и работают вместе с ударниками. Вот уже сброшены ши-

нели, расстегнуты вороты, вохровцы катят тачки, вот у них уже доска показателей, и они идут к высокой норме.

Мартовское солнце на полдне, отличное весеннее солнце, радуйтесь, южане!

Удивительное дело. Эти люди, мечтавшие о солнце, мечтавшие о тепле, встречают его свет со злостью, даже с бранью, особенно когда оно подбирается к полдню и напускает всюду лужи. Экое злое животное. Дай ты закончить, ну, куда ты лезешь, чего ты путаешься не в свое предприятие?

Если померковать, пораздумать, посудить, то ведь оказывается, что многие из этих людей полюбили не только работу, не только то, что руки их огрубели и умеют держать топор или слесарный инструмент, но вот это дно шлюза. Медленно умещались они в нем, медленно и неумело, а вот обшили, обтесали, обложили ряжами, оглянулись и охнули: батюшки вы мои, так ведь это я же сделал для всей страны, для всего мира, для всего лучшего человечества. Ух, ты, смотри, каким гусем идет по дну шлюза такой вот человек, ух, ты, как у него свободно двигаются руки, и голос какой-то особенный, какого он с детства у себя не слыхал. Идет, он посвистывает и чрезвычайно доволен своим хозяйством. Поместительный шлюз взбухали, просторный. И он выходит из шлюза и бредет по кромке строения дальше. Он видит дамбу. Она лежит перед ним, опершись локтем на берег озера, словно какая-нибудь непомерная, пышнейшая красавица перед сном подперла голову и думает ленивыми, небольшими мыслями. Еще немного, и она опустит голову на подушку и заснет крепко-накрепко, а сейчас она вспоминает кого-то, какого-то героя, какого-то строителя, мыслителя, ударника. Щеки ее горят, плечи ее покаты. «Понабили дамбу, — думает он, — лихо понабили, отличные памятники оставим». И вдруг он протирает глаза и видит перед собой канал, весь как он есть и будет, от моря до моря, весь он как есть, построенный им, Левитанусом, Подлепинским, Крамером, Якубом, Хасановым, Волковым, Багдасаровым, Кирпиченко — десятки тысяч этих имен — да что построенный: до последней щепочки, до последнего камешка полюбленный, выпетый, выласканный...

«Весна идет, весна, смекайте, ребята!»

Шестнадцать часов охрипшими уже голосами поют агитбригады. Ребята уже на трассе не понимают слов песни, некогда мешкать, некогда задумываться над словами, надо гнать породу, надо гнать сон, надо гнать усталость, а по дороге выгонять всяческую пакость из себя.

Ветер весенний старухой поет.
Труден ваш, детки, по скалам поход,
Надо пустить в тридцать третьем

Вдоль по каналу большой пароход.
Надо пустить в тридцать третьем без грусти.
Надо. Так будет, о чем разговор!..

Вырубим,
Вычистим,
Выроем,
Пустим
В землю лопату,
По соснам — топор!..

Но все-таки мало темпов, еще где-то что-то не доглядели, еще какие-то силы дремлют, или может быть кто устал. Слышится грозный голос Москвы:

«Приказом № 1 по главному штабу ББВП все строительство переведено на боевое положение. До конца строительства объявляется сплошной штурм».

Погода совсем испортилась: то снег, то мороз, то дождь, а то все это вместе. Ноги вязнут в грязи, сапоги тяжелеют, одежда промокает, а к вечеру покрывается ледяной корой, или это так кажется, но тем не менее работать труднее. Прегадко-таки отвечает природа на приказ № 1.

Люди отвечают по-иному.

Много фаланг целиком, а ударники так поголовно сверх установленного рабочего времени остаются на два часа ежедневно. Женщины снимаются с мест. Из прачечных, из кухонь, машинистки от пишущих машинок, канцеляристки — все выходят на трассу.

В центре многочисленных фаланг и бригад землекопов, скальщиков, бурильщиков, тачечников — женская подрывная команда. Возгласами неудовольствия, смехом, шутками встретили сначала женщин работавшие на трассе. Сурово посмотрела на них тридцатипятница Фенька, крепко ругнулась Нюрка, нехотя промолчали остальные. Расторопно, как на учении, заложили первый заряд аммонала подрывницы. Вокруг хохотали, задирали, подбадривали, отвлекали и мешали работать. Неторопливо подожгла Фенька шнур, а сама осталась на месте. Стоит, на цыпочки приподнялась, наблюдает, не потухнет ли на полдороге. Шмыгнул огонек за камни, скрылся. Вытянула шею Фенька, не видно пламени. Шагнула вперед.

«Ложись, ложись, убьет!» неистово орали каналоармейцы. Забыв про опасность, застыла Фенька, пока не приметила совсем близко от патронов привскочивший кончик змеящегося от пламени шнура. И в тот же миг дернула ее за ноги подползшая Нюрка. Во-время свалила и прижала к земле, обхватив сильно рукой. Прогрохотал взрыв, над головами взвизгнули осколки, обсыпало, как горохом, мелочью, застлало глаза каменной пылью, и больно садануло Нюрку по ноге острым куском валуна. Растирает она ушибленное место и матом в бога кроет Феньку — не сдержалась тридцатипятница от боли. Та молчит, смущена, и подругу жаль.

Чувствует себя виноватой.

Подскочил к Феньке прораб Ящиковский, сделал замечание.

Рисковать, мол, не имеете права.

После нескольких взрывов подрывники рассаживались на отдых, а люди с лопатами и заступами быстро убирали разбитый кусок скалы. Вагонетки и тачки выкатывали наверх измельченные камни, а бурильщики, вливаясь в скалу, готовили новые гнезда для аммонала и динамита.

И затем опять — взрывы.

Выехавшая 19 марта на второй боеучасток штурмовая бригада ударниц Медгоры «Ответ на приказ № 1» была встречена некоторыми работниками участка с недоверием. Инспектор КВЧ Зарываев старался скомпрометировать бригаду, доказывая, что она ни на какую ударную работу не способна.

Поставленная на скальные работы 12-го пикета Водораздельного канала бригада в первый же день работы, 20 марта, дает 200 процентов.

21 марта ее выработка — 210 процентов.

На одном участке с женской бригадой работает бригада узбеков, которая все время отстает, давая 80 или 90 процентов. Женщины берут эту бригаду на буксир. Они обещают довести выработку узбеков до ударных показателей.

И это им удалось.

АФАНАСЬЕВЦЫ НА ШТУРМЕ

Афанасьевцы вызывали на Водоразделе общее недоумение.

— Что они, чесаться приехали?

Общий подъем как будто не захватил пикеты первой фаланги. Там за грунт не принимались еще — не торопясь, очищали трассу от хлама, цепочкой растянулись по возвышенности и укладывали новые гоны; досок нехватало, в дело пошли жерди.

К Шершакову подбежал возмущенный бригадир Дьячук — маленький, хитрый украинец.

— Кругом работают, а мы в бирюльки играем!

Прораб спокойно напомнил ему директиву Афанасьева: сначала хорошие гоны, сытые лошади, потом — кубатура.

Вечером сотрудник «Перековки» громко передавал по телефону на Медвежку результаты первого дня штурма:

«Второе отделение с приходом фаланг подтянулось, переняло у них героические темпы Беломорстроя и дало 136 процентов

нормы. За ним идет третья фаланга — 132 процента. Шестая выработала 116. Фаланга Афанасьева делает превосходные гоны, тщательно приготовила грунт к выемке. Это несомненно скажется на ее работе в дальнейшем. Седьмая фаланга опоздала на один день: просидела на четырнадцатом разъезде из-за неподачи вагонов».

Вырисовывались первые недостатки, которых так счастлив избежал Афанасьев, обеспечив фалангу всем своим. Завгуж Шавани Боровко всучил успенцам среди сорока лошадей пятнадцать негодных. Возчики пробрались ночью на конюшню и перевязали бирки от своих кляч к гривам битюгов из чужой фаланги. «За каждую плохую лошадь, — распорядился Успенский, — дать Боровко сутки ареста». Понадеявшиеся на снабжение за счет второго отделения горько ошиблись: грабарки, отпущенные Большаковым, оказались нечиненными. Нехватило кубов для кипятка. Повара задерживали обед.

Завхоз Макиевский ходил и потирал от удовольствия руки.

— Я понимаю, канал — общее дело, но все-таки приятно, когда накормлены именно твои люди. Смотрите, у меня сегодня обед из четырех. Завтра я привожу пищу прямо к вам на трассу.

Начались взрывы. Они следовали один за другим в неравномерные промежутки времени. Подрывники прятались за камни. Ухо настолько привыкло к грохоту, что однажды начальник ПТЧ второго отделения выхватил часы и закричал:

— Прораб, почему они не рвут? Они опоздали на целые десять секунд.

— Они рвут, — ответил прораб, — слышите, как стучит по крыше!

Стенки канала делались все выше. Ровные, как бы выпиленные в скале, они лакированно блестели от влаги. По дну змеились рельсы, сновал паровозик. Полутемный коридор тянулся на север до самого горизонта.

Второотделенцы шли попрежнему впереди. Они заставляли делать деррики по 148 подъемов в день. Чудовище, медленно поворачиваясь основанием туловища в гнезде, покряхтывая, звякая цепями, тащило вверх неприподъемный валун и бережно клало наземь. Вагонетки заполнялись в несколько секунд.

Вторая декада истекала, но Афанасьев все еще медлил дать своей фаланге развернуться. Он регулярно звонил Шершакову.

— Как дела?

— 125.

— Так и держите.

Ему все казалось, что время для решительного нажима не пришло. Фалангистам надо втянуться в постепенное повышение выработки, лошади еще недостаточно в теле.

Герои Водораздела — афанасьевская фаланга

Приезжая, он до позднего засиживался в бараках, иногда оставался там ночевать.

— Тощаков, почему ты бледен и худ? Ешь хорошенько.

— Чего-то спина зудит.

— Заверни рубашку. У тебя фурункулы, ложись в больницу.

— А кто за меня будет скалу добывать? Медведь, что ли?

— Скажи лекпому, чтоб тебе давали больше молока.

Тощаков вышел проводить начальника. Тихий и скромный, этот парень, попавший в свое время под влияние вороватых друзей, никогда не высказывал своих сокровенностей при людях. Он и на этот раз заговорил с Афанасьевым с-глазу-на-глаз.

— Спина заживет... Вот беда: скопил 85 рублей, просыпаюсь утром — ни денег ни талона на обед.

— Что? — тревожно спросил Афанасьев и даже приостановился, — может потерял?

Воровство в условиях лагеря — самое страшное: оно отчуждает людей, родит недоверие друг к другу.

— Кто спит по соседству с тобой?

— Усачев.

Вскоре медведеобразный рыжий верзила неуклюже топтался перед Афанасьевым.

— Тебя не узнать, Усачев. Ты пришел ко мне вором, грубияном, а теперь — в фаланге с самыми лучшими, но есть еще у нас паразиты, крадущие у своего брата. Тощаков скопил на дорогу домой 85 рублей.

Усачев бурно вздохнул и полез лапой в карман.

— На, отдай! Деньги не нужны, так, для практики только. Руки чешутся.

Можно было выставить вора на суд перед всей фалангой, и она потребовала бы немедленного его изгнания. У Афанасьева — свой путь к человеку: надо показать, что мы действительно перевоспитываем, и он вернул Тощакову деньги, никого не посвятив в историю.

Лагерники его любили. Усачев в день приезда начальника бегал по трассе и трубил:

— В подарок ему нажмем 50 кубов лишних.

Однажды на шлюз к Афанасьеву явилась ветхая старушка.

— Сынок тут у меня, — шамкала она.

А сынок штурмовал Водораздел, за 26 километров.

Григорий Давыдович вызвал секретаря и приказал отправить бабку на Водораздел с первым же автобусом, но через четыре часа он увидел ее сидящую на пне, сморщенную, прозябшую.

Его никогда не видели таким.

— Почему? — задыхаясь от бешенства, кричал он, и секретарь насилу мог понять, что речь идет о старухе.

— Автобус был переполнен нашими сотрудниками.

— Трое суток под арест! Вы не коммунист, не чекист, так поступают только враги! Отправить бабку на моей машине!

Потом, когда секретарь отбыл наказание, Афанасьев спокойно объяснил ему причину своего гнева.

— Вам надо научиться понимать простые вещи. В этом случае с машиной для старой деревенской женщины — вся советская власть. Она вероятно думает, что сын осужден невинно. Но, увидев к себе такое отношение, скажет: «Не могут люди с таким сердцем судить невиноватых» и, поверь, выскажет это сыну, а, приехав в деревню, выпустит про нас такую газету, какой не сочинить всем газетчикам.

Сын старухи зашел к Афанасьеву и сказал:

— Я конечно враг советской власти: крал у колхоза зерно. Чем я могу тебе отплатить? Вот мои руки, вот весь я. Скажи только — и знамя наше.

Афанасьев не пропускал ни одной лошади, чтобы не ощупать ей бока, не заглянуть в зубы.

— Ребра проступают, и шерсть свалялась. Чья это? Вдовченко? Дайте мне Вдовченко. Это что? — показывал он возчику на квадратный кусок фанеры.

Цифры веселят

— Бирка под № 1165.

— Это не бирка, а твой пропуск в трудовую жизнь. Ты что, весь век собрался кулаком быть? Небось своим — гривы расчесывал.

С тех пор Вдовченко ежедневно ходил на кухню и собирал для своего коня картофельную шелуху.

У Афанасьева были лучшие лошади, об этом знали все фаланги.

Десятник Лагзда при выезде на работу пропускал мимо себя весь обоз, ревниво прислушиваясь к голосам колес. Вот раздался режущий ухо скрип. На грабарке сидел кулацкий сын и уже готовился почать пирог с капустой.

— Мне эта музыка не нравится, — сказал Лагзда, взял у извозчика пирог и спокойно отдал его лошади. — На, тебе надо поправляться, тяжело возить несмазанную грабарку.

У Афанасьева был лучший обоз, его ставили в пример всем штурмовикам.

На девятнадцатый день штурма только слепой не мог видеть, что знамя отберут второотделенцы. Мнение, существовавшее о них как о лодырях, рассеялось. Борьба за знамя выявила горячие головы, ловкие руки, хороших организаторов. Большаков первым приходил на трассу и уходил последним. Его КВЧ не сходила со страниц «Перековки» как образцовая. Рекордисты во главе с Кругляковым и Григорьевым давали невиданную даже в штурмовые дни выработку — 324 процента.

Выравнивалась и уже тянулась за знаменем шестая.

В первое время ее подводили бригады Агеева и Чуника. Рекордист Смирнов встал в ряды агеевцев, и через несколько дней бригада, вычистив картежников и пьянки, не давала меньше 157 процентов. Сам председатель фаланги Степанов

взял на буксир чуниковцев, и те начали выполнять вместо трех четвертей нормы — полторы.

Сводную не переставали лихорадить беспорядки. К подбору людей здесь отнеслись халатно, и это дало себя знать. Пришлось перевести в рядовые рабочие десятника Гнездилова, спавшего на трассе. Бригадир Бояков спекулировал хлебом и махоркой. Внезапно обнаружилось, что повар Михайлов продает на сторону хлеб и обеды. Пикеты фаланги посетил Френкель и, увидев, что работой распоряжается воспитатель Орлов, спросил:

— Где руководитель Манилов?

Выяснилось, что вольнонаемный Манилов из месяца в месяц продает свой паек, а довольствуется с лагерниками.

— Десять суток ареста Орлову, под суд Манилова, сменить все руководство фаланги! — кратко заключил Френкель.

Не все ладилось и в фаланге Успенского. Инженер Волынцевич, высокомерный барин, заменил живое руководство бумагой, а разъяснения — приказом. Успенцы, привыкшие к другому обращению своего начальника, роптали и жалели, что его нет с ними. Но его крепко держал участок, где тоже назревал прорыв.

20 января на втором слете штурмовиков Водораздела знамя было передано второму отделению, Афанасьев же получил почетную грамоту за образцовый быт фаланги и общественную работу. Едва он сошел со сцены, его обступили фалангисты.

Афанасьев хитро посматривал на Шершакова, огорченно пожимал плечами.

— Подвели вы меня.

— Ты скажи только! — кричал тот самый лагерник, которого приезжала навещать мать.

В поздний час Афанасьев вызвал прораба, десятников, бригадиров и сказал им только два слова:

— Теперь можно.

Они поняли это как сигнал к решительной борьбе за знамя и разошлись по баракам готовиться к завтрашнему удару по скале и плывуну.

На утренний развод Афанасьев вышел спокойный, посвежевший, видимо дав себе в эту ночь поспать несколько часов. Он поздоровался с людьми, ему ответили недружно, вразброд, все еще не позабыв вчерашнее огорчение.

Афанасьев заговорил, и это была не речь, а скорее команда.

— Я не могу сейчас назвать вас иначе, как товарищами. Мы не лезли прежде времени в драку, пока не подготовили все для победы. Время настало. За знамя Карельского ЦИКа, за свободную трудовую жизнь, за последний штурм канала!

Он повернулся и зашагал под гору, не оглядываясь, чув-

Выемка готова, но зачистка еще не произведена

ствуя всем существом, что сейчас же крутой ветер подхватит людей и неудержимо понесет вслед за ним. Фаланга стояла на месте всего только несколько секунд, потом вслед за прорабом и десятниками кинулись бурильщики Николаева, бригады Дьячука, Еремеева, все остальные. Затарахтели по гонам грабарки. Выбежали учетчики, врач и воспитатель. На берегу канала Шершаков приостановился, поднял руку и крикнул:

— Бушлаты долой, чтобы размахнуться можно было! — и первым сбросил свой наземь.

Под ногами и лопатами зачавкала жидкая глина. Бухали о скалы заступы. Из общего гула вырывалось звяканье кувалд бурильщиков. Десятки рычагов выворачивали из вековых гнезд валуны. Над грабарками мелькали лопаты. На стенках канала висела мохнатая плесень инея, рогатые сосульки, а от голых рук и мокрых тельников шел теплый пар и легким туманцем курился в морозном воздухе. В чугунных ладонях Усачева сломался рычаг, за новым бежать некогда, он встал на колени и, побагровев от натуги, сдвигал плечом зеленоватый, в трещинах камень, но не удержал — валун шумно закувыркался вниз.

— Берегись!

Несколько человек облепили камень, взваливая на грабарку.

— Прими руки!

Матвеев Николай не успел — и острый угол породы раздавил ему палец.

Невозмутимый Лагзда не охнул, только чуть изменился в лице.

— Вам придется пойти в амбулаторию.

Матвеев, морщась, обматывал палец тряпкой.

— Честного человека, Август Иванович, и без руки уважают, а если совесть прожженная, так и голова не мила.

Не обращая больше внимания на десятника, он побежал к следующей грабарке. Матвеев не уходил с трассы до конца дня и сделал 185 процентов нормы.

Плывун появился неожиданно, сразу на двух пикетах. Его выпирало из недр, как хорошую опару. Становились лучшие рекордисты, упрямые и неуступчивые. Не разгибая спины, они черпали жижу часами, и все же яма не углублялась ни на сантиметр. Человек выдыхался, осатанело смотрел себе под ноги, и крупные капли пота падали с его лба на плывун, как слезы бессильной ярости.

Подходил Афанасьев.

— Надо что-то придумать. Пробейте канаву — он сам потечет под уклон.

Плывун желтым, густым ручьем медленно тянулся по каменному жолобу. Повеселевшие землекопы подгоняли его лопатами.

— Не силой, так сноровкой.

Каждая грабарка была прикреплена к группе землекопов. Поджидая, когда она вернется порожней, землекопы простанвали.

— Борьбу с обезличкой нельзя доводить до абсурда, — сказал Афанасьев и распорядился насыпать первую подъезжающую грабарку.

На возвышенности стоял наблюдатель и отмечал в книжке число заездов. Возчика, сделавшего 35 заездов, художник рисовал масляными красками. Число заездов увеличилось до 45.

Люди вылезли из канала, смотрели пьяные от усталости и счастья на развороченную утробу скалы, горы кавальера и не верили, что все это сделано вот этими руками, потрескавшимися от мороза, окаменевшими от мозолей.

— 180 процентов, — доложил прораб Афанасьеву.

— Так и держите, — указательный палец начальника сделал в воздухе черту, — но чтоб все в гору и в гору.

— Есть в гору.

К афанасьевцам приходили из других фаланг и спрашивали о причинах успеха.

Шершаков с гордостью показывал точно слитые гоны, упитанных сытых лошадей, способы борьбы с плывуном, потом разводил руками.

— Главное — люди. Об этом секрете спросите у начальника.

Опыт афанасьевцев обсуждался на заседании штаба штурма и переходил ко всем. Под руководством нового прораба Брангулеева и начальника КВЧ Титаренко подтягивалась сводная.

Первая продолжала набирать темпы. Дьячук наконец дошел до 200 процентов, вскоре эту же выработку дала вся фаланга. Подрывники не успевали заготовлять породу. Угрожали простои. Тогда бурильщики Еремеева стали исчезать по ночам из барака. Прораб при обходе видел пустые нары.

— Где люди?

— Уйди, Шершаков, дай отдохнуть, — сонно отвечал бригадир.

Под утро бурильщики на цыпочках пробирались в барак, их встречал Еремеев.

— Как?

— Все в порядке, — отвечали ему и валились на постель, чтобы отдохнуть перед разводом.

Подрывники, раньше всех выходившие на трассу, видели десятки приготовленных на ночь бурок.

Звонил Афанасьев.

— Сколько?

— 225, — неизменно отвечал Шершаков.

На очередной слет штурмовиков приехал Фирин. Он держал древко знамени Карельского ЦИКа и перед лицом всего слета говорил Афанасьеву:

— Ваша фаланга завоевала его не только количеством сделанного, но главным образом — качеством.

Григорий Давыдович стоял на вытяжку, заметно бледный. Он не блестящий оратор, и ответ его, обращенный к фалангистам, был немногословен.

— Вот ты, товарищ, что сидишь в первом ряду. Может быть ты думаешь, что знамя — это простое красное полотно. Ты скажи, почему оно красное, а не какого-нибудь другого цвета? В свое время на нем запечатлелась кровь лучших борцов нашего класса, запоротых нагайками казаков, расстрелянных царскими палачами. Когда ты получишь свободу, то собери вокруг себя твоих бывших друзей, еще не пойманных воров, и расскажи им, что слышал от меня. А мне дай обещание, что знамя это мы не выпустим из своих рук до конца штурма и увезем его с Водораздела на наш участок.

И не выпустили.

Вплоть до окончания разработки своих пикетов фаланга не отступала от достигнутых 225 процентов.

Пикеты принимал Френкель. Он прошелся по их точно

отполированному дну, не запачкав ноги, не обо что не споткнувшись. Он осмотрел точеные стены, уходящие вверх, и поджал губы. Френкель, от которого за все время строительства никто не слыхал ни разу похвалы, на сей раз процедил, как бы недовольный тем, что сделано лучше, чем он хотел:

— Чистенькая работа.

21 апреля строители остаются на свои обычные два часа, которые они отрабатывают каждый день сверх установленного времени. И вот эти два часа по всему фронту Водораздельного канала превращаются в непрерывный 48-часовой аврал, завершающий штурм. 48 часов не спит и не ест Водораздельный канал. Кони валятся с ног, но конюхи стоят бодро. Машины застревают в грязи, машины устали, но шоферы и грузчики непоколебимы.

Все это удивительно еще и потому, что здесь в течение 48 часов не спят все тридцать тысяч человек, собранных возле канала. Не спят добровольно, своей волей. Обслуживающие предприятия покинуты, бараки пустынны, кухни, лазареты, почта — все на трассе, все ждут конца.

— Не отставать!

Тридцать тысяч в непрерывном 48-часовом труде. Ведь здесь чрезвычайно разные люди: и слабые, и здоровые, и ни то ни се. Но что-то поддерживает их. Вот кто-то задремал, чьи-то руки подхватили, он свалился, заснул, проспал пять минут и сам проснулся. Ему дали глотнуть воды, он потер опухшие глаза и опять продолжает свою работу.

23 апреля в шесть часов вечера из клуба 1-го боевого участка выносят знамя. На красном зелеными буквами: «Даешь воду!» Длинной колонной строители идут пешком последний раз по дну канала к плотине Пуарэ. Впереди их — руководители. Строители идут крупными шагами, каждый думает: как же пойдет вода?

Крошечные ножницы разрезают красную ленту, которая стягивала все подъемные щиты плотины Пуарэ. Ножницы блестят, лента извивается и падает.

Короткий торопливый митинг. Говорят все чересчур громко, и всем хочется оглянуться на желто-шоколадное Вадлозеро. Уносчивые воды, крепкие, прах их задери, сколько над ними мучались! Речи окончены. Над каналом взвит уже флаг Республики советов. Площадку плотины занимает аварийная бригада.

Товарищ Большаков командует:

— Часовые, подняться вверх!

Часовые поднимаются. Теперь канал пуст.

В семь часов вечера аварийная бригада, замирая сердцем, медленно приподнимает первый щит. В канал падает мощный,

желтый поток воды. Его встречают салюты противоположного берега: глухие громы взрывов. Оркестр! Спеши вперед, вдоль канала! Подо что же, если не под твои звуки должны мчаться первые потоки? Вот несут воды забытую папиросную коробку, вот вытащили громадную щепу и — дальше, дальше.

Поднят второй щит. Его черный рот исчезает, чтобы пропустить лавину воды, которая разваливается у плотины. Показываются горбы третьего щита, четвертого.

Вода, кувыркаясь, устремляется вдоль по каменному коридору.

ПЕРВАЯ ВОДА НА БЕЛОМОРСТРОЕ

Низкие бревенчатые стены, заклеенные диаграммами и сводками о движении рабсилы.

В комнате трое.

Небритый юноша, седоусый человек в спецовке и напротив него высокий человек с лицом ксендза. Проходит, медленно вздергивает рукавицу, прижимая ладонью к столу телеграмму.

В телеграмме несколько слов о том, что плотина Пуарэ готова к пуску воды.

Говорят тихо. Говорят о том, что лагерники Водораздела с волнением готовятся к этому событию. Это для них большой праздник. Еще бы. Первая вода на Беломорстрое. Подведение итогов многомесячной работы. Первое испытание сооружений. Выдержат ли они встречу с водой?

Впереди плотины перемычка — временный ряжевый водоспуск. Его надо взорвать. Говорят о том, что хлынет вода и взорванные бревна могут пробить деревянные щиты плотины Пуарэ. И тогда озеро Вадло ворвется в незаконченный 165-й канал. Но есть и другая опасность. Взрыв может оказаться недостаточно сильным, и тогда почти невозможно будет добрать под водой остатки взорванных ряжей.

Подрывной операцией руководит опытный инженер-минёр. Это успокаивает.

В будке звонит телефон.

— Алло. Медгора. Алло, говорит Водораздел. Сегодня в 20 часов пуск воды!

Ревущий открытый форд полным ходом мчится на трассу.

В автомобиле человек с лицом ксендза.

Это заместитель главного инженера Константин Андреевич Вержбицкий.

Воздух лопается, вспоротый взрывами.

Он рвется, как гнилая материя. На 165-м канале взрывают скалу.

Константин Андреевич Вержбицкий взбирается на дамбу.

Внизу горят костры. Кричат вагонетные составы. Скрипят, вздымаясь, ковши. Жужжат перфораторы. Дробно стучат молотки.

Все эти звуки сливаются в глухой, нестерпимый гул. Идет торопливая, нервная борьба со скалой. Торопятся с пуском воды.

Впереди плотины на ряжевом водоспуске — голоса.

Там торопливо выбивают доски, разбирают ряжевый водоспуск, вода переливает сквозь пробоины, медленно ползет к плотине. Гаснет электрический свет, смолкают голоса. Участок перед плотиной и за нею пустеет.

Только на мостике стоят несколько человек с фонарями. Свет от фонарей падает на смоленные щиты плотины. Щиты блестят, как полированные.

Впереди минированный ряжевый водоспуск. Там — пустота, молчание.

И вдруг — глухой подземный удар, сотрясающий плотину. Люди, стоящие на мостике, в испуге цепляются за поручни.

Над ряжевым водоспуском распускается на огромную высоту черный взрывчатый куст осколков камней, бревен и грязи.

Камни свистят в воздухе.

Черная волна, метра в полтора высоты, с ревом мчится на плотину и, не добежав, закружившись винтом, белыми пенными гребнями омывает щиты. И успокаивается.

Над местом, где был водоспуск, — мертвое зеркало воды.

Уровни до бывшего ряжевого водоспуска и от водоспуска до плотины сравнялись. Плотина Пуарэ приняла полный водяной напор. Воды Вадлозера пошли по каналу 165.

Было это ровно в 20 часов 30 минут 23 апреля 1933 года.

ПОСЛЕ ШТУРМА

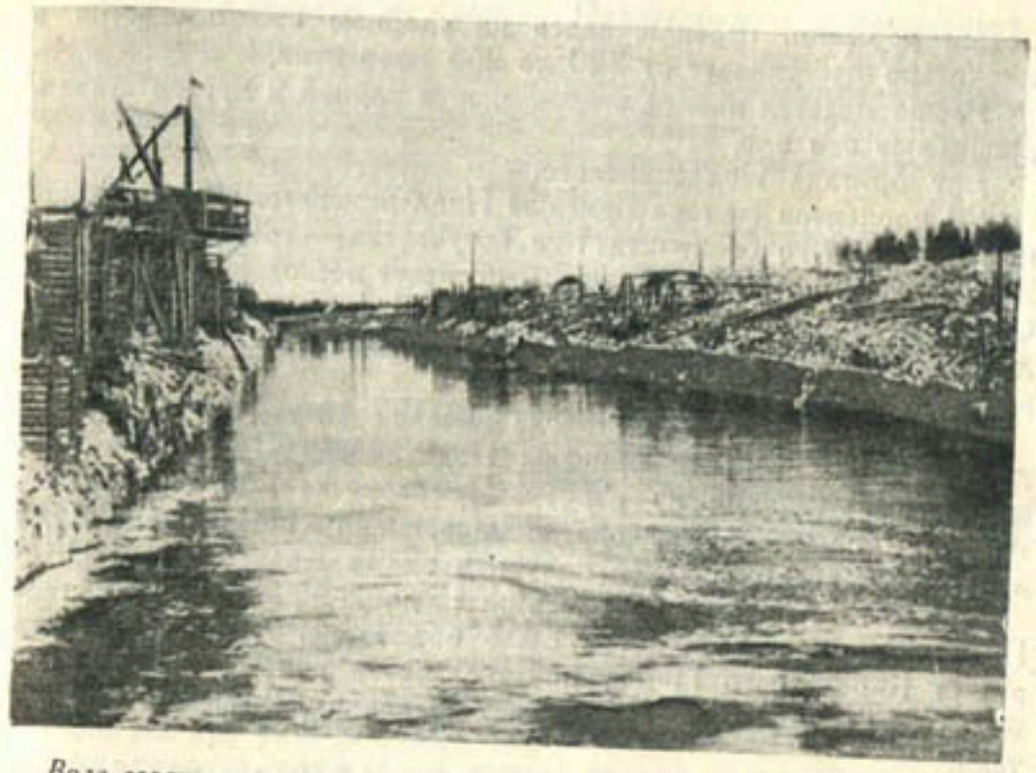
Уже весна. Небо великолепное: лазорево-синее, а вокруг — светлозеленая весна. Теперь бы передохнуть, выспаться. Посмеиваясь, люди идут в бараки.

Люди ложатся спать, но сон их недолог. Первыми просыпаются бригадиры: «Э, не убавлять высоты! — говорят они. — Беспрекословно, если мы утишили Вадлозеро, то еще не значит, что остальные водяные междуканальи дремлют».

Фаланги двигаются. Они идут на север и на юг, вслед за водами. Они уже мало думают о том, что ими совершено на Водоразделе. Давайте помогать другим. И фаланги присматриваются: кому же помочь?

30 апреля готов шлюз на Телекинке.

Прекрасный, емкий шлюз. А кто там еще выглядывает из-за сосен? Это на первом боевом пункте приготовили четыре новых шлюза Повенчанской лестницы. Боепункт с ног до головы увешивается плакатами. На крыше его — портрет Ильича с рукой, устремленной на север. Боепункт непрестанно гремит оркестрами. Строители пляшут все танцы, какие только им известны, а им известны многие танцы многих земель.

Вода соединила озера

«Мы стали любоваться воздвигнутой нами гордыней, повенчанскими шлюзами, — говорит нам организатор трудколлектива каналоармеец Левитанус. — Я со своим коллективом брал здесь первый грунт, а теперь заканчиваю канал, о котором мы все, вместе взятые, не имели полного и даже частичного понятия, что он выйдет такой — международный красавец. Я всю свою жизнь не забуду, как помощник прораба подозвал меня и сказал: «Давай, Левитанус, украшать берега шлюза елками».

И я стал выкапывать лузы. Эту миссию я делал с таким чувством, как будто я кормил своего ребенка такой пищей, от которой он на моих глазах полнел и здоровел».

Нет, запал штурмовой работы не исчез, а, наоборот, усилился. Они «подшвырнут до моря свое бывшее несчастье», эти люди, так, как обещали.

Смотрите — на штрафной командировке 2-го боепункта организована бригада Петрова из лагерников, которые раньше вырабатывали не больше 15 процентов, имея кроме того по 20 или 30 отказов. Теперь бригада, подхваченная общим штур-

мовым порывом, переключилась на ударные «возможности» и ежедневно выстукивает от 220 до 265 процентов.

Расшатывается вконец старое здание глупой и пустой жизни. Дошибают это зло.

Вот бригада Подлепинского.

90 процентов состава бригады Подлепинского, что на Северном канале, 1-го боепункта 1-го боеучастка — тридцатипятники. Большинство членов бригады насчитывает несколько судимостей. Сам бригадир имеет их одиннадцать. В прошлом, в очень недалеком, кстати сказать, они завсегдатаи РУРа, злостные отказчики.

21 апреля, т. е. тогда, когда начался 48-часовой аврал Водораздела, 17 человек бригады Подлепинского вышли из отдельного помещения на работу. И сразу же бригада перевыполнила нормы. В мае она включается в соревнование. Она хочет немалого: она хочет получить знамя Карельского ЦИКа.

«Начались эти сверхрекордные дни, — рассказывает нам Подлепинский, — дни, когда было объявлено, что ежедневно знамя Карельского ЦИКа и Карельского обкома получает та бригада, которая в данную смену выявила наивысшие показатели.

И в первый же день соревнования — 6 мая — моя бригада дала 630 процентов на выемке нескольких грунтов. Знамя было вручено нам в торжественной обстановке, с духовым громким оркестром.

Каждое утро при разводе комиссия делегатов, опять-таки с оркестром, несшая мне это знамя, говорила:

— За такие-то показатели бригада Подлепинского получает его, и вот принимай, бригадир, заработанное.

Знамя это красивое, плюшевое, с золотистой обшивкой и круглыми кутасами. Мы забиваем колышек в землю и привязываем к нему знамя, дабы оно не повалилось. И возле знамени стоят почетные караулы, два вольных стрелка, чтобы никто из другой бригады не пришел знамя трогать.

И если в этот день никто не перекрывал моих норм, то знамя оставалось, и мы вновь утром выходили к месту работ в той же торжественной силе».

Подлепинцы чрезвычайно боятся потерять это знамя. Им предстоит большое испытание. Вначале им за рекордные показатели вне очереди предоставляют льготы. Бригада совещается. Ей лестно. Со знаменем приходят они в комиссию по льготам и в длинной и витиеватой речи заявляют свои желания. Они коротки.

«Знамя будет при нас, а насчет льгот скажем просто и обыкновенно: не хотим их заполучать, пока канал полностью завершим и увидим что-нибудь такое, похожее на пароход»,

Отойдем в сторону от бригады Подлепинского и направимся к реке Повенчанке.

Здесь 9 мая в 12 часов 35 минут закрыт водоспуск дамбы, перегораживающей русло реки Повенчанки.

Воды Боровецкого плеса только что заполнили оконченный Северный канал 2-го боевого пункта.

Мы, товарищи читатели, не описываем торжеств и речей, мы не хотим утомлять радостью — ее много еще предстоит впереди. Итак одной дамбой еще больше.

А сейчас мы вернемся к оставленной нами бригаде Подлепинского.

9 мая, день, когда закрыт водоспуск дамбы у реки Повенчанки, был для бригады тяжелым днем. В этот день пришлось бригаде Подлепинского уступить знамя Карельского ЦИКа бригаде Новикова, которая дала более высокий показатель. Откуда он появился, этот Новиков? И вот, «страдая бесслезно», с раннего утра 10 мая бригада Подлепинского работает с исключительно напряженным упорством и твердостью.

Бригада отказывается передать занимаемый участок. Рабочий день окончился. А ей какое дело?

Для нее он, рабочий день, может быть только что начался. Другая бригада пришла на смену, пускай в другом месте и работает. И с нею спорят, бранятся. И лишь по категорическому приказанию начальника участка, «подчиняясь таковому со злостью», подлепинцы возвращаются наконец в лагерь.

В этот день бригада Подлепинского дала новый невиданный рекорд: 852 процента плановой нормы, т. е. 17 человек произвели работу за 144 человека.

11 мая на утреннем разводе бригаде Подлепинского вручено красное знамя Карельского ЦИКа. Но подлепинцы не одиноки.

Вот перед нами 6 тысяч человек ударников 4-го краснознаменного боеучастка, завоевавших в напряженных боях знамена: Карельского ЦИКа, знамя штаба по основным работам, знамя центрального штаба по лесным работам. Все они — 6 тысяч человек, брошенные на штурм 7-го боевого участка, — говорят:

«Нет, мы не снизили надвоицких темпов. Нет, мы добровольно отказываемся от первомайских льгот впредь до настоящего завершения работ, до прохода кораблей, советских, наших кораблей по каналу».

Неужели же ни одному из этих 6 тысяч не хочется домой? Неужели все 6 тысяч человек никого и нигде не любят: ни семьи, ни дома, ни города? Мы разговариваем с ними, просматриваем их переписку, мы их расспрашиваем. Здесь есть и крестьяне, есть и мелкие жулики, есть те, которых называют интеллигентами. Скучают ли они по дому? Ну конечно скучают. И дети у них есть? Они любят детей. Они показывают фото-

графии. А если бы пораньше заинтересовались, так их и посмотреть нетрудно, они приезжали на свидание. Отличные дети, учатся отлично, понятливые, в науку надобно пустить, теперь, видите ли, все двинулись в науку. Да и домишки любят. Огородик там разведешь — капустишка или огурец, все-таки самими взлелеянная пища, — как не любить домишко? Да и город отличный. Стоит у реки. По берегу сады. Вдоль реки пароходы катят. Обрыв также и под обрывом — лодки, 50 копеек в час. Берешь там на три часа, тут тебе музыка, а рядом сидит некоторая любовь. Как не любить нашего города? Люблю!

Оказывается, они любят, уважают многое, там, вдалеке, оказывается, семья, отцы, матери, возлюбленные или жены. Ну, так в чем же дело, почему вы отказываетесь? Вот все — 6 тысяч — от льгот?

— Да знаешь, совестно как-то. Начали большое хозяйство, а тут взял, да и бросил, не докончил. Вот все говорят, что даже заграничные страны, и те начинают завидовать такому огромному хозяйству. Детишки, да и небось весь город начнет попрекать, дескать, струхнули.

Мужик чешет поясницу, смотрит в юно-розовое небо и вздыхает:

— Обсудили все шесть тысяч. Ты не полагай, что без обсуды. Судили мы долго. Со всех сторон получается: совестно бросать. Уж лучше доробить, а там с тихой душой и поплетемся к своим. Самое трудное начало выдержали, а здесь же мы стерпим и поднажмем.

— Ты откуда?

— Алтайской мы области. Волчиху — такое село слышал?

— А ты?

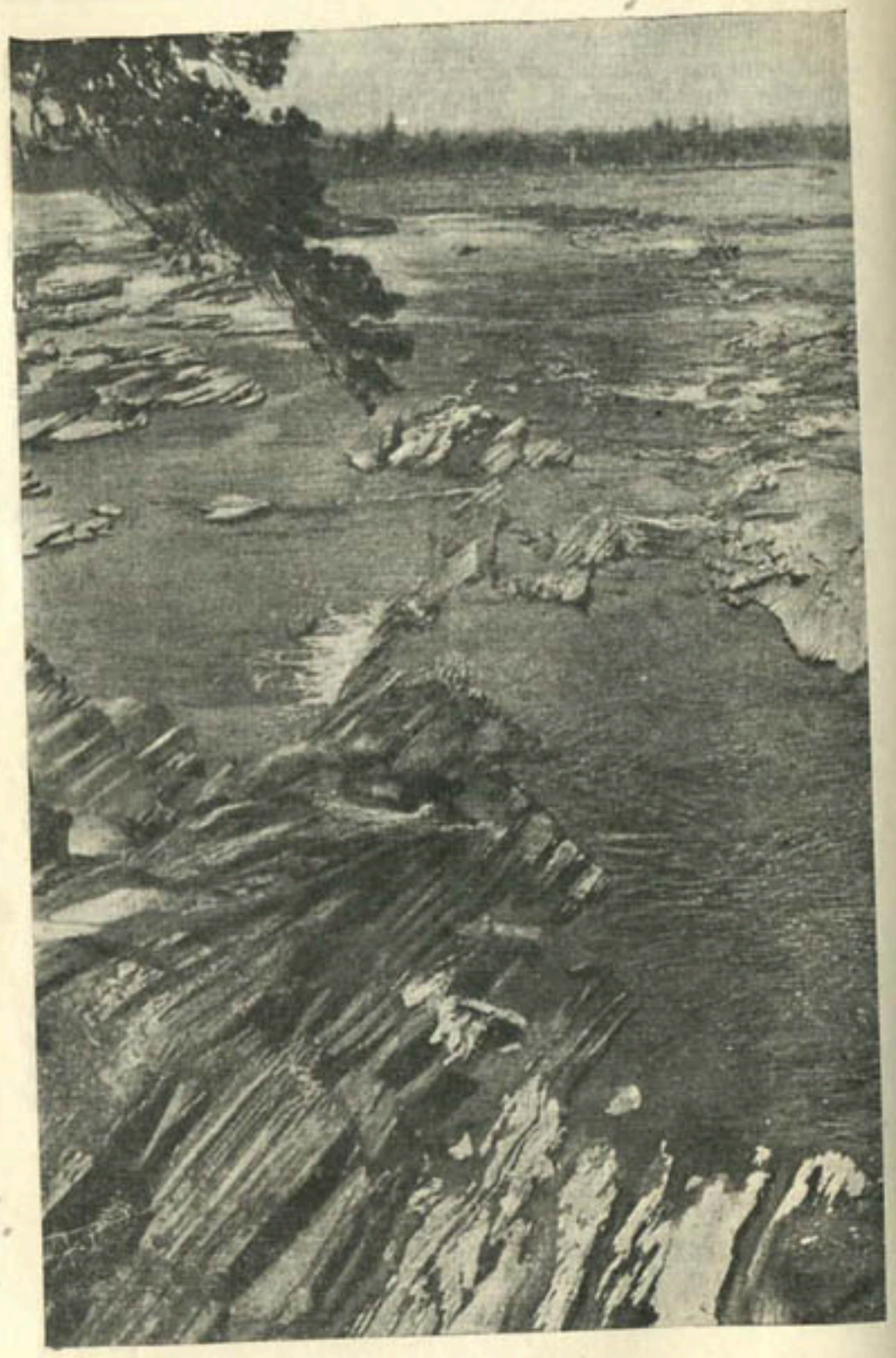
— А мы — пензенские, родимый.

— Что ж, пензенский — так он и не понимает? Он в одном снаряде со мной думает. Уж и пензенские, и тульские, и самарские, и алтайские, а досидим, пускай он наши топорики помнит, канал-то, а как его по имени-батюшке будут называть — не знаю...

*

ГЛАВА 11

ВЕСНА ПРОВЕРЯЕТ КАНАЛ

Идет ледоход — скорее заставить воду итти по нашему руслу, сколько и когда нам надо!

Глава одиннадцатая

ВЕСНА ПРОВЕРЯЕТ КАНАЛ

В СТРАНЕ ВЕСНА

ВЕСНА 1933 года.

«Челябинский завод тяжелых тракторов накануне пуска», пишут газеты.

«Уралмаш, завод будущих заводов, кончает монтаж».

«Рионгэс готовится дать первый ток».

«Магнитогорская домна № 2 выдала первый чугун».

«Первый алюминий на Запорожском комбинате».

«Монтаж Кузнецкого мартена».

«Автозавод в Горьком выпускает 75 машин в день».

«Сталинград выпускает 100 тракторов».

«ХТЗ . . .»

«АМО . . .»

«Чиатури . . .»

«Ярославский резиновый . . .»

Какая бурная готовится весна. Лед ломается, земля теплеет, пароходы готовятся отчалить от киевской пристани, чтобы пройти по днепровским порогам — впервые в истории.

Уже на весь мир прозвучал доклад Сталина об итогах первой пятилетки. Он продолжает обсуждаться на Беломорстрое — так же, как изучают его десятки миллионов трудящихся. О докладе Сталина говорят на трассе, в лесу, в бараках. Доклад Сталина неустанно разъясняют чекисты. И доклад Сталина отвечает на все вопросы колеблющихся, с неслыханной силой

ускоряя темпы и глубину перековки тысяч заключенных. Большевистская воля побеждала в лагере, потому что большевики окончательно и навсегда победили в стране. Чекисты оказались победителями, потому что они были верными ленинцами — верными сталинцами, ибо сегодня быть большевиком, пролетарским революционером-ленинцем — значит быть сталинцем.

Окончена пятилетка. Новые города в бывших пустынях, новые люди, новая наука. Запад слушает гудение весны в нашей северной стране, экономические бюллетени пестрят новыми цифрами чугуна и угля, профессора читают цейтшрифты со статьями пролетарских ученых.

Профессор Жолио (Париж), профессор Дирак (Кембридж), профессор Франсис Перрен (Париж) готовятся приехать в Советский союз, чтобы познакомиться с профессором Синельниковым (Харьков), комсомольским парнишкой, и его друзьями— Вальтером и Лейпунским.

Трансформатор Тасла вводит два с половиной миллиона вольт в трубку, где нет ничего. В ее свободном поле, ожидающем молнии, но спокойном, возникает движение частиц, не только невидимых, но даже и не представимых. Там, в пустоте, почти межпланетной, со скоростями, близкими к скоростям света, несутся протоны — мельчайшие кусочки материи. Стрелка вольтметра движется вправо, треск повышает свою частоту, и невидимая артиллерия простреливает пространство миллионами снарядов. Запах грозы щекочет ноздри. А на столе — в стекле и металле — совершается процесс, открывающий тайны строения всей вселенной.

Элемент литий превращается в гелий.

Атом лития, эта плотная семья электронов, сжившихся в течение миллиона лет, спаянных друг с другом страшной силой, равной которой нет на свете, осуждена на смерть и на новое рождение. Несущийся протон врезается в него, разбивает самое сердце семьи — ядро — и разрушает теорию о том, что атом неизменен и неделим. Комсомольские парни из Харькова, молодые физики Ленинграда повторили работу Кокрофта и пошли дальше.

Страшные взрывы в самой глубине вещества. Они освобождают скрытую энергию, ту самую, которая делает камень — камнем и железо — железом, которая, как костяк, держит весь мир. Какую немыслимую силу даст это в руки нам, людям будущего бесклассового общества. Горошина угля сможет перевезти океанский пароход из Гамбурга в Нью-Йорк. Стакан воды заключит в себе энергию Днепростроя.

Вот это будет весна.

Сегодня она начинается — взрывами тракторного шума на полях колхозов,

взрывами льда на днепровской плотине,
взрывами пламени в новорожденных домнах,
взрывами атома в лаборатории комсомольцев,
взрывами скал на Беломорстрое.

ВЗРЫВ СКАЛЫ

Оттаивают сталактиты на деревянном лагерном водопроводе. Дороги стали выпуклыми, как вены на руке старухи. Снег в лесу пестр от хвои. День выходной. У ворот лагеря в синем свитере стоит бритый человек. Явно грустит.

Спрашивает его начальник:

— Тебя как зовут?

— Я — Жора, по прозвищу «Неуловимый».

— Сколько тебе лет?

— 32 года.

— А сколько ты сидел в тюрьме?

— 17 в общей сложности, — ответил человек без улыбки...

Зимой клали бетон. Строили тепляки, подогревали воду, песок.

Укутывали матрацами тележки с бетоном, подогревали его в первые дни схватывания.

Твердея, бетон потом сам выделяет тепло вследствие химического процесса. Из тоннелей внутри плотин, так называемой патерны, валит пар. Там жарко; туда мечтают забраться, чтобы выспаться, прогульщики.

Работали по часам. На стройке в тепляках тикали ходики. Инженер Вяземский ездил инструктировать зимний бетон; при нем высверливали образцы и отвозили их в лабораторию.

Зимой промерзли земляные сооружения, положенные из охлажденного грунта.

Весна была опасностью. Как ни притрамбован грунт, но он будет оседать. А ледяная корка на земляных сооружениях помешает правильному равномерному оседанию. Весна была страшна, потому что весной должно было выясниться, что проморожено, что испорчено карельской зимой. Весна была страшна, потому что весной должна была притти вода. Весна была самым строгим контролером.

Земляные сооружения были построены посуху, но теперь нужно было пустить их под напор воды.

На Водоразделе скапливали воду для будущих шлюзований. Уже оживали ручьи, воды становилось больше, чем могли выдержать сооружения, а выпустить ее было некуда. Узлы сооружений еще не были связаны в одну систему и, когда появилась корка — наст — на снегу и подули первые теплые ветры, начались прорывы.

Вода ожила: она бежит рядом с сооружениями, проверяет перемычки и обволоки

Так бывает и с человеком: отморозишь пальцы и на улице не больно, а войдешь в теплое помещение — пальцы пухнут и болят. Строительство с весны болело прорывами. Нужен очень зоркий глаз, чтобы уловить зарождение прорыва. Редко прорыв возникает от какой-нибудь одной, легко различимой причины. Обычно он созревает медленно и незаметно. Он не бывает монолитен: он мозаичен. Даже происходя от какой-нибудь одной беды, он впитывает в себя все мелкие недоглядки, неполадки, неувязки, недооценки или переоценки. Накопления мельчайших бедствий дают катастрофу. Случаи предотвращения прорыва сравнительно редки. Раз начавшись, он приобретает недобрую инерцию, он идет вширь и вглубь. По дороге он наматывает на себя дополнительные неудачи. Он, как магнит, притягивает к себе самые незаметные промахи. Прорыв лечат обычно штурмом. Но не следует преувеличивать значение штурма. Это геройство, вызванное плохой организацией работы, неправильной расстановкой сил

Весенний прорыв 1933 года на канале необычайно показателен в этом смысле. Его поступательное движение по трассе неуклонно. Намечаются даже как бы контуры закона: на каждом последующем сооружении прорыв увеличивается в такой же мере, в какой это сооружение менее доделано, нежели предыдущее. Первопричины прорывов различны: в такой же мере различны и типы прорывов. Одни из них возникают от преждевременной успокоенности. Так было в Надвоицах. В Надвоицах почти все было кончено, оставались только небольшие хвосты: неотесанный бок 10-го шлюза и недобранное дно. На 23-й плотине не были еще установлены щиты.

Это казалось настолько несерьезным, что Главный штаб строительства счел возможным забрать оттуда Успенского и перебросить его в Сосновец, где прорыв был ясен. Надвоицы считались вполне благополучными до того часа, когда весенняя вода начала напирать на недоделанные 10-й шлюз и 23-ю плотину. Этот «хвостовый» прорыв был ликвидирован авралом в марте месяце.

Но прорыв шел дальше по трассе. Его как бы катила перед собой весна. Он докатился до Тунгуды, и там он принял более серьезный характер. В Тунгуде сооружения были готовы, но существовал кубатурный прорыв на канале как следствие недоучета сил противника, в данном случае — весны. Здесь могла образоваться закупорка вены с водоизлиянием во все стороны.

Кроме недоучета весны здесь сохранялись следы кирсановской туфты, когда рабсила была преждевременно переброшена отсюда в Надвоицы. Следовательно прорыв был отчасти «туфтовый».

Наиболее серьезный вид прорыва наблюдался в Шижне. Прорыв не только производственный, но и бытовой.

Шижня была самым отдаленным участком строительства. Здесь было севернее и холоднее. Здесь летом были еще белее ночи и зимой еще темнее дни. Здесь было дальше от дома, письма шли дольше, новости приходили позже. Железная дорога проходила стороной. Доставка снабжения была сильно затруднена.

Чувство оторванности порождало в людях отчаянность. Нигде не было такого злостного РУРа, как здесь. Наиболее упорные отказчики были именно в Шижне. Не желающие работать люди получали урезанный паек, но многие из них попрежнему продолжали филонить. Их выработка была крайне низка. Это увеличивало прорыв на производстве.

Производственный прорыв ухудшал моральное состояние людей, и это разлагало лагерь. Плохо работая и переходя на уменьшенный паек, они вшивели и хворали. Лагерники давно

заметили, что на отказчике вошь злее бывает. Это происходило оттого, что человек всячески опускался.

Получалось так: бытовой прорыв вызывал прорыв производственный, который в свою очередь вызывал прорыв бытовой. И так, влияя друг на друга и отражаясь друг в друге, эти два прорыва слились в один большой, глубокий, северный шижненский прорыв. Это не был заколдованный круг — преодолевать прорыв следовало с производственного конца, с дисциплины труда.

ШТУРМ В ТУНГУДЕ

Весна вкатилась в Тунгуду. Расселась по всем дорогам, по всем тропам. Широкую свою сияющую рожу она наклонила и к 6-му боевому участку.

А на 6-м боевом участке, на 182-м канале, громадный прорыв. В этот прорыв проваливается весь наш канал, все наши труды, все наши заботы.

Ударники 6-го боевого участка дважды брали на себя обязательство полностью уничтожить отставание бригады. Но они не только не исполняли своих торжественных обещаний и клятв, но и количество отстающих бригад увеличивалось.

— Мы нанимались разве?

Вожак подмигивает своей бражке, и та хохочет громко и вызывающе.

— Местность здесь здоровая, — говорит Соловьев-отказчик, не только сам не работающий, но и сколотивший вокруг себя компанию приверженцев. — Против этого мы не говорим, хорошая местность. А работать мы не станем.

Братва восхищенно слушает вожака и одобрительно хохочет. Эх, яд-парень!

Напрасно воспитатель усовещевает их: только смеются.

— Ну, прорыв — подумаешь, слезы.

А между тем мало в Тунгуде рабочей силы. Мало ударников. Много лодырей. «Перековка» выслала в Тунгуду свою специальную бригаду для выпуска особого штурмового «Бюллетеня».

Осталось десять дней. Чтобы выполнить мартовскую программу, придется удвоить нормы выработки. На 13-м шлюзе много недобранной скалы и грунта. Там же не загружены ряжи.

Завтра — первый день штурма и завтра же, еще до развода, во всех бараках должны быть экземпляры штурмового «Бюллетеня».

Утром люди в серых бушлатах уходят на 13-й шлюз, к устью реки Выг. Воспитатель каждому дает листовку — первый «Бюллетень» выездной редакции. У каждого — листовка. У каждого — план. Каждый каналоармеец знает теперь, сколько, какую норму он обязан сделать.

По гребню строящегося канала к 13-му шлюзу идут двое.

Остробородый человек с шарфом, замотанным вокруг шеи, смеется и шутит. Это Ливанов, строитель знаменитого Шаваньского шлюза. Когда Шавань была закончена, ему поручили достраивать тунгудский участок. Тяжелое кирсановское наследство досталось Ливанову.

И однако он шутит и улыбается так же, как и другой — инженер Верховский — инспектор Френкеля, присланный им в помощь Ливанову.

Работа начинает развертываться. Но не все ладится сразу. Вот человек бранится. Верховский идет к нему. Человек яростно бранится оттого, что тачка соскочила у него на повороте с катальных досок: колесо тачки скрылось под снегом. Почему катальные доски положены так скверно? Кто виноват? Ясно, бригадир. Ему бы до развода на производство притти, а он дрыхнет до десятого часа. Ему бы до начала работ как следует осмотреть все и как следует наладить, а он чешется да зевает.

В другом месте — стоят нагруженные вагонетки. Их нельзя гнать к эстакаде. Из-за этого задерживаются передние вагонетки. Почему задержка?

Впереди поставлена слабосильная бригада Иванова. Разве это дело? Слабосильная, так ставь ее в хвост, а не задерживай весь состав.

Вот десятник указывает на группу каналоармейцев на дне шлюза.

— Бригада Шаповалова. Народ был — хоть оторви, да выбрось. Им на разводе рогожное знамя выдали. Над ними смеялись — рогожные, мол, орлы... Им проходу не было. Ну, теперь уже дней пять рвут и мечут. Интересуются сменить рогожное знамя на красное. Надо поддержать ребят.

Все это сотрудник каналоармейской газеты «Перековка» берет себе на заметку.

«Бюллетень» выходит два раза в день. Бостонка работает без устали. Помимо «Бюллетеня» она печатает лозунги, эпиграммы-четырехстишья. Каналоармейцы на каждом шагу слышат голос своей газеты — бодрый знакомый голос.

Человек должен хорошо работать.

Но когда человек лучше работает?

Когда он увлечен работой, здоров, сам вымыт и белье на нем чистое.

Не зря ударницы по триста штук за смену
В туманной прачечной старались отстирать
Белье, которое ударники наденут,
Из бани выйдя, кубометры брать.

Из репертуара агитбригады (И. Теренть[illegible]).

РАЗГОВОР НА ЧИСТОТУ

Обычно порядок стирки белья был таков:
Дезинфекция.
Стирка.
Сушилка.
Гнидобойня.
Гладилка.

На гнидобойню сажали преимущественно монашенок, известных рукодельниц. Орудием производства в их работе служила им металлическая палочка, которой они, сильно нажимая, проводили по шву, и стеклянный осколок для чистки. Монашенки сидели тихо, работой себя не утруждали, их мало кто тревожил. За работой они все поминали какую-то мать Евлампию, которая за отличный уход за телятами была премирована юнгштурмовкой.

Надев короткую юбку с гимнастеркой и взглянув в зеркало, мать Евлампия пришла от себя в такой восторг, что навсегда осталась в новом обличье. Этого монашенки не могли спокойно переварить.

В первых числах февраля 1933 года гражданка Протешнина, едущая на свидание к мужу в Медгору, в пути почувствовала себя плохо. Она все пристраивала голову повыше, чтобы не так болела, и глаза закрывала и пила воду глоточками. Но лучше ей не становилось.

— Ой, бабочка, не сыпняк ли, — приглядевшись к ней, сказал одновагонник.

— Ну, и сыпняк, ну, и что ж, — заговорили вокруг. — Муж — он свой человек. Он на вшу не посмотрит, все одно обрадуется.

— Муж — это что! А вот начальство как посмотрит — неизвестно.

— Начальство!.. Да там своих вшей, небось, сколько угодно.

Беломорские вши были одной из любимейших обывательских легенд. Однако по прибытии в Медгору Протешнина была помещена в изолятор и на свидание не допущена. Такая же участь постигла другого больного — гражданина Галицкого, прибывшего во 2-е отделение.

Следствием этих двух сыпнотифозных заболеваний было прекращение свиданий с лагерниками Белбалтлага на две недели.

Боялись развития эпидемии.

Тотчас же вокруг этого запрещения «свиданок» стала наворачиваться огромнейшая буза. Раскулаченные распустили слушок о том, что это никакая не вша, а просто новый нажим со стороны начальства на лагерников, что теперь всех будут

Палатка Красного креста на трассе

морить на работе и родные даже не узнают, кто жив кто помер.

Развернулась жестокая борьба с вшивостью в самом бараке и вне его. Завели черные доски, куда заносились имена «любителей» и «покровителей» вшей. При банях и прачечных были организованы лагкоровские посты для контроля. Самое серьезное внимание было обращено на гнидобойню.

В одно хмурое утро в комнату при прачечной в 6-м отделении вошел начальник, облепленный рыхлым февральским снегом.

— Здорово, матери! — сказал он. — Как жизнь?

— Слава богу, — ответили монашки.

— А работаете как? — Он взял рубаху и помял ее между пальцами. — Плохо работаете, — вздохнул он. — Трещит по швам ваша работа. А раз трещит — значит гниды есть. Придется мне, матери, провести с вами беседу. — Он сел.

— Вы должны теперь хорошо работать, на вас весь Беломорстрой смотрит. Верно говорю. Теперь все зависит от вши. Как появится вошь, так нам и конец. А кто у нас на вшах сидит?

Вы сидите. Следовательно вы и являетесь наиболее ответственным участком строительства.

Монашки переглянулись. Им еще никто до сих пор не говорил, что они являются наиболее ответственным участком строительства.

— Так что вы старайтесь, матери-ударницы. Мы вас за отличную работу премируем. Кого юнгштурмовкой, кого чем. Барак утеплим получше. В «Перековку» про вас напишем. И чтобы этого (он указал на грязный шов) больше не было. Понятно? — Он вышел, оставив после себя гул оживления.

От монашек начальник пошел к прачкам. Там в облаках

пара надвинулись на него женские фигуры с жалобами на то, что котлов мало и стиральные доски стерты.

— Котлов мы вам прибавим, — сказал он. — И доски заменим. Но самим вам тоже надо лучше работать, не то на вас каналоармейцы жалуются, что вы холодной водой все стираете. Руки свои жалеете. А ведь вам уже известно, что на нашем канале появилась угроза сыпного тифа. У нас сейчас трудный момент. С одной стороны, близится весна и подымает воду на наши сооружения. Вы, прачки, знаете, что такое вода и как трудно с ней ладить. А со стороны суши грозит вошь. Этот последний факт всецело в ваших руках. От вас зависит, чтобы его не было. На вас весь Беломорстрой смотрит, вы самый ответственный участок строительства.

После его ухода на продырявленный котел, лежащий дном вверх, вскочила Агафья Маслова, бригадир прачечной бригады, и произнесла речь:

— На канале появилась вошь, а у нас имеются залежи грязного белья: их надо по-боевому ликвидировать. Есть, есть еще среди нас такие, что работают с прохладкой, в прохладной воде. С этой густой заваркой старого быта надо раз и навсегда покончить. Кроме того нам грозит вода. Я предлагаю, отработав в прачечной, итти на трассу и помогать там мужчинам. А они нам за это котлы скорее починят. Так оно и пойдет одно за другое цепляться.

— А чего им помогать, мужикам-то? — сказала Наталья Криворучко. — Мы разве от них что хорошее видим. Все они сплошь озорники.

— Озорники! — закричали вокруг. — А ты сама не озорница? — И они напомнили ей, как во время викторины в одном из мужских бараков на вопрос — «Кто она, что нам всегда подмигивает?» — все единогласно ответили: «Прачка Наталья Криворучко», в то время как правильный ответ был: «Электростанция».

— Ничего не озорница. Мужчинам на нас наплевать, — огрызалась Криворучко. — Об нас на стройке мало думают.

Но примерно в то время, как в прачечной происходил разговор, Фирин диктовал уже свой приказ № 54, в котором указывал на многочисленные недочеты в этой области.

Наиболее сильное впечатление произвел на беломорских женщин 7-й пункт фиринского приказа, который гласил: «Со стороны лагерной администрации и заключенных мужчин нет чуткости и уважения к женщине, в обращениях встречаются грубость, цинизм и никогда не щадится женская стыдливость».

Быть может впервые в жизни Наталья Криворучко, бывшая проститутка и воровка, и многие ей подобные узнали о том, что у них есть стыдливость. И, узнав, они действительно ощутили ее. Приказ этот прокатился по всей трассе.

Прочитала приказ Фирина и Павлова, бригадир женской ударной бригады и контролерша на бремсберге.

— Стыдливость, — говорила она вечером в бараке, — да я и слово это позабыла.

РАССКАЗ ПАВЛОВОЙ, ЗАПИСАННЫЙ НА ТРАССЕ

«У меня отец был сапожником в Марьиной роще. Воры, когда им везло, всегда катали меня на лошадях. Такая веселая жизнь мне очень нравилась. Один раз я слезла к ним по водосточной трубе и с тех пор домой не вернулась.

С девяти лет стали меня воры учить, как в трамваях и по магазинам работать. Тогда воров били сильно. Одного скокаря приказчики железным аршином убили. И взял он пустяки — всего-навсего лодзинских лент мотка два.

Сначала я этих дел очень боялась. Руки даже потели. Но тюрьмы я не опасалась. Таганка для взрослых была. А малолетних воров в приютах исправляли — уроки давали. Девчонки рубашки строчили. А мальчишки иконки фольговые делали и фитилики к лампадкам. От этого у них и руки всегда в цыпках были.

Со мной в то время справиться никак не могли. Матершинницей, хулиганкой была страшной. Один раз я в младшую надзирательницу катушкой бросила. В лицо не попала, но меня все равно на сухой горох поставили. А старшая надзирательница проходила мимо, увидела, что я на коленях стою и не плачу, и говорит:

— Ах, ты, негодяйка! Почему у тебя рожа сухая? Сними чулки. Стань голыми коленями.

Кажется горох — очень простое наказание, но на самом деле хитро придумано. Стоишь на коленях, а ломит все бедро.

Меня еще мокрым полотенцем секли. Только должно быть я вконец стала испорченной, потому что никакое воспитание на меня уже не действовало.

Когда я убежала из приюта, меня подобрала «тетя Катя». Сколько таких девчонок через ее руки прошло — вспомнить невозможно. Она обошлась со мной ласково, подробно расспросила, одела и вскоре продала за тысячу рублей «Витьке Красивому».

Я считала его за вора, а он бандитом был, убивал людей. Со мной он о своих делах не говорил, но я сама видела, что его компания была очень серьезная. Вот один раз он мне говорит:

— Одевайся, пойдешь со мной.

— Куда, Витя?

— Увидишь.

Пошли... Что дальше — помню плохо. Я в той квартире от витькиного зверства упала в обморок.

Очнулась на дворе — он мне уши снегом трет и шепчет: «б...., гимназисточку из себя корчишь». Потом сама привыкла. Прошлого не таю. Убивала и я.

... Я всего не рассказываю. Если моя жизнь приснится кому, в поту тот человек проснется.

Так через тюрьмы, исправдом, через Соловки добралась я до Беломорстроя.

Привез меня сюда милиционер. Мальчик почти. Посмотрел на меня и говорит:

— Вот дорога... Идите, товарищ, в первый лагерь.

Я стою и ужасаюсь. Ведь лес кругом. Как же никто не сторожит? Или стражники в лесу спрятаны? Пошла тихонько по дороге. Так и не встретила никого.

Думала — меня сразу на трассу пошлют.

Но должно быть я коменданту слишком дохлой показалась. Поставили работать в вольную столовую подавальщицей.

Относились здесь ко мне хорошо. Прошлым не тыкали. Только скучно было: какая же это работа. «Один раз борщ флотский, два консоме». Несешь поднос и думаешь: хоть бы срок скорее вышел. Хоть бы минус шесть дали и то все-таки жизнь.

Про канал я тогда знала плохо, вернее, не интересовалась. Что шлюза эти, что на горох коленями — одно и то же для меня было. А на фаланги, на соревнование и знамена я смотрела так: всякий скорее на волю хочет выскочить. Один на штык лезет, другой начальнику кланяется. Раньше набожными прикидывались, теперь с трибуны обязуются.

Злости и озорства во мне по горло было, хотя я начала уже остывать. Иной раз воспитательница скажет:

— Ты бы, Павлова, «Перековку» прочла.

А я смеюсь:

— Что ты меня агитируешь. Ты каэрок учи, они грамотные. А мне зачем газета. Я до ветра еще не хочу.

Или ругаться начну. Так, ни с чего, душу отвести. Одно слово гаже другого. Со мной даже разговаривать боялись.

Но вот однажды приходит ко мне бетонщик Ковалев. Я про него давно слышала, что он с начальством «ссучился» — стал не то бригадиром, не то десятником. Даже видела его портрет с надписью «перекованный». Приходит этот Ковалев и говорит:

— Таська, сумасшедшая... Чего ты с бабами царапаешься. Ступай работать на трассу.

Я отвечаю:

Фото Павловой — так была она раньше зарегистрирована в МУУРе

— Сам ссучился — других тянешь. Все равно, Коля, раньше срока не выйдешь.

Думала, этим его срежу. А он только засмеялся.

— Это, — говорит, — я уже сто сорок раз слышал. Думал, ты, Таська, умнее... Дело не в сроках. Вот я кончу канал — в техники пойду.

— С «медвежатами» играть?

— Брось, Таська, ты меня знаешь.

— А ты меня не агитируй.

Так ни до чего и не договорились. Потом он еще раза два заходил и все рассказывал насчет плотины. Насчет своей «Пуарэ». Упрямый был до невозможности... Под конец я говорю:

— Чего же я сама пойду, Коля? Там одни мужчины. Опять блатные дела пойдут.

— А кто тебе женщин не велит собрать?

Собрались.

Некоторые из каэрок говорят:

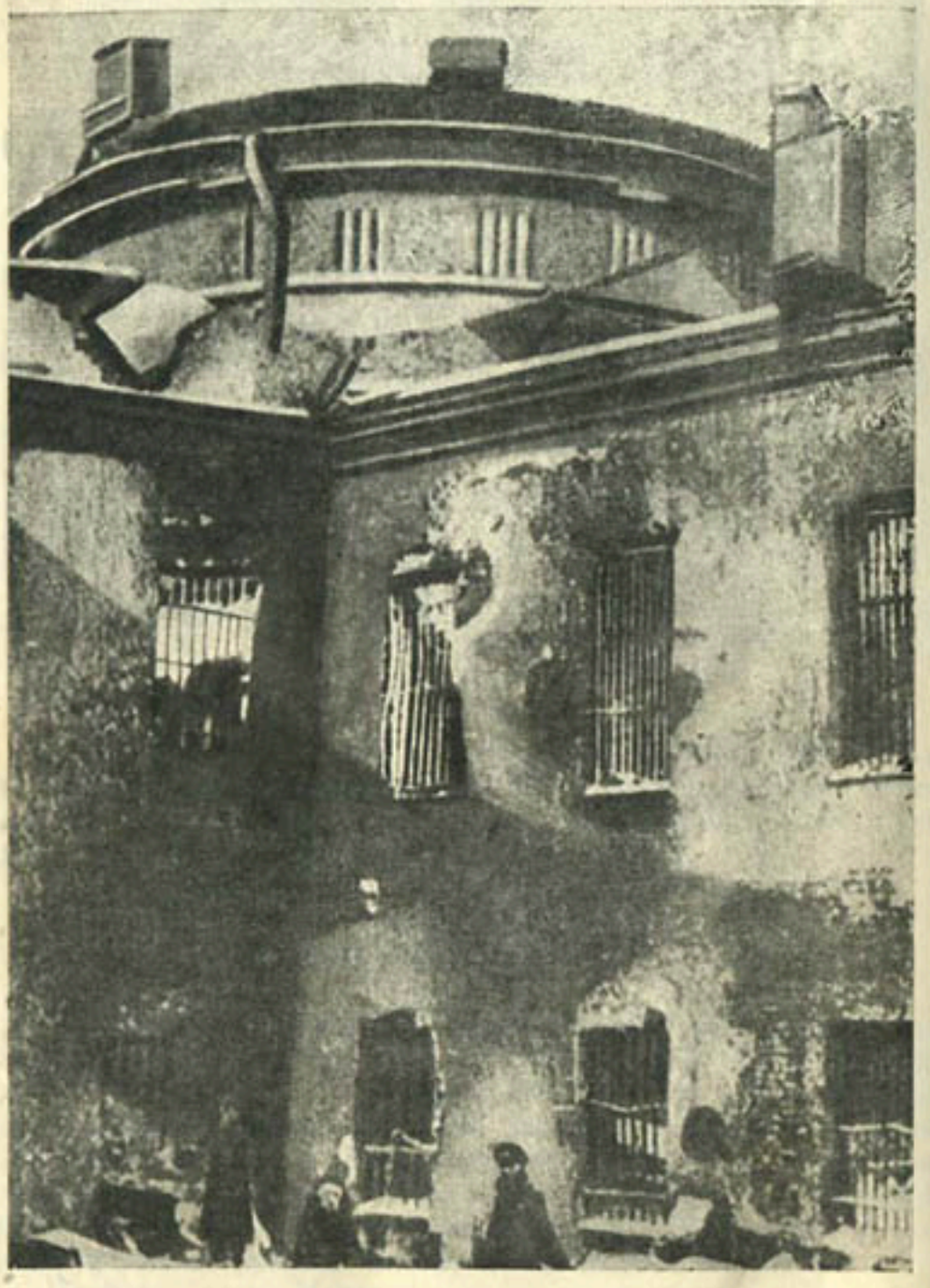
— Нет, из этого дела ничего не выйдет. Павлова одним словом бригаду опозорит.

Тогда я твердое слово дала. Девчонкой маленькой вести себя буду. Язык скушу, чтобы гадость какую не выплюнуть.

Стала работать на тачках. Откосы высокие. Тачка жилы вытягивает. Даже пальцы на руках белеют. Первые дни, казалось, ляжешь грудью от усталости и заплачешь. Но держалась — не хотела, чтобы на женскую бригаду пальцами тыкали. Каэрки тоже не сильнее меня были.

Потом поняла, что не сила нужна. Можно так тачку грузить, что самый здоровый через полчаса задохнется. Если камни к рукояткам наваливать — весь груз на весу везешь. Так можно грыжу получить. А чем ближе к колесу, тем легче.

Сначала я поняла тачку, а потом начала понимать, что вокруг. Толкаешь тачку на гору и видишь: лежит в лесах канал. Днем на корыто похож. А вечером весь в электричестве, точно Тверская. Стелется дым, паровозы кричат. За поворотом аммонал ухает. Наташка из нашего барака диабаз рвет... А на

Революция сломала эту тюрьму

Глава двенадцатая

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕРЕКОВКИ

НА БЕЛОМОРСКОМ КАНАЛЕ

На Беломорском канале меня заинтересовали не те люди, которые то ли в силу случайности или, как сказал один заключенный, в силу «мусорных обстоятельств» стали правонарушителями.

Меня заинтересовали люди, которые глубоко втянулись в жизнь, построенную на праздности, воровстве, обмане, грабежах и убийствах.

Вот к этим правонарушителям, к их перевоспитанию я стал присматриваться со всей внимательностью. Мне не хотелось тут ошибиться. Мне хотелось увидеть подлинные, но может быть скрытые чувства, желания и намерения этих людей.

В самом деле. А что подумали эти люди, когда после праздной жизни столкнулись с тяжелым повседневным трудом?

Что они подумали, когда им стали говорить о новой жизни, о перевоспитании и о социализме.

И что они подумали о своей будущей карьере и о возможностях этой карьеры в нашей стране, где нет собственников и богатств и нет тех «блестящих» капиталистических отношений, которые создают, так сказать, изнанку жизни — грабежи, воровство и убийства — с тем, чтобы завладеть деньгами другого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Скажу правду, я скептически подошел к вопросу перевоспитания. Я полагал, что эта знаменитая перековка людей возникла на единственном и основном мотиве — на желании выслужиться, на желании получить волю, блага и льготы.

Я должен сказать, что в общем счете я чрезвычайно ошибся. И я на самом деле увидел перестройку сознания, гордость строителей и удивительное изменение психики у многих заключенных.

Да, конечно мне пришлось увидеть и более слабые стороны этого дела. Например я долго разговаривал с одним профессионалом — карманным вором. Он, наговорив мне кучу пышных фраз о своей подлинной перестройке, под конец, жалко улыбнувшись, сказал, что по выходе на волю за ним конечно следует присмотреть, чтоб он как-нибудь не свихнулся снова.

Мне пришлось также увидеть у некоторых заключенных излишнюю суету перед начальством, подхалимство и лишние восторженные слова и восклицания перед силой власти, которая, «как в сказке», переделывает людей и природу. За всем этим стояло лишь желание равнодушных в сущности людей выслужиться, желание быть замеченным начальством, желание сделать карьеру. Человеческие свойства, достойные изучения не только в пределах лагеря.

Но это люди мало интересные, они не делают погоды ни в лагере ни на воле, и о них речь между прочим.

В общем же счете, сколько мне удалось увидеть, ни один человек, прошедший суровую школу перевоспитания, не остался именно таким, как был.

Все почти в той или иной мере получили положительную перековку.

А если эта перековка сделал бы из всех правонарушителей идеальных людей — перо сатирика заржавело бы в дальнейшем от бездействия.

26 АВГУСТА 1933 ГОДА

И вот в те дни, когда я был на Беломорском канале, в одном из лагерей был устроен слет ударников этого строительства.

Это был самый удивительный митинг из всех, которые я когда-либо видел.

На эстраду выходили бывшие бандиты, воры, фармазоны и авантюристы и докладывали собранию о произведенных ими работах.

Эти речи при всей своей частью неграмотности и наивности звучали, как торжественные поэтические произведения. В них не было ни капли фальши, или выдумки, или желания ослепить начальство силой и решительностью своей перестройки.

Я запомнил фразу, которую несколько раз не без гордости и самолюбования повторял один бывший бандит: «И теперь вы все берите с меня пример».

Нет, тут не может быть и речи (в общем счете) о той хитрости и коварстве, на которые идут иной раз люди для достижения своих намерений. Я не увидел тут ни подневольности ни даже преднамеренности. Тут было почти все подлинное и полноценное

ТОВАРИЩ РОТТЕНБЕРГ

И вот среди этих удивительных ораторов и докладчиков выступил человек лет сорока, с темным, обветренным лицом, высокий, крепкий, несколько лысый и, как мне показалось, необычайно мужественный и энергичный.

Он произнес речь о своей прошлой жизни, о заграничных скитаниях, о тюрьмах, в которых он сидел. И о том, что он тут сделал, и что с ним тут сделали, и что он намерен делать в дальнейшем.

Одна его фраза меня необычайно удивила. Он сказал: «Буржуазный профессор Ломброзо говорит, что мы, преступники, уже рождены преступниками. Какая чушь. Разве могут рождаться преступники? Мой отец — честный труженик — до сих пор работает. Моя мать — честная работница. А то, что случилось со мной, — я в этом раскаиваюсь и от этого окончательно ухожу».

Этот человек был известный международный вор, фармазон и авантюрист, ныне получивший почетный значок за свою отличную и даже героическую работу на строительстве.

Этого человека звали Абрам Исаакович Роттенберг. Этот человек за несколько дней до своего выхода на волю написал свою биографию. И эту биографию дали мне для литературной обработки.

ЕГО БИОГРАФИЯ

Его удивительная жизнь, описанная им самим, — необычайна. Но еще более необычайна перемена его жизни.

Его биографию, написанную несколько небрежно, со многими литературными погрешностями, длиннотами и повторениями, нельзя было к сожалению печатать без исправлений. Исправлять же такого рода вещи, за которыми стоит подлинная жизнь, яркий язык улицы, непридуманные характеры и наивность человека, далекого от литературы, — задача необычайной трудности.

Есть такая замечательная книга «Жизнь Бенвенуто Челлини», написанная им самим.

Эта книга столь хороша, что ее можно считать в первом десятке лучших книг.

А между тем книга эта написана неумелой рукой и решительно без всякого знания литературных правил. И быть может этим она и особенно хороша.

Когда эту книгу Бенвенуто Челлини дали в свое время одному умному человеку для того, чтобы он подправил ее для печати, он сказал: «Я отказываюсь «причесывать» эту книгу. Этим ее можно только испортить».

И эта замечательная книга, наивная и неграмотная, была напечатана без существенных исправлений.

Нет, я не хочу сказать, что именно то же можно сделать с биографией Роттенберга.

Тут несколько иное дело. Тут композиция вещи сложна и запутана, и читателю было бы трудно следить за событиями. Тут была мертвая ткань, которую надо было оживить дыханием литературы.

Я «причесал» эту рукопись. Но я сделал это как бы рукой самого автора. Я сохранил его язык, его стиль, его незнание литературы и собственный его характер. Это была почти что ювелирная работа.

Такого рода работы мне приходилось и раньше делать. Это всегда требовало опытной руки и особого, почти актерского умения чувствовать все свойства автора.

Итак, вот эта удивительная история жизни человека, написанная им самим, так сказать, «обведенная» моей рукой.

ДЕТСТВО

Я, Абрам Исаакович Роттенберг, родился в Тифлисе. Мне сейчас 40 лет. Мой отец служил рабочим у своего брата. Брат был богатый человек, а отец ничего не имел и почтительно величал своего младшего брата — Давид Исаакович.

А у отца было пять сыновей и две дочки. А самый старший был я.

Мать отдала меня в еврейское благотворительное общество, где учили бесплатно. Это было в своем роде шикарное училище, где давали ученикам на завтрак пирожки, кипяченое молоко и булки.

А когда я приходил домой, то дома часто не было никакой еды.

Мой отец, игрок по натуре, все дни проводил за домино и вдребезги проигрывался. А у матери были мелкие детишки, и ей было тяжело жить, и временами даже она страдала от такой жизни.

А брат отца, т. е. мой дядя, не знал никаких лишений и забот, и его дети ежедневно жрали виноград и яблоки.

Я только смотрел и облизывался.

Тогда, чувствуя себя обиженным судьбой, я стал в школе таскать книги и учебники и продавал их букинисту.

А на эти деньги тоже покупал себе лакомства. И, делая так, я думал: я свое возьму.

Но вот меня заметили в этом некрасивом деле. И вот позвали мою мать и сказали ей:

— Нехорошими делами занимается ваш сын. Возьмите его из нашей школы.

После этого отец бил меня палкой, а мать кричала: «Он больше не будет».

И вот я перестал ходить в школу. И я стал ходить по базарам. И видел там все, что можно было видеть: и как занимаются аферами, и как продают краденые вещи, и что делают люди, чтобы себе заработать на пропитание и на лучшую жизнь, чем они имели.

ПЕРВЫЕ АФЕРЫ

И вот тогда, мальчишкой лет 14, я пошел по торной дорожке.

Там на базаре я сблизился с одним человеком. Его звали Акоп. Он мне дал позолоченные часы и такой же браслет и велел это продать, как будто это было краденое. А сам он сделал вид, что он тоже хочет это купить, но торгуется. А какой-то жадный болван, увидев это, купил у меня часы и был очень рад.

После этой удачи мне стали поручать такие же аферы. И я это делал, но в награду получал пустяки. И мне говорили: молчи, или мы тебя побьем, а то и попросту умертвим. Один раз меня арестовали, но, зная дядину фирму, никто не поверил, что я занимаюсь такими делами. А мировой судья, князь Церетелли, кажется поверил, но посмеялся надо мной, говоря, что я такой маленький и уже так нахально и смело обманываю людей. И тогда меня отпустили.

Но потом меня вскоре поймали за другое дело.

Я одному полковнику продал «золотые» часы за сорок рублей. А он мне сказал: «Если будет еще — приноси всякий раз».

Но когда увидел, что это за часы, ужасно рассердился и заявил в полицию.

И вот тогда меня поймали и дали полтора месяца тюремного заключения.

Отец не ходил ко мне на свидания, а мать ходила. Она меня очень любила и страдала, что я сижу.

А когда меня выпустили, случилось так, что я сразу опять попался на этом деле. Мне дали опять полтора месяца.

А когда по выходе в третий раз попался — меня по закону как рецидивиста отвели в окружной суд.

И там мне дали шесть месяцев тюрьмы. Я думал, что мне не повезло, что я так часто попадаюсь, но мне сказали — это нормальное явление.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

А я был очень расторопный и всегда многим нравился, и меня в тюрьме взяли в аптеку — разносить лекарства.

А когда я разносил по камерам лекарства, я познакомился с одной интересной девушкой, красавицей.

Она там же в тюрьме сидела по таким же приблизительно делам, как и я.

«Подруга жизни» уголовника. Снимок взят из документов Угрозыска

Она была воровкой. Она работала по магазинам. Она была «городушница».

Она в меня влюбилась с первого взгляда и написала мне записку о своей любви.

Она была казачка. Из Кубани. Ее звали Мария Корниенко. И она была так хороша собой, что все на нее глядели и все удивлялись, какие бывают женщины.

А у нас завязался роман, но мне оставалось сроку до выхода месяц, а ей — четыре месяца.

И мы с ней условились, что я буду ее ожидать во что бы то ни стало.

И вот я вышел на свободу и снова стал заниматься этими делами.

Я очень любил Марию. И зарабатывал больше, чем всегда. И ей накупил такие передачи на двадцать и тридцать рублей, что вез все это ей в тюрьму на фаэтоне. И все удивлялись, как это я так много ей вожу.

Я одевался очень хорошо, был очень интересный, денег имел много, и передачи были такие, что она незаметно мною сильно увлеклась и страшно боялась, что я ее обману и не буду ее ждать.

Но я ее так полюбил, что ждал целых три месяца. И вот она освободилась, вышла на свободу, и мы с ней стали жить, как муж и жена.

РАСПЛАТА

Но я тогда скрывался от военной службы (была германская война) и жил на «нелегальном» положении.

А мой отец, этот странный человек, пошедший против своего сына, заявил в полицию, где я.

Меня схватили, но я убежал. И жил с Марией, платя бешеные деньги за то, чтоб нас скрывали.

И несмотря на это, мы с Марией занимались теми же аферами, что и всегда.

Но меня поймали с делом и отправили в Кутаис. Я снова убежал.

И мы стали гастролировать с Марией и зарабатывать большие деньги.

А я тогда ходил в солдатской шинели, и все думали, что если я продаю, то продаю краденое. Все покупали, и мы с Марией жили очень хорошо. Я помогал своей матери. Я не отказывал своей матери ни в чем. И Марии тоже ни в чем не отказывал.

Но я попался на пустом деле. Я ходил в солдатской форме и не отдал чести одному фельдфебелю. А он меня так ударил по морде, что я закачался на своих ногах.

А потом он меня арестовал и отправил к коменданту. А там все выяснилось, кто такой я, и почему я в форме, и чем занимаюсь.

Меня отдали военно-полевому суду.

И я одиннадцать месяцев сидел до суда в заключении.

Тут Мария, страдая за меня и вспоминая мои передачи, стала мне носить много всего. Нет, она меня в этом не перекрыла, но я тогда оценил ее достоинство.

Она была магазинная воровка. И теперь, любя меня, шла на всякое преступление, только бы снабжать меня всем, что я хотел.

Но вот состоялся суд. И меня присудили к каторжным работам на 8 лет.

Моя мать упала на суде в обморок, а Мария так рыдала, что у меня буквально останавливалось сердце.

Меня отвели в отдельную комнату и привели туда этих двух дам, чтоб я с ними попрощался в последний раз.

И туда же почему-то пришел поп и уговаривал мою мать не плакать и дал мне несколько бутербродов, чтоб я закусил. Но я не взял эти бутерброды, потому что какие там могут быть бутерброды в такое время

ИЗБАВЛЕНИЕ

Тогда Мария, уверенная в своей красоте, пошла к кавалерийскому генералу. Она встала перед ним на колени и сказала, кто она, и кто я, и что ей хотелось бы.

Она сказала:

— Он пойдет на позицию и искупит свою вину. Он снова заслужит свою честь.

А генерал ей сказал:

— Я на тебя удивляюсь. Ты — казачка, а так удивительно просишь за жида. Хорошо, я постараюсь для тебя что-нибудь сделать.

Но он не сделал ничего, а на меня надели кандалы, и я стал дожидаться отправки и своей горькой участи.

Но тут вдруг наступил переворот. Наступила наша Февральская революция.

Я вдруг слышу — ломают цепи и все кричат. Нас выпустили всех на двор. И все кричали и бросали цепи на забор.

И тогда я взял топор, разрубил к чорту свои кандалы и тоже повесил их на забор.

И тогда пришел какой-то человек в форме и сказал:

— Что вы делаете? Почему вы тут сидите? Даже кто сидел в городской тюрьме двадцать лет — и то все уже ушли. И ничего не дожидаются вроде вас.

Работа на царской каторге была такая: один молоток на три человека

И мы хотели уйти, но вдруг приехал председатель исполкома и сказал:

— Подождите. Я отправил телеграмму Керенскому. И он завтра даст ответ, что с вами делать.

Тогда мы устроили митинг. И мы дали Временному правительству обещание не заниматься больше этими делами.

И тут, как сарочно, снова приезжает председатель исполкома и говорит:

— Вот телеграмма от Керенского. Можете уходить. А я в вас уверен.

И мы ему сказали: постараемся.

А когда я пришел домой, то вы можете себе представить, сколько было радости. Моя мама упала в обморок от счастья, и я боялся, что она умрет. А Мария и все друзья собрались, как на свадьбу. Были нежные речи. На столе стоял самовар. И мы все сидели и удивлялись превратностям жизни.

ВСЕ ПО-СТАРОМУ

Нет, революция не произвела на меня впечатления. И я к своему делу не остыл.

Да, конечно я дал Временному правительству обещание не возвращаться к старому, но что ж из того. Мне надо было самому о себе заботиться. И я снова стал продавать камни за бриллианты и медь за золото.

Я стал большим мастером в этом деле и сам удивлялся, как это случилось и как чисто я веду свою работу.

Я стал иметь большие деньги, стал поигрывать в картишки и так далее, стал выпивать и не чуждался никаких удовольствий. А моя жена Мария была все равно, как пьяная, — так она меня любила, и так она не замечала ничего.

А у нас в это время были в Грузии меньшевики.

Жена моя чудесно одевалась, и мы жили на Армянском базаре. А в нее влюбился один национальный гвардеец Вассо.

Он ей сказал:

— Знаешь, я решил твоего афериста убить во что бы то ни стало. И тогда ты непременно будешь моей. Я положил конец твоей старой жизни...

И вот я сижу как-то в ресторане, и вдруг прибегает Мария. И я вижу — она до крайности встревожена. Она взволнована и боится и так мне отвечает:

— Пойдем скорее, душка. Вассо сегодня хочет тебя непременно убить. Он тебя ищет. Он мне поклялся тебя застрелить.

Я говорю:

— Иди домой, а я вслед за тобой приду.

И вдруг входит Вассо. У него тут винтовка, тут маузер, и тут холодное оружие. И он лицо имеет такое неприятное, что я содрогаюсь от своей участи.

Он садится напротив меня. Он кладет свой маузер на стол. И вешает винтовку на спинку стула. И он так мне говорит:

— А вчера мы до чорта расстреливали вашего брата.

А тогда мне случилось все равно. Я был подвыпивши. Я был немного под мухой. Меня вдруг оскорбили его слова. Я ударяю кулаком по столу и ему отвечаю:

— Вы, черти, палачи — вот кто вы есть такие. Вы любите людей убивать. Вы есть гады своей страны и своего времени.

Вот он страшно закричал, схватил свой маузер и выстрелил в меня, но я вдруг вскочил на окно и прыгнул вниз.

И вот я прибежал домой.

Мы взяли поскорей с Марией кое-что и шли две станции пешком. Потом мы взяли билеты и поехали в Батум.

А Вассо, как я узнал после, прибежал на вокзал и там стрелял в мирных жителей.

А в Батуме у нас была большая работа. Там у меня были подкуплены агенты Уголовного розыска — некто Риза и армянин Самсон — и также еще один грек и кроме того начальник Уголовного розыска Тоненберг. А также я был в контакте с начальником милиции и делился с ним деньгами. И еще платил кое-что участковым приставам.

Я безнаказанно делал преступления, всем им хорошо платил и никогда не сидел, и они передо мной заискивали.

А жил я тогда у своего маленького брата, и там же была крошечная сестра, которая сейчас врач. Она сейчас доктор медицины. Я жил тогда очень хорошо. Вся комната у меня была в коврах, и стояли цветы, и лучшая еда у меня не сходила со стола.

В трактире пили, любили и дрались

И чего, чего у меня тогда ни было! Одним словом, жил я тогда по-барски.

ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

А в это время англичане решили передать Батум грузинам.

А мне знакомые сказали, что Вассо меня ищет, он разгромил к чорту всю мою квартиру в Тифлисе и сейчас хочет приехать в Батум, чтобы со мной рассчитаться.

Вот тогда я пришел в английское управление к оккупационному командованию, взял паспорт для себя и для Марии, и вскоре мы отбыли в Турцию, в Константинополь.

Но там у нас, за границей, дела пошли сложней. Денег у меня не было, только были ковры. И в смысле заработков произошла заминка. Надо было приглядеться к новым людям, и что они хотят, и что им нужно, и тогда уже действовать.

А моя жена Мария была магазинная воровка, и в это время она меня сильно выручила своим международным делом.

Она ходила по магазинам и воровала материи. Она чудно одевалась, была очень красивая собой и ей никто не решался ничего сказать, даже если видели что-нибудь похожее. Она была удивительно красивая — трудно даже описать — что ротик, что глазки, что ножки.

На нее турки глядели и говорили: «О!»

Но вот вскоре приехали в Константинополь наши ребята из Тифлиса и Кутаиса. И тогда мы решили снова продавать камни за бриллианты.

Я сказал:

— Они подумают, что мы награбили в России, и нам все поверят.

И вот мы стали снова прилично зарабатывать.

И я снова стал заниматься алкоголем, стал посещать шантаны, играть в карты и трепаться с шансонетками. Меня увлекала заграничная жизнь, которой я раньше не видел. А Мария плакала от этих дел и сказала, что она от меня уйдет, если я буду вести себя попрежнему.

Но я не обращал на нее внимания. Я все равно как с ума сошел от новой заграничной жизни.

НОВЫЕ АФЕРЫ

Мы тогда очень хорошо зарабатывали. Ихние агенты Уголовного розыска нас отлично знали. Мы им порядочно платили, и они нас не трогали. Они были большие взяточники и любители денег.

Но ихний шеф полиции про это узнал. Он арестовал одного своего агента. А нас велел поймать во что бы то ни стало.

И вот нас, меня и двоих моих приятелей — Мишку Антошвили и Пашку Казанцева, вскоре поймали и отвели в ихний Мудриет, т. е. в Уголовный розыск.

Но мы сумели откупиться на этот раз. Мы дали следователю денег и бриллиантов.

А этот следователь был из греков.

Ужасный арап и очень жадный до удовольствий человек.

Мы этому прохвосту дали бриллианты, но ему все было мало. Он вдруг захотел, чтоб мы еще познакомили его с нашими женами.

А у Пашки Казанцева жена была действительно ничего себе. И моя — уж и говорить нечего.

А следователю люди сказали, что наши жены очень хороши. Особенно Мария. Вот он и решил с ними познакомиться.

Он сказал:

— Бриллианты — это бриллианты, а это само собой.

Но мы сказали:

— Пущай он нас выпустит, а мы там посмотрим и наверное познакомим.

Но он сказал:

— Вы забудете. А мне надо сейчас.

Тогда мы через одного нашего друга познакомили его с двумя хорошенькими шансонетками. Мы их подкупили хорошо и сказали греку:

«Вот это наши жены».

И хотя у него явились сомнения (тем более, он два раза видел Марию), но, как жадный до удовольствий человек, он

От такой витрины трудно оторвать женщину

загорелся погулять с ними. Ему было конечно безразлично — с кем. Он только справлял свое самолюбие и потому велел знакомить себя только с женами.

И вот нас после этого выпустили.

И тогда мы снова стали заниматься бриллиантами.

Но тут вскоре произошел с нами неудачный случай.

Мы тогда сделали аферу. Мы взяли у одного турка настоящие бриллианты, как бы посмотреть, а дали ему поддельные.

Дурак турок стал на нас кричать, и нас арестовали и передали в Крокер-отель, в ихний оккупационный суд.

Этот дурак турок сам пришел туда и своими безобразными криками поднял на ноги все высшее командование.

Он кричал, что мы взяли у него настоящие камни и что он ничего подобного не видел в своей жизни. И он требовал, чтоб мы отдали ему.

А камней у нас уже не было.

Судьи прямо со смеху умирали. Они говорили:

— Зачем же ты, дурак, отдал им свои бриллианты? Вот чего мы никак не понимаем.

Он говорит:

— Они, черти, попросили полюбоваться игрой этих камней. А мне это было приятно. И я им отдал.

Судьи до того смеялись над ним, что некоторые прямо со стульев падали. И даже, довольные таким смехом, совсем было решили нас отпустить.

Но тут как на зло оказалось, что мы были уж тут зарегистрированы.

Они очень рассердились, когда из бумаг узнали, что я такой аферист.

Они на меня кричали и топали ногами.

И они не стали больше смеяться над турком, а сразу присудили нас к шести месяцам каторжных работ и к 400 лирам штрафа. А кто не заплатит штраф, тот пущай еще сидит полгода.

Но потом судьи опять стали смеяться, и я даже подумал, что они пошутили насчет каторжных работ. Но оказалось совсем иначе.

В АНГЛИЙСКОЙ ТЮРЬМЕ

Меня одного отправили на Багдадскую железную дорогу, на станцию Бостанжик. Там была ихняя оккупационная тюрьма.

И вот в этой тюрьме я просидел больше чем полгода.

Я был отрезан от всего мира. С Марией я виделся в последний раз перед судом. Она мне сказала:

— Если бы ты слушался меня, ничего подобного не случилось бы.

Я спросил ее:

— А будешь ли ты меня дожидаться?

Она сказала:

— Я так думаю, наверное буду. Но не знаю в точности.

И вот я больше чем полгода сижу в английской тюрьме.

И ни про кого ничего не знаю.

Мне было там очень тяжело сидеть.

Говорить конечно нельзя, курить нельзя. Камера одиночная. И во всем такая строгость, что вы наверное удивитесь.

Все делалось по команде. А если что не сделал — бьют боксом и в рыло и в живот и лишают завтрака, или там кофе, или варенья, или еще чего-нибудь.

Сразу, как меня привели в тюрьму, мне дали такой листочек, как меню. Там были написаны все правила тюрьмы. И переводчик мне эти правила прочел. Хотя я и сам понимал по-английски.

Мне дали жестянку с номером. И сказали, что фамилии у меня теперь нету и нету имени, а есть номер, вроде как у собаки.

И посадили в одиночку.

А до звонка там садиться нельзя было. А надо было стоять. А когда был звонок, то надо было ложиться, а стоять уже было нельзя. И я до сих пор не понимаю, как это у них бывает.

Еды давали мало, но она была довольно приличная на вкус. Но прикупать нельзя было, как например у нас. И вообще там хоть миллион имейте — никто передачи не дает. У них почему-то этого нету. И мне от этого было скучно сидеть.

Техника на Западе достигает высокого уровня

Я не видел ничьей заботы.

К работе они относились строго. Им надо было катить вал по дорожкам — утрамбовывать или бить щебенку.

А если кто плохо делал — сержант подходил и давал хорошего бокса.

Этот бокс я до сих пор помню.

Но потом мне переменили работу. Я понравился англичанам, и меня назначили шефом прачечной.

Вот там я имел большой авторитет среди англичан. Я был хорошим исполнителем, и англичане удивлялись, какое отличное белье им выдают после стирки. Нет, я сам не стирал, но я распоряжался этим делом.

Капралы и сержанты давали, чтобы мы постирали белье, и за это иной раз давали нам бутерброды. И это несколько скрашивало нашу жизнь.

Но вот на воле товарищи узнали, где я сижу, заплатили за меня штраф (иначе мне пришлось бы сидеть еще четыре месяца), и меня наконец выпустили.

Да, я вздохнул свободно, когда вышел из тюрьмы. Я удивился, какой хороший мир вокруг, и как мне все нравится, и какие надежды я еще имею.

БОЛЬШАЯ БЕДА

Я вышел на свободу, но решил пока в Константинополь не ехать.

Мне хотелось заработать получше, чтоб явиться к Марии не с пустыми руками.

А я тогда стал уже о ней снова тосковать. И мне захотелось ее удивить чем-нибудь особенным.

Я тогда смотался ненадолго в Болгарию. Вот страна, где довольно трудно работать. Там сами многое понимают и не так доверчивы к бриллиантам. Но я там все-таки подходяще заработал и поехал поскорей обратно в Турцию, в Константинополь.

Вот я туда приехал. Прихожу домой. И хочу Марию увидеть. Но хозяйка говорит:

— А ваша комната заперта.

У меня буквально задохнулось сердце, и я отвечаю:

— А где же Мария?

Она говорит:

— Я впрочем не знаю.

Тогда я чем попало открываю свою комнату. Я вхожу туда. Я вижу — на столе лежит письмо. Я беру это письмо. И вижу — это мне пишет Мария.

Она пишет мне письмо:

«Душка, я сегодня уезжаю на пароходе «Сицилия». А ты меня не ищи, все равно безрезультатно — не найдешь. Я из-за тебя много страдала, и теперь я уезжаю, неизвестно куда. А к старому возврата нет».

Тогда я сразу раскрываю шкафы, гардеробы и мои чемоданы. Меня интересует знать, что она у меня украла.

Но я вижу — все лежит на месте и все не тронуто. Все лежит, как и лежало, и это было так удивительно, что я содрогнулся от своих мыслей.

Я тогда все перерыл. Нет, я вижу — она взяла только свое, а моего она ничего не тронула. И только она взяла себе часть денег, а часть денег она мне оставила. И на пачку этих денег в шкафу она положила пресс-папье. Она этим наверно хотела сказать, что она эти деньги оставила вовсе не случайно и что она совсем не позабыла о них, а напротив.

И тогда я снова удивился, как она меня любит. Она едет на пароходе и в последний раз так обо мне заботится. Это меня тронуло до глубины слез. У меня слезы появились на глазах. И я только и мог сказать: «Казачка... Мария Корниенко...»

Любимая открытка Роттенберга

И потом я подумал: вот какая бывает женская любовь. Ведь другая на ее месте непременно взяла бы все. Все-таки она очень меня любила.

И для меня это была очень большая потеря и большое сострадание, что Мария от меня уехала. Она бросила меня. Но она меня так бросила, как я желаю всем мужчинам, чтобы их так бросали.

У нас это бывает в преступном мире.

ПОЕЗДКА В БОЛГАРИЮ

Я тогда начал пьянствовать. Я сильно пил тогда. Я ходил по кабаре. Но ничего меня тогда не трогало и не увлекало.

Днем я работал по своим делам, а ночью пил и слушал пение и пляски шансонеток.

И тогда моя любимая песня была: «Мы сегодня расстались с тобою без ненужных рыданий и слез».

И когда я входил в ресторан, все знакомые пели мне хором эту песню, и у меня слезы показывались на глазах.

Эту песню я и сейчас не могу слушать без содрогания.

А я тогда был интересный, и все женщины на меня глядели и делали мне всякие предложения.

Но я шансонеток почему-то не любил и ни с кем не сходился.

И вот я прогулял все деньги и вскоре с одним близким другом поехал в Болгарию, в Софию.

Тут много было разных дел. Были большие продажи и аферы. Были разные немыслимые дела, от которых вы наверное удивитесь, если вам рассказать. Там меня как-то раз приняли за большевика. Меня избили ногами и посадили в тюрьму. Но я откупился.

Там меня несколько раз арестовывали, но я освобождался. За мной ходили по пятам сыщики, но я ускользал от них.

Один раз меня после одного дела поймали и даже надели на меня наручники. Но я сказал конвоиру:

— Подумаешь, сколько делов. Грабим буржуев. Только и всего. А мы эмигранты, и нам надо жить. Войдите в наше положение.

И вот я уговорил его снять с меня наручники. А потом, когда он снял, я взял и убежал.

После многих дел я порядочно заработал, но у меня не было интереса копить большие деньги, и я все однажды проиграл в казино.

НА ГАСТРОЛЯХ

И вот тут начались мои странствования по разным странам.

Мелькают разные города и разные люди. Проходят месяцы и годы. И дело приближается к 1925 году. Я приезжаю то туда, то сюда. Везде делаю деньги. Снова уезжаю. И за мной сыщики ходят. И вся полиция в смятении следит за мной, насторожившись, что-то будет.

В Болгарии, в Софии, я сижу год в тюрьме. Меня там нещадно бьют хлыстами, прикладами и резиновыми палками до того, что я теряю свое сознание. Меня там бьют как вора, и как еврея, и как международного афериста.

Но потом, через полгода, я освобождаюсь. Я уезжаю в Софию. Я приезжаю в Грецию. Я там гастролирую. Там меня арестовывают, но я убегаю. Меня арестовывают снова, но я откупаюсь.

Я еду в Яффу. И там занимаюсь разными темными делами.

Потом, в одно прекрасное утро, я неожиданно еду в Египет, в прекрасный город Александрию.

Этот город некрасивый. Он грязный. И хотя это Египет, но там я не нахожу ничего египетского. Это город пыльный и душный и мало интересный. И там шантаны не очень хороши. Это кабачки.

Но там у меня происходят большие дела. И как может быть иначе? Я уже говорю на восьми языках и знаю такие обстоятельства, какие никому неизвестны из людей моего круга. И я уже плаваю глубоко, но меня хочет проглотить каждая рыба. Но я с этим считаюсь и теперь всегда бываю недостигаем.

Но я не задумываюсь, что я делаю. И моя совесть чиста и неподкупна. Меня на это толкает жизнь. И я не задумываюсь, кто я, и что я, и почему это бывает. Я об этом думаю сейчас, но тогда я об этом не думал. И когда встречал людей, я думал, что бы мне у них украсть. И мне тогда не было дела ни до какой мировой солидарности.

И вот в этом городе Александрии я встречаю одного своего близкого друга.

Он мне говорит:

— Я видел твою жену в Каире. Она пила твое здоровье. Она была с другим. Поезжай туда, если хочешь.

У меня сердце остановилось от этих слов.

Он говорит:

— Что с тобой? Ты белый, как бумага.

Я говорю:

— Я сейчас в Каир не поеду. Я туда поеду, когда несколько успокоюсь от твоих слов. А если я сейчас поеду в Каир — я могу ее поранить. Я без нее не могу жить, а она может не согласиться. И я боюсь ее поранить. Мне этого не хочется. Я лучше поеду на короткое время в Грецию, а когда я остыну, я поеду в Каир.

И вот в одно прекрасное утро я поехал в Грецию.

НЕУДАЧА

И вот я еду в Грецию и думаю, что я хорошо это делаю, что еду в Грецию. Я думаю — пройдет не больше месяца, я остыну и тогда из Греции махну в Каир.

А у меня тогда, после многих дел, нервы были натянуты до чорта. Я тогда весь кипел негодованием, и у меня на сердце было не очень спокойно. В таком виде были бы ужасные последствия, если бы я встретил Марию.

Я приехал в Грецию, в Афины.

Там я с одним другом сделал крупное дело. Я с ним обворовал один магазин в обеденный перерыв. Я взял форд, и мы с моим другом на глазах у всех проходивших открыли магазин, нагрузили наш форд шелком и безнаказанно уехали.

Мы разделили нашу добычу. Друг остался в Афинах, а я уехал в Пирей.

Я думал, что я пробуду в Пирее две недели и поеду в Каир,

но я пробыл там меньше. Там случилось такое дело, которое перевернуло мою жизнь.

Там я встретился с одним прохвостом. Это был отвратительный человек, подлец. Он был грузинский еврей. И я таких мерзавцев давно не видел. Я вообще не видал таких подлецов.

Он вообще славился тем, что не отдает деньги за товар.

Но я подумал: что за чушь, как это он мне может не отдать деньги, хотел бы я посмотреть.

И тогда я дал ему три куска украденного креп-де-шина.

А он мне действительно денег не принес.

Тогда я пошел его искать. А нервы у меня были натянуты.

Я нашел его в одном ресторане. Он, мерзавец, играл в домино. Он пил пиво и играл в домино. Он играл с каким-то вроде него прохвостом. Они оба два мне сразу показались омерзительны.

Но я ему честно сказал, хотя меня разрывала злоба. Я ему сказал:

— Я пришел за деньгами. Как ты на это смотришь?

Он сказал:

— За счет денег ты лучше не тревожься. Я тебе денег решил не давать. А ты ко мне не подходи с наскоком. Ты такой павлин, что если крикнешь, то полиция обрадуется твоему крику. Лучше уходи, а то тебя тут арестуют. И ты будешь сам не рад, что требуешь от меня деньги.

Но меня эти слова ударили по больному месту. И я был выпивши.

Я вдруг взял, схватил наргиле и рассек ему голову.

Он упал, и все закричали.

А я бросился на лестницу. И когда снизу бежали люди, чтоб увидеть, что случилось и кого задержать, — я шел удивительно спокойно. И никто на меня не подумал.

Я вышел на улицу. И уж тут побежал в свою гостиницу.

Но там вдруг вижу полицейских. Это приехали за мной. Им дали знать, чтоб меня арестовали и что я чуть не убил человека.

Тогда я, не заходя в гостиницу, где у меня были все вещи, бросился назад.

Я пошел в порт, чтоб сесть на любой пароход и куда-нибудь уехать из этих мест.

А у меня с собой были небольшие деньги и документы. Что касается вещей, то какие могут быть вещи в таком положении?

Я спрашиваю про один пароход:

— Куда он идет?

А мне говорят:

— Он сейчас уходит в Яффу.

И вот я незаметным образом (а была ночь) взбираюсь через корму на этот пароход и прячусь за ящики.

Прощай, Европа!

И вот — я слышу — гудок. Пароход отходит. И тогда я спокойно выхожу и прогуливаюсь между публикой.

И вдруг я слышу русские речи. Что такое? Я слышу русский язык. Я слышу наши слова. И от этих слов у меня сердце останавливается. И вдруг я вижу — я еду на советском пароходе.

Спрашиваю одного, что за пароход, на котором я еду. И он говорит:

— Это советский пароход «Тобольск». Он едет в Яффу.

Тогда у меня отлегло на сердце. В Яффе, думаю, я непременно сойду.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Я думаю — доеду в крайнем случае до Яффы, раз он едет в Яффу, и там сойду.

Мы приезжаем в Яффу. Я хочу сойти, но меня полиция не пускает на берег.

Я показываю свой паспорт, но полиция мне не верит.

— Раз, — говорят, — ты едешь на советском судне значит ты непременно сам советский. А нам может быть показываешь какую-нибудь там липу. Нас этими делами не удивишь. Много мы таких видали!

Я говорю:

— Как это может быть?!

Но мне говорят:

— Не надо слов. Поезжайте дальше.

Я говорю им по-английски:

— Войдите в положение. Я буквально не могу ехать на этом пароходе.

Но они смеются и ни под каким видом меня не пускают.

Я тогда спрашиваю:

— А какая следующая пристань?

А мне говорят:

— Из Яффы мы поедем в Одессу.

И я тогда вижу, что создается такое положение, благодаря чему мне надо ехать в СССР.

Нет, я тогда мало знал, что это за Страна советов и с чем это кушают.

Я не задумывался о политике. Я делал свои дела, которые есть обыкновенные дела в других странах.

И совесть моя была чиста

Я поехал в СССР.

Я — опытный вор и мастер своего дела. Я думал — я ни в какой стране, где есть люди, не пропаду со своим мастерством.

И вот из Яффы мы поехали прямым ходом в Одессу.

Мы поехали в эту страну, где произошла социальная революция. Но я еще не знаю, что это такое. Я не знаю, как это бывает. Но мне раньше другие говорили, что там живется как будто бы плохо.

Мы поехали в Одессу. И можете себе представить, какие у меня были чувства и настроения. Нет, я был даже рад, что увижу наконец свою родину, но неизвестность меня страшила.

Я тогда отдался в руки командованию на пароходе и сказал, кто я такой. Тем более, что я не люблю туману напускать.

Мне сказали:

— Поезжай в Одессу. Мы тебя передадим в ГПУ. А там разберутся, что ты за птица.

И вот 9 января 1926 года мы приехали в Одессу.

ГАСТРОЛИ В СССР

В Одессе меня передали в ГПУ.

Там сказали:

— Может быть ты шпион. Мы тебе дадим 58-ю статью, пункт 6.

Тогда я им рассказываю все, как есть. Я им рассказываю абсолютно все.

И тогда меня везут в Тифлис для выяснения личности.

Там, в Тифлисе, Коллегия ГПУ дает мне три года вольной высылки в Барабинский округ в Сибири.

Я туда приезжаю и там живу.

Я там живу у портного.

И там чуть не женюсь на одной комсомолке — В. Она мне понравилась.

И я ей понравился. А за ней ухаживал секретарь комсомольской ячейки.

Он пошел к прокурору и сказал:

— Это не дело, чтобы такие личности ухаживали за комсомолками. (Он думал, что я банкир, а не вор).

Тогда прокурор отправил меня в Туруханский край, в Енисейский район, в село Назимово.

А секретаря ячейки тоже куда-то отправили. Я впрочем не знаю, куда. Но он там не остался. И он-таки не увидел этой В., как своих ушей.

Меня через год освободили. Я хотел поехать к этой В. Но мне стало известно, что она мне изменила.

И тогда я поехал на Кавказ. Я не поехал к ней. У нас — в преступном мире — если не наша, так уж не наша.

Я приехал в Тифлис и стал заниматься старыми гешефтами.

А из Тифлиса, где мне не понравились мои дела, я отбыл в Батум.

Но и в Батуме я терпел неудачи. Я уже подумал, что счастье мне изменило, но увидел, что дело не в счастье, а в другом. Я не увидел прежних покупателей. И я не увидел такого прежнего рвения что-нибудь у меня купить. Нет, зарабатывать было можно: доверчивые дураки находились, но все это было не то и не то.

Я тогда из Батума уехал в Поти.

В Поти меня взяли за одно дело, и я там отбыл шестимесячное заключение.

После этого я вернулся обратно в Тифлис и спокойно работал там год и ни разу не был арестован.

Однако работа шла довольно вяло. И особенно крупных дел я сделать не сумел.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО

И вот наступил 1929 год. Я живу в Тифлисе. И живет в Тифлисе такая одна дама, я вижу, весьма интеллигентная и культурная. И она занимается проституцией. А я об этом не знаю. И она мне об этом конечно не говорит. И я знакомлюсь с ней как ни в чем не бывало. И у нас с ней завязывается роман. А по виду никак про нее это не скажешь.

Но это была такая абсолютная дрянь, такая, как бы сказать, непревзойденная личность во всей Европе, что вы удивитесь, если все что описать.

Это была в полной мере дрянь. Это была потерявшая свою совесть и свое достоинство дрянь, которой не место в нашем Союзе и в нашем будущем.

А я об этом ничего не знаю и живу с ней, и она делает

вид, что меня любит. А ей нужны деньги — и больше ничего. И у ней есть кот. А я об этом не знаю. Я доверчиво попадаюсь на ее удочку.

Она узнает от меня разные сведения обо мне и такие мои грешки, какие я бы и своей матери не сказал.

И вот тут я попадаю в исправительную тюрьму. Я попадаю за одно дело, и мне дают год.

Но я там жил довольно прилично. Я имел свободное хождение. Носил посылки и делал поручения. Мне платили деньги, и я не мог особенно жаловаться.

А Полина (ее звали Полиной) часто приходила ко мне и брала у меня деньги. И я ей не отказывал.

Наконец приходит моя мать и говорит:

— Твоя Полина такая дрянь, что это удивительно. Она занимается проституцией. Ты ввел в наш дом разврат.

И мне товарищи стали говорить:

— Как тебе не стыдно. Она давно уже проститутка. Или ты ослеп, что ничего не видишь!

И вот вскоре меня освободили. Мне зачли все рабочие дни, и я, немного побыв в тюрьме, освободился.

Я вернулся домой и говорю ей:

— Я тебе дам половину моих вещей и все деньги — только уезжай из Тифлиса. Я с тобой не могу жить под одним небом. Уезжай немедленно!

А она взяла деньги, отдала их своему коту и говорит:

— Я не уеду, мне и тут хорошо.

Тогда я беру ее за руку и говорю:

— Мы сейчас пойдем, купим билет, и ты уедешь.

И она говорит:

— Ладно, я поеду.

Я иду ей покупать билет, подхожу к вокзалу, и вдруг она начинает кричать:

— Вот идет бандит и вор. Вот, смотрите, идет международный аферист и жулик, которого надо расстрелять во что бы то ни стало.

Тут собирается толпа.

Я говорю толпе:

— Расходитесь. Абсолютно ничего интересного нету. Это небольшая семейная ссора между мужем и женой.

Но она кричит:

— Это такой бандит, и у него такие жуткие дела, что вы не можете себе представить. Мне, — говорит, — дурно делается от одного его вида. Все держите его, он сейчас убежит.

Тут приходят чекисты и забирают нас обоих с собой.

Она им рассказывает все мои дела и все, чего она знает, и меня тогда отправляют в тюрьму. А ее освобождают.

И вот Коллегия ЗакГПУ дает мне три года лагеря.

А это было 29 апреля 1932 года.

НА БЕЛОМОРСКОМ КАНАЛЕ

И вот в апреле 1932 года я был отправлен в распоряжение ГПУ на строительство Беломорско-балтийского канала.

Я с ужасом приехал в эти места. Мне казалось, что моя жизнь закончилась, что я тут пропаду и потеряюсь. И никогда не вернусь в Тифлис.

Мне тут очень не понравилось. И хотя была весна, но тут лежал снег. И природа была чахлая, и так мне было тут удивительно тяжело, что я не предвидел конца. И три года этой ссылки для меня казались тяжелей, чем все остальное на свете.

Меня отправили в седьмое отделение на разъезд Сосновец. Это был первый лагерный пункт.

И я приехал на этот пункт, как на кладбище. И тогда шел дождь, и деревья тут были маленькие, и даже травы не было, и только торчали камни, и я думал, что я на этих камнях помру, не дождавшись новой участи.

И в таком моем огорчении меня отправили на скальные работы на шлюз № 14.

Там дробили и взрывали скалы, и работа была очень тяжелая.

И тем более — я никогда не работал и считал работу за преступление и за позор.

Я филонил первые дни и давал всего 30, а то и 20 процентов.

А тут у нас был десятник Буфиус. Он — немец.

Он говорит:

— Ты до чего здоровый парень, а работать не можешь. Фу, как стыдно.

Но мне показалось это смешно, и я ему хорошо сказал.

Я ему сказал:

— Работают дураки и лошади, а я ни то и ни это. А если ты настолько любишь работу, вот и поработай за меня. А я погляжу, какой ты дурак. А еще немец.

Вот он об этом сказал Тряскову. Такой был у нас прораб. Довольно энергичный человек.

Тот со мной поговорил, но все напрасно. Я его заругал и велел ему отойти от меня подальше.

И вот так и шло дело. Я выбивал еле 30 процентов, чтоб не заснуть, и думал про Грецию, и про свои дела, и про свое прошлое, которое мне казалось волшебной сказкой.

Но тут проходил наш начальник Сапронов. Вот десятник

к нему подскочил и ему рассказал про меня, и он, т. е. Сапронов, мне говорит:

— Это странно. У нас все работают. У нас редко бывают такие отказы. У нас крайне спешное дело, и это удивительно, что ты отказываешься. Наверное ты чего-нибудь не понимаешь.

Вот он со мной говорит, а мне мало интереса его разговоры.

Я ему говорю:

— Я привык видеть сразу результаты своей работы, я работал для себя и за это видел улучшение своего быта. А тут я кого порадую — я и сам не знаю. А что касается вас, то вы есть казенное начальство, и вы говорите мне, что вам велят.

Вот он до крайности удивился моим словам и пошел к себе.

РАЗГОВОР ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ

Вскоре приходит другой воспитатель — Варламов. Он мне говорит:

— После работы зайди к Сапронову. Он хочет с тобой поговорить. Он очень удивляется на тебя.

Вот я прихожу к Сапронову. А у него приготовлен чай, лежит печенье, карамель, хорошие папиросы.

Я прихожу и про себя улыбаюсь. Думаю — принимает за маленького — на что хочет приобрести мое доверие.

Вот он садится со мной на стулья. Мы с ним много разговариваем. Он интересуется моим прошлым.

И я ему все рассказываю.

И он снова до крайности удивляется построению моей жизни.

И мы с ним пьем чай и едим печенье, и я вижу, что это приличный человек, с которым можно поговорить.

Он мне сказал:

— Вот ты везде побывал и везде видел, какая за границей воспитательная политика. Тебя крошили дубинками и били в морду. Но мы не за приличное отношение требуем работы. Да, конечно у нас не рай. У нас трудно. Но если бы у нас был рай — к нам бы все стремились и делали бы преступления. Но мы этого не хотим.

А мы требуем работы — мы работаем для себя, а не для капитала. И мы хотим, чтоб наша страна процветала.

Он мне дал папирос, и я пошел в свой барак и по дороге удивлялся новой моде в местах заключения.

На другой день скорее из симпатии к нему, чем из чего другого, я выбил 87 процентов.

СЛОВО И ДЕЛО

А на другой день проходит мимо нас начальник отделения Прохорский совместно с Сапроновым.

Прохорский говорит:

Здесь Роттенберг отвоевал себя у жизни

— Я тебя решительно не понимаю. Почему ты не хочешь работать? Разве мы для кого-нибудь постороннего стараемся? Мы работаем, чтоб в стране было лучше. А если будет лучше — и тебе будет лучше. Мы работаем для блага народа. Это общий интерес. Разве ты контрреволюционер? По-моему ты нам социально-близкий. Иди нам навстречу, а мы о тебе позаботимся. Будешь хорошо работать — и мы тебя досрочно освободим и дадим тебе такую специальность, которая лучше твоей, и такую квалификацию, что все двери откроются перед тобой, когда выйдешь на волю.

Вот он так поговорил со мной и попрощался и ушел.

И я подумал: это прямо удивительно, пристали ко мне, как банные листья. Из вора хотят рабочего сделать.

Но вот вскоре, дня через три, прибегает воспитатель Варламов и говорит:

— Тебя снова просят Прохорский и Сапронов.

Вот я прихожу к ним. Разговариваем. Беседуем. Чай пьем. Кушаем печенье. Они стали мне говорить о новом государстве, где нету капиталистов и собственников. Они мне развернули картину труда и такой жизни, какая нам во сне не снилась.

И тогда я им говорю:

— Интересно, что воров не будет. Вот это интересно

— Воров, — они говорят, — конечно не будет, поскольку

никому не надо будет красть. И у кого красть! Вор — это изнанка капитализма.

Мы много говорили тогда о том и о сем. Прохорский мне говорил, что я неправ, что теперь наступила другая жизнь и что ворам придется переквалифицироваться.

Это меня очень рассмешило, и я подумал, что если это так, то действительно надо поработать. Тем более, что я еще в Тифлисе чувствовал что-то не то.

И я ушел к себе и на другой день дал 140 процентов.

А кто работал на скальных работах, тот поймет, что это значит. Это значит чорт знает что! А на другой день я дал опять 140.

Я начал работать. И потом думал о своей прежней жизни и о том, что я представляю из себя.

Нет, мне не было совестно, что я вор. Ну, я вор. Меня так направила жизнь. И Прохорский мне сам сказал — это изнанка жизни. Значит я не виноват.

И значит я буду виноват, если другая жизнь, а я ворую.

И постепенно совесть меня убивала. И мне хотелось работать без понукания.

И я однажды дал 150 процентов.

И вся наша бригада стала давать больше 100 процентов. И мы были рады, когда это случилось. Мы ходили и радовались. И нам тогда стали в ларьке отпускать все, что нужно. И мне выписали хорошую одежду и сапоги.

И, увидев такое приятное, заботливое отношение к себе, я прямо готов был разбиться в лепешку, но все сделать, что нужно.

И я в бригаде тогда сказал:

— Давайте постараемся.

И все сказали:

— Да, конечно.

И мы работали, как черти, и нам некогда было подумать ни о чем. Но я иногда думал про Марию Корниенко.

И у меня сердце останавливалось.

ЗА РАБОТОЙ

Да, мы тогда работали на совесть. Нам нельзя было не работать. Тут появились приказы тов. Фирина. Товарищ Фирин в своих приказах говорил, что к тридцатипятникам, к соцвредам и женщинам должен быть наилучший, гуманнейший подход.

Нас не только ударить — нас за руку не смели потянуть.

На нас замахнуться не имели права.

И если б тов. Фирин увидел, что это не так — горе тому начальнику, который не выполнил его приказания.

И мы от этих заботливых и любовных слов дошли до крайней степени настроения.

Да, мы тогда дали рекордные показатели нашей работы.

Мы дошли до 150 процентов.

Вы можете не поверить, но мы тачки бегом возили. Мы бежали с тачкой. Мы такие дела производили, что трудно описать. Тут каждый из нас наперерыв старался.

Мы увидели — это большое дело. Мы увидели, что это работа, а не бездушное дело, вроде как дробить щебенку в оккупационной тюрьме.

Нас теперь цель преследовала. Мы желали цель поскорей узидеть. И при этом нас видели, замечали, и мы имели заботу и уход.

Мы стали брать на буксир отстающих. Мы вели общественную работу. А я стал член производственной тройки.

И вот наша бригада оказалась лучшей, и нас перебросили на бетон. Нам там хотели дать хорошую квалификацию. И мы там это получили.

Мы там давали по 180 замесов. И сам прораб Мартынов обращал на нас внимание. И начальники Сапронов и Прохорский мне говорили:

— Правильно делаешь. Мы на тебя пришли полюбоваться.

ФИЛОСОФИЯ НИЩЕТЫ

А в одно прекрасное утро пришли до меня опять эти начальники, Сапронов и Прохорский.

Они мне так сказали:

— У нас произошел отказ со стороны тридцатипятников. Надо тебе пойти туда поговорить с ними. Надо, чтоб они вышли на работу. Там идет буза. У тех, которые не получили льготы к Октябрю.

Я пошел туда.

Там были в бараке, собравшись, тридцатипятники. Это были все головорезы, опытные воры, фармазоны и городушники.

Они меня насмех подняли, когда я к ним пришел.

Они сказали:

— Ты сперва сам филонил, а теперь с начальством ссучился. Валяй, уходи.

Я тогда им сказал:

— Дозвольте сказать два слова.

И некоторые сказали:

— Ну, говори. Только поскорей — нам спать надо. (А был день.)

И они лежали на нарах, задравши головы, и было видать, что их ничем не возьмешь.

И тогда я сказал:

— Господа, надо видеть социальные сдвиги. Мы есть воры, но, оказывается, этого вскоре у них не будет.

И тогда многие засмеялись и сказали:

— Как это так?

И я тогда встал на нары (и они все заинтересовались) и так им сказал:

— Мы тут собрались с вами одной семьей. Мы с вами делали одно многолетнее общее дело — мы грабили и воровали. И нас неразрывно связывало это кровное дело, а что касается меня, то я ни с кем не ссучился. Только я вижу такие перемены, благодаря чему я работаю и даже пришел сюда.

Они спросили:

— Какие перемены?

И тогда я сказал:

— Господа, нашему преступному миру пришел крах. Это надо видеть и понимать. Которые новички в этом деле — те пусть плавают в своих надеждах, а которые, как и я, — те бесконечно много понимают и это чувствуют. В нашем преступном мире произошел крах. Я не скажу за другие страны, но у нас это как будто бы. И если не сейчас, то наверное в скором времени.

И тогда некоторые сказали:

— Похоже на то.

А некоторые сказали:

— Нет.

И тогда я им развернул такую картину труда, что они ахнули.

— У кого же красть, — я сказал, — если богачей не будет и не будет у нас собственников.

И тогда они сказали:

— Если будет только беднота, а богачей не будет, тогда тем не менее будут воровать. А если будут все сравнительно богаты, а бедноты не будет — тогда скорей всего наступит в нашем преступном мире крах.

И тогда я сказал:

— Наверное так и будет. И мы должны иметь другую квалификацию. Мы обязаны поработать, и нам это в скором времени зачтется.

Нет, они в тот день на работу не пошли. Они пошумели, покричали и легли спать. А на другой день я опять с ними имел разговор. Я им сказал:

— Господа, давайте будем работать

А они сказали:

— А как это делается?

На третий день я хотел попросить, чтоб нам дали чаю с печеньем, чтоб разговаривать, но до этого не дошло.

Они все вышли на работу и все захотели перековаться.

ПОВЫШЕНИЕ

И тогда меня назначили у них младшим воспитателем. Я у них организовал шесть трудовых коллективов.

Мы работали на славу. И один мой коллектив в штурмовые дни давал 220 процентов. А другие меньше 120 процентов тоже не давали. И теперь они все почти освобождены досрочно.

И я в изоляторах стал иметь большой авторитет. Меня стали уважать массы.

Мне доверили смотреть за питанием лагерников. И я проводил работу среди нацменов, и на кухнях я прекратил блат.

Мы читали газеты. Мы устроили кружок безбожников и занимались ликвидацией неграмотности.

Потом я был назначен комиссаром пятого участка и старшим воспитателем.

И всюду у меня люди работали, как львы, и ни до кого я пальцем не дотронулся.

А в настоящее время я — шеф штрафного изолятора и инструктор КВЧ.

В настоящий момент, когда я пишу, мне осталось несколько дней до выхода.

Я пробыл в лагере полтора года. И я выхожу отсюда с таким сознанием, как будто у меня не было мрачного прошлого, а есть только светлое будущее.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Осенью 1933 года Роттенберг был награжден почетным значком строителя Беломорстроя. И свободным гражданином выехал на строительство Волга — Москва

Он пробыл месяц на этом строительстве и, как я на-днях узнал, взяв отпуск, выехал в Тифлис. Ему хотелось повидать свою мать, которой он доставил так много огорчений.

И я представляю его чувства, с какими он ехал на родину, и тот трепет гордости и восторга, с каким он открыл дверь в свою комнату и сказал родным «здравствуйте».

И я желаю вам, товарищ Роттенберг, успеха в новой вашей жизни и оправдания всех надежд.

А этот рассказ вы непременно пошлите в Каир казачке Марии Корниенко.

ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ

Итак, наш занимательный рассказ о бывшем воре Роттенберге окончен.

Теперь попробуем ножом хирурга, так сказать, разрезать ткань поверхности.

Три предположения могут возникнуть у скептика, который привык сомневаться в человеческих чувствах.

Либо Роттенберг, прошедший огонь, воды и медные трубы, действительно изменил свое сознание и действительно перековался, столкнувшись с правильной системой воспитания.

Либо он сделал новую «аферу».

Либо он, будучи неглупым человеком, рассудив все, решил, что преступному миру действительно приходит крах и сейчас вору надо переквалифицироваться. Причем, если это так, то он сделал это не по моральным соображениям, а по соображениям необходимости.

Я кладу на весы своего профессионального умения разбираться в людях эти три предположения.

И я делаю вывод: Роттенберг благодаря правильному воспитанию изменил свою психику и перевоспитал свое сознание и при этом конечно учел изменения в нашей жизни. И в этом я так же уверен, как в самом себе. Иначе я — мечтатель, наивный человек и простофиля. Вот грехи, которых у меня не было за всю мою жизнь.

Вот за новую жизнь этого человека я бы поручился. Но я оговорюсь: я бы поручился только при наших, некапиталистических условиях.

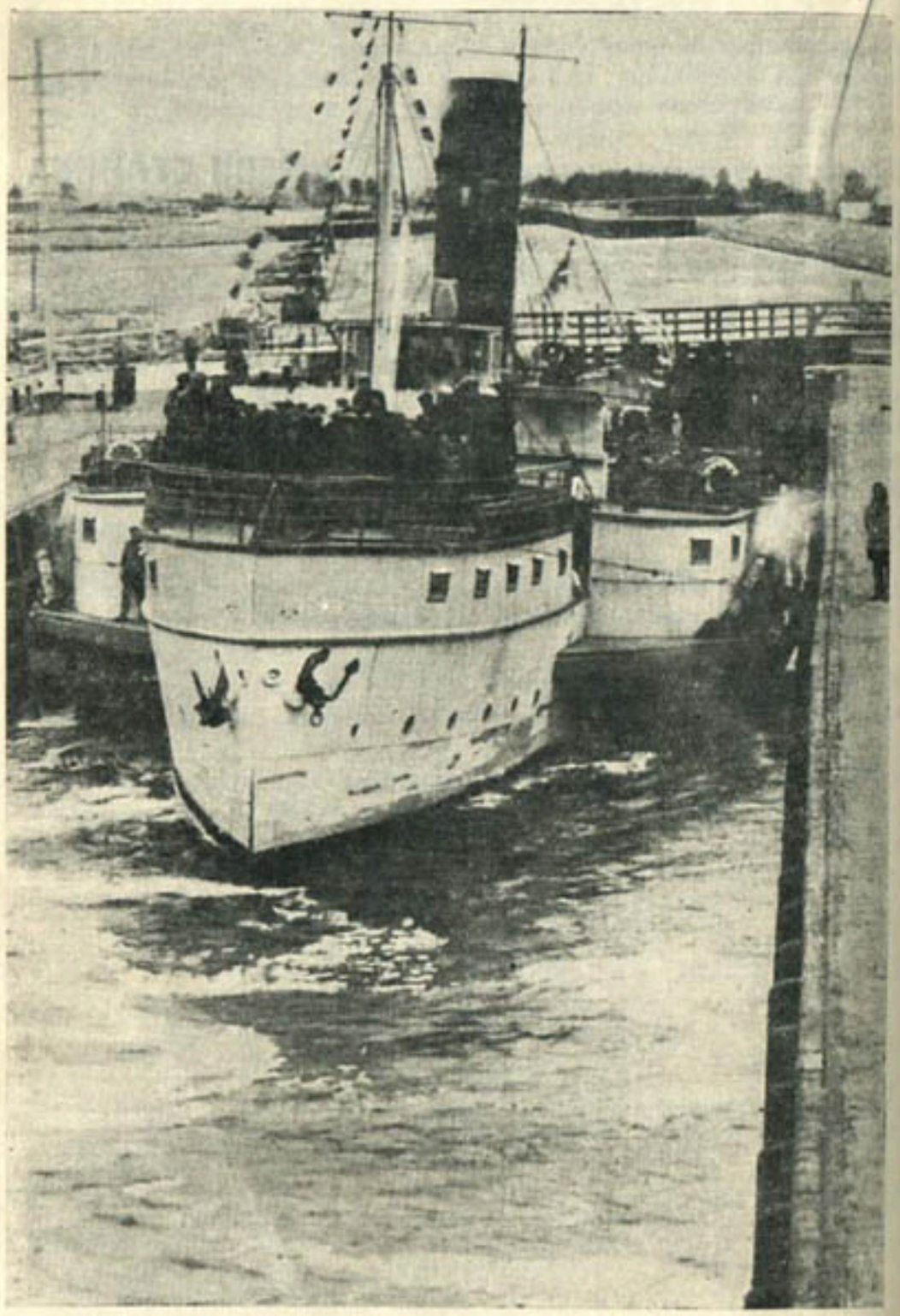
Я еще раз желаю успеха Роттенбергу, и мне хочется ему сказать его же словами: вашему преступному миру приходит крах...

Я хочу жить в такой стране, где двери не будут закрываться на замки и где будут позабыты печальные слова: грабеж, вор и убийство.

*

ГЛАВА 13

ИМЕНИ СТАЛИНА

Первый пароход

Глава тринадцатая

ИМЕНИ СТАЛИНА

КАНАЛ ГОТОВ

За все это время ни одна звезда не зажглась на небе. Был день, сплошной день. Туго шла весна, еще не распустились березы, медленно набухали почки.

Был холодный карельский май с белыми ночами. На южном участке оттаяли реки, но еще не было весенней воды.

Из Ленинграда вышел караван судов во главе с землечерпалкой. Карауля грядущую воду, стоял у входа серый «Чекист». Канал был готов к пуску, но его еще объезжали посуху, по Мурманской железной дороге, в поездах и на дрезине. Мчались машины из Медвежьей горы на Повенец. Катили из Медвежки автобусы. Из Надвоиц в Шавань ехали в телегах и бричках.

Кончались дни доделок. Отдельные участки канала еще перегораживали перемычки. Их собирались взрывать. На берегах шлюзов целый день играли оркестры. Каналоармейцы в плотных шинелях заглядывали в ноты и трубили марши. Внизу стлали доски, подшивали их, подметали сухие донья, выносили мусор, смолили деревянные клетки. Дамбы укладывали камнем. Нарядный диабаз ложился поверх длинных насыпей, делая дамбы похожими на усовершенствованные городские мостовые.

Все сооружения готовы и сданы в эксплоатацию. Вдоль шлюзов ходили часовые. Знаменитую водосливную плотину в Шавани

еще не покрыла вода. Там, где сейчас бушуют реки, было сухо. Торчали камни и обломки скал.

То были последние дни на канале. Стены бараков и телеграфные столбы были заклеены приказами о льготах.

— Еще не поздно...

Не заслужившие льгот могут их еще заслужить.

Всюду, на улицах и в бараках, можно было услышать такие разговоры:

— Ну, куда поедешь отсюда?

— В Донбасс, что ли. Я полагаю, что там слесарю работа найдется.

— С твоей специальностью не пропадешь!

— Эх, Москва, красная столица, хороший городок,— вздыхает кто-то на своей убранной елочками койке.

— Держи карман,— отвечает другой,— в Москву не пустят.

— Пустят.

Сегодня на строительстве — день отдыха. В дальнем углу барака шаваньского трудколлектива тридцатипятников стоит покоробленное и расстроенное пианино. Георгий Пешаков низко склонился над клавиатурой. Он играет одним пальцем, обходя черные клавиши.

— А что,— откликается кто-то с соседней койки,— очень в Москву захотелось?

— Так точно,— отвечает первый.

— А мне на Москву наплевать. Я туда по доброй воле не поеду. Опять зашьешься, к Вулю попадешь...

— Значит в Кривой Рог.

— Именно. В Москве урки зашевелятся, вот, скажут, приехал на нашу голову, лягавый.

Укладывались последние мосты, строились арки. Люди готовились к возвращению на родину. Каждый день на участки подавались списки. То были перечни лучших. Каналоармейцы-художники рисовали портреты героев-строителей, каналоармейцы-актеры готовили праздничные выступления. Всюду — и в Медвежьей горе, и в Повенце, и в Шавани, и в Сегеже, и в Шижне, и в Сороке — всюду было ощущение праздника. У каналоармейцев появилось великое любопытство к тому, что писали о канале газеты. Иногда они скептически качали головами.

— Не так написано...

Но даже этот скептицизм был своеобразным оттенком строительной гордости. И стоит отметить еще то чувство справедливого раздражения, которое испытывали каналоармейцы, когда в эти дни сюда попадал чужой человек. Первое: приезжий не видел того, что здесь было. Мог ли он как следует представить себе те чудеса, что натворили строители? Второе: он еще не

видел канала в движении. Приезжие были похожи на гостей, пришедших раньше времени: хотя ужин уже готов, но не постлана скатерть и не расставлены горшки с цветами.

Удивительно заботливо каналоармейцы убирали канал. Знает ли этот коренастый каналоармеец в серо-зеленой телогрейке, что окном в Европу у нас называли Петербург и что автором этой фразы является граф Альгаротти? Нет, не знает. Но ему явно нравятся слова, которые он выкладывает дерном на берегу канала: «Окно в мир». Огромные саженные буквы видны далеко.

Итак, прорублено окно в мир. Флаг судоходства поднят над Карелией. Вода наполнила бьефы. Вода пущена в первые семь шлюзов. «Чекист» миновал первый маяк, вступил в канал, и перед ним открылись тысячепудовые ворота первого шлюза.

За «Чекистом» пошел караван. Землечерпалка, протянув в небо длинный, железный хобот, отправлялась углублять фарватер. За ней плыло несколько барж.

На борту парохода стоит главный инженер Хрусталев. Впечатления привычно складываются в его уме фразами технического отчета.

«Стены тех конструкций, которые у нас применены,— ряжевые, вдвое выше обычных... Шлюзы стоят на мягких грунтах...»

Рядом с Хрусталевым взволнованный и сосредоточенный режиссер повенецкой агитбригады. Он сочиняет стихи. Стихи должны быть готовы к вечеру. Начало уже есть:

Сегодня
в ночь
на 28-е
«Чекист»
разрежет
первую страницу
Белморстроя.

Пущена вода. Пароход всходил, как на дрожжах. На глазах у всего южного лагеря пароход поднимался.

От пены стало светло в шлюзе.

— Волнения в камере шлюза не замечается,— продолжает мысленно отчитываться Хрусталев.— Напряжение на тросах меньше, чем предполагалось по расчету.

Поэт стоит, ища слов, подбирая стихи:

Вот и пароход
подошел к причалу,
и за ним
тенью ворот
закрылся
первый вход
Беломорско-онежского канала.

Вокруг —
просмоленное театральное зало,
ряжевые стены
стоят
крепко,
ровно,
лакированно...
Цилиндры стали на удар
Водонапорной массы,
И вот уже летит вода
С «Чекистом» подниматься.

— Цилиндрические деревянные затворы, — формулирует про себя Хрусталев, — работают отлично.

Уже кончилось шлюзование в первом шлюзе, пароход вступил во вторую ступень Повенчанской лестницы.

Пароход подымается.

Хрусталев внимательно смотрит на ряжевые стены камер.

Поразительно, до чего все закрылось. Этот старый деляга Будасси показал, что, несмотря на свою жестокую кубатурность, при которой легко проглядеть качество, он был чуток более всех во врубках и понимал, где могли быть шероховатости. Еще раньше, чем было дано распоряжение законопатить, он сам все проделал.

Все хорошо, но в верхней камере плавает маленькая дощечка. В наших водопроводных галлереях и затворах гидравлические колебательные явления оказались на деле бо́льшими по масштабам, чем показали исследования в ЦАГИ. Вода — непонятная вещь. Динамика воды сложна. Статистические упрощенные методы не дают еще той картины явлений, которая получается в натуре. Получаются вибрации и вихри, которые мы изучали только на модели...

— Константин Андреевич, — позвал Вержбицкого Хрусталев.

Вержбицкий подошел. Хрусталев показал ему на дощечку.

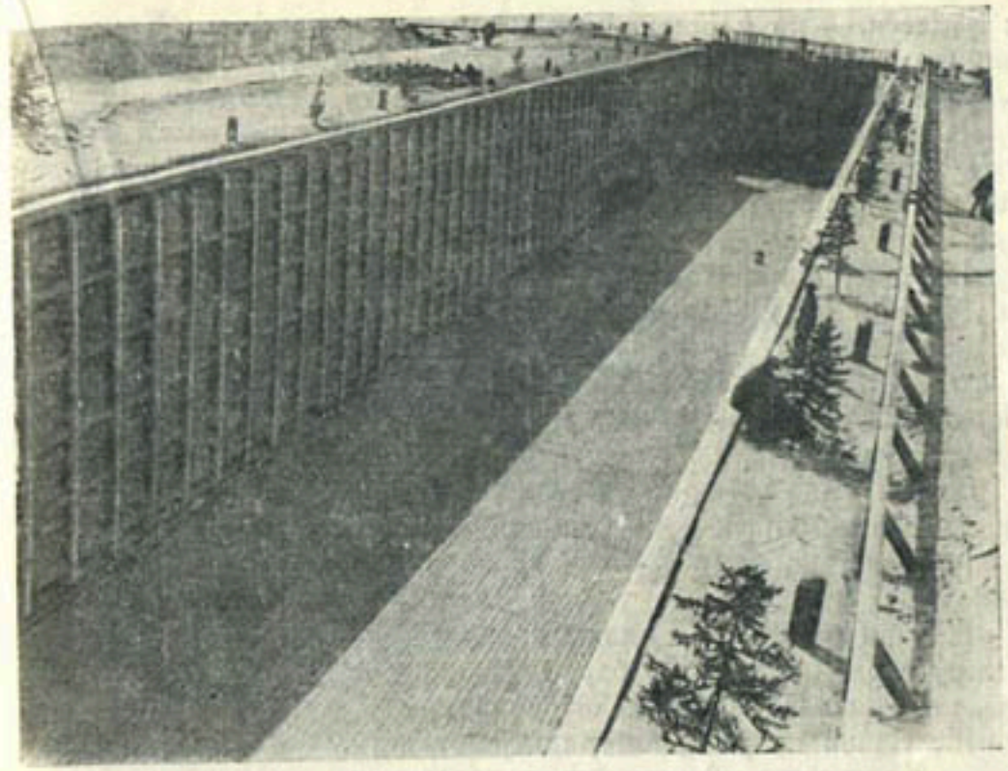
— Исправим, — ответил тот.

Ворота действовали великолепно. Каналоармейцы с увлечением крутили ручки механизмов. Военизированная охрана из специальных войск ничего не могла сделать с толпами прибежавших каналоармейцев.

— Не жмись на край, не мешай! — ворчала охрана.

Когда прошли дальше по каналу, Хрусталев покосился на деревянное водосбросное сооружение. Сооружение это его постоянно тревожило. А вдруг где-нибудь просачивается вода?

Самым тяжелым шлюзом был третий. Он стоял на плывуне. Тут долго мудрили и тяжело мучились. Это единственное место на всем канале, где применили цельную голову, похожую на опрокинутую букву П. То была конструкция чрезвычайной тя-

Вода придет, как на праздник

жести. В нее заложили массу рельсов, очень тяжелые соединения. Хотя расчет совершенно успокаивал Хрусталева, но ему всегда хотелось посмотреть — нет ли где-нибудь трещин. Он знал, что их не может быть, а все-таки искал, жадно всматриваясь в сооружение.

Нижняя камера была выстроена по эстакадному типу. Во всех случаях строили цельные ряжи высотой в десять-двенадцать метров. Известно, что ряж — это конструкция из отдельных деревянных колодцев разнообразной высоты, сдвинутых вместе в своеобразные соты. Для Карелии, богатой лесом, такая конструкция вполне целесообразна. Здесь, на плывуне, применить ее полностью нельзя было: тяжела. Поэтому только нижняя часть была сделана, как ряж. На ряже была построена деревянная ферма, обшитая со стороны камеры шлюза досками. Все это возбуждало сомнение. Расчет — расчетом, а что будет с судами?

Однако суда причалили, и никакой дрожи не было.

Когда борт парохода сравнялся с эстакадой набережной, инженер Будасси — человек с оливковым лицом, предельно возбужденный, не то с заплаканными, не то с сияющими глазами — спрыгнул на палубу.

— Все это рассчитано, — неожиданно обратился Хрусталев

к Будасси, — но я всегда немного не верю расчетам. Если где-нибудь есть малейший промах или недосмотр с конопаткой, с соединением ребер досок, — можно ждать фильтрации.

К четвертому шлюзу, похожему в нижней своей части на третий, Хрусталев подъезжал с некоторой, как выразился он, отвагой. Ведь на третьем шлюзе осмотр прошел гладко, а там условия куда тяжелее.

Пароход на пятом шлюзе. Этот шлюз стоял в хороших условиях и ни у кого тревоги не вызывал. Хрусталев с облегчением смотрит на всю лестницу вниз. Он вспоминает, что в 1913 году, когда он учился у немцев гидротехнике, строили Берлин-Штеттинский канал, и на выходной лестнице, стоявшей на мягком грунте, получилось оползание.

У них было четыре шлюза в песках, у нас — пять и грунты еще ненадежнее.

Мы уже на одну ступень выше их — и как надежно стоят шлюзы!

Поздний вечер. Ни одна звезда не зажигается в небе. Где-то в лесу горят костры. Из барака выходит бородатый узбек в полушелковом халате. Он садится на крыльцо, запевает песню.

На одной из улиц лагеря играют дети.

— Константин Андреевич, — надрываясь, кричит с берега Афанасьев, — Константин Андреевич!

Человек в черном полушубке откликается с парохода:

— Здравствуй, товарищ Афанасьев!

Это Вержбицкий. Он стоит на борту и смотрит, как шлюзуется первый караван. Он возбужден: скоро он будет в Москве, пойдут разговоры, улыбки, расспросы.

Прощай, север! Впрочем у Вержбицкого не было никогда страха перед севером. Он не принадлежал к тем, кто считает наш север гиблыми местами.

Он смеялся, читая забавное место в воспоминаниях эсера Панкратова — комиссара Временного правительства при гражданине Романове, как тогда величали царя Николая Второго.

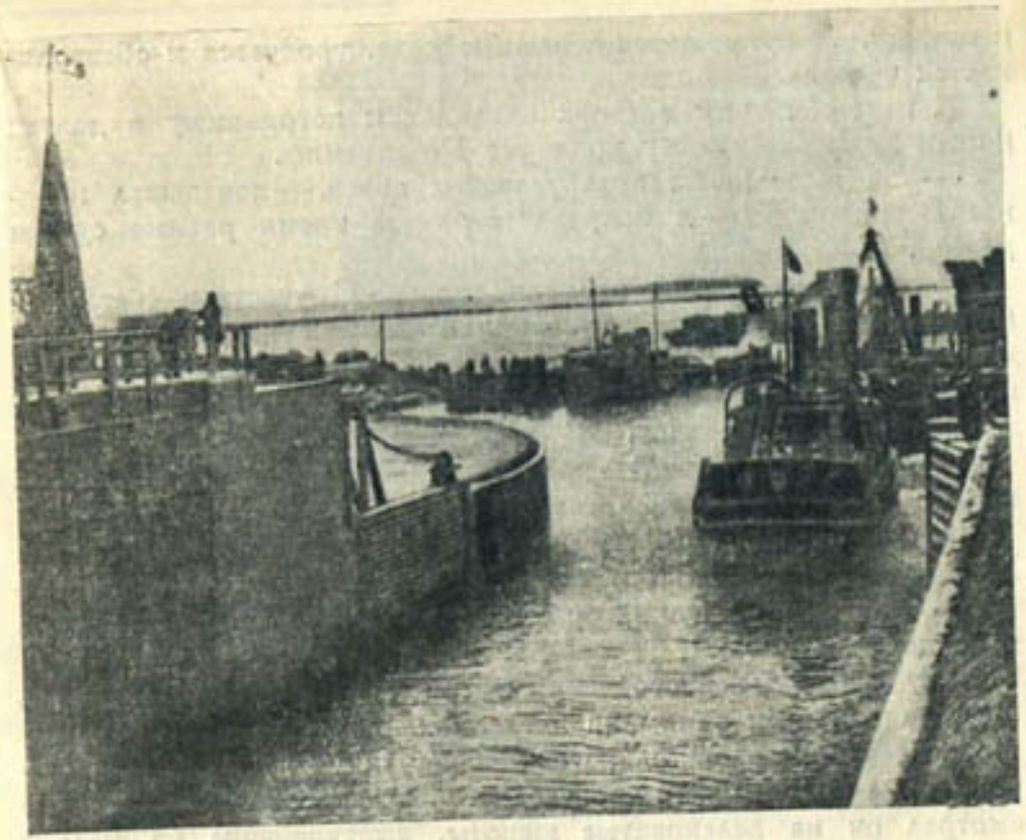
Царь впервые очутился в Сибири. Он удивился, что там бывает жаркое лето, что в Сибири хороша природа, что там сеют хлеб. Так знал император свою страну.

Константин Андреевич не боялся севера. Молодость свою он провел в краях, где такое же небо, такие же сосны и озера и такие же болота.

Он много лет прожил в этих краях.

— Сто пятьдесят лет... — так любил говорить Вержбицкий в дни, когда работы на канале шли к концу и вода караулила у бьефов.

Что это такое — сто пятьдесят лет? В эти дни стало ясно, что Беломорский канал закончен в двадцать месяцев. Неподалеку от канала лежала другая искусственная водная система, ветхая и неуклюжая Мариинка, где кургузые и жалкие пароходишки ползут с удручающей медленностью, боясь поднять волну; боясь, что волна размоет берега и уничтожит всю систему, где до сих пор царствует на шлюзах конная тяга и баржи при встрече неизбежно сталкиваются, ломая друг другу бока. Ну, так вот соседка Беломорского канала, Мариинская система, строилась сто пятьдесят лет.

Первая вода — первый пароход

Так рассказывал каналоармейцам инженер Вержбицкий. Он часто выступал на широких митингах, объясняя каналоармейцам, что они строят. Многие из них не видели ни одного строительства, не то что шлюзов. Взорванные кряжи, глубокие ямы и котлованы будущих плотин казались чем-то очень большим, очень сложным, но и очень неясным.

Как-то Константин Андреевич объяснял им макет шлюза, показывая:

— Вы будете класть бетонную голову вот этого шлюза...

И вот пароход проходит теперь этот шлюз. Первое шлюзование проходит очень долго. Мы успеем сказать несколько слов об ощущении вины... Человек с небольшим революционным прошлым погружается в болото лихой и фальшивой жизни,

в кутежи. Запутываются денежные дела, уродуется и обезволивается человек.

К неустойчивому в своих взглядах и погрязшему в долгах инженеру Вержбицкому приходит Ризенкампф.

— За выполнение вредительских актов, — показывал позднее Вержбицкий, — я получал в разное время разные суммы денег...

Первое шлюзование проходит долго. С участков сбегаются каналоармейцы, из столиц поехали корреспонденты. В будке на эстакаде трещит телефон. Редактор Минас Бабиев встречает на берегу Наталью Евгеньевну Кобылину:

— Хижозеру привет!

Наталья Евгеньевна — предводительница Хижозера, прораб на сто сорок первом водоспуске.

Караван вошел в шестой шлюз. Этот шлюз вырублен в скале. Хрусталев сказал Будасси недовольным голосом:

— Как будто никаких опасений. Но может быть что-нибудь неладно с затворами?

Ему вспомнились огорчения в дни подготовки этого шлюза. Он был закончен одним из последних. Условия скалы — скверные, а геология дает только общую картину строения. При раскопках же можно найти что угодно. С некоторой враждебностью смотрел он на зеленоватые выпоты, выступающие из мелких трещин скальных стен.

— Эта зелень все равно не повредит, — сказал Хрусталев.— Мы проложили жирные слои высококачественного цемента. Зелени будет не так просто до них добраться. Кстати в этом районе где-то лежат мощные месторождения медных руд. Где они, я сейчас еще не знаю...

Караван направился к последнему, седьмому, шлюзу Повенчанской лестницы.

— Тут грунты без фокусов, — любил говорить Будасси, — тут, слава богу, нет полезных ископаемых, и это очень приятно.

Хрусталев вышел на плотину сорок девять. Она стояла на очень скверном месте. Рядом был вылизанный ледником и водой камень. С ним очень трудно было соединить плотину. Однако осмотр показал, что все обстояло недурно. Сложный слоистый песчано-торфяной экран был соединен траншеями с этой скалой.

Тут раньше наблюдалась фильтрация, но ее задушили присыпкой.

Белая ночь уничтожила понятие о времени. Сегодня на строительстве день отдыха. Мы еще успеем сказать несколько слов об ощущении вины вредителями.

— Иной из них будет начисто отрицать свою вину, но посмотрите на него, посмотрите, как бегают его глаза...

Председнаркома Карелии тов. Гюллинг

Ощущение вины привело Вержбицкого в ужас. Он заболел, его пришлось перевести в больницу. По ночам он бросался вниз с койки, ему казалось, что он летит со скалы, спасаясь от чьих-то глаз.

Вдоль берега шестого шлюза идет инженер Кобылина.

— Здравствуйте, Наталья Евгеньевна.

Ее приветствуют многие, особенно ее любимец старик Гарбузов и другой ее любимец Трут.

Ощущением вины была раздавлена и Наталья Евгеньевна. В 1930 году ГПУ раскрыло контрреволюционную вредительскую организацию на водном транспорте. Нити следствия привели к дому Кобылиной на Тихвинской улице. Она арестована, но еще не допрошена. Скоро будет личный обыск. Но до обыска Наталья Евгеньевна незаметно проглатывает какой-то яд.

Ее спасли.

Через некоторое время она оправилась и на двух десятках страниц изложила свою вину и начертила схему всей вредительской организации.

Как-то один из чекистов говорил о вредителях:

— Все спрашивают, все интересуются, почему вредители сразу сознались и раскрыли организацию. Мы тоже в свое время сидели в тюрьмах, нас тоже допрашивали, но мы же не сознавались, не раскрывали... Ясно — почему. У нас была идея, цель, мы видели, что будет впереди. Уходя на каторгу, мы были уверены, что царизм падет. Попадая в ГПУ, вредители убеждаются, что советская власть прочна... Мы жили с чувством принадлежности к побеждающему классу, классу, которому неизбежно принадлежит будущее, — потому нас нельзя было сломить, потому нас не пугал арест. У вредителей арест обостряет чувство обреченности их класса, поражения, разгрома их класса,

провала их дела — арест их доламывает, будущего нет. Ключ к «скорым» сознаниям в том, что в стране разрешен вопрос: кто — кого.

Поэтому не так уж удивительно, что тут-то они и начинают по-настоящему присматриваться к советской власти. Наталья Евгеньевна еще в тюрьме быстро растеряла ту сумму враждебных взглядов, которую ошибочно считала стройной и непоколебимой системой идей. Но присматриваться и чувствовать советскую власть начала только на канале. Сейчас, когда она стоит рядом с Афанасьевым и Вержбицким на голове шлюза, тот период в ее жизни давно миновал. Можно сказать так: он утонул. Он утонул в широко разлившихся водах Хижозера, которые вместе с лесистыми берегами и скалами затопили и ее прошлую жизнь.

— Наталья Евгеньевна, статья готова? — спрашивает ее Минас Бабиев.

Он приехал из другого участка, где печатается газета. Он кочует целыми днями со своими гранками и полосами по трассе: то в вагоне проходящего поезда, то на бричке. Типография отделена от редакции болотами, лесами и озерами.

— Статья готова, — отвечает Наталья Евгеньевна.

Бабиев быстро пробегает глазами статью Кобылиной.

«Сейчас, глядя на сооружения, — читает он, — и вспоминая пройденный путь строительства за год истекшей работы, невольно встают картины той борьбы и трудностей, которые пришлось пережить на стройке водоспуска и дамбы... Хижозеро бушевало за перемычкой, — читает он, — грозя прорывом вследствие все увеличивающегося накопа и прибыли воды... Ударники Хижозера, — читает он, — показывали пример энтузиазма, самоотвержения и темпов. Я хочу отметить, — читает он, — лучшие бригады: бригадира Смирнова, Трута, Барнашева, Халиулина, Аржановского, Дементьева и Карпова».

Бабиев ростом невысок, и Афанасьев заглядывает через его голову в статью. Он читает имена бригад и улыбается.

— Наталья Евгеньевна, — спрашивает он, — помните, что вы сказали, когда вас назначили прорабом?

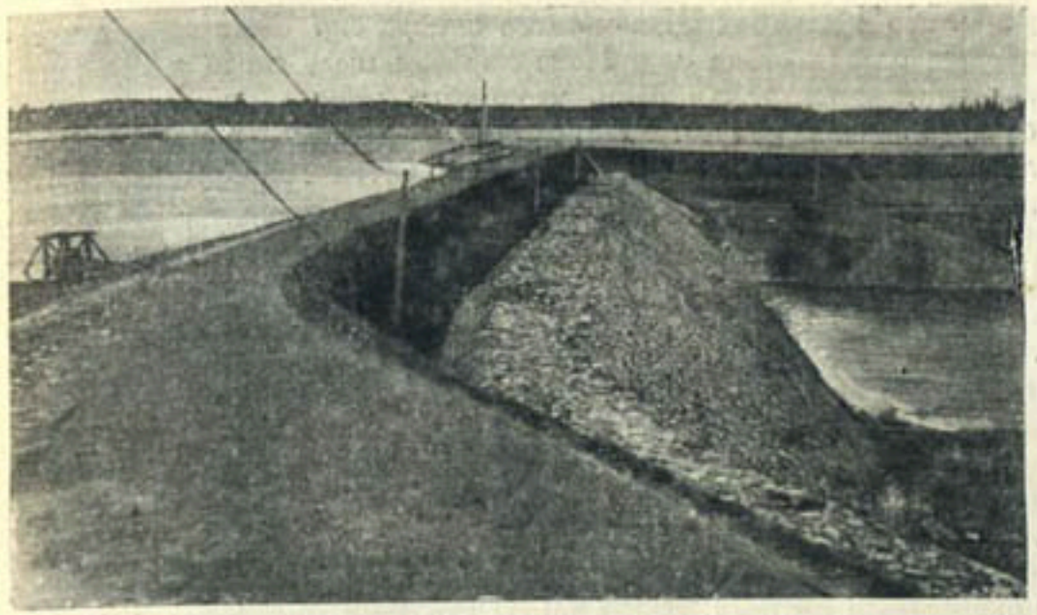
— Нет, Григорий Давыдович, не помню.

— Вы тогда сказали, что быть прорабом, имея такую рабочую силу, — это новое добавочное наказание, которое накладывает на вас ГПУ... помните?

Кобылина смеется.

— Помню, помню... Протокол мне прочитан, все верно, в чем и подписываюсь.

Оркестр заглушает ее слова. Раскрываются последние ворота последнего Повенчанского шлюза. Первому каравану открывается широкий разлив. Первый пароход вошел в эти воды. Они

Дамба № 76.

увидели первый дымок, первый хобот землечерпалки, воздетый к небу, услышали впервые стук двигателя.

— Который час, Константин Андреевич?

— Половина одиннадцатаго.

— В половине одиннадцатого караван... — звонит Фирину Афанасьев.

Корреспонденты выстроились в очередь у телефонной будки.

— Не волнуйтесь, — успокаивает их Афанасьев, — покурите.

Его забавляют эти суматошливые люди, прискакавшие на готовое. Они строчат телеграммы.

— Сегодня в половине одиннадцатого... — пишет один.

— Сегодня в половине одиннадцатого... — пишет второй.

На улице светло, как в облачный полдень. Однако пора спать. Каналоармейцы расходятся по баракам. Минас Бабиев спешит с гранками в Медвежку. Там ждет его в Управлении Фирин. Там, на горе, в маленьком светлом коттедже, ждет его семья — жена и дети. Бабиев давно получил свободу. Он остался здесь добровольно до конца работы на канале. Он хочет дождаться торжеств. Он едет лесом домой.

— Помню, — продолжает Кобылина, — это было всего год назад. Я привыкла считать себя инженером-исполнителем, но не организатором, не общественником. Вы знаете, какой новый термин придумал Климентий Михайлович Зубрик?

— Какой?

— Он называет себя инженером-чекистом.

Караван дошел до первой перемычки и остановился. Землечерпалка чистила свой хобот. Караван шел, гудя, дымя и требуя

воды. Но в камерах Шаваньского шлюза еще было сухо, а в северных озерах стоял лед. Пока караван шел, снося и вычерпывая перемычки, таяли реки, уходили в море льдины, уплывало сало, мельчала шуга. Наполнялись далекие шлюзы. Вода лизала смолу бревен, клетки ряжей, бетон голов и переплеты ворот.

Караван шел дальше, продвигаясь в залитое русло старой Повенчанки. Сейчас это был широкий залив. Впереди на Волозере стояли баканы. По этим баканам хорошо угадывалась дорога. Между баканами — тоненькие жердочки, на них висели гряпки. Они показывали, что в этом месте что-то неладно.

Хрусталев беспокойно посматривал на них. Хотя он и знал, что вода поднята примерно на 70 сантиметров против того, что должно быть по проекту, и ни один валун не мог вылезть выше, все же сердце его было неспокойно.

Наконец прошли баканы, впереди створ — два столба с раскрашенными щитами. Когда щиты сходятся вместе, значит пора свернуть с этого створа и перейти на другой: створы ставят на широком надежном пути.

Караван прошел Узкое озеро. Наконец вплыли в Верхнее Вадлозеро. Так как опоздали землечерпалки, пароход шел по временному и довольно путаному фарватеру.

Описав все кривые, караван оказался у выхода в Водораздельный канал.

— Этот канал, — сказал Хрусталев, — выполнен с большим изяществом. Техника обычно не знает такого изящества.

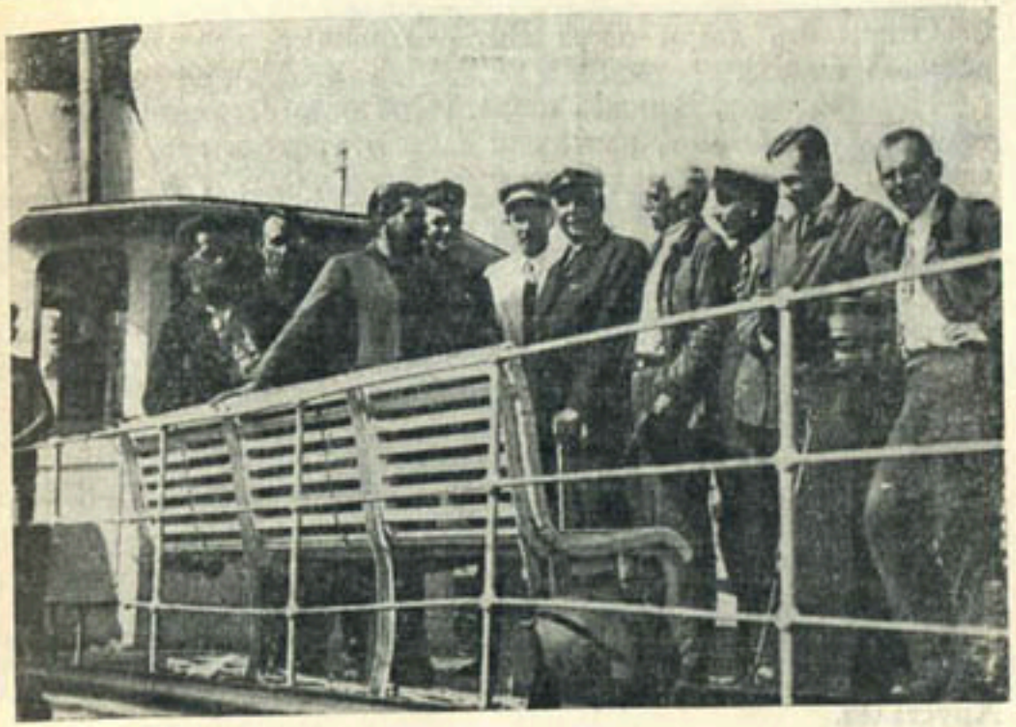
На первом километре канала караван встретили восторженные толпы каналоармейцев. Полетели шапки, раздались приветственные крики.

Здесь на пароход взошел председатель Совнаркома Карелии Гюллинг.

Ветер подымал верх серой кепки. Товарищ Гюллинг смотрел на измененную родину, на новые озера и подыскивал им имена.

Из восьмого шлюза вышли в озеро Матко. Ветер тянул в сторону. Однако караван прочно вступил в Беломорский бассейн. У протока Руманцы Хрусталев вспомнил, что там остался скальный недобор на бровке. Под водой его никак нельзя взять. Затем путь лежал через озеро Торос. Девятый шлюз построен на прекрасной скале. В скале вырублены водопроводные галлереи.

Из девятого шлюза караван вышел в Телекинское озеро. Тут ничего нельзя было понять. Высокая вода начисто изменила пейзаж. На Телекинке Хрусталев испытал чувство тревоги. Пароход шел по нерасчищенному фарватеру. Было несколько спрямлений, и они могли улучшить ход, но эти спрямления еще не были готовы. Маленькой землечерпалкой сделать их было не-

Правительственная комиссия осматривает канал

возможно. Ждали с севера большую землечерпалку, но на севере находился совершенно неопробованный участок пути. Там было холоднее, и сооружения замачивать начали гораздо позже.

Дул сильный ветер. Со всех сторон неслись по воде невывезенные бревна. Лестрансхоз оставил их в наследство, как «аварийную древесину». Иногда от их ударов пароход содрогался. На палубе слышали, как поднятое волной бревно катилось по килю парохода. Капитан остановил машину, чтобы не обломать винты.

... Прошло короткое, неверное, северное лето. В захламленных лесах появилась назойливая, еще не прогнанная дымами селений мошкара. Канал проходил еще по дикому, необжитому краю. На большом старинном озерном пароходе приехала правительственная комиссия. У каждого сооружения — будь то дамба, плотина или шлюз — пароход останавливался. По трапу спускался председатель комиссии Лепин, за ним члены комиссии: Баумгарт, Григорьев, Шумилов, Чехович и Иогансон. С ними был эксперт Водарский. Их сопровождали беломорские строители-чекисты Фирин и Френкель и беломорские строители-инженеры Хрусталев, Будасси, Ананьев, Магнитов.

Комиссия прошла известный нам путь. Многие недостатки, что записал в своей записной книжке Хрусталев, были уже устранены, но он все же насторожился — как стоят плотины новой конструкции?

Открылись двери озера Выг — огромные железные ворота десятого шлюза.

Нижний бьеф, Воицкое озеро. Хрусталев вспомнил: тут жители бегали смотреть, как люди сами пускают и останавливают водопад. Вспомнилось еще: когда уничтожали часть деревни, старухи плакали на совещании.

— Прикройте работу, — вопили старухи, — что вы тут все портите, так жить нельзя!

Затем пошли первые взрывы, кое-где полетели стекла. Сперва население испуганно ходило вокруг. Вскоре однако все привыкли к летающим по деревне камням. Когда местные парни-сплавщики увидели, как по реке идут плоты строительства, они увлеклись привычным делом и приходили помогать.

Вот Воицкое озеро.

Оно не очень выросло, но стало сердитей. Минозав озеро, пароход с правительственной комиссией остановился у Шаваньского узла.

Члены комиссии побежали к плотине 23.

— Она оказалась куда красивее, чем я ожидал, — сказал Хрусталев.

Вода стояла вровень с гребнем плотины. Легкий слой воды прозрачным шелком покрывал дерево плотины.

Комиссия знакомилась с плотиной 24. О ней шла молва, что это не плотина, а страшилище. Да, береговая эта плотина доставила много забот ненадежностью скального основания.

— Плотина удалась, — сказал эксперт Водарский, — она стоит хорошо.

Пароход стоял у причала. Члены комиссии ходили по телу плотины. Плотина была тяжела, чрезмерно тяжела.

— В этом виноват я, — сказал Хрусталев, — у нас нехватило смелости, и мы в нее всадили много лишнего.

Затем члены комиссии взобрались по огромному каменному откосу. Здесь Хрусталев как бы получил удовлетворение за обиду.

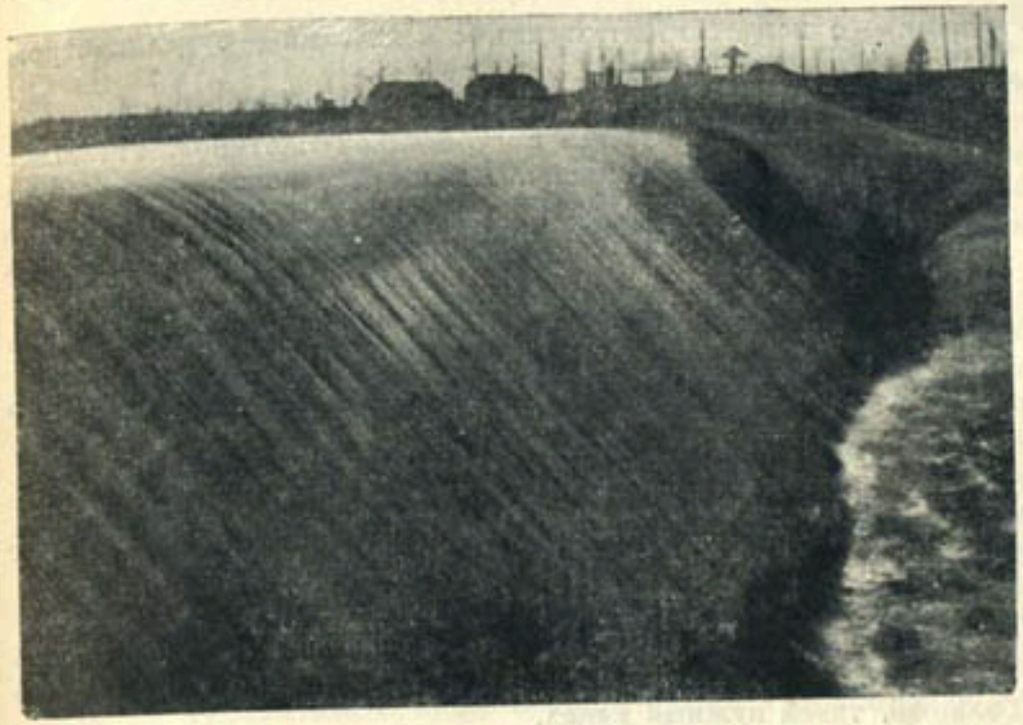
— Посмотрите, — воскликнул Лепин, — воды совершенно нет. Вот — это да, вот это хорошо! Как отлично работает слоистый песчано-торфяной экран...

Дальше Выг весь сжат и извилист. Уйти с трассы некуда, кругом скала. Свисток с палубы предупредил, что комиссия подходит к пало-коргским группам.

— Где же стоит плотина? — удивился Хрусталев, — ее и не видать!

Все было залито водой, до самой верхушки плотины.

Вспоминались неприятные для Пало-Корги дни. Здесь кончали ремонт двенадцатого шлюза. Правая стенка дала осадку. Завязался спор, почему это произошло.

Шаваньская плотина

— Для меня, — сказал Хрусталев, — картина ясна. Шлюз не подвергался никакой правильной и регулярной замочке, он сразу был налит водой и работал месяц без остановки. Так нельзя поступать с сооружениями.

— Почему же так поступили?

— Нам до зарезу нужна была землечерпалка, — ответил Хрусталев, — для перерезывания перемычек и тяжелой выемки на канале 181.

Комиссия прошла на злополучный двенадцатый шлюз. На дне шлюза стоял ободранный Вержбицкий. Главный мастер аварийного дела по шлюзовой части, как называл его Хрусталев, дирижировал ремонтом шлюза. Пароход простоял всю ночь. К утру вода снова побежала в шлюз.

Пароход опустился. Ворота открыли. Виден дальний карьер, а вон там — лежали рельсы узкоколейки.

«Если бы да другое время — как поднялись бы акции Беломорско-балтийского строительства!» думает инженер Ананьев.

Отсюда он махнул бы в Петербург, потом за границу.

Какая была бы карьера!

А кто сейчас заработал на этом деле?

Уж не эта ли женщина в платке или эти два узбека, стоящие на палубе?

Открылись ворота, за ними новый кусок канала.

Сколько было говорено с рабочими о соревновании, с десят-

никами — о конце строительства, с чекистами — о целях строительства!

А все-таки у него, на Выг-озере, построено лучше, легче, скорей. Там вода сливается с деревянной плотиной. На шлюзах — звезды, надписи, цветы. Масштаб строительства сейчас заметен гораздо меньше, чем во время стройки. Дамбы ушли под воду, все вросло, все как будто так и было, как будто так и родилась Карелия с каналом.

Ударники едут по каналу, который они построили, и у него, инженера Ананьева, тоже значок ударника.

Кто, в сущности говоря, заинтересован в постройке этого канала?

Строили, писали лозунги, хитро говорили слова, хитро выслушивали слова, хитро повторяли их.

Дамбы вросли, соединили равные линии горизонтальной. Водопады заменились водоспусками. Реки — каналами.

Слова вошли в сознание, в подсознание.

Слова лозунгов вросли в этих людей, вот в этих узбеков в треухах, которые едут и гордятся, что они построили такой большой, такой нужный канал.

Инженер Ананьев гордится — сделали из него учебно-показательного старца.

Убывает вода в камере шлюза, вверх бежит блестящий ряд мокрых отбойных брусьев. Инженеру Магнитову есть время думать о темпах Беломорстроя.

Инженер Магнитов думает о старом инженере Магнитове — для него тот человек уже чужой. Магнитов называет его «он».

Это не рабские темпы полуазиатского российского капитализма. Это не темпы ущербного европейско-американского капитализма. Это — социалистические темпы. Работа шла непрерывно. Она не давала времени для сомнений и колебаний. Сначала инженеры решили, что эти невероятные темпы — просто-напросто недоразумение, которое вот-вот выяснится. Но недоразумение не выяснялось. Тогда они решили, что это злоупотребление со стороны каких-то неразумных большевиков, которых вот-вот одернут разумные большевики. Но разумные большевики не подавали никаких признаков жизни. А между тем работа становилась все требовательней, темпы — стремительней. Тогда инженеры стали ждать какой-либо строительной катастрофы, которая наконец-то образумит этих большевиков. Но так как все свои расчеты они производили правильно, то и катастрофа не приходила.

И вот мало-по-малу инженер начинает перерождаться. У него появляется социалистический, ускоренный пульс, убыстряются мыслительные процессы и нервные реакции.

Он начинает входить в темпы, приспосабливать к ним свой разум, свою волю, свое дыхание. Более того, он стремится обогнать их, чтобы они не обгоняли его. Это освобождает его от непосредственного давления темпов, и он создает себе тот творческий комфорт, отсутствие которого так пугало его при самом приступе к работе. Он овладевает собой, он развертывает все свои творческие способности уже на новом, ином, более высоком уровне.

Он уже не мыслит себя вне стройки. Беломорстрой — это он сам, это его явь, его сон, его мысль, его желание. Он чувствует ответственность за каждую задержку, за каждую неполадку, за каждое упущение — ответственность не перед кем-либо, а перед самим собой. Он имеет право работать определенное количество часов — он вообще забывает, что существует какое-то там время. Одни только интересы строительства определяют распорядок его жизни. Как называется подобное отношение к работе? *Ударничеством.* Он стремится обогнать другие группы, узлы, участки, но только для того, чтобы показать им пример, как надо работать. Он готов и непосредственно помочь им, поделиться с ними приобретенным опытом. Как называется подобное отношение к работе? *Социалистическим соревнованием.*

Так врабатывались инженеры в социализм, поднимались до него, становились достойными его.

Это было *начало.*

Серьезное, прекрасное начало.

Наступило утро.

Шлюз чисто убран. Снова — канал. Вырезанный в разных грунтах, он удивительно строен. Скальный участок казался красиво вписанным в земляную часть русла.

Вокруг стояли болота, топорщилась мелкая листва.

Капитан развил полный ход. Высокая волна, красивая, блестящая, как Шаваньская плотина, стала за бортами.

За длинными линиями запаней, поставленных для того, чтобы улавливать плывущий лес и лесной сор, возникла плотина 27-я, более приземистая и широкая, чем Пало-Коргская.

Вот и Сосновец.

Снова знакомые, склоненные над водой сосны. Под обрывом шлюз, канал. Весь Сосновецкий узел как на ладони.

Сперва двадцать седьмая плотина, бетонные устои. Сквозь донные отверстия с ревом мчится разъяренный Выг, разбиваясь о камни. Водяная пыль поднимается, как туман, застилает плотину.

Но почему такая тишина? Почему нет эстакады, снующих повозок, возов с песком и цементом? Тишина! Странно видеть эту тишину людям, привыкшим к грохоту молотков, крикам

паровозов, комариному зуду перфораторов, ко всей этой многотысячной суетне тачечников, скальщиков, бурильщиков, землекопов.

Канал стал нарядным. Блестит полированная вода. Какая-то новая, неслышная жизнь. Проплывают, пыхтя, крошечные катера «Судак» и «Сосновец», снуют лодки. Появились буксиры, плывущие плоты.

Строительный шум сменился шумом первой навигации.

Открылись ворота пятнадцатого шлюза. Пароход опустился. Падала вода. Комиссия вышла смотреть на 28-ю каменную плотину с деревянным экраном.

— Это каменная плотина, — сказал Хрусталев, — совершенно новая по конструкции и сооружению. Никто в СССР так раньше не строил. Несмотря на свою внешнюю якобы простоту она очень интересна для каждого инженера. Так как никто не знал размера осадки, то я запретил ее подсыпать после осадки с тем, чтобы показать вам, как она садится.

Пока пароход стоял у причала, комиссия прошла на бетонную 27-ю плотину.

Комиссию встретил утомленный и перепачканный Вяземский. Он устремился к временному мостику и с замиранием сердца начал подымать щиты. Чувствовалось, что он раз десять репетировал этот подъем. Вяземский боялся осрамиться перед «чужими». Стоя на деревянном мостике, он дирижировал рабочими.

Пятнадцатый шлюз меньше других. За ним открылся спокойный участок Выга с живописным плесом. Хрусталев смотрел на гору. На горе стояла деревня. За деревней — бугор, на бугре — кладбище. Здесь, в тени кладбищенских крестов и деревьев, он прятался с товарищами от жаркого лета. Сюда инженеры ездили на работу, здесь они устраивали свои совещания.

Этот узел как будто ничем не был примечателен. Всюду — мелкие сооружения, низкие и растянутые. Но сооружения эти были удивительно легки и работали отлично.

Шестнадцатый шлюз. В этом месте Выг делится на два протока.

— Очень красивое место, — сказал кто-то из комиссии.

— Здесь, — рассказал Хрусталев, — жили первобытные люди. Я видел их стоянки и древнюю керамику. Мы собрали здесь триста предметов и отправили их в Академию наук. Тут есть рисунки на камнях. Это место называется сейчас «Мертвый остров».

Комиссия заинтересовалась серым гранитом на семнадцатом шлюзе. Этот гранит пойдет на постройку портовых сооружений, возможно — и на юг.

Семнадцатый шлюз напомнил о затруднениях в дни стройки. Это была поучительная история о производстве работ в плохо исследуемых местах. Карты, унаследованные от прошлого, оказались неточными.

И наконец пароход вошел в последний, девятнадцатый шлюз.

— Здесь, — сказал Хрусталев, — мы сбились с ног, отыскивая скалу. Кругом — целый океан ильдиевых глин. В одном месте мы нащупали скальную шишку, но она оказалась такой маленькой, что на нее еле насадили верхнюю и нижнюю части шлюза. Несмотря на то что мы извлекли глину вокруг сооружения и насыпали туда супесь. Все-таки пришлось кое-что переделать на ходу. Оказалось, что ильдиевые глины, как только ударяет мороз, отвратительно пучатся. Прораб чуть не плакал. Мы здесь рубили эту глину...

В последнем шлюзе запахло солью. Открылись последние ворота. Пароход с комиссией вышел в Белое море.

БУДУЩЕЕ ОПРЕДЕЛЕНО

Прошли на канале белые ночи. Пустели лагеря. Дома складывались и увозились в Дмитров. Уехал клуб. Уехал штаб. Уехала столовая. Поехали по чугунке коттеджи. Тысячи каналоармейцев получили литера. Они заполнили великое множество вагонов в пассажирских, почтовых и скорых поездах.

Есть на Онежском озере большая пристань Вознесенье. У пристани лежит и городок Вознесенье, этакая деревянная русская Венеция. Городок до сих пор сохранил петровские деревянные подъемные краны, весь изрезан каналами. Его омывает Онежское озеро, в него упирается река Свирь, через него проходит старинный и запущенный обводный Онежский канал. Жители ходят по мостикам, горят тусклые фонари, вдоль улиц идут кургузые пароходики. Вознесенье — место постоянного пребывания парохода «Анохин». Он сюда приписан. Через день «Анохин» совершает рейсы от Вознесенья до Медвежьей горы.

Как-то в один из летних дней вознесенцы заметили, что «Анохина» нет у причала. Пузатый озерный корабль несколько дней пропадал.

— Где-то наш «Анохин»? — спрашивали вознесенцы.

ПАРТИЯ ПРИНИМАЕТ СТРОЙКУ

В те дни «Анохин» резал воды Беломорского канала. У нового канала еще не было своего флота, и на помощь пришла пристань Вознесенье. В те дни на палубе «Анохина» стояли Сталин, Ворошилов, Киров. С ними несколько чекистов вместе с тов. Ягода.

«Анохин» двинулся к Тунгуде. Пришвартовался у двенадцатого шлюза. Озером гуляет небольшая волна. Дамбы, берега в цветах и лозунгах. Постукивают машины электростанции. Часовой в малиново-васильковой фуражке мерно ходит по серому бетону шлюза.

На пароходе как-то по-особому толпятся люди, слышатся возгласы, оживленный говор, тоже особый.

Один за другим Хрусталев, Френкель и Борисов взобрались на верхнюю палубу.

Легко опираясь на перила, стоял Сталин. Неподалеку — Ворошилов и Киров.

— Разрешите представить вам технических руководителей Беломорстроя, — обратился Ягода к Сталину.

— Очень рад, — ответил Сталин.

Грузно наклонившись, шаркнув ногой и оттого даже качнувшись в сторону, Хрусталев уставился на перила. Но правая рука Сталина уже лежала в его, Хрусталева, руке. Хрусталев сжал эту руку. Пятясь, сутулясь, отодвинулся он и уже не спускал глаз с улыбавшегося Сталина. Подходил Френкель, Борисов, что-то говорили — Хрусталев все смотрел и смотрел. «Три часа ночи, спать бы пора. И без того утомленный . . . » — ему было приятно думать так заботливо.

Ягода делает знаки рукой. Оглянувшись, нет ли кого рядом, Хрусталев нерешительно приблизился к зампреду.

Ягода шутил, посмеивался — и вдруг, быстро поклонившись и протягивая руку, сказал:

— Поздравляю вас с орденом.

— Ка-а-ким . . . —растерянно начал было Хрусталев и, с трудом поборов охватившее его волнение, ответил:

— Благодарю от всего сердца, товарищ зампред.

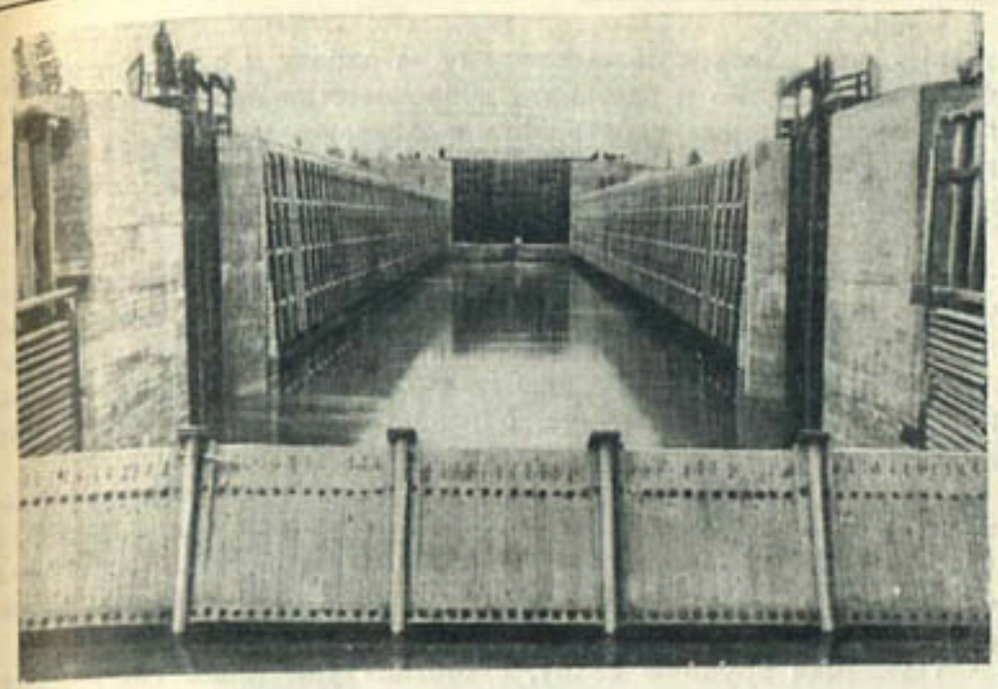
И опять сильнейшее, особенное и радостное волнение охватило его.

Пароход, слегка покачиваясь, шлюзовался.

181-й канал. От второго лагпункта бежали люди, размахивая шапками и что-то крича. Развертывались, вздымались багровые знамена ударных бригад. Где-то вдалеке трескуче и запоздало ударил марш оркестра.

Трасса все еще удивляется пароходному гудку и дыму.

Толпы бегут навстречу каждому пароходу. Они радуются матовым перилам, железным мостикам, матросам, капитану с толстым биноклем, они замечают и весело обсуждают весь «состав» парохода, все, что они никогда бы не заметили раньше. Пароход такой опрятный и чистый, такая опрятная и чистая жизнь — прекрасно! И вдруг они видят нечто поразительное. Поразительное и в то же время простое, видят того, кого они и ждали, кто должен быть именно сейчас здесь. Видят Сталина. Этот человек олицетворяет для них тот новый мир, в который они только что вошли, великолепный и широкий мир.

В шлюзе поднят ремонтный затвор

И долго бегут они за пароходом, кричат, сами не зная что, радуются, что за них гремят оркестры, плещется вода, гудит пароход. И долго стоят они, смотрят вслед — и надолго, на всю жизнь останется в них это тепло парохода, этот шум и эта широкая веселая волна родных и близких вод!

Хрусталев устало шевелил толстыми губами. Тесна палуба, тут еще Вержбицкий носится подле. Он вынимал и засовывал руки в карманы, спотыкался о канаты. «Если считать точно, — думал Хрусталев, — то я действительно много напортил советской власти. Верил ли я вначале в постройку канала? Нет. Назначает меня ОГПУ главным инженером, а я в ответ о беспартийности, болезнях, а все дело не в беспартийности и болезнях, а в старой консервативной школе».

Хрусталев достает из кармана завернутые в бумагу пересекающиеся на сгибах телеграммы.

«Медгора, для передачи Хрусталеву.

Летом 1932 года я предупреждал вас об ответственности за качество и темпы работ Беломорстроя. Но по имеющимся донесениям необходимой энергии и заинтересованности в работе, а также ответственности вы не проявляете и не чувствуете. Ваши заверения остались пустыми словами. Такое поведение к порученному вам делу в дальнейшем совершенно нетерпимо. Я приказываю немедленно ответить — намерены ли вы немедленно не

только сами взяться по-настоящему за работу и с честью закончить ее в срок, но и заставить добросовестно работать ту часть инженеров, которые саботируют и срывают намеченные темпы и планы, занимаются очковтирательством, скрывают дефекты в работе. *Ягода*».

А вот копия ответа:

«Я сознаю свою преступную мягкость в проведении директивы о темпах и качестве работы, а также внедрении среди инженерства добросовестного отношения к работам. Каюсь в собственной расхлябанности и обещаю приложить все силы, чтобы выполнить свой долг до конца, оправдать оказанное доверие при предоставленной мне возможности. *Хрусталев*».

На бетонной площадке шлюза оркестр чеканил «Интернационал». Толпа подалась к свежевыкрашенным перилам. Одинокий часовой беспомощно потрясал винтовкой. Хрусталев снял было фуражку, но затем решительно нахлобучил ее и взял под козырек.

Поднимая крупную волну, «Анохин» уже плыл 182-м каналом к совсем недавно непроходимой реке Выг.

Палуба. Плетеные кресла. Трое из Политбюро — Сталин, Ворошилов и Киров — беседуют между собой. Они шутят, смеются, курят. Палуба легонько покачивается, неустанно бежит волна. Все очень просто, обыкновенно; прост и обыкновенен пароход, просты и обыкновенны люди, разговаривающие на палубе, — обыкновенные советские люди разговаривают о погоде, об охоте, может быть о том, как спали, о том, что каюты на пароходе могли бы быть и попросторнее.

А вдумайтесь в то, что произошло. Двадцать месяцев армия в сто тысяч человек без охраны, без конвоя стояла у границ другого мира, мира, когда-то близкого, даже любимого этой армией — и какой армией, решительной, смелой, прошедшей империалистическую и гражданскую войны, армией, понимающей вкус оружия, умеющей обращаться с оружием, армией, умеющей ненавидеть — и убивать своих врагов. Двадцать месяцев, мало того — стояла, — армия эта работала. Для кого она работала? Для отсталой Карелии, о которой 99 процентов этой армии никогда и не слышали и не желали слушать.

Работала она, побуждаемая не штыками, а волей коммунистической партии, волей ее ЦК, волей Сталина.

Человека простого и неутомимого, потому что партия создала его по образу своему и подобию. Человека, который никогда не поощряет в себе чувства самодовольства, потому что очень далек его маршрут, потому что связан он и с удачами шахт Донбасса и с горем какой-нибудь угнетенной индийской прозинции.

Во всем мире, за границей Советов, Сталин безгранично расширил стремление оабочего класса, всех угнетенных — к социа-

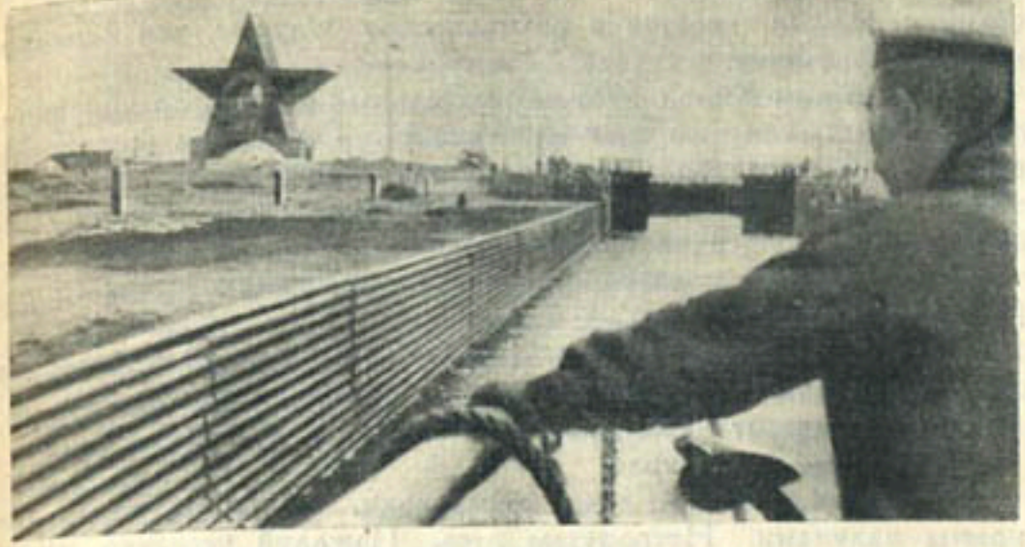
К. Е. Ворошилов

лизму. В СССР он укрепил в рабочем и бедняке-крестьянине волю быть хозяином во всех бесчисленных областях промышленности, быта, социалистической культуры. Так создались и создаются коммунистические строители, инженеры, писатели, художники.

Редко кто до него смог так отдать, мобилизовать, собрать все свои силы и способности на служение, на дело освобождения пролетариата. Он стоит рядом с Марксом и Лениным. Необычайно в нем все, но необычайнее всего — это смелость мысли и воли, если подобное разграничение возможно в ком бы то ни было, а тем более в этом человеке: мы позволяем себе сделать это только для того, чтобы легче уяснить его мощь. Банальна истина, что современнику трудно понять гения, — понимаются его дела, можно пожалуй передать манеру походки, голоса, жест руки, но личность гения ускользает от нас, а тем более гения редчайшего, каким является этот человек, гения не трагического, а гения счастливого — в счастливой стране. Как можно охарактеризовать счастье? Продолжительностью и силой радостей сравнительно с силой и продолжительностью страданий. Если мы попробуем приложить эту мерку счастья к рабочему и колхознику нашей страны, то радости, сила их и продолжительность несомненно преобладают над страданиями и горем. Эти радости, их сила и продолжительность увеличиваются с каждым днем. Коммунистическая партия, неустанно разоблачая врагов, в то же время помогает своим друзьям облегчить, сделать глаже жизненный путь, сделать жизненные затруднения преодолимыми, малоустрашающими.

И вот это-то именно преобладание радости и атмосфера страны, где уже решен вопрос: кто — кого, разоружили армию в столько десятков тысяч человек, смелых и отчаянных людей, армию, которая в иных условиях стоила бы добрых трех миллионов. Здесь были все: солдаты, офицеры, генералы, попы, кулаки, журналисты, сводники и сводницы, словом — весь цвет буржуазии и собственности. И все это распалось, развалилось, побеждено! Как изменилась эта армия! Некоторые из них получили здесь здоровье; некоторые — богатство, т. е. уменье трудиться; некоторые — неожиданных и невиданных друзей, которых они и не думали нигде найти; некоторые — почести, которых им бы раньше и не встретить; власть, которой они бы нигде не испытали; наслаждения ума, творчества, познания мира таким, каким они его и не представляли себе.

Партия и наш удивительный Сталин постоянно требуют, чтобы в первую очередь, раньше всего, не успокаивался никто на малом, никогда не испытывал веселья и довольства от малого. Очень часто довольство малым переходит в равнодушие, когда человек пресыщается, ему надоедает его маленький, крошечный

Выход в Белое море

мир — и тут-то его охватывает скука, этот гнев маленьких людей, которые не способны уничтожить свой крошечный мирок. Вот почему новый человек, подлинный пролетарий, не понимает скуки.

Партия и Сталин обладают еще одним: неисслкаемым ощущением авангардности. Они не только ощущают или понимают лучшие чувства пролетариата, — они существуют в них, в этих чувствах. Они не только идут рядом, нога в ногу, но и предугадывают каждый новый шаг. Сказано замечательно крепко: «Вместе с классом — и впереди класса», вместе в том великом марше будущего, где с неимоверной силой умеют освобождаться от чувств, хоть как-нибудь мешающих понимать истину, неотступную бессонную идею: идею диктатуры пролетариата, ее неизбежность во всем мире.

Палуба легонько покачивается, неустанно бежит волна.

Трое людей из Политбюро шутят, курят, беседуют.

Как молод и жизнерадостен Ворошилов, человек в зеленоватой военной одежде, со слегда вздернутым носом. Он молод, но он, как говорят о нем мужики, «спервоначалу сурьезен». В нем имеется величавость и серьезность пролетария, который понимает и умеет ценить, каких трудов, каких тяжелых усилий, учета требований сложнейшего положения, какой строгости и ответственности нужно требовать — и от себя и от других, какое нужно для этого напряжение сил. И вот под его руководством армия добилась полной «серьезности». Красная армия наполняет врагов необычайным страхом и ужасом, друзья — большие массы друзей — хвалят ее, одобряют, отличное доброе мнение у них о Красной армии. Армия, грохоча танками, гудя самолетами,

звеня копытами, несется в великолепное будущее, вся «сперва-началу сурьезная».

Рядом с ним Киров, этот замечательный оратор, организатор, поднявший бакинскую промышленность. Он любил и глубоко верил в Беломорстрой, он не считал утопией этот «северный мираж». Он реально и великолепно помогал строительству. Он постоянно воодушевлял ленинградских рабочих на помощь. Путиловские рабочие показали героические темпы, состязаясь в работе для Беломорстроя.

Палуба. Плетеные кресла. Пароход. Канал. Замечательная страна, замечательные люди!

Сталин держит карандаш.

Перед ним карта края.

Берега пустынны. Глухие деревеньки. Целинные земли покрыты валунами. Нетронутые леса. Пожалуй чересчур много лесов, они захватили лучшие почвы. А болота? Болота ползут, упираются в самое жилье человека, пожирают дороги, делают жизнь неопрятной и тусклой.

Увеличить пашни. Болота осушить.

Карельская республика права, ей надоело называться «суровой и болотистой», она хочет называться «веселой и хлебородной».

Карельская республика желает притти в бесклассовое общество как республика заводов и фабрик. И Карельская республика войдет в бесклассовое общество, переменив свою природу.

Заводы, заводы, заводы. Энергию лесов, энергию болот, энергию скованных Беломорстроем водопадов превратить в заводскую энергию!

Карелия должна иметь свой флот.

Этот флот Карельской социалистической республики советов вырастет на Беломорском канале.

Вот приблизительно о чем беседуют трое из Политбюро на палубе «Анохина».

Они ходят по палубе, курят, шутят, беседуют. К ним подходит Ягода.

Тут рождается идея Беломорско-балтийского комбината.

А позже, когда маленький «Анохин» подходит к Белому морю, к рейду порта Сороки, наркомвоенмор Ворошилов будет принимать парад судов. Суда эти неожиданно вынырнули из расщелины канала на рейд. И долго будут смотреть с удивлением стоящие на рейде иностранные корабли на эту советскую флотилию, долго говорить между собой о смелости большевиков, о том, что на кой чорт им теперь огибать Скандинавию, чтобы попасть из Балтики в Беломорье, и о том, что в мире происходит что-то неладное...

Это «неладное» продолжается и растет. То оно выскочит

тем, то иным, а то и Беломорско-балтийским комбинатом, который совсем переделает отсталую некогда страну в страну передовую, в страну бесклассового общества, довершив до конца национальное развитие Карелии.

И вот уже на сессии ЦИКа СССР в докладе о народнохозяйственном плане на 1934 год тов. Межлаук говорит: «В 1934 году вступают в стройку несколько таких гигантов, которых мы не знали ни в одном плане предшествующих лет. Беломорско-балтийский канал сейчас превращается в комбинат, на строительство которого затрачивается в первом году 96 миллионов рублей, т. е. сумма, почти равная стоимости всего канала».

БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ КОМБИНАТ

В шестнадцатом веке два англичанина — кондотьеры — проплыли с новгородскими ушкуйниками из Финского залива в Белое море через Ладогу, Онего-озеро, переволоками в Выгозеро и в Сороку.

Англичане видели необозримые строевые леса, варили на ужин аршинных форелей и сладкую семгу — рыба в лесных озерах и речках была в дивном изобилии, — ценной пушниной, вымененной на клинки и дешевые ткани, нагрузили доверху ладьи. В Белом море дивились стадам морского зверя и караванам птиц. Это был девственный пустынный край, не менее пожалуй богатый, чем Индия или Америка.

Взбудораженной фантазии английских кондотьеров представился необыкновенный план: что если прорыть переволоки и очистить русла Выга и Повенчанки, — торговые суда станут свободно черпать неизмеримые сокровища в глубине этого края. Замысел был в стиле завоевания царства Монтезумы и не лишен здравого купеческого смысла.

Прошли столетия. Петр Первый, идя из Архангельска завоевывать невские берега, проплыл тем же путем. В плане государственных работ им был намечен канал из Сороки в Онежское озеро. Дворянская контрреволюция восемнадцатого века сочла более выгодным вместо осуществления петровских замыслов без затрат непосредственно выколачивать зерно из мужицких душ. В девятнадцатом веке архангельские губернаторы, заинтересованные в оживлении края, подавали докладные записки о пользе прорытия того же канала. «Навек во всем мире будет прославлено имя того, кто построит это величайшее сооружение» — говорится в одной из книг. Царское правительство предпочитало обходиться без вечного прославления. Россия была отдана на легкий грабеж иностранцам, великим князьям и дворцовому кругу, всевозможным расторопным проходимцам. Российский

империализм с картонными башнями на дредноутах, с неизмеримой тупостью надутого великодержавия — залитый кровью рабочих и безоружных «инородцев» — шагал по линии наименьшего сопротивления в пропасть, куда история и плюнула вслед.

Товарищ Рапопорт развертывает на полу огромную карту севера с красной чертой — трассой Беломорско-балтийского канала. Все то, что некогда — у костра, где-нибудь на берегу Выга, под крики гусиных клинов — померещилось кондотьерам. Это издревле задуманный и только социализмом по-новому и куда шире выполненный путь из полярных вод в Балтику. Но на этом и оканчивается сходство.

Дальше начинается то, что не мерещилось кондотьерам.

Иностранцы, осматривая наши новые заводы, гидротехнические сооружения, сельскохозяйственные гиганты, недоумевают — будем надеяться, скоро поймут и перестанут недоумевать: каким секретом владеют большевики, чтобы варварскую и вконец разрушенную страну за шестнадцать лет превратить в мощную мировую державу, разворачивающую на глазах у мирового кризиса неограниченные, почти не охватимые фантазией материальные возможности.

Изумляясь этому, забывают, что то, что неразрешимо или невозможно там, в том мире, социализмом превращается в новый рычаг строительства. Так борьба с кулачеством за высшие коллективистические формы сельского хозяйства, борьба не менее подчас упорная и страшная, чем быть может гражданская война 1918—1921 годов, борьба, где противник, бросив обрез, взялся за более губительное оружие — умерщвление скота, незасев, саботаж, призвал на помощь голод, — борьба эта привела к одному из последствий — к постройке в шестьсот дней Беломорско-балтийского канала и к дальнейшим возможностям, о которых, ползая по карте, и рассказывает Рапопорт.

Карельская сосна, растущая на каменистых холмах, на скупом слое грунта, обладает драгоценными качествами: тонкослойна, пряма, высока, лишена сучьев. До революции лесными богатствами Карелии владели четыре лесопромышленных фамилии — братья Беляевы, братья Хозяевы и др. Леса эксплоатировали хищнически, из населения выжимали пот колониальными приемами. Край оставался нищим, малолюдным и диким. Эмигрировав в Финляндию, Беляевы, Хозяевы и другие организовали из-за рубежа систему шпионажа и вредительства по всей Карелии. Только теперь, когда артерия канала прорезала край, удалось обнаружить и разорвать густую сеть интервенционистских замыслов.

При правильном лесном хозяйстве Карелия должна давать ежегодно четырнадцать миллионов кубических метров сплошной древесины (фест-метров). До сих пор недовырубка доходила до

Тов. Сталин на канале

пятидесяти процентов, целые массивы драгоценной сосны старились и гнили на корню. Лес — основное богатство этого края, раскинутого среди каменистых болот, затем — строительный камень, рыба и минералы.

Беломорско-балтийский канал — это начало стройной системы социалистического освоения края. Система оформилась в комбинат, куда включены все формы производства — от добычи редких металлов до сельского хозяйства. Большевики развертывают строительство на площади, превосходящей по размеру центральную Европу, в срок от двух до трех лет. В краю «непуганых птиц», издревле напуганных лесных мужиков, на родине Калевалы, возникнут города, заводы, селенья, в глубине лесов лягут шоссейные дороги, зашумят хлеба и кормовые травы на осушенных болотах, коричнево-ледяные воды рек устремятся в улитки турбин, суровая ночь полярного круга озарится огнями. Дома культуры, театры, клубы станут на месте зимовищ, где еще вчера человек спал на еловых сучьях у погасающего костра, и Хозяин (или Он, как его здесь зовут, — медведь) проходил осторожно нюхать человечий дымный запах.

Так должно быть через три года.

Все это может показаться мечтой из утопического романа. На кой чорт, в самом деле, его степенству Беляеву понадобился бы драматический театр на полторы тысячи душ на высоком берегу

Выга, в Надвоицах, дочерна прокопченной рыбачьей деревне, где нынешним летом разбивается площадь для пятидесятитысячного города! Его степенство подумает в Гельсингфорсе за газетой:

«Что они — очумели? В Европе города травой порастают, а они...» (и бросит газету конечно).

Все грандиозные задачи комбината (от первого удара топора до электрического зарева над новым городом) вытекают из сложного арифметического расчета социализма.

Если сплавлять лес в бревнах и необработанный камень, — канал провезет в навигацию, скажем, пять миллионов кубометров. Считая по пятнадцати рублей за кубометр, получим 75 миллионов рублей. Если дерево превратить в полуфабрикат и фабрикат, а камень обработать, те же пять миллионов кубометров дадут цифру в 75 миллионов, увеличенную во столько раз, во сколько тонна фабриката дороже тонны сырья.

Это — основная предпосылка. Далее начинает разворачиваться — без мистики и фантастики — стройно-логическая система всего комбината.

Начало — пути сообщения. Глубина водной трассы из Белого в Балтийское море должна быть увеличена для прохода глубоко сидящих судов. (Та же задача поставлена перед великим водным путем — Мариинская система: Волга — Черное море — Каспийское море и Печора — Волга.)

На северном конце канала, в Сороке, строится океанский порт. Об его огромные молы разобьется ярость северных бурь, и суда, из-за мелководья пляшущие сейчас на открытом рейде, подойдут к стенке. Морской канал порта уже прорыт.

На южном конце, на Свири, в трудно проходимом месте — ниже порогов — строится гидростанция Свирь 2. Ее плотина дает руслу реки нужную глубину (энергия — двести тысяч киловатт — отдается Ленинграду). Наконец углубляется вся трасса Беломорско-балтийского канала, и параллельно имеющимся шлюзам строится вторая глубоководная нитка океанских шлюзов.

Взгляните на карту Кольского полуострова: из Мурманска в Белое море для кораблей — длинный и тяжелый путь через бурное Баренцово море. Из Мурманска до Кандалакши (село, в будущем — порт на крайней западной губе Белого моря) — девять часов езды по железной дороге, построенной во времена империалистической войны, должно быть спьяну: железнодорожное полотно виляет и крутится там, где сам бог ему велел итти прямо. Почти на середине пути залегают мировые сокровища хибинских, ловозерских и монча тундр: апатиты, нефелины, железо, медь, молибден, редчайшие металлы. В основном это фосфорные и щелочные удобрения и миллиард тонн алюминия.

Из Мурманска — через двухсоткилометровое озеро Имандру — на Кандалакшу будет строиться канал, родной брат Беломорско-балтийскому: канал «ББ» — Баренцово — Белое море.

Углублением трассы Беломорско-балтийского и прорытием Баренцово-беломорского канала решается транспортная проблема. Электрифицируется Мурманская железная дорога, в первую очередь на безлесном участке за полярным кругом. Для этого строится гидростанция на реке Туломе и вторая, подсобная — на Нотозере. Для питания южной части дороги строятся пять гидростанций (из девяти запроектированных) на плотинах Беломорско-балтийского канала, где по водосливам с десятиметровой высоты ревут воды Выга и Волозера.

Нужен флот для обоих каналов — буксиры и баржи. Для постройки пароходов реконструируются петрозаводские верфи и металлургические заводы. Для постройки барж строятся верфи в Сороке и Сегеже. Задача комбината: все — свое, ничего завозного. На восточном заливе Онежского озера, на Пудож-горе, где залежи магнитного железняка, содержащего редкие металлы ванадий и титан, ставится выплавка чугуна. Домны будут работать на древесном угле, заготовляемом из лесных отходов, местные доломиты пойдут, как флюс при выплавке.

Чугун на древесном угле дает высококачественную сталь.

Ведущее комбината — лес. Высококачественная сосна идет на доски и брусья, опилки — на химические заводы, низкокачественный лес — на бумажные фабрики, горбыль и брусок — на местные нужды. Работающий в Сороке четырнадцатирамный лесопильный завод не в состоянии обслужить всего сырья, кроме того неразумно сплавлять лес через весь канал в Сороку, чтобы отходы его тащить обратно на юг. Сорокские лесопильные заводы переносятся на трассу канала и располагаются около гидростанции. Таким образом часть обработанного леса пойдет для экспорта, часть — на расположенные вблизи бумажные фабрики, часть — на химические заводы.

Близ плотин больших водоемов расположатся фабрики целлюлозы и бумаги. Близ лесопильных заводов — химические заводы, где из древесных опилок готовятся патока, сахар, спирт (из тонны сухих опилок — сто восемьдесят литров спирта). Спрессовывая в горячем пару опилочную массу, получают плитки, прекрасно заменяющие паркет.

Из пней, которые прежде оставались гнить на вырубках, получают канифоль, скипидар, уксус, смолу. Из опавшей хвои прессуют брикеты для печей, для моторов на твердом горючем.

Ни одной щепы не должно пропасть даром — такова установка. Карельский лес наполнит бунтами досок палубы кораблей, рассыплется снежным сахаром, покатится автомобильными шинами искусственного каучука, зашлепает галошами, с тихим

гулом помчится по валам ротационных машин, польется коричневой патокой в коровьи кормушки, пролезет тысячами чудесных превращений в нашу хозяйственную жизнь и в наш обиход. И даже его степенство Беляев может быть поперхнется в ресторане (рюмочкой водки), когда буфетчик сообщит, что напиток из бывшей его карельской сосенки.

Еще горше станет его степенству экспортная русская горькая, когда он узнает, кто на каких заводах выгнал этот неслыханной крепости спирт из карельских сосен. Последняя надежда купцов и помещиков, гвардия контрреволюции — кулаки и кулацкие дети будут участвовать в строительстве этих заводов, будут биться за них. Не так биться, как мечталось в дымных кабаках гельсингфорсской эмиграции, не за власть купца и помещика, не против Советов, а за право получить от Советов, получить от рабочего класса прощение своему вражьему кулацкому прошлому, за право стать тружеником социалистической страны...

Что же? Значит кулаки врастут в социализм? Нет, не врастут. Не самотеком пошла волна из Выгозера к Белому морю. Нужно было аммоналом рвать скалы, нужно было жестокими плотинами подпирать непокорную стихию воды, чтобы она потекла по социалистическому плану.

Не на самом Беломорском канале родилась возможность превращения кулака в труженика социалистического общества, превращение вредителя в ответственного советского работника. Эти неслыханные возможности родились в жестоких классовых боях. Эти возможности родились, когда в переполненном зале Коммунистической академии, на конференции аграрников-марксистов, впервые прозвучали неслыханной силы слова о ликвидации кулачества как класса. Эти возможности родились, когда плотины коллективизации навсегда закрыли путь эксплоататорской стихии прошлого.

Беломорский канал окончен. Строительство продолжается. Идет подготовка Беломорского комбината.

Дальше развертывается логическая тема комбината. Десятки тысяч лесных рабочих врубаются в массивы лесов, преимущественно раскинутых на запад от канала. В чащобах ставятся поселки. Земли, очищенные от леса и пней, прорезываются ирригационными канавами, осушаются. Размолотый нефелин из хибиногорских тундр превращает торфяной грунт в тучную почву для засева злаков (ячменя, овса, пшеницы, кормовых трав). На станции Хибины сегодня ведутся успешные работы над картофелем: скрещиваются скороспелые сорта с морозоустойчивыми, вывезенными с высот Кордильер из Южной Америки. Ботва некоторых сортов уже выдерживает сентябрьские утренники в 2—3 градуса. Картофелем и овощами (капуста, репа, морковь, коль-

раби освоены за полярным кругом) будут засеваться поселковые огороды, удобренные компостом из навоза лошадей, работающих на лесозаготовках.

Какая мирная техническая тема! Но эта тема снова переплетается с темой жестокой классовой борьбы. Замолкли взрывы аммонала на Беломорском канале, разъехались досрочно освобожденные каэры, бандиты, кулаки и подкулачники. Но темными, осенними ночами по колхозной стране то тут, то там вспыхивают выстрелы кулацких обрезов. То тут, то там над ночной степью полыхает зарево поджога. Бывшие вредители, бывшие контрреволюционеры, охваченные могучей дисциплиной Советской страны, построили величайший в мире канал и перестроили себя. Но в стране еще живо охвостье кулачья и вредителей. Оно напрягает последние силы и вновь и вновь вредит и разрушает, разворовывает колхозный урожай, калечит колхозных лошадей, посылает на кражу, на поджог своих детей. Не останавливается ни перед чем. Бои продолжаются, и ярость масс выбрасывает из колхозной страны последние отряды врага. И снова сталкиваются на Беломорском канале культура социализма и дичь темного средневековья.

Уже строятся поселки. Поезда везут в Медвежью гору засельников будущей индустриальной Карелии — в одиночку и с семьями. Кто эти люди? Здесь тема комбината соприкасается с еще дымящейся гранью столкновения революции и контрреволюции, остатков дикой столыпинской России с социализмом. Вновь из дымной пропасти истории выплывает всклокоченная борода, та, которую некогда с бешенством стригли петровы ножницы. При Петре проповедывали о пришествии царства антихристова. Прошлым летом в лагере близ семнадцатого шлюза шестьдесят человек «незнаевцев», отвечающих на все — «бог знает», лежали три месяца на нарах и не желали работать, потому что: «Канал строите для чорта, на Медвежьей горе сидит чорт большой, мы на чорта не работаем».

В Медвежьей горе выгружаются с имуществом, с семьями, с коровами и курами спецпереселенцы — разгромленная кулацкая армия. Отсюда их направляют на линию канала в пустующие лагеря строительных рабочих. Их снабжают питанием, инструментами, одеждой, лошадьми, машинами, строительными материалами. Одиночкам по их желанию выписывают семьи. Из лагерей они направляются в глубь лесных массивов, чтобы на выбранных площадях строить поселки для оседлой жизни. Комбинат дает им в форме кредита все нужное, чтобы обзавестись полным хозяйством, — к их услугам и техника и наука. Зимой переселенцы валят и возят лес. С весны — постройка жилищ и очистка участков под поля и огороды.

Через несколько лет (сроки сокращаются ударничеством)

переселенцы становятся правоспособными гражданами Союза. Хочешь — поезжай обратно. В задачу комбината входит такое устройство жизненных условий, чтобы поселенец сам не захотел вертаться. Повидимому так и случится. Пример этому уже есть. В необжитых районах Сибири переселенческие поселки, организовавшиеся в образцовые колхозы, дали нынешним летом первый урожай зерна, с десятины собирали по 200 пудов. Вначале было так. Кулакам сказали: «Вы дрались против Советов. Вот вам порядок по вашему вкусу. Хотите — молитесь на него. Живите, как вам нравится». «Порядком» поставлен был толковый агент ОГПУ. Он наладил техническую помощь и вел исподволь умелую пропаганду. Сперва он сумел перетянуть на свою сторону молодежь. Потом и старики — матерые кулаки — поняли: тужи, не тужи, крути, не крути — к старому не заворотишь. Хоть и освободят, а в кулаках ходить больше не приходится: батраков не осталось. Понемногу стали к новой жизни приглядываться, стали к коменданту ходить за советами, за нуждами, только что не просили крестить детей. Кончилось тем, что бородачи в новых условиях, похоронив безнадежно все прошлое, сочли за пользу сбиться в колхозы и теперь, когда многим вышли сроки, говорят: «Куда уезжать с таких добрых мест».

Отцы-переселенцы сядут на землю; кроме лесных заготовок у них заработки в рудном деле, по обработке камня, гранитов, диабазов и рыбные промыслы. В Карелии — двадцать семь тысяч озер, как садки, набитых рыбой. К ним не было даже дорог. В этих девственных озерах комбинат развертывает рыбное хозяйство.

Дети переселенцев пойдут на заводы и фабрики, в города — в школы и техникумы. В первую очередь строятся два города с пятидесятитысячным населением в Медвежьей горе и на месте деревни Надвоицы.

Так большевистская диалектика собирается эксплоатировать бывшие лесные вотчины Беляевых и Хозяевых. Так на трассе Беломорско-балтийского канала разворачивается стройный план социалистического строительства целой страны.

*

ГЛАВА 14

ТОВАРИЩИ

Л. М. Каганович

Глава четырнадцатая

ТОВАРИЩИ

МОЛНИЯ

ПП ОГПУ ЛВО МЕДВЕДЮ. ЗАПОРОЖЦУ. ПЕРЕЛЬМУТЕРУ

Вследствие небольшой пропускной способности Мурманки, необходимости разгрузки из лагеря освобожденных, связи окончанием стройки максимально короткий срок прошу обеспечить Мурманке: первое — прицепку станциях Сосновец, Тунгуда, Надвоицы, Шавань, четырнадцатом разъезде, Медгора всем без исключения наличным пассажирским скорым поездам максимальное количество вагонов; второе — ежедневно пустить дополнительные пассажирские составы маршруту Кемь—Ленинград, обеспечив их полностью броней Белбалтлага указанных местах посадки; третье—дать указания линии наших транспортных органов об обязательном наблюдении, всемерном содействии внеочередной посадке. Свободные места наличных поездов предоставлять одиночно следующим освобожденным ударникам Беломорстроя; четвертое — линии администрации Мурманке обеспечить людей станциях следования кипятком, медпомощью.

Нач. ГУЛАГа ОГПУ БЕРМАН

«К моменту окончания строительства на канале освобождены от дальнейшего отбывания мер социальной защиты 12 484 человека, как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства.

Сокращены сроки отбывания мер социальной защиты в отношении 59 516 человек, осужденных на разные сроки и проявивших себя энергичными работниками на строительстве».

Это сказано в постановлении правительства СССР.

Освобождены Ковалев, Левитанус, Квасницкий. Нет больше на канале Зубрика, Ананьева, Вяземского; не видно Янковской, уезжает Юрцева, прощается Шир-Ахмедов!

УДАРНИК-НАЦМЕН ШИР-АХМЕДОВ ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕН

Начальник ГУЛАГа ОГПУ тов. Берман досрочно освободил ударника-нацмена, начальника фаланги нацменов 6-го боеучастка Исмаила Шир Ахмедова.

До марта с. г. Шир-Ахмедоа работал в Управлении Белбалтлага. В марте он был мобилизован и отправлен на 6-й боеучасток, где ему было дано задание: организовать всю массу нацменов на борьбу за окончание канала 3-го боепункта.

Задание было нелегким, но Шир-Ахмедов с ним справился блестяще. Мощная фаланга, организованная им из отдельных нацменовских бригад и трудколлективов, сразу же взяла штурмовые темпы. Умело руководимые Шир-Ахмедовым ударники-нацмены показали образцы трудового героизма. Во время аварии фаланга в полном составе работала, не покидая трассы, 32 часа. А в дни аврала на северном шлюзе герои-нацмены работали свыше 50 часов подряд и не ушли с работы до тех пор, пока не выполнили порученного им задания. А когда все основные работы были закончены, фаланга с тем же подъемом стала работать на доделках, поставив здесь ряд рекордов.

Героической, самоотверженной работой Шир-Ахмедов завоевал себе право на досрочное освобождение. Эта его работа должна послужить примером для каждого лагерника-нацмена!

(Из „Перековки„.)

При КВЧ шестого боеучастка организована квалификационная комиссия. В состав ее вошли инженеры Умняков, Ильин и инспектор КВЧ Епифанов.

Эта комиссия будет проверять квалификацию всех освобожденных и выдавать им на руки соответствующие аттестаты.

Тысячи людей получили освободительные билеты.

Досрочно освобожден, имеет право проживания во всех городах СССР! Это значит, что человек обрел новую родину, новую страну, прекрасную страну, со множеством сел и городов, рек и морей, страну, где труд решает все. Начинается новая жизнь, настоящая жизнь.

У вербовочного пункта всегда толпилась очередь.

Здесь освобожденных вербовали на разные стройки.

Ведь лагерь за год с небольшим стал фабрикой профессий, в особенности строительных.

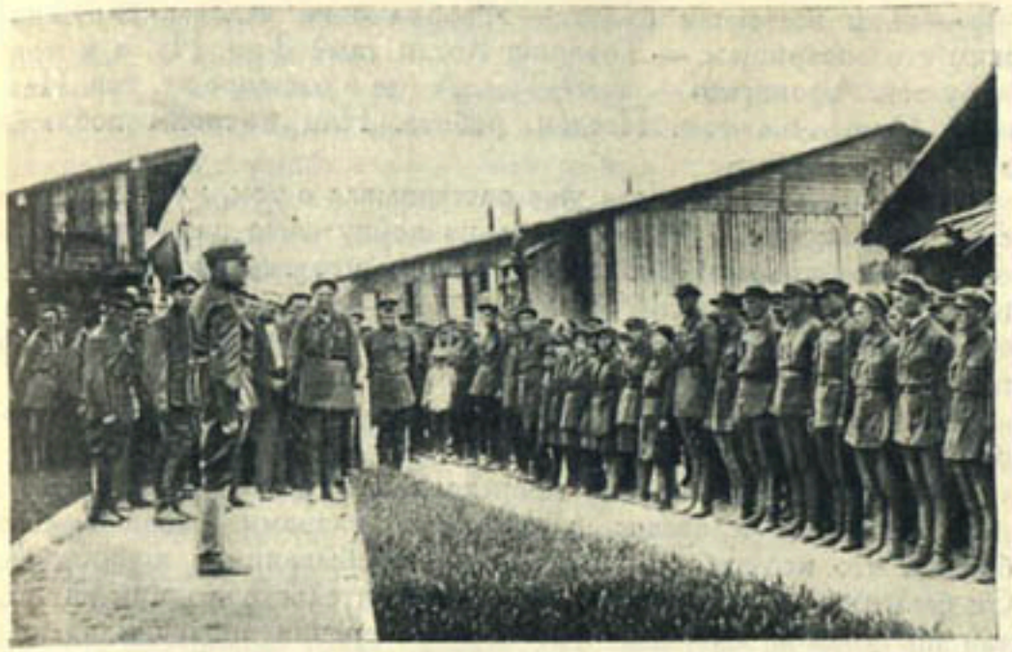
Здесь становились бетонщиками, бурильщиками, плотниками.

На эту рабсилу был большой спрос. Страна нуждалась в строительных рабочих.

Освобожденные лагерники, не выходя из ворот, обеспечивались работой.

Многих завербовали на Электросталь, в Криворожье.

«Помним, когда нас, 600 человек, завербовали на строитель-

Проводы трудкоммуны им. ОГПУ

ство Большой электростали, нас провожали с духовым оркестром и революционными песнями. Наполнялись специальные вагоны освобожденными. Они ехали организованно работать на новые социалистические стройки. Бодрые, оживленные, уверенные в новых победах, мы тронулись 20 июля на строительство Электростальстроя!»

Так рассказывает в своем обращении к тов. Сталину группа беломорстроевцев — Кутов, Золотухин, Свиридов, Малышев, Булин, Борисенко, Муравьев.

Они уже обращаются к Сталину — они знают, что это он ввел в план социалистических строек Беломорстрой, что это его волей они, бывшие враги и преступники, стали полноправными трудящимися в единственно свободной и самой счастливой стране мира. И, обращаясь к Сталину, они как бы окончательно закрепляют себя на новом пути.

Соклаков, поехавший в Кривой Рог, рассказывает:

«Завербовали нас просто: едешь. Распишись. Мы из-за климатических условий в Кривой Рог поехали.

Многие записывались на БАМ.

Подавали заявление на оставление на Беломорстрое в качестве вольнонаемных на период эксплоатации: не хотелось расставаться с каналом, в который так много вложено труда».

Разнесся слух, что вербуют людей на новое строительство — Москва — Волга. На другой день уже нашлось много людей, отправлявшихся туда.

— Там все наши будут, — говорил один человек окружившим его товарищам. — Товарищ Коган там? Там. Ну, а к примеру тов. Афанасьев — там? Там. А где я вас спрошу, тов. Иванов? Опять же там. Поедем, ребята. Нам к своим поближе держаться надо.

А кто-то в углу барака уже рассказывал о том, как устроится он на новом месте, как обязательно койку свою поставит около окна, потому что он любит свет, потому что ему противно жить в темноте.

На проезд выдавались деньги. Выдавали справки, куда надо по приезде обратиться, чтобы получить работу.

В городах были организованы специальные пункты для вербовки лагерников на работу.

Во время освобождения происходили всякие случаи.

Маленький человечек с усталыми глазами больше всего боялся, что кто-нибудь узнает о его пребывании в концлагере. Он был инженером, осужденным за вредительство, одним из тех, чьи поступки и взгляды, чувства и намерения «подходили» под 58-ю статью УК. Он жил не просто, а по заранее намеченному витиеватому плану. Первым и главным пунктом этого плана было желание во что бы то ни стало скрыть от всего мира свое пребывание в концлагере. В Москве осталась семья. Дети не знали о том, что отец их осужден за вредительство, жена хранила эту тайну; длительной командировкой на Камчатку объясняла она всем исчезновение главы семейства из Москвы.

Давно, в студенческие годы, он жил в деревянном скрипучем домишке, в дешевой квартире, а рядом с ним обитала женщина с тремя детьми. Мужа ее посадили в тюрьму за кражу. Женщина скрывала от детей это скорбное обстоятельство, и дети не перестали уважать своего отца. Он, придя из тюрьмы, спокойно, с чувством собственного достоинства, занял свое место за столом. Вот так же спокойно и с чувством собственного достоинства хотел теперь инженер с усталыми глазами занять свое место за столом.

— Я буду работать, как надо, я буду хорошо работать, — сказал он чекистам в лагере, — только вы должны дать мне слово, что никто не узнает о моем пребывании здесь. Это очень стыдно, когда человек приходит из тюрьмы, а у меня дети.

Каждый новый человек, прибывавший в лагерь, казался ему знакомым. Он пытливо вглядывался в каждого лагерника. Ему везло: в тайну его не проник никто.

В один вечер, когда дождливая Карелия, холодная и просторная, вот-вот должна была стать прошлым, ему сказали:

— Появились непредвиденные обстоятельства, дорогой Николай Алексеевич, обстоятельства, которые вас расшифровывают.

— Позвольте, вы обещали, что никто не узнает о моем пребывании в концлагере.

— Да, но что уж тут поделаешь, — чекист прошелся по комнате. Он подыскивал нужные слова, собственно не слова подыскивал он, а порядок слов. — Завтра вся страна узнает из газет о том, что вы были здесь, завтра вся страна поздравит вас. Вас представляют к досрочному освобождению и к награде. Спокойно отправляйтесь к себе домой. Не бойтесь, ваши дети будут уважать вас. Больше того, я думаю, не всех отцов так будут уважать их дети. Поздравляю вас. Простите, не сдержали слова, но уж так пришлось.

Он говорил долго, но человек с усталыми глазами не слышит его, думает о своем, о том, как встретит его семья. Он знает, что она встретит его хорошо. Впервые за всю жизнь он думает о том, как встретит его страна. Ему радостно, он знает, что страна встретит его хорошо.

Станция Медгора. Под остроконечной крышей горят часы.

На платформе толпа. Выцветшие, обшитые золотой мишурой знамена. Играет музыка. Ползут мимо станции эшелоны.

Это освобожденные беломорстроевцы едут на Москанал.

Отъезжающим махают платками, шапками. Люди в шинелях с красными петлицами поднимают руки к козырькам.

— ... Сегодня вечером я уезжаю, — говорит случайно присутствующему здесь журналисту Квасницкий. — Взгляните на плацкарт. Скажите, он выбит правильно? Послезавтра я буду разговаривать с детьми. Они не посмеют не узнать меня. Начальник обещал мне работу и паспорт.

Сто сорок человек коммунаров коммуны им. ПП ОГПУ ЛВО едут в Томск. Они стоят со своими сундучками и подушками около старого боевого знамени, которое сопровождало коммуну во все дни строительства и развевалось на всех местах ее работы — в Надвоицах, в Сосновце, на Выгозере и на четвертом боевом участке, на штурме плывуна, на парадах и авралах.

На этом старом знамени, сделанном рукой церковного вора Поваровского, начертаны не боевые лозунги, а облезшие, вымоченные дождем и снегом цифры процентов, кривые графиков, и оно, как подлинный боевой стандарт, обожжено во многих местах огнем аммоналовых и динамитных взрывов.

Семен Фирин сказал простую напутственную речь, и коммунары со значками ударников на красных бантах сели в вагон.

Они тронуты игрой оркестра, любовью товарищей, заботой Фирина, человека душевного и бывалого. Появляется гармонь. Ловкий татуированный парень в оранжевой майке отплясывает на деревянной крышке люка у водоразборной колонки.

— Нашли себе место, — смеются ребята.

Второй звонок. Провожающие обмениваются адресами с теми,

кто обещает писать о жизни и работе коммуны, о том, как она будет держать свои знамена.

— Товарищ Малешков! Пиши в «Перековку». Не теряй с нами связи.

— Сережка, брось курить в вагоне.

Поезда отходят один за другим.

Строители канала стали ценностью в глазах страны — хорошо обученные и организованные к социалистическому труду работники.

Страна предлагает им продолжать работу на новостройках второй пятилетки.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ БЕРМАНА

4. Не допускать бюрократизма и волокиты в деле объявления льгот и освобождения, обеспечив каналоармейцев тем вниманием, которое они заслужили.

Эту телеграмму объявить в „Перековке", по радио на боеучастках, во всех общежитиях и бараках.

Начальник Главного управления лагерей ОГПУ

М. БЕРМАН

Отъезжающие стараются не забыть о времени «заключения», стремятся сохранить методы и формы внутренней организации человеческого коллектива, деловитое и внутренне-цельное жизнеощущение, приобретенное в обстановке борьбы за канал.

Мечтая о будущей работе, они хотят и там, на новых стройках, сохранить свое коллективное беломорстроевское лицо: пусть им дадут отдельные участки работы, на которых они покажут, как работают каналоармейцы, воспитанники ОГПУ. В ряде случаев они едут на новостройки целыми бригадами — как сработались. В других случаях люди, работавшие на канале в разных фалангах и трудколлективах, уже по дороге сами сколачиваются в новые бригады бетонщиков, землекопов, плотников.

Узник, покидающий буржуазную тюрьму, в первый момент плохо верит в свободу. Неужели! Свобода пьянит, солнце заставляет жмуриться, свежий воздух валит с ног. Узник робок, он с узелком шагает по теневой стороне улицы, он едва решается перебежать на солнечную сторону жизни. Или — зависимо от темперамента — он со всех ног кидается прочь, колесит по переулкам, как бы все еще заметая следы: только бы подальше от проклятого места, не передумали бы, не вернули бы. Или — смотря по обстоятельствам — его встречают родные, увозят, осыпают восклицаниями. Это похоже на сон, нужно ущипнуть себя, — нет не щипать, а то проснешься. Или — если узника освобождает восстание — его несет на руках толпа, ему

Перед отъездом настроение было веселое — впереди были свобода и новая работа

не дают опомниться, он торжествует, его надежды сбылись, он кричит «ура» революции.

Во всех случаях выход из тюрьмы — это рубеж, резкая грань, прыжок без оглядки. Годы тюрьмы представляются грубо вырезанным куском из моей единственной жизни — они пустой и темный провал. После тюрьмы жизнь надо продолжить с того момента, как оборвалась она пять, десять лет тому назад. После тюрьмы вор снова идет воровать, бедняк — бедовать, бунтовщик — бунтовать против ненавистного строя.

А как чувствует себя досрочно освобожденный беломорстроевец?

До лагерей вор проводил всю жизнь на колесах — по трамваям и поездам, в кружении по темным дворам и подъездам, в бегах, во хмелю — по притонам и пивным, самое бытие которых половинчато и неустойчиво. Кулак, приливом коллективизации вымытый из частнособственнических своих нор, стрелял в сельских активистов, поджигал колхозные риги и в итоге тер-

пел поражения, почва ускользала у него из-под ног. Замыслы вредителей вскрыты чекистами. Раньше, если у кого была удаль, она шла на взлом, широта натуры — в кабак, ловкость рук — по жилетным карманам, упрямство — на порчу тракторов и машин, фантазия — на проектировку хитроумных заграждений по пути социализма, организаторский талант — на сплочение дезорганизаторов, трудоспособность — на труд вхолостую, опыт и знания — на консервацию, красноречие — на казуистику, любовь к искусствам — на джазбанд и фокстрот, поэтичность души — на блатные грустные песни.

Канал между морями — явление сложное, спрос на способности — разнообразный. Способности попадают в назначенные им гнезда: удаль — на взлом диабаза, упрямство — на борьбу с плывуном, ловкость рук — в переплеты плотин и шлюзов, изобретательность — на замену бетона березой, опыт и знания — в распоряжение ОГПУ, организаторский талант — в бригадиры, красноречие — в КВЧ и на слеты ударников, любовь к искусствам и песне — в агитбригады, широта натуры — во всю ширь фронта работ от Онеги до Белого моря.

В лагерях научились строить перспективу собственной жизни на многие годы. Внешней свободой движения, которая ошеломляет выходца из буржуазной тюрьмы, они пользовались и на стройке канала. Она не волнует их. Они ощущают другую свободу: свободу от вины, от «судимостей», от «желтого билета», от дурной репутации. Сверх того они чувствуют гордость: ведь каждый уходит если не с орденом Красного знамени, так со значком ударника, в звании, которое объявлено почетным на весь СССР, — в звании строителя Беломорско-балтийского водного пути.

Свистят паровозы Мурманской дороги. Вьется дымок.

Он пахнет родиной, семьей, работой, путешествиями. Однако, надо признаться, каналоармейцу немного жаль покидать камни и воды Карелии. Он пробил в камне канал и соединил воды. Он вложил сюда уйму труда. Он знал здесь вдохновение, добыл знак ударника, прикоснулся к мировой славе. Он здесь вторично родился.

И долго еще, где бы ни был каналоармеец — в Воронеже, на Вахше, в Кузбассе, в Бобрице или на Лок-Батане, он временами будет испытывать легкое ощущение тоски по беломорской воде, взрывам аммонала, шуму падающей сосны, грубоватому голосу Успенского.

Все сильнее гремят колеса поезда. Скрываются бревенчатые избы Медвежки, мелькают в окнах валуны и синяя хвоя. Вечереет.

В вагонах играют на гармошках и мандолинах. Поют новую песню:

Волгу подтянем к советской столице
С песнями вместе, с тяжелой волной,
Чтобы в Москве была эта водица
И судоходною и питьевой.

Звонче стучите по рельсам, колеса,
Путь наш на Званку и Ленинград,
Путь на Москву, как на крыльях, несется,
Путь беломорстроевских славных бригад.

Женам, ребятам, родителям, дедам
Станет известно о нас, обо всем,
Волге расскажем о наших победах,
Славу на юг мы с собой повезем.

Что же делается в это время в стране?

Многого в ней не узнать человеку, покинувшему ее два, пять, восемь или хотя бы один год назад.

Три человека лезут в голубой глобус гондолы. 700 баллонов выдыхают водород в оболочку. Огромная, как театр, воздушная груша поднялась над аэродромом. Три человека машут из люков гондолы. Через несколько часов газетчики понесутся по улицам городов всего мира, крича: «Новая победа СССР в стратосфере».

...Длинные, блестящие хирургической чистотой корпуса Харьковского тракторного. Каждые 10 минут с конвейера, трубя, скатывается трактор. Сегодня, 17 сентября, впервые снято с конвейера 147 тракторов. Да, здесь, оказывается, не дремлют, покуда мы там, на севере, пробивали канал.

Человек, попавший 1 сентября на пристань Бакинского порта, мог наблюдать любопытное зрелище. С борта парохода, прибывшего из Красноводска, скатились на пристань один за другим полтора десятка автомобилей. Это были машины Кара-Кумского пробега. Сквозь пустыни, торфы, болота они сделали 6242 километра, не потеряв ни одной машины. Немного отдохнув, они отправились в путь, в 3-тысячекилометровый путь в Москву.

Пять лет назад Анджеро-Судженка была краем света. 2 сентября освобожденный каналоармеец приехал сюда по новенькой железной дороге. Теперь это место называется Кузбасс — имя, далеко известное в мире. Здесь люди тоже заработали мировую славу. В тот день в Анджеро-Судженке вступила в строй действующих шахта № 15-15 бис. Величайшая шахта во всем Советском союзе. Штрек длинный, в 10 километров. Выдача угля — 2,5 миллиона тонн в год. По технике и строению — одна из лучших в Европе. Край этот, географически не сдвинувшись с места, качественно сдвинулся в центр страны.

Освобожденные каналоармейцы разъезжаются по стране. Они приезжают на родину и озираются. Они видят родину новой.

Нет ни одного места в стране, где ни появлялось бы чего-нибудь нового. Мариупольцы 2 сентября присутствуют при открытии нового элеватора емкостью в 50 тысяч тонн зерна, второго по своей мощности в СССР. Уроженцы села Баляевка обнаруживают звуковое кино в селе. Таджики, вернувшись в долину реки Вахша, видят здесь грандиозные ирригационные сооружения — канал, могущий оросить 120 тысяч га земли.

Приезжий с канала с удивлением оглядывался вокруг себя. Вот здесь когда-то была деревня и называлась Дюшамбе. Теперь это город и называется Сталинабад. Много домов, много этажей, автобус, железная дорога.

Сегодня 15 сентября. Приезжий присутствует на закладке театра. 3250 мест. Вращающаяся сцена. Когда-то здесь были глиняные мазанки, всадники на ослах, трахома и — больше ничего.

Сентябрь — месяц плодов, крестьянских свадеб и планеров. Ежегодно в сентябре в городе Коктебеле состязаются советские планеристы. Уроженцы Феодосии и Коктебеля, крымчаки, прибыв на родину, 6 сентября наблюдали удивительный подвиг планериста Степанченко, побившего мировой рекорд фигурного полета. За 3 часа 21 минуту он сделал 184 мертвых петли. Оказалось, что за последние 5 лет СССР завоевал одно из первых мест по планеризму.

Среди освобожденных каналоармейцев были такие, чья родина — Памир. 19 сентября некоторые из них добрались до родины. Здесь они первыми узнали, что два советских работника из состава Памирской экспедиции, а именно Горбунов и Абалаков, достигли вершины Пика Сталина. Там, на канале, приходилось взрывать горы. Эти двое взяли гору, так сказать, живьем. «Научные задания выполнены», сообщают они.

Трудно узнать приезжему с канала Охотный ряд. Он изменился и снаружи и внутри. Человек, забравшийся в 3 часа дня 23 сентября под землю Охотного ряда, мог присутствовать при соединении двух штолен метро. От площади Свердлова до Охотного ряда открылся сплошной подземный коридор. При этом бригада Замалдинова в последний день перед сбойкой прошла 4,3 метра, что явилось для Метростроя рекордом. Приезжий с канала одобрительно кивает головой. Он может оценить такую работу. Он знаком с работой в грунтах.

Люди из Иванова 24 сентября присутствовали на конкурсе. У себя на канале они видели конкурсы забойщиков, состязания бетонщиков, скальщиков, бурильщиков. Здесь в Иванове они попали на конкурс поваров. Люди в белых колпаках наполнили зал. Это был разговор о котлетах, о фрикассе, о груше мельба. Было 800 поваров. Повара всей области. И как некогда на подмостках клубов Беломорстроя ударники-каналоармейцы получили под звуки оркестров жетоны и премии, так сейчас пять лучших поваров, пять лучших кормильцев области, под звуки оркестра были награждены премиями. Рабочие торжественно благодарили их. Это был праздник довольства.

В дождливый день 26 сентября приезжие с канала добрались до родного Буденновского района ЦЧО. Случилось им проезжать бывший арестный дом. Неприятные воспоминания. Однако перед воротами арестного дома бьет фонтан, цветут газоны. Что здесь? Уже три года — санаторий. Колхозный санаторий. Санаторий, где с ранней весны до позднейшей осени отдыхают крестьяне Буденновского района. Учреждение, немыслимое при единоличном хозяйстве.

Дмитрий Щека с товарищами едет в Криворожье.

«Освободился я 3 августа и поехал с бригадой на это строительство. Провожали нас очень хорошо. Ехали мы с большой радостью. В веселом настроении, рады, что дождались свободы. Ехали в плацкартных вагонах. Нам по дороге и ГПУ и все оказывали помощь, кушали мы без очереди в столовых по своим документам. У кого не было денег — давали под расписку в счет Кривстроя».

Едет на Электросталь Кошелев с товарищами.

«Я остался на 10 дней, чтобы организовать хорошие проводы, чтобы ребята ехали на волю здоровыми, бодрыми. В первой партии 300 человек, я поехал сопровождающим. Со мной Захаров и Булин — это была основная тройка наших активистов. Ехали до Ленинграда шесть суток. С первого же дня мы наметили план, что нам делать в вагоне. Мы знали: если пустить ребят на произвол, то может быть найдутся желающие пить, а то и воровать, потому что среди них были колеблющиеся. Выпустили стенгазету. Эту газету окружили не только наши ребята, но и вообще едущие в вагоне. Столпилось народу ужасно сколько. Стали интересоваться, откуда мы едем, кто мы такие. Я этот момент использовал, начал делать лекцию. Меня засыпали вопросами. На вопросы отвечал не один я, — Булин отвечал, Михневич, Золотухин и Казарин.

На Званке Захаров, тот, что из актива, напился, сукин сын, да так, что ребята втащили его в вагон и положили спать. Когда я собрал собрание, начали мы этого парня бузовать так, что ужас. Он проснулся — уже в стенгазете была о нем заметка, и лозунг висел: «Клеймим позором пьяницу Захарова». Захаров собранию нашему дал честное слово, что это с ним будет в последний раз.

В Ленинграде у нас была пересадка. Сбираем бригадиров всех, сбираем актив, вменяя в обязанность им отвечать за своих людей. Поручаем каждому бригадиру в своей бригаде заключить договор на социалистическое соревнование, на лучшее сле-

дование до места работы. В результате все организованно пошли в клуб железнодорожников-строителей, смотрели кино «Преступление Караваева».

Поехали мы к Москве, к самой. На вокзале нас окружили: «Что за люди едут?» Начали рассказывать, что мы — бывшие заключенные из лагеря ОГПУ. Тут на нас посмотрели некоторые не весьма приятно. Но когда мы достали газету «Правда», прочитали статью Когана, несколько слов я сам рассказал о Беломорстрое, тут стали смотреть лучше, иные дали свои адреса, просили, чтобы я с ними переписывался».

В Москве уже Квасницкий. Он пишет у конторки Московского почтамта. Он пишет чекисту в Медгору.

«...Мы сидели всю ночь и говорили так, что соседи стучали в стену. Дети безусловно признали меня как отца, и мы легли спать на рассвете, а утром я взял удостоверение и пошел в милицию.

...Теперь я живу под настоящим паспортом, с настоящей надписью начальника милиции. Я заведую столовой Института механической обработки дерева.

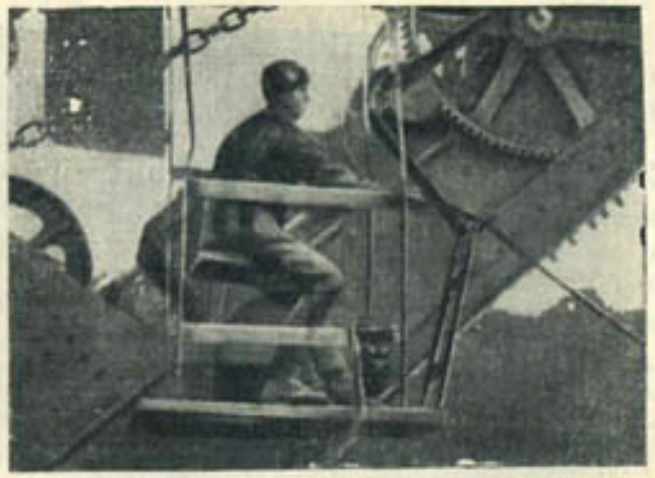
Говорят, по нашему шестому участку уже идет пароход. Если вы будете присутствовать на торжестве, зайдите в мой барак и скажите, что воспитатель Квасницкий уже получил работу. Это очень важно.

Я много думал. Когда-нибудь я напишу книгу о деревянном круге и Квасницком. Такую книгу, чтобы люди плакали, а потом смеялись и бежали работать. Я напишу ее на шести языках.

Вероятно это будет история одной кражи. Роман о том, как у заготовщика кож украли 35 лет жизни».

Досрочно освобожденная Могилянская возвращается домой, к мужу. На ее рабочей блузе — значок ударника Беломорстроя. «Сними значок, — говорит ей муж, — все видят — ты бывшая заключенная». Она смотрит на мужа с изумлением, она не понимает его. Перед ней чужой, чуждый ей человек. Так может говорить обыватель и мещанин. Да, она была заключенной, она была осуждена за контрреволюцию. Но ее прошлое зачеркнуто работой на Беломорстрое. И тот, кто не понимает таких простых вещей, не может быть ее мужем.

Работает в управлении Свирьским строительством освобожденный досрочно инженер Вяземский. И Маткожненский узел, и весь Беломорстрой в целом растет и уясняется в сознании инженера Вяземского. В настоящее время он руководит проектом гидротехнических сооружений второй Свири. Первая самостоятельная работа Вяземского в Ташкенте по асфальто-бетону стоила 60 тысяч рублей. Вторая — Маткожненский узел — 10 миллионов. Гидротехнический узел второй Свирьской гидро-

Беломорстроевцы овладевают техникой

станции стоит около 200 миллионов рублей. Сама техническая задача очень сложна. Ни одно строительство не знало таких тяжелых грунтов, как на Свири.

Дед Ореста Валерьяновича, Орест Полиенович, имел множество орденов, включая японский и китайский. У Ореста Валерьяновича только одно Трудовое красное знамя, которым пролетариат прикрыл все прошлое, оценил настоящее и зовет в будущее. Вяземскому тридцать два года. Талантливый его дед, один из талантливейших инженеров прошлого, не вел в тридцатилетнем возрасте столь ответственной работы. Он еще тянул лямку до соответствующих чинов, и в сущности ведь работы деда не стали историей. Они остались семейным преданием.

Что греха таить — пролетарская диктатура довольно круто повернула маленькую судьбу молодого инженера из буржуазной семьи. Но едва пролетариат повел его за собой, как личность Вяземского вырастает, становится значительной для самой себя, ценной для общества, куда она вернулась, и перед ней открывается безмерный путь: осуществляй себя, свое дарование, свои знания, свое чувство конструкции проектировщика, свой производственный опыт, прикладывай свой труд и новое уменье организовать его, чему научили большевики, к великому делу освобождения трудящихся.

После Свири — выбирай. Там Манычская проблема. Там нижний Днепр. Там Большая Волга. А там — ведь годы идут, пятилетки — может встать и проблема советского Нила, проблема плотины больше Ассуанской, там может придется поправлять для пролетариата Панамский канал и доводить Кулебрскую выемку до такого уровня, чтобы уничтожить шлюзовое строение мирового канала и соединить два океана прямым протоком.

Как же беломорстроевцев встречают на новых местах? Иногда беломорстроевцы отмечают некоторую неподготовленность предприятий к приему новой рабочей силы.

Вот что говорит тот же Кошелев: «Когда мы приехали на Электросталь, мы надеялись, что нам будет встреча. В лагерях, когда привозили новую партию заключенных, мы встречали ее с музыкой. Здесь оказалось совершенно другое. Никого не было на станции, ни одной души. Мы не растерялись. Мы сейчас же ребят организовали, разыскали с трудом отдел кадров. Сидит там человек, который специально оформляет рабочую силу. Мы ему показываем наши документы, а он начал у нас требовать справки о социальном происхождении, паспорта. Ну, мои ребята начали нервничать: «Что за безобразие!» Я пошел разыскивать кого-либо из начальства. Встретил коменданта, который и отвел нас в карантинный барак.

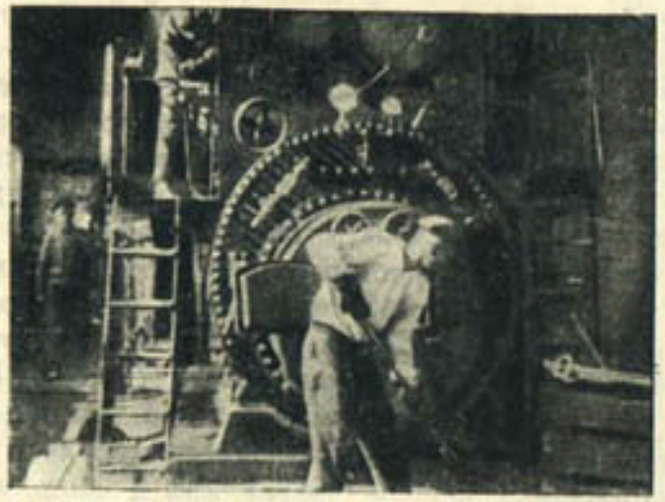
Мы проводили беседу и делали упор, что «здесь, ребята, культурных сил нету, нам придется поработать не только над собой».

Повели нас оформляться, и три дня нас сформляли. Мы об этом позвонили секретарю партколлектива тов. Назарову. Он собрал собрание партколлектива, и этого парня, который на оформлении сидел, сняли с работы».

Понемногу беломорстроевцы начинают располагаться на производствах, приступать к работе. Ясно, что нашлись не совсем «перековавшиеся». Это говорит лишь о том, что мы не вступили еще в бесклассовое общество, классовый враг окончательно побежден и разгромлен, но не добит, борьба продолжается. Вскоре по прибытии беломорстроевцев на Электросталь кто-то пустил среди них слух об отправке в скорости обратно в лагеря и что будто уже списки на отправку составлены. Четверо, растревожившись, выпили, захмелев, учинили в столовой драку.

Основная масса бывших лагерников дает суровый отпор проявлению старых привычек. «Когда колеблющиеся бывшие рецидивисты Беляев, Тараканов, Володин, Хлыбов начали воровать, вернулись на старый путь, мы организованно потребовали от парткомитета Электростроя привлечь их к ответственности, чтобы они не позорили имя строительства ББВП им. Сталина» (из обращения беломорстроевцев к Электростали).

Нет пощады прогульщикам. Беломорстроевцы выносят постановление: «Мы, рабочие, прибывшие с БМС, клеймим позором прогульщиков и пьяниц, которые дезорганизуют производство, и требуем от администрации, невзирая на лица, изгонять из нашей среды всех, кто еще пытается нарушить труддисциплину, также и осуждаем прогульщика Сухарева и трем немедленно удалить его с производства, выселить из барака, изъять у него продкарточку и не пускать в столовую. А также сообщить массовику, работающему среди нас, — обсудить данное решение среди других бригад беломорстроевцев о поступке Сухарева, пьяницы, который прогулял два дня, и сообщить характеристику Сухарева соответствующим организациям о его поступке» (из протокола общего собрания рабочих, прибывших с Беломорстроя и работающих на втором участке строительства заводов Б. Электросталь, 19 сентября 1933 г.).

Многие из беломорстроевцев навсегда подружились с машиной

Завод Электросталь освободил Советский союз от импорта магнитной стали. Однако завод продолжает расти. Строятся новые цехи (прокатный, молотовый и др.). В лесу, в километрах двух от завода, вырастает социалистический городок, здесь и работает основная группа беломорстроевцев (около полутораста человек).

В тесной комнате, в обиталище культурника-массовика Кошелева, разговор идет о рецидивистах. Скупой на слова приятель хозяина, бригадир Булин, вдруг огрызается:

— Мне воровать надоело...

— Что такое?

Непонятные речи. Кошелев разъясняет:

— У нас тут ребята вагонетки друг у друга воруют, нехватка у нас вагонеток на стройке.

— А-а... Ну. Этого рода кража не наказуема.

Территория стройки покрыта сетью деревянных мостков и неглубоких канавок. Местность болотистая: ее осушают. По мосткам слетаются ударники на свой квартальный слет. Их созывает гармошка, заменяющая гонг. В зале заседаний гудят голоса. Повестка дня исчерпывается быстро: докладчик-прораб блистает отсутствием, его помощник не подготовлен к докладу,

оба тотчас же получают строгий выговор в протоколе собрания. Прения однако развертываются — ведь в сущности итоги работы за третий квартал у всех на глазах, они ясны и без доклада. Булин, угрюмый в быту, оказывается умелым оратором. В его речи обобщения складно чередуются с примерами из практики стройки. После этакого оратора не промолчишь — когонибудь да заденет. Говорит массовик Кошелев. Это вносит еще больше страстности в обсуждение тревог дня. Поднимаются на трибуну бригадиры Кутов и Казарин. Они читают свои речи по бумажке, потому что они выступают сейчас как ответственные представители своих бригад. Это не речи — это рапорта бригад о своей работе и заявки на участки в конкурсе повышения производительности труда к 16-й годовщине Октября.

В конце говорит секретарь партячейки Кузин и громко читает список лучших ударников, премируемых за отличную работу на стройке социалистического городка. Первые семь фамилий в списке — семь беломорстроевцев (от 156 до 223 процентов выполнения программы).

Бригада Петряка дает на стройке Электростали по 85—87 замесов в сутки. Она соревнуется с бригадой арматурщиков. Сам Петряк — теперь член редколлегии стенгазеты — собирается поехать учиться в Московский техникум.

Не хуже держатся беломорстроевцы в Криворожье.

Криворожье — центр добычи железной руды, здесь все живет рудой, даже заборы и завалинки из глыб железной руды. Постройка Криворожского металлургического завода воздвигается в трех километрах от города. Будущий кузнечный цех на четвертом участке — длинное щетинистое здание. Тут работает бетономешалка беломорстроевской бригады Соклакова. Юркий Сапиро, ссыпав в ковш тачки щебенки, передохнув, торопливо говорит:

— Октябрю мы обязуемся сдать первую половину цеха в готовом виде. Только бы нас перевели сюда на участок — мы тогда выиграем в сутки два рабочих часа.

Цензовский, работающий в Криворожье, рассказывает: «Мы на строительстве 165-го канала по двое суток не уходили с трассы. Здесь мы, передовые бригадиры, разбились по отстающим и стали учить их работать. В течение трех дней бригады, выполнявшие свой план на 80 процентов, стали перевыполнять его.

Знаменский, приехавший в Криворожстрой, отлично работает сейчас токарем на четвертом участке. Навыков советской общественности не теряет, организационной практики БМС не забыл.

Широкая гласность, свободное обсуждение задач стройки,

открытая критика недочетов и быстрое сообщение об успехах и новых приемах работы были введены в ежедневную практику Беломорстроя. Привычка дает себя знать. На новых местах беломорстроевцы ведут активную общественную работу. Идет чистка партии, и вот бывшие соцвреды — ныне активные строители социалистических предприятий — выкладывают на чистке свои впечатления о местных порядках, о работе местных коммунистов, делятся беломорстроевским опытом.

Навыки, привитые в лагерях санчастью, сказываются и сейчас. Недаром велось соревнование на чистоту в бараке, свежую и прибранную постель, личную опрятность. Недаром КВЧ приучала к культурному использованию досуга.

Свои жилые бараки беломорстроевцы Криворожья зовут гостиницей. В самом деле, у них чисто. Особая комната выстроена для красного уголка. К вечеру, после работы, дежурящая здесь молодая женщина зазывает в читальню, как в гости:

— Заходите к нам — читайте книжечку украинску. Чи вы не украинец. Газету русску читайте. Пожалуйте, товарищ Праздничный, заходите.

Комендант общежития Щека купил сегодня гармошку. Он принес и заиграл. И тотчас же находятся желающие поплясать. В читальне получается нечто вроде вечеринки. В дверях собирается публика поглазеть. Столы сдвигаются в дальний угол. Веселье длится до полуночи.

Люди растут, среди них большая тяга к учебе, повышению квалификации, к устройству жизни на новых началах.

«У нас работает кружок из 30 человек по проработке III пленума ВЦСПС, который кончил программу. Работает драмкружок — десять человек, рабкоровский — двадцать человек. Работают три красных уголка в бараках. Выпущено шесть номеров стенгазеты, обучается в группах неграмотных 66 человек, в бараках проведено 20 разных бесед на текущие, 15 производственных зарядок-митингов, 2 совещания ударников по обмену опытом. Принято в профсоюз 100 человек лучших ударников».

Уже вышло постановление ВЦИКа

3. Поручить ОГПУ Союза ССР обеспечить дальнейшее поднятие квалификации в строительном деле наиболее талантливых работников из числа бывших уголовников-рецидивистов и при поступлении их в учебные заведения обеспечить их стипендией.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР М. КАЛИНИН

Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР А. ЕНУКИДЗЕ

Москва. Кремль,
4 августа 1933 г.

Беломорстроевцы выпрямляют линию своей жизни. Они еще требуют внимательного ухода. Администрация и общественность предприятий, куда они попадают, должны обеспечить им это. Партия и рабочий класс дали хороших большевиков для перековки этих людей и построили с их помощью замечательный канал от моря и до моря.

Помочь этим людям окончательно закрепиться на новом пути — общая задача.

ПОСЛЕДНИЙ СЛЕТ

25 августа 1933 года темный день с тучами, дождем и холодным ветром. Но это не северный ветер Карелии, не карельская осень. Нет ни озер ни скал, вид которых стал привычен. Нет крутых откосов, валунов, гранитных обнажений.

И однако место кажется нам знакомым. Мы в Надвоицах? Нет, не похоже. Или в лесах возле Выга? Нет, не то.

Широкий котлован, на котором работают каналоармейцы, земляная выемка. Бесконечная просека, обозначающая трассу канала. Отвисшая челюсть экскаватора.

Где же шлюзы, водохранилища, плотины, открытие которых произошло на наших глазах? Здесь все выглядит так, как будто стройка в самом начале.

Каналоармейцы со знаменем возвращаются в лагерь. Ворота лагеря открываются. Стрелок ВОХРа стоит на сторожевой вышке. Над воротами лагеря покачивается красная звезда. Вокруг бараков — народ, обычная суета. Мы не совсем понимаем, что здесь происходит.

Навстречу каналоармейцам идут знакомые люди.

Это ударники-беломорстроевцы. Они идут все вместе.

Они покачивают головами, они улыбаются, как старому знакомому, просторному двухэтажному деревянному дому.

Это знакомый нам швейцарский просторный дом — центральный клуб БМС.

Если подойти вплотную к дому, можно различить фамилии и прозвища агитбригадников, вырезанные ножом на стенах.

Значит мы опять на Медгоре?

Войдем за ударниками в клуб. Там развешенные на стенах боевые знамена БМС, выцветшие под дождем и метелью во время трехдневных штурмов и ночных авралов.

Большой зал клуба полон.

Собрание может показаться будничным и обыкновенным, и все же здесь приподнятое состояние, какое бывает при больших исторических событиях. Здесь находятся разные люди, их несходство бросается в глаза. Здесь чекисты и вчерашние заключенные. Сейчас они собрались, как равные.

Здесь, в здании клуба, перевезенном с Медвежки в Дмитров, происходит последний слет беломорстроевцев

Радостно возбужденная Янковская и деловитый Шир-Ахмедов жестикулируют в центре одной группы. Другая группа окружает решительного Волкова и самоуверенного Роттенберга. Космополитический словарь бывшего аферист обогатился совершенно новыми словами и понятиями.

Застенчивый ироничный Зубрик беседует с Некрасовым, сохранившим осанку бывшего министра. На скамейке у стены — Вяземский. Группы людей движутся, собираются и расходятся.

Одни оживлены и нервны, другие спокойны, молчаливы.

Вот встретились двое.

— Герою Повенчанской лестницы! — с легкой насмешкой и вместе с тем с уважением кричит один.

— Непобедимому бригадиру! — отвечают ему в том же тоне.

Монументальные, в кожаных пальто и крепких сапогах начальники коллективов почтительно и веско здороваются друг с другом. Они умеют уважать соперника на производстве, у которого вчера отняли это прибитое к стене знамя и со свистом и издевками водрузили на свой грунт.

Прежде они так же уважали друг в друге пахана и атамана.

В зале находятся люди из прославленных коллективов: «Успех пятилетки», «Красная трасса», «Штурмовой», «Имени

Успенского», «К освобожденному труду». В зале Успенский, окруженный нацменами, которых он в свое время ордой привел штурмовать Надвоицы.

В зале Афанасьев, Фирин и Коган.

На боковых скамьях сидят советские писатели.

К клубу подъехала машина, из нее вышел Максим Горький, его встречают у входа, окружают и ведут в клуб. Прохожие останавливаются и смотрят ему вслед.

В зале атмосфера ожидания и нетерпения. Сейчас удобнее всего наблюдать людей, собравшихся здесь.

Знакомая нам странная смесь человеческих типов. Необычайное для свежего глаза народонаселение лагерей.

События 1930—1933 годов изменили не только внешний вид людей в Советском союзе. Многие типы выродились и исчезли, многие появились. Уже выработался например тип инженера-пятилетчика, которого можно узнать издалека. Он деловит, прост, оживлен, он уже хорошо одет, но одежда для него не составляет главного. Он спокоен, уверен в своей работе.

Лагеря изменили внутреннее содержание людей. Но они как бы законсервировали их внешность. Вот инженер с изысканной внешностью нэповского концессионного служащего. Вот бывший кулак, массивный, краснолицый. В деревнях таких уже нет. Мы уже не рисуем таких на плакатах.

Неглубокий физиономист определит наскоро: преступный тип, интеллигент, плакатный кулак. Но, вглядываясь внимательно сквозь многолетние напластования биографий, въевшихся в кожу и мускулы, различаем нечто новое, особое, свойственное беломорстроевцам.

Биографии этих людей исправлены, очищены, дополнены.

Люди ходят по залу и по комнатам клуба, рассматривая фотографии и портреты, висящие по стенкам. На фотографиях изображены они сами.

Скальщик из коллектива «Красная трасса» и бетонщик из коллектива «Успех пятилетки» с уважением рассматривают собственные портреты. Портреты героичны, резко освещены, огромные лица сняты в гордых ракурсах. Скальщик и бетонщик значительно перемигиваются. Уважение к себе — новая и непривычная для них вещь, но они притворяются, что им это пипочем.

Наконец в клуб приходит оркестр. Он играет туш, и все собираются в главный зал, где на стульях лежат блокноты и карандаши для записей. Места занимают в строгом порядке — эти люди привыкли к собраниям и слетам на трассе.

Сквозь стекла клуба видны дома и улицы старого Дмитрова, дальний лес, пузатое здание монастыря, над которым нет кре-

Тов. Горький на слете в Дмитрове

стов и стены которого украшены большими портретами вождей. Эта местность неизвестна нам, это не Медвежья гора, не Беломорско-балтийский канал.

Мы находимся сейчас на строительстве нового канала.

Мы находимся на Москанале. Это то самое строительство, о котором столько разговоров было в последние месяцы на Беломорстрое.

Удача Беломорстроя позволила продолжить дело создания единой водной системы. Реализация сталинского плана продолжается. Волга потечет в Москве, у Кремля будут проходить суда с глубокой осадкой. Начальником строительства назначен Коган. Сотни освобожденных инженеров и каналоармейцев тоже находятся здесь.

Опыт сделал чекистов почти инженерами, а инженеров обучил чекистскому стилю работы.

В семь часов вечера начальник строительства Коган открывает слет.

«Товарищи каналоармейцы! — говорит Коган. — Ударники! Беломорстроевцы! Сегодня мы открываем наш последний слет, посвященный Беломорско-балтийскому каналу. Но на этом последнем слете нелишним будет хотя бы на минуту оглянуться назад, на первый наш слет, когда мы пришли в Карелию, чтобы строить новую водную дорогу, водяное шоссе, соединяющее моря».

Здесь вспыхивают аплодисменты. Они относятся к словам Когана, но, готовые стихнуть, они с необычайной силой разгораются снова: в зале появляется Горький.

Некоторые привстают, чтобы лучше его разглядеть. Им кричат: «Сядьте, нам не видно». Горький быстро идет к своему месту, нагнувшись, чтобы не заслонить эстраду. Аплодисменты усиливаются и превращаются в овацию.

У многих на глазах слезы. Все вновь подводят итоги своей жизни. Все опять с беспощадной силой и откровенностью проверяют самих себя. Горькому аплодируют с особой нежностью как мудрому учителю жизни.

Коган спешит перейти к следующей части речи. Моря соединены. Новое сложное строительство занимает его мысли. Позади то время, когда он впервые прибыл в лагерь и говорил в лесу: «Я, кажется, сентиментален». То время, когда он изобрел слово «каналоармеец».

Все это позади. Здесь не то. Уже не быстрые воды карельских рек надлежит стянуть в один узел, замедлить их течение, подчинить воле человека. Здесь, наоборот, надо убыстрить медленную и вялую Москва-реку, спрыснуть ее живой волжской водой и этой обновленной рекой омыть советскую столицу. Задача эта нелегкая.

Канал Москва — Волга — грандиознейшее гидротехническое сооружение мира. Он в семь раз превосходит Беломорстрой.

«Но мы задачу эту выполним, — говорит Коган.

Товарищ Ягода — наш главный, наш повседневный руководитель постройки Беломорско-балтийского канала, человек, который своей волей, своей глубочайшей верой многих из нас выводил из затруднений, человек, который во-время умел найти нужное звено в этой огромной работе и указать на те недостатки, которые мешают настоящему, необходимому развитию темпов, — товарищ Ягода просил меня передать ударникам Беломорстроя свой привет и пожелания работать не хуже, чем на Беломорстрое, и даже не так, а лучше».

Весь зал аплодирует. Слет открыт.

Члены президиума занимают места. Им несколько неловко подниматься на эстраду — их оглушает туш, их ослепляют прожектора кинооператоров. Янковская, смущенная и красная, но с независимым видом выходит из рядов и поднимается по трапу на сцену. Она садится на стул рядом с тов. Г. Е. Прокофьевым — зампредом ОГПУ. По трапу поднимаются остальные. Следом за ними на места президиума проходят московские писатели, приехавшие на слет.

После тов. Когана получает слово тов. Фирин. В зале все та же атмосфера напряженного внимания. Фирин не делает вступления. Он начинает с прошлого, с оценки беломорских работ, и оканчивает будущим — тем, что предстоит сделать на канале Волга — Москва.

Ни одно слово не пропадает в настороженной тишине зала. Подле эстрады попрежнему суетятся кинооператоры. Лицо оратора то становится ярким и голубым от вспышек юпитеров, то погружается в полутьму.

Фирин говорит о варварстве, к которому возвращается капиталистическое общество. На площадях Германии горят книги, сжигаются культурные ценности. Западные тюрьмы переполнены, но, невзирая на это, преступность растет.

«Что же делаем мы? — продолжает тов. Фирин. — Что произошло на Беломорстрое? Десятки тысяч заключенных были переданы горсточке чекистов (нас было 37 человек). И этих заключенных мы должны были перевоспитать. Ни на одном из этих людей советская власть не поставила крест. Осуждая этих людей на определенный срок, мы полагали, что они — будь то уголовные или политические правонарушители — не потеряны для будущего бесклассового общества. Мы перековывали этих людей при помощи самого почетного в нашей стране оружия, при помощи труда. При помощи труда в нашей великой социалистической стране. Партия учила и учит нас везде, где бы мы ни работали. По идее и по заданию тов. Сталина мы строили канал силами заключенных, перековывая их в честных тружеников».

В эту минуту Фирину подали из зала записку.

«Товарищ Фирин, — было написано в ней. — Скажите пожалуйста о библиотекарше Семеновой. Она — бывшая учительница и обучила свыше ста неграмотных тридцатипятников, за что, хотя и не соцблизкая, имеет жетон и классная ударница».

Эта записка есть тоже результат перевоспитания людей.

Разве раньше могла заинтересовать воров и бандитов судьба учительницы?

«Среди вас, ребята, — говорит Фирин бывшим уголовным, — почти нет сыновей помещиков и фабрикантов. Вы в основной массе дети городской и деревенской бедноты, поэтому вы нам близки. Если мы вас карали, если мы вас изымали из общества, то только потому, что вы жили в нем как паразиты.

Мы помогаем вам забыть прошлое, мы даем вам квалификацию, делаем вас слесарями, бетонщиками, монтерами. Мы возвращаем вас равноправными в дружную семью равноправных граждан. И таким образом открываем вам путь к личному счастью».

Зал слушает внимательно. Не пропадает ни одно слово оратора. В жизни каждого из присутствующих этот вечер последний, закрепляющий перелом.

«Но мы работали не только с вами, которых мы считали сбившимися с пути, но социально-близкими нам. Мы старались перевоспитать и классового врага. Мы проделали над ним огромную работу.

Очень многие из них в лагере впервые передумали и по-настоящему пережили всю свою жизнь сначала, произвели коренную переоценку ценностей, осознали все величие задач, поставленных коммунистической революцией. Нужно, чтобы советская трудовая семья приняла их по-хорошему, по-дружески и без всяких оговорок и кривотолков . . .»

Последние слова Фирина вызывают оживленное движение в зале, их повторяют в рядах.

— Да, да, принять как трудящихся, как в свою семью, — кричит женщина в красном платке.

Она вскочила и размахивает блокнотом. Все аплодируют, подавшись телом вперед. Все взволнованы, лица красны, глаза блестят. Здесь бы и снимать нашим кинооператорам. Но они, увлекшись сами, оставили аппараты и тоже аплодируют последним словам Фирина.

Слово получает Шир-Ахмедов. Аплодисменты встречают нового оратора: слушатели знают, того, кто стоит на трибуне.

— Тот самый Шир-Ахмедов, смотри, — толкает один из сидящих в рядах чекистов своего соседа.

Имя Шир-Ахмеда знакомо всем. Сейчас он — начальник культурно-воспитательной части одного из отделений на строительстве Москва — Волга. Он говорит по-русски горячо и быстро, но слишком жестко произносит согласные, вместо «и» говорит «е» и путает окончания слов. Русский язык он начал изучать в Ташкенте, но овладел им в Карелии. Он — узбек, у него повадки горожанина, черные волосы, высокий лоб, смуглая бледность лица, нос с небольшой горбинкой. Это боевой оратор Беломорстроя, выступавший ночью и днем, в мороз, в оттепель, во время упорной зимней работы, во время весенних штурмов.

Он говорит короткими фразами, ухищрения придаточных предложений ему неизвестны.

«На шестом боевом участке Беломорско-балтийского лагеря я организовал фалангу. В ней было 450 человек. Это были нацмены. Они вместе со мной участвовали в четырех знаменитых авралах. На 282-м канале и 13-м шлюзе мы показали свою подлинную ударную работу. Мы объявили аврал. Руководство не разрешало. Мы настаивали. Наконец в два часа ночи руководство разрешило. В четыре часа утра мы встали на работу. На 13-м шлюзе один канал был засорен. Нужно было вывезти обломки скалы. Мы работали 38 часов беспрерывно. Так было четыре оаза».

Оратора перебивают. Ему аплодируют люди, которые понимают, что значит работать без перерыва тридцать восемь часов.

«Мы, нацмены, полюбили Беломорстрой. Это наше родное дело. Это наш труд. Да здравствует партия, которая выстроила его». Это единственное придаточное предложение Шир-Ахмедова заключало в себе самое главное. Трубы оркестра не в силах заглушить грохот аплодисментов. Затем слово для приветствия было предоставлено Янковской, ударнице Беломорстроя.

Она вышла в маково-красной повязке, бледная, с таким рисунком молодых морщин у рта, какие бывают от частого плача. Впрочем это немудрено: ей всего двадцать четыре года, а испытала она все пятьдесят. Увидя ее, зал захлопал, а она так растерялась, что тоже захлопала в ответ. Кино-юпитера, громко жужжа, тотчас же впились в нее.

И это хорошо.

Хорошо, что в фильмотеках сохранится живое изображение этой женщины, которая по приезде на канал сказала себе: «Ну, меня так скоро не согнешь». Но ее и не пытались согнуть. Наоборот, ее выпрямили для подлинной жизни. И в данную минуту она особенно ясно это чувствовала.

Во время ее выступления в президиум поступила записка: «Мы подтверждаем, что Янковская с нами работала по-мировому». Председатель, улыбаясь, кивает в зал. И ему подтверждающе кивают оттуда.

После Янковской говорит Овчинников, представитель Большевской трудкоммуны ОГПУ № 1. Он говорит от имени двух тысяч бывших воров и правонарушителей. Люди, сидящие в зале, понимают это и с особым вниманием слушают Овчинникова.

«Что бы ни говорили мне, бывшему вору, имевшему три судимости, будущему инженеру, работающему сейчас механиком на заводе, что бы ни говорили мне — теперешнему коммунисту — я знаю, что ОГПУ не только карает, но и спасает. Мы на сегодняшний день в нашей трудкоммуне имеем десятки людей, которые через год будут инженерами. Мы имеем сегодня из бывших воров-рецидивистов пятьдесят коммунистов. Мы имеем из бывших воров — директоров фабрик».

Овчинников говорит пылко, но с большой четкостью и твердостью. У него иная интонация, чем у беломорстроевцев. У тех еще много расплывчатой восторженности. Этот человек уже закончен, отлит, выработан навсегда. Он воплощает в себе будущее своих слушателей и говорит с ними, как старший.

«Недалек тот окончательный слет, где мы с вами подведем итоги. Мы добьемся того, что у нас не будет правонарушителей в Советском союзе. Мы еще увидим съезд, где ОГПУ скажет: нет больше преступников».

Волнение оратора передается всему залу. «Добьемся того, что не будет блатных» — кричит Юрцева.

«Не будет» — кричит Левитанус.

Слово имеет единственная женщина — инженер Беломорстроя, — награжденная орденом Трудового знамени, — Наталья Евгеньевна Кобылина.

Каждый из ораторов выступает по-своему.

По-иному и в иной форме выступает женщина-инженер. Но и она говорит на одну и ту же связывающую ее со слушателем общую великую тему.

Кобылина волнуется. Свою речь — в этот день мало было спокойных речей — она силится говорить четко, с сухим сугубо деловитым выражением лица. Это стоит ей явственного усилия.

— Тужится, — говорят слева.

— Самолюбие, форс.

— Работала ночью, упала в котлован. Мы ее вытягивали. Так же топорщилась, будто ей нипочем.

— Молодая, своя.

«Я приехала на Беломорстрой уставшей, измученной, озлобленной. Я вся ушла в себя. Я ждала всего самого плохого. Первое, что меня удивило, — это отношение ко мне беломорстроевского руководства. «Вы инженер, — сказали мне. — Это отлично. Нам нужны инженеры». Этого я никак не ожидала. Вскоре грандиозность постройки захватила меня. Я начала думать только о канале и работать для него.

Мы строили хорошо. Но почему мы строили хорошо? Потому, что у нас была с рабочими одна единая семья, потому что рабочий знал, что именно он строит.

Я работала на одном из участков Беломорстроя. Это была совсем небольшая боеточка. Но я там пережила столько счастья, как никогда раньше за всю свою жизнь.

Бывали и тяжелые минуты. Так было, когда промыло перемычку на Хижозере. Но и тогда мы не растерялись и поправили дело. Нет ничего непоправимого, когда работаешь с энтузиазмом. А мы именно так работали. Для нас не было дня и ночи. Мы не считались со временем. Перед нами стояла одна задача — выстроить безупречное сооружение. Каждый рабочий понимал это и стремился к этому. Я следила за тем, как рабочие живут, как питаются, как одеты. Мне было важно каждое их настроение. В этом был залог успеха».

Слет продолжается. Самые разные люди выходят на эстраду. На эстраде светло, сюда направлены юпитера. А перед эстрадой темный притихший переполненный зал. Он тихо дышит, нередка шепчет, порой смеется, порой задумывается.

Можно продолжить список выступающих. Вот Некрасов, бывший министр Временного правительства. Он округло

вежлив, он парламентски многоречив. Но и он взволнован. Он говорит:

«Я помню, как мало было людей, веривших в то время в успех дела. Недаром некоторые из моих товарищей-инженеров в решающий период стройки говорили: «Да, как будто канал получается. Но это чудо, такие чудеса бывают редко». Мы еще не знали тогда, что эти «чудеса» повторяются часто на советских стройках. Что имя этому «чуду» — рабочий энтузиазм.

Я помню о наших боях с проектным отделом, с которым мы соревновались. Помню отставание проектного отдела, где я работал, и первые победы генерального плана, составленного хотя на несколько часов, но раньше срока. Это было для нас в то время беспримерным.

Мы поняли в те дни, что наша инженерная «мудрость» без вдохновения и творчества — убога.

Мы поняли, что мало иметь только рабочих, мало чувствовать себя подрядчиком или доверенным подрядчика, как это практиковалось до революции у многих инженеров. Нужно самому быть организатором масс.

Идя в лагерь, большинство из нас думало, что они кончили свое нормальное существование. Фразочки в таком роде нередко у нас встречались: «Жизнь моя кончилась и началось житие. Выхода нет. Все исчерпано, лишь бы как-нибудь дойти до конца жизни».

Лозунг наших чекистов-руководителей «умелый подход к человеку» сыграл для нас решающую роль.

Этой борьбе за человека мы научились сами, и мы восприняли эти методы борьбы. Но в первую очередь мы это почувствовали на себе. Мы поняли, что нет безнадежности, что перед нами, как и перед всеми другими, открыт путь полноправного участия в социалистическом строительстве.

Я с благодарностью думаю о том новом, что вошло в мою душу, — это сознание, что мы люди, которые могли исправиться, мы люди, которые могли снова стать полноправными участниками социалистической стройки.

Сейчас все мы имеем право строителям канала, руководителям канала и прежде всего руководителю всей социалистической стройки Союза тов. Сталину — вождю коммунистической партии — провозгласить наше общее: Белмор, ура!»

Вот Минеев, бравший штурмом 193-й канал. Он и его коллектив получили там красное знамя. Вот оно перед вами.

Минеев указывает на одно из знамен, прибитых к стенам зрительного зала. Все поворачивают головы. Эти покрытые пятнами знамена — исторические знамена первой большой перековки — люди рассматривают с гордостью или завистью: почему не наше?

Вот ударник Орлов.

— Орлов, расскажи про наш штурм, — кричат из зала.

«Мы подошли к начальнику, — рассказывает Орлов, — и заявили ему: «Товарищ начальник, хочешь вызывай конвой, хочешь не вызывай, но мы сегодня спускаемся на дно канала и не уйдем до тех пор, пока трасса не будет расчищена до последнего». Начальник сказал нам, что нет распоряжений руководства, что это дело надо согласовать. Но это было все равно, что горохом об стенку. Мы пошли на трассу и там работали до тех пор, пока я не вывесил плакат, что при входе в канал просят вытирать ноги, чтобы не смазать красную отметку. Я сам писал это объявление. Мы по 57 часов находились на трассе канала, и руководство было вместе с нами. Вместе с нами они плинтовали скалы и до тех пор не уходили с трассы, пока не кончили своей работы. Каждый забывал, кем он и чем был. Все являлись единой семьей».

Вот Хрунина — плотная, энергичная девушка. Она арестована одновременно с отцом, хотя и по другому делу.

«Наша бригада была организована в марте месяце в ответ на приказ № 1 и 19 марта выехала на трассу. Цель нашей бригады — контроль над производством. Все мы люди, работавшие в аппарате, не были знакомы с производством, и, приехав на трассу, попав на производство, мы растерялись. Нас оглушал этот лязг молотков, этот свет, эта масса народа. Мы растерялись так, как я теряюсь сейчас, выступая на этом слете, потому что я никогда не выступала и никогда не умела говорить. Прошу извинить меня за это. Мой отец умер на канале, он уже отказался от многого в своем прошлом, он становился совсем другим человеком.

Когда я приехала на Беломорстрой, когда я увидела человеческое отношение к себе, внимательное и чуткое, особенно когда я пошла на производство, я почувствовала и осознала, какую большую ошибку совершила я тогда, когда была почти ребенком. Я поняла, что мне нужно как можно скорее рабилитировать себя чем угодно, какими угодно усилиями, какой угодно работой, но как можно скорее вернуться туда.

Беломорстрой снова вернул меня в семью трудящихся. Меня досрочно освободили с досрочным окончанием нашего канала... Отец этого не увидел, но он теперь был бы счастлив знать, что я буду полноценным участником социалистического строительства в нашей стране.

... Когда мы попали на 6-й участок, то мы имели 12—13 ездок паровоза в смену. Нам нужно было во что бы то ни стало довести эту цифру до максимума. Работая на 6-м боевом участке, мы взяли всевозможные методы работы, объединили соревнование не только по каждому звену, но мы охватили

соревнованием каждого человека, устроили соревнование между участками, добились того, что улучшили питание рабочих, приносили им горячие завтраки и т. д. В смысле быта и одежды мы проводили ряд собраний в бараках, и вот в результате всего этого мы добились рекордной цифры — 19 ездок паровоза в смену. Эта цифра была впервые на Беломорстрое. Впоследствии у нас были разные показатели. Вот чего мы добились».

Вот ударник и поэт Беломорстроя Кремков. Кремков читает свое стихотворение «Чекист».

Его чтение патегично и яростно. Он размахивает руками, он наступает на аудиторию. Это беломорстроевская школа декламации. Так читали стихи с пней и глыб гранита в лесах бурные поэты БМС, окруженные самой впечатлительной в мире аудиторией. Поэзия на БМС была в почете.

Что день — успех, что час — то новый плюс.
Несется весть, сомненья рассеивая.
«Чекист» прошел восьмой, десятый шлюз,
Неудержимо продвигаясь к северу.
Братишка, знай, назад дороги нет.
Пусть нам порой как будто и не можется,
«Чекист» ведет нас лестницей побед
В великий бьеф бесклассового общества.

Следующий оратор Чекмазов, тоже поэт.

Как часто речи здесь оканчиваются стихами! Это понятно — речи лиричны. Для того чтобы они превратились в стихотворение-строчки, оратору достаточно снабдить свое волнение рифмами.

Я не сам покинул город шумный,
Разве я столицы не любил,
Правда, в жизни шатун безумный,
Я свободы должно не ценил.

Я не верил в жизнь с ее простором,
Я не верил счастью на земле,
Мне казалось, что рожден я вором
И умру воришкою в тюрьме.

А сейчас под знаменем коммуны,
Не пугаясь прошлого «вчера»,
Я вздымаю пламенным буруном
Трудовые вечера.

И встречая трудности нередко,
Веру в темпы не гася внутри,
Я с рабочим вместе пятилетку
По-ударному осуществляю в три.

Еще стихи. Выступает поэт Карюкин. (Этот вчерашний беспризорный недавно выбран на почетную должность каналоармейского поэта.)

Он читает стихотворение, посвященное борьбе за знамя Карелии.

Под этим знаменем дрались на Беломорстрое
Фаланги сводные передовых бригад,
Оно — свидетель большевистской воли,
Не отступающей назад.
За это знамя спорили ребята,
Под этим знаменем прошли Водораздел.
Оно — маяк привета и почета,
Свидетель славных подвигов и дел.
И вот оно на трассе Волгостроя
Зовет сердца и будоражит ум..
Его несут ударники-герои,
Они идут на августовский штурм.

Во время выступления Карюкина тов. Коган задумчив. Только что он был оживлен и внимательно рассматривал зал. Он писал записки, он улыбался. Сейчас он как-то притих. Быть может он думает о том, как не похожи эти стихи на те, что он писал сам на бессрочной каторге. Он тогда писал так:

Моя жизнь одинокая, бледная,
С роковым неизбежным концом...

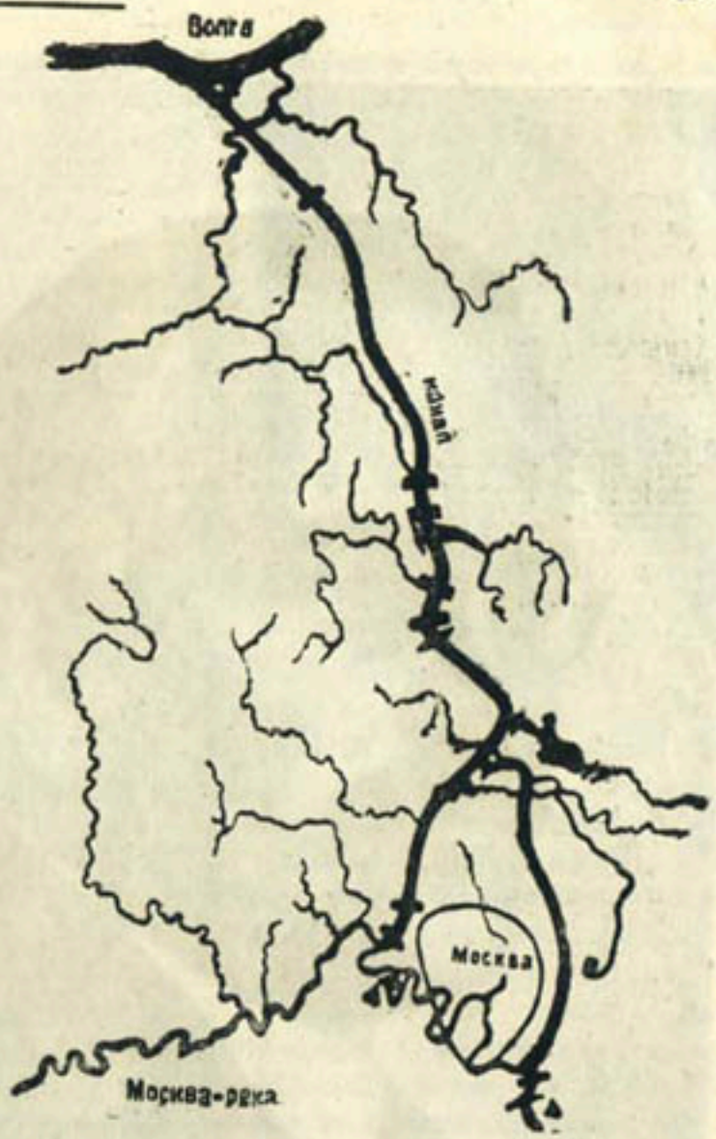
После выступлений поэтов объявляется перерыв. Во время перерыва писателям сообщают более подробные сведения о Москанале. Они узнают, что из трех вариантов был выбран так называемый дмитровский, который идет по направлению железной дороги на Савелово, изредка пересекаясь. Дмитровский канал подходит к Волге двумя ветвями: судоходной и водоводной. Первый шлюз ставится на Дубне, вода в шлюз подается насосной станцией в отличие от Беломорско-балтийского канала, где водораздельные озера и речки, совпадающие с трассой, дают возможность питать его самотеком.

Приближаясь к Москве, канал снова разветвляется: на Химки — судоходной ветвью и к Мытищам — водоводной. Здесь создается водохранилище — отстойник. Устраиваются два порта: у Покровского-Стрешнева для северных, волжских, грузов и у Сукина болота, где «Шарикоподшипник», — для окских, южных.

Грузовое движение между гаванями пойдет по Андреевскому каналу, от Канатчиковой дачи до Воробьевых гор, минуя петлю Москва-реки, омывающую центр.

Беломорстрой и Московско-волжский канал открывают новую эру в водном хозяйстве Союза, создавая сквозные и кратчайшие водные пути между морями и главнейшими бассейнами страны; из Москвы можно будет проехать по воде в любую область Союза.

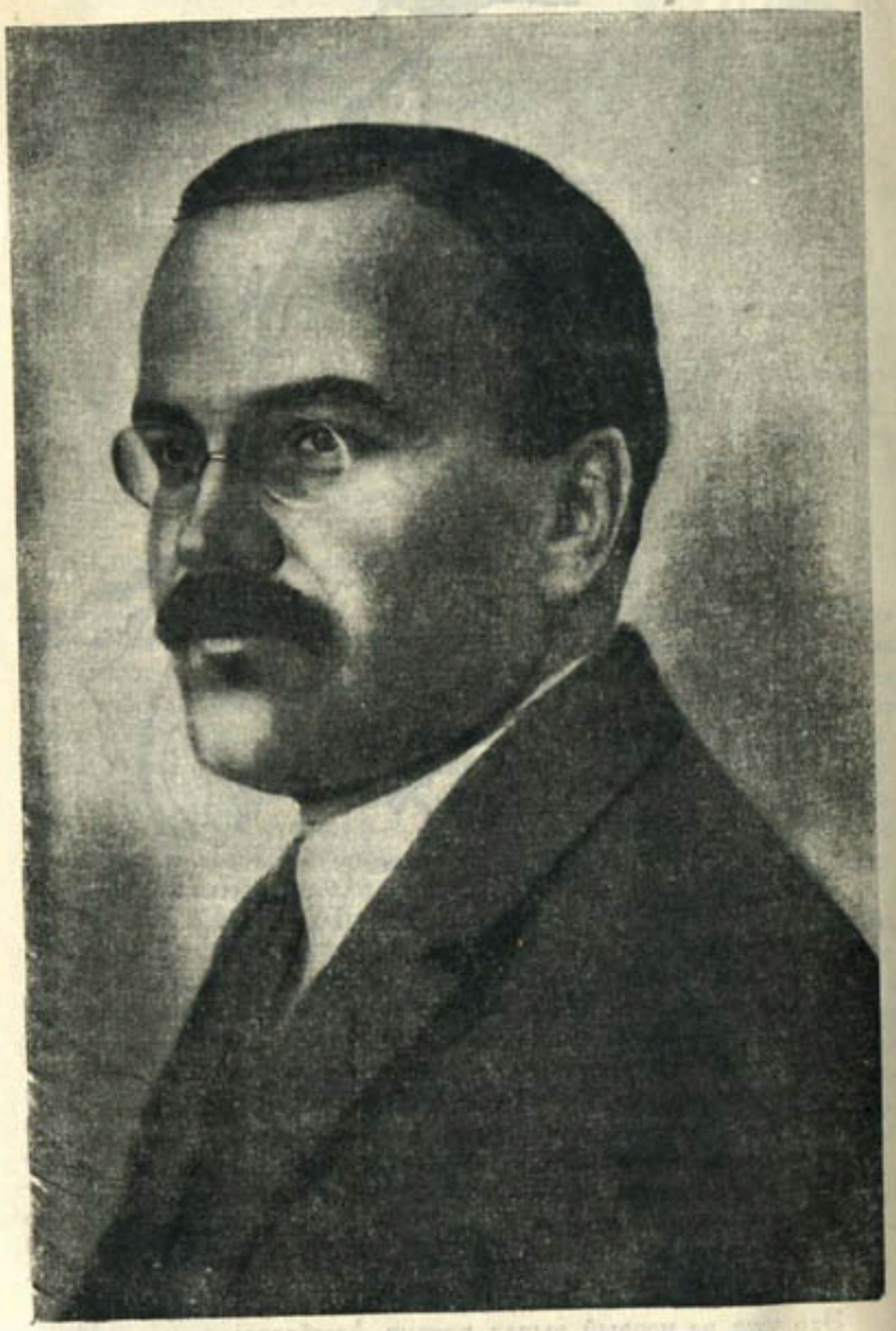
В перерыве писатели много беседуют не только с руководством, но и с низовыми беломорстроевцами.

Карта Москанала

«Товарищ, разрешите мне вам представиться. Я — бывший уголовник-рецидивист, просидевший в тюрьмах и на Соловках пятнадцать лет, — говорит одному из писателей Чекмазов. — Сейчас я — директор музыкальной фабрики при трудкоммуне № 2. Я все думаю о том, какие глупости говорят твердолобые буржуазные ученые типа Ломброзо, будто преступность есть врожденность, с которой никак и ничем нельзя бороться. Однако наши преступники построили Беломорский канал, и теперь вы им говорите: «товарищи». Перед нашими преступниками стоит еще более важная и почетная задача — это Волга — Москва».

Это уже не первый выпад против Ломброзо на слете. Полемика эта неуклюжа по форме. но глубоко содержательна. Она вновь подчеркивает историческое значение слета Замечательно.

В. М. Молотов

что Ломброзо впервые практически опровергается в стране, славившейся в его время ужасами беспощадной каторги.

«Я по своему уголовному прошлому, — говорит подошедший Пинзбург, — очень мало чем уступаю тов. Чекмазову. Он имел пятнадцатилетний стаж, а я имел 14 лет стажа. А теперь я получил квалификацию. Я научился быть десятником по скальным работам, а в настоящее время я — инспектор культвоспитательной части в восьмом отделении. Вот что дала мне советская власть».

В другой группе говорит знакомый читателям инженер Ананьев.

«Много лет тому назад я носил на своей груди академический значок, увенчанный царским гербом. Сейчас видите у меня на груди красный значок ударника строительства Беломорстроя. Я должен вас, товарищи, заверить, что никакие звезды, никакие знаки отличия капиталистического буржуазного мира никто из нас, инженеров, не променяет на этот значок».

— Эй, вождь филонских масс! Привет! — кричат в это время в зале.

Окрик этот относится к Волкову, который сквозь толпу пробирается к Всеволоду Иванову. Они знакомятся. «Скажу вам про себя, — говорит через некоторое время Волков, — о работе я вообще не имел никакого понятия. Что такое работа? Пусть ишак работает. Разве работа это мое ремесло?» Волков рассказывает свою историю.

К этому времени перерыв окончился. Приближался конец слета. Заканчивалось одно из необыкновеннейших в мировой истории заседаний. Мы слышали одну за другой деловые и восторженные речи, исповеди, стихи. Бывшие воры язвительно полемизировали с Ломброзо. Министры Временного правительства говорили об ударничестве. Чекисты аплодировали заключенным. Не было никого, кто бы оставался спокоен. Все были растроганы, взволнованы, ошеломлены. Перерыв кончился. На трибуне Максим Горький.

Горький говорит очень медленно, задумчиво. Он взвешивает слова, делает большие паузы, угловато жестикулирует, как бы разговаривая сам с собой. В зале необычайная тишина.

«Я счастлив, потрясен, — говорит взволнованный Алексей Максимович. — Все, что тут было сказано, все, что я знаю (а я с 1928 года присматриваюсь к тому, как ОГПУ перевоспитывает людей), — все это не может не волновать. Великое дело сделано вами, огромнейшее дело!

Встарину разбойники и купцы — а купцы тоже являются разбойниками — пели такую песню:

Смолоду много бито, граблено.—
Под старость надо душá спасать.

И спасали души — давали деньги монастырям, строили церкви, а иногда и больницы.

Вы не старый, вы молодой народ. Бито, граблено вами не так уж много: любой капиталист грабит больше, чем все вы, вместе взятые. А дали вы стране Беломорско-балтийский канал, который, во-первых, имеет огромное экономическое значение, во-вторых, усиливает обороноспособность страны, а, в-третьих, переработав себя в труде, вы дали стране отличных, квалифицированных работников, которые будут заняты на других стройках.

Но кроме всего этого вы подняли настроение доброй сотни литераторов, воочию показали им и себя и то, что вы сделали. Это будет иметь большое значение. Многие литераторы, которые еще колеблются и многого еще не понимают в нашем строительстве, после ознакомления с каналом что-то приобрели, получили зарядку, и это очень хорошо повлияет на их работу. Теперь в литературе появится то настроение, которое двинет ее вперед и поставит ее на уровень наших великих дел.

Вы теперь сделаете канал Волга — Москва, вы проделаете ряд других работ, которые изменят лицо нашей страны, ее географию, и которые изо дня в день будут ее обогащать.

Обо всем этом нашим литераторам нужно написать. Ведь сначала происходит факт, а потом уже появляется художественный образ. А фактов достаточно.

Я чувствую себя счастливым человеком, что дожил до такого момента, когда могу говорить о таких вещах и чувствовать, что это правда.

К тому времени, когда вы будете в моем возрасте, полагаю, не будет классовых врагов, а единственным врагом, против которого будут направлены все усилия людей, будет природа, а вы будете ее владыками. К этому вы идете, и больше тут нечего сказать, но до этого надо свернуть голову капитализму.

Я поздравляю вас с тем, что вы стали. Я поздравляю работников ОГПУ с их удивительной работой, я поздравляю нашу мудрую партию и ее руководителя — железного человека товарища Сталина».

Гром музыки и крики приветствий наполняют стены клуба. Подведены итоги, сказано самое важное, и кажется ничего не смогут сказать следующие ораторы.

Но говорят еще много и долго. Последним выступает Коган:

«Каналоармейцы Беломорстроя, мы сегодня заканчиваем наш последний удивительный слет, посвященный строительству нашего любимого канала.

Я уверен, что этот слет несомненно будет слетом исторя-

Ворота лагеря Москанала

ческим потому, что недалек тот слет, который будет по-настоящему последним в системе лагерей. Недалек тот год, месяц и день, когда вообще не нужны будут исправительные лагеря, все включатся в один поток строительства социализма, и тогда грань перехода будет не от лагерей к работе, а от социализма к коммунизму. К этому нас ведет наша великая партия Ленина и Сталина».

Занавес задернулся.

— Черти драповые, вы сами не знаете, что сделали, — сказал Горький, войдя за кулисы. Чекисты улыбнулись. Они хорошо знали, что сделали. Они сейчас молчали потому, что были озабочены новыми задачами.

Они думали о канале Москва — Волга.

МОСКВА — ВОЛГА

16 июня 1931 года пленум ЦК по докладу тов. Кагановича вынес решение: «Разрешить задачу обводнения Москва-реки путем соединения с верховьями реки Волги».

Московско-волжский канал, создав сквозные кратчайшие водные пути между морями и главнейшими бассейнами страны,

войдет в эксплоатацию в 1936 году и на много лет решит вопрос водоснабжения, откроет пути к невиданному благоустройству и красоте города.

Москва должна быть самым мощным экономически и самым красивым городом мира. Первая столица социалистического пролетариата волей истории оказалась в сердце континентальной страны, на берегу извилистой реки, в средоточии древних волоков — сухопутных дорог для лодок и челнов.

Тридцать семь речек-ручьев омывают московские кварталы, среди них Филька, Таракановка, Капелька, Жабинка, Чортогорый, Синичка, Подон-Чуриха, Лихоборка, Кровянка, Черногрязка, Нищенка. Эти речки, как и Москва-река, как и Яуза, издавна превращены в сточные коллекторы. Они иногда проступают из труб прудами — Синичкиным, Птичьим, Антроповыми ямами, Черными, Постылыми, Чортовыми, наполняют воздух зловоньем, потому что вода в них обновляется только раз в году — весной. В старой Москве было два фонтана: на Лубянке и на Театральной; в новой Москве будут бить сотни фонтанов.

В старой Москве был один канал — Канава у Балчуга; в новой Москве их будут десятки.

Отравленной, грязной водой текут под московскими улицами тридцать семь речек со старыми грязными названиями. Как врага, встречают речки тоннели метро; стремятся затопить работы; двигаются грязными плывунами на подземные войска новой Москвы — на комсомольцев. Прошлое отравило московские речки: они зловонны уже много сот лет. Купеческая Москва забила, забросала, забыла их.

Новой, чистой придет к новой Москве волжско-москворецкая вода.

Мало тратил старый хозяин Москвы, купец, на свой город; была полутораэтажной Москва и полудеревенской; булыжник глушил город пылью и громом весной и летом, громом и грязью — осенью.

Зимой все покрывал снег, чудесный московский снег, от которого хорошели захолустные дворы и кучи хибарок, а Кремль становился архитектурным чудом. Летом хозяин жил в Серебряном бору, в Мамонтовке — на даче в тамбовском имении, в Крыму, за границей, в Трувиле, в Висбадене. Напоказ иностранцам цари построили Петербург с набережной в великокняжеских палатах, с ростральными колоннами у Биржи, со Стрелкой, с чугунным узором оград.

Петербург рос, высасывая экономические соки севера, опустошая север, превращая его в место ссылки. Ленинград расцветает на том, что связан со всей страной, с севером, с Белым морем.

Работники Москанала знают, чего они добиваются

«Порфироносная вдова», Москва купеческая копила деньгу и ходила в затрапезном, бахвалясь тем, что унаследовала от семнадцатого века, говором просвирен и трезвоном сорока сороков, торговала ситцами и сукнами.

Вода для современного города, для его промышленности и быта значит не меньше электроэнергии. Основные производства — металлургия, ткацкое, химия — требуют огромного количества воды. Москва до революции потребляла восемь миллионов ведер ежесуточно, в 1933 году — сорок, в 1936 году будет потреблять сто девяносто пять миллионов ведер. Великие города мира стоят на больших реках, как Лондон на Темзе, Париж на Сене, у моря — как Нью-Йорк, Гамбург, на великих озерах — как Чикаго. Нью-йоркский житель потребляет воды пятьсот с лишком литров в сутки, втрое больше москвича, парижанин — в два с половиной раза. Фонтаны и водоемы украшают Рим и Буэнос-Айрес, Вену и Монтевидео. Вода нужна для гигиены города не меньше, чем для гигиены человеческого тела. Вода — это спорт, вода — это зелень лип и газонов, вода — это чудесные прогулки в окрестности, вода — это озонатор воздуха и победа над пылью.

Рабочий потребляет, если можно так выразиться, свой город огромными кусками: ежедневно ездит он на завод и обратно — его глаз хочет отдыхать на прекрасных архитектурных ансамблях, а тело хочет удовольствия от самого переезда. Сравните трамвай и речной трамвай — и вы поймете разницу передвижения в жаркий, утомительный летний день.

В витринах на улицах Горького выставлены проекты новых домов, общественных зданий, площадей и набережных, прохожие останавливаются, смотрят, оценивают, спорят — это ведь облик Москвы ближайших пятилеток.

По нескольку раз в месяц бюро Московского комитета партии и президиум Моссовета обсуждают, как перепланировать густые и беспорядочные кварталы центра, чем и как облицевать набережные, как архитектурно связать надстройку домов с общими перспективами улиц, как застраивать окраины.

Часто, после заседаний, поздней ночью из ворот серого дома на Большой Дмитровке выезжает несколько автомобилей. В них секретари, члены бюро МК, члены президиума Моссовета, архитекторы, планировщики. В передовой, у руля — Л. М. Каганович. Машины быстро минуют немеркнущий центр и медленно, подолгу останавливаясь, проходят какую-нибудь Домниковку, Матросскую тишину, Миусскую площадь, Баррикадную улицу.

Машины останавливаются у пустырей, у окраинных заборов, у фабричных корпусов. Люди выходят на мостовую. Да, мостовая плоховата, значит здесь в следующую декаду начнут настилать асфальт. Улица узка, а она магистральная в районе; планировщики поскупились — надо шире. Здесь мало света — в небе видно густое дымное зарево над Арбатом, над Охотным рядом, над площадью Свердлова. Райсовет просил сюда побольше фонарей, прожекторов — правильно.

— Москва должна быть самым красивым городом мира, и не только в центре, как капиталистические города, но и здесь, в рабочих районах, — говорит первый секретарь МК. — Проектируйте здесь скверы, цветники, несколько фонтанов. Вон построили новые дома — как скучны фасады. Надо строить шире, щедрее, веселее, чтобы радовало глаз.

Райкомовцы, архитекторы, планировщики заносят в блокноты: «Фонтаны. Скверы. Фасады скучны». Машины уходят дальше. Яуза. Устьинский мост. Зарядье.

— Клоака, — говорят в передовом автомобиле. — Клоака у самой Красной площади. Семнадцатый век.

Возникает мысль снести все эти обветшалые лабазы, превратить Зарядье в несколько террас зелени — зелень, вода, гладь Москва-реки, кремлевские и китайгородские стены — это будет одно из самых прекрасных мест в самой красивой столице мира.

Машины идут дальше, по Ильинке, через Третьяковский проезд на Неглинную, на Цветной бульвар.

Здесь в подземной трубе протекает хилая Неглинка.

И решено: освободить обводненную Неглинку из трубы и ее освеженными водами украсить широкий бульвар.

Машины идут к Петровскому парку.

— Мало воды на севере города, — говорят в автомобилях. — Пустим магистральный канал от Химок параллельно Ленинградскому шоссе.

И снова в блокнот записывают: «Канал у Ленинградского шоссе».

«Мы должны любить каждый уголок, каждую веточку своего города». Этим лозунгом тов. Каганович отлил в точное слово чувство трудящихся к своей столице.

Дворец советов должен отражаться в полноводной реке так же, как дворцы комсомола, техники, труда, радиодом, великолепные новые дома на Берсеневской, Раушской и прочих набережных, — это удваивает архитектурный эффект зданий. Комбинат «Правды» строится на плоской равнине Ямского поля, среди трухлявых коттеджей и серых заборов. Он будет построен, и мимо него потечет великолепный магистральный канал для внутригородского водного транспорта. Пусть воды каналов расширяют наши улицы, создают архитектурные пейзажи невиданной красоты.

Каналы пройдут по Камер-Коллежскому валу, около Ленинградского шоссе, у фабрики «Богатырь», по Садовой, в районах Петровского-Разумовского, Бутырского хутора, Останкина. Реки выступят из труб в районе Пресни, Александровского сада, на участках Бульварного кольца. Вода раскроется в разных местах в ряде проточных прудов, водных лент, каскадов, перепадов. Неглинка украсит парк ЦДКА, Екатерининский парк, Цветной бульвар и, пройдя по трубе к Александровскому саду, опять раскроется водными лентами и спадет каскадами в Москву реку. Краснопресненская набережная превращается в водяную лестницу, используя рельеф склона. Сто пятьдесят гектаров водного зеркала в Москве удесятерятся. Застойные ямы — Чортовы, Антроповы, Синичкины, где опасно купаться, где гибнут мальки рыб, — превращаются в чистые проточные водоемы.

Великие водные дороги скрестятся в Москве. Москва превратится в порт пяти советских морей.

Велика Волга. Больше тысячи городов и деревень стоит на ней. Широка Волга, но хозяйственно это была не одна река, а несколько рек, потому что грузы приходилось перегружать, переваливать с судна на судно. Волга была разделена на куски мелководьем, как Днепр — порогами. Днепрострой срастил переломленный хребет старой реки. План Большой Волги создаст единую реку с одинаковой глубиной почти по всему протяжению. Обновленные реки пересекутся в Москве. Это будут новые реки — водные пути, сращенные, подпертые энергетическими станциями.

Москва будет столицей пятиморья: пять морей станут, связавшись через реки, частями одной системы. В третьей пятилетке из Москвы можно будет проехать в Балтийское, Белое, Каспийское и Черное моря, в Кольский залив Ледовитого океана, добраться до бассейна Северной Двины, Днепра, Оби, ни разу не сходя с парохода. А это значит — дешевые фрахты для соли, гранита, нефти, ржи, апатитов, пшеницы, леса — для всего

тяжелого, громоздкого, объемного сырья, топлива и пищевых продуктов.

Пролетариат хочет хозяйствовать расчетливо и дальновидно. Американские миллиардеры убили такую водную артерию, как Миссисипи, понастроив параллельно могучей реке железные дороги, — пролетариат не повторит подобной ошибки. Для него транспортная проблема, как и проблема озеленения площадей, мировой канал и уличный фонтан, величайший завод и кубатура жилого дома, первоклассный метрополитен и автокачка стоят в одном и том же ряду, на пути к наиболее разумному использованию благ природы.

Социалистический план воспитывает в нас чувство гармонического развития всех отраслей хозяйства, требовательное, щепетильное чувство. Оно крепко сидит в седом большевике, работнике ЦК, Госплана, РКИ и растет вместе с ростом личности в пионере, юном натуралисте, который изучает вегетационный период анютиных глазок и душистого табака, что весной будет сажать на заводском дворе «Серпа и молота». Это чувство заставляет болеть о благоустройстве столицы и торопить волжскую воду к московским берегам. Оно говорит: ванна в каждой квартире, душ на самом маленьком предприятии, плавательные бассейны десятками в каждом районе — это удесятеренная работоспособность, это бодрость, это радость жизни, это приближение городского существования к гигиене морского поселка.

Ванна и рабочий душ, и каскады Парка культуры, и свежие проточные пруды, и воды морского порта в сердце континента смывают с людей и городов грязь и некультурность старого мира.

Таков великий план обводнения Москвы. Москва преодолевает свой старый облик «большой деревни», большого уездного города, в наши дни хорошеет, превращается в европейскую столицу — ровные дома, асфальтированные проспекты. Но и этот облик временный. Москва будет преодолевать свое сходство с капиталистическим городом. Воды и зелень придадут ей вид города-парка. Липы, тополя, кедры, пинии, мичуринские гибридные деревья, плодовые сады по теперешним загородным шоссе, самый рост города, когда будут включаться все новые зеленые массивы, — все это изменит Москву.

С ростом бывшие уездные города Московской губернии превращаются в города-сателлиты, города-спутники, и столица поглотит их: Ногинск и Орехово-Зуево, Дмитров и Пушкино, Подольск и Коломну, Каширу и Серпухов. Это кольцо будет омываться Окой, его пересекут Пахра и Гжелка, Сосна и Талица, канал будет включен в границы города, озеро Сенеж будет внутренним прудом.

Огромные полевые ветры будут овевать массивы зелени: Лосиный остров и Малаховский парк. То, что сейчас называется планом Большой Москвы, станет только центром города ею не отличишь от окраин. И будут к великому городу подступать индустриализованные совхозы, колхозы, перерабатывающие свое сырье, фабрики, светлые большие дома, асфальтовые и клинкерные шоссе красивее наших улиц, плодовые сады пышнее наших парков; поля — как воздушные зоны города.

И над этим просторным поселением здоровых людей, чистых, просторных, красивых домов, бесшумных, бездымных, беспыльных машин будет весело звенеть жаворонок, как он звенит над гречневым полем, и пчелы будут спокойно летать за медом на Яузский бульвар — и люди скажут: «Вот и стирается разница между городом и деревней. Мы на подступах к эпохе коммунизма».

Наше последнее слово в книге — о тов. Сталине. Под его руководством труд в нашей стране стал действительно делом чести, делом славы, делом доблести и геройства. Тов. Сталин поднял над всей страной как знамя это новое отношение к труду, превратившее труд из постылого средства к существованию в радостное содержание счастливой жизни.

В 1926 году тов. Сталин впервые поставил перед Ф. Э. Дзержинским вопрос о работе с беспризорниками и преступниками.

Тов. Сталин был инициатором трудкоммун ГПУ и всей лагерной исправительно-трудовой политики.

Тов. Сталин выдвинул идею создания Беломорско-балтийского канала силами заключенных.

Заключенный! Мы еще связываем с этим словом мысли о каменных мешках одиночных камер, о решетках, отделяющих человека от мира навсегда, о страшных островах каторги, где смерть так же неизбежна, как под фашистским топором или на электрическом стуле. Но это за рубежом.

У нас каторжников нет.

Есть классовые враги, которых мы лишили возможности вредить нашему делу, но которых мы не считаем безнадежно погибшими. Они совершили преступления, но не месть руководит пролетариатом, когда он изолирует их от общества. Не мрачная фальсификация правосудия в париках и мантиях, не наручники и кандалы, а слово обнаженной правды и суровый, но полезный труд — вот с чем обращается рабочий класс к своему врагу. Он показывает и доказывает преступнику, что погибло не его существование, а дело его класса, что для того, чтобы жить, он обязан стать другим, и что этого можно достигнуть, перековываясь в труде на пользу всей страны. Мы ломаем врага силой и правдой нового мира.

Пусть он вор, — мы разъясняем ему, что жулик и богатый — две стороны одной медали (Ленин), что богатых эксплоататоров у нас нет, а жуликов не будет.

Пусть он расхититель общественной собственности, — мы приводим его к пониманию того, что общественная собственность строителей социализма священна и неприкосновенна.

Пусть он даже вредитель, — мы ставим его в такие условия, когда он на практике убеждается, что его знания и опыт могут найти и находят себе высшее и наиболее достойное применение именно у нас в стране, строящей социализм.

Впереди еще годы классовой борьбы, жесткие схватки с остатками капитализма, суровые столкновения со всеми врагами мировой пролетарской революции — но наше ГПУ не только острый меч пролетарской диктатуры, но и школа социалистического перевоспитания десятков тысяч враждебных нам людей.

Практика Беломорстроя — одно из свидетельств того, что мы вступили в эпоху построения бесклассового общества.

Социалистическое соревнование и ударничество превратили дни пятилетки в героический субботник. И даже труд заключенных в социалистической стране стал трудом осмысленным, разрешающим государственной важности задачи, открывающим перспективы жизни по-новому, возвращающим или впервые включающим лагерников в ряды граждан социалистических советских республик.

В единственной на земном шаре стране свободного труда — труд заключенных стал источником самоотверженной и часто энтузиастической работы, вторично родившей десятки тысяч людей. Инициатором этой перековки был тов. Сталин. Под его руководством эта смелая идея была осуществлена чекистами. И Беломорско-балтийский канал назван великим именем Сталина, гениального теоретика и практика большевизма, первого мастера социалистического строительства, рулевого мировой пролетарской революции!

*

ГЛАВА

15

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Глава пятнадцатая

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Совет народных комиссаров Союза ССР, заслушав доклад председателя Правительственной комиссии по приемке Беломорско-балтийского водного пути тов. К. М. Лепина, ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Сооружение Беломорско-балтийского водного пути, предпринятое по инициативе тов. Сталина и открывающее широкие перспективы для дальнейшего экономического и культурного подъема советской Карелии и всего севера СССР,— считать законченным. Создание такого мощного транспортного пути общим протяжением с подходными каналами в 227 километров от Онежского озера до Белого моря, с расположением на нем комплекса сложных гидротехнических сооружений общим числом 128, из коих: шлюзов — 19, плотин — 15, водоспусков — 12, дамб — 49 и искусственных каналов — 33, обеспечивает установление непосредственной водной связи между Балтийским морем и советским севером и дает возможность немедленного приступа к широкой эксплоатации лесных, минерально-рудных, рыбных и прочих природных богатств этого края.

2. Отметить, что сооружение Беломорско-балтийского водного пути с общим объемом строительных работ земляных и скальных — 21 миллион кубометров, бетонных — 390 тысяч кубометров и ряжевых 921 тысяча кубометров выполнено Беломорстроем под руководством ОГПУ силами осужденных на разные сроки уголовных в исключительно трудных геологических и гидрологических условиях в рекордно-короткий в практике гидро-технического строительства срок — 20 месяцев.

Вместе с тем СНК СССР отмечает четкую и образцовую организацию труда и производства, настойчивую инициативу руководителей

строительства в области выбора и широкого внедрения новых стандартных и совершенных инженерных конструкций и максимальное использование при постройке канала местных строительных материалов, с одновременным достижением высокого качества строительных работ и безупречного их внешнего оформления.

Отметить также, что в процессе строительства Беломорско-балтийского водного пути, на основе правильного проведения исправительно-трудовой политики советской власти, Главное управление исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ провело большую политико-воспитательную работу среди заключенных, получивших трудовые навыки и квалификацию и в целом ряде случаев хорошо проявивших себя в работе на строительстве.

В соответствии с этим возбудить перед Центральным исполнительным комитетом Союза советских социалистических республик ходатайство о награждении наиболее заслуженных и отличившихся работников, инженеров и руководителей Беломорстроя.

3. Работу Правительственной комиссии по приемке Беломорско-балтийского водного пути одобрить и считать законченной.

Генеральный акт приемки Беломорско-балтийского водного пути опубликовать.

4. Принять Беломорско-балтийский водный путь в эксплоатацию с присвоением ему наименования „Беломорско-балтийский канал имени тов. Сталина" и считать его открытым для плавания судов озерно-морского типа.

Зачислить Беломорско-балтийский канал имени тов. Сталина в число действующих внутренних водных путей СССР.

Председатель Совета народных комиссаров
Союза ССР В. МОЛОТОВ (СКРЯБИН)

Управляющий делами Совета народных комиссаров
Союза ССР И. МИРОШНИКОВ

Москва, Кремль,
2 августа 1933 г.

Эта книга имеет право требовать от читателя и критики внимания к ней более серьезного и глубокого, чем ко всякой другой книге, — в том числе и из написанных искуснее этой. Такого повышенного отношения требует ее «материал» — материал совершенно исключительного социально-революционного и философского смысла. В этой книге рассказывается об одной из побед коллективно организованного разума под разнообразными и мощными сопротивлениями физической и социальной природы. Победы такого рода становятся обычными в стране диктатуры пролетариата, в стране, где эта форма правления все более наглядно и убедительно обнаруживает свою культурную мощь на быстроте роста ценнейшей из всех энергий природы — на росте энергии человеческого разума, выработанной органической жизнью, организованной трудовыми процессами.

Но победа, о которой здесь идет речь, значительно выделяется из ряда обычных. Смысл ее не только в том, что Беломорско-балтийский водный путь, изменив к лучшему физическую географию нашей страны, усилил ее обороноспособность и отлично послужит развитию ее хозяйства, — вместе с этим книга рассказывает о победе небольшой группы людей, дисциплинированных идеей коммунизма, над десятками тысяч социально-вредных единиц.

Человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл. Изуродованное тлетворными влияниями разнузданного, больного капиталистического общества, оно подавляет рост своего разума — или что то же — «духа» — зоологической силе инстинктов и особенно легко — инстинкту собственности — возбудителю хищничества, паразитизма и всей прочей скверны. Мы видим, что в капиталистическом обществе инстинкт этот, уже не прикрываясь словесной мишурой «гуманизма», обнажил всю свою мерзость, что мир капитализма неизлечимо, смертельно болен и что фашизм — последняя судорога двуногих животных, которые задыхаются в тесноте, созданной ими.

Эта книга рассказывает, как лечили и вылечили социально-больных; как врагов пролетариата перевоспитали в сотрудников и соратников его. Тема — огромной и глубочайшей значительности.

Тема — рассказана, но еще не везде изображена с той силой художественной убедительности, которой она законно требует. Если критика скажет, что социально-воспитательный смысл этой темы — не исчерпан, критика скажет правду. Однако эта правда не должна опечалить кого-либо.

Недостатки этой книги объясняются спешностью, с которой сделал ее коллектив наших молодых писателей, необычной новизной приема работы над нею и, главное, отмеченной уже ответственностью и трудностью материала.

К недостаткам книги вероятно будет причислен и тот факт, что в ней слишком мало сказано о работе 37 чекистов и о Генрихе Ягода. Но этот недостаток допущен не по вине авторов — он объясняется скромностью тех людей, которых враги Союза советов изображают «исчадиями ада» и «порождениями сатаны». Лично я думаю, что чрезмерная скромность эта — неуместна и даже — может иногда вести к недостаточно ясному пониманию глубокой важности той работы, которую так удивительно успешно ведет Государственное политическое управление по линии преобразования различных правонарушителей и вредителей в полезных, отлично квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже — более чем сотрудников. Знание приемов этой работы потребно конечно не для того, чтоб прекратить волчий вой и свинячье хрюканье защитников рабовладельческого, капиталистического строя. Приемы, успехи и культурно-политический смысл работы ГПУ должны быть широко

известны гражданам Союза советов. Смысл этой работы не только в том, что 37 человек успешно командовали десятками тысяч анархизированных прошлым, разноязычных, разноплеменных людей, а в силе простой и великой правды, государственного социалистически полезного труда — в силе, проводниками которой в массу каналоармейцев служили 37. Социальное значение книги заключено в том, что она — первый и удачный опыт коллективной работы авторов, крайне разнообразных по своим индивидуальным дарованиям. И, оценивая книгу, критика должна обратить внимание и на этот ее смысл.

История литературы знает несколько фактов литературного сотрудничества: Эркман и Шатриан, братья Гонкуры, Маргериты, Таро и другие — все факты невысокого значения, не превышающие фактов единоличного творчества. Здесь необходимо вспомнить, что за мастером литературы утверждается право индивидуальной деятельности и признано, что индивидуализм — неизбежное условие работы художников. Разумеется, я не собираюсь оспаривать это право, но мне кажется, что у меня хороший повод сказать товарищам читателям, литераторам и критикам несколько слов об условиях литературной работы в прошлом.

Известно, что я — так же как очень многие из современной молодежи — начал работать в литературе, будучи не очень грамотным человеком. Прошло несколько лет, прежде чем я убедился, что, кроме литературы, на другую работу не способен и что литература — мое любимое дело, моя социальная обязанность. С этого момента наступают весьма тяжелые дни и ночи, когда я начал испытывать «муки слова», понимать неуклюжесть и разнузданность моего языка, испытывать отчаяние немого, который понимает, как и что надо сказать, но не может говорить просто, ясно, не в силах обработать тяжелую руду житейского опыта, четкие точные формы. У меня и теперь нередко бывают тяжкие часы, дни мучительного ощущения технического моего бессилия, беспомощности. Как всякому честному литератору, как многим из вас, товарищи, эти испытания и пытки даны на всю жизнь.

За десятки лет моей работы мне часто приходилось обращаться к собратьям по работе более молодым, чем я, за советом, за критикой, за честным словом товарища, который был бы заинтересован в успехе моей общественной работы, так же как заинтересован в ней сам я. Я не помню случая, когда бы мне была оказана существенная помощь. Но несколько раз бывало так, что в глаза хвалили, а за глаза — говорили: кончен, исписался! Не хочется рассказывать о фактах и лицах, я не злопамятен. Но скажу, что уродливый собственнический инстинкт как-то особенно отталкивающе выявляется в среде литераторов. «Общественные деятели» вели себя в литературе, как цыгане на ярмарке. И реже всего в старой литературе наблюдались случаи крепкой дружбы литераторов, чаще всего ревность к «славе», зависть к «успехам». Классический случай Гончарова — Тургенева говорит нам, до какой маниакальной степени понижались эти «ревности» и «зависти»! От одного из крупных литераторов прошлого я слышал такую — приблизительно — речь: «Вот, знаете, написал я, а что вышло — не понимаю! Спросить — некого, Толстому рукопись не понесешь. Икс — правду не скажет, Игрек — чужих рассказов не любит, Зет — обязательно похвалит и будет ждать, чтобы я его тоже хвалил, а он и не литератор, а барышня, обиженная, что ее не любят. А — как ее любить? От нее кислым потом воняет».

Будущий, беспристрастный обличитель всех грехов и ошибок покажет: преувеличиваю я или недооцениваю, что группа авторов, крайне разнообразных по характеру своих дарований, по языку и настроению, нашли возможным объединиться для работы над материалом этой книги, действительно и самозабвенно объединились и внесли в историю советской литературы факт исключительного своеобразия. Они работали, не щадя самолюбий друг друга, взаимно подвергая свои рукописи беспощадной, строго деловой критике, не считаясь с тем, что вот это «мой» материал, искренно разрешая сокращать, всячески править его, иногда оставляя с полутысячи строк только полсотни. Иногда один и тот же отрывок последовательно обрабатывался несколькими писателями, авторы по указаниям коллектива многое не раз переписывали заново — в результате трудно оценить: что же от одного и что от остальных. Коллектив — подлинный автор всей книги. Это была по-настоящему товарищеская, горячая, веселая работа, и тот факт, что она сделана — для первого опыта — не плохо, внушает лично мне весьма большие надежды.

Работа эта указывает путь, идя которым, наша юная литература быстро уничтожит все еще не уничтоженные, скрыто существующие групповые трения. Я имею в виду трения, в основе коих действует мелкое стремленьишко мещанского индивидуализма властвовать и командовать. Отнюдь не отрицаю законную неизбежность и «творческих» разноречий, которые только способствуют росту индивидуальности литератора, изощряют его технику, расширяют идеологическую грамотность.

Впервые в нашей стране, где люди неустанно, энергично и все более коллективно куют свое социалистическое счастье, — группа литераторов так организованно и на живом литературном деле встала плечо в плечо с действительностью. Совершенно естественно, что этот факт настраивает на высокий тон.

Было бы несправедливо умолчать о замечательно дружной и горячей помощи делу создания этой книги со стороны руко-

водства, товарищей рабочих типо-литографии им. В. В. Воровского и со стороны наших корректоров, работавших без выходных дней с утра до ночи, а часто и ночью. Эта прекрасно организованная помощь должна быть отмечена как образец тесного сотрудничества товарищей полиграфов с литераторами, как «пример, достойный подражания». В передовой статье типографской газеты «Ударник» напечатано:

«На нашу долю выпала огромная честь — это технически завершить книгу о Беломорско-балтийском канале им. Сталина, книгу о замечательном сооружении первой пятилетки, носящем имя его инициатора, любимого вождя трудящихся всего мира, книгу о славной работе ОГПУ и 37 чекистов, которые во главе с непосредственным руководителем стройки тов. Г. Г. Ягода, воспитанные могучей партией Ленина и Сталина, создали все эти «чудеса», книгу, написанную коллективом 35 лучших советских писателей, готовящих эту замечательную книгу наших побед в подарок XVII партсъезду.

Долг нашего ударного коллектива сделать эту книгу лучшей из лучших по качеству европейских образцов печатного искусства. Основное — сделать эту книгу качественно достойной фигурировать на съезде партии — и в срок. Сделать ее достойной 35 лучших ее творцов, что даст нам одновременно возможность демонстрировать достижения нашего ударного коллектива на фронте качества.

Сквозной бригады, организованной из 60 лучших квалифицированных мастеров, выделенных для работы этой книги, — мало. В это дело должны включиться все, начиная от директора и начальников цехов, кончая высококвалифицированными рабочими, от секретарей партъячеек до уборщиц. Ибо только тесным коллективом, дружно спаянной ударной семьей добьемся нужных успехов».

Всей своей работой товарищи рабочие стремились выполнить взятое ими на себя обязательство.

Эта помощь возбуждает надежду, что за время второй пятилетки весь наш многомиллионный коллектив строителей культуры бесклассового общества поймет, почувствует сердцем и умом каждой единицы, что все мы делаем одно и то же величайшее, мировое дело, в котором не может быть места мелколичным, своекорыстным, мещанским групповым интересам, почувствует, что все обязаны искренно, радостно помогать друг другу, постепенно сливаясь в одну, непоборимую, творческую силу.

Вероятно — влияние этого факта прежде всего отразится на работе фаб-заводских кружков по истории фабрик и заводов.

Я думаю, что авторы этой книги должны не только сохранить, но еще расширить коллектив свой включением в него начинающих литераторов и взяться за работу по истории строительства канала Волга—Москва или столичного метрополитена. Работы такого объема и значения в нашей стране — много: в Колхиде и в Сибири, на Волге и в Закавказье, на берегах Аральского моря и в Карелии — всюду пролетариат-хозяин, руководимый его партией, его вождем, выявляет свою неиссякаемую силу, свой культурно-революционный рост.

И во все потоки этой творческой энергии пролетариата-диктатора должны войти группы живописцев словами для того, чтобы осветить, раскрасить эту небывалую, сказочную деятельность масс, обогатить себя опытом, развить свои таланты художников слова, повысить уровень своей культуры — войти в жизнь отрядами друзей, способных взаимно учить друг друга, влюбленных в коллективную, веселую работу. Познавая свою страну, свой народ, мы познаем свою силу. Талантливые и гениальные люди — не более как организаторы опыта, и чем шире опыт — тем крупнее человек.

*

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Авторским коллективом книги использован следующий документальный материал:

1. Постановления правительства о постройке Беломорско-балтийского водного пути, об открытии канала им. Сталина, о награждении строителей канала им. Сталина, о льготах для ударников Беломорстроя, о строительстве канала Москва—Волга, о Беломорско-балтийском комбинате и др.
2. План водного хозяйства СССР (материалы Госплана, строек и др.).
3. Приказы зампреда ОГПУ по Беломорстрою.
4. Приказы начальника ГУЛАГа тов. Бермана по Беломорстрою.
5. Приказы замнач ГУЛАГа и начальника Белбалтлага тов. Фирина.
6. Приказы начальника Беломорстроя тов. Когана.
7. Приказы начальника работ тов. Френкеля.
8. Переписка зампреда ОГПУ с руководством Беломорстроя.
9. Переписка ГУЛАГа с руководством Белбалтлага.
10. Проекты Беломорско-балтийского канала и его основных сооружений, а также заключения по этим проектам.
11. Комплект газеты «Перековка».
12. Комплект газеты «Перековка на трассе».
13. Бюллетень ИТР Беломорстроя «За качество».
14. Комплекты стенгазет отделений лагпунктов.
15. Лозунги и плакаты.
16. Диаграммы, сравнительные таблицы, сводки профтехкурсов, ликбеза и КВЧ.
17. Репертуар агитбригад.
18. Дела заключенных (обвинительные заключения, следственный материал, показания, приговоры Коллегии ОГПУ).
19. Сотни автобиографий заключенных.
20. Десятки историй трудколлективов и сводных фаланг
21. Стенограммы бесед писателей с инженерами-проектировщиками и инженерами-строителями.
22. Стенограммы бесед писателей с чекистами, руководителями Беломорстроя.
23. Стенограммы бесед писателей с заключенными.
24. Стенограммы выступлений ударников Беломорстроя на Дмитровском слете.
25. Стенограммы бесед писателей с бывшими заключенными, работающими в качестве вольнонаемных на новостройках Союза.
26. Тысячи писем заключенных.
27. Материалы Белбалткомбината.
28. Печатная литература и архивные материалы по проектированию Беломорско-балтийского канала до революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. **Правда социализма**
   М. Горький — 11
2. **Страна и ее враги**
   Г. Гаузнер, Б. Лапин, Л. Славин — 23
3. **ГПУ, инженеры, проект**
   С. Буданцев, Н. Дмитриев, М. Козаков, Г. Корабельников, Д. Мирский, В. Перцов, Я. Рыкачев, В. Шкловский — 67
4. **Заключенные**
   К. Горбунов, Вс. Иванов, Вера Инбер, З. Хацревин, В. Шкловский — 133
5. **Чекисты**
   С. Алымов, А. Берзинь, Вс. Иванов, В. Катаев, Г. Корабельников, Л. Никулин, Я. Рыкачев, В. Шкловский — 155
6. **Люди меняют профессию**
   А. Берзинь, Е. Габрилович, Н. Дмитриев, А. Лебеденко, З. Хацревин, В. Шкловский — 231
7. **Каналоармейцы**
   С. Алымов, А. Берзинь, С. Буданцев, С. Диковский, Н. Дмитриев, М. Козаков, Я. Рыкачев, В. Шкловский — 281
8. **Темпы и качество**
   Б. Агапов, С. Буданцев, Н. Гарнич, Н. Дмитриев, Вера Инбер, Я. Рыкачев, В. Шкловский, Н. Юргин — 319
9. **Добить классового врага**
   Б. Агапов, К. Зелинский, Вс. Иванов, Вера Инбер, З. Хацревин, Бруно Ясенский — 363
10. **Штурм Водораздела**
    С. Алымов, К. Горбунов, Н. Дмитриев, Вс. Иванов, Я. Рыкачев, В. Шкловский — 407
11. **Весна проверяет канал**
    Б. Агапов, С. Алымов, А. Берзинь, Н. Гарнич, С. Диковский, Н. Дмитриев, Вс. Иванов, Вера Инбер, Л. Никулин, В. Шкловский, А. Эрлих — 457
12. **История одной перековки**
    М. Зощенко — 493
13. **Имени Сталина**
    С. Булатов, С. Гехт, Вс. Иванов, Я. Рыкачев, А. Толстой, В. Шкловский — 527
14. **Товарищи**
    Л. Авербах, С. Буданцев, Г. Гаузнер, Вера Инбер, Б. Лапин, Л. Славин, К. Финн, Н. Юргин — 563
15. **Первый опыт**
    М. Горький — 607

Краткая библиография — 614

★

Отв. редактор — Л. АВЕРБАХ

Техн. редактора — Л. ЮРКЕВИЧ, В. ГОЛУБКОВ

Подбор иллюстраций и худ.-техническое оформление производились бригадой под руководством А. ТИХОНОВА

Состав бригады: М. Бабенчиков, Ж. Гаузнер, Н. Дмитриев, Н. Ильин, А. Лемберг, А. Родченко, А. Тихонов, Я. Янош

Супер-обложка, переплет, титульные листы — Н. Ильина

★

Настоящее издание отпечатано на ротационной машине с матриц в типографии „Искра революции" Мособлполиграфа, Филипповский пер., 13. Переплетные работы выполнены 1-й Образцовой типографией треста „Полиграфкнига", Валовая, 28. Гла лит Б—31537. Тир ж 80 000 экз. Сдано в производство и подписано к печати 13/IX—34 г. Формат 62×94. 38 ½ печатных листа. 46 500 зн. в печатном листе. 44 ½ авторских листа. Заказ № 1072.